4(071

V/ 06
247

Ч
Т-56

ОБЩЕЕ
ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ

ПРОФ. 1955 г.

А. И. Томсона

орд. профессора сравнительнаго языкоѣдѣнія и санскрита
Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Второе переработанное и дополненное изданіе

со многими рисунками въ текстѣ.

4989

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Успенская 56.
1910.

ОБЩЕЕ
ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ

А. И. Томсона

орд. профессора сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита
Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Инв 4989

Второе переработанное и дополненное изданіе

со многими рисунками въ текстѣ.

I-1047

Вішебскі Рэлігійны
Інстытут імя С. Ж. Кірава

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“, Успенская 56.
1910.

Предисловіе ко второму изданію.

Первое изданіе этой книги разошлось очень быстро. Это объясняется отчасти тѣмъ, что и въ иностранной литературѣ нѣтъ руководства или учебника, который вкратцѣ обнималъ бы всѣ стороны современнаго языковѣдѣнія.

Книга эта выросла постепенно изъ моихъ лекцій по общему языковѣдѣнію (введенію въ языковѣдѣніе). Но уже въ первомъ печатномъ изданіи пришлось сдѣлать разныя измѣненія для достиженія возможной доступности и полноты рядомъ съ строгой научностью и точностью и сжатостью изложенія.

Стремленіемъ къ доступности объясняется внесеніе въ подходящемъ видѣ нужныхъ элементарныхъ свѣдѣній по физической и физіологической акустикѣ, помимо обычныхъ свѣдѣній по физіологіи рѣчи. Вообще я стремился къ возможной сжатости изложенія. Но при изложеніи сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ историческаго измѣненія языка приходилось на основаніи опыта держаться болѣе широкаго и обстоятельнаго изложенія, для предупрежденія невѣрнаго пониманія,

Требованія полноты, предъявляемыя къ такой книгѣ, по моему троякаго рода. Прежде всего они чисто научныя. Общее языковѣдѣніе, какъ общее философское ученіе о языкѣ, является конечной цѣлью и завершеніемъ всего научнаго изученія языка, между прочимъ историческаго. Чтобы представить добытое наукою пониманіе природы языка въ надлежащемъ свѣтѣ, требуется извѣстная полнота и всесторонность.

Съ другой стороны, въ виду особыхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ теоретическомъ изученіи языка (см. стр. 10), общее языковѣдѣніе служитъ научной подготовкой къ научному изученію конкретныхъ языковъ. Это изученіе можетъ быть не только историческимъ, но и изученіемъ живого языка. Послѣднее не менѣе важно, чѣмъ историческое изученіе : именно лучшему ознакомленію съ живымъ языкомъ лингвистика обязана своими новѣй-

шими успѣхами между прочимъ въ пониманіи исторической жизни языковъ (см. стр. 22). Это пропедевтическое назначеніе общаго языковѣдѣнія, по которому ему даютъ иногда одностороннее названіе «введеніе въ языковѣдѣніе», требуетъ съ своей стороны извѣстной полноты и даже нѣкоторыхъ подробностей, особенно при ознакомленіи съ психическими процессами языка и съ звуковой стороной его, раскрываемой нынѣ съ большой точностью посредствомъ усовершенствованныхъ объективныхъ методовъ.

Наконецъ, языковѣдѣніе имѣетъ и широкое прикладное значеніе (см. гл. XIII, XIV). Для удовлетворенія запросовъ разнообразныхъ соприкасающихся областей потребовалась соотвѣтствующая полнота въ разныхъ частяхъ книги.

Научный учебникъ долженъ содержать прежде всего твердо установленныя общепринятыя истины въ возможно объективномъ изложеніи. Составить такую компиляцію по общему языковѣдѣнію въ настоящее время еще не возможно. Разные отдѣлы и отдѣльные вопросы разрабатывались разновременно разными учеными, во взглядахъ которыхъ существовали нерѣдко принципіальныя разногласія. Изъ сводки такихъ взглядовъ и выводовъ, получившихъ разнородное освѣщеніе, нельзя составить цѣлаго. При свѣтѣ новѣйшей психологіи и фонетики многое получаетъ другое освѣщеніе и укладывается въ другія научныя построенія. Кромѣ того при систематическомъ изложеніи по намѣченному плану встрѣчались пробѣлы въ наукѣ, которые приходилось пополнять результатами собственныхъ наблюденій, опытовъ и изслѣдованій, нарочно предпринятыхъ съ этой цѣлью.

Поневолѣ поэтому такой компендіумъ получаетъ отчасти субъективный характеръ и заставляетъ глазами автора смотрѣть на языкъ и его процессы. Указанія на эти различія во взглядахъ въ учебникѣ языковѣдѣнія совершенно немыслимы. Они запутали бы начинающаго. Безъ того необходимо прилагать всѣ старанія, чтобы читатель могъ вынести ясное представленіе о сложныхъ и запутанныхъ процессахъ языка.

Изъ изложеннаго становится понятнымъ, почему содержаніе этой книги и способъ разсмотрѣнія фактовъ языка покажутся отчасти необычными, несмотря на то, что я принципіально избѣгалъ всякихъ ненужныхъ новшествъ. Лишь шагъ за шагомъ я расширялъ напр. отдѣлы психофизіологіи языка, эксперимен-

тальной фонетики, акустики и пр. по мѣрѣ того, какъ я убѣждался въ научной или практической надобности въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя добываются изученіемъ языка съ точки зрѣнія этихъ дисциплинъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого расширеннаго кругозора было то, что многія явленія языка стали представляться въ другомъ освѣщеніи. Отсюда объясняется напр. иной взглядъ на фонетику, на аналогію и др. Поэтому о содержаніи этой книги нельзя судить перелистываніемъ ея, или выборкою отдѣльныхъ мѣстъ и разсмотрѣніемъ ихъ съ заранѣе принятой точки зрѣнія. Въ ней излагается систематизированный взглядъ на языкъ, сложившійся въ теченіе многихъ лѣтъ конечно прежде всего подъ вліяніемъ существующихъ болѣе или менѣе общепризнанныхъ ученій.

Въ изложеніи соблюдалась методичность, необходимая въ учебникѣ. Въ виду сложности предмета нерѣдко нужно было или дѣлать ссылки на дальнѣйшее, или разбивать естественные отдѣлы и излагать ихъ по мѣрѣ надобности для пониманія послѣдующаго. Для учебника обыкновенно пригоденъ только послѣдній пріемъ. Такимъ образомъ скочки изъ одной области языка въ другую объясняются изъ внутренней органической послѣдовательности въ изложеніи. Отчасти имѣлись въ виду педагогическія соображенія. Удобно напр. начинать изложеніе съ болѣе доступнаго, напр. съ физіологіи рѣчи. Но опытъ показалъ, что этотъ отдѣлъ не возбуждаетъ сочувствія, пока не вызванъ интересъ къ нему какъ къ составной части органическаго цѣлаго Педагогическими соображеніями обусловлено между прочимъ стремленіе, не давать общихъ опредѣленій понятій и терминовъ, пока содержаніе ихъ не усвоено практическимъ путемъ. Предварительныя опредѣленія усваиваются только въ словахъ.

Я держался конечно по возможности установившейся терминологіи. Если въ одинаковомъ значеніи употребляются разные термины, то я по возможности указывалъ на нихъ. Этого требуетъ пропедевтическое назначеніе такой книги. Но не всѣ они одинаково годны. Поэтому болѣе подходящіе термины отмѣчались различіемъ въ шрифтѣ.

Въ частности нужно замѣтить слѣдующее. Въ историческомъ очеркѣ науки языковѣдѣнія указаны лишь главные моменты въ развитіи нашей науки для общаго пониманія современнаго состоянія ея по сравненію съ прошлымъ и для оріентированія

среди существующей лингвистической литературы. Взамѣнъ этого разработаны подробнѣе вопросы объ отдѣлахъ языковѣдѣнія, объ отношеніяхъ ихъ къ другимъ наукамъ и т. д. Знакомые съ фактической исторіей языковъ обратятся къ спеціальнымъ работамъ по исторіи языковѣдѣнія. А начинающимъ неумѣстно предлагать исторію науки, когда они не имѣютъ фактическихъ свѣдѣній, чтобы дѣйствительно понимать и критически оцѣнивать бывшія направленія и работы. Теперь языковѣдѣніе не находится уже больше въ той стадіи развитія, когда нужно было еще съ самаго начала считаться съ различными господствовавшими въ немъ взглядами и направленіями, какъ лѣтъ 25 тому назадъ. Основные взгляды на языкъ и его изученіе уже установились и общепріняты, и разнообразіе, обычное въ наукѣ, подвигающейся впередъ, не нарушаетъ общаго единства взглядовъ. Поэтому исторія науки въ учебникѣ языковѣдѣнія теперь не болѣе умѣстна, чѣмъ въ учебникахъ психологіи или физики.

Выясненію психическихъ процессовъ языка отведено много мѣста. Но эти свѣдѣнія конечно не могли быть изложены въ видѣ систематической цѣлой психологіи языка, такъ какъ это нарушало бы ходъ систематическаго изложенія съ точки зрѣнія языка. Психологическіе взгляды мои примыкаютъ преимущественно къ физіологической психологіи Вундта, въ отличіе отъ господствующей еще въ лингвистикѣ интеллектуалистической гербартовской психологіи.

По общему плану моей книги библіографическія свѣдѣнія по фактической исторіи отдѣльныхъ языковъ собственно къ ней не относятся. Отдѣльныя ссылки служатъ лишь для иллюстраціи современнаго состоянія разныхъ отдѣловъ. Поэтому только случайно упоминается о работахъ современныхъ лингвистовъ, славистовъ и т. д., кромѣ сочиненій, рекомендуемыхъ для руководства. Эти свѣдѣнія извѣстны читателю, а въ противномъ случаѣ они безполезны безъ компетентнаго руководителя. Во главѣ о классификаціи языковъ болѣе полно разсматриваются только индоевропейскіе языки, такъ какъ доставляемыя ими фактическія данныя служатъ для поясненія излагаемыхъ въ этой книгѣ ученій.

Согласно моимъ основнымъ взглядамъ на фонетику (см. стр. 102, 104, 106, 183, 211 слѣд., и ниже) акустикѣ рѣчи отведено должное мѣсто, физіологія приведена съ нею въ естествен-

ную непосредственную связь, и рядомъ съ обѣими сообщаются нужныя свѣдѣнія по экспериментальной фонетикѣ. Какъ я и ожидалъ, непривычная постановка фонетики въ моей книгѣ вызвала не мало недоумѣнія, такъ какъ въ употребительныхъ учебникахъ фонетики привыкли видѣть только физіологію производства звуковъ рѣчи. Впрочемъ, и эта физіологія, несмотря на небольшой объемъ ея (слишкомъ 50 стр.), изложена у меня сравнительно полно и обстоятельно. Но рядомъ съ нею центральное мѣсто занимаетъ акустика звуковъ рѣчи, и вотъ почему. Главный предметъ научнаго изученія лингвистовъ въ послѣднія десятилѣтія—исторія звуковъ (фонетика). Справьтесь у нихъ, или въ употребительныхъ учебникахъ: что же такое «звукъ *о*»? въ чемъ различіе между нимъ и звукомъ *а*, въ который онъ перешелъ? и пр.—и не получите никакого отвѣта. Или же отвѣтятъ: при производствѣ *а* языкъ въ такомъ-то положеніи, при *о* въ такомъ-то, причемъ отвѣчающій и не замѣтитъ своей подтасовки. Спросите дальше: почему же при *а* языкъ въ такомъ положеніи? почему при мягкихъ согласныхъ палатализація? и пр., и ждите только одного отвѣта, что это къ языковѣдѣнію не относится. Между тѣмъ всячески подчеркивается, что изучаются именно звуки, а напр. не буквы. А если эти звуки *а*, *о* производятся фонографомъ, гдѣ же тутъ укладки языка? Но вѣдь каждый ребенокъ получаетъ только звуки рѣчи и по нимъ находитъ самъ положенія органовъ рѣчи, которыми они производятся; и эти движенія у всѣхъ почти одинаковы. Значитъ, ухо анализируетъ звуки, и составомъ ихъ обусловливается укладка органовъ рѣчи для каждаго. Какъ же можно понимать самое существованіе языка, возможность передачи его, не вникая прежде всего въ эти вопросы? Очевидно, нужно быть очень ослѣпленнымъ рутиной, чтобы не видѣть, что такая постановка фонетики столь же научна, какъ домашній лѣчебникъ и домострой (что такое яблоко?—яблоко растетъ на яблонѣ!).

Вотъ мой отвѣтъ тѣмъ, которые выражали недоумѣніе или даже протесты противъ акустики, характерныхъ тоновъ, высоты шумовъ и пр. въ моей фонетикѣ. Не такъ давно съ трудомъ отвыкали отъ смѣшенія звуковъ съ буквами. Не пора ли отвыкать и отъ смѣшенія звуковъ съ укладками органовъ рѣчи?

Подобныя соображенія заставили меня взяться за изученіе акустики звуковъ рѣчи, физическихъ условій возникновенія ихъ

въ органахъ рѣчи и способа воздѣйствія ихъ на слухъ. Дополняя извѣстное въ наукѣ собственными изысканіями, мнѣ удалось обставить свою фонетику до нѣкоторой степени научно, болѣе научно, чѣмъ она представлена въ существующихъ учебникахъ, и выяснить отчасти звуки русскаго языка. Нужно было конечно помѣстить въ учебникѣ и описаніе функцій уха, которыя составляютъ такую же составную часть языка, какъ и функціи органовъ рѣчи. Нужно понимать, какимъ образомъ ухо различаетъ звуки рѣчи, чтобы понимать, какъ и въ какомъ видѣ эти звуки становятся психическимъ достояніемъ, слуховыми представленіями языка. Этими представленіями обусловлены и движенія органовъ рѣчи. Они же носители языка, передающіе его новымъ поколѣніямъ. Игнорированіе акустики привело къ ошибочному одностороннему объясненію многихъ фонетическихъ измѣненій языка. Мотивированныя указанія сдѣланы мною въ Indogerm. Forsch. XXIV 2—9 «Die Eigentöne der Sprachlaute und ihre praktische Verwendung».

Въ естественныхъ наукахъ уже давно вмѣсто примитивныхъ наблюденій примѣняются объективные методы изслѣдованія посредствомъ точныхъ регистрирующихъ и измѣрительныхъ приборовъ. Кривыя біенія сердца обнаруживаютъ современному физіологу и психологу многое, о чемъ щупавшіе пульсъ не имѣли понятія. Эти способы изслѣдованія, употребительные во всѣхъ родственныхъ наукахъ, должны были проникнуть конечно и въ фонетику. При помощи частію сложныхъ аппаратовъ экспериментальной фонетики добываются уже во всѣхъ странахъ свѣта такія объективныя, точныя, детальныя, такъ сказать микроскопическія данныя акустики и физіологіи рѣчи, въ сравненіи съ которыми прежнее знаніе рѣчи лишь грубое, поверхностное, предварительное (см. стр. 35, 132, 156, 216 и друг.). Тотъ, кто сталъ бы возражать противъ экспериментальнаго изслѣдованія рѣчи теперь, когда фактически окончательное рѣшеніе большинства вопросовъ фонетики перешло уже къ экспериментальной фонетикѣ, былъ бы въ смѣшномъ положеніи бактеріолога, возстающаго противъ микроскопа, и доказывалъ бы только свою отсталость. Но понятно, большинство лингвистовъ не успѣло пока еще ознакомиться съ техникой производства экспериментальныхъ изслѣдованій въ виду отсутствія лабораторій, подготовленныхъ лишъ, краткихъ руководствъ, и потому относятся къ дѣлу

пассивно. Но общее знакомство съ производствомъ этихъ изслѣдованій уже теперь необходимо всякому, занимающемуся языкомъ, для вѣрнаго пониманія, оцѣнки и разумнаго использованія результатовъ ихъ. Эти результаты появляются теперь уже повсюду. Это возлагаетъ на современнаго составителя руководства фонетики обязанность сообщать свѣдѣнія объ этихъ новыхъ усовершенствованныхъ способахъ изслѣдованія языка и о примѣняемыхъ при этомъ приборахъ, вмѣстѣ съ общей оцѣнкой качества, степени достовѣрности и точности добываемыхъ при помощи ихъ результатовъ. Обращаться за этими свѣдѣніями къ разбросаннымъ въ спеціальныхъ журналахъ статьямъ и къ объемистымъ монографіямъ лингвисту историку очень затруднительно.

Вотъ почему учебникъ фонетики, обходящій экспериментальную фонетику, такъ же мало соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ, какъ учебникъ физіологіи или физики, не знакомящій съ производствомъ опытовъ. Современное научное образованіе заключается не только въ сообщеніи выводовъ, а главнѣйше въ ознакомленіи съ производствомъ научныхъ работъ. Иначе не было бы надобности въ лабораторіяхъ для учащихся. Поэтому краткое систематизированное изложеніе способовъ экспериментальнаго изслѣдованія языка составляетъ особое преимущество моей книги, потребовавшее не мало предварительнаго техническаго труда. Къ слову сказать, еще ни одно подлинное слово русскаго языка не изслѣдовано всесторонне такъ, какъ позволяютъ современныя средства экспериментальной фонетики. Но частичныя такія изслѣдованія появляются уже и у насъ.

Это изданіе отличается отъ перваго мелкими измѣненіями, поправками и дополненіями въ изложеніи. Кромѣ того въ этомъ изданіи прибавлена краткая глава о происхожденіи языка, по соображеніямъ, указаннымъ на стр. 384. Прибавленъ краткій параграфъ по методикѣ обученія чтенію и нѣк. друг. Въ концѣ прибавленъ краткій критическій разборъ пріемовъ обученія правописанію въ виду того, что очень сокращенное изложеніе методологіи преподаванія правописанія въ первомъ изданіи привело нѣкоторыхъ къ превратнымъ обобщеніямъ. Кое что и выпущено въ этомъ изданіи. Существенное измѣненіе этого изданія съ внѣшней стороны заключается въ томъ, что

часть текста, особенно по фонетикѣ, напечатана мелкимъ шрифтомъ. Это даетъ возможность при желаніи пропускать эти мѣста безъ ущерба для пониманія и цѣлости. Въ нихъ даются добавочныя или спеціальныя свѣдѣнія, между прочимъ по техникѣ экспериментальнаго изслѣдованія языка.

Первое изданіе вызвало рецензію проф. Г. К. Ульянова, составленную со свойственной ему глубиной и обстоятельностью (Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г. № 6). Нечего говорить о томъ, насколько по отношенію къ такой работѣ, какъ моя, желателенъ и цѣненъ добросовѣстный разборъ компетентнаго критика. Многое со стороны виднѣе. И легко можно впасть въ ошибку и строить на ней дальше, какъ это случилось съ моей попыткой обосновать различіе синтаксическихъ значеній внѣ фактовъ языка. Несостоятельность этого подмѣтилъ мой рецензентъ (стр. 412), впрочемъ и я самъ, но слишкомъ поздно. Къ сожалѣнію на предшествующихъ страницахъ рецензіи проф. Ульяновъ по недоразумѣнію приписываетъ мнѣ ошибочно отожествленіе формальныхъ значеній съ синтаксическими. Это обстоятельство заставило меня передѣлать изложеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, въ которыхъ, вслѣдствіе сжатости или недостаточной осмотрительности въ изложеніи, рецензентъ усмотрѣлъ у меня противорѣчія, какъ напр. въ опредѣленіи предложенія, гдѣ нужно было считаться съ словомъ «обыкновенно».

Въ значеніяхъ словъ я вслѣдствіе указанія проф. Ульянова останавливался теперь больше на особенности ассоціаціи «знакъ + обозначаемое» въ словѣ, хотя не могу придавать этому того значенія, что проф. Ульяновъ. Конечно, принципіально звуковое слово знакъ. Но въ своеобразной компликаціи слова обозначаемое понятіе ни по происхожденію, ни по своему существованію самостоятельнаго цѣлаго не составляетъ, почему въ дѣйствительности его нельзя отдѣлять отъ звукового слова, и послѣднее не есть только знакъ въ точномъ смыслѣ слова. Если въ извѣстныхъ случаяхъ понятіе и является самостоятельнымъ цѣлымъ, то это лишь послѣдствіе существованія звуковыхъ словъ. Впрочемъ проф. Ульяновъ самъ видитъ въ этомъ разногласіи послѣдствіе различія нашихъ психологическихъ взглядовъ. Этимъ различіемъ объясняются и нѣкоторыя другія разногласія. Впрочемъ относительно абстрактныхъ значеній у меня была еще

допущена погрѣшность въ изложеніи, дающая отчасти иной смыслъ, вслѣдствіе невѣрнаго размѣщенія частей текста.

Въ пониманіи изолирующаго строя, морфологической классификаціи и нѣк. друг. явленій наши взгляды расходятся, что̀ для главнаго не существенно, какъ и нѣкоторыя разногласія совершенно внѣшняго свойства. Другими частными замѣчаніями проф. Ульянова я воспользовался съ благодарностью. Вообще же я провѣрялъ вновь всѣ затронутыя имъ мѣста и большею частію они измѣнены по крайней мѣрѣ въ изложеніи.

Разными частными поправками, содѣйствующими ясности, точности и устраненію опечатокъ, я обязанъ еще проф. Б. М. Ляпунову, который со свойственной ему преданностью дѣлу прочитывалъ почти всѣ корректурные листы передъ печатаніемъ.

Заканчиваю пожеланіемъ моего почтеннаго рецензента (стр. 416), «чтобы эта книга содѣйствовала выработкѣ въ нашемъ обществѣ пониманія природы языка и его огромнаго значенія въ развитіи умственной дѣятельности человѣка».

Александръ И. Томсонъ.

Одесса, Февраль 1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. I

Глава. I. Введеніе.

§ 1. Предварительныя свѣдѣнія о языкѣ и языковѣдѣніи. 1

Цѣль изученія языковѣдѣнія 1. Названія науки о языкѣ 3. Одностороннее опредѣленіе понятія языка 4. Наружный и внутренній языкъ. Языкъ въ мышленіи 5. Языкъ есть дѣятельность и способность нашего организма 6. Представленія и ассоціаціи языка 6.

§ 2. Мѣсто языковѣдѣнія среди другихъ наукъ 7

Языкъ искусство, а не врожденный инстинктъ 7. Языковѣдѣніе общественная или культурно-историческая наука 8. Языковѣдѣніе частію философская наука 9. Языковѣдѣніе изъ всѣхъ культурноисторическихъ наукъ самая точная 10. Отношеніе языковѣдѣнія къ другимъ филологич. наукамъ 11.

§ 3. Дѣленіе языковѣдѣнія на отдѣлы въ связи съ задачами его. 13

Фонетика 15. Морфологія и синтаксисъ 15. Словарь 16. Семасіологія 16. Общее языковѣдѣніе 16. Общее языковѣдѣніе служитъ основой методики научнаго и практическаго изученія языка 18. Сравнительная грамматика. Родство языковъ 18. Сравнительное историческое изученіе дополняетъ данныя памятниковъ 22. Внѣшняя исторія языковъ. Географія языковъ 23. Гипотезы о происхожденіи человѣческаго языка 23. Раздѣленіе труда въ области языковѣдѣнія 24.

§ 4. Бѣглый обзоръ исторіи языковѣдѣнія и библіографіи. 25

Сравнительноисторическое изученіе индоевропейскихъ языковъ 28. Общее языковѣдѣніе (философія языка) 32. Общая и описательная фонетика. Экспериментальная фонетика 34. Сравнительноисторическая лексикологія 36.

Глава II. Краткій обзоръ и классификація языковъ.

§ 1. Предварительныя свѣдѣнія 37

Значеніе терминовъ языкъ, нарѣчіе, говоръ и пр. 37. Генеалогическая классификація языковъ 39. Вопросъ о единствѣ происхожденія языковъ 40. Морфологическая классификація языковъ 41.

§ 2. Индоевропейская семья языковъ 45

Индоевропейскій праязыкъ и его распаденіе 45. Діалекты праязыка и позднѣйшія вѣтви индоевропейской семьи языковъ 47. Индійская вѣтвь 48. Иранская вѣтвь 50. Армянская вѣтвь 52. Греческая вѣтвь 52. Албанская вѣтвь 53. Италійская вѣтвь 54. Кельтская вѣтвь 54. Германская вѣвть 55. Балтійская вѣтвь 56. Славянская вѣтвь 57. Различія въ родственныхъ отношеніяхъ между отдѣльными вѣтвями 59. Схематическое изображеніе развѣтвленій индоевропейской семьи языковъ 61. Генеалогическая таблица индоевропейскихъ языковъ 62—63. Примѣры изъ древней исторіи нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языковъ 65.

стр.

§ 3. **Генеалогическая классификація языковъ, не принадлежащихъ къ индоевропейской семьѣ** 69

Аккадско-сумерійскій языкъ 69. Семитическая семья языковъ 70. Хамитская семья языковъ 72. Уралоалтайская семья языковъ 72. Кавказскіе языки 73. Другіе языки Азіи 74. Южноафриканскіе языки 74. Малайскіе и австралійскіе языки 74. Языки американскихъ индѣйцевъ 75. Отдѣльно стоящіе языки Европы 75.

Глава III. Внутренній механизмъ языка.

§ 1. **Общій анализъ процесса рѣчи** 76

§ 2. **Центральная нервная система языка** 86

Изъ топографіи коры большого мозга 87. Размѣщеніе нервныхъ центровъ языка въ корѣ большого мозга 89. Различія въ функціяхъ мозговыхъ центровъ языка и письма 90. Ассоціаціи между функціями нервныхъ центровъ языка и письма 91. Патологическія нарушенія языка какъ средство для анализа внутренняго механизма языка 96. Упражненія. Прикладная психофизика языка и письма 100.

Глава IV. Общая фонетика.

§ 1. **Введеніе** 102

Однообразіе въ звуковомъ отношеніи въ предѣлахъ одного говора, одного нарѣчія и т. д. 102. Естественный и искусственный способы изслѣдованія звуковъ живого языка 104.

§ 2. **Звуки рѣчи въ физическомъ отношеніи (физическая акустика звуковъ рѣчи).** 106

Сонорные и шумные звуки рѣчи 107. Различія звуковъ рѣчи по силѣ 108. Высота звуковъ рѣчи 109. Тембръ звуковъ 112. Сложеніе звуковыхъ волнъ 115. Интерференція Біеніе. Шумы 119. Фонографъ 123. Синтезъ звуковъ рѣчи 124. Физическій анализъ звуковъ рѣчи. (Экспериментальная фонетика въ области физической стороны языка) 125.

§ 3. **Органы слуха и функціи ихъ въ языкѣ** 133

§ 4. **Устройство и функціи органовъ рѣчи.** 140

Легкія и функціи ихъ въ языкѣ 140. Гортань и функціи ея въ языкѣ 142. Полость рта и функціи ея въ языкѣ 149. Носовая полость и функціи ея въ языкѣ 151. Изслѣдованіе движеній органовъ рѣчи посредствомъ приборовъ. (Экспериментальная фонетика въ области физіологіи рѣчи) 152.

§ 5. **Физіологическая классификація гласныхъ** 157

Твердонебные (палатальные) гласные 159. Лабіализованные и нелабіализованные гласные 161. Мягконебные (велярные) гласные 162. Средненебные гласные 162. Напряженные и ненапряженные гласные 163. Физіологическая таблица гласныхъ. Треугольникъ гласныхъ 164. Назалированные гласные 167. Гласные въ полголоса (полушепотные) 167.

§ 6. **Характерные шумы гласныхъ. (акустика гласныхъ).** 168

Полость рта какъ резонаторъ 168. Характерные шумы гласныхъ 170. Постоянство въ составѣ и абсолютной высотѣ

стр.

характернаго шума каждаго гласнаго 171. Значеніе абсолютной высоты характернаго шума гласныхъ для слуховыхъ ощущеній 173. Зависимость между формой полости рта и высотой собственнаго шума ея 175. Какъ возникаютъ собственные шумы полости рта 177. Способы опредѣленія характерныхъ тоновъ гласныхъ 178. Чѣмъ обусловлены варіяціи (колебанія) въ высотѣ характерныхъ шумовъ гласныхъ 181. Характерные тоны гласныхъ общерусскаго языка въ связи съ присущей имъ формой полости рта 182.

§ 7. **Физіологическая классификація шумныхъ согласныхъ. Характерные шумы ихъ.** 186

Шумные согласные въ отличіе отъ сонорныхъ согласныхъ и отъ гласныхъ 186. Степень напряженности и силы, участіе голоса въ шумныхъ согласныхъ 188. Дѣленіе шумныхъ согласныхъ по роду преграды 189. Дѣленіе шумныхъ согласныхъ по мѣсту образованія преграды 191. a) Мягконебные шумные согласные 191. b) Твердонебные шумные согласные 192. c) Зубные шумные согласные 194. d) Губные шумные согласные 196. e) Гортанные шумные согласные 197. Характерные шумы, твердость и мягкость шумныхъ согласныхъ 197. Палатализація. Веляризація 204.

§ 8. **Сонорные согласные. Таблица согласныхъ.** 205

Плавные звуки *r* 205. Плавные звуки *l* 207. Носовые звуки 209. Физіологическая таблица согласныхъ 210.

§ 9. **Аиализъ и интерпретація звуковыхъ кривыхъ рѣчи.** 211

§ 10 **Артикуляціонная база. Опредѣленіе звуковъ на практикѣ.** . 216

Артикуляціонная база 216. Практическія указанія для опредѣленія звуковъ какого нибудь говора или языка 217.

§ 11. **Отдѣльный звукъ рѣчи. Слогъ.** 219

Отдѣльные звуки рѣчи 219. Слогъ 220.

§ 12. **Динамическое и музыкальное ударенія.** 224

Ударенія слога 226. Ударенія слова 226. Ударенія предложенія. 227.

§ 13. **Ритмъ рѣчи. Такты рѣчи.** 228

§ 14. **Продолжительность звуковъ и слоговъ.** 231

Продолжительность звуковъ 231. Продолжительность слога 232.

§ 15. **Сочетаніе звуковъ.** 234

Звуковой приступъ и отступъ 234. Установочные и переходные звуки. Разновидности звуковъ въ сочетаніяхъ 235. Сочетаніе согласныхъ 237. Сочетаніе гласныхъ, принадлежащихъ къ разнымъ слогамъ 238. Дифтонги 239. Дифтонгическія сочетанія 240.

Глава V. Фонетическія измѣненія языка.

§ 1. **Общія свѣдѣнія** 241

Произношеніе отдѣльныхъ лицъ приводится постояннно въ возможно полное соглашеніе съ рѣчью окружающихъ 241. Главные виды измѣненія языка въ звуковомъ отношеніи 244.

стр.

§ 2. **Измѣненіе звуковъ, возникающее въ артикуляціяхъ индивидуальнаго языка.** 246

Процессъ постепеннаго измѣненія звука въ артикуляціяхъ 246. Обзоръ главныхъ видовъ звукоизмѣненій въ артикуляціяхъ 252. Ассимиляція сосѣднихъ звуковъ 256.

§ 3. **Измѣненіе звуковъ при перенятіи.** 258

Наибольшія измѣненія звуковъ при перенятіи происходитъ при смѣшеніи языковъ 259.

§ 4. **Фонетическая замѣна звуковъ.** 261

Замѣна звуковъ, возникающая въ артикуляціяхъ (ассимиляція и диссимиляція несмежныхъ звуковъ; перестановка звуковъ) 262. Замѣна звуковъ вслѣдствіе ослышки. Вставка и утрата звуковъ 265. Субституція звуковъ 266.

§ 5. **Распространеніе фонетически возникшихъ новыхъ звуковыхъ явленій.** 267

§ 6. **Звуковые законы.** 271

Глава VI. Общая семасіологія.

§ 1. **Значенія словъ.** 275

Абстрактное и конкретное значеніе словъ 278. Разныя значенія одного слова и разновидности одного значенія слова 280. Различія въ значеніяхъ словъ и предложеній, заключающіяся въ побочныхъ представленіяхъ и въ чувствованіяхъ 281. Совокупное и частное значеніе слова 283. Различія въ значеніяхъ у разныхъ лицъ и въ разное время 284. Какъ звуковое слово можетъ обозначать нѣчто опредѣленное конкретное, или можетъ имѣть одно изъ разныхъ значеній 287.

§ 2. **Измѣненіе обычныхъ значеній словъ.** 289

Процессъ измѣненія обычнаго значенія слова. Случайное значеніе 290. Спеціализація значенія слова 294. Расширеніе значенія 295. Переносное значеніе (метафора) 296. Нѣкоторыя особыя категоріи измѣненія значенія 299. Реченія 301.

Глава VII. Общая грамматика.

§ 1. **Предложеніе.** 302

§ 2. **Средства языка для обозначенія синтаксическихъ значеній.** . 308

Формы словъ и значенія ихъ 311.

§ 3. **Возникновеніе формальныхъ категорій словъ.** 320

§ 4. **Измѣненіе формальныхъ значеній словъ.** 325

Глава VIII. Аналогія и нѣкоторые другіе виды измѣненія языка.

§ 1. **Образованіе по аналогіи.** 327

Семантическія звуковыя единицы 327. Усвоеніе дѣтьми семантическихъ принадлежностей языка 331. Образованіе предложеній и словъ изъ семантическихъ звуковыхъ единицъ (образованіе по аналогіи) 335.

§ 2. **Измѣненія языка по аналогіи.** 338

Возникновеніе новыхъ словъ (формъ словъ) вслѣдствіе новыхъ сочетаній обычныхъ морфологическихъ принадлежностей 338. Возникновеніе новыхъ формъ предложеній по аналогіи 341. Разновидности, несвязанныя съ значеніями, и ново-

стр.

образованія въ нихъ (чисто звуковая аналогія) 342. Распространеніе новообразованій по аналогіи 344.

§ 3. **Народная этимологія.** 345
§ 4. **Контаминація.** 347
§ 5. **Обособленіе и послѣдствія его** 348
§ 6. **Дифференціація значеній** 349

Глава IX. Измѣненія языка въ словахъ и въ формахъ словъ и въ формахъ синтаксическихъ словосочетаній.

§ 1. **Возникновеніе новыхъ словъ и новыхъ морфологическихъ принадлежностей словъ.** 351

Возникновеніе новыхъ словъ 351. Возникновеніе новыхъ основныхъ принадлежностей 354. Возникновеніе новыхъ формальныхъ принадлежностей 355. Возникновеніе новыхъ формальн. категорій словъ и новыхъ формъ предложенія 358.

§ 2. **Утрата (вымираніе) словъ, формъ словъ и формъ словосочетанія въ предложеніи.** 359

Глава X. Возникновеніе діалектовъ. Смѣшеніе и вымираніе языковъ.

§ 1. **Возникновеніе діалектовъ и языковъ.** 362
§ 2. **Смѣшеніе языковъ (заимствованія).** 369
§ 3. **Вымираніе языковъ.** 372

Глава XI. Искусственные языки.

§ 1. **Общенародный языкъ.** 375
§ 2. **Настоящіе искусственные языки. Всемірный языкъ** 378

Глава XII. Происхожденіе языка. 384

Глава XIII. Прикладное языковѣдѣніе. 390

§ 1. **Лингвистика въ примѣненіи къ филологіи въ тѣсномъ смыслѣ.** 391
§ 2. **Лингвистика какъ вспомогательная наука для исторіи въ спеціальномъ смыслѣ. Лингвистическая палеонтологія.** 392

Индоевропейская прародина 394. Разселеніе индоевропейскаго пранарода 395. Культура его 397.

§ 3. **Лингвистика какъ вспомогательная наука для этнологіи.** . . . 398
§ 4. **Лингвистика какъ вспомогательная наука для юриспруденціи** 399
§ 5. **Языковѣдѣніе какъ вспомогательная наука для психологіи.** . 405
§ 6. **Лингвистика какъ основа методологіи преподаванія языка. Самообученіе языку.** 406

Глава XIV. Письмо.

§ 1. **Теорія письма.** 416

Разные виды письма 416. Звуковое письмо 418. Методологія преподаванія чтенія и правописанія 423.

§ 2. **Методика обученія русскому чтенію.** 424
§ 3. **Методика обученія русскому правописанію** 427

Средства обученія правописанію: чтеніе 431; диктовка 432; перечни словъ 433; правила 433; исправленіе ошибокъ 436; списываніе 437; произвольное писаніе 438.

Алфавитный указатель 440

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Предварительныя свѣдѣнія о языкѣ и языковѣдѣніи.

Цѣль изученія языковѣдѣнія.

Языковѣдѣніе занимается научнымъ изученіемъ того культурнаго произведенія человѣческаго общества, благодаря которому, говоря словами Гумбольдта, человѣкъ сталъ человѣкомъ.

Вникая въ тайны языка, мы вникаемъ въ нашу собственную духовную природу. Вѣдь языкъ не только посредникъ въ духовномъ сообщеніи между людьми, онъ и неотъемлемая составная часть нашего мышленія. Поэтому не удивительно, что на ряду съ вопросами о происхожденіи міра, о происхожденіи человѣка, о безсмертіи души и пр. стоялъ вопросъ о природѣ и происхожденіи языка. Нельзя было этого вопроса обойти и въ библейской исторіи сотворенія міра: «Богъ... привелъ всѣхъ животныхъ... чтобы, какъ наречетъ человѣкъ всякую душу, такъ и было ей имя». Итакъ, самъ человѣкъ былъ творцомъ своего языка. Отсюда понятно, почему идея эволюціи могла въ языковѣдѣніи пустить раньше корни, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ, еще задолго до Дарвина. Насъ не касаются вопросы о происхожденіи человѣка, гипотезы объ антропоидахъ и пр. Для насъ существовалъ homo alalus—человѣкъ не обладающій языкомъ, который постепенно затѣмъ вырабатывалъ свой языкъ.

Указаннымъ значеніемъ языковѣдѣнія для выясненія духовнаго человѣка вполнѣ оправдывалось бы, почему въ числѣ наукъ, изучаемыхъ филологами, находится и ученіе о языкѣ. Но помимо этого, необходимость изученія этого предмета обусловливается еще практическими требованіями другихъ научныхъ дисциплинъ,

изучаемыхъ филологами. Для правильнаго научнаго пониманія родного или иностраннаго языка, исторіи ихъ, художественныхъ произведеній языка и пр., наконецъ для рѣшенія педагогическихъ вопросовъ преподаванія языка, нужно конечно прежде всего знать природу и условія жизни и развитія человѣческаго языка вообще. Изученіемъ этихъ вопросовъ занимается общее языковѣдѣніе.

Хотя всѣ образованные люди занимались практическимъ изученіемъ языковъ, но о томъ, въ чемъ заключается научное изученіе языка, встрѣчаются даже въ образованномъ обществѣ самыя смутныя и большею частію невѣрныя представленія. Нѣтъ даже общепринятаго названія науки о языкѣ, что впрочемъ не удивительно, такъ какъ, благодаря необыкновенно быстрому развитію ея, не успѣли еще придти къ общему соглашенію относительно ея отдѣловъ и исключительныхъ названій ихъ. Но отъ этого успѣхи науки языковѣдѣнія нисколько не страдаютъ. Главные принципіальные взгляды на задачи и методы этой науки установлены уже твердо и безповоротно и приняты всѣми, стоящими на уровнѣ современнаго языковѣдѣнія. Поэтому такая внѣшняя незаконченность — колеблющаяся номенклатура и неустановившееся дѣленіе на отдѣлы — служитъ лишь на пользу этой молодой наукѣ, предоставляя ей возможность развиваться безъ внѣшнихъ стѣснительныхъ рамокъ, сообразуясь лишь со своими внутренними потребностями.

Несмотря на свою молодость, языковѣдѣніе не только успѣло занять видное мѣсто въ кругу другихъ наукъ, оно пріобрѣло даже первенствующее значеніе среди культурноисторическихъ наукъ, въ виду точности его методовъ, недоступныхъ остальнымъ. А практическое примѣненіе языковѣдѣнія весьма обширно и разнообразно. Не только филологъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, изучающій духовную дѣятельность того или другого народа, какъ классикъ, славистъ, романистъ и пр., долженъ, для научнаго пониманія или разработки языка этого народа, быть знакомымъ съ извѣстными отдѣлами языковѣдѣнія; и археологъ, и историкъ, и юристъ, и этнографъ, и антропологъ и пр. въ извѣстныхъ отдѣлахъ своей спеціальности находятся въ зависимости отъ лингвистики. Одинъ изъ двухъ отдѣловъ психологіи, именно общественная психологія, на первомъ мѣстѣ изучаетъ дѣятельность человѣческой души, какъ она обнаруживается въ фактахъ языка, устанавливаемыхъ и изучаемыхъ въ

языковѣдѣніи. Даже практическая медицина въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, въ психіатріи и лѣченіи недостатковъ языка, напр. заиканія, пользуется результатами языковѣдѣнія. Обновленіе логики, расширеніе ея рамокъ и задачъ, можетъ произойти на почвѣ языковѣдѣнія. Нечего говорить напр. о томъ, что преподаватель языка, не изучившій основательно извѣстныхъ отдѣловъ языковѣдѣнія, можетъ преподавать лишь такъ, какъ можетъ лѣчить знахарь, не изучившій анатоміи, физіологіи, фармакологіи и пр. Конечно, и здѣсь и тамъ счастливое чутье иногда спасаетъ отъ крупныхъ ошибокъ.

Названія науки о языкѣ.

Наука о языкѣ называется то «языковѣдѣніемъ», то «языкознаніемъ», то «лингвистикой», иногда «сравнительнымъ языковѣдѣніемъ» или «сравнительнымъ языкознаніемъ», не говоря уже о нѣкоторыхъ другихъ рѣже встрѣчаемыхъ названіяхъ. Впрочемъ наиболѣе подходящіе термины *языковѣдѣніе и лингвистика* (некрасивое производное слово отъ латинскаго lingua—языкъ) все болѣе вытѣсняютъ остальные.

«Языкознаніе» неудобно тѣмъ, что скорѣе заставляетъ непосвященныхъ подразумѣвать практическое знаніе языковъ. Между знающимъ только практически много языковъ и языковѣдомъ такая же разница, какъ между птицеводомъ или скотоводомъ и ученымъ зоологомъ.

Изъ дальнѣйшаго будетъ ясно, что научное изученіе какого-либо языка требуетъ сравненія его съ другими, прежде всего родственными языками и нарѣчіями. Изъ такого сравнительнаго изученія индоевропейскихъ языковъ возникло современное языковѣдѣніе въ главныхъ своихъ частяхъ. Поэтому названіе «сравнительное языковѣдѣніе» (сравнительное языкознаніе), возникшее въ связи съ извѣстнымъ методомъ изученія языковъ, въ настоящее время является почти синонимомъ съ научнымъ изученіемъ языка вообще. Но не всякое научное изученіе языка сравнительное. Существуютъ и лингвистическія дисциплины, въ которыхъ сравнительный методъ примѣняется только въ томъ смыслѣ, какъ напр. въ опытныхъ наукахъ. Отсюда понятно, что не точно называть всю науку языковѣдѣнія сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Названіе это возникло исторически и до сихъ поръ примѣняется преимущественно къ древней исторіи индо-

европейскихъ языковъ, хотя такое же сравнительное языковѣдѣніе существуетъ напр. въ области германскихъ, романскихъ, или славянскихъ и другихъ языковъ.

Наука языковѣдѣнія распадается на множество отдѣловъ и спеціальностей, имѣющихъ свои особыя задачи и названія, на которыя я укажу ниже.

Одностороннее опредѣленіе понятія языка.

Предметомъ изученія языковѣдѣнія является человѣческій языкъ во всѣхъ его разновидностяхъ. Всѣ языки и говоры, даже самыхъ дикихъ и некультурныхъ народовъ, имѣютъ одинаковую цѣнность для науки; послѣдніе во всякомъ случаѣ болѣе подходящіе объекты научнаго изслѣдованія, чѣмъ литературные языки образованныхъ народовъ, которые для лингвиста то же, что оранжерейныя растенія для ботаника.

Но что такое языкъ?

Всякая попытка опредѣлить въ краткихъ словахъ, что нужно понимать подъ словомъ «языкъ», сводилась бы къ подставленію однихъ словъ вмѣсто другихъ. Полное реальное представленіе о языкѣ можно получить только изъ всесторонняго изученія языка. Но предварительно полезно выяснить себѣ природу языка съ нѣкоторыхъ одностороннихъ точекъ зрѣнія.

Если мы примкнемъ къ опредѣленію «языкъ есть средство для сообщенія мыслей посредствомъ звуковъ рѣчи», то нужно имѣть въ виду, что этимъ опредѣленіемъ мы вовсе не исчерпываемъ сущности языка, а лишь указываемъ на цѣль, съ которою мы обыкновенно прибѣгаемъ къ языку на практикѣ. Но при этомъ опредѣленіи мы исключаемъ языкъ мимики (выразительныхъ движеній мышцъ лица) и пантомимъ (выразительныхъ движеній рукъ и другихъ частей тѣла), напр. глухонѣмыхъ, въ балетѣ, у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, неаполитанцевъ и пр. Между тѣмъ и эти языки называются языками и по разнымъ соображеніямъ изучаются въ языковѣдѣніи. Если мы вмѣсто словъ „посредствомъ звуковъ рѣчи“ поставимъ слова „посредствомъ выразительныхъ движеній“, то мы включаемъ всѣ эти языки, а также языки животныхъ. Но главный предметъ изученія языковѣдѣнія всетаки человѣческій звуковой языкъ. Примѣняясь къ нему, мы опредѣлимъ языкъ какъ „средство сообщенія расчлененной мысли посредствомъ звуковъ рѣчи“. Хотя и у живот-

ныхъ наблюдаются умозаключенія, но расчлененіе сложныхъ представленій на отдѣльныя понятія, обнаруживаемыя языкомъ въ ихъ взаимоотношеніи, до сихъ поръ достовѣрно не установлено у животныхъ. Именно къ этому расчленению нужно отнести встрѣчающееся иногда выраженіе „членораздѣльность человѣческой рѣчи“, а не къ звуковой сторонѣ языка, такъ какъ въ звуковой сторонѣ языка нѣтъ такого различія между языками людей и животныхъ. Конечно, напр. при пѣніи, языкъ можетъ и не служить для передачи мыслей. Но это не произвольная естественная рѣчь.

Наружный и внутренній языкъ. Языкъ въ мышленіи.

Языкъ существуетъ у насъ не только въ процессѣ рѣчи, для сообщенія мыслей. Наружный языкъ есть лишь временное обнаруженіе въ звукахъ нашего внутренняго языка. Наружный языкъ состоитъ изъ физіологическаго акта движеній органовъ рѣчи, производящихъ звуковыя волны, и изъ физіологическаго акта слуховыхъ ощущеній отъ этихъ волнъ (см. ниже), и является составной частью языка лишь тогда, когда мы говоримъ.

Конечно, этимъ наружнымъ языкомъ мы непосредственно мыслей сообщать не можемъ. Устной рѣчью мы возбуждаемъ въ душѣ слушателя лишь тѣ процессы внутренняго звукового языка его, которые возбуждены въ насъ самихъ, и уже ими возбуждаются по ассоціаціи тѣ мысли, которыя мы желаемъ сообщить. Если слуховыя ощущенія, получаемыя отъ устной рѣчи, не встрѣчали бы въ душѣ слушателя готоваго языка, то и наружный языкъ не достигалъ бы цѣли, какъ это бываетъ, когда говорятъ на неизвѣстномъ слушателю языкѣ. Но этимъ роль языка въ нашей духовной жизни далеко не исчерпывается.

Наше мышленіе, а именно образованіе понятій и сужденій въ томъ видѣ, какъ мы ихъ образуемъ, возникло въ каждомъ индивидуумѣ съ дѣтства вмѣстѣ съ усвоеніемъ языка, и возможно впослѣдствіи благодаря существованію внутренняго языка, языка въ представленіяхъ (см. ниже). Не только такія понятія, какъ „потому“, „надежда“, „красота“, „міръ“, „ходить“, „рѣзать“ и пр., обязаны своимъ существованіемъ внутреннему языку, словамъ въ представленіяхъ, но и существованіе представленій объ отдѣльныхъ конкретныхъ предметахъ, какъ „щека“, „вѣтвь“, „потолокъ“, „грудь“ и проч., находится въ генетической связи

съ существованіемъ обозначающихъ ихъ словъ. Такимъ образомъ языкъ не только средство сообщенія мыслей, онъ и неотъемлемая составная часть нашего мышленія.

Языкъ есть дѣятельность и способность нашего организма.

Подъ тѣмъ или другимъ языкомъ нужно понимать совокупность всѣхъ тѣхъ языковыхъ функцій и способностей нашего организма, при помощи которыхъ въ данной языковой общинѣ обнаруживаютъ мысли и мыслятъ. Наружный языкъ существуетъ конечно только тогда, когда мы говоримъ. А когда мы не говоримъ и не мыслимъ въ сужденіяхъ? Въ такомъ случаѣ языкъ существуетъ въ насъ какъ извѣстнаго рода психическая и физіологическая способность (или навыкъ, или скрытая энергія) нашего организма, благодаря которой мы можемъ при извѣстныхъ условіяхъ производить тѣ функціи, которыя называются языкомъ.

Функціи эти сложны и не могутъ быть опредѣляемы въ нѣсколькихъ словахъ. Настоящее понятіе о нихъ можно получить только посредствомъ детальнаго изученія языка. Итакъ, языкъ является лишь по временамъ, когда мы говоримъ или слушаемъ, физіологической дѣятельностью нашего организма совмѣстно съ психической; а во всякое время языкъ существуетъ въ насъ въ видѣ извѣстной психической и физіологической способности.

Представленія и ассоціаціи языка.

Означенная способность, называемая знаніемъ языка, заключается въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ могутъ возникать въ насъ *звуковыя* (*слуховыя*) *представленія* словъ и предложеній даннаго языка, а также *представленія движеній* органовъ рѣчи, производимыхъ въ данномъ языкѣ, которыя при извѣстномъ участіи воли могутъ вызвать самыя эти движенія, и наконецъ въ томъ, что звуковыя представленія *ассоціируются* не только съ соотвѣтствующими двигательными представленіями (воспоминаніями), но ассоціируются еще со всѣми тѣми представленіями и чувствованіями, которыя вообще возникаютъ въ насъ и которыя составляютъ *значенія языка*—значенія словъ и предложеній. Всѣ эти ассоціаціи образуютъ многочисленныя и сложныя системы ассоціацій.

Ассоціація между представленіями есть та способность нашей души (и нервной системы), вслѣдствіе которой возбужденіе

одного представленія или чувствованія можетъ при извѣстныхъ условіяхъ возбудить другое представленіе или чувствованіе, имѣющее съ первымъ общіе элементы, или какъ принято выражаться, состоящее съ первымъ въ *ассоціаціи по сходству* или *по смежности*. Въ первомъ случаѣ одно представленіе вызываетъ сходное съ нимъ другое. Во второмъ случаѣ представленія, возникавшія раньше одновременно или послѣдовательно другъ за другомъ, возбуждаютъ и впослѣдствіи другъ друга въ томъ же порядкѣ, такъ что напр. предыдущее вызываетъ непосредственно послѣдующее. Отсюда уже видно, что недостаточно знать, что представленіе А ассоціируется съ представленіемъ В, нужно еще знать, въ какомъ *направленіи* дѣйствуетъ ассоціація, т. е. вызываетъ ли только А В, или только В вызываетъ А, или же эта ассоціація обоюдная. Кромѣ того нужно знать, съ какой *степенью легкости и энергіи* происходитъ та или другая ассоціація (прочность ассоціаціи). Эти различія крайне существенны въ каждомъ конкретномъ случаѣ въ языкѣ.

§ 2. Мѣсто языковѣдѣнія среди другихъ наукъ.

Языкъ искусство, а не врожденный инстинктъ.

Каждый человѣкъ усваиваетъ себѣ языкъ въ раннемъ дѣтствѣ отъ окружающихъ его лицъ, притомъ, понятно, именно тотъ языкъ, который существуетъ въ окружающей средѣ. Отсюда ясно, что языкъ не есть нѣчто инстинктивно присущее человѣку, а есть искусство, которымъ всякій нормально развитой человѣкъ овладѣваетъ благодаря унаслѣдованнымъ своимъ способностямъ. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что тотъ или другой языкъ не есть нѣчто присущее той или другой расѣ, какъ цвѣтъ кожи, форма черепа и пр., и что ребенокъ одной расы, выросшій въ средѣ совершенно чуждаго языка, становится обладателемъ этого языка, т. е. усваиваетъ себѣ, вмѣстѣ съ другимъ культурнымъ достояніемъ чуждой ему расы, между прочимъ и языкъ. При этомъ нужно конечно считаться съ тѣми особенностями врожденныхъ способностей, которыя свойственны той или другой расѣ. Унаслѣдованное развитіе организма даетъ всякому нормальному человѣческому индивидууму возможность усвоить себѣ тотъ или другой языкъ, особенно въ дѣтствѣ. Но въ различіяхъ инди-

видуальнаго языка сказываются и различія, существующія между отдѣльными индивидуумами, расами и пр.

Языковѣдѣніе общественная или культурноисторическая наука.

Языкъ вырабатывался постепенно въ человѣческомъ обществѣ, какъ орудіе сообщенія мыслей, вслѣдствіе практической потребности сообщать свои мысли другимъ. Каждый языкъ является принадлежностью того или другого человѣческаго общества. Измѣненія въ сношеніяхъ между собою членовъ общества обусловливаютъ и соотвѣтствующія измѣненія въ языкѣ и проч. Поэтому и наука, изслѣдующая языкъ, принадлежитъ къ *общественнымъ* или *соціальнымъ* наукамъ, изучающимъ природу и жизнь человѣческихъ обществъ, наравнѣ съ наукой о народныхъ вѣрованіяхъ, наукою объ обычаяхъ и нравахъ, наукою права, политической экономіи и пр. Какъ наука, изслѣдующая извѣстныя принадлежности того или другого народа, языковѣденіе является составной частью *этнографіи*.

Языкъ не только самъ произведеніе общества, произведеніе культуры его. Онъ является главнымъ двигателемъ культуры вообще, такъ какъ при его помощи духовныя пріобрѣтенія одного индивидуума переходятъ къ другимъ, и возможна вообще совмѣстная работа для достиженія общихъ цѣлей. По мѣрѣ совершенствованія орудія духовнаго сообщенія совершенствовалась и мыслительная способность первобытнаго человѣка. Это обратное дѣйствіе примитивнаго языка на примитивныя мыслительныя способности человѣка въ исторіи развитія его несравненно важнѣе, чѣмъ фактъ возникновенія первоначальнаго языка. Оно оказалось для человѣка роковымъ: благодаря ему человѣкъ сталъ человѣкомъ. Какъ наука, изслѣдующая извѣстныя особенности человѣка, обнаруживающіяся въ той дѣятельности его, которая называется языкомъ, языковѣдѣніе является составной частью *антропологіи*.

Прежнее мнѣніе, что языкъ, достигнувъ извѣстнаго совершенства, затѣмъ начинаетъ старѣть, портиться и распадаться, оказалось совершенно несостоятельнымъ, вызваннымъ ошибочнымъ сравненіемъ языка съ живымъ организмомъ. Языкъ измѣняется постоянно, во всѣхъ своихъ частяхъ, не только по требованіямъ нашихъ мыслей, составляющихъ его значенія, но и по условіямъ своей собственной природы. Во всякое время мы заста-

емъ живой языкъ въ переходномъ состояніи. Если объектъ изслѣдованія измѣняется во времени, то и наука, изслѣдующая его, должна быть исторической. Языковѣдѣніе въ главныхъ своихъ отдѣлахъ *историческая* наука.

Если мы дѣлимъ всѣ историческія науки на культурныя или общественныя историческія науки и на естественныя историческія науки, то языковѣдѣніе относится къ первымъ. Отличительной чертой *культурноисторическихъ* наукъ, напр. науки о языкѣ, объ обычаяхъ и нравахъ, о народныхъ вѣрованіяхъ, о правовыхъ воззрѣніяхъ, политической экономіи, политической исторіи и пр. будетъ то, что явленія, изслѣдуемыя этими науками, складываются при содѣйствіи *психическаго* фактора, отсутствующаго въ естественныхъ наукахъ. Сама психологія экспериментальная наука, какъ физика, химія. Законы тяжести, движенія и пр. могутъ быть всегда и повсюду провѣряемы опытомъ. Здѣсь нѣтъ историческаго развитія, или по крайней мѣрѣ не принимаютъ его. Историческое развитіе возможно только въ тѣхъ объектахъ научнаго изслѣдованія, явленія которыхъ складываются изъ взаимодѣйствія двухъ или болѣе разнородныхъ силъ или факторовъ. Изъ естественныхъ наукъ относится къ историческимъ напр. геологія, въ извѣстныхъ частяхъ ея.

Языковѣдѣніе частію философская наука.

Нужно однако имѣть въ виду, что языковѣдѣніе не исключительно историческая наука. Явленія, составляющія предметъ изученія историческихъ наукъ, допускаютъ и другого рода изученіе—неисторическое, а *теоретическое* или *философское* изученіе, наравнѣ съ экспериментальными науками.

Чѣмъ менѣе сложенъ предметъ изученія исторической науки, чѣмъ однообразнѣе изучаемыя историческія явленія, тѣмъ бо́льшіе успѣхи возможны въ теоретическомъ изученіи ихъ и тѣмъ бо́льшее значеніе пріобрѣтаетъ такое теоретическое изученіе для самого историческаго изученія этихъ явленій. Въ этомъ отношеніи языкъ представляетъ особенно выгодныя условія. Поэтому не удивительно, что языкъ уже съ древнихъ временъ служилъ предметомъ философскаго изученія, между тѣмъ какъ историческое изученіе его возникло сравнительно недавно. Этимъ и объясняется возможность и цѣлесообразность начинать научное изученіе языка съ теоретическаго изученія его, съ *общаго язы-*

ковѣдѣніе. Къ тому же эта общая или философская часть языковѣдѣнія представляетъ гораздо болѣе широкій, общечеловѣческій интересъ, чѣмъ фактическая исторія отдѣльныхъ языковъ, на выводахъ которой она между прочимъ основывается.

Языковѣдѣніе изъ всѣхъ культурноисторическихъ наукъ самая точная.

Явленія, изслѣдуемыя другими общественными науками, напр. политической исторіей, политической экономіей, юриспруденціей и пр., складываются изъ взаимодѣйствія большого числа разнородныхъ силъ или факторовъ. Кромѣ того въ этихъ областяхъ сознательное вмѣшательство отдѣльныхъ лицъ оказываетъ весьма существенное вліяніе на ходъ событій. Въ виду этого весьма трудно выдѣлить въ каждомъ конкретномъ случаѣ дѣйствіе каждаго фактора въ отдѣльности и прослѣдить взаимное вліяніе ихъ до мельчайшихъ психологическихъ и физіологическихъ подробностей. Тѣмъ болѣе невозможно сгодить всѣ разнообразія во взаимодѣйствіи отдѣльныхъ факторовъ къ отдѣльнымъ немногочисленнымъ нормамъ или типичнымъ способамъ возникновенія соотвѣтствующихъ событій. Вслѣдствіе этого напр. политическая исторія занимается преимущественно описаніемъ фактовъ, а научная работа ея состоитъ главнымъ образомъ въ критической обработкѣ матеріаловъ. Она затрудняется установить основные законы, по которымъ складываются историческія событія, и потому не отваживается за предѣлы исторической традиціи, непосредственной или посредственной (въ видѣ данныхъ археологіи, языка и пр.). Точка зрѣнія, съ которой разсматриваются предметы изслѣдованія въ естественныхъ наукахъ, проще и однороднѣе. Поэтому въ естественныхъ наукахъ гораздо легче выдѣляется роль каждаго фактора, и взаимодѣйствіе немногочисленныхъ отдѣльныхъ силъ опредѣляется точнѣе законами. Вслѣдствіе этого естественныя науки не довольствуются только описаніемъ наблюдаемыхъ фактовъ и раскрытіемъ законовъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ факторовъ, но на основаніи этихъ законовъ онѣ раскрываютъ новые факты въ предѣлахъ прошлаго и будущаго. Для примѣра можно указать на теорію Дарвина о происхожденіи видовъ, или на разныя гипотезы относительно прошлаго и будущаго земного шара.

Существенное затрудненіе въ общественныхъ наукахъ составляетъ еще то обстоятельство, что дѣятельность психическаго фактора до сихъ поръ не подведена подъ точные законы. Что можетъ дать экспериментальная психологія, пока опредѣлить нельзя, въ виду зачаточнаго состоянія этой дисциплины. Во всякомъ случаѣ это направленіе въ психологіи приводитъ къ болѣе точнымъ результатамъ.

Съ естественными науками языковѣдѣніе имѣетъ то общее, что разсматриваемыя въ немъ явленія (языка) сравнительно просты и однообразны и въ значительной степени поддаются точному анализу. Кромѣ того отдѣльныя личности не имѣютъ существеннаго вліянія на измѣненіе языка, которое происходитъ какъ

бы стихійно. Вслѣдствіе этого языковѣдѣніе овладѣло своимъ предметомъ въ несравненно большей степени, чѣмъ другія общественныя науки. Благодаря безчисленному множеству добытыхъ законовъ и благодаря своимъ точнымъ методамъ, языковѣдѣніе можетъ заниматься и возстановленіемъ доисторическаго прошлаго языка, а подчасъ и заглядывать въ будущее. Это обстоятельство заставило нѣкоторыхъ ученыхъ причислить языковѣдѣніе къ естественнымъ наукамъ. Но если и сближать языковѣдѣніе по своимъ методамъ и результатамъ съ естественными науками, то всетаки, по природѣ своего предмета изслѣдованія, языковѣдѣніе принадлежитъ къ числу культурныхъ наукъ.

Изъ сказаннаго уже видно, что для пониманія явленій языка недостаточно знать психологію (индивидуальную), извѣстные отдѣлы физіологіи, физики и соціологіи. Каждая изъ этихъ спеціальностей разсматриваетъ относящіяся къ ней явленія въ отдѣльности. Для языковѣдѣнія же еще существенно важно знать, какъ изъ взаимодѣйствія этихъ разнородныхъ факторовъ возникаютъ всѣ явленія языка.

Отношеніе языковѣдѣнія къ другимъ филологическимъ наукамъ.

Филологія въ широкомъ смыслѣ изучаетъ духовную дѣятельность народовъ во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ: въ художественныхъ словесныхъ произведеніяхъ, въ произведеніяхъ искусства, въ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, правовыхъ воззрѣніяхъ, въ политической жизни, въ экономической жизни и пр., между прочимъ и въ языкѣ. Такимъ образомъ языкъ является однимъ изъ объектовъ изслѣдованія филологіи въ широкомъ смыслѣ слова.

Понятно, что при филологическомъ изученіи древнихъ народовъ практическое изученіе языка ихъ стояло на первомъ мѣстѣ. Вѣдь языкъ ключъ къ разумѣнію духовной жизни народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе языка требовало много труда и времени. Поэтому подъ филологіей стали понимать преимущественно изученіе языка и памятниковъ. Отсюда объясняется, почему и сравнительное языковѣдѣніе называлось и отчасти называется у французовъ и англичанъ philologie comparée, comparative philology.

Когда впослѣдствіи стали изучать филологію отечественную и другихъ новыхъ народовъ, языки которыхъ изучались съ го-

раздо меньшимъ трудомъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ научное изученіе языка вырабатывалось все болѣе въ особую спеціальность, требующую особой подготовки, то поневолѣ стали смотрѣть на научное изученіе языка какъ на особую спеціальную область филологіи. Теперь всякому понятно, что можно знать и преподавать санскритскій, греческій, старославянскій, французскій и пр. языки, не зная этихъ языковъ научно, т. е. не будучи языковѣдомъ.

Пока филологія занималась почти исключительно изученіемъ греческаго и римскаго народовъ, можно было соединить ее въ одномъ лицѣ. Когда затѣмъ стали изучать культурную жизнь другихъ древнихъ народовъ, особенно восточныхъ, между которыми древніе индійцы (индусы) занимали первое мѣсто, и когда наконецъ обратились къ изученію отечественной литературы, отечественныхъ древностей и пр. и къ изученію другихъ новыхъ народовъ, то въ виду обширности предмета постепенно стали вырабатываться новыя спеціальности филологіи.

При дѣленіи филологическихъ дисциплинъ на отдѣльныя группы руководствуются или единствомъ народа, или единствомъ филологической дисциплины. Въ первомъ случаѣ изучается культурная жизнь одного или нѣсколькихъ народовъ по возможности всесторонне. Во второмъ случаѣ имѣется въ виду только одна спеціальная сторона умственной дѣятельности народа, которая тогда изучается у многихъ народовъ. По первому способу дѣленія возникли напр. спеціальность классической филологіи и спеціальность славянорусской филологіи. Въ славянорусской филологіи изучается культурная жизнь славянскихъ народовъ, въ особенности русскаго народа, въ ихъ языкѣ, литературѣ, политической исторіи, искусствѣ, обычаяхъ и пр. По второму способу дѣленія возникла напр спеціальность (политической) исторіи. Сюда же относится юриспруденція, которая въ сущности составляетъ одну небольшую частную филологическую дисциплину. Но въ виду своего практическаго значенія юриспруденція стала преимущественно прикладной наукой и расширилась настолько, что изучается на отдѣльномъ факультетѣ.

Сюда относится также языковѣдѣніе (сравнительное языковѣдѣніе), которое въ западныхъ университетахъ составляетъ нерѣдко предметъ такой же особой университетской спеціальности, какъ напр. исторія. По практическимъ соображеніямъ языковѣ-

дѣніе у насъ самостоятельной отрасли университетскаго изученія не составляетъ. Но понятно классикамъ и словесникамъ нужно заниматься и научнымъ изученіемъ классическихъ resp. славянскихъ языковъ, а для этого необходимо еще изученіе извѣстныхъ отдѣловъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ и общаго языковѣдѣнія. Въ виду своего болѣе общаго значенія послѣдній предметъ изучается и историками, и можно думать, со временемъ будетъ изучаться и юристами и нѣкоторыми спеціалистами-медиками. Особенно тѣсно связана съ научнымъ изученіемъ языка общественная психологія, логика и отчасти индивидуальная психологія.

Представителями общаго языковѣдѣнія являются въ нашихъ университетахъ спеціалисты по сравнительной грамматикѣ иидоевропейскихъ языковъ потому, что они единственные, которые могутъ сосредоточиваться исключительно на языкѣ, такъ какъ классики, слависты и представители русскаго языка должны быть одновременно и представителями нѣкоторыхъ другихъ филологическихъ дисциплинъ своей области, какъ литературы, отчасти политической исторіи и пр. Впрочемъ, вслѣдствіе возрастанія размѣровъ науки, въ дѣйствительности классики и слависты являются въ настоящее время уже или преимущественно спеціалистами по языку, или же преимущественно спеціалистами по исторіи, древностямъ или литературѣ своей спеціальной области.

Общая и практическая (описательная) фонетика, особенно съ примѣненіемъ экспериментальной фонетики, разрабатывается заграницей преимущественно неофилологами—спеціалистами по отечественному языку или по новымъ иностраннымъ языкамъ. Занятія фонетикой обусловлены у нихъ насущными потребностями спеціальности, какъ научными — для изслѣдованія живыхъ діалектовъ, такъ и практическими—для привитія учащимся правильнаго произношенія, въ томъ числѣ и родного общегосударственнаго языка. Нужно надѣяться, что въ будущихъ учебныхъ планахъ русскій языкъ завоюетъ себѣ должное въ научномъ отношеніи положеніе, и для надобностей діалектологіи розовьется и практическая фонетика. Она безусловно необходима для преподавателей иностранныхъ языковъ, какъ скоро мы будемъ предъявлять къ нимъ тѣ требованія, которыя ставятся имъ напр. въ Германіи и которыя выработаны тамъ добровольно самими же преподавателями.

§ 3. Дѣленіе языковѣдѣнія на отдѣлы въ связи съ задачами его.

Предварительно нужно замѣтить, что не слѣдуетъ смѣшивать научное изученіе языка съ практическимъ изученіемъ его. Можно вполнѣ владѣть языкомъ устно и въ письмѣ и не имѣть понятія о научной сторонѣ его. Наоборотъ, можно знать научно

языкъ и не владѣть имъ практически, какъ можно быть ученымъ механикомъ или ботаникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плохимъ мастеровымъ или садовниковъ. Практическое знаніе изслѣдуемаго языка облегчаетъ лишь работу, дѣлаетъ матеріалъ болѣе доступнымъ, но въ тоже время можетъ скрывать отъ вниманія явленія, замѣтныя стоящему подальше болѣе объективному изслѣдователю. Впрочемъ для разработки болѣе тонкихъ различій синтаксиса и семасіологіи весьма существенно основательное практическое знаніе языка. Конечно, практически знаютъ обыкновенно только живой современный языкъ, т. е. новѣйшій моментъ въ исторіи обыкновенно только родного языка.

Наука языковѣдѣнія распадается на нѣсколько главныхъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый разсматриваетъ факты языка съ извѣстной стороны.

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изучающій языкъ только съ звуковой стороны, называется *фонетикой*.

Тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который разсматриваетъ слова и сочетанія словъ въ связи съ ихъ реальными значеніями, называется *лексикологіей*, *словаремъ* (лексикономъ).

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изучающій слова въ ихъ формахъ въ связи съ формальными значеніями словъ, называется *морфологіей*. Въ практическихъ грамматикахъ этотъ отдѣлъ нерѣдко называется ошибочно «этимологіей».

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изучающій формы предложеній (въ составъ которыхъ входятъ и формы отдѣльныхъ словъ по отношенію къ употребленію ихъ въ словосочетаніяхъ въ предложеніяхъ) въ связи съ формальными значеніями предложеній, называется *синтаксисомъ*.

Морфологія и синтаксисъ объединяются общимъ именемъ *грамматика*. Впрочемъ, въ грамматикѣ помѣщаютъ обыкновенно и ученіе о звукахъ (фонетику), а синтаксисъ нерѣдко отсутствуетъ въ ней.

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изслѣдующій значенія языка сами по себѣ, называется *семасіологіей* или семантикой.

Подъ научнымъ изученіемъ какого-нибудь языка понимается обыкновенно историческое изученіе его, изслѣдующее языкъ въ его измѣненіяхъ во времени и выясняющее, какъ изъ фактовъ предыдущихъ эпохъ постепенно развивались позднѣйшіе. Но понятно, можно изслѣдовать тотъ или другой языкъ безъ отноше-

нія къ его прошлому, какъ онъ существуетъ или существовалъ въ извѣстный историческій моментъ, въ извѣстный періодъ своего развитія. Такая работа будетъ сама по себѣ также научной, хотя въ результатѣ является описаніе языка, служащее обыкновенно для практическихъ цѣлей.

Сообразно съ этимъ каждый изъ вышеозначенныхъ отдѣловъ можетъ быть или *историческимъ* (научнымъ) или *описательнымъ* (практическимъ).

Фонетика.

Такимъ образомъ ученіе о звукахъ рѣчи или фонетика заключаетъ въ себѣ или исторію звуковъ какого либо языка и звуковые законы, опредѣляющіе постепенное измѣненіе этихъ звуковъ. Это—научная фонетика или *исторія звуковъ*. Или же въ фонетикѣ дается лишь описаніе звуковъ даннаго говора или литературнаго и пр. языка въ извѣстное время его существованія, напр. описаніе звуковъ современнаго общерусскаго языка, французскаго языка и пр. Въ послѣднемъ случаѣ это будетъ *описательная фонетика* или *описаніе звуковъ*, метрика и пр.

Морфологія и синтаксисъ (грамматика).

Такимъ же образомъ различается научная или историческая морфологія отъ описательной, т. е. неисторической. Названія эти непривычны лишь потому, что на практикѣ появляются или монографіи въ видѣ исторіи формъ склоненія или спряженія и пр., или же морфологія является составной частію (вмѣстѣ съ фонетикой или съ синтаксисомъ или же съ обоими) грамматики, которая, сообразно съ вышесказаннымъ, называется или *исторической* (научной) *грамматикой* или описательной (*практической*) *грамматикой*. Первая содержитъ въ отдѣлѣ морфологіи исторію формъ словъ въ связи съ значеніями ихъ, и въ отдѣлѣ синтаксиса—исторію формъ словосочетаній въ предложеніяхъ въ связи съ формальными значеніями ихъ. Въ практической грамматикѣ разсматриваются тѣ же факты по отношенію къ одной опредѣленной эпохѣ языка. Такимъ же образомъ различаютъ *историческій синтаксисъ* и описательный (*практическій*) *синтаксисъ*.

Словарь.

Если въ словарѣ помѣщаются слова изъ разныхъ эпохъ языка, такъ что подъ каждымъ словомъ мы находимъ въ исторической послѣдовательности его разновидности изъ древнихъ до новыхъ эпохъ съ соотвѣтствующими значеніями, то такой словарь называется *историческимъ*, въ отличіе отъ обыкновенныхъ *практическихъ словарей*, въ которыхъ дается весь запасъ въ словахъ и значеніяхъ напр. современнаго литературнаго англійскаго языка, русскаго языка и пр. Такихъ «историческихъ» словарей пока мало. Къ историческимъ словарямъ принадлежатъ еще *этимологическіе словари*, въ которыхъ при помощи сравнительноисторическаго изученія объясняется происхожденіе словъ (*этимологія*) напр. русскаго или греческаго языка. Разница между этимологическимъ и историческимъ словаремъ такая же, какъ между сравнительной грамматикой и исторической грамматикой (см. ниже).

Семасіологія.

Точно также можно было бы кромѣ семасіологіи, изучающей значенія какого-либо языка въ ихъ исторіи, принимать описательную семасіологію, относя сюда напр. ученіе о синонимахъ, о стилистическихъ различіяхъ въ извѣстную эпоху даннаго языка и пр.

Общее языковѣдѣніе.

Рядомъ съ этими отдѣлами существуетъ еще особая часть языковѣдѣнія, которую можно назвать *общимъ языковѣдѣніемъ* или *теоріей* языка или *философіей* языка. Въ ней разсматриваются тѣ общія условія жизни и развитія языка, которыя одинаково присущи всѣмъ языкамъ: въ чемъ заключается языкъ, какія въ немъ дѣйствуютъ силы или факторы, какова общая природа ихъ и способъ взаимодѣйствія, какъ производятся звуки и чѣмъ объясняются ихъ измѣненія, какъ образуются и измѣняются формы словъ и словосочетаній, какъ и почему происходятъ измѣненія значеній и пр. и пр.

Такимъ образомъ параллельно съ исторической и описательной фонетикой отдѣльныхъ языковъ, въ общемъ языковѣдѣніи долженъ существовать такой отдѣлъ, такая *общая фонетика*, которая разсматриваетъ устройство органовъ рѣчи и способы

производства ими звуковъ рѣчи вообще, природу звуковъ рѣчи и пр. Изученіемъ общихъ условій производства звуковъ рѣчи занимается и физіологія. Поэтому могло бы казаться, что достаточно черпать эти свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи. Но физіологія не можетъ считаться со всѣми тѣми частностями, которыя необходимы языковѣду. А главное — историческая фонетика изучаетъ измѣненія звуковъ во времени. Поэтому и общая фонетика должна заниматься между прочимъ изученіемъ общихъ условій сохраненія и измѣненія языка въ звуковомъ отношеніи. Для этого необходимо разсматривать звуковую сторону не только въ наружномъ языкѣ, въ дѣятельности органовъ рѣчи и слуха, но и во внутреннемъ языкѣ, въ слуховыхъ и двигательныхъ представленіяхъ, связанныхъ съ физіологической работой уха и органовъ рѣчи. Только изъ взаимодѣйствія этихъ физіологическихъ и психическихъ факторовъ можно объяснять тѣ звуковыя измѣненія языка, которыя составляютъ предметъ изученія исторической фонетики. Въ виду этого, по предмету изученія общая фонетика не тождественна съ физіологіей звуковъ рѣчи. Физіологія звуковъ рѣчи является лишь составной частью общей фонетики. Въ ней напр. акустика звуковъ рѣчи должна имѣть не меньшее значеніе. Такая общая фонетика не должна быть апріорной. Исходя изъ фактическихъ данныхъ разныхъ языковъ, она должна дать тѣ общія свѣдѣнія, которыя необходимы для пониманія и разъясненія фонетическихъ явленій хотя бы въ той области исторической фонетики, для которой она служитъ пропедевтикой.

Точно такъ же для вѣрнаго пониманія историческаго измѣненія языка въ области *морфологіи* и *синтаксиса* необходимы такіе отдѣлы общаго языковѣдѣнія, которые между прочимъ разсматриваютъ, какимъ образомъ изъ взаимодѣйствія существующихъ въ языкѣ факторовъ возникаютъ вообще всѣ тѣ измѣненія языка, которыя составляютъ предметъ изученія этихъ отдѣловъ исторіи языка, чѣмъ они вызываются, при какихъ условіяхъ они происходятъ и пр.

Къ такимъ явленіямъ относятся напр. *образованіе по аналогіи*, играющее существенную роль въ жизни языка, *народная этимологія* и нѣк. другія. Изученіе сущности и общихъ условій ихъ составляетъ предметъ общаго языковѣдѣнія. Въ этой области предстоитъ еще много работы по экспериментальной

Вищ... ІНСТИТУТ

психологіи языка, вслѣдствіе сложности и неуловимости относящихся сюда психическихъ явленій.

Измѣненія въ *значеніяхъ* происходятъ по общимъ психическимъ законамъ ассоціаціи вслѣдствіе требованій нашего мышленія, для котораго слова въ предложеніяхъ служатъ средствомъ обнаруженія. Болѣе точные законы, по которымъ происходятъ измѣненія языка въ области семасіологіи, еще не установлены.

Общее языковѣдѣніе служитъ основой методики научнаго и практическаго изученія языка.

Измѣненія въ языкѣ (развитіе языка) сводятся вообще къ измѣненію существующихъ фактовъ, къ утратѣ ихъ и къ возникновенію новыхъ фактовъ. Появленіе совершенно новыхъ словъ, новыхъ словъ изъ старыхъ составныхъ частей, новыхъ формъ словъ и формъ словосочетаній, новыхъ значеній, а также утрата словъ, утрата формъ словъ и формъ словосочетаній и утрата значеній, происходятъ извѣстными, опредѣленными способами, согласно устройству языка вообще и психологической и физической природѣ его носителя — человѣка. Изученіе способовъ возникновенія этихъ измѣненій входитъ въ составъ общаго языковѣдѣнія. Кто не знакомъ съ ними, тотъ можетъ при изслѣдованіи этихъ фактовъ въ томъ или другомъ языкѣ приписывать языку такія явленія, которыя противорѣчатъ его природѣ и закрываютъ истину, какъ это нерѣдко случается у изслѣдователей, не прошедшихъ лингвистическую школу.

Въ виду этого общее языковѣдѣніе служитъ основой методики всякой научной работы въ области языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно является и основой методики практическаго изученія языка, такъ какъ раціонально преподавать можетъ лишь тотъ, кто выяснилъ себѣ такъ сказать природу языка и его отношеніе къ природѣ обучаемаго человѣка.

Сравнительная грамматика. Родство языковъ.

Сравнительная грамматика составляетъ тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который изучаетъ исторію какой либо семьи языковъ до эпохи общаго родоначальника этихъ языковъ, т. е. до праязыка ихъ, напр. сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ, сравнительная грамматика славянскихъ языковъ и др. При этомъ приходится *возстановлять* тѣ факты этой

исторіи, которые не дошли до насъ въ памятникахъ. Эта такъ называемая реконструкція производится посредствомъ сравнительноисторическаго изученія соотвѣтствующихъ *фактовъ* памятниковъ и живыхъ языковъ. Въ виду широкаго примѣненія при этомъ *сравнительнаго метода*, такое изученіе преимущественно древнихъ индоевропейскихъ языковъ получило первоначально названіе «сравнительной грамматики», въ отличіе отъ существовавшей раньше «практической грамматики» и въ отличіе отъ «исторической грамматики», изучающей въ историческомъ порядкѣ факты, почерпнутые изъ памятниковъ. Въ сущности «сравнительная грамматика» и «историческая грамматика» (или «исторія» какого либо языка) изучаютъ одинаково исторію языка, только при различныхъ условіяхъ, въ виду чего для различія оба названія сохраняются донынѣ.

Каждое изъ разнаго рода измѣненій языка происходитъ извѣстными, свойственными ему путями и подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, болѣе или менѣе выясненныхъ наукою. Благодаря этому только и возможно возстановленіе доисторическихъ фактовъ языковъ и пополненіе и болѣе точное опредѣленіе тѣхъ фактовъ, которые дошли до насъ въ памятникахъ.

Первая ступень въ этой работѣ заключается въ опредѣленіи, какіе языки образуютъ одну родственную группу или *семью* языковъ, и каковы родственныя отношенія между ними, т. е. въ *родственной классификаціи* языковъ. Родственныя отношенія между языками опредѣляются на основаніи тѣхъ сходствъ въ словарѣ, звуковомъ составѣ и грамматикѣ, которыя не могутъ объясняться *случайнымъ совпаденіемъ* или *заимствованіемъ*. При этомъ для родства нужно не полное совпаденіе (это свидѣтельствовало бы скорѣе въ пользу заимствованія), а такое соотношеніе между языками, при которомъ явленія каждаго родственнаго языка возможно выводить изъ одного общаго родоначальника—праязыка, принимая для каждаго изъ нихъ извѣстныя допустимыя въ данномъ языкѣ измѣненія. Отсюда уже видно, что первая попытка родственнаго сближенія языковъ неизбѣжно связана съ попыткой возстановленія ихъ прошлаго и съ предположеніемъ общаго родоначальника—праязыка, такъ какъ самое понятіе родства заключаетъ въ себѣ требованіе общаго происхожденія, слѣдовательно извѣстнаго факта изъ прошлаго.

Въ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ существуютъ поэтому такіе же отдѣлы (сравнительной) *фонетики*, (сравнительной) *морфологіи* и (сравнительнаго) *синтаксиса*, возстановляющіе исторію звуковъ, исторію формъ словъ и исторію формъ словосочетаній въ предложеніи съ ихъ значеніями въ доисторическую эпоху (въ эпоху, предшествующую письменной традиціи), какіе существуютъ по отношенію къ историческимъ эпохамъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Сюда же относится *сравнительный* (сравнительноисторическій) *словарь* индоевропейскихъ языковъ и сравнительноисторическая семасіологія этихъ языковъ.

Для лучшаго пониманія постараюсь показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ могла возникнуть сравнительная грамматика и какъ она справляется со своими задачами.

Изъ сравненія такихъ словъ, какъ санскритское ávis — овца, греческое ὄvις, перешедшее затѣмъ въ οἶς—овца, латинское ovis—овца, старославянское **овца**, литовское avìs — овца и пр., или санскритское asti—есть, греческое ἐστὶ—есть, латинское est—есть, старославянское **есть**, литовское ẽsti—есть, нѣмецкое ist и пр., и множества другихъ подобныхъ сходныхъ словъ должны были придти къ заключенію, что такое сходство не можетъ быть случайнымъ, тѣмъ болѣе, что подобное сходство оказывалось и въ системахъ склоненія и спряженія и пр. Но какъ же объяснить это совпаденіе? Очевидно только тѣмъ, что всѣ эти языки произошли изъ одного языка и представляютъ дальнѣйшія діалектическія развѣтвленія этого языка. Но гдѣ этотъ языкъ? Онъ очевидно долженъ былъ быть общимъ языкомъ предковъ индусовъ, грековъ, римлянъ, славянъ, германцевъ и пр.; слѣдовательно было время, когда эти предки составляли одну языковую общину, одинъ народъ. Въ то сравнительно отдаленное время этотъ языкъ конечно не могъ быть записанъ, слѣдовательно могъ дойти до насъ только въ своихъ потомкахъ. Всѣ эти языки были названы *индоевропейскими* (индогерманскими), а общій доисторическій родоначальникъ ихъ былъ названъ *индоевропейскимъ праязыкомъ*.

Посредствомъ дальнѣйшаго сравнительнаго изученія фактовъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, преимущественно древнихъ, старались затѣмъ возстановить звуки, слова (словарь) и формы словъ (грамматику) индоевропейскаго праязыка, а въ

связи съ этимъ должны были возстановлять и доисторическія измѣненія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ до начала письменныхъ памятниковъ. Такъ, изъ вышеприведенныхъ названій «овцы» можно было легко установить, что въ праязыкѣ существовало это слово съ тѣмъ же значеніемъ (фактъ лексическій) и оканчивалось въ им. п. ед. ч. на -vis, допуская слѣдовательно, что звуки -v-i-s сохранились въ санскритскомъ, латинскомъ, литовскомъ языкахъ при данныхъ условіяхъ безъ измѣненія. Но это нужно было провѣрить на всѣхъ тѣхъ словахъ, которыя содержатъ эти же звуки при тѣхъ же условіяхъ. Это подтвердилось въ большинствѣ случаевъ, причемъ оказалось, что въ греческомъ языкѣ *v* исчезало въ историческую эпоху. Оказалось также, что *i* и конечное *s* сохранялись въ этихъ языкахъ, кромѣ славянскихъ, въ которыхъ уже въ праславянскую эпоху конечное *s* исчезло, а *i* перешло въ болѣе широкій очень краткій звукъ ь, который въ русскомъ языкѣ при однихъ условіяхъ измѣнился въ *е*, при другихъ исчезъ: ср. старославянскія **овьць**, **овьца**—русскія «овец», «овца». Послѣ долгаго времени и длиннаго ряда работъ убѣдились, что въ первомъ слогѣ этого слова и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ было въ праязыкѣ *о*, а не *а* (какъ раньше думали, подъ вліяніемъ санскритскаго языка), такъ что все слово звучало въ праязыкѣ въ именит. п. ovis.

Съ теченіемъ времени сравнительное изученіе дѣлалось все болѣе сравнительно-историческимъ, т. е. все болѣе стали соблюдать хронологическую послѣдовательность въ возстановляемыхъ фактахъ языка. Такъ, нельзя сопоставлять непосредственно литовское *а* въ avìs съ санскритскимъ *а* въ âvis, такъ какъ изъ сравненія съ славянскими языками мы знаемъ, что литовское *а* еще въ сравнительно поздній періодъ, въ балтійскославянскую эпоху, былъ звукъ близкій къ *о*, такъ что измѣненіе его въ *а* произошло совершенно независимо отъ санскрита и нисколько не сближаетъ этихъ языковъ въ родственномъ отношеніи.

Изъ этихъ примѣровъ понятно, почему (историческая) фонетика получила въ сравнительной грамматикѣ и вообще въ современномъ языковѣдѣніи первенствующее значеніе.

Возстановляя такимъ же образомъ окончанія другихъ падежей, посредствомъ такого же сравнительноисторическаго изученія формъ отдѣльныхъ падежей въ индоевропейскихъ языкахъ,

мы установляемъ склоненіе индоевропейскаго праязыка. Такъ же возстановляются основы и суффиксы спряженія и пр.

Сравнительное историческое изученіе дополняетъ данныя памятниковъ

Возстановленіемъ доисторическихъ фактовъ языка роль сравнительноисторическаго изученія языковъ не исчерпывается. Факты историческихъ эпохъ языковъ дошли до насъ только въ письменныхъ памятникахъ. Въ этихъ памятникахъ намъ даются только письменные знаки, которые условно, символически обозначаютъ звуки языка. А языковѣдѣніе занимается изслѣдованіемъ звукового языка. Слѣдовательно, первая работа историка языка, это—возстановленіе по письменнымъ знакамъ подлиннаго устнаго языка. (Конечно и письмо само по себѣ составляетъ предметъ особаго изслѣдованія, въ палеографіи. Но это уже другая спеціальность, съ другими пріемами изслѣдованія). Эта работа совершенно невозможна безъ сравнительноисторическаго изученія родственныхъ живыхъ и мертвыхъ языковъ. Какъ мы могли бы иначе опредѣлить произношеніе напр. старославянскихъ или даже древнерусскихъ словъ, когда ни одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ не сохранилъ этого произношенія? Такъ, въ древнихъ старославянскихъ памятникахъ даже буквамъ ѣ, ѣ, а передъ мягкими гласными т, с и пр. соотвѣтствовали нѣсколько иные звуки, чѣмъ въ нынѣшнемъ общерусскомъ языкѣ. А напр. звуки, соотвѣтствующіе буквамъ ѫ, ѧ, ъ, ь, нельзя даже приблизительно опредѣлить изъ произношенія современнаго русскаго языка. На практикѣ русскій читатель читаетъ древній памятникъ съ своимъ произношеніемъ, сербъ--съ своимъ, нѣмецъ —съ своимъ. Но посвященный въ дѣло отлично понимаетъ, что всѣ они коверкаютъ языкъ. Въ лингвистикѣ по этимъ буквамъ нужно возстановлять подлинный языкъ соотвѣтствующей эпохи.

Сравнительно рѣдко сохранились прямыя указанія о произношеніи древнихъ; косвеннымъ указаніемъ служатъ иногда показанія другихъ языковъ, позаимствовавшихъ такія слова. Лишь фонографическія записи, которыя могли бы въ точности воспроизводить подлинную звуковую рѣчь, могли бы служить непосредственнымъ историческимъ матеріаломъ для изсѣдователя языка. Но такое изученіе будетъ доступно только будущимъ поколѣніямъ по отношенію къ нынѣшнимъ языкамъ.

Внѣшняя исторія языковъ. Географія, этнологія и пр. языковъ.

При научномъ изученіи языка необходимо считаться и съ извѣстными внѣшними условіями, лежащими внѣ языка, но оказывающими на него вліяніе. Сюда относится географическое расположеніе языка. Вліяніе окружающей природы и климата на человѣка несомнѣнно, а потому оно можетъ отражаться посредственно и на языкѣ. Для діалектическаго развитія языка весьма существенно, занимаетъ ли площадь языка способствующую путямъ сообщенія равнину, или она пересѣкается высокими горами, большими рѣками и лѣсами и пр., мѣшающими непосредственнымъ языковымъ сношеніямъ.

Относительно вліянія сосѣднихъ языковъ важно, насколько обширны и интенсивны сношенія съ сосѣдями. Такъ, иноязычный народъ, разбросанный оазисами или живушій даже въ перемѣшку съ даннымъ народомъ, можетъ оказывать между прочимъ и на языкъ его наибольшее вліяніе и т. д. Понятно, что изученіе подобныхъ географическихъ условій языка особенно важно для исторіи языка и должно быть историческимъ, такъ какъ вслѣдствіе перемѣщенія народовъ и измѣненія путей сообщенія они измѣняются.

Къ такимъ внѣшнимъ историческимъ условіямъ языка относятся вопросы, былъ ли носитель его многочисленный народъ —завоеватель, или сильный культурой, національнымъ сознаніемъ и пр., пріобрѣлъ ли языкъ выдающееся значеніе какъ воплощеніе религіозной или свѣтской литературы устной или писанной, научной литературы и пр.

Сюда относится также выясненіе внѣшнихъ условій памятниковъ, какъ источниковъ для исторіи языка: когда и кѣмъ они написаны, къ какимъ діалектамъ они относятся, оригиналы ли они или списки и т. д.

Гипотезы о происхожденіи человѣческаго языка.

Данныя, добытыя изъ научнаго изученія языка и природы человѣка, даютъ намъ нѣкоторое право задаваться и вопросомъ о происхожденіи человѣческаго языка, вообще, или по крайней мѣрѣ о тѣхъ способахъ, какимъ онъ могъ возникнуть. Когда-то это былъ главный вопросъ философіи языка и рѣшался просто вслѣдствіе невозможности разрѣшить его съ достовѣрностью

этотъ вопросъ теперь на заднемъ планѣ, хотя онъ понятно не потерялъ своего интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что устный языкъ возникалъ постепенно, въ теченіе долгаго времени, при содѣйствіи многихъ разнородныхъ условій, разными окольными путями, такъ что простого разрѣшенія вопроса и ожидать нельзя, тѣмъ болѣе, что въ связи съ языкомъ и при помощи его развивалась и мыслительная способность человѣка.

До сихъ поръ выставлялись разныя, большею частію односторонніе гипотезы о происхожденіи языка, которыя частію уже опровергнуты новыми успѣхами въ знаніи природы языка и его носителей. Но уже изъ этого видно, что языковѣдѣніе все болѣе получаетъ право на болѣе чѣмъ гипотетическое рѣшеніе этого вопроса, далеко не лишняго въ наукѣ. Конечно, нельзя разсчитывать на возстановленіе исторической картины первоначальнаго возникновенія языка. Вопросъ сведется къ указанію тѣхъ способовъ, какими онъ могъ возникнуть при наличности тѣлесныхъ и духовныхъ условій человѣка того времени.

Раздѣленіе труда въ области языковѣдѣнія.

Такъ какъ въ задачу языковѣдѣнія входитъ изслѣдованіе всѣхъ языковъ во всѣхъ ихъ діалектическихъ разновидностяхъ до возможно отдаленной древности, то понятно, что здѣсь необходимо раздѣленіе труда. Поэтому одни лингвисты, напр. семитисты, занимаютоя спеціальнымъ изученіемъ исторіи семитическихъ языковъ, другіе изучаютъ исторію уралоалтайскихъ языковъ или только нѣсколькихъ группъ ихъ, третьи изучаютъ исторію индоевропейскихъ языковъ и т. д.

Но въ виду многочисленности языковъ и говоровъ, древнихъ и новыхъ, входящихъ въ составъ индоевропейской семьи языковъ, и въ виду обширности научной литературы, совмѣщеніе въ одномъ лицѣ научнаго знанія всѣхъ индоевропейскихъ языковъ въ настоящее время совершенно невозможно. Поэтому явились меньшія спеціальности: сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, сравнительная грамматика германскихъ языковъ, иранскихъ языковъ и пр.

Такимъ образомъ изученіе дрѣвнѣйшаго періода исторіи индоевропейскихъ языковъ, отъ индоевропейскаго праязыка до древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ отдѣльныхъ языковъ включительно, составляетъ предметъ *сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ* по преимуществу. Продолженіемъ этой исторіи служатъ спеціальныя сравнительныя грамматики отдѣльныхъ вѣтвей индоевропейской семьи языковъ, какъ сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, романскихъ языковъ, германскихъ языковъ и пр. Такъ какъ факты древнѣйшаго періода

не дошли до насъ непосредственно, а исключительно возстановляются посредствомъ сравнительноисторическаго изученія позднѣйшихъ періодовъ языковъ, то этотъ отдѣлъ исторіи получилъ названіе „сравнительной грамматики“ по преимуществу. А сравнительная грамматика (или исторія) славянскихъ языковъ или романскихъ языковъ и пр. изучаетъ главнымъ образомъ факты, почерпнутые изъ памятниковъ и изъ живыхъ языковъ.

Понятно, чѣмъ болѣе напр. славистъ приближается къ настоящему времени, тѣмъ легче онъ объясняетъ всѣ явленія языка изъ того историческаго прошлаго даннаго языка, которое сохранилось въ памятникахъ. Наоборотъ, по мѣрѣ приближенія къ началу письменности, возстановленіе доисторическихъ фактовъ при помощи сравнительноисторическаго изученія отдѣльныхъ славянскихъ и другихъ индоевропейскихъ языковъ становится все болѣе необходимымъ. Такъ напр. чередованіе о съ *а*, какъ въ „вада“—„воды“, чередованіе *е* съ о, какъ въ „ведро“—„вёдра“, возникновеніе формъ прошедшаго времени, какъ „сказалъ“, „сказали“ и пр. легко объясняются изъ фактовъ, сохранившихся въ болѣе древнихъ памятникахъ того же русскаго языка. Но напр. для выясненія происхожденія формъ опредѣленнаго прилагательнаго, какъ „добрая“, „добрую“ и пр., необходимо восходить до балтійскославянской эпохи. Для объясненія же происхожденія большинства формъ склоненія и спряженія русскаго языка необходимо восходить до индоевропейскаго праязыка. Въ этомъ случаѣ славистъ долженъ быть настолько знакомъ съ сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ, чтобы по крайней мѣрѣ умѣть пользоваться научными результатами этой послѣдней.

Но подобное съуженіе области изученія невозможно для спеціалистовъ по древнѣйшей эпохѣ индоевропейскихъ языковъ, т. е. по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ (которыхъ можно было бы назвать индоевропеистами, какъ нѣмцы ихъ называютъ индогерманистами). Поэтому они съуживаютъ свою область такимъ образомъ, что изучаютъ болѣе спеціально только главныя и нѣкоторыя менѣе важныя для нихъ вѣтви индоевропейской семьи языковъ, удѣляя обыкновенно меньше вниманія кельтскому, армянскому, албанскому и иранскимъ языкамъ, смотря по обстоятельствамъ, и исключая по возможности новѣйшіе періоды индоевропейскихъ языковъ, въ томъ числѣ новые литературные языки.

§ 4. Бѣглый обзоръ исторіи языковѣдѣнія и библіографіи.

Научное изученіе языка восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ. Анализъ языка на звуки необходимъ уже при изобрѣтеніи звукового письма. Но научныя изслѣдованія языка могутъ быть и древнѣе письменности, какъ было напр. въ Индіи. Они возникали въ древности въ особенности тамъ, гдѣ имѣлось дѣло съ неродственнымъ или родственнымъ языкомъ, отличающимся отъ род-

ного, пріобрѣвшимъ въ религіозномъ или иномъ отношеніи право на особенное вниманіе.

Такъ, семитическіе ассирійцы выработали пособія для пониманія чуждаго имъ языка аккадско-сумерійскаго народа, письменность и культуру котораго они переняли. Стремленіе сохранить въ чистотѣ языкъ пророка заставило магометанъ, особенно персовъ, въ точности опредѣлить этотъ языкъ. Научныя работы надъ языкомъ Ветхаго Завѣта были вызваны уже послѣ Р. Х. потребностью прибавлять гласныя, чтобы предупредить потерю традиціоннаго произношенія у разсѣянныхъ евреевъ, забывшихъ свой языкъ.

По самостоятельности, вмѣстѣ съ полнотой и многосторонностью въ изученіи своего языка, древніе индійцы стояли выше всѣхъ другихъ народовъ. Ведійскій языкъ существовалъ искони у боговъ, былъ самъ божествомъ, творившимъ чудныя дѣла. Поэтому и слова ведійскихъ гимновъ имѣли сверхъестественную силу, и малѣйшія ошибки въ произношеніи могли быть гибельны. Къ тому же древнеиндійскій языкъ своимъ высокимъ развитіемъ и формальнымъ богатствомъ предъявлялъ къ изслѣдователю исключительныя требованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ своей прозрачностью и сложной стройностью поощрялъ и облегчалъ его работу. Этимъ требованіямъ къ счастью соотвѣтствовали высокое умственное развитіе, глубина и чуткость его изслѣдователей—браминовъ. Они сдѣлали все, что было возможно: собирали и обрабатывали тексты, комментировали языкъ ихъ между прочимъ въ физіологическомъ отношеніи, анализировали слова на корни и суффиксы, составляли очень краткія и полныя грамматики санскритскаго языка и впослѣдствіи народныхъ діалектовъ и т. д.

Главная научная разработка греческаго языка происходила въ Александріи, латинскаго въ Византіи. Впрочемъ надъ языкомъ работали уже умы многихъ древнихъ греческихъ философовъ. Результатомъ такихъ научныхъ работъ явились грамматики греческаго языка, составленныя въ Римѣ для практическаго преподаванія греческаго языка. По образцу ихъ составлялись въ Европѣ всѣ позднѣйшія грамматики латинскаго языка и другихъ языковъ. Пренебрежительное отношеніе къ языкамъ «варваровъ» помѣшало грекамъ лучше понимать языкъ. Европейскимъ народамъ въ средніе вѣка помѣшала въ лучшемъ пониманіи ихъ языковъ подавляющая роль латинскаго языка. Но переводы свя-

щеннаго писанія на готскій (4 в.), армянскій (5 в.), славянскій (9 в.) языки заставляли изучать звуковой и грамматическій строй этихъ языковъ.

Въ 18 в. существовали уже работы по сравнительной грамматикѣ венгрофинскихъ языковъ.

По идеѣ Лейбница составлялись съ 17 в. каталоги, короткіе тексты и словари, въ которыхъ большею частію безъ внутренняго порядка сопоставлялись слова разныхъ родственныхъ и неродственныхъ языковъ. Лейбницъ просилъ и Петра Великаго о собираніи такихъ матеріаловъ изъ языковъ его государства для выясненія происхожденія народовъ и для введенія христіанства („ut omnis lingua laudet Dominum"). Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ Екатерина II принимала личное участіе въ составленіи широко задуманнаго словаря, появившагося въ 1787 г. въ С.-Петербургѣ подъ заглавіемъ „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы". Второе изданіе содержитъ переводъ нѣсколькихъ сотенъ словъ на почти 300 языкахъ Европы, Азіи, Африки и Америки. Впрочемъ уже въ древнерусской рукописной литературѣ существовало немало словарей чужихъ и вообще непонятныхъ словъ. Они имѣли отчасти энциклопедическій характеръ и назывались „азбуковникими", „алфавитами" и пр. Рядомъ съ ними существовали и подражательныя грамматическія работы главнымъ образомъ по церковнославянскому языку. Съ конца 16 в. начали появляться въ Россіи и подобныя печатныя грамматики и словари.

Въ срединѣ 18 в. появилась у насъ первая полная грамматика литературнаго русскаго языка, „Россійская грамматика" Ломоносова. Въ ней авторъ различалъ уже „просторѣчіе" и церковнославянскіе составные элементы русскаго литературнаго языка, пользовался фактами памятниковъ и старательно собранными матеріалами изъ живого языка, обнаруживая при этомъ пониманіе историческаго развитія языка и вѣрные взгляды на правописаніе. Въ концѣ 18 в. появился „Словарь Академіи Россійской" русскаго языка. Рядомъ съ этими работами появились у насъ еще многочисленныя работы по языку вообще, по русскому и славянскому языкамъ, грамматики французскаго и нѣмецкаго языка; значительное число работъ посвящено восточнымъ языкамъ: китайскому, японскому, калмыцкому, татарскому, угрофинскимъ, кавказскимъ и пр. Въ 1820 г. появилось выдающееся для своего времени „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ" Востокова (Osten), положившаго начало русской лингвистикѣ основательнымъ изученіемъ старославянскихъ и русскихъ памятниковъ, примѣненіемъ вѣрнаго сравнительнаго метода въ изученіи славянскихъ языковъ, опредѣленіемъ отношенія древнерусскаго языка къ новому и къ церковнославянскому, польскому, сербскому и т. д. Востоковъ далъ между прочимъ впервые вѣрное опредѣленіе звукового значенія юсовъ.

Разработка славянскихъ языковъ обязана своимъ раннимъ развитіе ъ еще славянскимъ ученымъ Добровскому, Копитару, Караджичу и друг. Къ нимъ примыкаютъ другіе слависты и вообще собиратели и изслѣдователи славянскихъ языковъ, какъ извѣстный Шлейхеръ, Мик-

лошичъ, Даничичъ, Гейтлеръ, Гебауэръ, изъ русскихъ ученыхъ Григоровичъ, Срезневскій, Буслаевъ (послѣдователь Боппа и Гримма), Лавровскій, Бетлингъ (Böhtlingk, составившій вмѣстѣ съ Roth'омъ большой санскритскій словарь, такъ называемый „Петербургскій словарь", и давшій лучшее до недавняго времени описаніе звуковъ русскаго языка), Даль (авторъ замѣчательнаго, богатаго по содержанію „Толковаго словаря великорусскаго народнаго языка»), Потебня (глубокомысленный изслѣдователь синтаксиса русскаго языка), Рыбниковъ и Гильфердингъ (собиратели былинъ), Колосовъ, Кочубинскій и друг., не говоря о благополучно здравствующихъ русскихъ славистахъ и вообще лингвистахъ.

Сравнительноисторическое изученіе индоевропейскихъ языковъ.

Нынѣшняя наука сравнительнаго языковѣдѣнія индоевропейскихъ языковъ ведетъ свое начало со времени основательнаго знакомства европейскихъ ученыхъ съ санскритомъ, съ начала 19 в., хотя отдѣльные миссіонеры изучали уже гораздо раньше санскритскій языкъ и убѣдились въ родствѣ его съ греческимъ и латинскимъ языками. Джонсъ (Jones) писалъ въ 1786 г. изъ Индіи, что санскритъ богаче и совершеннѣе, чѣмъ греческій и латинскій языки, и въ такомъ близкомъ родствѣ съ ними, что необходимо признать, что эти три языка, какъ и готскій и кельтскій, вышли изъ одного общаго источника, который можетъ быть уже не существуетъ больше. Насколько однако неясно представлялось другимъ отношеніе между языкомъ — родоначальникомъ и языками—потомками, объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ то, что извѣстный санскритологъ Фридрихъ Шлегель въ своей книгѣ «О языкѣ и мудрости индійцевъ», вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ въ 1808 г., считалъ древнеиндійскій языкъ старшимъ, изъ котораго произошли греческій, латинскій, персидскій и др. языки. Это превратное мнѣніе о санскритскомъ языкѣ, какъ родоначальникѣ другихъ индоевропейскихъ языковъ, получило впослѣдствіи широкое распространеніе въ сферахъ, отстоящихъ подальше отъ научнаго языковѣдѣнія.

Настоящимъ творцомъ *сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ* былъ Боппъ. Послѣ ряда работъ, въ которыхъ Боппъ доказывалъ родство всѣхъ индоевропейскихъ языковъ между собою и ихъ происхожденіе изъ одного языка и пр., онъ въ 1833—1852 г. выпустилъ свою знаменитую сравнительную грамматику (Franz Bopp, Vergleichende Grammatik des Sanskrit,Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen), вышедшую въ 1868—1871 г.г. третьимъ

изданіемъ. Конечно, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ работъ измѣнялись не только взгляды на частные факты, но и принципіальные, такъ что работы Боппа имѣютъ въ настоящее время преимущественно историческое значеніе.

Нѣсколько раньше, а именно съ 1819 г., стала выходить въ свѣтъ „Нѣмецкая грамматика“ Якова Гримма. Въ этой грамматикѣ дается исторія германскихъ нарѣчій по фактамъ, собраннымъ изъ памятниковъ. Такимъ образомъ Гриммъ сдѣлался основателемъ исторической грамматики, какъ Боппъ—сравнительной. Трудъ Гримма научилъ отводить должное мѣсто народнымъ діалектамъ, признавать закономѣрность въ измѣненіяхъ языка, и доказалъ важность точнаго и подробнаго изученія древнихъ памятниковъ.

Съ нынѣшней точки зрѣнія оба способа изученія языка, историческій и сравнительный, лишь дополняютъ другъ друга, хотя они возникли совершенно независимо другъ отъ друга. Нынѣшнее сравнительноисторическое изученіе языка (сравнительная грамматика) занимается одинаково какъ историческими фактами, сохранившимися въ древнихъ памятникахъ, такъ и тѣми доисторическими фактами, которые возстановляются посредствомъ сравнительнаго изученія языковъ. Только при помощи сравнительноисторическаго изученія многочисленныхъ діалектическихъ фактовъ, сохраняющихся въ древнихъ памятникахъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, мы въ состояніи возстановить болѣе раннія, доисторическія эпохи этихъ языковъ вплоть до праязыка, а иногда и дальше. И наоборотъ, при возстановленіи живого языка древнихъ эпохъ по часто неточнымъ записямъ памятниковъ, доисторическіе факты, раскрываемые сравнительнымъ изученіемъ языковъ, даютъ намъ необходимыя дополнительныя указанія, не говоря уже о томъ, что сами факты древнѣйшихъ памятниковъ получаютъ свое историческое освѣщеніе только изъ сравнительной грамматики.

Вторымъ сочиненіемъ, обнимающимъ сравнительную фонетику и морфологію индоевропейскихъ языковъ, было Schleicher'a Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 1861. Четвертое изданіе вышло въ 1876 г.

Дальнѣйшія наблюденія въ особенности новыхъ языковъ, позволявшихъ ближе, глубже и разностороннѣе всматриваться въ явленія языка, привели къ болѣе вѣрнымъ взглядамъ на языкъ

и его измѣненія въ деталяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ болѣе точнымъ методамъ изслѣдованія его. Особенно съ начала 80-ыхъ годовъ такъ называемые юнгграмматики стали справедливо приписывать образованію по аналогіи весьма существенную роль въ измѣненіи языка. Въ связи съ этимъ они стали проводить и мысль о недопустимости исключеній изъ звуковыхъ законовъ. Вскорѣ эти взгляды, впрочемъ съ бо́льшей осторожностью и умѣренностью въ обращеніи съ объясненіями по аналогіи, сдѣлались общимъ достояніемъ. Послѣдствіемъ этого была усиленная детальная разработка фонетики и нарожденіе въ послѣднее время экспериментальной фонетики.

Въ настоящее время главнымъ пособіемъ при изученіи сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ служитъ Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen Brugmann'a. Этотъ обширный трудъ вышелъ уже почти полностью вторымъ изданіемъ, въ двухъ томахъ и нѣсколькихъ частяхъ. Къ этой сравнительной грамматикѣ прибавленъ впервые и сравнительный синтаксисъ индоевроп. языковъ, въ видѣ 3-го, 4-го и 5-го томовъ, составленный Delbrück'омъ подъ заглавіемъ: Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen.

Болѣе подходящимъ для начинающихъ является сокращенное изданіе того же труда, составленное Бругманномъ подъ заглавіемъ Kurze vergleichende Grammatik der indogermanichen Sprachen, 1904. Эта сравнительная грамматика содержитъ въ очень сжатомъ и содержательномъ изложеніи фонетику, мофологію и сантаксисъ, но не всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, а лишь языковъ древнеиндійскаго, греческаго, латинскаго, германскихъ и старославянскаго съ литовскимъ. Краткая сравнительная грамматика Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes, отличается чрезмѣрно скептическимъ отношеніемъ къ доисторическимъ построеніямъ.

На русскомъ языкѣ изъ университетскихъ курсовъ сравнительной грамматики древнеиндійскаго, греческаго, латинскаго и старославянскаго языковъ пользовались до недавняго времени болѣе широкимъ распространеніемъ литографированныя изданія глубоко продуманныхъ лекцій бывшаго московскаго профессора, нынѣ академика Ф. Ѳ. Фортунатова. Къ нимъ примыкаютъ «Формы склоненія въ старославянскомъ языкѣ» проф. Ляпунова.

Рядомъ съ сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ появились и сравнительныя грамматики напр. романскихъ языковъ Diez'a и позднѣе Meyer-Lübke (Grammatik der romanischen Sprachen) и очень краткая Zauner'a (Romanische Sprachwissenschaft); славянскихъ языковъ Миклошича и недавно Vergleichende slavische Grammatik Vondrák'a и т. д.

Впрочемъ исторія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ со включеніемъ сравнительнограмматическаго элемента, т. е. съ возведеніемъ исторіи ихъ до индоевропейскаго праязыка и съ указаніемъ нужныхъ фактовъ изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ, излагается въ послѣднее время часто въ (историческихъ) грамматикахъ отдѣльныхъ языковъ. Таковы грамматики: греческаго языка Brugmann'a Griechische Grammatik, Gustav Meyer'a Griechische Grammatik и Hirt'a Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre; латинскаго языка Lindsay, The latin language (нѣмецкій переводъ Nohl'я) и Sommer'a Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre; греческаго и латинскаго языковъ Giles'a (нѣмецкій переводъ подъ заглавіемъ: Vergleichende Grammatik der klassischen Sprachen) и Henry, Précis de grammaire comparée du grec et du latin; старославянскаго языка Leskien'a Handbuch der altbulgarischen Sprache (русскій переводъ подъ заглавіемъ: Грамматика старославянскаго языка Лескина) и Vondrák'a Altkirchenslavische Grammatik; литовскаго языка Wiedemann'a Handbuch der litauischen Sprache, лучше но съ негодной сравнительнограмматической частью Grammatik der litauischen Sprache Kurschat'a; древнепрусскаго языка Die preussische Sprache Berneker'a; древне-индійскаго языка Wackernagel'я Altindische Grammatik и Thumb'a Handbuch des Sanskrit, и многія грамматики по германскимъ нарѣчіямъ напр., Urgermanische Grammatik и Gotische Grammatik Streitberg'a, Deutsche Grammatik Wilmanns'a и т. д. (На русскомъ языкѣ мы имѣемъ хорошую практическую грамматику санскритскаго языка съ хрестоматіей и словаремъ, составленная проф. Кнаэромъ). Подобныя же обстоятельныя, но сжато изложенныя грамматики отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ помѣщены въ коллективныхъ изданіяхъ Grundriss der indoarischen Philologie, Grundriss der iranischen Philologie, Grundriss der romanischen Philologie, Grundriss der germanischen Philologie и друг. Подобныя грамматическія работы намѣчены въ предпринятомъ нашей Академіей Наукъ коллективномъ изданіи „Энциклопедіи славянской филологіи". Рядомъ съ такими грамматиками появляются и историческія грамматики или исторіи отдѣльныхъ языковъ, излагающія исключительно факты, почерпнутые изъ пямятниковъ, какъ напр. Indische Grammatik Whitney'я или „Лекція по исторіи русскаго языка" Соболевскаго и проч.

Результаты дѣятельной работы по изслѣдованію индоевропейскихъ языковъ публикуются въ монографіяхъ и многочисленныхъ повременныхъ изданіяхъ, между которыми для древнихъ періодовъ (сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ) первое мѣсто занимаютъ журналы Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, соединенное теперь съ Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen, и Indogermanische Forschungen Изъ русскихъ повременныхъ изданій лингвистическія статьи попадаются чаще въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (Варшава), въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Академіи Наукъ и пр.

Для ознакомленія съ краткой исторіей индоевропейской лингвистики можетъ служить Delbrück, Einleitung in das Spachstudium, переведенный на русскій языкъ въ приложеніи къ историческому обзору работъ по

языку въ Россіи до 1825 г. Общее заглавіе: С. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи I.

Работа послѣдняго двадцатилѣтія была главнымъ образомъ направлена къ изученію индоевропейскихъ языковъ въ звуковомъ отношеніи. Меньшимъ вниманіемъ пользовались морфологія и синтаксисъ. Семасіологія все еще мало разработана.

Общее языковѣдѣніе (философія языка).

Предыдущій обзоръ относится къ изученію фактической исторіи языковъ. Рядомъ съ этимъ шла неравномѣрными шагами и работа по *философіи языка*, по вопросамъ о природѣ языка, объ общихъ условіяхъ развитія языка, о происхожденіи языка и пр., т. е. той части, которая отнесена у меня къ общему языковѣдѣнію.

Въ началѣ 19 ст. языковѣдѣніе находилось, помимо разныхъ другихъ предвзятыхъ идей, въ кабалѣ философской или „всеобщей“ грамматики, смотрѣвшей на языкъ, какъ на произведеніе логической мысли. Такимъ образомъ въ языковѣдѣніе вносились взгляды, выработанные въ другой области, а не вытекавшіе изъ непосредственнаго изученія реальныхъ фактовъ языка. Это вполнѣ понятно въ такое время, когда еще не научились объективно наблюдать и анализировать явленія языка и не успѣли еще въ достаточной мѣрѣ изучить научно языки. Началомъ и значительными успѣхами по объективному изученію языка наша лингвистика обязана Боппу, Якову Гримму (о которыхъ уже была рѣчь выше), Потту, основателю индоевропейской фонетики, Курціусу и др.

Преимущественно филосовской стороной языка занимался Wilhelm von Humboldt, оказавшій впрочемъ преимущественно только нравственное вліяніе на позднѣйшихъ изслѣдователей.

Болѣе существенное вліяніе на взгляды и направленіе изслѣдователей языка оказалъ нѣсколькими крупными сочиненіями Steinthal, выдвинувшій психическую сторону языка.

Немалое образовательное значеніе имѣли труды Whitney'я, особенно распространенная книжка его въ популярномъ изложеніи: Life and growth of language, переведенная на французскій (La vie du langage) и нѣмецкій языкъ (Leben und Wachsthum der Sprache).

Глубокое вліяніе на общій взглядъ на языкъ и на направ-

леніе разработки его стала оказывать съ начала 80-тыхъ годовъ книга германиста Paul'я, Principien der Sprachgeschichte, вышедшая уже четвертымъ изданіемъ. Она занимается главнымъ образомъ психической стороной языка. Изученіе ея требуетъ серьезнаго труда, отчасти знакомства съ исторіей нѣмецкаго языка. Однако основные психологическіе взгляды Пауля, придерживающагося Гербартовской школы, удовлетворяютъ не всякаго современнаго лингвиста, представляя многія явленія языка въ слишкомъ интеллектуалистическомъ видѣ. Тѣмъ не менѣе эта книга надежный руководитель всякаго принимающагося за научное изученіе языка.

Изъ такихъ новѣйшихъ сочиненій по общему языковѣдѣнію трудъ von der Gabelentz'a, Die Sprachwissenschaft, занимается между прочимъ и практическими вопросами, связанными съ научнымъ изученіемъ языка, и замѣчателенъ тѣмъ, что опирается въ своихъ выводахъ на многіе неиндоевропейскіе языки.

Наиболѣе подробно и широко психическая сторона языка разработана Wundt'омъ, кромѣ другихъ сочиненій, въ его Völkerpsychologie I, Die Sprache, въ двухъ частяхъ. Это сочиненіе представляетъ трудъ психолога и физіолога, главнаго основателя экспериментальной психологіи, многіе годы занимавшагося изученіемъ языковѣдѣнія. Этотъ трудъ составляетъ первый томъ его «Общественной психологіи» и предназначенъ прежде всего для психологовъ. Въ немъ встрѣчаются ошибки и невѣрные взгляды съ точки зрѣнія лингвистики. Тѣмъ не менѣе работы Вундта значительно расширили и подвинули впередъ пониманіе психическихъ процессовъ языка.

При пользованіи означеннымъ трудомъ Вундта нужно считаться съ Delbrück, Grundfragen der Sprachforschung, 1901, и съ Wundt, Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, 1901, и съ Sütterlin. Das Wesen der sprachlichen Gebilde и друг. Эти книжки критическаго характера. На русскомъ языкѣ критическій разборъ взглядовъ Вундта у Кудрявскаго, Изв. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. IX, кн. 2. Къ работамъ Вундта примыкаетъ Dittrich, Grundzüge der Sprachpsychologie. Вышелъ первый томъ съ атласомъ рисунковъ, содержащій подробную, широко задуманную физіологическую психологію языка. Можно указать между прочимъ еще на вышедшій въ 1908 г. 1-й т. Marty, Untersuchungen zur Grundlegung der allgem. Gramm. u. Sprachphilosophie.

Въ психологическомъ и фонетическомъ отношеніи особенно касательно ударенія и чередованій поучительна и интересна многими новыми частію рискованными взглядами книга van Ginneken, Principes de linguistique psychologique. По психологіи дѣтскаго

языка можно рекомендовать между прочимъ Clara und William Stern, Die Kindersprache; особенно по патологіи языка: Leroy, Le langage.

Нѣтъ надобности перечислять здѣсь многочисленныя работы, касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ общаго языковѣдѣнія и методологіи и имѣющія научное значеніе (напр. работы Martinak, Wegener, Meringer, Rousselot, Kretschmer, Vossler, Finck, Jespersen, Rozwadowski и друг.), такъ какъ спеціальная научная подготовка по языковѣдѣнію все равно невозможна безъ компетентнаго руководителя.

Въ отдѣльныхъ изданіяхъ, статьяхъ, лекціяхъ и грамматикахъ русскихъ лингвистовъ встрѣчаются изложенія тѣхъ или другихъ отдѣловъ общаго языковѣдѣнія, частію заслуживающія быть болѣе извѣстными. Но въ виду ограниченности круга ихъ читателей они большею частію не могли оказывать существеннаго вліянія на общій ходъ этой науки и относятся поэтому къ исторіи отечественной науки. Сюда относятся напр. работы Потебни („Изъ записокъ по русской грамматикѣ"), цѣнныя по богатству матеріаловъ и наблюдательности автора, не говоря о работахъ другихъ нашихъ ученыхъ, находящихся въ живыхъ, напр. Фортунатова, Бодуэна де Куртенэ и друг.

Изъ самыхъ новыхъ появленій въ нашей литературѣ между прочимъ по общимъ вопросамъ о языкѣ можно рекомендовать «Введеніе въ языковѣдѣніе» проф. Поржезинскаго (кромѣ менѣе удовлетворительной главы о физіологіи звуковъ рѣчи), примыкающее къ соотвѣтствующему курсу Фортунатова, а также новое изданіе «Очерковъ по языковѣдѣнію и русскому языку» проф. Богородицкаго, состоящихъ изъ отдѣльныхъ статей въ элементарномъ изложеніи.

Общая и описательная фонетика. Экспериментальная фонетика.

Особенно обширна и стара литература *по общей фонетикѣ*, если причислить сюда труды физіологовъ и физиковъ по производству звуковъ рѣчи и по физіологической и физической акустикѣ. Въ новѣйшее время описательная и общая фонетика все болѣе становятся экспериментальной. Значительнымъ развитіемъ и распространеніемъ экспериментальная фонетика обязана профессору аббату Руссело въ Парижѣ.

Изъ нынѣ употребляемыхъ многочисленныхъ старыхъ и новыхъ учебниковъ по общей фонетикѣ назову: Brücke, Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute. Meyer, Unsere Sprachwerkzeuge. Techmer, Phonetik (съ атласомъ рисунковъ). Merkel, Physiologie der menschlichen Sprache. Helmholtz, Die Lehre von den Tonempfindungen. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik и Phonetische Grundfragen, 1904. Наиболѣе приспособленъ для занимающихся сравнительной грамматикой древнихъ индоевроп. языковъ Grundzüge der Phonetik Sievers'a. Этотъ учебникъ, основанный на тонкомъ наблюденіи живой рѣчи, особенно въ связи съ искус-

ствомъ автора восполнять отсутствіе рисунковъ демонстраціями собственнаго произношенія, сыгралъ рѣшающую роль въ распространеніи фонетическихъ знаній между лингвистами, въ то время далеко не расположенными къ фонетикѣ, и отчасти до сихъ поръ руководитъ ихъ фонетическими взглядами. Но въ своихъ новыхъ изданіяхъ онъ съ теченіемъ времени устарѣлъ тѣмъ, что игнорируетъ достигнутые съ тѣхъ поръ успѣхи по акустикѣ рѣчи и вообще не считается съ экспериментальной фонетикой, къ которой постепенно переходитъ окончательное рѣшеніе между прочимъ и физіологическихъ вопросовъ.

Главное руководство по экспериментальной фонетикѣ: Rousselot, Principes de phonétique experimentale 1897—1901 (третій выпускъ печатается), а также нынѣ прекратившійся журналъ La Parole. Много анализовъ звуковъ рѣчи по кривымъ сдѣланы Hermann'омъ (въ Pflügers Archiv f. d. gesammte Physiologie) и друг. Въ самое послѣднее время Scripture сталъ производить въ Америкѣ въ широкихъ размѣрахъ записи звуковыхъ кривыхъ длинныхъ рѣчей посредствомъ граммофона и фонографа и сложныхъ машинъ, а также анализы этихъ кривыхъ для выясненія состава звуковъ, ударенiй, продолжительности и пр. въ длинныхъ связныхъ рѣчахъ: Scripture, The elements of experimental phonetics, 1904, и Researches in experimental phonetics, 1906. Краткій историческій обзоръ методовъ и библіографіи экспериментальной фонетики въ книжкѣ Krueger'a: Beziehungen der experimentellen Phonetik zur Psychologie.

Работъ по *описательной* фонетикѣ, описывающихъ условія производства звуковъ въ томъ или другомъ живомъ языкѣ, но содержащихъ обыкновенно и общую часть, появилось въ послѣднее время много. Напр. для англійскаго языка многіе труды Bell'я, Sweet'a и пр. Для нѣмецкаго языка Bremer, Deutsche Phonetik; Klinghardt, Artikulations- und Hörübungen и пр. Лучшее руководство произношенія французскаго языка, основывающееся на экспериментальномъ изслѣдованіи, это Précis de prononciation française аббата Rousselot. Для трехъ языковъ параллельно: Vietor, Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen; Passy, Petite phonétique comparée des principales langues européennes, и пр. Подобные практическіе учебники имѣются и для другихъ языковъ.

По описательной фонетикѣ русскаго языка существуютъ отдѣльныя работы или попутно попадающіяся наблюденія какъ иностранныхъ (Sweet, Lundell, Meillet, Broch и др.), такъ и русскихъ ученыхъ (Гротъ, Потебня, Бодуэнъ де Куртенэ, Ѳ. Е. Коршъ, Шахматовъ, Богородицкій, Брандтъ, Усовъ и др.). Однако полной описательной фонетики общерусскаго языка до сихъ поръ нѣтъ. Поучительный трудъ «Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными», 1909, проф. Богородицкаго въ сущности болѣе общаго характера и мѣстами страдаетъ ошибками и неточностью.

Въ послѣднее время замѣтна оживленная дѣятельность по составленію описаній говоровъ и діалектической карты русскаго языка, въ которой наша Академія Наукъ стала играть руководящую роль, главнымъ образомъ въ лицѣ ак. Шахматова и Корша. Предварительный обзоръ рус-

скихъ говоровъ былъ уже ранѣе составленъ ак. А. Соболевскимъ («Очеркъ русской діалектологіи») на основаніи печатныхъ источниковъ. Матеріалы, полученные отъ разныхъ лицъ въ отвѣтъ на вопросныя программы Академіи Наукъ большею частію неполны и неточны. Но рядомъ съ ними появляются и обстоятельныя описанія отдѣльныхъ говоровъ, производимыя подготовленными лицами (Шахматовъ, Карскій, Халанскій, Будде, Брохъ, Дурново, Каринскій, Л. Васильевъ и пр.).

Большая дѣятельность по собиранію и обработкѣ матеріаловъ и составленію діалектической карты русскаго языка сосредоточивается въ Московской діалектологической коммиссіи. Труды ея печатаются въ «Русск. Филолог. Вѣстникѣ».

Сравнительноисторическая лексикологія.

По сравнительной лексикологіи индоевропейскихъ языковъ первое мѣсто занимаетъ обширный сравнительный словарь индоевропейскихъ языковъ Fick'a подъ заглавіемъ Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, выходящій уже четвертымъ изданіемъ. Въ Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde подробно изслѣдованы значенія культурныхъ словъ индоевропейскаго праязыка. Сравнительный словарь славянскихъ языковъ Миклошича (Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen 1886) давно распроданъ. Началъ выходить Slavisches etymologisches Wörterbuch Berneker'a.

Кромѣ того существуютъ этимологическіе (словопроизводственные) словари отдѣльныхъ языковъ, въ которыхъ для объясненія происхожденія словъ даннаго языка, слѣдовательно и для возведенія исторіи словъ до праязыка, сопоставляются родственныя слова другихъ индоевропейскихъ языковъ. Сюда относятся: Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymologishes Wörterbuch der altindischen Sprache. Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Körting, Lateinisch-romanisches Wörterbuch. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, и др. Горяевъ, «Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка», изданъ въ Тифлисѣ. Этимъ единственнымъ, а потому цѣннымъ этимологическимъ словаремъ русскаго языка нужно пользоваться критически и съ осторожностью.

ГЛАВА II.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ И КЛАССИФИКАЦІЯ ЯЗЫКОВЪ [1]).

§ 1. Предварительныя свѣдѣнія.

Значеніе терминовъ языкъ, нарѣчіе, говоръ и пр.

Подъ языкомъ какого нибудь народа въ лингвистикѣ понимается совокупность всѣхъ его говоровъ. Говоры по степени ихъ взаимнаго родства мы соединяемъ въ бо́льшія діалектическія единицы—нарѣчія, отдѣльныя нарѣчія въ языкъ. Иногда необходимо принимать большее число подраздѣленій въ схемѣ діалектическаго дѣленія языка, и тогда употребляются градаціи: *языкъ—нарѣчіе—поднарѣчіе—говоръ—подговоръ*. Надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ житейскомъ обиходѣ подъ словами „русскій языкъ“ или „нѣмецкій языкъ“ и пр. обыкновенно понимается въ тѣсномъ смыслѣ общегосударственный (литературный) русскій и пр. языкъ, называемый лучше „общерусскимъ“, „общенѣмецкимъ“ и пр. языкомъ.

Но слово «языкъ» можно примѣнять и къ каждому нарѣчію или говору въ отдѣльности, когда мы говоримъ о немъ безъ отношенія къ бо́льшимъ единицамъ. Можно говорить и о языкѣ

---

[1]) Обозрѣніе и классификація языковъ собственно не относится къ общему языковѣдѣнію. Этотъ отдѣлъ составляетъ отдѣльный предметъ внѣшней исторіи и географіи языковъ. Обзоръ каждой семьи наиболѣе на мѣстѣ въ введеніи къ сравнительной грамматикѣ данной семьи. Но по условіямъ университетскаго распредѣленія учебныхъ предметовъ, классификація языковъ должна быть отнесена къ курсу общаго языковѣдѣнія. Помѣщаю же я ее не въ приложеніи, а здѣсь, по практическимъ соображеніямъ. Многое изъ того, что слѣдуетъ въ дальнѣйшемъ, было бы понято не въ надлежащемъ свѣтѣ, если бы читатель не имѣлъ правильнаго представленія о діалектическомъ развѣтвленіи и родственныхъ отношеніяхъ индоевропейскихъ языковъ,

одной деревни, одного класса общества, одной рукописи, даже о языкѣ отдѣльнаго лица. Строго говоря, реальное существованіе имѣетъ лишь языкъ отдѣльнаго лица, какъ извѣстнаго рода дѣятельность отдѣльнаго организма. А понятіе „говоръ“ является уже нашимъ обобщеніемъ, есть нѣчто отвлеченное, въ которомъ мы оставляемъ въ сторонѣ мелкія особенности тѣхъ индивидуальныхъ языковъ, которые мы соединяемъ въ одну группу — говоръ. Точно такъ же, на основаніи общихъ родственныхъ признаковъ, считаемыхъ нами существенными и не раздѣляемыхъ по крайней мѣрѣ цѣликомъ другими говорами, мы соединяемъ отдѣльные говоры въ бо́льшія, менѣе тѣсныя діалектическія единицы — нарѣчія (или поднарѣчія) и т. д.

Изъ сказаннаго ясно, что если мы напр. всю совокупность русскихъ говоровъ назовемъ русскимъ языкомъ, то по отношенію къ нему малорусскій и великорусскій языки будутъ нарѣчіями. Если же мы имѣемъ въ виду праславянскій языкъ, то по отношенію къ нему сербскій, русскій языкъ и пр. будутъ нарѣчіями, а великорусскій или малорусскій языкъ—поднарѣчіемъ и т. д.

Слѣдовательно, термины „нарѣчіе“, „поднарѣчіе“, „говоръ“ и пр. имѣютъ лишь значенія относительныя, и употребляя ихъ, мы имѣемъ всегда въ виду и соотвѣтствующія бо́льшія единицы. А слово „языкъ“ можетъ имѣть значеніе относительное — къ меньшимъ единицамъ, или абсолютное. Иностранный терминъ *діалектъ* употребляется часто, когда не опредѣляется точнѣе, какія именно высшія категоріи имѣются въ виду. Такимъ образомъ напр. споръ о томъ, есть ли малорусскій языкъ «нарѣчіе» или «языкъ», совершенно безсодержательный споръ о словахъ, и возникаетъ изъ невѣрнаго пониманія значенія этихъ словъ. По отношенію къ русскому языку вообще или къ прарусскому языку онъ нарѣчіе, такъ же какъ сопокупность всѣхъ великорусскихъ говоровъ составляетъ по отношенію къ русскому языку вообще—великорусское нарѣчіе.

Особое положеніе занимаетъ общегосударственный (литературный, общенародный) русскій (какъ и нѣмецкій и пр.) языкъ, называемый технически *общерусскимъ* языкомъ. Онъ въ извѣстной степени языкъ искусственный, соединяющій въ себѣ особенности нѣсколькихъ нарѣчій и находящійся подъ вліяніемъ письменности, школы и иностранныхъ литературныхъ языковъ. Поэтому его нельзя укладывать въ рамки діалектической схемы и

нельзя мѣрить по степени родства съ бѣлорусскимъ или украинскимъ языкомъ, такъ какъ онъ разнородный съ ними по своему происхожденію и по условіямъ своего существованія.

Генеалогическая классификація языковъ.

Посредствомъ сравнительноисторическаго изученія дошедшихъ до насъ языковъ возстановляются факты предыдущихъ эпохъ этихъ языковъ, тѣхъ отдаленныхъ эпохъ, изъ которыхъ не сохранилось никакихъ письменныхъ памятниковъ. Такъ при помощи сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ въ ихъ древнихъ памятникахъ и въ живой рѣчи, мы возстановляемъ факты того праславянскаго языка, на которомъ славяне говорили въ то время, когда составляли еще одинъ народъ, съ однимъ языкомъ. Сравнивая этотъ возстановленный нами праславянскій языкъ съ возстановленными такимъ же образомъ языками прагерманскимъ, прагреческимъ, праиндійскимъ и пр., мы возстановляемъ ту эпоху индоевропейскихъ языковъ, когда всѣ эти языки составляли еще одинъ языкъ, на которомъ говорилъ одинъ народъ.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ исторіи какой-либо семьи языковъ мы выясняемъ и родственныя отношенія между отдѣльными языками этой семьи, т. е. устанавливаемъ одновременно ту классификацію, основанную на степеняхъ взаимнаго родства, которая называется *генеалогической*.

Съ другой стороны, попытки генеалогической классификаціи должны по необходимости предшествовать болѣе детальному сравнительному изученію языковъ, такъ какъ предварительно нужно хотя бы гипотетически соединить извѣстные языки въ родственную группу, по поверхностнымъ даннымъ, чтобы затѣмъ уже при болѣе обстоятельномъ историческомъ изученіи ихъ окончательно доказать или опровергнуть родство между тѣми или другими языками, присоединенными къ такой группѣ.

Наука успѣла большинство языковъ распредѣлить по родственнымъ группамъ или семьямъ. Таковы напр. семья индоевропейскихъ языковъ, семья семитскихъ или семитическихъ языковъ, семья уралоалтайскикъ языковъ и т. д., получившихъ свое начало изъ индоевропейскаго праязыка, семитскаго праязыка (прасемитскаго языка) и т. д.

Вопросъ о единствѣ происхожденія языковъ.

Если бы всѣ языки земного шара происходили отъ одного языка, т. е. были бы потомками одного первоначальнаго языка, то задача классификаціи ихъ состояла бы въ указаніи родственныхъ отношеній между всѣми языками.

Мнѣніе, что всѣ языки происходятъ напр. изъ еврейскаго языка, тормазило въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вѣрное пониманіе родственныхъ отношеній языковъ. Въ настоящее время можетъ быть поставленъ лишь вопросъ: состояли ли возстановляемые нами праязыки отдѣльныхъ семей языковъ въ очень отдаленномъ прошломъ въ родствѣ между собою, т. е. произошли ли они отъ одного общаго родоначальника, или они возникли совершенно независимо другъ отъ друга? И этотъ вопросъ остается пока открытымъ.

Попытки родственнаго сближенія индоевропейскихъ языковъ съ семитскими и отчасти хамитскими языками, а также съ угрофинскими языками, были многочисленны. Но дѣло въ томъ, что та эпоха въ жизни родоначальниковъ отдѣльныхъ семей языковъ, къ которой мы могли бы отнести это сближеніе, должна быть значительно древнѣе, чѣмъ возстановляемыя нами эпохи отдѣльныхъ праязыковъ, а потому, за неимѣніемъ изъ этихъ эпохъ достовѣрныхъ данныхъ, нужно относиться пока скептически къ такого рода выводамъ.

Къ тому же, если эпохи отдѣленія однихъ праязыковъ отъ другихъ относятся къ очень раннимъ эпохамъ языка, то мы должны считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ такихъ языкахъ существовало вѣроятно ограниченное число звуковъ и звуковыхъ сочетаній, образующихъ ограниченное число словъ въ соотвѣтствіи съ ограниченной потребностью въ нихъ со стороны понятій. Въ виду этого нельзя ожидать большого числа общихъ родственныхъ словъ въ двухъ отдѣльныхъ семьяхъ. Если таковыя и существовали когда-то, то въ теченіе такого долгаго періода они могли не только измѣниться до неузнаваемости въ звукахъ и значеніяхъ, но могли утратиться и замѣниться новыми, такъ что при сравнительной малочисленности оставшихся трудно дать неопровержимыя доказательства родства. Кромѣ того, при такихъ условіяхъ нельзя всегда рѣшать съ достовѣрностью, что составляетъ первоначальное достояніе и что заимствовано впослѣдствіи, и пр.

Съ другой стороны, можно допустить, что при одинаковыхъ условіяхъ человѣческой природы и окружающей среды отдѣльныя племена рода человѣческаго могли создать свои языки совершенно независимо другъ отъ друга, когда они населяли отдаленныя мѣстности земного шара и не находились между собою въ какихъ либо сношеніяхъ.

Но нельзя ожидать отъ языковѣдѣнія и доказательства тому, что человѣческіе языки произошли изъ нѣсколькихъ родоначальниковъ, ибо всегда остается возможность допустить, что совмѣстная жизнь отдѣльныхъ семей языковъ восходитъ къ такому отдаленному примитивному состоянію языка, небольшое наслѣдіе изъ котораго могло совершенно исчезнуть въ общей массѣ позднѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ послѣ отдѣленія этихъ семей другъ отъ друга.

Чтобы понять такую ограниченность лексическаго состава языка, нужно вспомнить, что по подсчету нѣкоторыхъ изслѣдователей англійскій неграмотный чернорабочій употребляетъ въ житейскомъ обиходѣ лишь около 300 словъ. Въ древнеперсидскихъ надписяхъ менѣе 400 словъ, въ томъ числѣ $^1/_3$ собственныхъ именъ. Образованный человѣкъ съ высшимъ образованіемъ употребляетъ въ разговорѣ 3000—4000 словъ. Пишущій мыслитель употребляетъ, можетъ быть, до 10,000 словъ. Еврейскій Ветхій Завѣтъ содержитъ меньше 6000 словъ. Очень богатъ языкъ Шекспира—содержитъ около 15,000 словъ.

Морфологическая классификація языковъ.

Кромѣ генеалогической классификаціи языковъ, основанной на родственной связи ихъ и происхожденіи отъ одного общаго родоначальника, праязыка, существуетъ еще классификація, называемая *морфологической*, основывающаяся на сходствахъ и различіяхъ въ формальномъ строѣ языковъ. Она служитъ между прочимъ для болѣе удобнаго обозрѣнія тѣхъ языковъ съ ихъ формальными особенностями, которые не приведены въ родственныя группы. Нужно однако замѣтить, что многіе языки еще мало изслѣдованы, и значенія и исторія формъ ихъ вообще мало доступны, особенно одному лицу, въ виду многочисленности ихъ, и что невозможно укладывать полностью всѣ языки въ рамки немногихъ формальныхъ типовъ языковъ. Поэтому морфологическая клас-

сификація находится вообще въ неудовлетворительномъ состояніи и не можетъ пока имѣть серьезнаго научнаго значенія.

По такой морфологической классификаціи дѣлятъ языки обыкновенно на три класса: изолирующіе, агглютинирующіе и флективные, къ которымъ нерѣдко присоединяютъ еще классъ полисинтетическихъ языковъ.

Въ *изолирующихъ* или *корневыхъ* языкахъ, какъ китайскомъ, сіамскомъ и пр., большею частью односложныя, неизмѣняющіяся слова не содержатъ такихъ формальныхъ элементовъ, какъ наши словообразовательные, падежные и личные суффиксы. Слова лишены даже формальнаго различія напр. между глаголомъ, существительнымъ и прилагательнымъ. Поэтому въ грамматикѣ этихъ языковъ почти отсутствуетъ отдѣлъ морфологіи (словообразованія и флексіи), а есть лишь фонетика и синтаксисъ. Синтаксическія отношенія словъ другъ къ другу, опредѣляемыя въ нашихъ языкахъ часто, но не исключительно, падежными и личными окончаніями, въ изолирующихъ языкахъ опредѣляются порядкомъ словъ, логическимъ удареніемъ, служебными словами и смысломъ.

Если мы однако примемъ въ разсчетъ, что напр. въ нѣмецкомъ Mutter, во французскомъ mère, англійскомъ mother и пр. падежныя отношенія тоже или вовсе не выражаются формой словъ, или обозначаются служебными словами (der Mutter, à la mère и пр.), что напр. англійскія односложныя mind, set употребляются не только во всѣхъ падежахъ какъ существительное, но и какъ глаголъ, притомъ почти во всѣхъ лицахъ (I mind, we mind, you mind, they mind) и пр., то становится понятнымъ, что типичныя особенности изолирующихъ языковъ встрѣчаются частію и въ этихъ флективныхъ языкахъ, и что слѣдовательно между изолирующими и флективными языками нѣтъ рѣзкой грани, а лишь относительная. И китайская односложность словъ не первоначальна, какъ ошибочно думали раньше, почему и назвали китайскій языкъ корневымъ языкомъ, т. е. слова котораго состоятъ изъ первоначальныхъ корней. Китайскія односложныя слова развились изъ прежнихъ многосложныхъ, какъ и большинство односложныхъ англійскихъ словъ. И китайскій языкъ можетъ со временемъ выработать агглютинирующій строй посредствомъ сліянія формальныхъ (служебныхъ) словъ съ знаменательными, какъ англійскій приблизился къ изолирующему строю. Слѣдовательно,

изолирующіе, флективные и агглютинирующіе языки (см. ниже) представляютъ вѣрнѣе лишь болѣе типичныя *переходныя состоянія* языка

Къ *агглютинирующему* или склеивающему классу (латинское gluten—клей, agglutinare—склеивать) относятъ большинство языковъ, напр. уралоалтайскіе. Въ нихъ формальные элементы словъ, какъ префиксы (представки) и суффиксы (надставки), употребляемые нерѣдко и самостоятельно, прибавляются къ основнымъ частямъ словъ со слабой связью. Большая самостоятельность этихъ морфологическихъ частей словъ, при которой слово какъ бы склеивается изъ нихъ, объясняется тѣмъ, что отдѣльныя основы или суффиксы являются въ разныхъ словахъ обыкновенно почти въ одномъ и томъ же звуковомъ видѣ и не срослись между собою такъ, что ихъ внѣшнимъ образомъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга. Но и въ индоевропейскихъ языкахъ встрѣчается немало примѣровъ подобнаго склеиванія. Разница лишь въ томъ, что мы застаемъ уралоалтайскіе языки въ такомъ состояніи, при которомъ этотъ способъ образованія словъ очень распространенъ, впрочемъ не во всѣхъ уралоалтайскихъ языкахъ. И во французскомъ языкѣ формы какъ (je) dir-ai, (tu) dir-as и пр. состояли когда то изъ двухъ словъ: „сказать имѣю“. Сербское будущее, какъ браћу, звaћу, возникло изъ сочетанія инфинитива съ глаголомъ хтјети (брать хочу) и пр. Изъ такого внѣшняго склеиванія самостоятельныхъ словъ возникла повидимому большая часть индоевропейской флексіи вообще.

Напр. въ склоненіи новоармянскаго языка мы видимъ подобныя же явленія, какъ въ агглютинирующихъ языкахъ. Такъ, въ мн. ч. прибавляется суффиксъ *-ер-, -нер-* и тѣ же падежныя окончанія, что въ ед. ч. Напр. восточноармянское «сірт»—сердце, род. п. ед. ч. «сърт-і», твор. п. ед. ч. «сърт-ов», мѣст. п. ед. ч. «сърт-ум» и пр., и тѣ же падежи мн. ч.: «сърт-ер», «сърт-ер-і», «сърт-ер-ов», «сърт-ер-ум». О самостоятельности суффиксовъ уже въ древнеармянскомъ языкѣ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ словосочетаніяхъ падежные признаки могли обозначаться при одномъ лишь послѣднемъ словѣ. Въ тифлисскомъ говорѣ напр. въ «пћарк у патів-і мечъ»—«въ славѣ и почетѣ» окончаніе род. п. является только при послѣднемъ существительномъ. Въ этомъ говорѣ еще характерно для самостоятельности суффикса удвоеніе его, когда обозначаемые существительнымъ предметы относятся къ многимъ предметамъ, напр. «дзерн-ер-ніръ-тћ»—«ваши руки» (Томсонъ, Истор. грамм. совр. арм. яз. г. Тифлиса § 310, 341).

Въ такъ называемыхъ *флективныхъ* языкахъ, куда относятся индоевропейскіе и семитскіе языки, формальные элементы

(принадлежности) словъ въ большей или меньшей степени такъ переплелись съ основными принадлежностями словъ, что часто нельзя отдѣлять ихъ другъ отъ друга въ отдѣльныя морфологическія части словъ, какъ напр. принадлежности множ. числа въ „о́кна", „вёдра", „рѣки", сравнительно съ „акна́", „ведра́", „рѣки", или принадлежности прошедшаго времени или вида глагола въ „бралъ", „убирай" сравнительно съ „беру", „сборъ". Но выше было указано, что и многіе новые индоевропейскіе языки въ значительной степени изолирующіе, отчасти односложные, какъ англійскій языкъ.

Какъ на четвертую группу морфологической классификаціи указываютъ еще на *инкорпорирующіе* или *полисинтетическіе* (т. е. многосложенные) сѣверноамериканскіе языки, въ которыхъ большая часть членовъ предложенія обозначаются въ глаголѣ особыми указательными морфологическими составными частями глагола, а при надобности повторяются отдѣльными словами, какъ бы въ приложеніи, напр. «я-это-ѣмъ мясо», «отецъ сынъ оружіе дать-ему-его-онъ», т. е. отецъ далъ сыну свое оружіе. Впрочемъ, и это состояніе языка до нѣкоторой степени можно видѣть въ индоевропейскихъ языкахъ, напр въ французскомъ: je le vois, le voleur; ce chapeau, vous l'ai-je donné?.

Къ предыдущему нужно замѣтить, что всѣ подобныя передачи на нашемъ языкѣ формъ и значеній языковъ иного строя очень неточны. Для вѣрной передачи у насъ не только недостаетъ языковыхъ средствъ, но и пониманія, такъ какъ формальная сторона мышленія находится въ связи съ строемъ языка и измѣняется вмѣстѣ съ нимъ.

По примѣру Шлейхера въ изолирующихъ языкахъ видѣли первоначальное корневое состояніе языка, изъ котораго путемъ сложенія выработался агглютинирующій строй, высшимъ развитіемъ котораго считаютъ обыкновенно флективный строй. Въ противоположность этому взгляду нѣкоторые новѣйшіе лингвисты видятъ въ аналитическомъ строѣ новыхъ языковъ, потерявшихъ старыя флективныя формы, въ особенности же въ англійскомъ и китайскомъ языкахъ, высшее формальное развитіе языка, отбросившаго формальное бремя и соотвѣтствующаго такимъ образомъ наиболѣе развитому, т. е. простому, опредѣленному и ясному мышленію.

Нужно конечно имѣть въ виду, что въ указанные три или четыре типа языки укладываются вообще съ натяжкой. Въ своемъ историческомъ развитіи они могутъ проходить состоянія, приближающіяся то къ тому, то къ другому типу. Но знаменательно то, что новые индоевроп. языки

замѣнили богатый флективный строй большею частію аналитическимъ, отчасти агглютинирующимъ строемъ. Если признать, что мышленіе прогрессируетъ, то во всякомъ случаѣ флективный строй нельзя считать какимъ то высшимъ развитіемъ языка.

Понятно, для исторіи языковъ имѣетъ значеніе лишь генеалогическая классификація, возстановляющая фактическое историческое родство языковъ.

§ 2. Индоевропейская семья языковъ.

Индоевропейскій праязыкъ и его распаденіе.

Наиболѣе разработанною является индоевропейская семья языковъ. Это объясняется лишь отчасти большею доступностью этихъ языковъ, главнымъ же образомъ тѣмъ, что индоевропейская семья представляетъ широкое развѣтвленіе, и что отъ большинства ея вѣтвей сохранились въ письменныхъ памятникахъ богатыя историческія данныя изъ отдаленнаго прошлаго этихъ языковъ. Понятно, что на такой почвѣ могло возникнуть и развиваться историческое изученіе языка вообще, и что здѣсь проходятъ лингвистическую школу семитисты, китаисты и пр.

Всѣ индоевропейскіе языки произошли изъ одного общаго родоначальника, называемаго *индоевропейскимъ праязыкомъ* или праиндоевропейскимъ языкомъ, рѣже общеиндоевропейскимъ языкомъ. Иногда между названіями «праиндоевропейскій» и «общеиндоевропейскій», «праславянскій» и «общеславянскій» и пр. дѣлается различіе, потому что факты, существовавшіе только діалектически въ одной части праязыка, можно называть праиндоевропейскими, но нельзя называть ихъ въ такомъ случаѣ общеиндоевропейскими, такъ какъ такіе факты не были общи всему индоевропейскому праязыку (напр. лабіализація заднеязычныхъ затворныхъ согласныхъ). Наоборотъ, существуютъ факты, общіе всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ или большинству изъ нихъ, но возникшіе уже послѣ распаденія праязыка (напр. переходъ группы dd въ zd). Въ виду этого для точности я употребляю только термины праиндоевропейскій языкъ, славянскій праязыкъ, но не общеславянскій языкъ и пр. Надо еще имѣть въ виду, что термины «общерусскій», «общенѣмецкій» языкъ и пр. употребляются еще въ совершенно другомъ смыслѣ. Ими обозначается общенародный, общегосударственный (литературный) языкъ, служащій языкомъ образованнаго общества, школы, администраціи и пр.

Народъ, который говорилъ на индоевропейскомъ праязыкѣ и отъ котораго произошли впослѣдствіи, смѣшавшись предварительно съ многочисленными другими народностями, отдѣльные индоевропейскіе народы, какъ индійцы (индусы), греки, римляне и пр., мы называемъ индоевропейскимъ пранародомъ. Вмѣсто «индоевропейскій языкъ», «индоевропеецъ» и пр. въ нѣмецкой лингвистической литературѣ употребляются обыкновенно слова «индогерманскій» и пр.

Нужно еще замѣтить, что подъ «праязыкомъ», «пранародомъ» и пр. понимается обыкновенно та эпоха праязыка или пранарода, которая непосредственно предшествовала распаденію ихъ на отдѣльные языки и народы. Когда же имѣется въ виду болѣе отдаленная эпоха того же праязыка, то на это нарочно указывается. Такъ напр. говорятъ о болѣе отдаленной эпохѣ праиндоевропейскаго, праславянскаго языка и пр.

Но эпоха распаденія не можетъ быть строго разграничена отъ эпохи отдѣльной жизни языковъ; нельзя обыкновенно указывать на моментъ даже въ историческую эпоху языковъ, съ котораго мы перестаемъ считаться съ діалектами одного языка и начинаемъ считаться съ отдѣльными языками, происшедшими изъ этого языка. Лишь полное разобщеніе вслѣдствіе естественныхъ преградъ (горъ, рѣкъ), пространственнаго отдаленія или политическихъ и религіозныхъ границъ и пр. даетъ близко родственнымъ говорамъ возможность измѣняться независимо другъ отъ друга и развиваться въ отдѣльные самостоятельные языки.

Мы не можемъ предполагать, чтобы индоевропейскій пранародъ сразу распался на отдѣльныя части, разобщенныя между собою и развившіяся впослѣдствіи въ отдѣльныя индоевропейскія народности—представителей отдѣльныхъ вѣтвей индоевропейскихъ языковъ. Въ жизни народовъ и языковъ мы видимъ обыкновенно, что разныя части одной группы говоровъ разобщаются между собою и вступаютъ въ связь съ тѣми или другими говорами другой группы; болѣе отдаленные географически другъ отъ друга говоры приходятъ вслѣдствіе переселенія въ непосредственныя сосѣдскія соприкосновенія и начинаютъ вліять другъ на друга и пр. и пр., пока наконецъ какая нибудь группа говоровъ не отдѣляется окончательно отъ всѣхъ остальныхъ. Такъ было повидимому и съ индоевропейскимъ праязыкомъ, причемъ распаденіе его совершилось постепенно. Поэтому эпоха

распаденія праязыка представляетъ продолжительный періодъ, разновременный въ разныхъ частяхъ праязыка. Вслѣдствіе этого и отдѣльные факты, приписываемые нами индоевропейскому праязыку, могутъ быть не вполнѣ одновременными и повсемѣстными въ праязыкѣ, слѣдовательно могутъ всетаки не давать намъ цѣльнаго языка опредѣленной эпохи.

Діалекты праязыка и позднѣйшія вѣтви индоевропейской семьи языковъ.

Уже на своей прародинѣ языкъ индоевропейцевъ представлялъ діалектическія разновидности, такъ какъ вслѣдствіе полукочевого образа жизни они занимали уже значительное пространство. А изъ опыта извѣстно, что полное однообразіе въ языкѣ возможно лишь на очень небольшомъ пространствѣ, т. е. у людей, находящихся часто въ непосредственныхъ языковыхъ сношеніяхъ между собою. Немало такихъ фактическихъ свѣдѣній о діалектическихъ разновидностяхъ индоевропейскаго праязыка даетъ сравнительная грамматика и сравнительный словарь индоевропейскихъ языковъ.

Какъ только какая-нибудь часть пранарода прервала связь со своими сородичами, то и языкъ ея со своими діалектическими особенностями могъ измѣняться дальше самостоятельнымъ путемъ, могъ стать родоначальникомъ новой семьи языковъ, новымъ праязыкомъ. Причинъ измѣненія языка не нужно искать въ измѣненіи условій климата, образа жизни и т. п. Языкъ измѣняется постепенно и безъ такихъ внѣшнихъ воздѣйствій, самъ по себѣ. Но при измѣненіяхъ индоевропейскихъ языковъ оказывали существенное вліяніе и языки тѣхъ народовъ, которые смѣшались съ индоевропейцами при ихъ распространеніи изъ своей прародины (вѣроятно западной Россіи со включеніемъ Польши до Карпатовъ и на западъ до рѣки Одеръ) на западъ до океана, по Аппенинскому и Балканскому полуостровамъ, по Средней Азіи до Индійскаго моря и т. д.

Въ историческую эпоху мы застаемъ уже многочисленные индоевропейскіе языки, которые образуютъ слѣдующія 10 вѣтвей: *индійскую*, *иранскую*, *армянскую*, *греческую*, *албанскую*, *италійскую*, *кельтскую*, *германскую*, *балтійскую* и *славянскую*. Существовали повидимому еще другія вѣтви индоевропейской семьи, которыя успѣли исчезнуть, не оставивъ памят-

никовъ, или оставивъ незначительные слѣды въ надписяхъ, географическихъ именахъ и пр., напримѣръ ѳракійскій и фригійскій языки.

Индійская вѣтвь.

Древнѣйшимъ представителемъ индоевропейскихъ языковъ, дошедшихъ до насъ въ письменныхъ памятникахъ, является тотъ языкъ, который сохранился въ четырехъ сборникахъ Ведъ, особенно въ древнѣйшемъ, самомъ обширномъ изъ этихъ священныхъ книгъ древнихъ индійцевъ (индусовъ), въ Ригведѣ. (Слово vēdas значитъ по древнеиндійски—знаніе. Ср. родственное греческое οἶδα—знаю, старославянское вѣдѣ, русскія „свѣдѣнія", „вѣдать", „вѣсть" и пр.). Ригведа значитъ: веда гимновъ или стиховъ. Ригведа содержитъ болѣе 1000 гимновъ, содержащихъ около 10,000 стиховъ. Древнѣйшіе изъ нихъ возникли около 2000 лѣтъ до Р. Х. Къ этимъ древнѣйшимъ гимнамъ прибавлялись впослѣдствіи новые, причемъ старые подвергались нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Къ этому *ведійскому нарѣчію* древнеиндійскаго языка принадлежатъ еще болѣе поздніе обширные коментаріи къ ведамъ, такъ называемыя брахманы (brāhmana), далѣе — сутры (sūtra) и пр. Въ историческомъ развитіи индійской литературы эти памятники являются переходной ступенью отъ Ведъ къ санскритской литературѣ въ собственномъ смыслѣ, хотя *санскритъ* какъ языкъ представляетъ другое нарѣчіе древнеиндійскаго языка. Въ Европѣ нерѣдко распространяютъ названіе *санскритскій языкъ* и на ведійское нарѣчіе, но въ Индіи, а также въ современной лингвистической литературѣ, подъ названіемъ санскрита понимается другое, болѣе позднее нарѣчіе древнеиндійскаго языка, на которомъ написана вся классическая санскритская литература, начиная съ величайшихъ эпическихъ произведеній, Рамаяны и Магабараты (Rāmāyana, Mahābhārata). Отрывокъ изъ Магабараты, Наль и Дамаянти, извѣстенъ и въ русской литературѣ.

Изъ громадной санскритской литературы къ извѣстнѣйшимъ въ Европѣ произведеніямъ относится между прочимъ сборникъ басенъ, называемый Панчатантра, т. е. пятикнижіе. Другой, болѣе поздній и болѣе краткій сборникъ басенъ назывался Гитопадеша, т. е. полезное наставленіе. Панчатантра послужила источ-

никомъ басенной литературы персовъ, арабовъ, грековъ (Эзопъ) и другихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ. Множество переводовъ на разные европейскіе языки сдѣлано съ драмъ Калидасы «Урваси» и особенно «Сакунталы» Сакунтала, вызвавшая восторженные отзывы Гете, переведена и на русскій языкъ. Къ древнему періоду санскритской литературы относится еще сборникъ законовъ Ману (около 600 или меньше до Р. Х.). Очень краткая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая полная изъ всѣхъ существующихъ вообще грамматикъ, это грамматика санскритскаго языка Панини, излагающая грамматическія правила въ формулахъ (жилъ около III в. до Р. Х.).

Философская литература индусовъ громадна; существовало 6 главныхъ философскихъ системъ со множествомъ школъ, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль: освобожденіе души отъ переселенія въ человѣческія и животныя тѣла и возсоединеніе съ міровой душою.

Санскритское нарѣчіе или санскритскій языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, собственно не былъ языкомъ народнымъ (санскритъ значитъ: снаряженный, выработанный), а былъ грамматически нормированнымъ языкомъ литературы и образованныхъ высшихъ кастъ. Въ литературѣ санскритъ продолжалъ существовать и послѣ Р. Х. и въ искусственномъ употребленіи индійскихъ ученыхъ играетъ до сихъ поръ роль средневѣковой латыни. Не только ведійское нарѣчіе, но и санскритское сохранили въ общемъ гораздо болѣе древній строй, чѣмъ остальные индоевропейскіе языки, хотя въ частностяхъ они уступаютъ тому или другому языку. Этимъ объясняется выдающееся значеніе индійскаго языка для древнѣйшей исторіи индоевропейскихъ языковъ. Излишне указывать въ настоящее время на ошибочность мнѣнія тѣхъ, которые считали санскритъ матерью всѣхъ индоевропейскихъ языковъ.

Рядомъ съ литературнымъ санскритскимъ языкомъ существовали въ народномъ употребленіи другія древнеиндійскія нарѣчія, называвшіяся индійскими грамматиками *пракритомъ* или пракритскими нарѣчіями (prakrta значитъ: природный, естественный). Къ такимъ народнымъ нарѣчіямъ относится и среднеиндійское нарѣчіе *пали*, на которомъ написана буддійская богословская литература.

Изъ древнихъ пракритскихъ нарѣчій развились многочислен-

ные современные новоиндійскіе діалекты, образующіе 9 языковъ: бенгали, hинди, синdhи, урійя, маhратти, гузерати, пенджаби и пр. Цыганскіе говоры принадлежатъ также къ индійской вѣтви, но въ составъ ихъ вошло много чужихъ словъ, заимствованныхъ изъ языковъ тѣхъ странъ Европы, по которымъ цыгане странствовали.

Письмо древнихъ индійцевъ, представлявшее большое разнообразіе, въ основѣ своей заимствовано изъ арамейскаго или месопотамскаго алфавита, около 800 лѣтъ до Р. Х. Но еще долго послѣ этого богословскія и литературныя произведенія хранились и передавались исключительно устно, притомъ съ тщательной точностію въ языкѣ. Распространенное въ европейскихъ изданіяхъ санскритское письмо, называемое „деванагари", въ основѣ очень древнее и составлено съ такимъ пониманіемъ физіологіи и акустики рѣчи, что оставляетъ далеко за собою всѣ наши правописанія. Въ основѣ оно силлабическое, т. е. весь слогъ изображается однимъ знакомъ или лигатурой знаковъ, хотя силлабическій характе́ръ его не вполнѣ выдержанъ.

Иранская вѣтвь.

Въ ближайшемъ родствѣ съ индійскими языками находятся *иранскіе* языки. До насъ дошло, кромѣ нѣкоторыхъ данныхъ *о скивскомъ* языкѣ, два древнихъ иранскихъ нарѣчія: древнеперсидскій языкъ и языкъ Авесты.

Древнеперсидскій языкъ сохранился въ клинообразныхъ надписяхъ царей изъ династіи Ахеменидовъ, Дарія Гистаспа и его преемниковъ. Онѣ относятся ко времени 520—350 г. до Р. Х. Древнѣйшая обширная надпись, Бегистанская, повѣствуетъ о подвигахъ царя царей Дарія.

Древнеперсидское письмо силлабическое. Слогъ обозначается опредѣленнымъ клиносочетаніемъ. Впрочемъ силлабическій характеръ не выдержанъ и извѣстные слоги обозначаются двумя клиносочетаніями и пр., и вообще письмо не совсѣмъ точное. Это письмо представляетъ упрощеніе вавилонской-ассирійской клинописи сумерійскаго происхожденія.

Древнеперсидскія надписи собственно трехъязычныя: въ первой полосѣ древнеперсидскій языкъ, во второй—мидійскій (сузійскій), въ третьей вавилонско-ассирійскій языкъ При помощи санскрита удалось въ первую треть XIX столѣтія дешифриро-

вать древнеперсидскій текстъ, и этимъ былъ найденъ ключъ для чтенія другихъ параллельныхъ, одинаковыхъ по содержанію текстовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для пониманія найденной впослѣдствіи обширной вавилонско-ассирійской клинописной литературы.

Другое древнеиранское нарѣчіе дошло до насъ въ *Авестѣ*, т. е. сборникѣ священныхъ текстовъ религіи Зороастра или Заратуштры. Они и теперь почитаются остатками послѣдователей Зороастрова ученія, удалившимися отъ преслѣдованій магометанъ изъ своей родины около рѣкъ Сырдарьи и Амударьи въ Индію и извѣстными тамъ подъ названіемъ парсовъ.

Главныя части Авесты въ своемъ первоначальномъ видѣ сложились еще до V вѣка до Р. Х. Въ языкѣ Авесты выдѣляется большею древностью одно нарѣчіе, называемое *гатскимъ*, потому что на немъ написаны 17 гимновъ, называемыхъ гатами (гата значитъ пѣсня). Эти гимны складывались около 1000 лѣтъ до Р. Х. Нѣкоторые изслѣдователи называли языкъ Авесты древнебактрійскимъ, видя въ немъ языкъ древней Бактріяны. Письмо Авесты звуковое, передаетъ не слоги, а отдѣльные звуки. Пишется справа налѣво, подъ вліяніемъ семитическаго письма.

Впослѣдствіи, въ царствованіе Сассанидовъ, Авеста была переведена на болѣе новый, среднеиранскій языкъ пехлеви (языкъ парѳянскій), содержащій значительную примѣсь семитическихъ элементовъ. Этотъ переводъ и пехлевійскіе комментаріи назывались зендомъ, откуда въ Европѣ ошибочно перенесли это названіе на Авесту, называя ее Зендавестой, а языкъ ея *зендскимъ* или *зендомъ*.

Къ новоиранскимъ языкамъ принадлежатъ языки: новоперсидскій со многими нарѣчіями и говорами, курдскій, осетинскій, авганскій или пушту, белуджистанскій или балучи и памирскіе діалекты. На основаніи сохранившихся собственныхъ именъ скиѳскаго языка Вс. Миллеръ открылъ въ осетинскомъ языкѣ потомка скиѳскаго языка.

На новоперсидскомъ языкѣ существуетъ богатая литература, изъ которой особенно извѣстны въ Европѣ: обширная легендарно-историческая поэма Шахнаме (книга царей) персидскаго поэта Фирдауси (около 1000 л. по Р. Х.), лирическія стихотворенія Хафиза и разсказы Саади (особенно подъ заглавіемъ «Гулистанъ» т. е. „Садъ розъ“).

Письмо новоперсидскаго языка арабское, съ прибавкою діакритическихъ знаковъ къ нѣкоторымъ арабскимъ буквамъ.

Армянская вѣтвь.

Древнѣйшіе письменные памятники армянскаго языка восходятъ къ V в. по Р. Х. Они написаны на древнеармянскомъ или классическомъ армянскомъ языкѣ и религіознаго и историческаго содержанія. Сами армяне называютъ этотъ языкъ *грабаромъ*, что значитъ письменный языкъ, въ отличіе отъ ашхарабара т. е. народнаго живого языка. Грабаръ употреблялся и въ послѣдующія столѣтія вплоть до настоящаго времени какъ мертвый литературный языкъ.

Уже въ древнихъ памятникахъ попадаются отрывки народныхъ говоровъ, которые въ сравненіи съ грабаромъ представляютъ въ общемъ значительно болѣе новый строй. Современные многочисленные народные говоры дѣлятся на восточную и западную группы, имѣющія каждая опредѣленныя фонетическія и морфологическія особенности.

Уже въ общеармянскій языкъ вошло очень много особенно иранскихъ заимствованныхъ словъ, а въ новыхъ говорахъ число заимствованныхъ словъ составляетъ громадное большинство. Особенно много турецкихъ словъ.

Армянское письмо составлено св. Месропомъ главнымъ образомъ изъ греческаго алфавита.

Были попытки связать армянскій языкъ съ языкомъ этрусковъ, съ другой стороны—съ языкомъ хетитскихъ надписей, пока еще не окончательно выясненныхъ. Надо думать, что армяне, перешедшіе въ третьемъ тысячелѣтіи изъ позднѣйшей Ѳракіи въ Малую Азію, смѣшались при дальнѣйшемъ переселеніи съ другими народами, что отразилось и на языкѣ ихъ.

Греческая вѣтвь.

Древнегреческій языкъ состоялъ изъ многочисленныхъ народныхъ діалектовъ, сохранившихся чище всего въ надписяхъ и въ нѣсколько искусственномъ видѣ въ произведеніяхъ древнегреческой литературы.

Древнегреческіе говоры можно соединить въ слѣдующія группы: 1) іоническое нарѣчіе и близко родственное съ нимъ аттическое, 2) дорическое нарѣчіе, 3) сѣверозападные говоры съ

эліискимъ нарѣчіемъ, 4) аркадско-кипрскіе говоры, 5) эолійское нарѣчіе, 6) памфилійскіе говоры.

Среди древнихъ народныхъ нарѣчій выдѣляется тотъ языкъ, который сохранился въ эпическихъ произведеніяхъ древнихъ грековъ, Иліадѣ и Одиссеѣ. Этотъ такъ называемый Гомеровскій или эпическій языкъ есть главнымъ образомъ языкъ древнеіоническій, хотя эти эпосы возникли первоначально повидимому на почвѣ эолійскаго нарѣчія. Впослѣдствіи прибавилась еще примѣсь другихъ діалектовъ. Этотъ языкъ въ значительной степени искусственный, такъ какъ съ теченіемъ времени рапсоды вносили въ эти пѣсни еще болѣе новые элементы, а александрійскіе ученые подвергали ихъ позднѣйшимъ измѣненіямъ.

Съ V в. до Р. Х. *аттическое нарѣчіе* начинало вытѣснять изъ литературнаго употребленія всѣ другія нарѣчія, особенно іоническое, и сдѣлалось общимъ литературнымъ языкомъ (κοινή). Съ III в. до Р. Х. сталъ вырабатываться и общенародный греческій языкъ, главнымъ образомъ изъ аттическаго и отчасти іоническаго нарѣчія. Принимая въ себя элементы изъ мѣстныхъ говоровъ и отчасти негреческіе, этотъ общенародный языкъ (койне) успѣлъ къ III ст. по Р. Х. вытѣснить всѣ остальные народные діалекты, за исключеніемъ лаконійскаго, живущаго донынѣ подъ названіемъ дзаконскаго.

Нѣсколько столѣтій спустя въ этомъ общенародномъ греческомъ языкѣ стали снова развиваться народные греческіе говоры, составляющіе нынѣ двѣ группы, сѣверную и южную. Слѣдовательно, почти всѣ нынѣшніе греческіе народные говоры происходятъ не изъ древнегреческихъ говоровъ, а изъ древняго общегреческаго языка.

Малоизвѣстный языкъ македонянъ принадлежитъ повидимому къ греческой вѣтви. Греческая азбука, заимствованная у финикіянъ, представляла въ древности разнообразія по мѣстностямъ.

Албанская вѣтвь.

Къ албанской или иллирійской вѣтви нужно отнести, кромѣ албанскаго языка, еще древній мессапійскій языкъ въ южной Италіи, извѣстный изъ надписей. Памятники албанскаго языка восходятъ только до XVII ст. Различаютъ нѣсколько главныхъ современныхъ нарѣчій: гегское на сѣверѣ и тоскское на югѣ Албаніи; кромѣ того нарѣчія албанскихъ поселеній въ Греціи и въ

южной Италіи. Громадное большинство словъ нынѣшняго албанскаго языка заимствовано и романскаго, греческаго, славянскаго и турецкаго происхожденія.

Съ албанскимъ языкомъ нѣкоторые сближаютъ еще малоизвѣстные древнеиллирійскій языкъ и языкъ бывшихъ венетовъ въ сѣверовосточной Италіи, которые, можетъ быть, образуютъ отдѣльную вѣтвь. Существуютъ также предположенія о болѣе близкой родственной связи албанскаго языка съ ѳракійскимъ, съ другой стороны—фригійскаго языка съ армянскимъ.

Италійская вѣтвь.

Къ италійской вѣтви относится прежде всего латинскій языкъ. О древнемъ *народномъ латинскомъ* языкѣ, существовавшемъ первоначально въ Римѣ и его окрестностяхъ, дошли до насъ отрывочныя данныя изъ древнихъ надписей и изъ произведеній нѣкоторыхъ писателей. Онъ распространился затѣмъ по покореннымъ римлянами странамъ. Смѣшиваясь съ мѣстными туземными говорами, этотъ народный латинскій языкъ далъ существованіе такъ называемымъ романскимъ нарѣчіямъ, которыя съ X—XIV в. стали извѣстны въ письменныхъ памятникахъ какъ языки: итальянскій, провансальскій (въ южной Франціи, съ богатой литературой съ XI—XIV в.), французскій, испанскій, португальскій, ретороманскій (въ юговосточной Швейцаріи) и румынскій.

Изъ того же древнелатинскаго народнаго языка (lingua romana rustica) сталъ развиваться съ III в. до Р. Х. тотъ литературный или *классическій латинскій языкъ*, на которомъ написана вся классическая римская литература, и который въ искусственномъ употребленіи существуетъ до нашихъ дней.

Другія древнія италійскія нарѣчія, какъ языкъ *умбровъ* въ средней Италіи и языкъ *осковъ* въ южной Италіи, *сабеллійскіе* діалекты и пр., были очень рано вытѣснены латинскимъ языкомъ и дошли до насъ въ скудныхъ памятникахъ. Алфавитъ латинскій происходитъ изъ греческаго.

Кельтская вѣтвь.

Кельтская вѣтвь индоевропейской семьи языковъ живетъ въ настоящее время въ небольшихъ остаткахъ на окраинѣ того громаднаго пространства, которое она нѣкогда занимала въ западной Европѣ,

Изъ древнихъ кельтскихъ діалектовъ, существовавшихъ когда-то въ Верхней Италіи, въ Альпахъ, южной Германіи, Франціи и Испаніи, сохранились очень немногія данныя въ надписяхъ и въ собственныхъ именахъ, объединяемыя подъ названіемъ *гальскаго языка.*

Живые кельтскіе говоры составляютъ двѣ группы: бритскую и гельскую. Къ *бритской* или британской группѣ относятся языки 1) кимрскій или уэльскій, 2) вымершій въ XVIII ст. корнскій или корнуэльскій, въ Англіи, и 3) бретонскій или арморикскій во французской Бретани, языкъ переселенцевъ изъ Британіи.

Гельскую группу составляютъ говоры ирскіе (ирландскіе) и шотскіе (шотландскіе) и острова Мэна. Письменные памятники этихъ языковъ начинаются съ VIII—IX в. по Р. Х. Письмо латинское.

Германская вѣтвь.

Германская вѣтвь индоевропейской семьи языковъ дѣлится на 1) восточно-германскую группу, представляемую готскимъ языкомъ, 2) сѣверно-германскую или скандинавскую и 3) западно-германскую группу языковъ.

Готскій языкъ сохранился главнымъ образомъ въ отрывкахъ перевода Библіи, сдѣланнаго въ IV в. епископомъ готовъ Вульфилою (въ переводѣ: волчекъ). Это древнѣйшій болѣе обширный памятникъ нѣмецкаго языка.

Древнѣйшія отрывочныя данныя *о сѣверногерманскомъ языкѣ* сохранились въ надписяхъ, начиная съ III в. по Р. Х., написанныхъ „рунами“ т. е. тайными письменами. (По древнесѣверногерманскому rūn значитъ «тайна», «тайный письменный знакъ», по готски runa —тайна). Руны представляютъ собственно измѣненный латинскій алфавитъ. Этотъ языкъ составлялъ до начала эпохи Викинговъ, приблизительно до 700 л. по Р. Х., въ общемъ одно нарѣчіе, которое называется сѣверногерманскимъ или скандинавскимъ праязыкомъ и во многихъ отношеніяхъ древнѣе готскаго языка. Изъ этого скандинавскаго праязыка развились впослѣдствіи 4 языка, изъ которыхъ *шведскій* съ *датскимъ* языкомъ находятся въ ближайшемъ родствѣ и составляютъ восточно-скандинавскую группу, а *исландскій* съ *норвежскимъ*—западно-скандинавскую группу. Исландскій представляетъ самый древній

строй и извѣстенъ съ XII вѣка по сборнику поэтическихъ пѣсенъ Эдда.

Къ западногерманской группѣ принадлежатъ языки: 1) англофризскіе, 2) нижненѣмецкіе, 3) верхненѣмецкіе. Памятники этихъ языковъ начинаются съ VIII—IX в., только фризскаго съ XIV в.

Изъ языковъ первой подгруппы *фризскій* существуетъ и теперь. Изъ *древнеанглійскаго* или англосаксонскаго языка, извѣстнаго съ VII в., съ примѣсью романскаго языка норманскихъ завоевателей произошелъ нынѣшній англійскій языкъ.

Къ нижненѣмецкимъ принадлежатъ языки: 1) собственно *нижненѣмецкій* (нижнесаксонскій) съ древнимъ говоромъ древнесаксонскимъ; новый періодъ нижненѣмецкаго языка называется также Plattdeutsch; 2) нижнефранкскій или нидерландскій языкъ, откуда между прочимъ нынѣшній *голландскій* языкъ.

Древній *верхненѣмецкій* языкъ (съ 740 до 1100 по Р. Х.) перешелъ въ средневерхненѣмецкій и съ эпохи реформаціи въ нововерхненѣмецкій языкъ, ставшій литературнымъ и общегосударственнымъ языкомъ Германіи.

Готскій алфавитъ греческаго происхожденія съ прибавкою нѣкоторыхъ знаковъ изъ рунъ.

Нынѣшній нѣмецкій (готическій) алфавитъ представляетъ стилистическое измѣненіе латинскаго. Впрочемъ рядомъ употребляется и латинское письмо.

Балтійская вѣтвь.

Балтійская вѣтвь состоитъ изъ древнепрусскаго, литовскаго и латышскаго языковъ.

Памятники *древнепрусскаго* языка заключаются въ плохихъ переводахъ катехизиса отъ XVI в., въ небольшомъ болѣе древнемъ Эльбингскомъ словарчикѣ и въ спискѣ нѣсколькихъ словъ и нѣк. др. Потомки древнихъ пруссовъ составляютъ часть населенія нынѣшней Пруссіи, получившей отъ нихъ свое имя. Они постепенно онѣмечились и языкъ ихъ окончательно вымеръ въ XVII вѣкѣ.

Литовскій языкъ получилъ въ новѣйшее время очень важное значеніе при изученіи индоевропейскихъ языковъ. Онъ представляетъ большое разнообразіе говоровъ и существуетъ въ настоящее время въ Ковенской г., западной части Виленской, въ большей сѣверной части Сувалкской г. и кромѣ того въ сѣверо-

восточномъ углу Пруссіи, гдѣ онъ впрочемъ быстро вымираетъ подъ натискомъ нѣмецкаго языка.

На латышскомъ языкѣ говорятъ въ Курляндской г., южной половинѣ Лифляндской г. и въ небольшой смежной части Витебской г. Древнѣйшіе памятники литовскаго и латышскаго языковъ восходятъ къ XVI в. и состоятъ изъ переводовъ катехизиса, богослужебныхъ книгъ и пр.

Латышскій языкъ находится въ ближайшемъ родствѣ съ литовскимъ языкомъ, такъ что мы вправѣ принимать періодъ пралитовсколатышскаго языка, послѣ отдѣленія прусскаго языка. Но латышскій языкъ удалился гораздо больше отъ пралитовсколатышскаго состоянія, чѣмъ нынѣшній литовскій языкъ, почему въ лингвистикѣ представителемъ балтійской вѣтви служитъ обыкновенно литовскій языкъ. А прусскій языкъ, хотя и самый древній по строю, т. е. ближе къ прабалтійскому языку, однако очень неточно и неполно переданъ намъ.

Славянская вѣтвь.

Славянскіе языки состоятъ въ близкомъ родствѣ съ балтійскими языками. Славянская вѣтвь языковъ распадается на три группы: восточную, южную и западную.

Къ *западнославянской* группѣ принадлежатъ языки: 1) *чешскій* и 2) близко родственный ему *словацкій*, 3) лужицкій (lausitzisch, wendisch, sorbisch) въ Саксоніи и Пруссіи, распадающійся на *верхнелужицкое* и *нижнелужицкое* нарѣчія, 4) *польскій* и близкій къ нему 5) *кашубскій* на берегу Балтійскаго моря, около Данцига, 6) вымершій *полабскій*, на которомъ говорили славяне, жившіе по Лабѣ т. е. Эльбѣ. Отъ полабскаго языка дошло до насъ немногое въ неточныхъ записяхъ, сдѣланныхъ въ XVII—XVIII в.в.

Къ кашубскому языку ближайше примыкаетъ другой вымирающій діалектъ бывшихъ поморянъ, именно *словинскій*, которымъ владѣютъ еще сотни двѣ словинцевъ въ двухъ приходахъ Помераніи (Pommern отъ слова поморяне). Не лишне подчеркнуть, что этотъ словинскій языкъ нельзя смѣшивать съ словѣнскимъ (словенскимъ или словинскимъ) южнославянскимъ языкомъ, а также съ словенскимъ въ смыслѣ словацкаго языка.

Южнославянскую группу составляютъ языки: 1) *болгарскій*, 2) *сербохорватскій*, 3) *словѣнскій* (словинскій, словенскій)

въ Крайнѣ, Штиріи и пр. Сюда же относится древнѣйшій представитель славянской семьи языковъ, *старославянскій* языкъ, на который св. Кириллъ и Меѳодій перевели въ IX в. священное писаніе и богослужебныя книги. Его называютъ также древнеболгарскимъ языкомъ, такъ какъ онъ представляетъ повидимому какой-то македонскій говоръ древнеболгарскаго языка. Этотъ языкъ сталъ церковнымъ языкомъ всѣхъ православныхъ славянъ, какъ латинскій языкъ у католиковъ, почему его называютъ и церковнославянскимъ. Когда затѣмъ переписчики изъ сербовъ, русскихъ, болгаръ и пр. переписывали старославянскіе тексты, они по ошибкѣ вносили въ списки особенности своего родного языка, вслѣдствіе чего получились старославянскіе тексты (списки) русской, сербской и пр. редакцій или изводовъ. Такимъ образомъ эти списки являются цѣннымъ, хотя и отрывочнымъ источникомъ для древнѣйшихъ періодовъ этихъ языковъ.

Съ теченіемъ времени старославянскій языкъ все болѣе принималъ въ себя особенности мѣстнаго живого языка, напр. въ Россіи русскаго языка. Если мы такой болѣе поздній языкъ церкви, измѣненный подъ вліяніемъ мѣстнаго живого языка, называемъ „церковнославянскимъ“, то, для отличія, къ языку первоучителей не слѣдовало бы примѣнять этого термина. Лучше называть языкъ первоучителей исключительно „старославянскимъ“, такъ какъ и названія „древнецерковнославянскій“ и „древнеболгарскій“ могутъ подавать поводъ къ недоразумѣнію. (При паннонской теоріи относящіеся сюда памятники могли съ удобствомъ называться „паннонскими“).

Восточнославянскую группу составляетъ *русскій* языкъ, состоящій изъ великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, причемъ бѣлорусское нарѣчіе находится въ ближайшемъ родствѣ съ великорусскимъ, такъ что мы вправѣ говорить о сѣверно-русской и южнорусской (или малорусской) группахъ, причисляя бѣлорусскій языкъ къ сѣверно-русской группѣ.

Въ нынѣшнемъ *великорусскомъ* языкѣ различаются сѣверновеликорусское нарѣчіе (о́кающее) и южновеликорусское нарѣчіе (а́кающее). Точно такъ же *малорусскій* языкъ распадается на сѣверномалорусское (въ Сѣдлецкой и въ частяхъ Гродненской, Черниговской и Кіевской губ.) и южномалорусское нарѣчіе, послѣднее съ поднарѣчіями украинскимъ, галицкимъ (русинскимъ) и пр.

Памятники русскаго языка восходятъ къ XI ст. Древнѣй-

шіе изъ нихъ заключаются въ тѣхъ опискахъ, которыя русскіе писцы, переписывая старославянскіе тексты, вносили въ свои копіи подъ вліяніемъ своего родного языка. Древнѣйшимъ такимъ памятникомъ русскаго языка является Остромирово Евангеліе, написанное въ Новгородѣ въ 1056—1057 г. для посадника Остромира. Далѣе слѣдуютъ 2 сборника Святослава, отъ 1073 и 1076 г.г.

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ XI—XIV в.в. уже различаются говоры: новгородскій, кіевскій, галицковолынскій, смоленскій и пр. Изъ московскаго говора, на почвѣ южновеликорусскаго поднарѣчія съ примѣсью нѣкоторыхъ особенностей (въ согласныхъ) сѣверновеликорусскаго поднарѣчія, развился нынѣшній общенародный или общегосударственный русскій (литературный) языкъ, называемый точнѣе *общерусскимъ* языкомъ, въ который вошли между прочимъ и нѣкоторые звуковые, формальные и лексическіе элементы изъ церковнославянскаго языка.

Древнѣйшіе старославянскіе памятники написаны частью глаголицей, частью кириллицей. Глаголическое письмо повидимому составлено св. Кирилломъ вѣроятно изъ греческаго курсива съ прибавкой буквъ изъ другихъ алфавитовъ. Кириллица повидимому новѣе и происходитъ отъ греческаго унціала съ прибавкою знаковъ изъ глаголицы; форма буквъ кириллицы гораздо проще и удобнѣе.

Различія въ родственныхъ отношеніяхъ между отдѣльными вѣтвями.

Языки, принадлежащіе къ одной и той же вѣтви, находятся въ ближайшемъ родствѣ между собой, такъ какъ происходятъ изъ одного общаго праязыка, родоначальника вѣтви. Такой праязыкъ возстановляется посредствомъ сравнительнаго историческаго изученія фактовъ всѣхъ языковъ и нарѣчій, входящихъ въ составъ этой вѣтви. Такъ, всѣ индійскія нарѣчія происходятъ изъ *индійскаго праязыка* или *праиндійскаго* языка, всѣ иранскія нарѣчія—изъ *праиранскаго* языка, всѣ древнія греческія нарѣчія—изъ греческаго праязыка и т. д. Всѣ эти праязыки являются нарѣчіями по отношенію къ индоевропейскому праязыку. Поэтому изъ этихъ праязыковъ по сравнительноисторическому методу возстановляется и самый индоевропейскій праязыкъ.

Но не всѣ перечисленныя вѣтви находятся въ одинаковой степени родства между собою. Родство между индійской и иран-

ской вѣтвями болѣе тѣсное, чѣмъ съ остальными вѣтвями, такъ что предки иранцевъ и индійцевъ, послѣ отдѣленія отъ другихъ индоевропейцевъ, жили еще нѣкоторое время совмѣстной жизнью и имѣли общій языкъ—*индоиранскій* праязыкъ, который впослѣдствіи распался на индійскій и иранскій праязыки.

Во время этой совмѣстной жизни, вѣроятно въ области около Сырдарьи и Амударьи, этотъ народъ повидимому называлъ себя арійскимъ, почему и индоиранскій праязыкъ называется также *арійскимъ* праязыкомъ, а индійскіе и иранскіе потомки его — арійскими языками. Во избѣжаніе недоразумѣнія нужно имѣть въ виду, что раньше названія «арійскій», «арійцы» употребляли ошибочно въ смыслѣ индоевропейскій», «индоевропейцы», а въ этнографіи, антропологіи, исторіи и пр. эти названія встрѣчаются до настоящаго времени въ этомъ смыслѣ, напр. „арійская раса“, „арійскіе народы“.

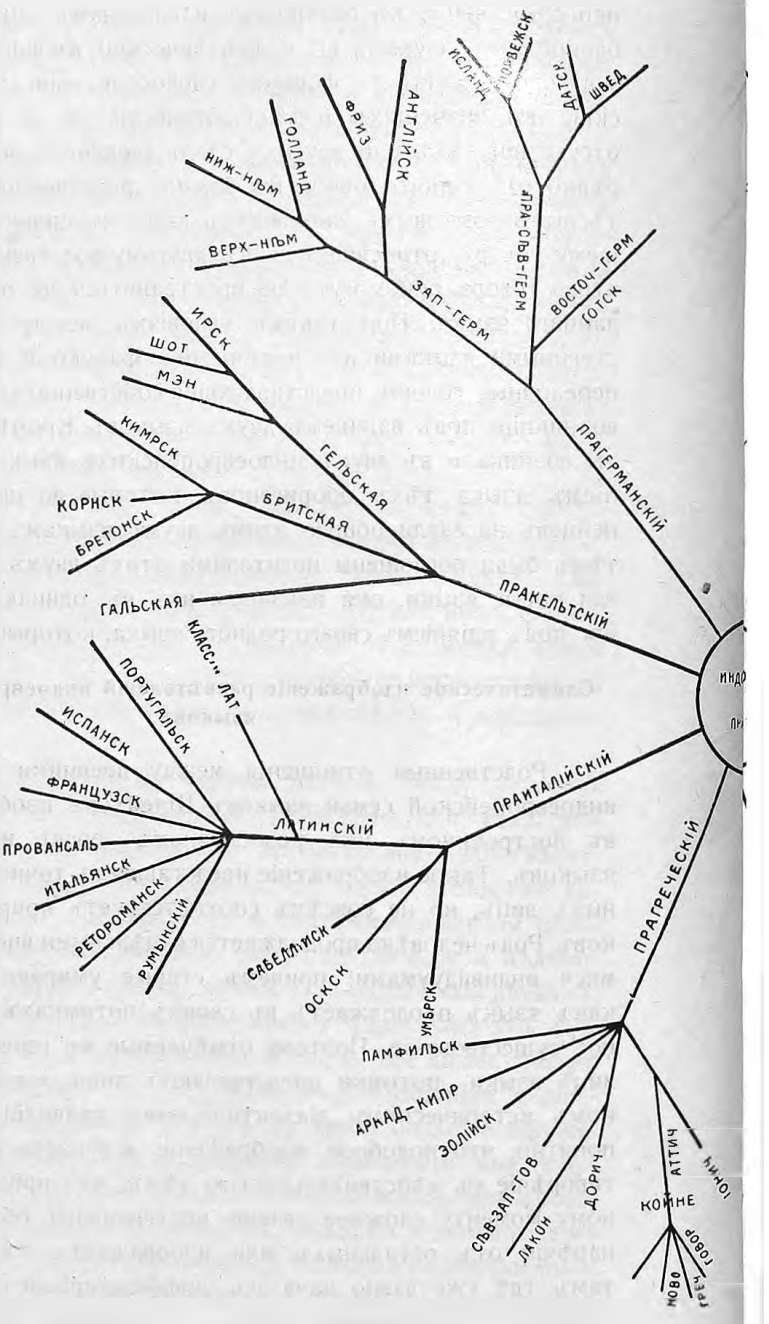
Такое же ближайшее родство существуетъ между славянскими и балтійскими языками, такъ какъ предки древнихъ пруссовъ, литовцевъ и латышей — съ одной стороны, и предки славянъ—съ другой, еще послѣ отдѣленія отъ другихъ индоевропейцевъ жили вмѣстѣ въ языковомъ общеніи, т. е. имѣли общій балтійскославянскій праязыкъ или *прабалтійскославянскій* языкъ, который затѣмъ распался на прабалтійскій и праславянскій языки.

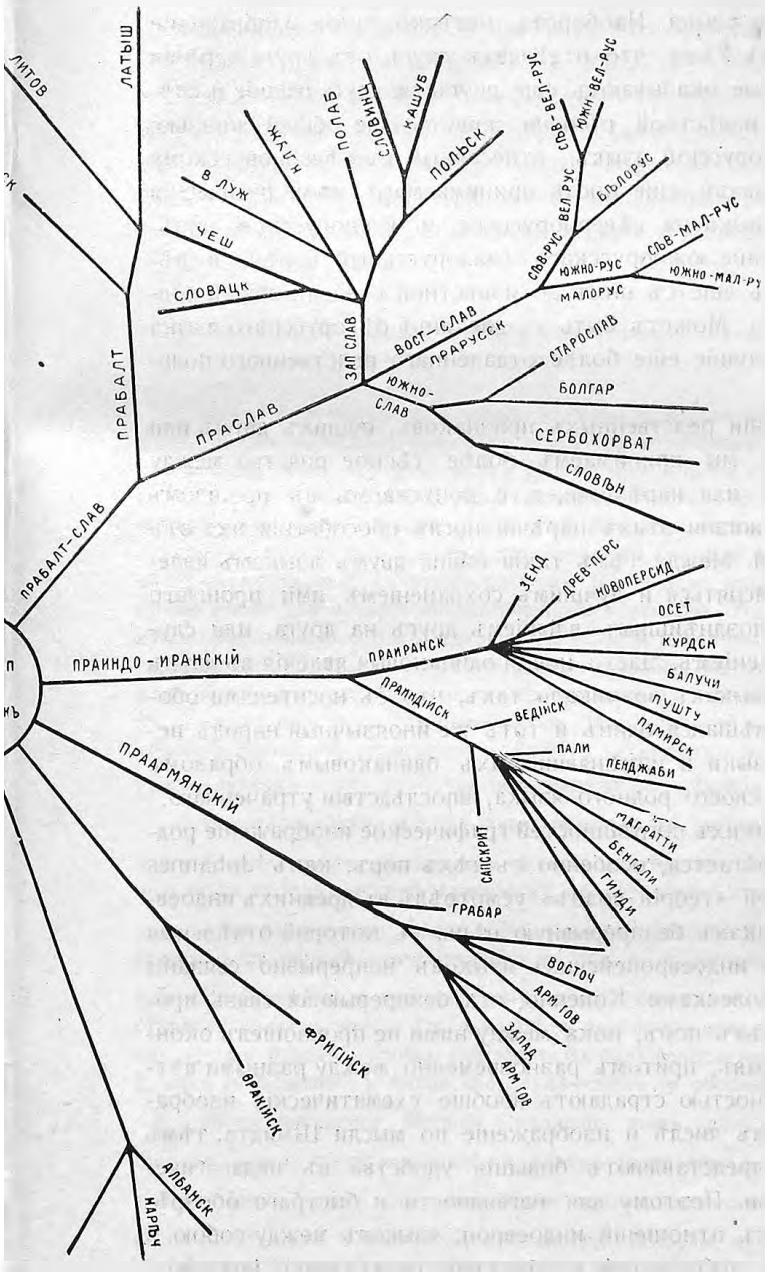
Указывали еще на болѣе близкое родство между греческой и италійской вѣтвями, между италійской и кельтской, кельтской и германской и между германской и балтійскославянской вѣтвями. Однако такой позднѣйшей совмѣстной жизни, вслѣдствіе которой мы принимаемъ индоиранскій и балтійскославянскій праязыки, между названными языками допустить нельзя; а нѣкоторыя особенности, общія только греческой и италійской вѣтвямъ, италійской и кельтской и пр., объясняются тѣмъ, что эти языки были сосѣдями въ доисторическое время и уже діалектически въ праязыкѣ находились между собою въ ближайшихъ сношеніяхъ, почему могли оказывать другъ на друга большее вліяніе. Вѣдь греки и италійцы до переселенія въ занимаемые ими полуострова составляли смежныя части индоевропейскаго пранарода; италійцы и кельты (галлы) были также сосѣдями и жили еще въ историческое время рядомъ въ Верхней Италіи; а германцы были съ юга и запада окружены кельтами, и къ востоку примыкали

непосредственно къ балтійцамъ и славянамъ. Діалектическія особенности въ звукахъ (т. е. фонетическія), въ формахъ словъ (т. е. морфологическія), въ формахъ словосочетаній (т. е. синтаксическія), въ значеніяхъ (семасіологическія) и въ присутствіи или отсутствіи тѣхъ или другихъ словъ (лексическія) переходятъ нерѣдко отъ одного говора къ близко родственному другому, при тѣсныхъ языковыхъ сношеніяхъ даже къ сильно различествующему говору, относящемуся къ другому родственному языку. Отъ этого говора они могутъ распространяться на остальные говоры даннаго языка. При такихъ условіяхъ между отдѣльными родственными языками или нарѣчіями образуются такъ называемые переходные говоры, представляющіе собственно смѣшанный языкъ, возникшій подъ вліяніемъ двухъ языковъ. Кромѣ того общія черты возникали въ двухъ индоевропейскихъ языкахъ и подъ вліяніемъ языка тѣхъ оборигеновъ, которые до прихода индоевропейцевъ населяли общую этимъ двумъ языкамъ территорію и затѣмъ были поглощены носителями этихъ двухъ языковъ: усваивая новые языки, они измѣняли ихъ въ одинаковомъ направленіи подъ вліяніемъ своего родного языка, который затѣмъ исчезъ.

Схематическое изображеніе развѣтвленій индоевропейской семьи языковъ.

Родственныя отношенія между древними представителями индоевропейской семьи языковъ Шлейхеръ изобразилъ наглядно въ построенномъ имъ родословномъ деревѣ индоевропейскихъ языковъ. Такое изображеніе представляетъ точно родство отдѣльныхъ лицъ, но не совсѣмъ соотвѣтствуетъ природѣ родства языковъ. Родъ человѣка продолжается отдѣльными вновь нарождающимися индивидуумами, причемъ старые умираютъ, между тѣмъ какъ языкъ продолжаетъ въ своихъ потомкахъ свое безпрерывное существованіе. Поэтому отмѣчаемые въ генеалогической таблицѣ языки—потомки представляютъ лишь этапы въ постепенномъ историческомъ діалектическомъ развитіи языка. Отсюда понятно, что подобное изображеніе вступаетъ нерѣдко въ противорѣчіе съ дѣйствительностью тѣмъ, что пріурочиваетъ къ одному моменту сложное явленіе постепеннаго обособленія одного нарѣчія отъ остальныхъ, или изображаетъ совмѣстную жизнь тамъ, гдѣ уже давно началась дифференціація одной группы говоровъ отъ остальныхъ, группы, являющейся фактически нача-

ИСЛАНД
НОРВЕЖСК
ДАТСК
ШВЕД
ФРИЗ
АНГЛІЙСК
ГОЛЛАНД
НИЖ-НЪМ
ВЕРХ-НЪМ
ЗАП-ГЕРМ
ПРА-СЪВ-ГЕРМ
ВОСТОЧ-ГЕРМ
ГОТСК
ПРАГЕРМАНСКІЙ
ИРСК
ШОТ
МЭН
ГЕЛЬСКАЯ
КИМРСК
КОРНСК
БРЕТОНСК
БРИТСКАЯ
ГАЛЬСКАЯ
ПРАКЕЛЬТСКІЙ
ПОРТУГАЛЬСК
КЛАССИЧ. ЛАТ
ИСПАНСК
ФРАНЦУЗСК
ПРОВАНСАЛЬ
ИТАЛЬЯНСК
РЕТОРОМАНСК
РУМЫНСКІЙ
ЛАТИНСКІЙ
ПРАИТАЛІЙСКІЙ
САБЕЛЛИСК
ОСКСК
УМБРСК
ПРАГРЕЧЕСКІЙ
ПАМФИЛЬСК
АРКАД-КИПР
ЗОЛІЙСК
СЪВ-ЗАП-ГОВ
ДАКОН
ДОРИЧ
АТТИЧ
КОЙНЕ
ЮЖН
ТОВОР
МОВО

ЛИТОВ
ЛАТЫШ
ЖКГН
ПОЛАБ
СЛОВИНЦ
КАШУБ
ПОЛЬСК
В ЛУЖ
ЧЕШ
СЛОВАЦК
ЗАП СЛАВ
ВОСТ—СЛАВ
СЛВ-ВЕЛ-РУС
ЮЖН-ВЕЛ-РУС
ВЕЛ РУС
БЪЛОРУС
СЛВ-РУС
ЮЖНО-РУС
СЛВ-МАЛ-РУС
ЮЖНО-МАЛ-РУ
МАЛОРУС
ПРАРУССК
СТАРОСЛАВ
ПРАБАЛТ
ПРАСЛАВ
ЮЖНО-СЛАВ
БОЛГАР
СЕРБОХОРВАТ
СЛОВЪН
ПРАБАЛТ-СЛАВ
ЗЕНД
ДРЕВ-ПЕРС
НОВОПЕРСИД
ОСЕТ
КУРДСК
БАЛУЧИ
ПУШТУ
ПАМИРСК
ПРАИНДО-ИРАНСКІЙ
ПРАМРАНСК
ПРАИНДІЙСК
ВЕДІЙСК
ПАЛИ
ПЕНДЖАБИ
МАГРАТТИ
БЕНГАЛИ
ГИНДИ
САНСКРИТ
ПРААРМЯНСКІЙ
ГРАБАР
ВОСТОЧ
АРМ ГОВ
ЗАПАД
АРМ ГОВ
ФРИГІЙСК
ВРАНІЙСК
АЛБАНСК
НАРЯЧ

ломъ отдѣльнаго языка. Наоборотъ, нерѣдко такое изображеніе языковъ грѣшитъ тѣмъ, что отдѣляетъ другъ отъ друга нарѣчія —сосѣди, которые оказываютъ еще другъ на друга вліяніе и слѣдовательно въ извѣстной степени живутъ еще общей жизнью. Такъ напр. бѣлорусскій языкъ, отнесенный къ сѣверноруссному нарѣчію, испытывалъ, еще послѣ принимаемаго нами распаденія общерусскаго языка на сѣверноруссное и южноруссное нарѣчія, сильное вліяніе южноруссаго (малоруссаго) нарѣчія и слѣдовательно жилъ еще съ нимъ до извѣстной степени общей родственной жизнію. Можетъ быть въ дзяканьѣ бѣлорусскаго языка нужно видѣть вліяніе еще болѣе отдаленнаго родственнаго польскаго языка.

На основаніи родственныхъ признаковъ, общихъ двумъ или болѣе языкамъ, мы принимаемъ болѣе тѣсное родство между этими языками или нарѣчіями, т. е. допускаемъ въ прошломъ періодъ общей жизни этихъ нарѣчій послѣ обособленія ихъ отъ другихъ нарѣчій. Между тѣмъ такія общія двумъ языкамъ явленія могутъ объясняться и лучшимъ сохраненіемъ ими прошлаго достоянія, или позднѣйшимъ вліяніемъ другъ на друга, или случайнымъ совпаденіемъ. Часто новыя одинаковыя явленія въ двухъ родственныхъ языкахъ возникали такъ, что съ носителями обоихъ языковъ смѣшался одинъ и тотъ же иноязычный народъ, перенявшій эти языки и измѣнявшій ихъ одинаковымъ образомъ подъ вліяніемъ своего родного языка, впослѣдствіи утраченнаго.

Въ виду такихъ погрѣшностей графическое изображеніе родства теперь избѣгается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Johannes Schmidt въ своей «теоріи волнъ» усмотрѣлъ въ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ безпрерывную цѣпь, въ которой отдѣльныя колечки—вѣтви индоевропейскихъ языковъ непрерывно связаны съ сосѣдними колечками. Конечно, эта безпрерывная связь продолжалась до тѣхъ поръ, пока между ними не произошелъ окончательный разрывъ, притомъ разновременно между разными вѣтвями. Но неточностью страдаютъ вообще схематическія изображенія, и въ томъ числѣ и изображеніе по мысли Шмидта; тѣмъ не менѣе они представляютъ большія удобства въ педагогическомъ отношеніи. Поэтому для наглядности и быстраго обозрѣнія родственныхъ отношеній индоевроп. языковъ между собою, я помѣщаю здѣсь графическое изображеніе развѣтвленій индоевропейскихъ языковъ, существенно отличающееся отъ родословнаго

дерева Шлейхера. На него нужно смотрѣть, соображаясь съ сказаннымъ выше. Нужно еще замѣтить, что недостаточное знакомство съ историческимъ прошлымъ напр. новоиндійскихъ, новоиранскихъ языковъ или древнегреческихъ діалектовъ не позволяетъ изобразить графически точнѣе степени родства такихъ языковъ или діалектовъ между собою. Въ этой таблицѣ названіе живого языка помѣщено рядомъ съ линіей, представляющей этотъ языкъ, а линія вымершаго языка короче и названіе его является продолженіемъ линіи.

Примѣры изъ древней исторіи нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языковъ.

Какъ постепенно измѣнились отдѣльные индоевропейскіе языки съ эпохи индоевропейскаго праязыка до начала древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ ихъ, эту доисторическую исторію отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ раскрываетъ намъ главнымъ образомъ сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ. Она возстановляетъ при помощи сравнительноисторическаго изученія звуки, формы словъ и формы словосочетаній въ предложеніяхъ этихъ языковъ. Въ общемъ языковѣдѣніи конечно не мѣсто для исторіи индоевропейскихъ языковъ. Но чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о томъ, какова эта исторія и каковы отношенія индоевропейскаго праязыка къ нѣкоторымъ главнымъ индоевропейскимъ языкамъ и этихъ послѣднихъ между собою, приведу нѣсколько примѣровъ въ сжатомъ изложеніи. Древнеиндійскія (санскритскія) слова передаю въ обычной латинской транскрипціи. Вмѣсто неслогового *u̯* пишу въ извѣстныхъ случаяхъ *v* для удобства непосвященнаго читателя.

Индоевропейское g̑u̯īvos—живъ, перетло въ древнеиндійское jīvás—живъ (произносится дживас; *дж* явилось вслѣдствіе смягченія изъ g въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ); въ греческомъ это слово не сохранилось, въ латинскомъ vīvus—живъ (индоевропейское g̑ᵘ т. е. лабіализованное g въ началѣ слова перешло въ лат. *v*; въ древнелатинскомъ было еще vīvos, затѣмъ o перешло въ u передъ конечнымъ согласнымъ); въ старославянскомъ «живъ» (*ж* явилось въ праславянскомъ языкѣ вслѣдствіе смягченія g передъ мягкимъ гласнымъ. Въ балтійскославянскомъ было еще g, какъ показываетъ) литовское gývas—живъ (y обозначаетъ долгое *i*).

Индоевропейское dhūmos — волненіе, дымъ, дало: древнеиндійское dhūmás—дымъ, греческое θῡμός—мужество (первоначально волненіе), латинское fūmus—дымъ, старославянское «дымъ», литовское dúmas — дымъ. (Индоевропейское ū долгое дало старославянское ы, а въ большинствѣ греческихъ діалектовъ перешло въ ῡ, какъ латинское u перешло въ фран-

цузское ü, напр. въ fumée. Индоевропейское придыхательное d, которое неточно, по принятой транскрипціи, пишется dh, сохранилось въ древнеиндійскомъ; въ прагреческомъ и праиталійскомъ оно перешло въ глухое придыхательное th, которое въ древнюю историческую эпоху греческаго языка перешло постепенно въ межзубной спирантъ θ, сохраняемый донынѣ; а въ латинскомъ языкѣ еще доисторически, притомъ въ праиталійскомъ, придыхательное t перешло въ спирантъ f. Въ балтійскославянскомъ языкѣ всѣ придыхательные согласные потеряли придыханіе, поэтому напр. древнейндійское bhūtís—благосостояніе, старославянское бъıти, литовское bûti—быть (съ долгимъ ū)).

Изъ индоевропейскаго eiti—(онъ) идетъ, получились: древнеиндійское ēti—идетъ (индоевропейское *e*, какъ и *o*, перешло въ индоиранскомъ праязыкѣ въ *a*, а дифтонгъ ai перешелъ затѣмъ въ праиндійскую эпоху въ долгое ē), греческое ἔϊσι (при извѣстныхъ условіяхъ въ греческомъ языкѣ t перешло въ s), латинское it (съ краткимъ ĭ изъ прежняго долгаго ī изъ ei, такъ какъ передъ конечнымъ t всякій долгій гласный сократился въ латинскомъ языкѣ. Но передъ конечнымъ s долгота сохранилась въ латинскомъ, поэтому īs—ты идешь), литовское «eĩti»—онъ идетъ (сохраняетъ вполнѣ индоевропейскіе звуки), старославянское и-ти, идетъ (всякое индоевропейское ei дало праславянское ī. Въ этомъ словѣ въ праславянскомъ языкѣ явилась новая основа съ прибавкою d).

Индоевропейское laivos—лѣвый, дало греческое λαιϝός—лѣвый, перешедшее въ λαιός (*ϝ* исчезло рано въ древнегреческихъ діалектахъ), латинское laevus, старославянское лѣкъ (индоевропейскіе дифтонги oi и ai дали праславянское ē, которое совпало съ прежнимъ праславянскимъ ē изъ индоевропейскаго долгаго ē; изъ ē получилось старославянское и русское ѣ).

Индоевропейскій родительный падежъ sūnoŭs—сына, перешелъ въ древнеиндійское sūnós—сына (индоевропейское oŭ дало индоиранское aŭ, такъ какъ *e* и *o* перешли въ *a*; aŭ измѣнилось въ праиндійскомъ въ ō. Ср. французское naufrage, правописаніе котораго указываетъ на прежнее произношеніе), старославянское сънıоу (въ праславянскомъ языкѣ oŭ перешло въ ū; старославянское написаніе «оу» съ двумя буквами заимствовано изъ греческаго правописанія. Всѣ конечные согласные исчезли уже въ праславянскую эпоху), литовское sūnaŭs—сына (почти полностью сохраняетъ индоевропейское достояніе).

Индоевропейское mātē(r)—мать (съ подвижнымъ r, т. е. передъ извѣст-

ными начальными звуками слѣдующаго слова исчезало r. Ср. подобное же подвижное z въ французскихъ les femmes, гдѣ произносится lè, и les yeux, гдѣ произносится lèz; подвижное n въ son frère т. е. sǫ̃ съ *о* назалированнымъ, и son âme т. е. son съ сохранившимся n; такое же подвижное n было когда то въ «съ», ср. «съ того» и «сън его» съ сохранившимся *н*, которое мы въ правописаніи пишемъ при слѣдующемъ словѣ: «съ него») дало древнеиндійское mātā—мать (въ древнеиндійскомъ сохранилась только разновидность безъ конечнаго r. Индоевропейскіе долгіе ē, ō, ā совпали въ индоиранскомъ праязыкѣ въ одномъ ā), греческое дорическое μάτηρ, аттическое μήτηρ — мать (въ іоническомъ-аттическомъ прагреческое ā при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ ē), латинское māter —мать, старославянское мати (балтійскославянскій языкъ унаслѣдовалъ форму безъ конечнаго подвижного r. Индоевропейское ē дало балтійскославянское и праславянское ē, перешедшее въ старославянское *ѣ*. Но въ концѣ слова, съ той долготой, которая называется прерывистой, т. е. при которой въ срединѣ слога звукъ ослабѣваетъ или прерывается, въ праславянскомъ изъ балтійскославянскаго ē явилось ī. О такомъ прерывистомъ качествѣ долготы свидѣтельствуетъ своимъ удареніемъ) литовское «motė́ – баба, жена (въ литовскомъ языкѣ изъ индоевропейскаго ā получилось ō, но въ латышскомъ сохранился этотъ звукъ какъ ā: mate. Въ литовскомъ языкѣ сохранилось различіе между обоими индоевропейскими удареніями, прерывистымъ и длительнымъ. Послѣднее мы видимъ напр. въ литовскомъ dė́ti—дѣть, старославянское дѣти, латинское fēcī—сдѣлалъ, греческое τίθημι—кладу, древнеиндійское dádhāmi—кладу, индоевропейскій корень dhē).

Индоевропейскія kos—кто, kis—кто, kid—что (съ лабіализованнымъ k мягконебнымъ) дали древнеиндійское kas—кто, -cid (c произносится какъ русское ч) напр. въ kascid—кто-нибудь (c изъ смягченнаго k, какъ изъ g, см. выше), греческое πότερος—кто изъ двухъ (πο- изъ индоевропейской основы ko съ лабіализованнымъ k передъ твердымъ гласнымъ), τίς—кто (изъ индоевропейскаго лабіализованнаго k передъ мягкимъ гласнымъ получилось греческое t), τί—что (конечные мгновенные, въ томъ числѣ d, исчезли въ прагреческомъ), латинское quis—кто, quid—что (въ латинскомъ лабіализація сохраняется, но при извѣстныхъ условіяхъ является чистый задненебный k, напр. въ род. падежѣ cujus—кого), старославянское къ-то, чь-то (съ такимъ же смягченіемъ *к* въ *ч*, какъ въ древнеиндійскомъ; относительно -ъ изъ -os см. ниже).

Какъ на примѣръ склоненія укажу на нѣкоторые падежи основъ на -*о*. Нужно замѣтить, что въ концѣ слова многіе звуки подвергались инымъ измѣненіямъ, чѣмъ въ срединѣ слова, и что нѣкоторые языки по-

теряли часть падежей, а во многихъ словахъ одни окончанія замѣнились другими по «аналогіи», о которой будетъ сказано впослѣдствіи.

Именительный падежъ единственнаго числа индоевроп. vạlkos—волкъ. Отсюда древнеиндійское vṛ́kas—волкъ (r̥ обозначаетъ слоговое r, какъ въ сербскомъ, напр. србин), греческое λύκος—волкъ, латинское lupus —волкъ, старославянское влъкъ, литовское vilkas—волкъ. (Конечное os измѣнилось въ праславянское us, а всякое u перешло въ праславянскомъ языкѣ въ болѣе открытый очень краткій звукъ «ъ». Въ данномъ случаѣ былъ праславянскій слабый ъ, который въ русскомъ языкѣ съ XI в. исчезалъ, какъ и слабый ь. Сильный ъ обратился бы въ *о*, какъ сильный *ь* обратился въ *е*. Конечные согласные исчезли въ праславянскомъ. Что касается старославянскихъ лъ, ль, съ слоговымъ «л» и неслоговымъ «ъ», «ь», то они получились вслѣдствіе перестановки изъ праславянскаго «ьл». Въ русскомъ языкѣ «волкъ» изъ древняго русскаго «вълкъ», съ сильнымъ ъ, перешедшимъ въ о. Въ русскомъ языкѣ сохранялся первоначальный порядокъ этихъ звукосочетаній).

Звательный падежъ ед. числа индоевропейск. vạlke далъ древнеинд. vṛ́ka, грѐч. λύκε, латинск. lupe, старослав. влъче, лит. vilkè.

Винительный падежъ един. ч. индоевропейск. vạlkom. Отсюда получились древнеинд. vṛ́kam, греч. λύκον (конечное m перешло въ прагреческомъ въ n), лат. lupum, старослав. влъкъ, лит. vilkạ̀ (съ конечнымъ ą изъ прежняго литовскаго an, такъ какъ конечное m уже въ балтійскославянскомъ праязыкѣ перешло въ n; а изъ балтійскославянскаго конечнаго on получилось праславянское un, откуда съ утратой носового согласнаго старославянскій ъ).

Мѣстный падежъ ед. ч. индоевропейск. vạlkoi—въ волкѣ: древнеинд. vṛ́kē (ē изъ индоиранскаго ai, см. выше), греч. нарѣчіе οἴκοι—дома (мѣстный падежъ утраченъ), лат. bellī—на войнѣ (м. пад. утраченъ), старослав. влъцѣ («ѣ» изъ праславянскаго ē изъ oī съ длительной долготой, ср. выше), и т. д. Русское «волкѣ» съ *к* явилось на мѣсто древнерусскаго «вълцѣ» не по звуковымъ законамъ, а по аналогіи, т. е. подъ вліяніемъ другихъ падежныхъ формъ этого слова, сохранившихъ «к», какъ: волкъ, волка, волку и пр. Въ такихъ образованіяхъ по аналогіи новая форма опредѣляется пропорціей «рабъ»: «рабѣ»=«дубъ»: «дубѣ» и пр.=волкъ: X; X=волкѣ.

Примѣромъ спряженія могутъ служить формы трехъ первыхъ лицъ ед. ч. настоящаго времени двухъ глаголовъ, изъ которыхъ одинъ, съ корнемъ es—быть, спрягается по нетематическому спряженію, а другой, съ корнемъ bher—носить, по тематическому спряженію: индоевропейскія ésmi—я есмь, éssi и ési—ты еси, ésti—онъ есть, bhérō(n)—я ношу (съ подвиж-

нымъ n), bhéresi—ты носишь, bhéreti—онъ носитъ. Отсюда получились древнеиндійскія âsmi, bhârâmi (mi приставлено по аналогіи нетематическаго спряженія), âsi, bhârasi, âsti, bhârati; греческія аттическое εἰμί, дорическое ἠμί (развились фонетически изъ ранняго прагреческаго ἐσμι, причемъ взамѣнъ исчезавшаго s явилось замѣнительное удлиненіе предшествующаго ему гласнаго), φέρω, ἐσσί и εἶ (простое s исчезло въ прагреческомъ между гласными), φέρεις (новообразованіе), ἐστί, φέρει (новообразованіе); латинскія sum, es, est и тематическій глаголъ съ другимъ корнемъ lego—я читаю, legis, legit (въ латинскомъ языкѣ являются въ настоящемъ времени такъ называемыя вторичныя окончанія, безъ конечнаго i, которыя существовали и въ другихъ языкахъ напр. въ прошедшихъ временахъ); старославянскія есмь, берѫ (ѫ т. е. назалированное o изъ индоевропейскаго ōn; въ русскомъ языкѣ праслав. o перешло въ у: «беру»), есн, береши (конечное и вмѣсто ь новообразованіе), есть, берета; литовское esmì, esì, ẽsti и пр.

§ 3. Генеалогическая классификація языковъ, не принадлежащихъ къ индоевропейской семьѣ.

Аккадско-сумерійскій языкъ.

По древности своихъ письменныхъ памятниковъ первое мѣсто между всѣми языками занимаютъ два родственныхъ нарѣчія: языкъ аккадійцевъ на сѣверѣ и сумерійцевъ на югѣ Месопотаміи въ долинѣ рѣки Евфрата, сохранившійся въ многочисленныхъ надписяхъ. Этотъ *аккадско-сумерійскій* народъ вмѣстѣ съ эламитами не былъ ни семитическимъ, ни индоевропейскимъ, и можетъ быть сближаемъ развѣ только съ уралоалтайскими народами.

Сумерійцы были основателями вавилонской міровой культуры, расцвѣтъ которой относится задолго до 4000 лѣтъ до Р. Х. Отъ нея беретъ начало и древняя египетская культура. Впослѣдствіи этотъ народъ смѣшался съ надвигавшимися съ сѣверозапада семитами, постепенно перенялъ ихъ языкъ и передалъ имъ свою культуру и свое письмо, въ результатѣ чего получился ассирійско-вавилонскій семитическій и семитизированный народъ съ семитическимъ языкомъ. Отсюда эта культура перешла къ финикіянамъ, и черезъ посредство ихъ переносилась на берега Средиземнаго моря въ финикійскія колоніи, напр. въ Карѳагенъ. По своему географическому положенію греки первые изъ индоевропейцевъ, жившихъ въ Европѣ, могли сдѣлаться причастниками

этой культуры, перенесенной затѣмъ и въ Италію. Культурное развитіе этихъ народовъ сообщалось затѣмъ постепенно и остальнымъ индоевропейцамъ, позже всѣхъ германцамъ, славянамъ и балтійскимъ народамъ. Впрочемъ въ Грецію и Италію переднеазіатское культурное вліяніе проникало еще до прихода индоевропейскихъ грековъ и италійцевъ, о чемъ свидѣтельствуетъ такъ называемая микенская культура въ Греціи и этрусская въ Италіи. Своимъ раннимъ развитіемъ индоиранскіе народы обязаны повидимому своей географической близости съ вавилонско-ассирійскимъ культурнымъ центромъ.

Сумерійскій языкъ сохранился въ многочисленныхъ клинообразныхъ надписяхъ, выжженныхъ на кирпичахъ, перевезенныхъ отчасти въ Европу, въ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ. Они содержатъ молитвы, заклинанія, религіозные гимны, надписи царей и пр. и служатъ древнѣйшимъ памятникомъ исторіи. Ученія и разсказы Ветхаго Завѣта носятъ явные слѣды заимствованія изъ вавилонско-сумерійскаго источника.

Семитическая семья языковъ.

Семитическую семью языковъ составляли вѣтви: 1) вавилонско-ассирійская, 2) ханаанская съ еврейскимъ и древнефиникійскимъ языками, 3) арамейская или сирійско-халдейская, 4) арабская вѣтвь, находящаяся въ ближайшемъ родствѣ съ 5) эѳіопской вѣтвію.

Вавилонско-ассирійскій языкъ сохранился въ многочисленныхъ клинообразныхъ надписяхъ въ Вавилонѣ и Ниневіи съ четвертаго тысячелѣтія до Р. Х. Этотъ языкъ древнѣйшій по времени представитель семитической семьи языковъ, но не древнѣйшій по строю.

Изъ языковъ *ханаанской* вѣтви еврейскій языкъ былъ уже за четыре вѣка до Р. Х. въ самой Палестинѣ вытѣсненъ языкомъ арамейскимъ или халдейскимъ, и съ тѣхъ поръ существуетъ лишь въ искусственномъ литературномъ употребленіи. Древнѣйшія части Библіи, написанныя на еврейскомъ языкѣ, восходятъ ко второму тысячелѣтію до Р. Х. Близко родственный древнефиникійскій языкъ, распространенный когда-то въ финикійскихъ колоніяхъ, дошелъ до насъ въ многочисленныхъ надписяхъ.

Арамейскій языкъ со своими нарѣчіями сирійскимъ и халдейскимъ существовалъ въ Сиріи, Ассиріи и Вавилоніи и сохра-

нился частью до настоящаго времени подъ названіемъ новосирійскаго языка. На этомъ языкѣ написаны нѣкоторыя части Библіи, талмудическія произведенія, а также богатая христіанская литература со второго вѣка. Онъ употреблялся евреями до десятаго вѣка. Затѣмъ евреи пользовались арабскимъ языкомъ, а съ XIII в. ученымъ языкомъ евреевъ сдѣлался обновленный еврейскій языкъ.

Арабскій языкъ, извѣстный отчасти изъ древнихъ надписей, распространился вмѣстѣ съ исламомъ на сѣверное побережье Африки и обогатилъ своими словами языки народовъ, принявшихъ исламъ, какъ персидскій, турецкій и пр.

Въ ближайшемъ родствѣ съ южноарабскими гимьярскими діалектами, сохранившимися въ надписяхъ, находятся *эѳіопскія* или *абиссинскія* нарѣчія семитическаго происхожденія, съ памятниками начиная съ IV в.

Семитическіе языки, прародиной которыхъ повидимому была Аравія, настолько близки другъ къ другу, что родство между ними было уже давно извѣстно. Они отличаются отъ другихъ языковъ своими трехсогласными корнями и широкимъ развитіемъ внутренней флексіи, заключающейся главнымъ образомъ въ измѣненіяхъ гласныхъ, находящихся между согласными. Напр. древнеарабскія (древнеарабскій языкъ наилучше сохранилъ прасемитическое достояніе): катала—онъ убилъ, каталат—она убила, каталта—ты убилъ и пр.; кутила—онъ былъ убитъ, кутилат—она была убита, кутилта и пр.; ка̄тала—онъ боролся, старался убить, ка̄талат и пр.

Такъ какъ въ семитическомъ письмѣ пишутся обыкновенно только согласныя, то при особенномъ характерѣ флексіи семитическихъ языковъ эти согласныя кажутся основными принадлежностями словъ, т. е. носителями основныхъ значеній словъ; а прибавляемые при чтеніи гласные звуки, измѣняющіеся по формамъ, являются формальными принадлежностями словъ. Поэтому въ семитическомъ письмѣ обозначаются большею частію какъ бы однѣ лишь основныя принадлежности словъ. Напр. древнеарабское «лтк» читается справа налѣво какъ: катала, кутила, катлун, китлан и пр.; «тлтк» какъ: каталата, кутилту, кутилат и пр., смотря по смыслу. Нѣчто похожее, хотя отличающееся присутствіемъ буквъ для гласныхъ, представляютъ наши написанія вродѣ «села», «окна», «бороды», которыя мы читаемъ

какъ «села́» или «сёла», «бъ́рады» или «бо́ръды» и пр., смотря по общему смыслу предложенія.

Означенными особенностями въ строеніи корней и въ флексіи семитическіе языки настолько отличаются въ общемъ отъ индоевропейскихъ, что если между этими семьями языковъ существуетъ родство, то оно относится къ недоступному пока прошлому. Поэтому и многочисленныя попытки доказать это родство не могли привести къ положительному результату, несмотря на то, что существуетъ много корней въ обѣихъ семьяхъ, которыя могутъ быть родственно сближаемы.

Для ознакомленія съ сравнительной грамматикой семитическихъ языковъ можетъ служить кромѣ Zimmern, Vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen, болѣе новое Kurzgefasste vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen Brockelmann'a, и его же обширное Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen.

Хамитская семья языковъ.

Къ хамитской семьѣ причисляютъ языкъ *древнеегипетскій*, древнѣйшіе памятники котораго начинаются около 4000 лѣтъ до Р. Х. Потомокъ этого языка, *коптскій* языкъ, имѣетъ христіанскую литературу и, какъ живой языкъ, уступилъ свое мѣсто нѣсколько столѣтій тому назадъ арабскому языку.

Къ хамитской семьѣ относятся еще языки ливійскіе или берберійскіе въ сѣверной Африкѣ и эфіопскіе языки хамитскаго происхожденія въ Абиссиніи, какъ галла, сомали и пр.

Въ настоящее время родство между хамитскими и семитическими языками считается многими доказаннымъ.

Урало-алтайская семья языковъ.

Къ урало-алтайской семьѣ относятся слѣдующія вѣтви. Родство между нѣкоторыми изъ нихъ впрочемъ по меньшей мѣрѣ очень отдаленное.

1) *Угро-финская* вѣтвь съ языками финскимъ, корельскимъ, лапландскимъ, эстонскимъ, мадьярскимъ или венгерскимъ, остяцкимъ, вогульскимъ, зырянскимъ, мордвинскимъ и пр.

2) Близко родственныя съ предыдущими *самоѣдскія* нарѣчія въ Европѣ и Азіи.

3) *Тюркская* (турецко-татарская) вѣтвь съ языками: якутскимъ, башкирскимъ, киргизскимъ, уйгурскимъ, татарскимъ, османскимъ (османли или собственно турецкимъ языкомъ) и пр.

4) Въ ближайшемъ родствѣ съ тюркскими находятся языки *монгольской* вѣтви: бурятскій, калмыцкій и собственно монгольскій.

5) Среднее мѣсто между финскими и самоѣдскими языками —съ одной стороны, и тюрко-монгольскими—съ другой, занимаетъ *манджурско-тунгузская* вѣтвь, обнимающая манджурскій и тунгузскій языки.

Языкамъ этой семьи придавали иногда неточное названіе «туранскій», относя къ этому названію еще напр. дравидскіе и кавказскіе языки. По своему строю урало-алтайскіе языки большею частью *агглютинирующіе*, такъ какъ въ нихъ формальныя принадлежности не сливаются съ основными принадлежностями словъ такъ, какъ нерѣдко въ флективныхъ индоевропейскихъ языкахъ. Число падежей доходитъ иногда до 20. Типичной особенностью большинства урало-алтайскихъ языковъ является такъ называемая *гармонія гласныхъ*, т. е. извѣстнаго рода прогрессивная ассимиляція гласныхъ, по которой послѣ твердонебнаго гласнаго корня является и твердонебный гласный суффиксовъ, послѣ мягконебнаго — мягконебный, послѣ средненебнаго —любой. Напр. турецкое «сев-мек»—любить, «яз-мак»—писать, «эв-лер»—дома, «ат-лар»—лошади.

Въ новѣйшее время мысль о родствѣ по происхожденію между венгрофинскими и индоевропейскими языками нашла себѣ опять убѣжденныхъ защитниковъ. Другіе объясняютъ громадное число сходствъ въ словахъ и грамматикѣ этихъ семей частію случайнымъ совпаденіемъ, частію заимствованіями, такъ какъ уже до распаденія индоевропейскаго праязыка угрофинскіе народы были непосредственными сосѣдями индоевропейцевъ съ сѣвера и востока.

Кавказскіе языки.

Кавказъ представляетъ микрокосмъ языковъ, родственныя отношенія между которыми отчасти неясны. Къ такимъ невыясненнымъ по происхожденію языкамъ относятся языки: *чеченскій*, *черкесскій* и *лезгинскій*. На южномъ Кавказѣ существуетъ семья языковъ *грузинскаго*, сванетскаго и мингрельскаго. Къ грузинской семьѣ нѣкоторые изслѣдователи относятъ еще языкъ древнихъ *алародіевъ*, существовавшій въ странѣ Уратру или Урарту, впослѣдствіи Арменіи. Въ такомъ случаѣ предки гру-

зинъ были оттѣснены къ сѣверу, на Кавказъ, переселившимися изъ Ѳракіи армянами, причемъ оставшаяся часть грузинъ могла смѣшаться съ армянами.

Другіе языки Азіи.

Изъ другихъ языковъ Азіи выдѣляется односложный *китайскій* языкъ, состоящій приблизительно изъ 500 словъ, которыя при помощи разныхъ удареній даютъ около 2000 словъ. Флексіи нѣтъ и синтаксическія отношенія между словами опредѣляются порядкомъ словъ, служебными словами и пр. Богатая китайская литература, частью уничтожавшаяся временами вновь воцарившимися династіями, начинается около 2000 лѣтъ до Р. Х. По своему строю и вѣроятно по родству примыкаютъ къ китайскому языку односложные языки Индокитая: *сіамскій*, *бирманскій* и пр., а также гималайскіе языки, напр. *тибетскій*.

Особо стоитъ повидимому языкъ *японскій*, агглютинирующій съ простымъ строеніемъ. Родственныя отношенія нѣкоторыхъ сибирскихъ языковъ, какъ *юкагировъ*, *коряковъ*, *чукчей*, *камчадаловъ*, невыяснены. Впрочемъ, послѣдній языкъ, а можетъ быть и японскій, могутъ стоять въ связи съ урало-алтайскими языками.

На Деканскомъ полуостровѣ существуетъ семья *дравидскихъ* языковъ, какъ тамиль, телугу, малабарскій и пр., и кромѣ того семья языковъ *колярскихъ* или *мунда*. Всѣ эти языки принадлежатъ аборигенамъ индійскаго полуострова.

Южноафриканскіе языки.

Почти все громадное пространство южной Африки занимаютъ языки семьи *банту*, близко между собой родственные и отличающіеся употребленіемъ префиксовъ вмѣсто нашихъ суффиксовъ.

Особо стоятъ языкъ *готтентотовъ* и языкъ *бушменовъ*.

Въ средней Африкѣ существуетъ много негрскихъ языковъ, еще мало извѣстныхъ.

Малайскіе и Австралійскіе языки.

На полуостровахъ и островахъ около юговосточнаго берега Азіи существуетъ у племенъ малайской расы общая семья языковъ—*малайско-полинезійская*, распадающаяся на малайскую, полинезійскую и меланезійскую группы.

Языки папуасовъ и языки Австраліи мало изслѣдованы. Послѣдніе, вѣроятно, образуютъ одну семью.

Языки американскихъ индѣйцевъ.

Родственныя отношенія между многочисленными американскими языками большею частью не выяснены. Большинству изъ нихъ свойственъ такъ называемый полисинтетическій строй, при которомъ въ глаголѣ соединяются всевозможныя части предложенія, такъ что отъ одного глагольнаго корня образуются многія тысячи формъ сложнаго глагола Номенклатура нашей грамматики съ ея понятіями совершенно не соотвѣтствуетъ этому строю.

Отдѣльно стоящіе языки Европы.

Изъ языковъ Европы совершенно особнякомъ стоитъ языкъ *басковъ*, уцѣлѣвшій въ Пиринеяхъ около Бискайскаго залива. Баскскій языкъ послѣдній остатокъ языка *иберійцевъ* въ Испаніи и Франціи, поглощенныхъ пришлыми кельтами. Его строй агглютинирующій и полисинтетическій, какъ въ американскихъ языкахъ. Къ языкамъ, родство которыхъ не выяснено, принадлежатъ въ Европѣ вымершіе языки бывшихъ *этрусковъ* въ Италіи и бывшихъ *лигурійцевъ* въ южной Франціи, западныхъ Альпахъ и верхней Италіи. Эти языки оставили слѣды въ многочисленныхъ географическихъ именахъ и повліяли на измѣненіе тѣхъ индоевропейскихъ языковъ, которые эти народы переняли.

ГЛАВА III.

ВНУТРЕННІЙ МЕХАНИЗМЪ ЯЗЫКА.

§ 1. Общій анализъ процесса рѣчи.

Допустимъ, что кто-то видѣлъ, какъ другой уронилъ стаканъ, который разбился. Въ душѣ перваго осталось воспоминаніе объ этомъ событіи. Это воспоминаніе есть рядъ сложныхъ представленій, въ составъ которыхъ могутъ входить: зрительное представленіе окружающей обстановки и въ ней лица, роняющаго стаканъ, слуховое представленіе звона разбивающагося стекла, представленіе внѣшняго вида лица, уронившаго стаканъ, воспоминаніе душевнаго отношенія наблюдателя къ совершившемуся факту и къ лицу, уронившему стаканъ (напр. чувство досады) и пр.

Этотъ сложный рядъ зрительныхъ и слуховыхъ представленій (къ которымъ могутъ примѣшиватъся по ассоціаціи еще осязательныя представленія стекла, вкусовыя представленія, если въ стаканѣ былъ напр. чай, и пр.) и связанныхъ съ ними чувствованій можетъ затѣмъ въ очень неполныхъ и неясныхъ образахъ промелькать въ душѣ, если къ тому подается поводъ какой либо ассоціаціей. Другими словами, могутъ являться воспоминанія объ этомъ событіи. При сосредоточеніи вниманія на какой либо части такого сложнаго представленія, эта часть очерчивается все яснѣе и полнѣе. Впрочемъ сравнительно съ ощущеніями репродуктивныя представленія всегда слабѣе и въ значительной степени невѣрны, невольно переиначены и дополнены частями другихъ сходныхъ представленій, случайнымъ настроеніемъ и т. д. Въ такихъ сложныхъ образахъ состоитъ обыкновенно наше мышленіе безъ словъ.

Допустимъ, что означенное лицо желаетъ сообщить объ этомъ событіи другому лицу. Такъ какъ непосредственнаго сношенія между душами отдѣльныхъ индивидовъ нѣтъ, то для этого необходимо прибѣгнуть къ внѣшнему средству. Можно изобразить указанное событіе въ картинахъ, насколько оно зрительное, напр. въ кинематографическихъ послѣдовательныхъ изображеніяхъ. Нѣчто подобное мы видимъ отчасти въ пиктографіи т. е. въ письмѣ, возстановляющемъ зрительные образы. Звуковыя представленія можно возбудить въ другомъ лицѣ подражаніемъ голосомъ даннымъ звукамъ. Можно говорить описательными жестами, выражающей чувства мимикой и т. д. Такими языками пользуются дѣйствительно тамъ, гдѣ звуковой языкъ невозможенъ, напр. глухонѣмые, или когда говорятъ на большомъ разстояніи, или когда у разговаривающихъ нѣтъ общаго звукового языка и пр. Кромѣ того почти всѣ люди пользуются зрительнымъ языкомъ жестовъ и мимики одновременно съ устною рѣчью, дополняя ими то, что выражается словами.

Но допустимъ, что данное лицо прибѣгаетъ къ общепринятому между всѣми людьми средству сообщенія мыслей, къ звуковому языку. Этотъ языкъ состоитъ изъ словъ, образующихъ предложенія. Слова не пустые звуки, а имѣютъ значенія. Это значитъ, что когда мы слышимъ слова въ предложеніяхъ, то по ассоціаціи возбуждаются въ насъ соотвѣтствующія представленія—значенія этихъ предложеній, и наоборотъ, всякое представленіе можетъ возбудить представленіе соотвѣтствующаго слова.

Эта связь между звуковыми словами и представленіями и чувствованіями, обозначаемыми словами, установилась въ насъ съ дѣтства, по крайней мѣрѣ въ родномъ языкѣ. Съ конца перваго года жизни мы запоминали слова въ звукахъ, а потомъ постепенно устанавливались въ нашей душѣ ассоціаціи этихъ словъ съ тѣми представленіями—значеніями ихъ, съ которыми связывали ихъ старшіе. Это происходитъ такимъ образомъ. Ребенокъ получаетъ напр. рядъ зрительныхъ ощущеній, къ которому старшіе примѣняютъ слова «это собака», «хочешь молока», «дай мнѣ», «собака убѣжала на улицу», «вотъ бѣлая собачка» и пр., сопровождая ихъ соотвѣтствующими указательными и другими жестами и мимикой. Другое сложное представленіе, возникающее изъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, старшіе обозначаютъ словами «собака лаетъ», или «Ваня поетъ» и пр. При другихъ внѣшнихъ

условіяхъ старшіе говорятъ: «Ваня на улицѣ», или «видишь бѣлый домъ»? и пр. Такимъ образомъ одновременно съ ощущеніемъ и представленіемъ звукового слова «собака» въ сознаніи ребенка возбуждено между прочимъ и представленіе этого животнаго; при словѣ «убѣжала» возбуждено въ душѣ ребенка между прочимъ и зрительное представленіе извѣстнаго рода движеній собаки; при словѣ «бѣлый» возбуждено между прочимъ извѣстное зрительное ощущеніе цвѣта, и т. д. Остальныя составныя части какъ предложеній въ звукахъ, такъ и обозначаемыхъ ими сложныхъ представленій, мѣняются въ разныхъ предложеніяхъ. Ясно, что представленіе предмета «собака» должно вступить въ ассоціацію по смежности съ представленіемъ звукового слова «собака» и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлиться отъ всѣхъ остальныхъ элементовъ сложныхъ представленій; представленіе извѣстнаго движенія должно вступить въ ассоціацію по смежности съ представленіемъ слова «убѣжалъ» и пр. По опыту ребенокъ очень рано убѣждается, что посредствомъ звуковыхъ словъ онъ можетъ оказывать на слушателя извѣстное воздѣйствіе (дай! пить!), вызывать у него психическія состоянія, связанныя у него съ данными звуками. Такимъ образомъ звуковыя слова становятся для него знаками, указывающими на нѣчто другое, на обозначаемое словами.

Такъ какъ слово «собака» старшіе относятъ къ большимъ и маленькимъ, чернымъ и бѣлымъ, злымъ и добрымъ, бѣгающимъ, сидящимъ и лающимъ и пр. собакамъ, то и впослѣдствіи ребенокъ будетъ примѣнять это слово для обозначенія разныхъ собакъ въ разныхъ условіяхъ, а по ошибкѣ назоветъ и лисицу или волка собакой, пока не научится различать ихъ. Такъ же онъ будетъ пользоваться словами «бѣлый», «бѣжитъ» и пр. для обозначенія извѣстнаго качества и движенія, замѣчаемаго въ предметахъ.

Такимъ образомъ весь внутренній (и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшній) міръ начинаетъ въ душѣ ребенка распадаться на такія представленія объ отдѣльныхъ предметахъ, состояніяхъ и движеніяхъ (предметовъ), (качествахъ (предметовъ) и объ отношеніяхъ между ними, которыя обозначаются словами и вообще принадлежностями звукового языка и слѣдовательно составляютъ значенія языка.

Конечно, расчлененіе сложныхъ представленій на отдѣль-

ныя представленія до извѣстной степени происходитъ и безъ языка, подъ вліяніемъ ассоціацій по смежности и по сходству между тѣми составными элементами сложныхъ представленій, которыя часто встрѣчаются вмѣстѣ, хотя и въ связи съ разными другими, мѣняющимися составными частями сложныхъ представленій. Но это не опровергаетъ того факта, что наши понятія (общія представленія) въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ насъ, обладающихъ языкомъ, возникли въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ языка, какъ значенія словъ и формъ языка.

Но языкъ старшихъ научилъ насъ и мыслить, т. е. образовать сужденія такъ, какъ мы теперь ихъ образуемъ. Рѣчь, которую мы слышали, состояла всегда изъ предложеній. Съ звуковой стороны предложеніе есть рядъ звуковъ. Со стороны значеній предложеніе есть сочетаніе представленій или понятій, называемое сужденіемъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова). Запоминая предложенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ запоминали сужденія, изъ которыхъ въ нашей душѣ безсознательно вырабатывались (абстрагировались) общія формы (схемы, рамки) сужденій. Съ единственною цѣлью сообщенія мыслей мы невольно упражнялись съ дѣтства въ образованіи по полученнымъ образцамъ предложеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ упражнялись и въ образованіи сужденій. Такимъ образомъ мы научались мыслить логично, т. е. такъ, какъ мыслятъ обыкновенно другіе, когда мышленіе состоитъ не изъ простой смѣны сложныхъ представленій, а изъ сужденій. Въ этомъ процессѣ усвоенія языка заключается самая существенная школа мыслительнаго развитія человѣка, къ которому все остальное позднѣйшее умственное совершенствованіе прибавляетъ сравнительно немногое. Логика и психологія изучаютъ эти представленія, понятія и сужденія самихъ по себѣ; для насъ они составныя части предложеній. Впрочемъ традиціонная логика занимается только научнымъ «логическимъ» мышленіемъ. Задача ея—установленіе общихъ нормъ правильнаго мышленія, ведущаго къ открытію научныхъ истинъ. Языковѣдѣніе же занимается всякимъ мышленіемъ, насколько оно обнаруживается въ языкѣ. Поэтому, для отличія, сужденія въ языковѣдѣніи, обнимающія значенія всякихъ предложеній, называются психологическими сужденіями или сужденіями въ широкомъ

смыслѣ слова, хотя въ сущности всѣ сужденія логическія. (О неполныхъ предложеніяхъ будетъ сказано впослѣдствіи).

Возвращаюсь къ вышеприведенному примѣру. Итакъ, указанное лицо прибѣгаетъ къ языку съ цѣлью сообщить другому объ упомянутомъ событіи. При этомъ вниманіе говорящаго сосредоточивается на той части всплывающаго сложнаго представленія, которая наиболѣе возбуждаетъ интересъ его самого или, по его мнѣнію, слушателя. Затѣмъ, подъ вліяніемъ сохраняющихся въ его душѣ языковыхъ предрасположеній, эта часть сложнаго представленія расчленяется, какъ бы кристаллизуется въ душѣ говорящаго въ привычныя единицы мышленія — значенія словъ. Одновременно съ ними возбуждаются и слуховыя и обыкновенно и двигательныя представленія этихъ словъ, при содѣйствіи которыхъ собственно и происходитъ расчлененіе сложнаго представленія на значенія языка. Говорящій какъ бы накладываетъ на возбужденное въ немъ содержаніе сложнаго представленія одну за другой привычныя формальныя рамки или формы предложеній, съ отдѣленіями для подлежащаго, сказуемаго и пр., до тѣхъ поръ, пока не выливается въ предложенія все то душевное содержаніе, которое онъ желаетъ сообщить. При этомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ логическихъ соотношеній, которыя говорящій сознаетъ между отдѣльными представленіями —значеніями словъ, и которыя въ языкѣ называются синтаксическими значеніями, слова и предложенія принимаютъ тѣ формы, которыми въ данномъ языкѣ принято обозначать данныя синтаксическія отношенія.

Смотря по тому, что говорящаго или слушателя въ данный моментъ болѣе интересуетъ, онъ скажетъ поэтому: «стаканъ упалъ», или «стаканъ разбился» и пр. Если интересно знать, кто разбилъ стаканъ, то онъ скажетъ: «Иванъ разбилъ стаканъ». Если слушателю важнѣе знать, какъ это случилось, то необходимо нарисовать ему (расчленить и сообщить) большій кусокъ этой картины: держалъ стаканъ въ рукѣ, оступился... и пр.

Въ зависимости отъ сознаваемыхъ логическихъ соотношеній онъ скажетъ: «чашка упала», «онъ уронилъ чашку», «край чашки отломанъ» и пр., т. е. слово «чашка» является то въ формѣ Им. п., то Род. п. и т. д., имѣющихъ различныя синтаксическія значенія. Нужно однако замѣтить, что эти синтаксическія значенія или логическія отношенія между представленіями

суть нерѣдко лишь факты языка и связаннаго съ нимъ мышленія, и не обусловлены реальными фактами расчленяемыхъ сложныхъ представленій. Такъ, для передачи извѣстныхъ представленій и ихъ взаимоотношеній совершенно безразлично, скажемъ ли мы: «послѣ паденія стакана...», или: «послѣ того, какъ стаканъ упалъ...» и пр.

Самая существенная часть предложенія, изъ-за которой собственно только и говорятъ, это психологическое сказуемое. Но не всегда оно можетъ и никогда не должно быть въ то же время и такъ называемымъ грамматическимъ сказуемымъ. Поэтому, если слушатель уже слышалъ по звону, что что-то стеклянное разбилось, и онъ желаетъ знать, что́ именно разбилось, или кто́ именно разбилъ, то отвѣчаютъ: «стака́нъ разбился», или «разбился стака́нъ», «Пе́тръ разбилъ стаканъ» и пр. «Стаканъ», «Петръ» здѣсь психологическія сказуемыя, а «разбился»—извѣстное уже слушателю психологическое подлежащее. Грамматически «стаканъ» по необходимости и здѣсь подлежащее, а «разбился» сказуемое, или вѣрнѣе выражаясь, слово «стаканъ» является въ той формѣ, которая обыкновенно обозначаетъ логическое подлежащее, т. е. въ им. п., а слово «разбился» является въ личной формѣ глагола, употребляемой обыкновенно въ роли сказуемаго и въ этой функціи пріобрѣвшей значенія сказуемости. Но въ данномъ случаѣ эти формы являются по необходимости въ менѣе привычной синтаксической функціи, такъ какъ, съ одной стороны, по психическому настроенію говорящихъ «стаканъ» является сказуемымъ, а съ другой стороны, логическое соотношеніе между этими представленіями можетъ быть выражено только существительнымъ въ именит. падежѣ и глаголомъ въ личной формѣ. Впрочемъ въ естественной рѣчи это противорѣчіе устраняется обыкновенно тѣмъ, что напр. на вопросъ «что́ разбилось?» отвѣчаютъ только однимъ психологическимъ сказуемымъ: «стаканъ». Лишь школьный педантизмъ предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ отвѣтъ «стаканъ разбился», и этой шаблонностью наноситъ вредъ мыслительной чуткости. Если слушателю интересно знать, что́ произвело шумъ, то слова «стаканъ разбился», взятыя вмѣстѣ, будутъ психологическимъ (вѣрнѣе логическимъ) сказуемымъ.

Съ слуховыми представленіями словъ тѣснѣйшимъ образомъ ассоціированы съ дѣтства представленія тѣхъ движеній

органовъ рѣчи, посредствомъ которыхъ производятся эти слова. Это потому, что говорящій всегда получалъ отъ собственной рѣчи слуховыя ощущенія одновременно съ двигательными ощущеніями, и съ другой стороны, въ рѣчи слуховыя представленія являются обыкновенно первичными, возбуждающими двигательныя, такъ какъ первыя болѣе развиты, болѣе ясны и самостоятельны. А по психическимъ законамъ ассоціаціи по смежности психическіе процессы, возникавшіе одновременно, стремятся и въ будущемъ къ тому, чтобы возникать одновременно. О тѣсной связи между слуховыми представленіями словъ и представленіями движеній органовъ рѣчи свидѣтельствуетъ и то, что нерѣдко непроизвольно сопровождаютъ мысли словами, говорятъ про себя, особенно дѣти, старые люди и психически разстроенные, у которыхъ дѣйствія менѣе регулируются сознательно.

Какъ только слуховыя представленія словъ возбуждаются съ достаточной силой и медлительностью, такъ что двигательныя представленія могутъ поспѣвать за ними, то одновременно возбуждаются обыкновенно и двигательныя воспоминанія. Нужно только еще извѣстное участіе воли, достаточно сильное желаніе говорить, и органы рѣчи производятъ дѣйствительно тѣ движенія, въ результатѣ которыхъ мы слышимъ слова: «стаканъ разбился» и т. д.

Означенными движеніями органовъ рѣчи вызываются звуковыя волны окружающаго воздуха. Если эти волны доходятъ до уха слушателя, то онѣ приводятъ извѣстные органы уха въ колебанія. Колебанія эти раздражаютъ слуховые нервы, вслѣдствіе чего получаются соотвѣтствующія слуховыя ощущенія предложенія «стаканъ разбился» и т. д.

Эти слуховыя ощущенія, ассимилируясь съ такими же сохраняющимися въ душѣ слушателя воспоминаніями звуковыхъ словъ „стаканъ“ и „разбился“, по вышеуказанной ассоціаціи возбуждаютъ въ ней значенія этихъ словъ, т. е. представленіе „стакана“ съ признакомъ „разбитія“ въ соотвѣтствующемъ логическомъ соотношеніи, къ которому присоединяются еще признаки прошлаго времени и законченности дѣйствія, обозначаемой видомъ глагола.

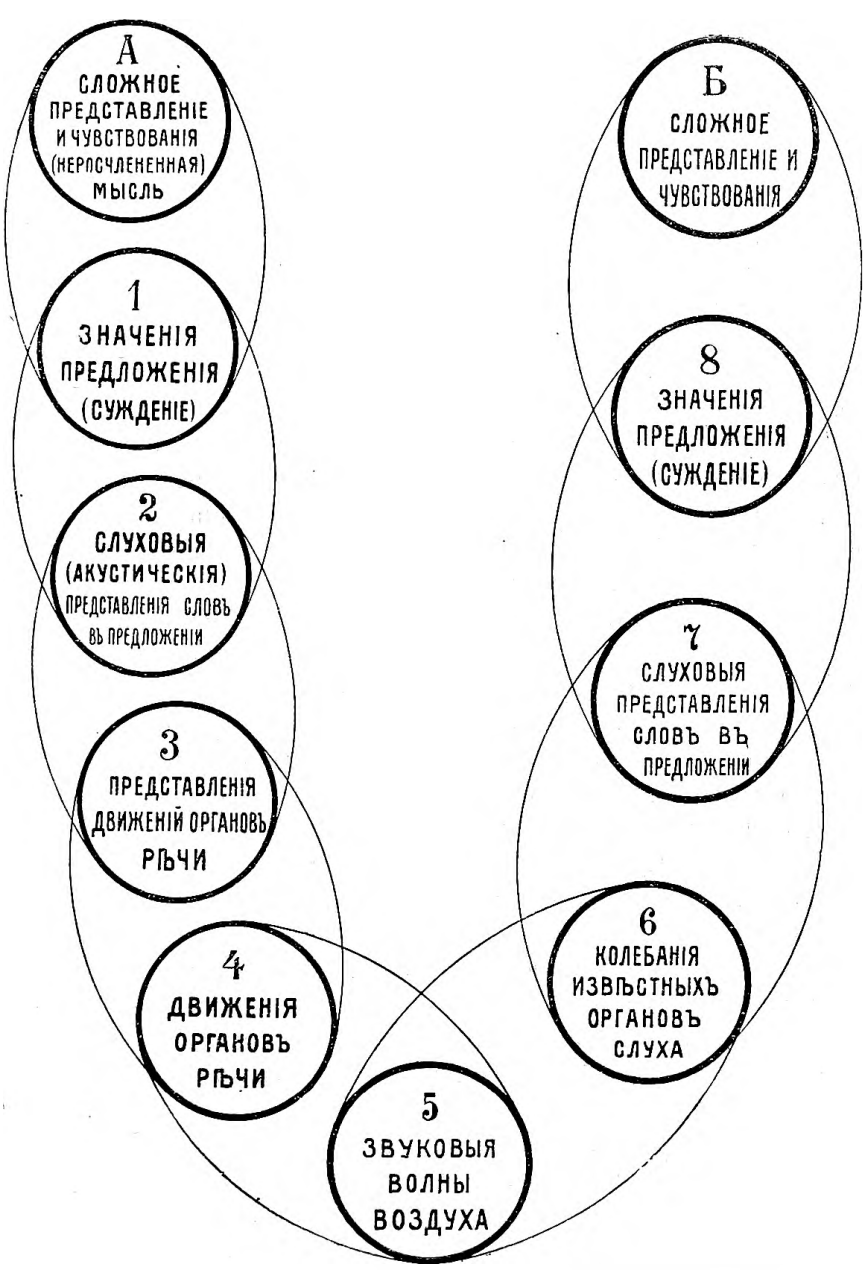
Такимъ образомъ, посредствомъ сложной цѣпи представленій и движеній, въ слушателѣ возбуждается приблизительно такое же сужденіе, какое было у говорящаго въ результатѣ рас-

ѣлененія сложнаго представленія. Но этимъ дѣло не ограничивается. Если слушатель не довольствуется самымъ туманнымъ представленіемъ содержанія этого сужденія, нерѣдко почти только одними представленіями звуковыхъ словъ съ кое-какими элементами значеній ихъ, а желаетъ себѣ представить болѣе ясно содержаніе этого сужденія, то онъ дополнитъ его отъ себя; онъ, такъ сказать, дорисовываетъ ту картину, которая составляла первоначально сложное представленіе у говорящаго и изъ которой тотъ словами обнаружилъ лишь нѣсколько бросившихъ ему въ глаза штриховъ. Слушатель представляетъ себѣ часть пола, на которую упалъ стаканъ, человѣка, выпускающаго его изъ рукъ, или тому подобное. Понятно, что его картина можетъ существенно отличаться отъ той же картины у говорящаго, но будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе слушателю знакомы обстановка, лицо уронившее стаканъ и пр. Вотъ почему близкіе люди понимаютъ другъ друга съ полслова. Чѣмъ болѣе различна среда каждаго разговаривающаго, тѣмъ менѣе вѣрно и точно они понимаютъ другъ друга. Такъ или иначе, у слушателя въ концѣ концовъ отъ слышаннаго предложенія въ нѣсколько словъ можетъ образоваться цѣлая картина, сложное представленіе, болѣе или менѣе сходное съ тѣмъ, которое было у говорящаго и которое тотъ и хотѣлъ вызвать въ слушателѣ своей рѣчью.

Такимъ образомъ, чтобы вызвать въ другомъ человѣкѣ посредствомъ языка сходныя мысли, необходима цѣпь изъ 10 разныхъ моментовъ. Но образованіе въ душѣ говорящаго сужденія или расчлененной мысли изъ сложнаго представленія или нерасчлененной мысли, а также образованіе изъ значеній предложенія (сужденія) сложнаго представленія въ слушателѣ—эти процессы не относятся собственно къ языковѣдѣнію, а къ психологіи. Поэтому остается 8 моментовъ языка, замыкающихъ цѣпь, которые для практическаго удобства обозначаю цифрами 1 — 8 въ схематическомъ изображеніи рис. 2. По два сосѣднихъ круга я соединяю въ одинъ общій большій кругъ, такъ какъ они состоятъ въ ближайшей связи между собою.

Изъ указанныхъ въ рисункѣ моментовъ относятся къ внутреннему, *психическому* міру говорящаго: возникновеніе нерасчлененной мысли (А), расчлененіе ея (1) подъ вліяніемъ слуховыхъ представленій словъ въ предложеніи (2) (для которыхъ 1 составляетъ значенія) а также тѣсно связанныхъ съ предыдущими дви-

Рис. 2.

Говорящій.
Слушатель.
А
СЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ И ЧУВСТВОВАНІЯ (НЕРАСЧЛЕНЕННАЯ) МЫСЛЬ
1
ЗНАЧЕНІЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ (СУЖДЕНІЕ)
2
СЛУХОВЫЯ (АКУСТИЧЕСКІЯ) ПРЕДСТАВЛЕНІЯ СЛОВЪ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ
3
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ДВИЖЕНІЙ ОРГАНОВЪ РѢЧИ
4
ДВИЖЕНІЯ ОРГАНОВЪ РѢЧИ
5
ЗВУКОВЫЯ ВОЛНЫ ВОЗДУХА
6
КОЛЕБАНІЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ОРГАНОВЪ СЛУХА
7
СЛУХОВЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ СЛОВЪ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ
8
ЗНАЧЕНІЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ (СУЖДЕНІЕ)
Б
СЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ И ЧУВСТВОВАНІЯ

гательныхъ представленій (3). Тѣ же представленія 7 и 8 съ обратнымъ ходомъ ассоціаціи относятся къ внутреннему, психическому міру слушателя. 4 и 6 относятся къ *физіологическимъ* функціямъ организма, а 5 представляетъ внѣшнее, *физическое* явленіе.

Къ *звуковой сторонѣ* языка относятся 2—3—4—5—6 [и 7, представляющее повтореніе 2 у слушателя]. Къ *сторонѣ значеній* языка относятся 1 и ассоціаціи его съ 2 (и 3) [и повтореніе его у слушателя 8, ассоціирующееся съ 7 въ обратномъ порядкѣ].

Въ звуковой сторонѣ языка различаются *внѣшняя* звуковая сторона 4—5—6, и *внутреняя* звуковая сторона 2—3 [и повтореніе 7].

Въ этомъ процессѣ рѣчи въ душѣ говорящаго присутствуютъ еще извѣстныя психическія явленія, которыя мы называемъ волей. Подъ вліяніемъ воли, обусловленной намѣреніемъ сообщить свои мысли, происходитъ у говорящаго надлежащимъ образомъ расчлененіе сложнаго представленія на значенія словъ въ предложеніяхъ и возбуждаются представленія движеній органовъ рѣчи съ такой силой и полнотой, что посредствомъ центробѣжныхъ нервовъ они заставляютъ извѣстныя мышцы органовъ рѣчи сокращаться и такимъ образомъ производить нужныя движенія. Съ другой стороны, отъ степени вниманія слушателя, т. е. извѣстнаго рода невольнаго или произвольнаго напряженія, зависитъ полнота и ясность представленій, возбуждаемыхъ рѣчью въ слушателѣ, слѣдовательно зависитъ и степень пониманія и закрѣпленія въ памяти содержанія рѣчи. Поэтому къ такому состоянію побуждаютъ иногда слушателя словами: слушай, обрати вниманіе, будьте внимательны и пр. При пассивномъ отношеніи слушателя сообщаемыя представленія могутъ настолько слабо возбуждаться, что рѣчь почти проходитъ мимо ушей, перципируется, но не апперципируется: представленія проходятъ по полю фиксаціи, не вступая въ точку фиксаціи т. е. въ ясное сознаніе; иногда только звуки рѣчи звучатъ въ ушахъ и немного спустя мы вникаемъ въ значенія слышанныхъ словъ, и т. д. Подобныя явленія наблюдаются часто тогда, когда постороннія мысли заполняютъ точку фиксаціи, такъ какъ объемъ ея (т. е. нашего сознанія) ограниченъ: представленія, возбуждаемыя рѣчью, не находятъ въ ней мѣста, а потому проходятъ мимо по полю фиксаціи. Такое

пассивное слушаніе замѣчается нерѣдко на лекціяхъ: нужно умѣть слушать и этому умѣнью нужно учиться.

§ 2. Центральная нервная система языка.

Сознательная психическая дѣятельность нашего организма сосредоточивается въ корѣ большого мозга. Кора состоитъ изъ периферическаго сѣраго (корковаго) вещества, изобилующаго извилинами, раздѣленными бороздками. Въ кору вступаютъ нервныя волокна, идущія отъ органовъ чувствъ изъ разныхъ частей тѣла, и даютъ намъ здѣсь ощущенія. Изъ коры же выходятъ двигательныя нервныя волокна, которыя, возбуждаемыя здѣсь волею и представленіями, производятъ вслѣдствіе этихъ импульсовъ соотвѣтствующія произвольныя движенія разныхъ частей тѣла.

Наша психическая дѣятельность есть въ то же время извѣстнаго рода физіологическая дѣятельность нервовъ. Относительно взаимнаго отношенія этихъ повидимому разнородныхъ явленій можно лишь сказать, что физіологическому возбужденію въ мозговой корѣ сопутствуютъ (соотвѣтствуютъ, идутъ параллельно) психическіе процессы представленій и чувствованій. По окончаніи такого психофизіологическаго процесса, вызваннаго въ центральной нервной области импульсами, проведенными периферическими нервами изъ разныхъ частей тѣла, т. е. по окончаніи ощущенія, въ нервахъ остается извѣстное психофизіологическое предрасположеніе (навыкъ, скрытая энергія). Это состояніе мы называемъ съ психической точки зрѣнія памятью и говоримъ неточно, что представленія, полученныя нами изъ ощущеній, хранятся въ нашей душѣ въ области безсознательнаго.

Въ корѣ большого мозга подмѣчены такія области, могущія быть болѣе или менѣе точно разграничены пространственно, въ которыхъ преимущественно сосредоточиваются тѣ или другія опредѣленныя психическія функціи. Эти области называются *мозговыми* или *нервными центрами*. Электрическое раздраженіе такой двигательной области влечетъ за собою движенія— сокращенія опредѣленныхъ мышечныхъ группъ главнымъ образомъ противоположной части тѣла, такъ какъ лѣвое мозговое полушаріе управляетъ преимущественно правой половиной тѣла, и наоборотъ. А разрушеніе такой области сопровождается «выпаденіемъ» (уничтоженіемъ) соотвѣтствующихъ фазіологическихъ

и психическихъ функцій. Напр. уничтоженіе зрительнаго центра сопряжено съ лишеніемъ зрѣнія, уничтоженіе двигательнаго центра языка сопряжено съ лишеніемъ способности двигать языкомъ и т. д.

Здѣсь многое еще не выяснено. Кромѣ того эти центры являются обыкновенно не исключительными, строго разграниченными областями опредѣленныхъ функцій, а лишь такими, въ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточиваются опредѣленныя функціи. Поэтому въ случаѣ (неполнаго) разрушенія такого центра нерѣдко другія области постепенно берутъ на себя функціи разрушенной.

Въ центральной нервной системѣ сосредоточена и психическая дѣятельность наша по языку. Поэтому знакомство съ нею даетъ намъ возможность удобно разобраться въ сложномъ механизмѣ языка, позволяя намъ стать на реальную топографическо-анатомическую почву. Это тѣмъ болѣе возможно, что топографическое размѣщеніе психофизіологическихъ функцій языка сравнительно хорошо выяснено многочисленными патологическими и физіологическо-анатомическими наблюденіями.

Изъ топографіи коры большого мозга.

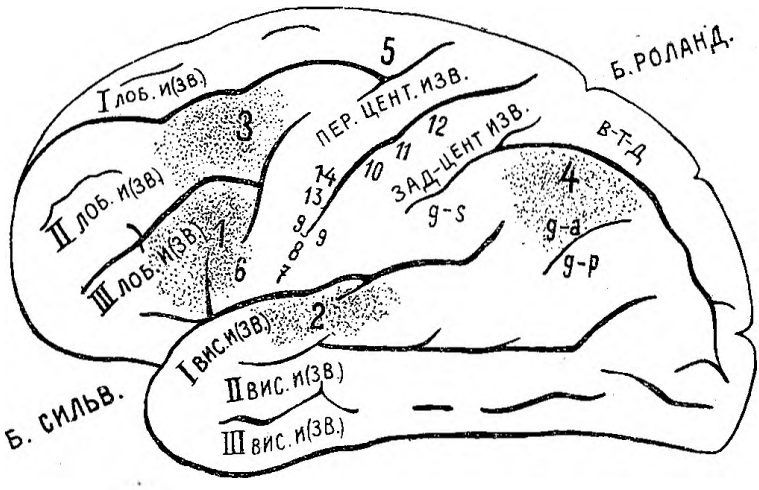
Центры языка — если исключить значенія языка, которыя обнимаютъ всю сознательную психическую дѣятельность человѣка—находятся обыкновенно въ лѣвомъ мозговомъ полушаріи (у лѣвшей въ правомъ). Соотвѣтствующія части праваго полушарія, если принимаютъ участіе, то лишь второстепенное. Во всякомъ случаѣ соотвѣтствующіе центры праваго полушарія не служатъ другимъ функціямъ, а потому при разрушеніи лѣваго полушарія могутъ постепенно сдѣлаться замѣстителями лѣвыхъ.

Ниже изображена въ общихъ чертахъ (рис. 3) поверхность лѣваго полушарія большого мозга человѣка. Форма праваго полушарія аналогична, въ обратномъ порядкѣ, т. е. зеркальное отраженіе лѣваго.

Глубокая *центральная* или *Роландова борозда* (sulcus centralis sive Rolandi), идущая отъ темени почти до Сильвіевой борозды, раздѣляетъ полушаріе на переднюю половинку или лобную долю и на заднюю половинку. (На рис. 3 названіе Б. РОЛАНД. поставлено нѣсколько дальше вправо отъ верхняго, праваго кон-

ца линіи, указывающей Роландову борозду). Въ задней половинкѣ различаются: теменная, затылочная и височная доли.

Рис. 3.

Сзади вдоль Роландовой борозды идетъ *задняя центральная извилина* (зад-цент. изв.) (gyrus centralis posterior), а спереди. вдоль нея помѣщается *передняя центральная извилина* (пер. центризв.) (gyrus centralis anterior). Находящаяся предъ послѣдней и отдѣленная отъ нея бороздками *лобная доля* раздѣляется бороздками на *верхнюю* или *первую лобную извилину* (I лоб. изв.) (gyrus frontalis I), *среднюю* или *вторую* (II лоб. изв.) и *нижнюю* или *третью лобную извилину* (III лоб. изв.).

За задней центральной извилиной помѣщаются: на верху *верхняя теменная долька* (в-т-д) (lobus parietalis superior), подъ нею—нижняя теменная долька, раздѣляемая бороздками на gyrus supramarginalis (g-s) и gyrus angularis (g-a), за которой слѣдуетъ gyrus parietalis posterior (g-p). Далѣе кзади идутъ затылочныя извилины.

Въ области подъ *Сильвіевой бороздой* (fissura Sylvii, являющейся на рис. 3 продолженіемъ почти по прямой линіи начертанія Б. СИЛЬВ.) помѣщается *височная доля*, раздѣляемая бороздками на: *первую височную извилину* (I вис. изв.) (gyrus temporalis I), *вторую* (II вис. изв.) и *третью височную извилину* (III вис. изв.).

Размѣщеніе нервныхъ центровъ языка въ корѣ большого мозга.

Нервные центры языка размѣщены приблизительно слѣдующимъ образомъ. Центръ говоренія, названный центромъ Broca, сохраняющій воспоминанія движеній органовъ рѣчи и произвольно управляющій этими движеніями (поэтому называемый также *двигательнымъ*, мускулодвигательнымъ или *моторнымъ центромъ языка*), примыкаетъ къ Сильвіевой бороздѣ, занимая заднюю часть третьей лобной извилины обыкновенно лѣваго полушарія (въ рисункѣ пунктиръ 1).

Центръ *слуховыхъ воспоминаній языка* (*акустическій центръ языка*, сенсорный центръ языка, центръ Wernicke), въ которомъ воспринимаются и воспроизводятся слуховые образы (представленія) словъ, занимаетъ бо́льшую, заднюю часть первой височной извилины (пунктиръ 2) и окруженъ снизу и по сторонамъ общимъ слуховымъ центромъ, распространяющимся на вторую височную извилину.

Въ виду близкой связи съ устнымъ языкомъ и въ виду ихъ самостоятельнаго значенія, въ рис. 3 помѣщены и центры письма. У неграмотныхъ они конечно отсутствуютъ. Центръ *писанія* или *графическій* центръ (двигательный центръ письма), сохраняющій воспоминанія движеній руки и пальцевъ при писаніи и управляющій произвольно этими движеніями, помѣщается надъ центромъ Брока́, въ задней части лѣвой второй лобной извилины (пунктиръ 3). Впрочемъ обыкновенно развиваются также центры письма праваго полушарія, что даетъ возможность писать лѣвой рукой. При этомъ лѣвая рука пишетъ обыкновенно въ обратномъ порядкѣ, такъ что получается письмо, совпадающее съ зеркальнымъ изображеніемъ письма правой руки.

Центръ *чтенія* или *оптическій* или *зрительный центръ* языка (центръ Déjerine'a), въ которомъ воспринимаются и воспроизводятся зрительные образы писанныхъ и печатныхъ словъ, находится повидимому между общимъ зрительнымъ центромъ (распространяющимся отъ него къ затылочной части) и центромъ Вернике, въ gyrus angularis и по крайней мѣрѣ задней части gyrus supramarginalis (пунктиръ 4).

Двигательные центры, производящіе движенія отдѣльныхъ органовъ рѣчи и писанія и подчиненные означеннымъ выше главнымъ двигательнымъ центрамъ языка и письма, помѣщаются около Роландовой борозды. Области ихъ обозначены на рисункѣ мень-

шими цифрами безъ пунктира. Сюда относятся центры нервовъ, производящихъ движенія: дыхательныхъ мышцъ (5), гортанныхъ мышцъ (6), мышцъ языка (7), другихъ мышцъ рта (8), нижнихъ лицевыхъ мышцъ (9,9), мышцъ сочлененія кисти руки (10), локтя (11) и плеча (12), мышцъ большого пальца (13) и другихъ пальцевъ (14).

Различія въ функціяхъ мозговыхъ центровъ языка и письма.

Центры мозга представляютъ какъ бы телеграфныя станціи, съ различными функціями и съ очень сложной системой проводовъ—нервовъ.

Однѣ станціи—*сенсорные центры*—получаютъ посредствомъ периферическихъ нервовъ, переходящихъ затѣмъ въ центральные нервы, импульсы, какъ бы телеграммы, каждая изъ опредѣленной части тѣла, отъ опредѣленнаго органа, напр. уха (въ общемъ слуховомъ центрѣ), глаза (въ общемъ зрительномъ центрѣ) и прй

Сенсорные центры языка и письма, т. е. центры Вернике и Дежерина, представляютъ: первый — часть общей слуховой области, второй—повидимому часть общей зрительной области коры. Эти части спеціализовались подъ вліяніемъ психической дѣятельности по языку и письму, и служатъ для надобностей языка и письма. Произносимыя слова воспринимаются прежде всего въ общемъ слуховомъ центрѣ какъ простые звуки, а въ то же время они воспринимаются въ центрѣ Вернике именно какъ слова языка. Это видно изъ того, что при разрушеніи той части мозговой коры, въ которой находится центръ Вернике, и при сохраненіи общаго слухового центра, слышимыя слова кажутся только пустыми, хотя и знакомыми звуками. Точно такъ же писаннныя слова воспринимаются именно какъ слова въ оптическомъ центрѣ письма (Дежерина), а въ общемъ зрительномъ центрѣ они воспринимаются какъ фигуры, такъ что при разрушеніи ц. Дежерина съ сохраненіемъ общаго зрительнаго центра писанныя слова кажутся лишь знакомыми фигурами.

Другія станціи—*двигательные* или *моторные центры*—посредствомъ своихъ проводовъ т. е. центральныхъ нервовъ, переходящихъ далѣе въ периферическіе нервы, вызываютъ движенія, каждая въ подвѣдомственной ей части тѣла, напр. языка (см. выше 7), гортани (см. выше 6), пальцевъ (см, 13—14) и пр., и получаютъ обратно ощущенія отъ этихъ движеній. По отноше-

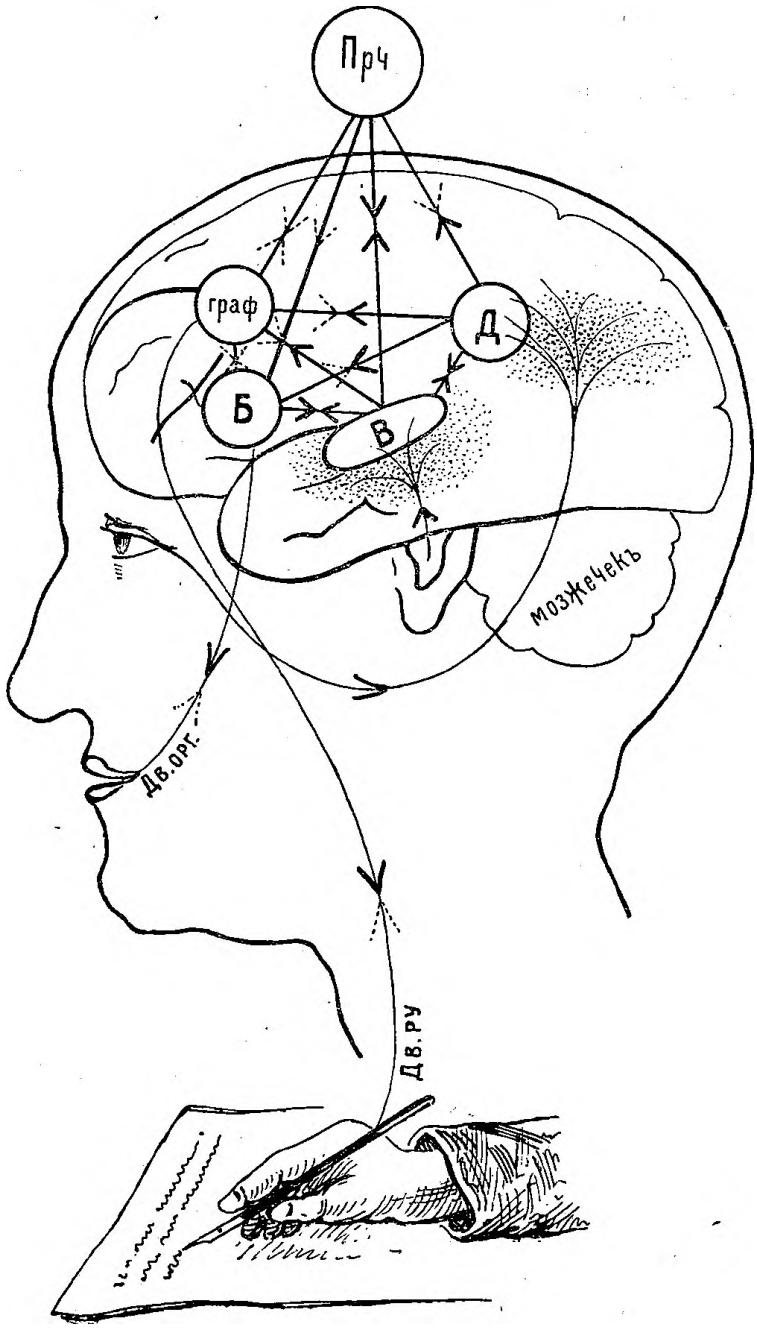
нію къ этимъ центрамъ двигательные центры языка (Брока) и письма (графическій) играютъ роль главныхъ центральныхъ станцій, объединяющихъ дѣятельность указанныхъ спеціальныхъ станцій, съ которыми они соединены посредствомъ ассоціативныхъ нервовъ. Эта объединяющая роль центровъ Брока и графическаго относится спеціально къ дѣятельности по языку и письму и даетъ возможность изъ центровъ Брока и графическаго возбуждать при посредствѣ указанныхъ спеціальныхъ станцій согласованныя совмѣстныя движенія тѣхъ частей тѣла, которыя участвуютъ при говореніи и писаніи. Такимъ образомъ центръ Брока даетъ одновременно импульсы тѣмъ смежнымъ областямъ мозга, изъ которыхъ одна двигаетъ языкомъ, другая гортанью, третья губами и т. д. А изъ графическаго центра даются одновременно импульсы центрамъ, двигающимъ порознь кистью и разными пальцами при писаніи.

Слѣдовательно, въ проводахъ мозга существуютъ, кромѣ двигательныхъ—центробѣжныхъ и сенсорныхъ — центростремительныхъ нервовъ, еще *ассоціативные* нервы, соединяющіе между собою разныя области мозговой коры, въ томъ числѣ и *коммисуральные* нервы, соединяющіе между собою соотвѣтствующія области обоихъ полушарій мозга.

Ассоціаціи между функціями нервныхъ центровъ языка и письма

Въ рисункѣ 4 изображаются схематически функціи моторныхъ, сенсорныхъ и ассоціативныхъ нервовъ языка и письма. Центры представлены въ видѣ маленькихъ кружковъ съ сохраненіемъ взаимнаго расположенія и приблизительнаго мѣстоположенія каждаго. Для краткости **Б** обозначаетъ центръ Брока (говоренія), **граф**—центръ графическій (писанія), **В**—центръ Вернике (слышанія рѣчи), **Д**—центръ Дежерина (чтенія). При **В** обозначенъ пунктиромъ общій слуховой или акустическій центръ, при **Д**—общій зрительный или оптическій центръ. Линіи, соединяющія отдѣльные центры, указываютъ на присутствіе ассоціаціи между ними. Стрѣлка, поставленная на линіи, показываетъ направленіе ассоціаціи (ср. выше стр. 7), причемъ толстая стрѣлка указываетъ на прочную (привычную, легко возбуждаемую, сильно дѣйствующую) ассоціацію, а стрѣлка пунктиромъ обозначаетъ слабую ассоціацію, которая по обстоятельствамъ можетъ и не осуществляться. Отъ движеній разныхъ частей тѣла, вызываемыхъ сокращеніемъ мышцъ

Рис. 4.

вслѣдствіе дѣйствія двигательныхъ нервовъ, мы получаемъ также и обратныя ощущенія—мускулодвигательныя ощущенія. Эти ощущенія собственно и даютъ содержаніе нашимъ воспоминаніямъ этихъ движеній. Поэтому на линіяхъ, изображающихъ дѣйствіе двигательныхъ нервовъ отъ моторнаго центра языка (**Б**) къ органамъ рѣчи и отъ моторнаго центра письма (**граф**) къ рукѣ, указаны пунктирными стрѣлками и центростремительныя двигательныя ощущенія. На линіяхъ, изображающихъ схематически нервные проводники отъ уха къ слуховому центру языка (**В**) и отъ глаза къ оптическому центру письма (**Д**), указано стрѣлками лишь одно центростремительное направленіе. Обратное дѣйствіе этихъ сенсорныхъ нервовъ могло бы лишь указывать на галлюцинаціи, т. е. возбужденіе изъ центральнаго мозга, безъ наружныхъ стимуловъ, слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній.

Всѣ тѣ психическіе процессы, которые доступны нашему сознанію и составляютъ *значенія* языка, я помѣстилъ въ рисункѣ на сторонѣ, надъ головой (**Прч**), причемъ одинъ кружокъ является представителемъ всѣхъ представленій (**Пр**) и всѣхъ чувствованій (**ч**), различаемыхъ нами въ языкѣ, т. е. обозначаемыхъ словами языка какъ значенія ихъ. Слѣдовательно подъ **Прч** понимаются отдѣльные члены уже расчлененной мысли, т. е. сужденій какъ значеній предложеній. Что это расчлененіе происходитъ главнымъ образомъ подъ дѣйствіемъ **В** (слуховыхъ представленій словъ) обыкновенно въ связи съ **Б** (двигательными представленіями словъ), на это было уже указано выше (стр. 80).

Это изображеніе болѣе наглядно и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ чисто схематическія изображенія ассоціацій, напр. у Вундта или Шарко (Балле), съ которыми я нѣсколько расхожусь въ опредѣленіи степени участія разныхъ ассоціацій при совмѣстномъ дѣйствіи ихъ. Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что въ отношеніи относительной интенсивности разныхъ ассоціацій существуютъ весьма значительныя индивидуальныя различія между отдѣльными людьми, зависящія не только отъ природныхъ особенностей, но и отъ пріобрѣтенныхъ привычекъ. Особенно существенныя индивидуальныя различія представляютъ конечно центры и ассоціаціи письма, прежде всего въ зависимости отъ степени грамотности и большаго или меньшаго навыка въ разнаго рода пользованіи ею. Въ данномъ рисункѣ я имѣлъ въ виду приблизительно среднее состояніе полной грамотности.

Самая прочная ассоціація, почти всегда сильно и легко возбуждаемая, идетъ отъ **В** къ **Прч**, т. е. отъ слуховыхъ представленій словъ къ значеніямъ: кромѣ случаевъ особенной невнимательности, разсѣянности и пр. мы невольно и противъ воли представляемъ себѣ содержаніе слышимой рѣчи. Обратная ассоціація **Прч** > **В** [1]) тоже прочная, менѣе обязательная: мы можемъ объ извѣстныхъ явленіяхъ думать и безъ представленій словъ.

Относительно **Прч** нужно имѣть въ виду, что наиболѣе легко возбуждаемая ассоціація **В** > **Прч** относится не къ представленіямъ (**Пр**), а къ сопровождающимъ ихъ чувствованіямъ (**ч**) (Gefühlston, Begriffsgefühl). Эти чувствованія возбуждаются и тогда, когда связанныя съ ними представленія незамѣтны, не вступаютъ въ область сознанія. Исходя изъ случаевъ послѣдняго рода нерѣдко говорятъ, что звуковое слово, какъ знакъ, является замѣстителемъ представленія—значенія, когда послѣднее отсутствуетъ, и что значеніе слова есть поэтому лишь возможное сочетаніе звукового слова съ представленіемъ—значеніемъ его. Надо однако имѣть въ виду: если звуковое слово, какъ знакъ, не возбуждало бы ничего изъ того, что составляетъ его значеніе, то въ такихъ случаяхъ слово было бы пустымъ звукомъ, по значенію не отличающимся отъ другихъ словъ. Но въ понятой рѣчи слова имѣютъ всегда значенія и возбуждаютъ по крайней мѣрѣ чувствованія, сопровождающія представленія. Эти чувствованія сами составныя части значеній и свидѣтельствуютъ что и соотвѣтствующія представленія возбуждаются, хотя и такъ слабо, что не сознаются. Если мы напр. слышимъ „пробѣжало стадо коровъ“ и „пробѣжало стадо овецъ“ и не представляемъ себѣ повидимому ничего, то всетаки замѣчаемъ извѣстную разницу въ нашемъ душевномъ настроеніи, связанную спеціально съ представленіемъ „стада коровъ“ и съ представленіемъ „стада овецъ“.

Ассоціація **В** > **Б** прочная, но менѣе обязательная: особенно при быстромъ молчаливомъ мышленіи въ словахъ представленія словъ сопровождаются лишь отрывочными представленіями движеній органовъ рѣчи, отчасти потому, что представленія движеній за ними не поспѣваютъ. Ассоціація **Б** > **В** прочная, потому что отъ собственной рѣчи всегда получаются слуховыя ощущенія.

Слуховыя представленія словъ легко могутъ вызывать у грамотныхъ зрительныя представленія писанныхъ словъ, рѣже пе-

[1]) Для краткости въ лингвистическихъ работахъ употребляются знаки > и <. Первый, передній конецъ стрѣлы, обращенной вправо, указываетъ на направленіе вправо и передается словами: („отъ...) къ“, „перешло въ“, „переходитъ въ“, „измѣнилось въ“ и т. д. Второй знакъ, указывающій назадъ, читается: „изъ“, „отъ“, „получилось изъ“, „произошло изъ“ и т. д.

чатныхъ (**В** > **Д**); но писанныя слова представляются лишь по частямъ, если они длинныя, такъ какъ не вмѣщаются въ точкѣ фиксаціи.

Д > **В** дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, такъ какъ чтеніе началось и обыкновенно сопровождается представленіемъ слуховыхъ образовъ словъ. Но при большомъ навыкѣ въ чтеніи зрительныя ощущенія словъ могутъ непосредственно ассоціироваться съ значеніями (**Д** > **Прч**).

При чтеніи вслухъ, слѣдовательно съ самаго начала чтенія, развивается сильная ассоціація **Д** > **Б**, т. е. производство движеній органовъ рѣчи непосредственно по указаніямъ буквъ, какъ движенія пальцевъ производятся по нотамъ при фортопіанной игрѣ.

Движенія руки и пальцевъ (**Дв-ру**) при писаніи направляются непосредственно рукодвигательными воспоминаніями словъ (**граф**). Но эти воспоминанія (**Прч** > **граф**) настолько неясны и несамостоятельны, что почти всегда нуждаются въ общемъ руководительствѣ и поддержкѣ слуховыхъ (**Прч** > **В** > **граф**) или зрительныхъ представленій словъ (**Прч** > **В** > **Д** > **граф**). Особаго рода содѣйствіе при писаніи преимущественно малограмотныхъ оказываютъ двигательныя воспоминанія органовъ рѣчи (**Прч** > **В** — **Б** > **граф**), по моимъ наблюденіямъ именно тѣмъ, что даютъ возможность продолжительно представлять себѣ каждый звукъ съ соотвѣтствующей буквой, т. е. задерживать представленія ихъ, пока рука записываетъ данную букву. Отсюда я объясняю наблюдаемое часто значительное участіе органовъ рѣчи при писаніи (помогаютъ губами движеніямъ руки) и обыкновенно сильную ассоціацію **Б** > **граф**., которая впрочемъ впослѣдствіи можетъ ослабѣвать, какъ не необходимая. Подъ вліяніемъ наблюденій моторныхъ типовъ часто преувеличиваютъ значеніе **Б** при писаніи. По мѣрѣ пріобрѣтенія навыка въ писаніи зрительныя воспоминанія (**Прч** > **В** > **Д** > **граф**) все болѣе становятся лишь заднимъ числомъ контролирующими написанное, а процессъ произвольнаго писанія грамотнаго главнымъ образомъ **Прч** > **В**—**Б** > **граф**. При малограмотности же зрительныя представленія буквъ и письменныхъ словъ самые дѣйствительные руководители движеній руки.

Остальныя ассоціаціи дѣйствуютъ слабѣе, осуществляются обыкновенно лишь при содѣйствіи другихъ и, смотря по обсто-

ятельствамъ, могутъ отсутствовать, выпадать, а въ исключительныхъ случаяхъ могутъ получить значительную прочность.

Патологическія нарушенія языка какъ средство для анализа внутренняго механизма языка.

Патологическіе случаи разрушенія тѣхъ или другихъ частей мозга, въ связи съ наблюдаемыми при этомъ „выпаденіями" въ психическихъ функціяхъ, служатъ не только для выясненія топографическаго размѣщенія (локализаціи) центровъ; они для насъ особенно интересны тѣмъ, что доставляютъ намъ данныя для разграниченія роли, какую въ нормальныхъ психическихъ процессахъ языка играютъ тѣ или другіе сцеціальные психическіе факторы языка. Въ особенности они важны для выясненія степени самостоятельности и прочности той или другой ассоціаціи. Такія клиническія наблюденія замѣняютъ опыты, которыхъ произвольно предпринимать невозможно, такъ какъ они были бы вивисекціей.

Нарушенія функцій языка могутъ конечно произойти вслѣдствіе порчи разныхъ наружныхъ частей органовъ рѣчи, напр. уха, языка и пр., или вслѣдствіе разрушенія, паралича и пр. *периферическихъ* двигательныхъ или сенсорныхъ нервовъ, напр. гортани (потеря голоса, афонія), мягкаго неба (носовой оттѣнокъ рѣчи, гнусеніе), языка (афтонгія или отсутствіе нѣкоторыхъ артикуляцій), уха (глухота) и т. д. Но эти явленія представляютъ намъ мало интереса.

При разрушеніи центра воспоминанія движеній органовъ рѣчи (ц. Брока) больной припоминаетъ слова въ звукахъ (ц. Вернике), но не можетъ ихъ произносить. Въ результатѣ *нѣмота* (*атактическая афазія*). Такой больной понимаетъ рѣчь другихъ, читаетъ, можетъ сохранять способность писать. Онъ можетъ двигать отдѣльными органами рѣчи, губами, языкомъ и пр., и можетъ произносить безсвязные звуки (дѣйствіе центровъ 5 до 9, рис. 3).

При слабомъ нарушеніи функцій ц. Брока является лишь затрудненіе въ совмѣстномъ производствѣ нѣкоторыхъ движеній, которое при пѣніи нерѣдко значительно устраняется, такъ какъ движенія поддерживаются новыми ассоціаціями (напр. нерѣдко при заиканіи, причины котораго впрочемъ обыкновенно не въ Б).

Нѣмота другого происхожденія — *амнестическая афазія*

—происходитъ отъ разстройства центра слуховыхъ воспоминаній словъ т. е. ц. Вернике. Наблюдаются разныя степени разстройства центра Вернике:

При незначительной степени нарушенія функцій центра Вернике, въ физіологическихъ предѣлахъ, является слабость памяти, *амнезія*, напр. вслѣдствіе переутомленія, преклоннаго возраста и пр. Въ этомъ состояніи слова припоминаются отчасти медленно и съ трудомъ.

При большей степени разстройства ц. Вернике слова́ забываются, но слова другихъ понимаются и могутъ нѣсколько времени удерживаться въ памяти, а затѣмъ могутъ снова исчезать. Больной можетъ повторить и написать все сказанное, можетъ читать вслухъ, но затрудненіе въ произвольномъ припоминаніи словъ. При этомъ наблюдается интересное психическое явленіе: однѣ категоріи словъ или морфологическихъ частей словъ забываются легче другихъ. Хорошо сохраняются восклицанія, какъ рефлекторныя движенія. Изъ другихъ словъ лучше сохраняются тѣ, которыя прочнѣе запечатлѣны въ памяти. Предлоги, союзы и частицы (изъ, ли, но, впрочемъ, и, нѣтъ, если, потому что, и т. д.) сохраняются хорошо, не только потому, что они часто употребляются, но особенно потому, что они обозначаютъ отвлеченныя понятія, а потому представлены въ нашемъ мышленіи главнымъ образомъ ихъ звуковыми образами, которые поэтому прочнѣе запечатлѣваются. По той же причинѣ хорошо сохраняются отвлеченныя слова какъ любовь, добродѣтель, красота, надѣяться, вѣрить и пр. Затѣмъ идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ забываемости словъ: глаголы, какъ рѣзать, тянуть и пр., и качественныя прилагательныя, какъ красный, большой и пр. Изъ глагольныхъ формъ инфинитивы сохраняются лучше, чѣмъ личныя формы, сослагательныя лучше чѣмъ изъявительныя и т. д. Скорѣе всего забываются имена собственныя, менѣе быстро названія конкретныхъ предметовъ какъ домъ, ножъ и пр., такъ какъ объ этихъ явленіяхъ мы думаемъ главнымъ образомъ не въ представленіяхъ словъ, а въ представленіяхъ самихъ явленій, обозначаемыхъ этими словами, вслѣдствіе чего эти слова запечатлѣваются слабѣе въ слуховой памяти. Поэтому, забывъ напр. слово „ножъ“, еще помнятъ и говорятъ: „то, чѣмъ рѣжутъ“. Конечно, указанная шкала прочности запоминанія словъ можетъ

измѣняться въ частности въ зависимости отъ того, какъ часто употреблялось слово.

При совершенномъ разрушеніи центра Вернике больной можетъ обладать слухомъ вообще, но не только не припоминаетъ словъ, но и не понимаетъ значенія рѣчи другихъ (*языковая глухота*), потому что воспоминаній словъ, съ которыми по ассоціаціи связываются значенія, у него не сохранилось. Такъ какъ двигательная память органовъ рѣчи сохранилась, то онъ можетъ безъ связи и смысла произносить слова. Впрочемъ способность со смысломъ читать можетъ до извѣстной степени сохраниться въ зависимости отъ того, насколько установилась непосредственная ассоціація **Д** > **Прч**, что бываетъ при большой грамотности въ чтеніи, особенно при сравнительно сильномъ развитіи зрительныхъ представленій, у зрительнаго типа. Общій слухъ можетъ при всемъ этомъ функціонировать правильно при сохраненіи общаго слухового центра. Нужно замѣтить, что вообще разстройство въ области акустическихъ какъ и оптическихъ воспоминаній языка и письма влечетъ обыкновенно за собою разстройство въ соотвѣтствующихъ двигательныхъ частяхъ (амнестическая афазія, амнестическая аграфія), такъ какъ главныя ассоціаціи идутъ отъ этихъ сенсорныхъ къ соотвѣтствующимъ моторнымъ центрамъ.

При разрушеніи двигательнаго центра письма (графическаго центра) является *аграфія*: вмѣсто пишущихъ движеній получается одно царапаніе на бумагѣ, между тѣмъ какъ другія произвольныя движенія руки и пальцевъ болѣе или менѣе сохраняются (10—14, рис. 3); впрочемъ въ виду смежности этихъ двигательныхъ центровъ съ графическимъ центромъ (а также съ центромъ Брока) аграфія осложняется обыкновенно еще нарушеніями движеній руки и пальцевъ вообще.

При разрушеніи области оптическаго центра чтенія (зрительныхъ воспоминаній писанныхъ и печатныхъ словъ, **Д**) является неспособность читать—*алексія* или *словесная слѣпота*. Устный языкъ можетъ быть вполнѣ нормальнымъ, но письменныя слова непонятны, кажутся фигурами. Въ остальномъ зрѣніе сохраняется, и тѣ начертанія, которыя запечатлѣны въ памяти въ видѣ фигуръ, напр. собственная или знакомая подпись, или напр. часто встрѣчающаяся надпись на вывѣскахъ, узнаются.

Во многихъ случаяхъ разрушенія центровъ лѣваго полу-

шарія наблюдалось постепенное возстановленіе ихъ функцій, объясняемое тѣмъ, что смежныя части коры, или соотвѣтствующія области праваго полушарія, постепенно пріучаясь, взяли на себя роль разрушенныхъ центровъ, такъ какъ и соотвѣтствующіе центры праваго полушарія болѣе или менѣе участвуютъ въ функціяхъ лѣвыхъ языковыхъ центровъ.

Подобныя же разстройства языка и письма являются въ тѣхъ случаяхъ, когда разрушаются не сами центры, а связывающіе ихъ ассоціативные нервы. Такъ, при разстройствѣ ассоціаціи между центромъ Вернике и Брока является нѣмота атактическая, неспособность произносить слова, о которыхъ имѣются слуховыя и двигательныя представленія.

При изолированности слуховыхъ представленій словъ отъ ихъ значеній, т. е. при уничтоженіи ассоціацій между центрами Вернике и всѣми тѣми частями нервной системы, въ которыхъ образуется содержаніе нашего мышленія (между **В** и **Прч**, рис. 4), является амнестическая афазія. Мысли не вызываютъ представленій словъ, слышимыя слова не возбуждаютъ мыслей.

При разрывѣ ассоціативной связи центра зрительныхъ воспоминаній словъ со всѣми тѣми частями, въ которыхъ воспроизводятся значенія словъ (**Д** > **Прч**), чтеніе со смысломъ можетъ происходить только вслухъ (**Д** > **Б** > **Дв-орг** > **В** > **Прч**) или при помощи слуховыхъ представленій словъ (**Д** > **В** > **Прч**).

Сохраненіе ассоціаціи между центрами Вернике и Брока, при разобщеніи ихъ съ другими, даетъ лишь возможность безсмысленно произносить и повторять слова. Конечно, наблюдаемые патологическіе случаи обыкновенно сложнѣе, представляютъ одновременное разстройство разныхъ функцій и въ разной степени. Вообще при разстройствѣ прямого ассоціативнаго пути онъ можетъ замѣниться другимъ, посредственнымъ, который въ такомъ случаѣ ненормально усиливается, и наоборотъ, по мѣрѣ упражненій развиваются по возможности прямыя ассоціаціи вмѣсто посредственныхъ. Такъ, малограмотный долженъ читать вслухъ, чтобы понимать смыслъ читаемаго (**Д** > **Б** по отдѣльнымъ буквамъ и слогамъ > **Дв**(иженія) орг(ановъ рѣчи), производящія подъ рядъ отдѣльные слоги > **В** цѣлыя слова и предложенія > **Прч**), а вполнѣ грамотный можетъ до извѣстной степени обходить даже слуховыя представленія словъ (**Д** > **Прч**).

Упражненія. Прикладная психофизика языка и письма,

Для научнаго пониманія разныхъ явленій языка, а также для теоретическаго разрѣшенія педагогическихъ вопросовъ по методикѣ преподаванія иностранныхъ языковъ, правописанія и первоначальнаго чтенія, необходимо ясно представлять себѣ внутренній строй языка. Въ виду этого прибавляю нѣкоторые примѣры для упражненій, примѣняясь къ терминологіи рисунка 4.

Произвольная рѣчь состоитъ изъ слѣдующаго процесса: 1) укладываются въ сужденіе представленія—значенія предложенія (**Прч**) подъ вліяніемъ 2) соотвѣтствующихъ ассоціирующихся слуховыхъ представленій словъ съ ихъ формальными принадлежностями въ предложеніи (**Прч—В**); 3) одновременно по ассоціаціи возбуждаются соотвѣтствующія воспоминанія движеній органовъ рѣчи (**В > Б**), при помощи которыхъ 4) при участіи воли производятся самыя движенія органовъ рѣчи (**Б > Дв. орг**). Такимъ образомъ процессъ произвольной рѣчи можно вкратцѣ описать **Прч — В > Б > Дв орг.**

Процессъ *произвольнаго писанія* т. е. письменнаго изложенія собственныхъ мыслей: **Прч — В > Д > граф > Дв.ру,** рядомъ съ которымъ дѣйствуетъ еще непосредственная ассоціація **В > граф**, причемъ большее или меньшее содѣйствіе оказываетъ еще **В > Б > граф**, и по обстоятельствамъ непосредственная ассоціація **Прч > граф.** Относительная интенсивность каждой изъ этихъ ассоціацій представляетъ безконечное разнообразіе въ зависимости отъ степени грамотности, индивидуальныхъ особенностей, случайнаго настроенія, и отъ того, какъ часто и при какихъ условіяхъ писалось то или другое слово и пр.

Возбужденіе однихъ **В > Б > Дв. орг.** является при *безсмысленномъ повтореніи словъ* (дѣти, попугай).

Д > граф > Дв. ру, рядомъ съ **Д > В > граф**, причемъ и **В > Б > граф** и особенно сильно **Д > Б > граф** = *списываніе безъ смысла.*

Д > В > Б > Дв орг и особенно **Д > Б > Дв. орг**=*безсмысленное чтеніе* вслухъ; при чтеніи со смысломъ должны еще ассоціироваться **В > Прч** и отчасти **Д > Прч** и **Б > Прч.**

Эти и подобныя болѣе детальныя данныя изъ психофизіологіи языка и письма должны лежать въ основаніи научной методологіи преподаванія языка и правописанія. Существующія методики преподаванія языка и правописанія находятся еще въ періодѣ поверхностнаго грубаго эмпиризма, а преподаваніе ведется обыкновенно нецѣлесообразно, съ лишней тратой труда и времени, подчасъ прямо во вредъ дѣлу. Укажу на примѣръ.

Полуграмотный мальчикъ поступаетъ въ подготовительный классъ. Онъ умѣетъ говорить на родномъ языкѣ (**Прч — В > Б > Дв. орг**), умѣетъ читать вслухъ (**Д > Б > Дв. орг** и пр,) и понимаетъ при этомъ смыслъ (**В > Прч**). Въ классѣ онъ упражняется въ чтеніи не вслухъ (**Д > В > Прч**, причемъ обыкновенно **В > Б >** слабыя **Дв. орг**) и немного пріучается къ чтенію безъ слуховыхъ представленій (**Д > Прч**), хотя обыкновенно эти цѣли не преслѣдуются непосредственно при преподава-

нiи. Его учатъ правильно писать и для этого его заставляютъ преимущественно писать диктовку (**В > Д > граф > Дв. ру**, а отдѣльныя буквы онъ пишетъ при этомъ и **В > граф > Дв. ру**, причемъ особенно еще **В > Б >** слабыя **Дв. орг > граф**). Но такъ какъ у него нѣтъ еще зрительнаго представленія многихъ цѣлыхъ словъ (**Д** слова) и воспоминаній двигательныхъ ощущеній отъ писанія цѣлыхъ словъ (**граф** слова), то онъ пишетъ ихъ отдѣльными буквами и слогами, по указанію своего произношенія (буквы, слоги **В > граф** и **В > Б > граф**). Написавъ такимъ образомъ въ диктантѣ напр. *лень, топоръ, глянешь*, онъ сохранитъ эти начертанія словъ въ своей зрительной (**Д**) и двигательной (**граф**) памяти. Такимъ образомъ учитель хочетъ его учить грамотности т. е. общепринятому правописанію, а на самомъ дѣлѣ пріучаетъ его и къ непринятому письму т. е. къ безграмотности. Впрочемъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ сначала только списываютъ, а затѣмъ переходятъ къ произвольному писанію. При списываніи (**Д > граф > Дв. ру**, и одновременно **Д > В > граф**, и преимущественно **Д > В > Б > граф**, причемъ **Б > Дв. орг**) учащійся закрѣпляетъ въ своей зрительной и рукодвигательной памяти исключительно вѣрныя воспоминанія писанныхъ словъ. Къ сожалѣнію ассоціаціи съ **Прч**, особенно **В > Прч**, при этомъ нерѣдко не возбуждаются или возбуждаются слишкомъ слабо (безсмысленное списываніе). Это тормозитъ пріобрѣтеніе грамотности, и противъ этого нужно принимать цѣлесообразныя научно обоснованныя практическія мѣры. Но это обстоятельство, т. е. возможное отсутствіе **В > Прч**, умаляетъ въ еще большей степени положительную сторону диктовки. Конечно, психическое состояніе грамотности можно въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ опредѣлить гораздо детальнѣе. Я здѣсь указалъ лишь на нужныя для примѣра условія.

ГЛАВА IV.

ОБЩАЯ ФОНЕТИКА.

---

§ 1. Введеніе.

Фонетика изучаетъ звуковую сторону языка безъ отношенія къ значеніямъ. Звуки рѣчи можно изучать 1) въ условіяхъ производства ихъ, т. е. въ физіологической работѣ органовъ рѣчи при производствѣ звуковъ рѣчи, 2) въ физическомъ (акустическомъ) отношеніи, т. е. въ звуковыхъ волнахъ рѣчи и въ физическихъ условіяхъ возникновенія ихъ, 3) въ дѣйствіи звуковыхъ волнъ рѣчи на органы слуха, т. е. въ физіологическихъ функціяхъ органа слуха, при посредствѣ котораго воспринимается устная рѣчь. Физическая сторона звуковъ рѣчи объясняетъ намъ, чѣмъ обусловливаются различія въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ —съ одной стороны, а съ другой—какія различія въ звукахъ получаются при томъ или иномъ дѣйствіи органовъ рѣчи. Такъ какъ звуки рѣчи представлены и въ нашей душѣ въ видѣ воспоминаній слуховыхъ ощущеній и воспоминаній ощущеній движеній органовъ рѣчи, то фонетика должна считаться и съ этими психическими явленіями, хотя они прямо не принадлежатъ къ ея области.

Однообразіе въ звуковомъ отношеніи въ предѣлахъ одного говора, одного нарѣчія и т. д.

Всякій нормальный человѣческій индивидуумъ уже съ ранняго дѣтства безсознательно, а по обстоятельствамъ и сознательно, стремится произносить звуки рѣчи такъ, какъ ихъ произносятъ окружающія его лица. Этимъ только и объясняется

возможность сохраненія языка въ звуковомъ отношеніи при передачѣ его послѣдующимъ поколѣніямъ.

Но укладка органовъ рѣчи для каждаго звука не передается новымъ индивидамъ непосредственно. Они получаютъ отъ окружающихъ только слуховыя ощущенія звуковыхъ рядовъ. Поэтому, чтобы производить звуки, сходные со звуками, производимыми окружающими и запечатлѣвшимися въ слуховыхъ воспоминаніяхъ, новые индивиды съ дѣтства должны самостоятельно найти тѣ движенія органовъ рѣчи, при которыхъ получаются данные звуки. А такъ какъ органы рѣчи лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, имѣютъ приблизительно одинаковое устройство и форму, то для полученія звуковъ, сходныхъ со звуками окружающихъ, они должны производить и приблизительно такія же движенія органовъ рѣчи, какъ окружающіе. Этимъ только и объясняется приблизительное однообразіе въ движеніяхъ органовъ рѣчи у лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, языку и т. д. Звуки, которые могутъ получаться при различной укладкѣ органовъ рѣчи, производятся разными лицами и различной артикуляціей. Получаемыя вслѣдствіе этого небольшія различія въ звукахъ могутъ не превышать привычныхъ въ языкѣ индивидуальныхъ различій. Непосредственное перениманіе движеній органовъ рѣчи бываетъ лишь напр. по отношенію къ видимымъ артикуляціямъ губъ. О движеніяхъ внутреннихъ органовъ рѣчи даже взрослые, не изучившіе фонетики, не имѣютъ никакого представленія.

Такимъ образомъ у группы лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, звуки рѣчи не только въ акустическомъ, но и въ артикуляціонномъ отношеніи приблизительно одинаковы. Поэтому фонетика можетъ говорить объ опредѣленной артикуляціи того или другого звука въ предѣлахъ говора. Бо́льшія различія замѣчаются въ цѣломъ нарѣчіи. Конечно, строго говоря, у каждаго лица есть свои мелкія индивидуальныя особенности произношенія, зависящія отъ индивидуальныхъ различій въ конфигураціи и движеніяхъ органовъ рѣчи, подобно тому, какъ форма лица, рукъ и пр. представляютъ индивидуальныя различія, а по движеніямъ рукъ, ногъ и пр., т. е. по жестамъ и по походкѣ, мы узнаемъ своихъ знакомыхъ.

Кромѣ того въ артикуляціяхъ, слѣдовательно и въ звукахъ каждаго отдѣльнаго лица существуютъ колебанія, вызы-

ваемыя случайными причинами психическими, напр. возбужденіемъ или утомленіемъ, и иногда физіологическими: насморкомъ, опухолью и пр

Главнымъ образомъ отъ различія въ величинѣ и формѣ полости рта какъ резонатора зависятъ тѣ общія различія въ качествѣ (тембрѣ) звуковъ, помимо различій въ голосѣ, которыми характеризуется рѣчь напр. взрослыхъ мужчинъ въ отличіе отъ рѣчи дѣтей. Для устраненія этого различія въ звукахъ, дѣти невольно укладываютъ свои органы рѣчи нѣсколько иначе, чѣмъ впослѣдствіи взрослыми, и этимъ компенсируютъ, но лишь до извѣстной степени, различіе въ величинѣ резонаторовъ и пр. Изъ предыдущаго видно, что бо́льшее однообразіе существуетъ въ звукахъ, чѣмъ въ производящихъ ихъ артикуляціяхъ.

Произношеніе общенароднаго (общегосударственнаго) языка обыкновенно представляетъ такія значительныя различія подъ вліяніемъ особенностей мѣстныхъ говоровъ, классовъ и слоевъ общества, что научное опредѣленіе его должно ограничиваться болѣе общими признаками. Впрочемъ обыкновенно какое-нибудь діалектическое произношеніе возводится въ норму, въ образцовый языкъ, который распространяется при помощи школы, сцены и т. п. Въ общерусскомъ языкѣ существуетъ также значительное разнообразіе въ произношеніи. Онъ возникъ изъ московскаго говора, но въ настоящее время его нельзя отожествлять съ московскимъ говоромъ и послѣдняго нельзя принимать за норму общерусскаго языка.

Естественный и искусственный способы изслѣдованія звуковъ живого языка.

Слухъ нашъ, особенно подготовленный къ этому, различаетъ очень мелкіе оттѣнки въ звукахъ, но мы не можемъ опредѣлить ихъ словами. Лишь для нѣкоторыхъ общихъ качествъ звуковъ, какъ высоты, силы, присутствія шума, свиста и т. д. существуютъ особыя слова—названія ихъ. Но мы не можемъ опредѣлить словами, въ чемъ заключается различіе въ слуховыхъ ощущеніяхъ напр. между звуками *a*, *e*, *i*, *n*, *t*, и пр., хотя ясно слышимъ это различіе. Кромѣ того ухо развито только для тонкостей знакомыхъ звуковъ, напр. родного языка. А мелкіе оттѣнки непривычныхъ звуковъ мало знакомаго языка совершенно ускользаютъ отъ насъ. Поэтому фонетику нужно, кромѣ общаго лингвистическаго развитія уха, развивать свой слухъ въ частности для каждаго языка при изученіи его.

Но нужно еще имѣть въ виду, что слуховыя воспріятія находятся подъ вліяніемъ психическихъ условій, благодаря которымъ мы слышимъ нерѣдко то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, и наоборотъ не слышимъ того, что слышали бы при другомъ психическомъ настроеніи.

Такъ напр. подъ вліяніемъ написанія ai мы слышимъ нерѣдко дифтонгъ aі тамъ, гдѣ въ дѣйствительности ae, напр. въ Айвазовскій. Вообще когда «произношеніе» наблюдаемаго объекта не отличается существенно отъ произношенія наблюдателя, или вѣрнѣе, отъ его слуховыхъ представленій, онъ всегда склоненъ «слышать» въ рѣчи наблюдаемаго тѣ же звуки, которые сохраняются въ его воспоминаніяхъ, т. е. онъ подставляетъ свои готовыя звуковыя представленія вмѣсто воспринимаемыхъ, причемъ безъ особеннаго навыка и дисциплины уха не замѣчаетъ мелкихъ различій.

Въ виду всего этого и, съ другой стороны, благодаря доступности движеній органовъ рѣчи для глаза и для регистраціи и описанія, какъ описательная такъ и историческая фонетика занимается преимущественно изученіемъ звуковъ въ условіяхъ ихъ производства, т. е. традиціонная фонетика сводится главнымъ образомъ къ физіологіи рѣчи. Однако звуки рѣчи прежде всего звуки—явленіе акустическое, и движенія органовъ рѣчи производятся только съ цѣлью произвести извѣстные звуки. Поэтому, понятно, одно физіологическое изученіе звуковъ рѣчи не можетъ считаться удовлетворительнымъ, такъ какъ оно приводитъ къ научной подтасовкѣ. На вопросы, что такое звуки *а*, *б* и пр. и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга, отвѣчаютъ: *а* производится такъ-то и отличается отъ производства *б* тѣмъ-то. Нужно очевидно изучать прежде всего сами звуки. При этомъ на помощь физіологической акустикѣ, изучающей звуки по отношенію къ дѣйствію ихъ на наше ухо и страдающей указанными недостатками, должна явиться физическая акустика, изучающая звуки рѣчи по отношенію къ ихъ физическому составу и ихъ физическимъ различіямъ.

Такимъ образомъ на помощь уху естественно должна была явиться такъ называемая *экспериментальная фонетика*. Непосредственнымъ поводомъ къ ея возникновенію послужила впрочемъ не акустика, а потребность болѣе точно опредѣлить движенія органовъ рѣчи посредствомъ разныхъ записывающихъ и измѣрительныхъ приборовъ, употребляемыхъ въ физіологіи и частію изобрѣтаемыхъ для фонетики.

Многіе смотрятъ еще на экспериментальную фонетику какъ на особую спеціальность, безъ которой можетъ по ихъ мнѣнію обходиться изслѣдователь языка, тѣмъ болѣе, что примѣненіе нерѣдко сложныхъ аппаратовъ требуетъ особой технической подготовки. На самомъ дѣлѣ это все та же фонетика, располагающая лишь болѣе совершенными средствами для объективнаго изслѣдованія и добывающая поэтому болѣе точные результаты.

Отказаться отъ нихъ значитъ отказаться отъ болѣе точнаго изученія предмета. Впрочемъ экспериментальная фонетика прокладываетъ себѣ такъ быстро дорогу, что всѣ протесты безсильны, тѣмъ болѣе, что разнаго рода вспомогательныя средства и простые приборы примѣнялись и раньше тамъ, гдѣ глазъ, ухо и осязаніе оказывались неудовлетворяющими. Такъ, пальцами или зубочисткою пользовались для ощупыванія формы невидимой спинки языка, пламенемъ свѣчи для опредѣленія силы выдыхаемаго тока и пр.

Не нужно также думать, будто экспериментальная фонетика отличается отъ наблюденія невооруженнымъ глазомъ и ухомъ такъ, какъ отличается въ естественныхъ наукахъ наблюденіе отъ опыта. Это различіе въ методѣ не имѣетъ въ лингвистикѣ значенія. Вѣдь при каждомъ словѣ, которое мы заставляемъ говорящаго повторить помедленнѣе для лучшаго наблюденія, мы въ сущности имѣемъ дѣло съ опытомъ, такъ какъ при этомъ наблюдатель произвольно вызвалъ и видоизмѣнилъ ходъ наблюдаемаго явленія. Слѣдовательно экспериментальная фонетика, совершенно какъ экспериментальная психологія, пользуется лишь болѣе совершенными искусственными средствами для болѣе точнаго объективнаго наблюденія.

Лабораторіи экспериментальной фонетики существуютъ уже во многихъ мѣстахъ во Франціи, Италіи, Голландіи, Америкѣ, Германіи и пр., въ которыхъ работаютъ главнымъ образомъ неофилологи германисты и романисты, а также оріенталисты. Особенно извѣстна фонетическая лабораторія въ Collège de France въ Парижѣ, основанная нынѣшнимъ ея директоромъ, аббатомъ Руссело, заслуги котораго въ разработкѣ и насажденіи экспериментальной фонетики общеизвѣстны. Скромныя лаборатоpіи экспериментальной фонетики устроены и въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ представителями каѳедръ сравнительнаго языковѣдѣнія

§ 2. Звуки рѣчи въ физическомъ отношеніи (физическая акустика звуковъ рѣчи).

Чтобы понять, почему при производствѣ звуковъ рѣчи органы рѣчи производятъ именно такія-то артикуляціи, и чѣмъ обусловлены различія въ слуховыхъ ощущеніяхъ разныхъ звуковъ, необходимо предварительно ознакомиться съ самими звуками рѣчи въ физическомъ отношеніи.

Колебанія воздуха, ощущаемыя ухомъ, называются *звукомъ*. Они происходятъ отъ колебательныхъ движеній разныхъ тѣлъ, въ томъ числѣ и воздуха, заключеннаго въ открытомъ сосудѣ и приведеннаго вдуваніемъ въ колебательныя движенія. Этими колебательными движеніями вызываются въ окружающемъ воздухѣ попеременныя сгущенія и разрѣженія, называемыя звуко-

выми волнами. Звуковыя волны приводятъ въ соотвѣтствующія колебанія извѣстные органы уха, вслѣдствіе чего раздражаются слуховые нервы и такимъ образомъ получаются ощущенія звуковъ.

Сонорные и шумные звуки рѣчи.

По нашимъ слуховымъ ощущеніямъ мы различаемъ музыкальные звуки и шумы, хотя строгой грани между ними нѣтъ.

Если тѣло, производящее звуковыя волны, приведено въ достаточно быстрыя, притомъ періодическія (ритмическія) колебанія, то получается ощущеніе *музыкальнаго звука*. Періодическими называются колебанія, повторяющіяся въ небольшіе равные промежутки времени совершено одинаковымъ образомъ. При графическомъ изображеніи періодическихъ формъ колебаній, т. е. при записи такихъ звуковыхъ волнъ посредствомъ аппарата на равномѣрно движущейся поверхности бумаги, мы получаемъ кривую, состоящую изъ все повторяющихся совершенно одинаковыхъ фигуръ—періодовъ (см. напр. рис. 10).

Звуковыя волны, производимыя непериодическими колебаніями колеблющагося тѣла, или соединеніемъ періодическихъ колебаній, не находящихся между собой по числу колебаній въ отношеніи 1: 2: 3: 4 и т. д., даютъ въ результатѣ непериодическую форму звуковой волны, слѣдовательно и непериодическую кривую при записи волнъ, и производятъ на наше ухо впечатлѣніе *шума*. См. напр. кривую согласнаго *ш* (s) рис. 39.

Звуки рѣчи состоятъ изъ соединенія музыкальнаго звука голоса съ шумами, или изъ однихъ шумовъ. Послѣдніе, а также первые въ томъ случаѣ, когда шумъ слышится ясно рядомъ съ голосомъ, называются *шумными* звуками, въ отличіе отъ *сонорныхъ*, слабый шумъ которыхъ заглушается музыкальнымъ звукомъ голоса.

Къ *сонорнымъ* звукамъ относятся всѣ гласные, напр. *a*, *e*, *i* и пр., носовые звуки, напр. *n*, *m* (русскіе *н*, *м*), плавный *l* (русское *л*) и безшумный *r* (*р*).

Къ *шумнымъ* звукамъ относятся всѣ остальные согласные, въ томъ числѣ и тѣ, которые состоятъ изъ сочетанія музыкальнаго звука съ сильными шумами, т. е. въ которыхъ звучащей струѣ, выходящей изъ гортани, придаютъ въ полости рта, рѣдко въ гортани, еще сильные шумы. Вслѣдствіе присутствія голо-

са послѣдніе называются *звонкими* шумными согласными, напр. *z*, *d*, *b*, *v*, *g* (русскіе *з*, *д*, *б*, *в*, *г*) и пр., въ отличіе отъ безголосныхъ какъ *s*, *t*, *p*, *f*, *k* (русскіе *с*, *т*, *п*, *ф*, *к*) и пр., называемыхъ *глухими* шумными звуками.

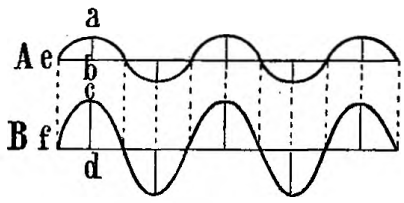
И въ гласныхъ шумы составляютъ самую существенную составную часть ихъ, но вслѣдствіе своей слабости эти шумы не воспринимаются неопытнымъ ухомъ въ отдѣльности. Они придаютъ лишь характерный тембръ каждому гласному, принимаемому за музыкальный звукъ.

Различія звуковъ рѣчи по силѣ.

Въ музыкальныхъ звукахъ и въ шумахъ мы различаемъ по качеству ихъ: силу, высоту и тембръ.

Сила звука зависитъ отъ длины колебаній (величины размаховъ, амплитуды) звучащаго тѣла. Невооруженнымъ глазомъ можно видѣть, какъ по мѣрѣ уменьшенія величины размаховъ струны, напр. гитары или рояля, утихаетъ и звукъ. Слѣдовательно, въ графическихъ изображеніяхъ звуковыхъ волнъ сила звука находится въ связи съ высотой горокъ и глубиной долинокъ кривой. Такъ, звукъ, дающій волну **A** (рис. 5), значительно слабѣе, чѣмъ звукъ, дающій волну **B** при остальныхъ равныхъ условіяхъ, такъ какъ амплитуда звука **A** двое меньше, чѣмъ амплитуда звука **B** (ордината **a—b**=½ **c—d**). При одновременномъ звучаніи двухъ звуковъ **A** съ одинаковой амплитудой (**a—b**), одинаковымъ періодомъ (формой колебаній) и одинаковой фазой (т. е. волна обоихъ начинается одновременно горкою въ точкѣ **e**) получается въ результатѣ звукъ **B**, въ кривой котораго ордината **c—d** вдвое длиннѣе **a—d** и соотвѣтственно сила его больше. Понятно, что терминъ сила относится къ слуховымъ ощущеніямъ, а амплитуда къ звуковымъ волнамъ, слѣдовательно и къ волнамъ кривой.

Рис. 5.

Слухъ вообще мало способенъ различать болѣе мелкія градаціи въ силѣ звуковъ, хотя конечно болѣе сильныя колебанія воздуха вызываютъ и въ барабанной перепонкѣ, слуховыхъ косточкахъ и пр. болѣе сильныя движенія, слѣдовательно и болѣе сильныя раздраженія слухового нерва,

Въ звукахъ языка *сила* (амплитуда колебаній) обусловливается степенью энергіи, съ которой токъ воздуха, выдавливаемый изъ легкихъ, надавливаетъ на голосовыя связки или другія (при производствѣ ротовыхъ шумовъ) мѣста преграды, и соотвѣтствующимъ сопротивленіемъ этихъ частей току воздуха. По отношенію къ силѣ звуки рѣчи опредѣляются терминами музыки какъ *сильный* (fortis), *слабый* (lenis), *усиливающійся* (crescendo), *ослабѣвающій* (decrescendo) и т. д.

Высота звуковъ рѣчи.

Высота звука зависитъ отъ быстроты колебаній (числа колебаній въ секунду) движущагося тѣла, производящаго звуковыя волны, въ связи съ чѣмъ находится и длина звуковыхъ волнъ, потому что звуковыя волны воздуха распространяются съ опредѣленной постоянной быстротой: болѣе высокіе звуки производятся болѣе короткими волнами, такъ какъ происходятъ отъ болѣе быстрыхъ колебаній.

При записи звуковыхъ волнъ на равномѣрно передвигающейся лентѣ бумаги кривая отъ звука **b** (рис. 8), который на октаву выше звука **a**, описываетъ 2 полныхъ (двустороннихъ) колебанія въ то время, какъ кривая отъ звука **a** описываетъ одно колебаніе. Кривая отъ звука **a** (рис. 9), который на дуодециму выше звука **b**, описываетъ 3 двустороннихъ колебанія въ то время, какъ кривая отъ звука **b** описываетъ одно колебаніе.

Въ струнахъ быстрота колебаній зависитъ отъ *длины* колеблющейся части струны и отъ степени *напряженія* струны. Чѣмъ короче струна и чѣмъ сильнѣе натянута струна, тѣмъ быстрѣе повторяются колебанія и тѣмъ выше звукъ.

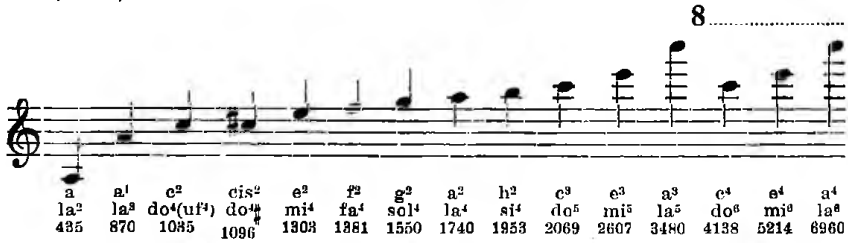
Если подложить подставку подъ середину струны монохорда, гитары или скрипки, и затѣмъ привести смычкомъ или пальцемъ половинку струны въ колебанія, то число колебаній половинки будетъ вдвое больше, чѣмъ число колебаній всей струны (половинка производитъ два колебанія въ то время, когда вся струна производитъ одно колебаніе), вслѣдствіе чего и звукъ половинки на октаву выше звука всей струны. Треть струны колеблется втрое быстрѣе, чѣмъ вся струна, и звукъ ея на дуодециму выше. Четверть струны производитъ въ четыре раза больше колебаній и звукъ ея на двѣ октавы выше звука всей струны, и т. д.

Такое же повышеніе звука даетъ воздушный столбъ, заключенный въ открытой или закрытой съ одного конца трубѣ и приведенный въ колебанія посредствомъ придуванія: при укороченіи трубы вдвое собственный звукъ ея повысится на октаву, четверть длины ея даетъ звукъ на двѣ октавы выше и т. д.

Такимъ образомъ, если вся струна даетъ la^3 (по нѣмецкой системѣ a^1) т. е. 435 V. D. (vibrations doubles т. е. двустороннихъ колебаній), то $^1/_2$ струны даетъ la^4 (a^2) или 870 двустороннихъ колебаній, $^1/_3$ струны даетъ mi^5 (e^3) съ 1305 колебаніями, $^1/_4$ струны—la^5 (a^3) или 1740 колебаній, $^1/_5$ струны—2175 V. D. и пр. Чаще счетъ ведется односторонними (простыми) колебаніями, V. S. (vibrations simples), такъ что a^1=870 V. S., a^2—1740 V. S. и т. д.

Если вся струна даетъ с (do^2), то $^1/_2$—c^1 (do^3), $^1/_3$—g^1 (sol^3), $^1/_4$—c^2 (do^4), $^1/_5$—e^2 (mi^4), $^1/_6$—g^2 (sol^4), $^1/_7$ — приблизительно b^2 ($si^{4\flat}$), $^1/_8$ — c^3 (do^5) и т. д.

Для пониманія соотношеній французской (итальянской) и нѣмецкой системы необходимо имѣть въ виду, что французскія ut^1 (do^1) до si^1 соотвѣтствуютъ нѣмецкой «большой» октавѣ C до H, французскія ut^2—si^2 соотвѣтствуютъ нѣмецкой «малой» октавѣ (c—h), французскія ut^3—si^3 нѣмецкимъ c^1—h^1 и т. д. Въ болѣе высокихъ октавахъ при переводѣ съ нѣмецкаго на французское обозначеніе нужно прибавлять 2, и наоборотъ. При опредѣленіи высоты звуковъ въ языкѣ пользуются конечно точнымъ камертономъ. Если не требуется особой точности, можно пользоваться и роялемъ, удостовѣрившись предварительно въ правильности настройки при помощи нормальнаго камертона съ 435 двусторонними колебаніями на la^3 (a^1). Для облегченія прибавляю нотныя обозначенія нѣкоторыхъ звуковъ темперированныхъ гаммъ съ указаніемъ числа простыхъ колебаній (V. S.).

Повышеніе звука получается не только отъ укороченія струны, но и отъ увеличенія напряженія струны, вслѣдствіе чего струна, выведенная изъ прямого положенія, стремится быстрѣе къ прямолинейному положенію и по инерціи быстрѣе переходитъ на другую сторону. Въ струнахъ высота звука пропорціональна квадратному корню изъ натягивающей тяжести, а въ голосовыхъ связкахъ въ гортани—изъ силы напрягающихъ мышцъ, которая конечно не можетъ быть точно опредѣлена.

Звуковыя волны распространяются въ воздухѣ со скоростью 330 метровъ въ секунду при температурѣ 0. При температурѣ 20° C. (по Цельсію = 16° Réaumur) скорость равна 342 метрамъ (330 + коэффиціентъ теплоты 0,6 × 20). При такой температурѣ длина волны звука a^1 (la^3) въ 870 одностороннихъ колебаній въ секунду равна $\frac{342}{870} = 0{,}393$ метрамъ или 393 миллиметрамъ, такъ какъ одно колебаніе впередъ этого звука продолжается $\frac{1}{870}$ часть секунды, во время котораго вызываемое имъ уплотненіе распространяется на разстояніе $\frac{342}{870}$ m, а послѣ этого времени наступаетъ колебаніе назадъ, продолжающееся также $\frac{1}{870}$ секунды и вызывающее разрѣженіе на такое же разстояніе въ $\frac{342}{870}$ m. Такимъ образомъ мы можемъ вычислять длину волны любого звука, если знаемъ число его колебаній (въ секунду). Напр. звукъ a^3 (la^5) имѣетъ вчетверо больше колебаній, чѣмъ a^1, слѣдовательно 3480 V. S. и длина волны его равняется при 20° C. $\frac{342}{3480} = 98{,}3$ mm (миллиметрамъ), т. е. она въ 4 раза короче волны a^1 ($98{,}3 \times 4 = 393{,}2$ mm).

Нерѣдко приходится справляться о числѣ колебаній и длинѣ волнъ. Помѣщаю поэтому здѣсь такія вычисленія, относящіяся къ темперированной нѣмецкой большой (французской первой) и нѣмецкой второй (французской четвертой) октавѣ, при a^1 (la^3) въ 870 V. S. (одностороннихъ колебаній въ секунду) и при быстротѣ распространенія въ 342 m (т. е. при 20° C.). Первая цифра обозначаетъ число простыхъ колебаній (V. S.), а вторая, поставленная въ скобки, длину волнъ въ миллиметрахъ.

C 129,3 (2645), Cis 137 (2496), D 145,2 (2357), Dis 153,8 (2224), E 162,9 (2099), F 172,6 (1976), Fis 182,9 (1869), G 193,8 (1764), Gis 205,3 (1666), A 217,5 (1572), Ais 230,4 (1484), H 244,1 (1401).

c^2 1034,6 (331), cis^2 1096,1 (312), d^2 1161,3 (294), dis^2 1230,4 (278), e^2 1303,5 (262), f^2 1381 (247), fis^2 1463,2 (234), g^2 1550,2 (220), gis^2 1642,3 (208), a^2 1740 (196), ais^2 1843,5 (186), h^2 1953 (175).

Посредствомъ умноженія или дѣленія на 2, 4, 8, 16 и т. д. получаются отсюда цифры колебаній другихъ октавъ. Напр., чтобы узнать число колебаній и длину волны d^1 изъ данныхъ для d^2, нужно 1161,3 раздѣлить на 2 (= 580,6) и 294 умножить на 2 (= 588), или же, для большей точности, прибѣгать только къ дѣленію и послѣднюю цифру вывести изъ D^0 посредствомъ дѣленія на 4 $\left(\frac{2357}{4} = 589 \text{ mm}\right)$. Число колебаній d^1 будетъ $1161{,}3 \times 4 = 4645{,}2$; а длина волны d^1 равняется $\frac{294}{4} = 73{,}5$ mm.

Въ звукахъ рѣчи высота голоса (или быстрота колебаній голосовыхъ связокъ) зависитъ отъ *длины* и степени *натянутости* олосовыхъ связокъ. Эти измѣненія въ гортани производятся осо-

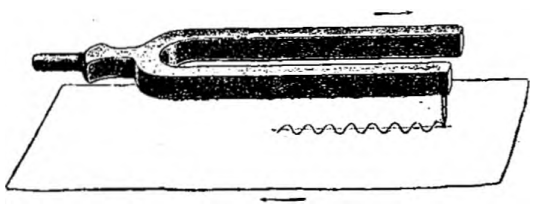
быми мышцами. Кромѣ того нѣкоторое повышеніе, до одного или полутора тона, получается при *усиленіи* давленія тока воздуха на голосовыя связки, т. е. при увеличеніи *силы* звука, такъ какъ болѣе сильный токъ выводитъ голосовыя связки дальше изъ сомкнутаго положенія, слѣдовательно растягиваетъ, напрягаетъ ихъ больше. На струнахъ такое небольшое повышеніе замѣчается, если для приведенія струны въ колебаніе вывести ее значительно изъ прямого положенія. Поэтому наши самые высокіе звуки голоса мы можемъ произносить только forte. Голосовыя связки у женщинъ и дѣтей короче и *тоньше*, чѣмъ у взрослыхъ мужчинъ, почему голосъ мужчинъ ниже.

Тембръ звуковъ.

Звукъ бываетъ рѣдко простымъ, какъ напр. звукъ камертона, состоящій изъ простыхъ маятниковыхъ колебаній воздуха. Только такіе простые звуки называются *тонами;* а слово *звукъ* я употребляю ниже въ смыслѣ сложнаго звука.

При записи колебаній вѣтви большого камертона на поверхности равномѣрно передвигаемаго листа бумаги (рис. 6) получается равномѣрная волнообразная кривая съ однообразными фигурами горокъ и долинокъ, которыя ясно видны черезъ лупу.

Рис. 6.

Въ природѣ звуки, въ томъ числѣ всѣ звуки человѣческой рѣчи, слагаются изъ многихъ простыхъ тоновъ, называемыхъ въ этомъ случаѣ *парціальными тонами*. Такой (сложный) звукъ воспринимается обыкновенно слухомъ какъ одинъ простой, нераздѣльный звукъ. При этомъ высота звука опредѣляется высотой самаго сильнаго парціальнаго тона его, называемаго *основнымъ тономъ*. А другіе парціальные тоны, называемые *побочными тонами* (обертонами), придаютъ основному тону ту или другую окраску, *тембръ*. Въ тембрѣ заключается различіе между звуками одинаковой высоты скрипки, флейты, органа, человѣческаго голоса, а также между гласными *а, е, о, і*, и пр., произносимыми на одну ноту (высоту). Различія тембра обусловлены тѣмъ, какіе именно побочные тоны входятъ въ со-

ставъ звука и какова относительная сила каждаго изъ нихъ. Нужно замѣтить, что употребительное названіе «обертонъ» для побочнаго тона ошибочно тѣмъ, что не всегда побочные тоны бываютъ выше основного тона, т. е. самаго сильнаго парціальнаго тона.

Въ музыкальномъ звукѣ число колебаній *гармоническихъ* верхнихъ побочныхъ тоновъ (или гармоникъ, обертоновъ) превышаетъ число колебаній основного тона въ 2, 3, 4, 5 и пр. разъ, т. е. они являются по отношенію къ основному тону октавой, дуодецимой и пр. Слѣдовательно, второй гармоническій обертонъ будетъ квинтой перваго обертона (2 : 3) и дуодецимой къ основному, третій обертонъ—квартой второго, четвертый обертонъ—большой терціей третьяго и пр. Такъ, къ основному тону do^2 возможны верхнія гармоники: $do^3 + sol^3 + do^4 + mi^4 + sol^4 + la^4\sharp$ и т. д. (см. стр. 109).

О формѣ періода колебаній такого (сложнаго) звука и его отношеніи къ маятниковымъ кривымъ составляющихъ его отдѣльныхъ тоновъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по рисункамъ 8—10.

Въ присутствіи въ музыкальномъ звукѣ гармоническихъ обертоновъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго опыта: Нажавъ педаль рояля, чтобы всѣ струны могли свободно колебаться освободившись отъ демпферовъ, ударить клавишу (лучше изъ болѣе низкихъ) и вскорѣ послѣ удара прикосновеніемъ руки задержать колебанія ударенной струны. Тогда слышно звучаніе и видно колебаніе тѣхъ струнъ, число колебаній которыхъ въ 2, 3, 4 и пр. раза больше числа колебаній ударенной струны. Слѣдовательно колеблются тѣ струны, которыя являются верхними гармониками къ ударенной струнѣ. Ясно, что въ звукѣ ударенной струны присутствуютъ эти колебанія (тоны) и они привели въ сочувственное колебаніе тѣ струны, которыя колеблются съ одинаковой съ этими тонами быстротой

Этотъ опытъ можно произвести и такъ: Нажать осторожно напр. клавишу re^2 (d) или la^2 (a) или re^3 (d^1) правой рукой, не производя звука, только освобождая струну отъ демпфера. Затѣмъ, не отнимая руки, чтобы эта струна могла свободно колебаться, ударить лѣвой рукой re^1 (D) и снять затѣмъ лѣвую руку. Послѣ этого струна, клавиша которой нажата правой рукой, звучитъ. Если же нажать правой рукой mi^2 (e) или fa^2 (f), то послѣ удара re^1 (D) эти струны молчатъ, такъ какъ въ re^1 нѣтъ побочныхъ тоновъ mi^2 или fa^2, могущихъ привести эти струны въ сочувственныя колебанія.

Присутствіе обертоновъ въ звукѣ отъ струны объясняются тѣмъ, что ударяемая струна колеблется не только по всей длинѣ,

но помимо этихъ колебаній, колеблются еще двѣ половинки въ отдѣльности, и каждая изъ нихъ издаетъ октаву (вдвое больше колебаній) къ тону всей струны (основному). Кромѣ этого каждая треть струны колеблется въ отдѣльности втрое быстрѣе всей струны, слѣдовательно издаетъ дуодециму къ основному тону или второй обертонъ къ нему, и т. д. Ср. рис. 7.

Въ этихъ колебаніяхъ по половинкамъ, третямъ, четвертямъ и пр. струны можно легко убѣдиться, если легкимъ и быстрымъ прикосновеніемъ пальца къ самой срединѣ **h** (рис. 7) колеблющейся струны **f**—*g* привести средину въ покой. Тогда колебанія во всю длину струны остановятся, но колебанія струны по половинкамъ **f**—**h** и **h**—*g*, по четвертямъ и пр. продолжаются, такъ какъ точка прикосновенія пальца пришлась въ узловомъ пунктѣ движеній половинокъ. Такимъ образомъ послѣ прикосновенія слышится уже звукъ, который на октаву выше звука всей струны. Если прикосновеніемъ пальца остановить движеніе струны въ одной изъ двухъ узловыхъ точекъ между третями (**i**), то колебанія струны во всю длину и по половинкамъ и четвертямъ остановятся, а по третямъ продолжаются, слѣдовательно струна издаетъ вторую гармонику т. е. дуодециму основного тона, и т. д.

Такимъ же образомъ колеблются въ цѣломъ и по частямъ звучащія перепонки или воздухъ въ поломъ сосудѣ, хотя здѣсь могутъ быть и разные негармоническіе побочные тоны, въ зависимости отъ устройства и формы перепонки или сосуда.

Въ предыдущихъ опытахъ получаемыя отъ ударенной струны звуковыя волны приводятъ въ сочувственныя колебанія тѣ струны, которыя колеблются съ такой же быстротой, какъ вся наводящая струна, или $^1/_2$ или $^1/_3$ или $^1/_4$ и пр. ея, т. е. высота которыхъ одинакова съ высотой парціальныхъ тоновъ наводящей струны. Впрочемъ, если только одинъ изъ парціальныхъ тоновъ свободной струны совпадаетъ съ однимъ изъ парціальныхъ тоновъ ударяемой струны, то свободная струна можетъ также придти въ сочувственное колебаніе, но по частямъ: звучитъ именно тотъ парціальный тонъ свободной струны, который совпадаетъ съ парціальнымъ тономъ ударяемой струны. Такъ, когда ударяется C (do^1), свободная струна G(sol^1) приходитъ въ колебаніе, но издаетъ не звукъ G(sol^1), а g(sol^2), т. е. октавой выше, такъ какъ не G(sol^1), а g (sol^2) является гармоникой какъ къ звуку C(do^1), такъ и къ звуку G (sol^1), или, что то же: такъ какъ въ числѣ частичныхъ колебаній струны C (do^1) есть такія колебанія, которыя соотвѣтствуютъ колебаніямъ струны G (sol^1) по половинкамъ, но нѣтъ такихъ, которыя одинаковы и слѣдовательно могли бы привести въ колебаніе во всю длину струну G (sol^1). Поэтому струна G начинаетъ колебаться только въ обѣихъ половинкахъ, съ узломъ въ срединѣ, но не колеблется во всю длину. Это и понятно. Тѣ же толчки воздуха, которые сначала стали приводить струну G въ колебанія во всю длину, вслѣд-

ствіе разности въ быстротѣ колебаній дѣйствуютъ затѣмъ въ обратномъ направленіи, останавливаютъ эти колебанія, и такъ далѣе поперемѣнно.

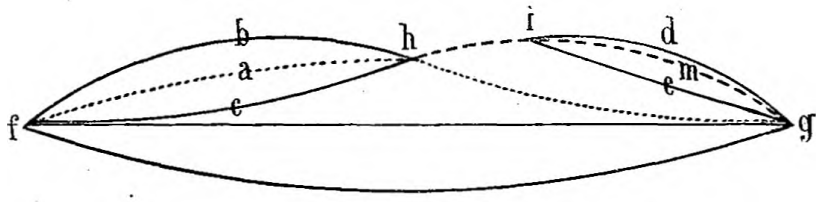
Но не всѣ гармоническіе обертоны присутствуютъ въ каждомъ музыкальномъ звукѣ, и этимъ обусловливается различіе въ тембрѣ музыкальныхъ звуковъ. Тембръ звука зависитъ именно отъ того, *какіе побочные тоны* сопровождаютъ основной тонъ и какова *относительная сила* каждаго изъ нихъ. Сообразно съ этимъ измѣняется и форма колебаній воздуха или форма періода, къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

При присутствіи высокихъ обертоновъ и отсутствіи низкихъ, звукъ производитъ на слухъ впечатлѣніе рѣзкости и крикливости, напр. звукъ скрипки; присутствіе преимущественно низкихъ обертоновъ дѣлаетъ звукъ мягкимъ, полнымъ и негромкимъ, какъ напр. звукъ деревянной органной трубы или большого колокола.

Сложеніе звуковыхъ волнъ.

Въ струнѣ самостоятельныя колебанія напр. половинокъ (f—h, h—g, рис. 7) могутъ выразиться лишь въ томъ, что эти колебанія увеличиваютъ или уменьшаютъ то движеніе этихъ половинокъ, которое обусловлено колебаніемъ всей струны (f—g), такъ что напр. вмѣсто положенія a въ извѣстный моментъ колебанія всей струны f—g является положеніе b или c или промежуточныя между ними, т. е. наложеніе колебаній половинокъ на колебанія всей струны. Такъ же самостоятельныя колебанія трети струны, напр. i—g, въ любой точкѣ этой трети, кромѣ двухъ крайнихъ, узловыхъ точекъ ея (i и g), увеличиваютъ (d) или уменьшаютъ (e) то отклоненіе (m) этой точки отъ прямой линіи f—g, которое обусловлено суммой или разницей отклоненій, вызванныхъ колебаніемъ всей струны и колебаніемъ половинокъ ея, и т. д.

Рис. 7.

Если бросить въ спокойную поверхность озера нѣсколько камней, то волны отъ паденія каждаго расходятся концентри-

ческими кругами и при встрѣчѣ начинаютъ скрещиваться, причемъ каждая волна продолжаетъ свой путь. При этомъ отдѣльныя частицы воды не имѣютъ поступательнаго движенія, а движутся лишь вверхъ и внизъ. Въ каждой отдѣльной точкѣ поверхности воды при встрѣчѣ повышеній двухъ круговъ объ горки суммируются, получается наложеніе меньшей волны на бо́льшую. При встрѣчѣ двухъ долинокъ получается углубленіе, равное суммѣ углубленій обѣихъ волнъ. Въ тотъ моментъ, когда въ одной точкѣ совпадаютъ горка одной и долинка другой волны, поверхность этой точки представляетъ или повышеніе или пониженіе, смотря по тому, больше ли горка одной волны или долинка другой волны, и насколько. Поэтому пробка удочки, испытывающая одновременно волны, исходящія изъ нѣсколькихъ центровъ, скачетъ на одномъ мѣстѣ, какъ и частицы воды (стоячія волны), но не равномѣрно, маятникообразно, а одинаковыми періодами, состоящими каждый изъ опредѣленной смѣны бо́льшихъ и меньшихъ поднятій и опусканій. Брошенный камень, врѣзывающійся въ массу воды, оттѣсняетъ находящіяся на его пути частицы воды въ стороны, гдѣ поэтому происходитъ уплотненіе воды, выпирающее верхніе слои кверху въ видѣ горки круглой волны, которая расходится концентрически все дальше.

Звуковыя волны, вызываемыя въ окружающемъ воздухѣ однообразнымъ колебаніемъ звучащаго тѣла напр. камертона, представляютъ подобныя же поперемѣнныя уплотненія и разрѣженія воздуха, но, въ отличіе отъ водяныхъ волнъ, онѣ расходятся шарообразно изъ центра, источника звука, и не могутъ понятно представлять какихъ-либо горокъ и долинокъ. Но напр. на барабанную перепонку уха каждое проходящее уплотненіе надавливаетъ сильнѣе, чѣмъ слѣдующее за нимъ разрѣженіе, и потому эта податливая перепонка колеблется совершенно такъ же вслѣдъ за моментами уплотненія и разрѣженія воздуха въ данномъ мѣстѣ, какъ пробка удочки на волнующейся поверхности воды. И если одновременно раздается нѣсколько тоновъ, какъ напр. отъ сложнаго колебанія струны, то въ любой точкѣ и небольшомъ пространствѣ, напр. въ діафрагмѣ фонографа или въ барабанной перепонкѣ уха, вмѣсто маятниковыхъ равномѣрныхъ усиленій и ослабленій давленія, какъ отъ камертона, получаются повторяющіеся одинаковые періоды давленій. А періодъ состоитъ изъ нѣсколькихъ колебаній разной длины и быстроты,

смотря по тому, изъ какихъ простыхъ маятниковыхъ волнъ онъ составляется. Такъ, отъ колебанія струны въ цѣломъ (рис. 7) получаются равномѣрныя уплотненія и разрѣженія (волны) воздуха, которыя однако видоизмѣняются колебаніями напр. половинокъ струны такъ, что каждый моментъ уплотненія замѣняется на половину моментомъ меньшаго уплотненія и на половину моментомъ болѣе усиленнаго уплотненія; колебанія по третямъ въ свою очередь видоизмѣняютъ результатъ колебаній въ цѣломъ и по половинкамъ и т. д. Такимъ образомъ колебанія всей струны даютъ періодъ, внутри котораго является нѣсколько неодинаковыхъ меньшихъ колебаній, какъ результатъ частичныхъ колебаній струны, который одинаковъ въ каждомъ періодѣ.

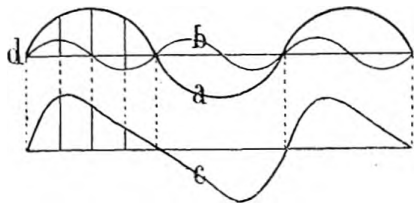
Сложную періодическую форму колебаній можно разложить на опредѣленный рядъ опредѣленныхъ маятниковыхъ колебаній, соотвѣтствующихъ тѣмъ парціальнымъ тонамъ, изъ которыхъ составляется данный звукъ (см. ниже).

При помощи особыхъ приспособленій слуховой органъ производитъ этотъ анализъ звуковыхъ волнъ въ каждомъ звукѣ, хотя обыкновенно не воспринимается сознательно каждый парціальный тонъ въ отдѣльности. Но если одновременно раздаются разные знакомые звуки, съ разнымъ тембромъ и съ достаточной силой, напр. пѣніе и аккомпаниментъ, флейта и корнетъ, то звуки каждаго обыкновенно воспринимаются въ отдѣльности, хотя звуковая волна и здѣсь должна быть одна, сложная, періодическая. Это неспособность анализировать звукъ на парціальные тоны объясняется психической неразвитостью слуха, привыкшаго звуки голоса и рояля сознавать какъ отдѣльныя единицы, а потому умѣющаго выдѣлять ихъ, но не привыкшаго выдѣлять составныя части голоса, такъ какъ онѣ раздаются всегда вмѣстѣ. Впрочемъ при особомъ развитіи слуха, врожденномъ или пріобрѣтенномъ посредствомъ упражненій, воспринимаются въ большей или меньшей степени и нѣкоторые составные тоны голоса и звуковъ рѣчи.

Изъ извѣстнаго числа парціальныхъ тоновъ опредѣленной силы и высоты, обусловливающихъ тембръ звука, можно форму колебаній этого звука опредѣлить геометрически, сложивъ колебанія ихъ. Такъ, если кромѣ основного тона **a** (рис. 8) присутствуетъ еще тонъ **b**, который на октаву выше **a**, но одинаковой съ нимъ амплитуды и одинаковой фазы (т. е. горка или долинка обоихъ начинается одновременно въ точкѣ **d**), то въ результатѣ

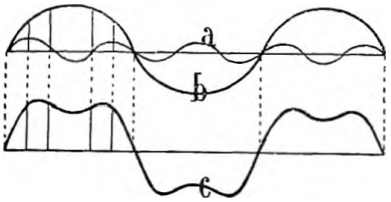
получается звуковая волна **c** съ тѣмъ же періодомъ, что **a**, видоизмѣненнымъ меньшей волной **b**: т. е. періодическая кривая **c** слагается изъ маятниковыхъ колебаній **a** и **b**. При этомъ тамъ, гдѣ кривыя **a** и **b** находятся на одной сторонѣ горизонтальной линіи, т. е. гдѣ горки или долинки ихъ совпадаютъ, высота ихъ слагается, а гдѣ **a** и **b** находятся на противоположныхъ сторонахъ горизонтальной, т. е. гдѣ горка одного парціальнаго тона совпадаетъ съ долинкой другого, **b**, какъ меньшая, вычитывается изъ **a** (долинка побочнаго тона уменьшаетъ горку основного тона, и горка побочнаго тона уменьшаетъ долинку основного тона).

Рис. 8.

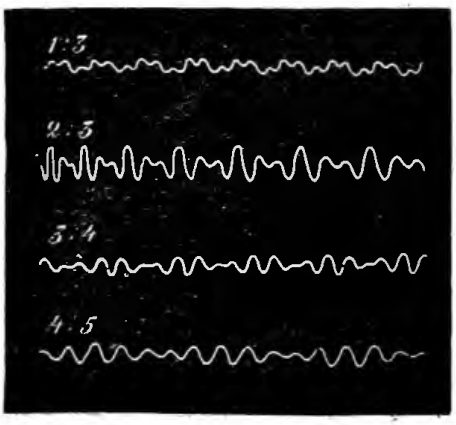
Такимъ же образомъ при сложеніи двухъ волнъ **b** и **a** (рис. 9) одинаковой амплитуды и фазы, но числа колебаній которыхъ относятся другъ къ другу какъ 1: 3, получается въ результатѣ періодъ **c** съ другой формой колебаній, чѣмъ въ предыдущемъ рисункѣ. См. тотъ же періодъ на рис. 10.

Рис. 9.

При сложеніи двухъ простыхъ тоновъ одинаковой фазы и приблизительно одинаковой амплитуды, число колебаній которыхъ относятся другъ къ другу какъ 2:3, получается въ результатѣ указанная на рис. 10 форма колебаній періода, состоящаго изъ одной большой и двухъ меньшихъ горокъ.

Рис. 10.

При одновременномъ звучаніи двухъ тоновъ при такихъ же условіяхъ, отношеніе чиселъ колебаній которыхъ равно 3 : 4 (рис 10), получается періодъ, состоящій изъ двухъ бо́льшихъ и двухъ меньшихъ горокъ. Изъ сложенія двухъ тоновъ, отношеніе колебаній которыхъ равно 4 : 5, является періодъ, состоящій изъ трехъ большихъ и двухъ меньшихъ горокъ, какъ на рис. 10, и т. д. Конечно при измѣненіи относительной амплитуды слагаемыхъ тоновъ измѣняется и форма кривой.

Такимъ образомъ, въ зависимости отъ состава звука и относительной силы каждаго изъ составныхъ тоновъ, измѣняется и форма періода, которая тѣмъ сложнѣе, чѣмъ больше простыхъ тоновъ слагаютъ звукъ. Только одинаковые по составу звуки имѣютъ одинаковыя формы періодовъ, слѣдовательно даютъ и одинаковыя кривыя при записи. Поэтому если даны слагающіеся тоны (маятниковыя колебанія), то можно найти графически и посредствомъ вычисленій соотвѣтствующую форму періода, и наоборотъ, можно найти посредствомъ измѣреній періода кривой и вычисленій тѣ парціальные тоны (простыя маятниковыя колебанія), изъ которыхъ слагается данный (сложный) звукъ.

Звуки рѣчи сложны, состоятъ изъ *многихъ большею частію негармоничныхъ тоновъ разной силы.* Но можо всетаки простымъ глазомъ по кривой опредѣлять общій характеръ состава звуковъ рѣчи и общія характерныя различія разныхъ звуковъ рѣчи другъ отъ друга.

Интерференція. Біеніе. Шумы.

Природа шумовъ еще мало разслѣдована. Но въ виду того, что шумы составляютъ самую существенную часть звуковъ рѣчи, необходимо здѣсь вкратцѣ по возможности выяснить общій характеръ шумовъ въ физическомъ и физіологическомъ—акустическомъ отношеніи.

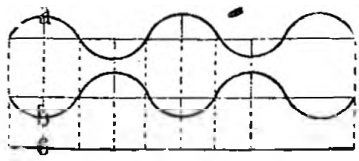
Нерѣдко въ шумѣ слышится одинъ или нѣсколько постоянныхъ или мѣняющихся тоновъ съ болѣе или менѣе опредѣленной высотой, и кромѣ того слышится особый элементъ—шумъ, неуловимый и въ то же время явно ощущаемый. Этотъ шумъ самъ по себѣ можетъ имѣть не вполнѣ опредѣленную, или мѣняющуюся высоту; или же высота его не поддается совершенно опредѣленію. Если въ послѣднемъ случаѣ не выдѣляется опредѣленной высотой какой-нибудь составной тонъ, то никакихъ опре-

дѣленій относительно высоты дѣлать нельзя. Это бываетъ напр. при моментальномъ шумѣ паденія камня на камень, особенно когда тоны слишкомъ низки или высоки, лежащіе слѣдовательно за предѣлами ясныхъ воспріятій.

Обыкновенно источникъ шумовъ—негармоническое отношеніе между составляющими ихъ простыми тонами. Впрочемъ неритмичность звуковой волны можетъ получаться и непосредственно изъ неритмическихъ колебаній источника, какъ отъ колеса телѣги при быстрой ѣздѣ по мостовой.

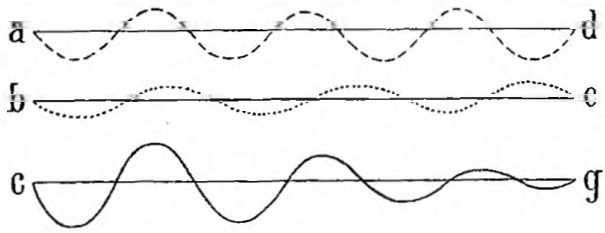
Изъ предыдущаго понятно, что если слагаются маятниковыя волны **a** и **b** (рис. 11) одинаковой скорости (высоты) и амплитуды (силы), но разной фазы, именно такъ, что волна **a** начинается въ половинѣ волны **b**, то онѣ другъ друга уничтожаютъ и теоретически не получается никакого звука. Линія **c**, какъ результатъ сложенія этихъ волнъ, указываетъ на отсутствіе колебаній. Это явленіе наблюдается напр., когда держать звучащій камертонъ въ полъоборота передъ ухомъ. Звука тогда почти не слышно, такъ какъ въ этомъ направленіи волны отъ обѣихъ вѣтвей камертона взаимно уничтожаются. При вращеніи камертона звукъ поэтому попеременно усиливается и ослабѣваетъ.

Рис. 11.

Если одновременно раздаются два тона **a** и **b** (рис. 12), изъ которыхъ **a** дѣлаетъ 7 двустороннихъ колебаній (на рисункѣ изображена половина ихъ, $3^1/_2$ двустороннихъ колебаній или 7 односторонніхъ колебаній) въ ту единицу времени, когда **b** дѣлаетъ 6 двустороннихъ ко-

Рис. 12.

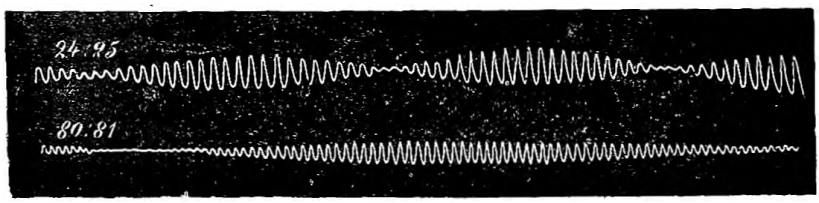

лебаній (на рисункѣ 3 колебанія), такъ что a есть уменьшенная малая терція къ **b**, то очевидно время каждаго колебанія **a** нѣсколько меньше, чѣмъ время каждаго колебанія **b**. Поэтому понятно долинки тона **a** не могутъ постоянно совпадать съ долинками **b**. Перемѣщаясь постепенно сравнительно съ долинками **b**, въ срединѣ данной единицы времени, около **d** и **e**, долинка тона **a** совпадаетъ съ горкою тона **b** и они почти уничтожаютъ другъ друга. Такимъ образомъ является въ результатѣ волна **c**, которая, не измѣняясь въ высотѣ, но постепенно ослабѣвая (умень

шаясь въ амплитудѣ) начиная отъ c, около *g* почти совсѣмъ исчезаетъ, а затѣмъ начинаетъ вновь усиливаться. Это постепенное усиленіе и ослабленіе звука называется «біеніемъ» по акустическому эффекту, производимому на нашъ слухъ, особенно когда моменты усиленія слѣдуютъ не слишкомъ быстро другъ за другомъ, т. е. когда разница между числомъ колебаній обоихъ тоновъ не велика, напр. 80 и 81, 500 и 501 и пр. Если въ данную единицу времени a дѣлалъ бы 14 полныхъ колебаній, а b 12, то очевидно интерференція происходила бы дважды въ теченіе этой единицы времени.

Въ рисункѣ 13 изображены неперіодическія звуковыя волны, полу-

Рис. 13.

чаемыя отъ соединенія двухъ тоновъ съ 24 и 25 колебаніями и съ 80 и 81 колебаніями въ единицу времени. Такая неперіодическая волна, которая при большей длинѣ въ сущности тоже періодическая, получается при соединеніи всякихъ тоновъ, которые между собою негармоничны, т. е. число колебаній которыхъ не находится въ отношеніи 1 : 2 : 3 : 4 : 5 и пр.

Смотря по тому, какъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ моменты усиленія звука, мы получаемъ разныя акустическія впечатлѣнія. Когда моменты усиленія слѣдуютъ другъ за другомъ медленно, то слышится постепенное усиленіе и ослабленіе звука. Когда они повторяются напр. черезъ каждыя ½ секунды, напр. при 500 и 502 колебаніяхъ въ секунду, воспринимаются «толчки» или «удары». При большей разности въ числѣ колебаній, когда толчки слѣдуютъ быстрѣе другъ за другомъ, ощущается «барабаненіе». Еще чаще повторяемые толчки даютъ ощущеніе «дрожанія»; а около 33 интерференцій въ секунду даютъ уже непріятное ощущеніе «дисгармоніи», слышится звукъ, колеблющійся въ высотѣ, и кромѣ того новый элементъ ощущенія—«шумъ». При дальнѣйшемъ увеличеніи разности въ высотѣ (въ числѣ колебаній) между раздающимися тонами, они становятся наконецъ въ гармоническое отношеніе, въ отношеніе малой терціи, затѣмъ большой терціи, кварты и т. д., и шума незамѣтно. При низкихъ звукахъ интерференціи происходятъ конечно медленнѣе соотвѣтственно меньшему числу колебаній этихъ звуковъ.

Для опытовъ можно пользоваться двумя камертонами, высоту которыхъ можно по желанію измѣнять передвижными гирками, или же можно пользоваться духовыми язычковыми камертонами или органными трубами съ мѣняющейся высотой. Въ послѣднемъ случаѣ конечно имѣется дѣло не съ простыми тонами, а съ (сложными) звуками.

Ухо обладаетъ такими приспособленіями, что оно разлагаетъ звуковую волну на составные тоны. Такъ какъ при шумѣ извнѣ, объективно даются намъ лишь два или больше негармоничныхъ тоновъ, то очевидно новый элементъ, шумъ, возникаетъ въ нашемъ слуховомъ аппаратѣ. Его происхожденіе объясняется такъ. Каждый тонъ приводитъ въ созвучныя колебанія тѣ волокна membrana basiliaris (основанія Кортіева органа въ улиткѣ, см. ниже § 3), которымъ свойственно то же число колебаній, какъ этому тону. Вмѣстѣ съ этими волокнами приходятъ въ колебанія и ближайшія смежныя къ нимъ волокна этой мембраны. Если оба раздающіеся тона очень близки по высотѣ, то и созвучащія волокна настолько близки, что находящіяся между ними промежуточныя волокна получаютъ импульсы съ двухъ сторонъ, не совпадающіе вполнѣ по числу колебаній. Эти движенія сталкиваются, останавливаютъ другъ друга (интерферируютъ), и снова распространяются колебанія то съ одной, то съ другой стороны. Отъ такихъ неправильныхъ колебаній промежуточныхъ волоконъ мы получаемъ ощущеніе, называемое *шумомъ*. Дѣйствіе этихъ безпорядочныхъ колебаній промежуточныхъ волоконъ на слуховые нервы иногда настолько непріятно, что ощущается боль, заставляющая закрывать уши.

При сочетаніи негармоническихъ между собою (сложныхъ) звуковъ интерферируютъ не только основные, но и побочные тоны другъ съ другомъ, такъ что описанное явленіе происходитъ одновременно въ разныхъ частяхъ membrana basiliaris, чѣмъ и усиливается эффектъ интерференціи.

Шумъ осложняется еще комбинаціонными тонами, особенно дифференціальными. Два простыхъ одновременно звучащихъ сильныхъ тона могутъ образовать новый тонъ—дифференціальный или разностный тонъ, число колебаній котораго равно разности чиселъ колебаній первоначальныхъ тоновъ. Если происходятъ два тона, отношеніе между которыми равно квинтѣ (т. е. какъ 2 : 3), напр. c^1 и g^1, или квартѣ (3 : 4), напр. g^1 и c^2 и т. д., то слышится дифференціальный тонъ, относящійся къ нимъ какъ 1, т. е. къ даннымъ примѣрамъ слышится тонъ с. Происхожденіе его объясняется тѣмъ, что мѣста совпаденія горокъ (моменты усиленій) дѣйствуютъ на органъ слуха какъ особые колебательные импульсы, происходящіе въ извѣстные болѣе медленные промежутки, такъ какъ число совпаденій горокъ равняется разности чиселъ колебаній первоначальныхъ т. е. объективно данныхъ тоновъ. Эти вновь развивающіеся тоны могутъ, комбинируясь съ образующими ихъ первоначальными тонами, дать но-

вые разностные тоны. Возможность вліянія комбинаціонныхъ тоновъ на акустическій эффектъ нужно имѣть въ виду при анализѣ звуковъ рѣчи.

Въ шумныхъ звукахъ рѣчи различаются шумы: 1) мгновенный *взрывъ* или лопаніе, какъ *п*, *т*, *к*, *д*; 1) длительный *свистъ* или *шипѣніе*, какъ *с*, *ш*, *х*, *ф*, *з*, *в* и пр.; 3) длительное *барабаненіе* въ раскатистомъ *р*; 4) соединеніе взрыва со свистомъ или шипѣніемъ, какъ *ц*, *ч*; 5) соединеніе барабаненія съ шипѣніемъ какъ въ чешскомъ ř. При каждомъ изъ нихъ можетъ присутствовать и голосъ и другіе болѣе слабые шумы. Въ языкѣ готтентотовъ и пр. существуетъ еще звукъ 6) *щелканія*, при которомъ языкъ присасывается къ небу и затѣмъ вдругъ отрывается.

Фонографъ.

Въ послѣднее время получилъ широкое практическое примѣненіе чудный аппаратъ, запечатлѣвающій звуковыя волны въ полумягкой массѣ и воспроизводящій по этому нарѣзу тѣ же волны. Это фонографъ и его разновидность граммофонъ.

При записи рѣчи на фонографѣ звуковыя волны приводятъ въ соотвѣтствующія колебанія пластинку записывающей «діафрагмы» (recorder). Къ ней прикрѣпленъ штифтъ—рѣзецъ, который производитъ на довольно мягкой поверхности вращающагося валика фонографа нарѣзъ въ видѣ бороздки, состоящій изъ углубленій разной глубины и длины. Каждое углубленіе съ находящимся съ нимъ рядомъ возвышеніемъ въ нарѣзѣ представляетъ двустороннюю звуковую волну, т. е. долинку и горку. Чѣмъ сильнѣе звукъ, тѣмъ больше амплитуда волнъ и тѣмъ глубже нарѣзы долинокъ. Чѣмъ выше звукъ, тѣмъ быстрѣе происходятъ колебанія воздуха и тѣмъ короче каждая долинка и горка нарѣза. Такимъ образомъ форма углубленія нарѣза соотвѣтствуетъ формѣ колебаній звуковой волны, такъ что нарѣзъ валика при записи звука, указаннаго на рис. 8, имѣетъ форму с, при записи звуковъ, указанныхъ въ рис. 10, 13, имѣютъ форму этихъ кривыхъ и т. д. Впрочемъ не всякій фонографъ записываетъ форму колебаній достаточно точно. Лучшія записи получаются на дорогомъ громоздкомъ фонографѣ Эдисона новой конструкціи. Отъ равномѣрности вращенія валика, качества состава валика, чуткости и правильности дѣйствія записывающей «діафрагмы» и связаннаго съ ней рѣзца зависитъ точность формы нарѣза, слѣдовательно и вѣрность воспроизводимыхъ имъ звуковыхъ волнъ. Практическое указаніе: при записываніи рѣчи не только звуки изо рта, но и изъ носа должны входить въ воронку фонографа.

При воспроизводствѣ рѣчи на фонографѣ тупой штифтъ воспроизводящей діафрагмы (reproducer), скользящій по бороздкѣ вращающагося валика, заставляетъ прикрѣпленную къ нему пластинку продѣлывать тѣ

же колебанія, которыя такая же пластинка записывающей діафрагмы дѣлала при записи. Отъ точности, съ которой этотъ штифтъ движется вслѣдъ за всѣми извилинами дна нарѣза, зависитъ вѣрность воспроизводства. Отъ пластинки эти колебанія передаются окружающему воздуху обыкновенно черезъ рупоръ для усиленія звука. Такимъ образомъ получаются почти такія же волны воздуха, какія были при записи. Отсюда понятно, какую роль долженъ играть въ будущемъ фонографъ въ языковѣдѣніи, дающій возможность черезъ столѣтія въ точности воспроизводитъ звуковую рѣчь.

Собравъ коллекцію наговоренныхъ валиковъ разныхъ языковъ можно во всякое время прислушиваться къ рѣчи сербовъ, китайцевъ, индусовъ и пр. Съ этой цѣлью уже устроены въ Вѣнѣ Phonogramm-Archiv и въ Парижѣ Musée phonographique, фонографическіе архивы въ Америкѣ въ Harward College, въ Библіотекѣ Конгресса и въ Національномъ музеѣ въ Вашингтонѣ. Но несовершенство записи напр. глухихъ согласныхъ и непрочность фонограммъ для долгаго храненія требуютъ еще улучшеній, а сложность процедуры приготовленія прочныхъ валиковъ затрудняетъ и удорожаетъ дѣло.

Фонографъ имѣетъ еще разнообразное примѣненіе въ лингвистикѣ (о чемъ ниже), а въ новѣйшее время также при практическомъ изученіи иностранныхъ языковъ. Посредничествомъ фонографа пользуются вообще тамъ, гдѣ непосредственное записываніе перомъ затруднительно вслѣдствіе быстроты, или недостаточно и неточно, напр. вслѣдствіе непередачи оттѣнковъ связной рѣчи: качества звуковъ, ритма, продолжительности звуковъ, слоговъ и паузъ, экспираторнаго и музыкальнаго ударенія и пр.

Народные разсказы, пѣсни, былины и пр. мѣняются при повтореніяхъ и потому нельзя разсказчика или сказителя останавливать вопросами или приглашеніемъ повторить. Поэтому для записыванія ихъ примѣняется уже фонографъ, повторяющій совершенно одинаковымъ образомъ любой кусокъ записанной рѣчи столько разъ, пока онъ не изученъ со всѣхъ желательныхъ сторонъ. Замедленіе хода фонографа конечно искажаетъ рѣчь, но въ извѣстныхъ случаяхъ и замедленное воспроизводство цѣлесообразно.

Отъ фонографа граммофонъ отличается тѣмъ, что отпечатки долинокъ звуковыхъ волнъ направлены не вглубь, а въ сторону, такъ что бороздка представляетъ зигзаги одинаковой глубины на ровной плоскости вращающейся вокругъ центра круглой пластинки. По этимъ записямъ дѣлаются очень твердыя матрицы, на которыхъ отдавливаются пластинки для воспроизводства рѣчи. Вслѣдствіе этихъ сложныхъ пріемовъ пластинки граммофоновъ изготовляются фабричнымъ способомъ, но зато онѣ гораздо прочнѣе и обыкновенно точнѣе передаютъ рѣчь, чѣмъ валики фонографа, не требующіе никакихъ добавочныхъ процедуръ для воспроизводства.

Синтезъ звуковъ рѣчи.

Если извѣстно, изъ какихъ парціальныхъ тоновъ состоятъ напр. гласные *a*, *e*, *o* и пр. и какова относительная сила каждаго изъ нихъ,

то можно и искусственнымъ образомъ составлять эти гласные. Такіе опыты производились посредствомъ *органныхъ трубъ*, болѣе точные посредствомъ *синтетическаго камертоннаго аппарата* Helmholtz'a, усовершенствованнаго Кенигомъ и пр. Этотъ аппаратъ состоитъ изъ системы камертоновъ, приводимыхъ въ постоянныя колебанія электромагнитами. По мѣрѣ открыванія отверстій резонаторовъ, соединенныхъ съ камертонами, эти резонаторы усиливаютъ звуки соотвѣтствующихъ камертоновъ. Такимъ образомъ можно быстро получать одновременно разные тоны съ желательной силой. На этомъ аппаратѣ, теперь впрочемъ устарѣломъ, производится не вполнѣ удовлетворительно большинство гласныхъ. Напр. гласный *a* Гельмгольцъ составлялъ изъ основного тона b, умѣренныхъ b^1 и f^2 и сильныхъ $b^2 + d^3$. Болѣе совершенный аппаратъ для искусственнаго составленія гласныхъ, это *сирена* Кенига для составленія гласныхъ.

Въ синтетическихъ аппаратахъ гласные получаются не удовлетворительно, что объясняется не только тѣмъ, что эти аппараты несовершенны и что составъ звуковъ рѣчи еще не выясненъ съ достаточной точностію, но главнымъ образомъ тѣмъ, что гласные производятся органами рѣчи вообще особымъ способомъ, именно гортанными взрывами возбуждающими ротовые шумы. Искусственный синтезъ звуковъ имѣетъ вообще лишь второстепенное значеніе, можетъ служить повѣркою правильности произведеннаго анализа.

Самый простой способъ синтеза гласныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый совершенный—слѣдующій: поднявъ крышку піанино или рояля и нажавъ ногой педаль, чтобы струны могли свободно вибрировать, произносятъ громко эти гласные. Звуковыя волны приводятъ тѣ струны, которыя соотвѣтствуютъ парціальнымъ тонамъ даннаго гласнаго, съ соотвѣтствующей силой въ сочувственныя колебательныя движенія, и долго послѣ прекращенія голоса слышится еще этотъ гласный, производимый совмѣстными колебаніями этихъ струнъ. Если подыскать соотвѣтствующія имъ клавиши и наложить на нихъ маленькія гирки для освобожденія этихъ струнъ отъ демпферовъ, то безъ нажима педали получается данный гласный и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется составъ его по крайней мѣрѣ въ роялѣ. При этомъ опытѣ нужно не мѣнять высоты голоса при произношеніи гласнаго.

Физическій анализъ звуковъ рѣчи. (Экспериментальная фонетика въ области физической стороны языка).

Слухъ рѣдко и въ ограниченной мѣрѣ различаетъ побочные тоны, т. е. воспринимаетъ ихъ въ отдѣльности. Несмотря на это анализъ звуковъ рѣчи посредствомъ *слуха*, особенно при шепотномъ производствѣ, не потерялъ своего значенія и имѣетъ извѣстныя преимущества. Обыкновенно же для опредѣленія характерныхъ парціальныхъ тоновъ прибѣгаютъ къ помощи разныхъ приборовъ, напр. чуткихъ *камертоновъ*, настроенныхъ на разную высоту. Звучащій камертонъ держатъ передъ ртомъ, установленнымъ для производства опредѣленнаго гласнаго.

Если собственный шумъ полости рта содержитъ парціальный тонъ, равный тону камертона, то звукъ камертона усиливается ротовой полостью какъ резонаторомъ. Но для этого камертоннаго метода нужно особенное умѣнье удерживать неподвижно органы рѣчи въ положеніи производства даннаго звука.

Съ той же цѣлью употребляются *резонаторы*—полые шары изъ мѣди, целлулоида и пр. (рис. 14). Придѣланная къ одному отверстію тонкая трубочка вставляется въ ухо. Черезъ противоположное отверстіе волны воздуха приводятъ воздушный столбъ, заключенный въ резонаторѣ, въ сочувственныя колебанія: резонаторъ зазвучитъ, если въ числѣ пар-

Рис. 14.

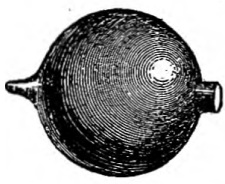
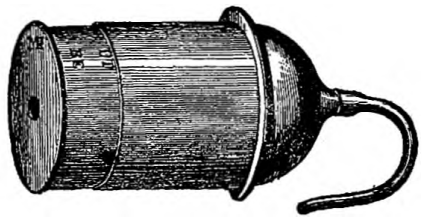

Рис. 15.

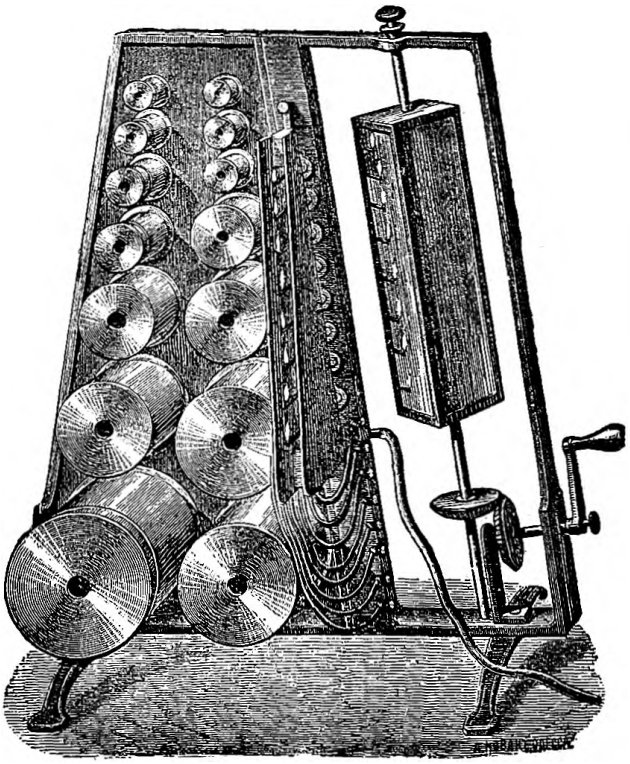

ціальныхъ тоновъ произносимаго звука есть такой, который совпадаетъ съ собственнымъ тономъ резонатора. Въ противномъ случаѣ резонаторъ молчитъ. Болѣе удобенъ, хотя менѣе точенъ, вытяжной резонаторъ (рис. 15), который можетъ быть настроенъ на нѣсколько тоновъ и желательныя доли ихъ. Къ тонкому отверстію прикрѣплена каучуковая трубочка для проведенія звука къ уху. Для изслѣдованія нужна конечно система такихъ резонаторовъ со всѣми тонами на нѣсколько октавъ. Но эти способы не даютъ вполнѣ точныхъ результатовъ, такъ какъ резонаторъ усиливаетъ въ меньшей степени и ближайшіе тоны, не вполнѣ совпадающіе съ собственнымъ тономъ резонатора. Кромѣ того высота въ звукахъ рѣчи постоянно быстро мѣняется, а для резонатора нуженъ довольно продолжительный одинаковый звукъ. Относительную силу тоновъ можно опредѣлить лишь приблизительно. Методы съ камертонами и съ резонаторами конечно отчасти субъективны, вслѣдствіе участія уха, и неточны.

Особенно удобенъ для демонстрированія объективнаго неточнаго анализа гласныхъ *аналитическій аппаратъ* Koenig'a (рис. 16), состоящій изъ системы такихъ резонаторовъ, какъ на рис. 15, расположенныхъ другъ надъ другомъ. Каждый резонаторъ можно настроить на нѣсколько тоновъ, полутоны и четверти тона и пр. При производствѣ передъ аппаратомъ звука, резонаторы, соотвѣтствующіе парціальнымъ тонамъ его, зазвучатъ. Отъ противоположнаго узкаго отверстія каждаго резонатора проведено по каучуковой трубкѣ съ неподатливыми стѣнками къ маленькой коробкѣ, передающей посредствомъ эластичной стѣнки колебанія этого резонатора тому газовому пламени, которое соединено съ этой коробкой, какъ описано ниже при рис. 17. Эти колебанія газоваго пламени отражаются въ поставленномъ рядомъ вращающемся манометрическомъ

зеркалѣ въ видѣ зубцовъ на верхнемъ краѣ свѣтлой полосы отъ этого пламени. (На рис. 16 зеркало неподвижно, поэтому въ немъ видна не полоса, а отражается только каждое пламя). На рис. 18 показаны снимки

Рис. 16.

такихъ пламенъ. Разница лишь въ томъ, что въ описываемомъ здѣсь аппаратѣ пламя даетъ равныя камертонныя колебанія, такъ какъ каждый резонаторъ передаетъ только одинъ тонъ. Пламя тѣхъ резонаторовъ, которые не звучатъ, слѣдовательно тоны которыхъ не содержатся въ анализируемомъ звукѣ, не колеблется и потому отражается въ вращающемся зеркалѣ въ видѣ свѣтлой полосы съ ровнымъ верхнимъ краемъ. Работать съ этимъ аппаратомъ очень удобно. Слабая сторона его заключается въ томъ, что резонаторы звучатъ и при не вполнѣ совпадающихъ съ ними тонахъ, и что силу каждаго парціальнаго тона приходится опредѣлять на глазъ, по высотѣ зазубринъ въ свѣтлыхъ полоскахъ на манометрическомъ зеркалѣ. Для большей точности можно дѣлать съ нихъ моментальные фотографическіе снимки.

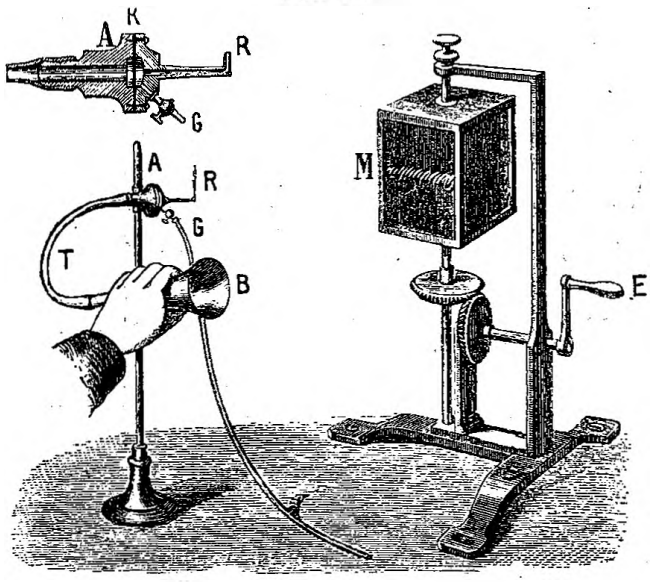
Анализъ состава гласныхъ производится теперь обыкновенно посредствомъ анализа кривыхъ отъ звуковыхъ волнъ рѣчи на составляю-

щія ихъ маятниковыя волны (стр. 119), соотвѣтствующія парціальнымъ тонамъ звуковъ. Для этого измѣряютъ періоды гласныхъ и разлагаютъ ихъ затѣмъ посредствомъ математическихъ вычисленій по ряду Фурье. Но получаемые этимъ путемъ результаты нужно считать ошибочными, такъ какъ гармоническій анализъ къ звукамъ рѣчи примѣнять нельзя въ виду негармоническаго состава ихъ. Необходимы коррективы. Вообще же всѣ употреблявшіеся методы изслѣдованія состава гласныхъ не дали еще вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Къ изслѣдованію состава согласныхъ еще порядкомъ не приступлено.

Записи кривыхъ звуковыхъ волнъ для анализа производятся разными способами, которые однако всѣ допускаютъ небольшія неточности вслѣдствіе инерціи записывающаго механизма, собственныхъ колебаній (тоновъ) его, или нечувствительности пластинокъ, пламени и пр.

Весьма удобенъ приборъ Кенига для манометрическаго пламени (рис. 17), дѣлающій форму колебаній звуковыхъ волнъ доступной глазу и фотографическому аппарату. Звуки произносятся въ воронку B (рис. 17), соединенную посредствомъ каучуковой трубки T съ коробкой (капсулей) A, прикрѣпленной къ штативу. Внутри коробки A (см. помѣщенный нѣ-

Рис. 17.

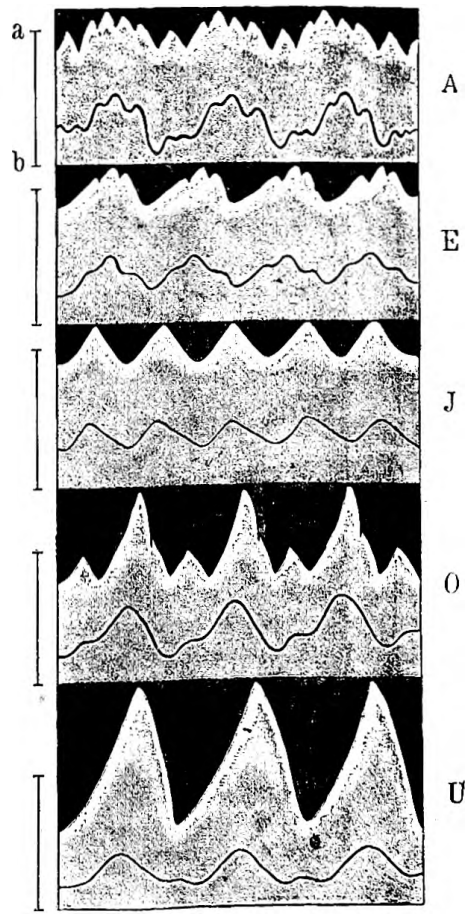

сколько выше разрѣзъ коробки A въ менѣе уменьшенномъ видѣ) звуки входятъ въ камеру, перегороженную упругой перепонкою K. За этой перегородкой находится другая половинка камеры, въ которую входитъ свѣтильный газъ изъ газопровода черезъ каучуковую трубку G. Изъ камеры газъ выходитъ въ зажженную горѣлку R. Звуковыя колебанія воздуха передаются такимъ образомъ черезъ трубку T эластичной перегородкѣ K, которая въ свою очередь передаетъ эти колебанія проходящей за нею

струѣ газа, вслѣдствіе чего являются такія же колебанія въ высотѣ газоваго пламени. Эти колебанія отражаются въ поставленномъ рядомъ манометрическомъ зеркалѣ M, которое приводится въ вращательное движеніе или рукой посредствомъ рукоятки E, или посредствомъ часового механизма. На рисункѣ изображена полоска пламени, какъ она получается при вращеніи зеркала. Снимки такого отраженія колеблющагося пламени при произношеніи въ воронку гласныхъ помѣщены на рис. 18. Такимъ образомъ характерную форму колебаній (періода) звука рѣчи можно видѣть во вращающемся манометрическомъ зеркалѣ въ видѣ зазубринъ верхняго края свѣтовой полосы, представляющей отраженіе пламени.

На рисункѣ 18 показаны фотографическіе снимки отраженнаго въ манометрическомъ зеркалѣ (см. рис. 17 **M**) пламени гласныхъ *a*, *e*, *i*, *o*, *u*. Верхній край отраженія изображаетъ послѣдовательно высоту пламени при колебаніяхъ его, слѣдовательно звуковую волну даннаго гласнаго. Слѣва поставлена мѣрка **a—b**, показывающая высоту пламени при покойномъ состояніи его, т. е. когда въ аппаратъ не произносятъ звука, вслѣдствіе чего пламя не колеблется и отраженіе его въ вращающемся зеркалѣ представляетъ свѣтлую полоску съ ровными краями. Гласные эти напѣвались на ноту c^1. На каждомъ изображеніи пламени нанесена кривая, которая представляетъ углубленія нарѣза валика фонографа при томъ же гласномъ, переведенныя въ увеличенномъ видѣ на бумагу посредствомъ рычажка.

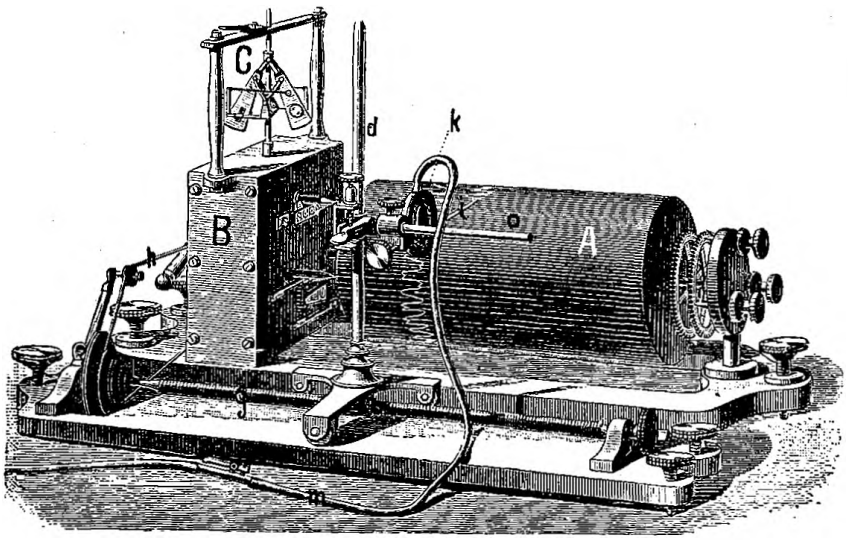
Рис. 18.

Такія же болѣе точныя кривыя получаются посредствомъ фонавтографическаго аппарата, въ которомъ колеблющаяся перепонка коробки снабжена маленькимъ зеркальцемъ, измѣняющимъ свое направленіе въ соотвѣтствіи съ колебаніями перепонки. Отраженный этимъ зеркальцемъ лучъ передаетъ колебанія вращающемуся зеркалу или непосредственно передвигающейся лентѣ свѣточувствительной бумаги фотографическаго аппарата особаго устройства.

Для записи звуковыхъ волнъ лингвисты употребляютъ обыкновенно аппараты, которыми пользуются и въ физіологіи для регистрированія мелкихъ быстрыхъ движеній, особенно аппаратъ, похожій на большой фонографъ, съ разными варіаціями въ деталяхъ (фонавтографъ, enregistreur, Kymographion). Рис. 19 представляетъ снимокъ съ такого аппарата, сдѣланнаго въ Парижѣ.

Рис. 19.

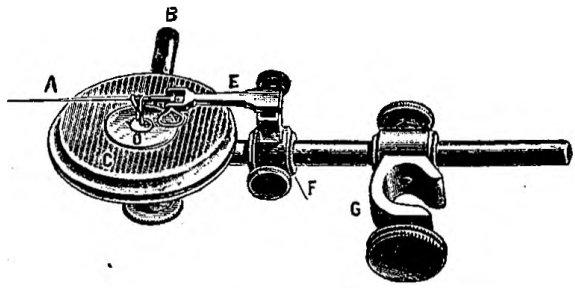

Цилиндръ **A**, рис. 19, приводится въ равномѣрное вращеніе часовымъ механизіомъ **B** съ регуляторомъ Фуко **C**. Штативъ d покоится на телѣжкѣ, передвигаемой равномѣрно вправо при помощи винтового нарѣза длинной оси *g*, которая приводится въ быстрое вращеніе посредствомъ привода **h**, соединеннаго съ наружнымъ колесомъ часового механизма **B**. На привинченной къ штативу горизонтальной вѣтви *o* привинчивается записывающій барабанчикъ (tambour) **k**, въ который воздухъ проводится черезъ каучуковую трубку **m**. Съ одной стороны барабанъ **k** обтянутъ податливой каучуковой перепонкой, которая выпячивается по мѣрѣ давленія воздуха внутри барабана.

Устройство такого записывающаго барабанчика видно на рис. 20. Къ срединѣ перепонки **C**, рис. 20, приклеенъ маленькій металлическій кружокъ **D**, соединенный посредствомъ тонкой проволоки съ рычажкомъ **A**, кото-

рый держится на шарнирѣ въ концѣ неподвижной вѣтви E такъ, что можетъ свободно слѣдовать за каждымъ движеніемъ перепонки. При по

Рис. 20.

мощи винта F можно измѣнять разстояніе между шарниромъ и мѣстомъ сцѣпленія рычажка съ перепонкой, вслѣдствіе чего измѣняется степень увеличенія размаховъ свободнаго конца рычажка A и слѣдовательно измѣняется общая амплитуда записи на цилиндрѣ. Для удлиненія рычажка на тонкій конецъ его надѣвается тонкая соломинка (*l* рис. 19), къ концу которой приклеивается маленькій острый и твердый наконечникъ, напр. щепочка гусинаго пера, которымъ рычажекъ производитъ запись на цилиндрѣ. На металлическую трубочку **B**, рис. 20, проводящую воздухъ въ барабанъ, натягивается конецъ резиновой трубы **m**, рис. 19. Посредствомъ винта **G**, рис. 20, весь этотъ записывающій приборъ (записыватель, inscripteur), привинчивается къ вѣтви **o** штатива **d**, рис. 19.

Для пріема записи цилиндръ **A**, рис. 19, обтягивается вплотную листомъ плотной очень гладкой бумаги, которая покрывается копотью при помощи свѣчки съ толстымъ фитилемъ. Острый наконечникъ рычажка *l* своимъ легкимъ прикосновеніемъ снимаетъ копоть и оставляетъ поэтому при вращеніи цилиндра бѣлый слѣдъ своихъ колебаній въ обѣ стороны въ видѣ безпрерывной кривой. Такимъ образомъ волны кривой изображаютъ въ увеличенномъ видѣ движенія перепонки записывателя, слѣдовательно звуковыя волны, проводимыя въ камеру записывателя посредствомъ трубки **m**, рис. 19. Волны собираются посредствомъ воронки (см. **B** рис. 17), наставленной на другой конецъ трубки **m** и не совсѣмъ вплотную прижимаемой ко рту такъ, чтобы она не мѣшала движеніямъ губъ. При собираніи волнъ изъ носовой полости вмѣсто воронки къ резиновой трубкѣ прикрѣпляется наконечникъ, имѣющій форму оливки и вставляемый вплотную въ одну ноздрю. Телѣжка штатива **d** можетъ быть освобождаема отъ сцѣпленія съ винтовымъ нарѣзомъ оси *g*, и въ такомъ случаѣ можетъ свободно переставляться рукой, что необходимо, когда одновременно производится запись нѣсколькихъ барабановъ, привинченныхъ рядомъ къ вѣтви **o**. Тогда записи производятся въ одинъ оборотъ барабана. Если нужна болѣе длинная запись, то рядомъ съ цилиндромъ **A** ставится параллельно другой такой же но свободный цилиндръ, и на нихъ натягивается такъ называемая безконечная бумага.

Записывающіе барабанчики бываютъ разной величины, съ разными варіаціями въ деталяхъ, по требованію обстоятельствъ. Перепонки ихъ бываютъ разной плотности и состава, часто резиновыя. Цилиндръ приводится въ вращательное движеніе или посредствомъ часового механизма, притомъ съ пружиной, какъ въ данномъ аппаратѣ, или съ гирями, или посредствомъ электрическаго двигателя или водяной турбины. Бываютъ аппараты съ любой быстротой вращенія, или лишь съ троякой и пр. быстротой. Точность кривой зависитъ главнымъ образомъ отъ чувствительности перепонки и отъ возможнаго отсутствія тренія и собственныхъ колебаній перепонки и соединеннаго съ нею пишущаго рычага.

Получаемыя на этихъ регистрирующихъ аппаратахъ записи звуковыхъ волнъ обыкновенно очень мелки, хотя могутъ быть довольно точны. Изучать ихъ можно при помощи лупы, микроскопа и микрометріи (Руссело). Онѣ служатъ впрочемъ обыкновенно для опредѣленія лишь общихъ качествъ звуковъ, рядомъ съ кривыми, регистрирующими движенія органовъ рѣчи.

Для полученія точныхъ и очень крупныхъ кривыхъ, съ увеличеніемъ въ нѣсколько тысячъ разъ, стали теперь пользоваться фонографомъ и граммофономъ. На *фонографѣ* звуковыя волны производятъ на поверхности вращающагося валика соотвѣтствующія углубленія. Посредствомъ микроскопа можно изучать непосредственно эти нарѣзы валика. Посредствомъ разныхъ аппаратовъ переводятъ ихъ на бумагу въ видѣ кривой съ желательной степенью увеличенія. Для этого съ штифтомъ воспроизводящей діафрагмы (reproducer), скользящимъ по нарѣзу валика, соединяютъ при помощи шарнира маленькое зеркальце такъ, что по мѣрѣ углубленія нарѣза зеркальце измѣняетъ свое направленіе. На зеркальце бросаютъ яркій лучъ, отраженіе котораго рисуетъ фигуры углубленій нарѣза на передвигающейся длинной лентѣ свѣточувствительной бумаги. Такимъ образомъ получается кривая съ желательнымъ увеличеніемъ, притомъ точная (опыты Hermann'a), такъ какъ лучъ представляетъ длинный рычагъ безъ вѣса и безъ инерціи. См. кривыя на рис. 37—39 и 20.

Участіе фонографа представляетъ то удобство, что посредствомъ воспроизводства на немъ рѣчи можно провѣрять точность записей, и для сравненія и толкованія кривой можно всегда прислушиваться къ соотвѣтствующимъ звукамъ. Конечно, фонографъ долженъ быть самый совершенный, чтобы въ нарѣзѣ отмѣчались и самыя быстрыя и мелкія колебанія воздуха.

Въ послѣднее время въ Америкѣ (Scripture) пользуются преимущественно граммофономъ, приспособленнымъ для записыванія рѣчи. Съ круглой пластинки граммофона запись переводится затѣмъ на ленту бумаги при помощи сложнаго и дорогого аппарата. Главной частью его является сложный рычагъ, получающій движенія отъ нарѣза медленно вращающейся пластинки граммофона и регистрирующій ихъ на передвигающейся при помощи цилиндровъ очень длинной лентѣ закопченной бумаги въ видѣ сильно увеличенной кривой. Такая фонограмма четырехминутной рѣчи имѣетъ около $^1/_4$ мили въ длину. По ней можно простымъ

глазомъ судить о высотѣ, силѣ и продолжительности любой части рѣчи и въ точности измѣрять колебанія. Рядомъ можно воспроизводить на граммофонѣ и самую звуковую рѣчь. Для перевода записи съ валика фонографа пользуются сходнымъ аппаратомъ нѣсколько иного устройства.

Для провѣрки эти фонограммы можно вытравливать на цинковой лентѣ и затѣмъ посредствомъ рычага аппарата, подобнаго описанному, перевести ихъ на пластинку граммофона. Такимъ образомъ можно напр. начальную, среднюю и пр. часть каждаго звука изучать съ идеальною точностью. Можно и всякія вымышленныя фигуры звуковыхъ волнъ обращать въ звуки и такимъ образомъ получать можетъ быть неслыханные еще по тембру звуки.

Производятся еще иного рода графическія изображенія звуковой рѣчи посредствомъ очень упрощеннаго способа (Marbe). Звуковыя колебанія передаются ацетиленовому пламени непосредственно или посредствомъ мембраны. На протягиваемой черезъ верхушку пламени лентѣ бумаги пламя своей копотью оставляетъ слѣдъ своихъ колебаній въ видѣ колечекъ. Каждый звукъ имѣетъ особое расположеніе колечекъ. Рядомъ съ ними на той же лентѣ другое пламя можетъ отмѣчать колебанія камертона для опредѣленія времени. Эти записи можно демонстрировать посредствомъ проекціоннаго аппарата.

§ 3. Органы слуха и функціи ихъ въ языкѣ.

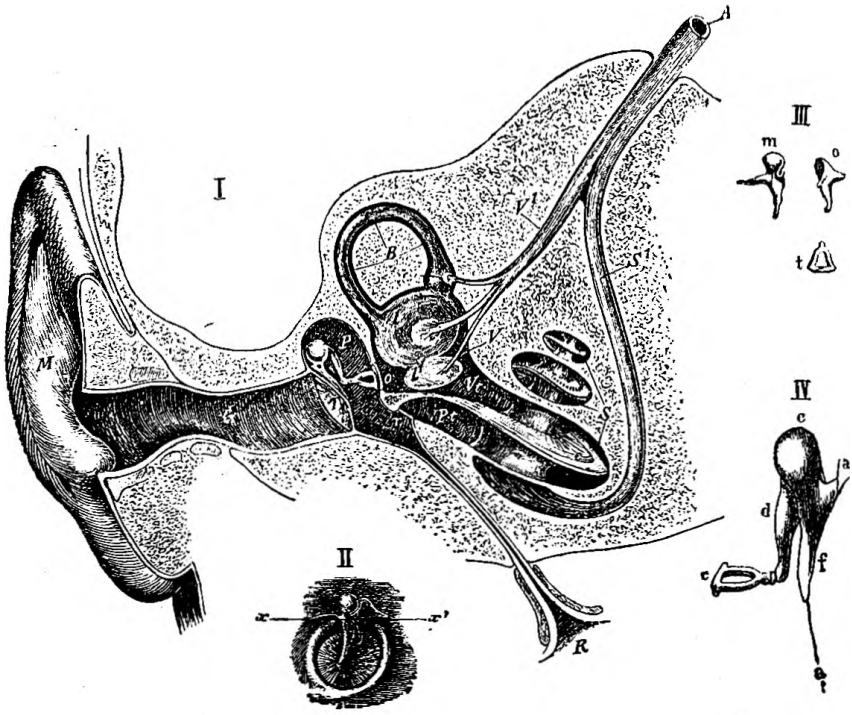
Изъ всѣхъ аппаратовъ, анализирующихъ звуковыя волны, наше ухо несравненно самый совершенный. Поэтому изученіе устройства и дѣятельности его крайне поучительно для устройства всякихъ искусственныхъ аппаратовъ, служащихъ для записи и анализа звуковъ рѣчи. Но главное значеніе уха для языка заключается конечно въ томъ, что функціи его являются *составной частью* нашего звукового языка.

Въ помѣщенномъ здѣсь (рис. 21, I) схематическомъ разрѣзѣ праваго уха нѣсколько измѣнены величина и положеніе нѣкоторыхъ частей. Такъ, подножка стремени должна быть въ горизонтальномъ положеніи (при которомъ задняго колѣна стремени не было бы видно на рисункѣ), а ось улитки въ дѣйствительности обращена горизонтально верхушкою къ виску.

Всѣ части уха, кромѣ наружной, хрящевой, заключены въ твердой костяной стѣнкѣ черепа, въ такъ называемой скалистой кости. *Наружное ухо* состоитъ изъ *ушной раковины* (auricula) **M**, рис. 21 I, и извилистаго *слухового прохода* (meatus auditorius externus) **G**, заканчивающагося *барабанной перепонкой* (membrana tympani) **T**, рис. 21 I и II. Эта упругая, нерастяжимая,

слабо натянутая круглая перепонка прикрѣплена своими утолщенными краями въ костномъ желобкѣ (рис. 21 II). Она состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ концентрическихъ и радіальныхъ волоконъ и содержитъ многочисленные нервы, лимфатическіе и кровеносные сосуды. Роль ея аналогична съ ролью діафрагмы фонографа или записывающаго барабанчика кимографа. Барабанная перепонка

Рис. 21.

нѣсколько наклонна кнаружи и натянута не совсѣмъ плоско, а нѣсколько ниже середины она втянута внутрь приросшею къ ней длинной рукояткою f молоточка **c** (см. фиг. IV); а въ верхнемъ краѣ короткій отростокъ молоточка нѣсколько выпячиваетъ ее наружу.

Звуковыя волны, собираемыя раковиной, проходятъ черезъ внѣшній слуховой проходъ и приводятъ барабанную перепонку въ колебанія въ цѣломъ, соотвѣтствующія амплитудѣ и формѣ колебательныхъ движеній воздуха.

Среднее ухо состоитъ изъ *барабанной полости* (cavum tympani) **P**, окруженной костяной стѣнкой, покрытой слизистой

оболочкой. Барабанная полость, наполненная воздухомъ, сообщается съ наружнымъ воздухомъ посредствомъ *Евстафіевой трубы* **R**, оканчивающейся въ боковой стѣнкѣ задней части носовой полости, надъ мягкимъ небомъ (см. рис. 23, **t**). Евстафіева труба обыкновенно закрыта, но открывается напр. при глотаніи, причемъ ощущается трескъ въ ушахъ.

Въ барабанной полости помѣщаются приспособленія для превращенія колебаній внѣшняго воздуха въ колебанія жидкости внутренняго уха. Для этого въ костной стѣнкѣ, противоположной барабанной перепонкѣ, находится отверстіе, закрытое нѣжной уступчивой перепонкой, такъ называемое *овальное окошечко* (fenestra ovalis) **o**. Передача колебаній барабанной перепонки перепонкѣ овальнаго окошечка происходитъ при посредствѣ слуховыхъ косточекъ, соединенныхъ между собою сочлененіями, а именно: *молоточка* (malleus) (фиг. III **m**, IV **c—f**), *наковальни* (incus) (III **o**, IV **d**), и *стремени* (stapes) (III **t**, IV ***e***). На рис. IV слуховыя косточки размѣщены въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ размѣщеніе IV относится къ лѣвому уху.

Рукоятка молоточка, **f** IV, плотно срощена съ волокнами барабанной перепонки **a—a** IV. Въ своей верхней части **c** молоточекъ связанъ посредствомъ сочлененія съ наковальней такъ, что оба вмѣстѣ составляютъ угловой рычагъ (**d—c—f** IV) Эти косточки висятъ на связкахъ, прикрѣпленныхъ сверху и съ наружной стороны къ стѣнкамъ барабанной полости, такъ что обѣ вмѣстѣ могутъ двигаться, совмѣстно съ барабанной перепонкой, внутрь и кнаружи, причемъ вообразимая ось вращенія косточекъ (***x—x***^{1} фиг. II) проходитъ нѣсколько ниже сочлененія ихъ, параллельно перепонкѣ. Такимъ образомъ движенія перепонки передаются молоточкомъ наковальнѣ и далѣе стремени ***e*** IV, укрѣпленному почти подъ прямымъ угломъ къ нижнему концу длиннаго отростка наковальни.

Сочлененіе молоточка съ наковальней устроено такъ, что наковальня не вынуждена слѣдовать за каждымъ движеніемъ молоточка и перепонки въ наружную сторону, а лишь во внутреннюю сторону, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ край молоточка нажимаетъ на зубецъ сочлененія наковальни (см. III), а въ первомъ случаѣ молоточекъ можетъ отдѣляться отъ зубца при сильномъ движеніи наружу. Этимъ избѣгается слишкомъ сильное

сотрясеніе жидкости лабиринта при очень сильныхъ колебаніяхъ воздуха.

Подножка стремени соединена съ эластичной перепонкой овальнаго окошечка **o** фиг. I, за которой находится жидкость лабиринта. Такимъ образомъ ножка стремени можетъ вдавливать перепонку окошечка внутрь и передавать жидкости лабиринта движенія барабанной перепонки.

Молоточекъ и другія косточки служатъ между прочимъ демпферомъ, пріостанавливающимъ движенія по инерціи барабанной перепонки. Такъ какъ длинный отростокъ наковальни почти на треть короче рукоятки молоточка (см. IV), то въ той же мѣрѣ движенія стремени меньше движеній барабанной перепонки, а сила давленія по направленію къ лабиринту соразмѣрно больше. Кромѣ того значительный приростъ силы обусловленъ тѣмъ, что площадь барабанной перепонки значительно больше площади подножки стремени. Такое увеличеніе силы около 30 разъ необходимо въ виду большей плотности жидкости лабиринта сравнительно съ воздухомъ.

Изъ мышцъ слуховыхъ косточекъ заслуживаетъ особеннаго вниманія *напрягатель барабанной перепонки* (tensor tympani), прикрѣпленный съ внутренней стороны къ молоточку, нѣсколько ниже оси вращенія его (на рисункѣ не обозначенъ). При сокращеніи этой мышцы рукоятка молоточка и связанная съ нею барабанная перепонка оттягиваются внутрь, вслѣдствіе чего перепонка напрягается больше и становится менѣе чувствительной, т. е. труднѣе приходитъ въ сочувственныя колебанія, чѣмъ при слабомъ напряженіи ея. Такимъ образомъ безсознательнымъ сокращеніемъ этой мышцы ограждаются нервныя окончанія въ лабиринтѣ отъ слишкомъ сильныхъ толчковъ, которые получались бы отъ сильныхъ колебаній жидкости лабиринта, и вообще получается возможность слышать меньше нежелательные звуки, особенно непріятные шумы. Кромѣ того барабанная перепонка, какъ всякая натянутая перепонка или струна, имѣетъ свои собственные тоны, т. е. свойственную ей быстроту колебаній. Если дѣйствующія на такую перепонку звуковыя волны своими парціальными тонами соотвѣтствуютъ собственнымъ тонамъ перепонки, то онѣ вызываютъ очень сильныя сочувственныя колебанія перепонки, въ остальныхъ случаяхъ—сравнительно слабыя. Эта неравномѣрность устраняется главнымъ образомъ дѣйствіемъ мышцы

tensor tympani, которая, усиливая или ослабляя напряженіе барабанной перепонки, этимъ самымъ измѣняетъ и собственныя колебанія ея. Благодаря этому перепонка пріобрѣтаетъ между прочимъ способность усиливать воспріимчивость къ очень слабымъ звукамъ, примѣняясь къ нимъ своими собственными тонами.

Внутреннее ухо или *лабиринтъ* окруженъ со всѣхъ сторонъ костной массой. Только въ двухъ мѣстахъ находятся отверстія, закрываемыя эластичными перепонками: указанное выше овальное окошечко **o**, рис. I, и нѣсколько ниже *круглое окошечко* (fenestra rotunda) **r**.

Лабиринтъ дѣлится на 3 части: *преддверіе* **V** (рис. I), 3 *полукружныхъ канала* (изъ которыхъ на рисункѣ показанъ только одинъ каналъ **B**) и улитку **S**. Весь лабиринтъ наполненъ жидкостью--перилимфой. Въ ней плаваютъ поддерживаемыя связками перепончатыя полости, наполненныя въ свою очередь жидкостью, называемой эндолимфой. Онѣ составляютъ перепончатый лабиринтъ, который по формѣ соотвѣтствуетъ костному лабиринту. Сюда относятся въ преддверіи **V** 2 мѣшечка, изъ которыхъ одинъ, *эллиптическій* (utriculus) *l*, сообщается съ тремя перепончатыми полукружными каналами, помѣщающимися въ костныхъ полукружныхъ каналахъ (на рисункѣ показанъ только одинъ каналъ **B**). Другой, *круглый мѣшечекъ* (sacculus) l^1, сообщается съ canalis cochlearis улитки. Оба мѣшечка сообщаются между собою.

Улитка (cochlea) **S**, рис. 21, представляетъ винтообразный каналъ, похожій на раковину улитки, который обвивается въ $2^1/_2$ раза вокругъ костяной оси. Каналъ этотъ раздѣляется во всю длину продольной перегородкой на два хода, которые только въ *куполѣ улитки* сообщаются между собою посредствомъ маленькаго отверстія. Перегородка **c** канала улитки ясно видна на рис. 21 I. Тотъ ходъ улитки, который представляетъ нижній ярусъ или ходъ канала, сообщается посредствомъ круглаго окошечка **r** съ барабанною полостью и называется *барабанной лѣстницей* (scala tympani) рис. 21 **Pt**. А *лѣстницей преддверія* (scala vestibuli) называется верхній ходъ **Vt**, сообщающійся съ преддверіемъ **V** (vestibulum), въ которомъ находится овальное окошечко **o**.

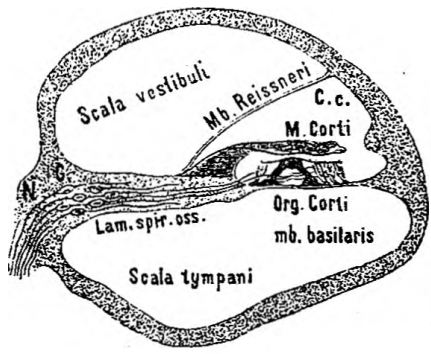
На рис. 22 показанъ поперечный разрѣзъ канала улитки. Перегородка канала, прикрѣпленная къ оси лабиринта въ **G** (рис. 22), со стороны оси костная (lamina spiralis ossea), а въ

противоположной сторонѣ кожистая, состоящая изъ сложныхъ мембранъ.

При каждомъ толчкѣ перепонки стремени въ овальномъ окошечкѣ жидкость лабиринта подается вся цѣликомъ и движеніе это распространяется по всѣмъ путямъ его, отъ utriculus *l*, рис. 21, къ тремъ полукружнымъ каналамъ, и отъ sacculus l^1 по лѣстницѣ преддверія до купола улитки, отсюда назадъ по барабанной лѣстницѣ, въ концѣ которой это движеніе выпячиваетъ перепонку круглаго окошечка r въ барабанную полость. Такимъ образомъ звуковыя колебанія воздуха передаются жидкости лабиринта безъ существенныхъ измѣненій формы колебаній.

Вышеозначенную кожистую часть перегородки образуютъ 2 мембраны (см. рис. 22), прикрѣпленныя подъ угломъ къ костной перегородкѣ: *основная мембрана* (membrana basiliaris) со стороны барабанной лѣстницы, и *Рейснерова перепонка* (membrana Reissneri) со стороны вестибулярной лѣстницы (преддверія). Заключенное между ними пространство образуетъ третій ходъ или каналъ въ улиткѣ, который называется *улитковымъ каналомъ* въ тѣсномъ смыслѣ (canalis cochlearis) **C.c.**, рис. 22. Въ этомъ каналѣ помѣщается *Кортіевъ органъ* (**Org. Corti**, см. также рис. 21 **c**), основаніемъ котораго служитъ membrana basiliaris.

Рис. 22.

Превращеніе звуковыхъ колебаній въ слуховыя ощущенія происходитъ по теоріи Гельмгольтца слѣдующимъ образомъ. Натянутыя радіальныя волокна, образующія основную мембрану, представляютъ какъ бы рядъ безчисленнаго множества параллельно расположенныхъ струнъ, которыя по мѣрѣ приближенія къ куполу улитки все становятся длиннѣе. Каждое изъ волоконъ настроено на тонъ опредѣленной высоты, т. е. имѣетъ свойственное его длинѣ число колебаній. Кортіевъ органовъ состоитъ изъ многихъ тысячъ столбиковъ и цилиндрическихъ волосистыхъ клѣтокъ, которыя связаны съ названными волокнами membrana basiliaris такъ, что колебанія каждаго волокна передаются и связаннымъ съ нимъ клѣт-

камъ. Въ этихъ клѣткахъ оканчиваются тонкими волокнами улитковые слуховые нервы. Идущій изъ мозга слуховой нервъ (nervus acusticus) **A**, рис. 21, развѣтвляется передъ лабиринтомъ. Одна вѣтвь, улитковая (ramus cochlearis) S^1, проникаетъ нѣсколькими развѣтвленіями черезъ ось улитки и костную перегородку въ клѣтки Кортіева органа (см. также рис. 22 **N**), а другая вѣтвь, V^1 рис. 21, направляется къ мѣшочкамъ и ампуллямъ полукружныхъ каналовъ. Эта вѣтвь служитъ повидимому только для общихъ слуховыхъ ощущеній; кромѣ того черезъ нее получаются ощущенія движеній головы и равновѣсія.

Какъ тѣ струны рояля (или воздухъ въ резонаторахъ аналитическаго аппарата Кенига, стр. 127) приходятъ въ сочувственныя колебанія, которыя соотвѣтствуютъ по числу колебаній парціальнымъ тонамъ произносимыхъ надъ ними звуковъ рѣчи (стр. 125), точно такъ же отъ движеній жидкости лабиринта приходятъ въ сочувственныя колебанія тѣ изъ натянутыхъ радіальныхъ волоконъ membrana basiliaris и связанныя съ ними волосистыя клѣтки Кортіева органа, которымъ свойственна скорость колебаній, равная скорости колебаній отдѣльныхъ маятниковыхъ слагаемыхъ даннаго періода колебаній жидкости лабиринта, слѣдовательно и періода колебаній волнъ звуковъ рѣчи.

Движенія волоконъ membrana basiliaris и связанныхъ съ ними клѣтокъ вызываютъ раздраженіе оканчивающихся въ каждой клѣткѣ слуховыхъ нервовъ, которое передается центральной нервной системѣ слуха въ видѣ слухового ощущенія. А звуки рѣчи апперципируются еще въ центрѣ Вернике какъ звуки языка въ словахъ.

Такимъ образомъ ухо разлагаетъ сложные періоды звуковыхъ колебаній на составляющіе ихъ маятниковыя колебанія или парціальные тоны, которые проводятся каждый отдѣльными нервными волокнами и слѣдовательно могутъ и перципироваться раздѣльно. Огромнымъ количествомъ этихъ волоконъ и клѣтокъ объясняется, что ухо можетъ различать $^1/_{100}$ долю тона и больше. Однако обыкновенно разныя сочетанія парціальныхъ тоновъ мы апперципируемъ лишь въ совокупности, какъ одинъ звукъ съ извѣстнымъ тембромъ, а не каждый тонъ въ отдѣльности. Это объясняется психической неразвитостью слуха, обусловленной тѣмъ, что мы постоянно воспринимали эти тоны въ разныхъ сочетаніяхъ, но не въ радзѣльности. Да и сочетанія разныхъ

звуковъ, слышанныхъ въ отдѣльности, мы воспринимаемъ въ значительной степени какъ одинъ сложный звукъ вслѣдствіе ненадобности развивать слухъ для воспріятія каждаго въ раздѣльности.

Каждымъ составнымъ тономъ вызываются наибольшія сочувственныя колебанія того или тѣхъ волоконъ membrana basiliaris, собственный тонъ которыхъ вполнѣ совпадаетъ съ даннымъ тономъ. Но кромѣ того приходятъ еще въ колебанія настроенныя немного иначе смежныя волокна, тѣмъ слабѣе, чѣмъ дальше они отъ первыхъ. Этимъ объясняется ощущеніе *шума*, о которомъ говорилось выше стр. 122.

Предѣлъ воспріятія тоновъ лежитъ между 16—35,000 двустороннихъ колебаній въ секунду. Высота голоса обыкновенно лежитъ между 80—1,000 колебаній, въ рѣчи діапазонъ еще меньше. Но парціальные тоны шумовъ, входящіе въ составъ звуковъ рѣчи, доходятъ до трехъ тысячъ двустороннихъ колебаній въ секунду.

§ 4. Устройство и функціи органовъ рѣчи.

Человѣческіе органы рѣчи можно раздѣлить на 4 главныя части: 1) легкія съ дыхательнымъ горломъ, 2) гортань, 3) полость рта, 4) полость носа. На рис. 23 изображены органы рѣчи въ вертикальномъ разрѣзѣ.

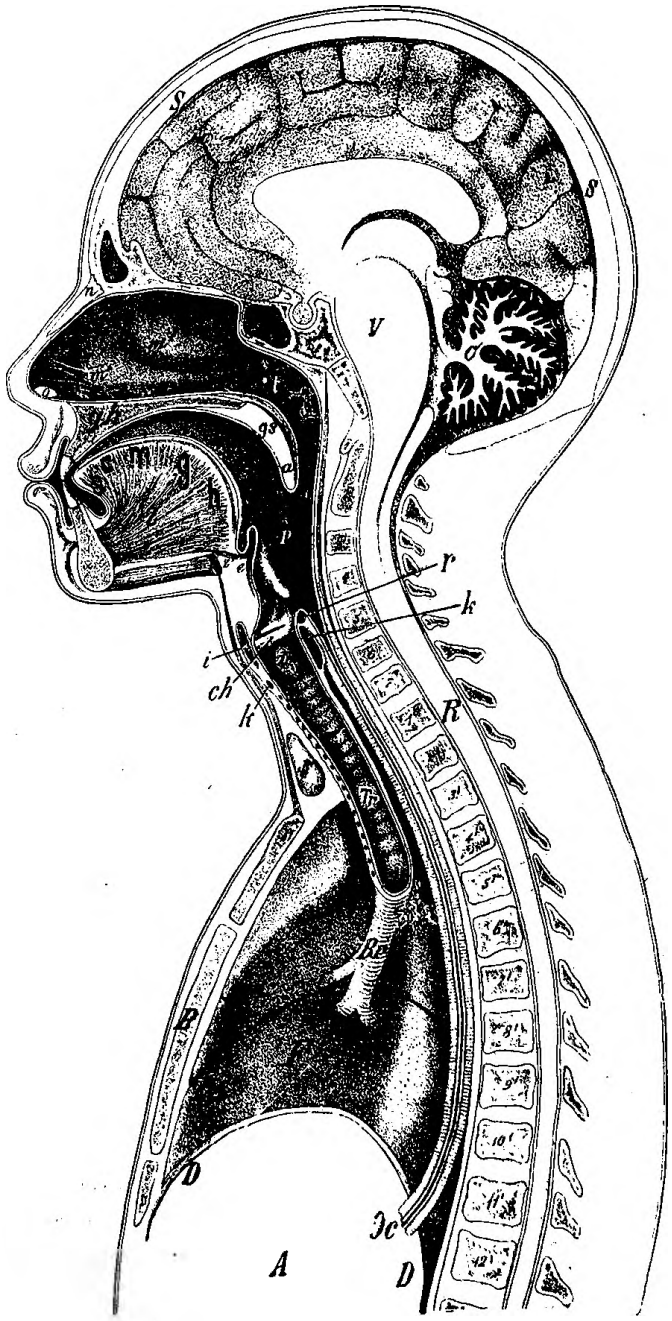
Легкія и функціи ихъ въ языкѣ.

Легкія (pulmones) прилегаютъ вплотную къ внутреннимъ стѣнкамъ грудной клѣтки и подпираются снизу выпуклой кверху *грудобрюшной преградой* (diaphragma), **D**, **D** рис. 23, отдѣляющей грудную полость отъ брюшной полости **A**.

Дыхательное горло (trachea) **Tr**, помѣщающееся впереди пищевода **Oc**, развѣтвляется внизу на двѣ бронхіальныя вѣтви, посредствомъ которыхъ оно сообщается съ правымъ и лѣвымъ легкими. На рис. 23 видна часть праваго легкаго **F** съ его бронхіальною вѣтвію **Br**. Вверху трахея заканчивается *гортанью* **L**. Воздухъ изъ легкихъ выходитъ наружу черезъ трахею, зѣвъ **P** и полость рта и полость носа.

Покойное вдыханіе производится автоматически расширеніемъ грудной полости посредствомъ поднятія реберъ дѣйствіемъ межреберныхъ мышцъ (преимущественно у женщинъ) и посредствомъ

Рис. 23.

одновременнаго опусканія поверхности грудобрюшной преграды вслѣдствіе сокращенія мышцъ ея (преимущественно у мужчинъ).

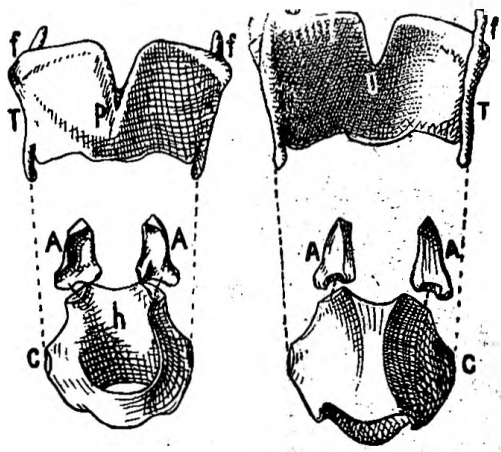
Выдыханіе производится посредствомъ ослабленія этихъ мышцъ, вслѣдствіе чего грудная клѣтка опускается собственной тяжестью, а грудобрюшная преграда, подпираемая внутренностями, подымается. Легкія образуютъ токъ воздуха, необходимый для производства звуковъ рѣчи, какъ накачивающій мѣхъ въ органѣ или фисгармоніи. При говореніи, благодаря дѣятельности мускуловъ, дыханіе регулируется такъ, что вдыханіе производится быстро, выдыханіе медленно, съ опредѣленной мѣняющейся силой (экспираторное удареніе).

Гортань и функціи ея въ языкѣ.

Гортань (larynx) **L**, рис. 23, составляетъ верхній конецъ дыхательнаго горла. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ подвижныхъ хрящей, связанныхъ между собой посредствомъ мускуловъ и слизистыхъ оболочекъ.

Основаніемъ гортани служитъ *перстневидный хрящъ* (cartilago cricoidea) **C**, рис. 24 I, имѣющій форму перстня, обращеннаго своей широкой частью **h** кзади (κρίκος—перстень). На рис. 24 II видны тѣ же хрящи, что въ рис. I, только съ задней стороны, т. е. если смотрѣть на нихъ со стороны затылка. Здѣсь широкая задняя часть перстневиднаго хряща **C** закрываетъ отъ глаза переднюю часть его. На этой передней, узкой части его покоится *щитовидный хрящъ* (cartilago thyreoidea, θυρεός—щитъ) **T**. На обоихъ рисункахъ щитовидный хрящъ поднятъ кверху, чтобы онъ не мѣшалъ видѣть остальныя части на рисункѣ I. Для приведенія щитовиднаго хряща въ естественное положеніе нужно опустить его по пунктирнымъ линіямъ до перстневиднаго хряща.

I Рис. 24. II

Щитовидный хрящъ **T** (на рис. I видъ спереди, рис. II сзади) состоитъ изъ двухъ хрящевыхъ стѣнокъ, которыя спереди соединены въ одно цѣлое. Уголъ соединенія **P** прощупывается пальцами и называется кадыкомъ или Адамовымъ яблокомъ. Кзади стѣнки расходятся, включая между своими задними частями широкую часть **h** перстневиднаго хряща, съ которой онѣ такимъ образомъ образуютъ одну хрящевую трубочку. Стѣнки щитовиднаго хряща заканчиваются двумя обращенными кверху отростками **f**, **f**, связанными посредствомъ мускуловъ съ подковообразной *подъязычной* костью (os hyoideum), главнымъ носителемъ гортани. На рис. 23 показана часть z¹ одной вѣтви подковообразной подъязычной кости.

На задней, широкой части перстневиднаго хряща, между выдающимися кверху стѣнками щитовиднаго хряща (на рис. 24 нужно представлять его себѣ опущеннымъ) находится съ каждой стороны по небольшому подвижному хрящику **A**, **A** съ треугольнымъ основаніемъ. Это такъ называемые *пирамидальные* или черпаловидные хрящики (cartilagines arytaenoideae, ἀρύταινα—лейка). Благодаря дѣйствію разныхъ мускуловъ черпаловидные хрящики могутъ сближаться и удаляться другъ отъ друга, могутъ нѣсколько перемѣщаться внутрь и наружу и до извѣстной степени вращаться около своей вертикальной оси.

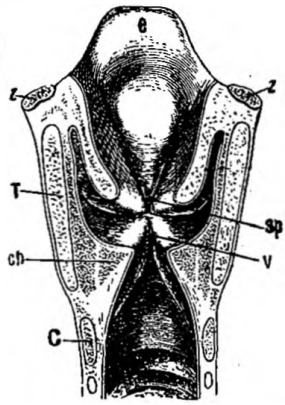
Съ выдающагося во внутрь угла основанія (processus vocalis) каждаго пирамидальнаго хрящика протянуто горизонтально черезъ гортанную полость по связкѣ эластичныхъ мускуловъ, называемыхъ *голосовыми связками* (chordae vocales). Голосовыя связки своими противоположными, передними концами прикрѣплены рядомъ во внутреннемъ углу (**D** рис. II) кадыка. По бокамъ эти связки прикрѣплены къ обѣимъ стѣнкамъ щитовиднаго хряща.

Всѣ эти хрящи покрыты мускулами и слизистой оболочкой, такъ что образуютъ по внѣшнему взгляду одну трубку, внутри которой съ двухъ сторонъ вдаются мясистые выступы—голосовыя связки.

На рис. 25 посредствомъ вертикальнаго разрѣза удалена задняя половина гортани. **T** и аналогичная часть на правой сторонѣ представляютъ разрѣзы стѣнокъ щитовиднаго хряща. **C** на обѣихъ сторонахъ—разрѣзы перстневиднаго хряща. **ch** и соотвѣтствующая часть правой стороны — голосовыя связки. **z**, **z**

—разрѣзы вѣтвей подъязычной кости, къ которымъ прикрѣплены отростки щитовиднаго хряща. Отверстіе между голосовыми связками **v** называется *голосовой щелью* (glottis, glottis vera). Нѣсколько выше видны болѣе раздвинутые выступы, образующіе мало развитую *ложную голосовую щель* **sp** (glottis spuria), которая также до нѣкоторой степени съуживается, но производить звуковъ не можетъ. На рис. 23 видны тѣ же части въ вертикальномъ разрѣзѣ спереди кзади: ***i*** передняя стѣнка (кадыкъ) щитовиднаго хряща; ***k***,***k*** разрѣзы перстневиднаго хряща (въ рисункѣ передняя часть перстневиднаго хряща ***k*** показана слишкомъ далеко отъ щитовиднаго хряща ***i***); **ch** правая голосовая связка.

Рис. 25.

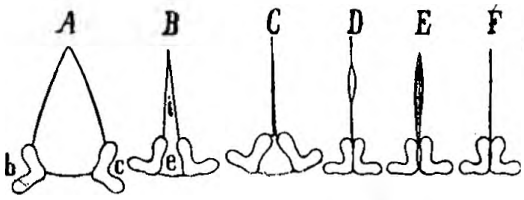

Щитовидный хрящъ можетъ вслѣдствіе дѣйствія извѣстныхъ мускуловъ наклоняться впередъ и такимъ образомъ напрягать прикрѣпленныя къ нему голосовыя связки. Эти движенія ясно прощупываются пальцами, если приложить ихъ къ наружной сторонѣ щитовиднаго хряща и производить поперемѣнно высокій и низкій звукъ голоса. При этомъ замѣчается еще поднятіе гортани, о которомъ будетъ сказано ниже. Кромѣ того, вслѣдствіе подвижности пирамидальныхъ хрящиковъ и дѣйствія прикрѣпленныхъ къ нимъ мышцъ, является возможность оттягивать пирамидальные хрящики назадъ (при наклоненіи щитовиднаго хряща впередъ) и такимъ образомъ натягивать сильнѣе голосовыя связки. Въ связи съ этимъ повышается музыкальная высота издаваемаго ими звука.

Вслѣдствіе той же подвижности пирамидальныхъ хрящиковъ можно сближать голосовыя связки между собой до полнаго прикосновенія и закрывать такимъ образомъ проходъ въ дыхательное горло, или, наоборотъ, расширять голосовую щель такъ, что воздухъ проходитъ безпрепятственно, и т. д. На рис. 26 показаны схематически разныя положенія голосовыхъ связокъ, вызванныя главнымъ образомъ разными положеніями пирамидальныхъ хрящиковъ, къ основаніямъ (**b**, **c** рис. 26) которыхъ связки прикрѣплены. **F** показываетъ положеніе при полномъ закрытіи гортани, вызванное прижатіемъ пирамидальныхъ хрящиковъ другъ

къ другу. Полное раскрытіе гортани производится удаленіемъ другъ отъ друга пирамидальныхъ хрящиковъ и поворотомъ ихъ,

Рис. 26.

видимъ на рисункѣ **A**. Такое раскрытіе бываетъ при выдуваніи и нѣсколько меньше при свободномъ дыханіи.

Та часть голосовой щели, которая находится между голосовыми связками, называется голосовой щелью въ тѣсномъ смыслѣ или *связочной щелью* (*i*, рис. 26 *B*), въ противоположность *хрящевой щели* (e, рис. 26 *B*), находящейся между пирамидальными хрящиками. Благодаря подвижности пирамидальныхъ хрящиковъ можно открывать и закрывать обѣ щели одновременно, или ту или другую изъ нихъ (**C**, **D**, рис. 26).

Сверху гортань можетъ закрываться грушеобразнымъ хрящикомъ, прикрѣпленнымъ тонкимъ концомъ во внутреннемъ верхнемъ углу кадыка надъ голосовыми связками и называемымъ *надгортанникомъ* (epiglottis) (e, рис. 25 и рис. 23). Онъ находится обыкновенно въ болѣе или менѣе наклонномъ положеніи надъ гортанью. Его можно ощупать, опуская пальцы по задней спинкѣ языка въ зѣвъ. (При непривычкѣ нужна осторожность, чтобы не вызвать рвоты). При глотаніи надгортанникъ опускается и закрываетъ входъ въ дыхательное горло, такъ что пища скользитъ по его поверхности въ пищеводъ (см. рис. 23). Поэтому поперхиваются, когда во время глотанія говорятъ или смѣются.

Функціи гортани сводятся: 1) къ образованіи голоса т. е. музыкальнаго звука, и 2) къ образованію нѣкоторыхъ шумовъ. При производствѣ *голоса* голосовыя связки сближаются до прикосновенія. Надавливающимъ на нихъ снизу токомъ воздуха изъ легкихъ онѣ раздвигаются на мигъ, взрывомъ вырывается часть сжатаго воздуха, послѣ чего онѣ, благодаря своей эластичности, снова закрываются или просто сближаются, пока напоръ воздуха не раскроетъ ихъ опять (**E**, **Д**, рис. 26). Но не са-

ми эти ритмическія колебанія связокъ производятъ звуковыя волны. Онѣ лишь выпускаютъ залпами воздухъ, и эти толчки воздуха производятъ послѣдовательныя уплотненія и разрѣженія воздуха въ зѣвѣ. Изъ зѣва эти звуковыя волны передаются воздуху въ полости рта или носа и отсюда окружающему воздуху. Онѣ воспринимаются ухомъ въ видѣ музыкальнаго звука, называемаго голосомъ.

Эти вибраціи, т. е. очень быстрыя размыканія и смыканія голосовыхъ связокъ при звучаніи можно узнать осязательно, прикладывая пальцы къ дрожащему совмѣстно съ связками кадыку, или же слухомъ, затыкая пальцами оба уха. Въ послѣднемъ случаѣ слабый звукъ въ гортани отдается сильно въ ушахъ. Для опыта можно произносить попеременно *с* и *з*.

При производствѣ такъ называемыхъ *грудныхъ нотъ* участвуетъ вся голосовая щель (рис. 26, E) или обыкновенно только задняя половина связочной щели совмѣстно съ хрящевой щелью. При *фальцетѣ* (фистулѣ) или такъ называемыхъ *головныхъ* звукахъ колеблется лишь бо́льшая или меньшая сильно напряженная средняя часть голосовыхъ связокъ (D, рис. 26), для укороченія длины связокъ, а хрящевая щель закрыта. При этомъ колеблются лишь тонкіе края связокъ, могущія быстро двигаться, а болѣе отдаленныя отъ щели толстыя массы связокъ дѣлаются неподвижными напряженіемъ мускуловъ ихъ и отчасти опусканіемъ на нихъ ложныхъ голосовыхъ связокъ. Такими различными установками, слѣдовательно и различными способами колебаній голосовыхъ связокъ достигаются различные оттѣнки «головного» голоса.

Функціи голосовыхъ связокъ при производствѣ голоса можно выяснить себѣ посредствомъ простого прибора, состоящаго изъ деревянной трубочки, на конецъ которой надѣта коротенькая каучуковая трубочка съ тонкими стѣнками. Для этого можно пользоваться дѣтской игрушкой—пищалкой, срѣзавъ бо́льшую часть раздуваемаго резиноваго шара. Если двумя пальцами каждой руки растягивать край этой резиновой трубочки, такъ что обѣ стороны ложатся параллельно и соприкасаются, и дуть въ деревянную трубочку, то края эти приходятъ въ вибрацію, расходятся и снова приходятъ въ соприкосновеніе. Повышеніе звука получается какъ бо́льшимъ растяженіемъ, такъ и укороченіемъ колеблющихся частей краевъ. Относительно голосовыхъ связокъ надо еще имѣть въ виду, что по нѣкоторымъ наблюденіямъ онѣ напрягаются различными способами при производствѣ различныхъ гласныхъ.

Голосъ участвуетъ не только въ производствѣ гласныхъ, но и *звонкихъ* согласныхъ, называемыхъ поэтому именно звонкими, напр. *б*, *д*, *г*, *в*, *з*, *жс*, *i* (бога), *р*, *л*, *м*, *н*. При производствѣ *глухихъ* согласныхъ голосовыя связки не участвуютъ: голосовая щель широко раскрыта (какъ при **А** рис. 26 или собственно немного меньше) и воздухъ проходитъ безпрепятственно

черезъ гортань. Глухіе согласные русскаго языка: *п*, *т*, *к*, *ф*, *с*, *ш*, *х*, *ч*, *ц*. Отсюда видно, что наименованія «гласный» и «согласный» неточны, если понимать слово «гласный» въ смыслѣ «голосовой». И звонкіе согласные производятся съ голосомъ.

Кромѣ производства голоса голосовыя связки производятъ еще *шумы*. Нѣмецкое, латинское и пр. энергичное *h* и греческій spiritus asper частію гортанный фрикативный (спирантъ), производимый треніемъ тока воздуха о края полураскрытыхъ голосовыхъ связокъ, какъ въ рис. 26 **B**. Токъ воздуха слишкомъ слабъ, чтобы при такой большой щели привести края въ ритмическія колебанія. Сила этого гортаннаго шума можетъ быть различна въ зависимости отъ количества выдыхаемаго воздуха и степени съуженія щели.

Такой гортанный звукъ *h* бываетъ глухой или звонкій, хотя эти разновидности обыкновенно не различаются какъ два разныхъ звука, такъ какъ онѣ зависятъ обыкновенно отъ сосѣднихъ звуковъ. Исключительно звонкій *h* былъ напр. въ древнеиндійскомъ языкѣ и существуетъ рядомъ съ глухимъ *h* въ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ между гласными, напр. въ Freiheit, la honte. При производствѣ звонкаго *h* связочная щель производитъ голосъ, а раскрытая хрящевая щель производитъ въ то же время шумъ. См. рис. 26, C. Впрочемъ обыкновенно англійское, французское и большею частію нѣмецкое *h* лишь безголосный гласный, о чемъ ниже.

Въ гортани производятся еще другіе шумы, употребляемые какъ шумные согласные, о которыхъ будетъ сказано при обозрѣніи шумныхъ согласныхъ.

Голосъ вообще замѣняется гортаннымъ шумомъ, когда мы говоримъ *шепотомъ*. При шепотѣ, особенно когда мы стараемся произносить погромче, связочная щель (между голосовыми связками) обыкновенно закрыта, а раскрыта только хрящевая щель (между пирамидальными хрящиками), какъ показано на рис. 26 **C**. Это уменьшеніе отверстія даетъ возможность производить небольшимъ токомъ сильный шумъ. При слабомъ шепотѣ вся голосовая щель нѣсколько раскрыта (**B** рис 26) и шумъ производится треніемъ тока главнымъ образомъ о края голосовой щели. Въ шепотѣ наблюдаются большія индивидуальныя разнообразія.

Казалось бы, что при шепотѣ различіе между глухими и (звонкими согласными должно исчезать. Но дѣло въ томъ, что обыкновенно звонкіе согласные производятся съ меньшей *силой* такъ всегда въ русскомъ языкѣ), такъ какъ шумъ, сопровож-

даемый голосомъ, и при меньшей энергіи слышнѣе, чѣмъ глухой шумъ; кромѣ того звучащія связки задерживаютъ токъ воздуха и потому дыхательный аппаратъ привыкъ испускать при звонкихъ согласныхъ меньше воздуха. Это различіе въ энергіи сохраняется и при шепотѣ, вслѣдствіе чего напр. шепотные русскіе *с*, *т*, *к* и пр. отличаются отъ шепотныхъ *з*, *д*, *г*, какъ сильные отъ слабыхъ. Впрочемъ бываютъ и слабые глухіе согласные, напр. въ нѣмецкихъ діалектахъ.

Можно говорить еще такимъ самымъ слабымъ шепотомъ, при которомъ въ раскрытой голосовой щели не производится никакого шума, а дыханіе производитъ лишь характерный шумъ гласныхъ и согласныхъ въ ротовой полости. Такіе гласные отличаются отъ настоящихъ гласныхъ лишь отсутствіемъ голоса, почему называются глухими или *безголосными гласными*. Такіе гласные употребляются и въ обыкновенной рѣчи и въ орѳографіяхъ частію обозначаются безъ различія качества посредствомъ *h* (напр. въ нѣмецкихъ haben, hob и пр., посредствомъ spiritus lenis въ греческомъ, въ санскритскомъ языкѣ visarga), частію совсѣмъ не обозначаются и понимаются какъ придыхательный приступъ къ гласнымъ или придыхательный отступъ отъ нихъ (см. § 15).

При производствѣ низкихъ звуковъ голоса гортань опускается, при высокихъ поднимается, въ чемъ можно убѣдиться, прилагая неподвижно сложенные концы пальцевъ къ гортани и прижимая локоть къ груди, чтобы пальцы не измѣняли своего положенія, такъ что они могутъ служить мѣркою высоты гортани. Съ другой стороны, въ виду мышечной связи щитовиднаго хрящика съ языкомъ, гортань нѣсколько подымается, когда языкъ подается впередъ, и опускается, когда языкъ отодвигается назадъ, что видно на рис. 27 изъ сравненія положенія гортани при *і* и *и* (*у*).

Поэтому трудно пѣть или произносить звукъ *и* (русскій *у*) на самыхъ высокихъ нотахъ, и звукъ *і* на самыхъ низкихъ нотахъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ языкъ долженъ слишкомъ сближаться съ гортанью (языкъ отодвинутъ назадъ для производства *и*, а гортань поднята), а во второмъ случаѣ языкъ долженъ слишкомъ расходиться съ гортанью (языкъ долженъ выдвинуться впередъ для производства *і*, а гортань опускается внизъ). Поэтому приходится при самомъ высокомъ *и* (*у*) или нѣсколько подвинуть языкъ впередъ и этимъ искажать гласный, или, сохраняя его качество, опустить нѣсколько гортань и понизить звукъ го-

лоса. Эти обстоятельства обнаруживаются практически въ пѣніи. При *і* наоборотъ. Этимъ же объясняется, почему при повышеніи голоса (при музыкальномъ удареніи) мѣсто артикуляціи языка стремится передвинуться впередъ.

Полость рта и функціи ея въ языкѣ.

Пространство надъ гортанью называется *зѣвомъ* (pharynx, **P** рис. 23). Оно сообщается съ полостью рта, и нѣсколько выше — съ полостью носа. *Полость рта* находится между верхней, неподвижной и нижней, подвижной челюстями. Эта область доступна глазу, при самонаблюденіи пользуются зеркаломъ. Мы различаемъ въ ней съ нижней стороны: *языкъ* **z**, рис. 23, *нижніе зубы* съ ихъ деснами, *нижнюю губу*, а съ верхней стороны: *верхнюю губу*, *верхніе зубы*, *верхнія десны* или *альвеоли* (alveoli), *твердое небо* (palatum) **gh**, *мягкое небо* (velum palati, значитъ собственно «парусъ неба») **gs**, кончающееся *язычкомъ* (uvula) ***a***, рис. 23. Границу между твердымъ и мягкимъ небомъ легко опредѣлить проводя пальцемъ по потолку рта. Если произносить попеременно *a* и французское *en* т. е. носовое ą, то въ зеркало видно, какъ мягкое небо подымается и опускается.

Сзади мягкое небо кончается двумя дугообразными мускулами, похожими на арки: *передней поднебной дугой* (arcus glossopalatinus) и *заднею поднебной дугой* (arcus pharyngopalatinus), являющейся концомъ мягкаго неба со стороны зѣва. Между обѣими дугами по бокамъ находятся *гланды* (tonsillae), а сверху между ними виситъ язычекъ (uvula). Всѣ эти части видны при помощи зеркала, если раскрыть широко ротъ и опустить языкъ, произнося *a*. На рисункѣ ихъ не видно.

При приподнятомъ мягкомъ небѣ и прижатомъ внизъ языкѣ (напр. при произношеніи *a*) въ глубинѣ ротовой полости видна черезъ заднюю поднебную дугу *задняя стѣнка зѣва*.

Въ языкѣ мы различаемъ *кончикъ* языка и *передній край* или лезвіе языка, въ которомъ сходятся *верхняя спинка* языка съ *нижней спинкой* **s**, рис. 23. Часть верхней спинки языка, прилегающая къ переднему краю, называется *передней спинкой* языка **c**, рис. 23. Далѣе идетъ *средняя спинка* языка ***m***, принимающая часто нѣсколько вогнутое положеніе, и *задняя спинка* ***g***, расположенная противъ мягкаго неба. Задняя отвѣсная стѣнка языка **h** называется *корнемъ* языка.

Полость рта является резонаторомъ (наставной трубой) по отношенію къ звукамъ голоса, производимымъ въ гортани. Но эта роль ея несущественна. Главное значеніе ея въ томъ, что въ ней производятся самостоятельные *шумы* съ разнымъ составомъ (тембромъ), которые примѣшиваются къ гортаннымъ звукамъ, если послѣдніе производятся одновременно. Качество этихъ шумовъ полости рта зависитъ отъ формы, которая придается этой полости.

При производствѣ такъ называемыхъ *шумныхъ* согласныхъ въ той или другой части полости рта образуется *преграда* выдыхаемому току воздуха, въ видѣ *тѣснины* т. е. узкой щели, напр. при *с*, *з*, *ш*, *х*, *ж*, *ф* и пр., или въ видѣ полнаго *затвора*, напр. при *т*, *п*, *б*, *к* и пр. За этой преградой образуется напоръ воздуха, который вслѣдствіе этого, вырываясь стремительнымъ потокомъ, трется въ мѣстахъ этой преграды и разбивается противъ другихъ препятствій (преградъ) на своемъ дальнѣйшемъ пути. Этимъ производится сильный *шумъ тренія*, какъ шумъ водопада и пороговъ, характеризующій шумные звуки. При этомъ качество шума зависитъ не только отъ того, какими частями рта образуются преграды, но и отъ того, какое положеніе принимаютъ другія части полости рта, которыя непосредственно не участвуютъ въ образованіи преградъ, но образуютъ стѣнки и слѣдовательно обусловливаютъ форму резонатора рта. Поэтому мы отличаемъ ухомъ не только *к* отъ *т*, *п* и пр., но и *п*, *т* и пр. твердые отъ *п*, *т* мягкихъ, напр. въ «потъ» и «пѣть», при которыхъ преграды почти одинаковы.

При производствѣ *сонорныхъ* звуковъ—за исключеніемъ носовыхъ, т. е. гласныхъ и плавныхъ *л*, *р*, въ той или другой части рта можетъ образоваться *съуженіе*, при которомъ однако всегда остается болѣе широкое отверстіе для прохода воздуха, чѣмъ при шумныхъ звукахъ, вслѣдствіе чего при нихъ не образуется напора и сильнаго тренія о преграды, производящаго сильный шумъ. При нихъ сравнительно медленный, слабый токъ возбуждаетъ лишь *собственный шумъ*, свойственный данной формѣ полости рта, который настолько слабъ, что при голосѣ его не слышно въ отдѣльности. Поэтому такіе звуки называются сонорными. Но и въ нихъ вся суть въ этихъ шумахъ, придающихъ голосу тембръ, характеризующій *а*, *е*, *л* и пр. Носовые сонор-

ные образуются такъ же, только при нихъ ротовой затворъ и свободный выходъ воздуху черезъ носовую полость.

Измѣненіе величины и формы полости рта производится измѣненіемъ взаимнаго положенія подвижныхъ частей ея, прикрѣпленныхъ къ челюстямъ, а именно губъ, мягкаго неба и языка, и кромѣ того раздвиженіемъ нижней челюсти.

Что касается *губъ*, то онѣ или остаются въ *индифферентномъ* положеніи, какъ при *а*, или онѣ по возможности *устраняются* тѣмъ, что губная щель удлиняется и вообще губы сторонятся отъ прохода въ ротъ, прижимаясь къ зубамъ такъ, что отверстіе рта образуется непосредственно зубами, напр. при *і*; или же губы участвуютъ активно, производятъ *лабіализацію*, т. е. складываются такъ, что между ними остается маленькое почти круглое отверстіе (*округленіе губъ*), причемъ онѣ нѣсколько *вытягиваются* впередъ. При *и* (русск. *у* напр. въ «худо») большее округленіе и большее вытягиваніе губъ впередъ, чѣмъ при *о* (напр. въ «холодъ»), т. е. *и* имѣетъ болѣе сильную лабіализацію. Вытягиваніе губъ впередъ удлиняетъ резонаторъ, а округленіе уменьшаетъ его отверстіе.

Мускулы, образующіе *языкъ*, имѣютъ разныя направленія, вслѣдствіе чего можно измѣнять положеніе и форму разныхъ частей языка. Одни подвигаютъ его впередъ, другіе внизъ и назадъ, третьи приподымаютъ кончикъ, ту или другую часть спинки и т. д. Языкъ главный органъ измѣненія формы полости рта, въ виду чего его движенія удобнѣе разсматривать въ связи съ отдѣльными звуками.

Раздвиженіе *нижней челюсти* служитъ для удаленія всѣхъ прикрѣпленныхъ къ ней частей, т. е. нижнихъ зубовъ, нижней губы и языка, отъ верхнихъ частей полости рта, вслѣдствіе чего разширяется полость рта.

О движеніяхъ *мягкаго неба* будетъ сказано ниже.

Носовая полость и функціи ея въ языкѣ.

Носовая полость помѣщается надъ твердымъ и мягкимъ небомъ и окружена костяными стѣнками, только спереди снаружи хрящами, являющимися продолженіемъ носовой кости ***n***, рис. 23. Вся носовая полость раздѣляется вертикальной перегородкой на двѣ раздѣльныя половинки. Наружные входы въ нихъ называются ноздрями (**o**, рис. 23), внутренніе—хоанами (choanae). На

рис. 23 ***m***, ***m***^{1}, ***m***^{2} представляютъ мягкіе неподвижные выступы стѣнки (носовыя раковины) въ правую носовую полость. Въ задней боковой стѣнкѣ ея показанъ входъ въ Евстафіеву трубу **t**, идущую къ барабанной полости праваго уха (стр. 135).

Носовая полость не измѣняетъ своей формы, такъ что вопросъ только въ томъ, участвуетъ ли носовая полость въ производствѣ звука какъ резонаторъ, или проходъ къ ней закрытъ мягкимъ небомъ, какъ при *а*, *е*, *к*, *с* и пр. Въ послѣднемъ случаѣ мягкое небо отодвигается назадъ и кверху и прижимается нижнимъ краемъ къ задней стѣнкѣ зѣва, которая нѣсколько выдвигается ему навстрѣчу въ мѣстѣ соприкосновенія. Это положеніе мягкаго неба видно при производствѣ чистаго *а*.

Обыкновенно когда мы не говоримъ, т. е. при индифферентномъ положеніи, мягкое небо виситъ между задней спинкой языка и задней стѣнкой зѣва, не касаясь ихъ (какъ на рисункѣ), вслѣдствіе чего мы дышемъ при открытомъ ртѣ одновременно черезъ носъ и ротъ. Съ открытою носовою полостью производятся носовые согласные, какъ *м*, *н*, и назалированные гласные, какъ въ французскомъ ąfą̃ (enfin). Участіе носовой полости называется *назализаціей*. При носовыхъ согласныхъ производится въ томъ или другомъ мѣстѣ рта затворъ, а при назалированныхъ гласныхъ полость рта также открыта.

На рис. 23 видны еще нѣкоторыя другія части головы и верхняго туловища: **S—S** кость черепа, **R** спинной мозгъ, переходящій въ продолговатый мозгъ **V**, **B** грудная кость, **1—7** шейные позвонки, 1^1—12^1 грудные позвонки, къ которымъ прикрѣплены ребра съ двухъ сторонъ.

Изслѣдованіе движеній органовъ рѣчи посредствомъ приборовъ. (Экспериментальная Фонетика въ области физіологіи рѣчи).

Движенія и положенія нѣкоторыхъ органовъ рѣчи при производствѣ звуковъ можно наблюдать непосредственно глазомъ. Такъ, при открытыхъ губахъ можно видѣть часть передней ротовой полости. Глазу доступно вообще движеніе губъ, челюсти, отчасти гортани и реберъ. При самонаблюденіи пользуются зеркаломъ.

Серьезное затрудненіе составляетъ при этомъ потѣніе зеркала отъ выдыханія. Я съ полнымъ успѣхомъ устраняю потѣніе тѣмъ, что провожу нѣсколько разъ по зеркалу особымъ карандашомъ и затѣмъ вытираю зеркало дочиста. Послѣ этого зеркало не потѣетъ въ теченіе недѣли и больше. Такіе карандаши находятся въ продажѣ и предназначены для

очковъ, противъ потѣнія ихъ особенно на охотѣ. Разумѣется, это же средство примѣняется къ лупѣ и къ гортанному зеркалу, и вѣроятно оно пригодно для микроскопа.

Чтобы выяснить себѣ положеніе и форму языка и образуемыхъ между нимъ и другими частями резонаторовъ, можно, по установкѣ языка для артикуляціи извѣстнаго звука, просунутымъ спереди или сбоку пальцемъ или тоненькой палочкой и пр. ощупывать эти части. Кромѣ того форму языка можно видѣть, если послѣ установки его для производства извѣстнаго звука широко раскрыть ротъ, не измѣняя формы языка, который такимъ образомъ неподвижно опускается вмѣстѣ съ нижней челюстью. Послѣ нѣкоторыхъ упражненій это удается. Форму передняго резонатора можно съ удобствомъ наблюдать при помощи маленькаго зеркальца, вводимаго въ ротъ такъ, чтобы оно отражало нужныя части въ другомъ зеркалѣ.

Въ виду быстроты движеній органовъ рѣчи наблюденія глазомъ не даютъ точныхъ результатовъ. Для болѣе точныхъ изслѣдованій движеній органовъ рѣчи, особенно тѣхъ, которыя недоступны глазу, употребляются приборы, регистрирующіе движенія. Укажу на главные изъ нихъ.

Для регистраціи движеній органовъ рѣчи имѣетъ широкое примѣненіе регистрирующій аппаратъ (кимографъ, enregistreur), описанный на стр. 130. Для этого съ записывающимъ барабанчикомъ (inscripteur) приводится въ связь, посредствомъ каучуковой трубки *m*, такъ называемый изслѣдователь (explorateur). Изслѣдователь бываетъ разнаго устройства, смотря по тому, какія движенія и какого органа изслѣдуются. Его назначеніе состоитъ въ превращеніи движенія изслѣдуемаго органа въ токъ воздуха, количество котораго соотвѣтствуетъ величинѣ движенія. Съ этой цѣлью онъ является напр. въ видѣ маленькаго пустого эластичнаго резиноваго шарика (ампуллы) разной формы, способнаго легко сжиматься. По мѣрѣ сжатія его выдавливаемый изъ него воздухъ проходитъ черезъ вплотную прикрѣпленную къ нему резиновую трубку въ записывающій барабанчикъ, выпячиваетъ его перепонку и производитъ отклоненіе кривой въ ту же сторону. Такой шарикъ вставляется напр. между языкомъ и небомъ, между губами и пр., и по мѣрѣ уменьшенія отверстія губъ записывающій рычагъ все больше отклоняется въ сторону, такъ что кривая на вращающемся цилиндрѣ опредѣляетъ степень съуженія губного отверстія въ любой моментъ производства звука, въ которомъ участвуютъ губы. Точно такъ же регистрируются движенія разныхъ частей языка и пр. При надобности вмѣсто ампуллы употребляется маленькій барабанъ или камера, одна сторона которой обтянута эластичной перепонкой, которая или непосредственно приставляется къ изслѣдуемому органу, или, при недоступности его, посредствомъ палочки, рычага и пр.

Для записыванія *выдыханія* при рѣчи употребляется между прочимъ пневмографъ (πνεῦμα—дыханіе, γράφω—пишу), поясъ на высотѣ груди или живота, къ которому изслѣдующій барабанъ придѣланъ такъ, что при каждомъ растяженіи грудной клѣтки или живота соотвѣтственно вдавливается перепонка барабана изслѣдователя, отъ котораго эти

движенія передаются указаннымъ путемъ записывающему барабанчику. Лучше одновременно записывать при помощи двухъ пневмографовъ дыхательныя движенія живота и груди.

Для опредѣленія непосредственно количества выдыхаемаго воздуха, напр. при опредѣленіи силы звуковъ, воздухъ собирается въ воронку, приставленную вплотную ко рту, по обстоятельствамъ и посредствомъ оливокъ, вставленныхъ въ ноздри, и отсюда проводится посредствомъ каучуковой трубы къ записывающему барабану кимографа или къ особому прибору (indicateur), въ которомъ длинный рычажекъ барабана указызываетъ на шкалѣ, снабженной цифрами, степень выпячиванія перепонки. Для этой же цѣли употребляется водяной манометръ, состоящій изъ двухъ сообщающихся открытыхъ стеклянныхъ трубокъ. Давленіе выдыхаемаго воздуха на окрашенную воду въ одной трубкѣ подымаетъ ее въ другой, по шкалѣ которой узнается число миллиметровъ поднятія.

При изслѣдованіи движеній *гортани* изслѣдующій барабанъ прикрѣпляется къ шеѣ и груди такъ, что рычагъ, упирающійся однимъ концомъ въ кадыкъ и получающій отъ него движенія вверхъ и внизъ, или впередъ и назадъ, или же вибраціи отъ колебаній голосовыхъ связокъ, смотря по тому, какія движенія изслѣдуются, другимъ концомъ передаетъ эти движенія перепонкѣ изслѣдующаго барабана.

Подобнымъ же образомъ записываются движенія *нижней челюсти*, причемъ рычагъ изслѣдующаго барабана, прикрѣпленнаго неподвижно къ груди, упирается снизу въ челюсть.

При изслѣдованіи движеній *губъ* приставляемая къ нимъ перепонка изслѣдующаго барабана отмѣчаетъ вытягиваніе губъ впередъ; а поставленные между губами подвижные рычаги сжимаютъ находящійся между ними барабанъ и такимъ образомъ отмѣчаютъ измѣненія въ ширинѣ губной щели. Вмѣсто рычага ставится и ампулла между губами, прикрѣпленная къ внутренней сторонѣ воронки, собирающей звуковыя волны изо рта.

Движенія *мягкаго неба* проводятся къ изслѣдующему барабану посредствомъ рычага, огибающаго своими двумя длинными вѣтвями съ двухъ сторонъ языкъ и упирающагося позади въ мягкое небо. Впрочемъ движенія мягкаго неба опредѣляются и косвеннно, когда вопросъ въ томъ, закрыта ли носовая полость, или открыта и насколько: если отъ вставленной въ ноздрю оловки получаются колебанія записывающаго рычажка, то это свидѣтельствуетъ о соотвѣтствующемъ открытіи входа въ носовую полость, пропускающемъ токъ воздуха.

Движенія *языка* изслѣдуются посредствомъ ампуллъ, вставляемыхъ между нимъ и неподвижными частями рта, и пр.

Видимыя движенія *губъ* и челюсти можно фотографировать посредствомъ послѣдовательныхъ моментальныхъ снимковъ кинематографіи (κινέω—двигаю, κίνημα, множ. ч. κινήματα—движеніе).

Движенія разныхъ органовъ можно записывать одновременно рядомъ на вращающемся цилиндрѣ кимографа, присоединяя сюда еще кривую *звуковыхъ волнъ*, происходящихъ при содѣйствіи этихъ движеній и собираемыхъ изо рта и носа. При такой сложной записи обнаруживается

въ точности временное соотношеніе между движеніями разныхъ органовъ и вліяніе этихъ движеній на характеръ и составъ производимаго звука. Для такой записи на горизонтальной вѣтви о штатива d, рис. 19, привинчиваются рядомъ нѣсколько записывающихъ барабановъ. Запись производится только въ одинъ оборотъ цилиндра. При большей длинѣ записи необходимо записывать на безконечной бумагѣ (см. стр. 131).

Даже Рентгеновскіе лучи примѣнялись къ изслѣдованію движеній невидимыхъ органовъ рѣчи.

Крайне важно выяснить себѣ въ точности разныя положенія *языка* относительно нёба. Для регистраціи ихъ уже давно употребляется способъ окрашиванія нёба или языка. Для этого насухо вытертое небо или языкъ покрывается мукой, карминомъ, тушью или другой краской. Языкъ, производя движеніе, необходимое для того или другого звука, снимаетъ въ мѣстахъ прикосновенія краску съ неба (или же въ этихъ мѣстахъ краска пристаетъ отъ языка къ нёбу, если окрашивался языкъ). Оставшійся слѣдъ прикосновенія языка можно срисовать или сфотографировать при помощи вставленнаго въ ротъ зеркальца. Такія изображенія называются *стоматоскопическими* (στόμα, род. пад. στόματος — ротъ, σκοπεῖν—высматривать, смотрѣть) или *палатограммами*. Эти способы сложны и затруднительны.

Въ настоящее время такія палатограммы дѣлаются съ большимъ удобствомъ и легкостью при помощи *искусственнаго неба*. Искусственное небо приготовляется въ лабораторіи Руссело такъ: Особой лопаткой вводятъ въ ротъ нагрѣтый кусокъ годивы (стента, употребляемаго дантистами для той же цѣли) достаточной величины и прижимаютъ его къ твердому небу. Когда полученный такимъ образомъ точный отпечатокъ или модель неба даннаго лица остынетъ, отливаютъ на ней изъ алебастра форму этого неба, представляющую точную копію неба, десенъ и зубовъ. По совершенномъ отвердѣніи формы ее покрываютъ слоями ваты и спеціально для этого изобрѣтенной жидкостью, ураниномъ, которая быстро отвердѣваетъ. Полученное такимъ образомъ легкое и тонкое искусственное небо снимается съ формы и обрѣзывается по краямъ съ сохраненіемъ выступовъ между зубами. Прижатое вплотную къ твердому небу, оно держится въ этомъ положеніи, зацѣпляясь краями за зубы, и мало мѣшаетъ артикуляціямъ, представляя какъ бы тонкій черный чехолъ, вплотную покрывающій небо и десны. Передъ опытомъ поверхность искусственнаго неба покрывается бѣлой пудрой. При артикуляціи въ мѣстахъ касанія языка пудра смачивается языкомъ и темнѣетъ. Затѣмъ быстро вынимаютъ небо и обозначенныя болѣе темнымъ цвѣтомъ мѣста касанія языка обводятъ карандашомъ на заранѣе нарисованномъ на бумагѣ точномъ рисункѣ въ контурахъ этого неба. Для точности этой копіи въ небѣ проколота система мелкихъ дырочекъ, обозначенныхъ на бумагѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ точками. Эти дырочки и соотвѣтствующія точки служатъ вѣхами при копированіи на бумагѣ границъ касанія языка. Онѣ тѣмъ болѣе необходимы, что небо имѣетъ поверхность вогнутую, а бумага плоскую. Такія палатограммы помѣщены ниже рис. 28 и слѣд. съ

пропускомъ точекъ. Указанную алебастровую форму нёба можетъ изготовить и всякій дантистъ. Для продолжительнаго пользованія искусственное небо дѣлается изъ аллюминія.

Конечно, надо имѣть въ виду, что какъ бы точно ни были сдѣланы палатограммы и всякія кривыя, опредѣляющія движенія, онѣ всетаки не даютъ представленія ни о формѣ и величинѣ резонаторовъ, ни о томъ напр., какимъ образомъ образуется спеціальный шумъ въ шумныхъ согласныхъ. Они прибавляютъ лишь односторонніе дополнительныя, притомъ точныя данныя къ тому, что получается изъ наблюденія глазомъ, ощупываніемъ и осязательными ощущеніями. Въ виду большого индивидуальнаго разнообразія въ формѣ и степени выпуклости небнаго свода, которое скрывается при изображеніи на плоскости бумаги, палатограммы разныхъ лицъ, сами по себѣ точныя, могутъ представлять значительныя различія въ то время, когда въ общемъ величина и форма ихъ резонаторовъ и взаимное расположеніе существенныхъ для даннаго звука частей могутъ быть почти одинаковы. Кромѣ того для каждаго звука должно быть нѣсколько и даже много палатограммъ, такъ какъ въ зависимости отъ артикуляціи языка для сосѣднихъ, особенно послѣдующихъ звуковъ измѣняется и мѣсто касанія языка къ небу для даннаго звука.

Положенія *голосовыхъ связокъ* можно видѣть и фотографировать при помощи гортаннаго зеркала (ларингоскопа), маленькаго зеркальца, вставляемаго подъ угломъ въ 45 гр. въ полость зѣва и сильно освѣщаемаго рефлекторомъ. Его можно направить въ сторону гортани и въ сторону носовой полости. Такія зеркальца употребляются врачами при горловыхъ заболѣваніяхъ.

Противники экспериментальной фонетики видятъ слабую сторону ея въ томъ, что объектъ изслѣдованія ставится въ искусственныя условія: человѣкъ, произносящій въ воронку или съ привязанными къ горлу, губамъ и пр. приборами, произноситъ не совсѣмъ непринужденно и естественно. Конечно, въ этомъ отношеніи фонетикъ, наблюдающій посредствомъ уха и глаза, со стороны, свой объектъ, совершенно не подозрѣвающій о таковомъ наблюденіи, находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но подобныя наблюденія въ высшей степени неточны и неудовлетворительны. А съ другой стороны, искаженіе рѣчи вслѣдствіе примѣненія приборовъ гораздо меньше, чѣмъ можно было бы предполагать, обыкновенно не больше, чѣмъ передъ телефономъ. Кромѣ того объекту изслѣдованія обыкновенно не сообщаютъ о цѣли изслѣдованія; записи повторяются; производятся разностороннія изслѣдованія, что позволяетъ контролировать и вносить коррективы; наконецъ, непосредственное наблюденіе ухомъ и глазомъ не устраняется, а лишь дополняется экспериментальной фонетикой. Множество мелкихъ но очень существенныхъ условій производства звуковъ, совершенно ускользающихъ отъ невооруженнаго наблюдателя, могутъ быть подмѣчены и въ точности опредѣлены только при помощи экспериментальной фонетики, къ которой такимъ образомъ переходитъ окончательное и точное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ физіологіи рѣчи.

§ 5. Физіологическая классификація гласныхъ.

Гласные могутъ быть назалированными, какъ напр. въ французскомъ enfin, и неназалированными или *чистыми*, какъ всѣ русскіе гласные. При производствѣ чистыхъ гласныхъ мягкое нёбо своимъ заднимъ нижнимъ краемъ упирается въ заднюю стѣнку зѣва и такимъ образомъ загораживаетъ входъ въ носовую полость звучащему току воздуха, который вслѣдствіе этого изъ гортани направляется только въ полость рта. Здѣсь онъ получаетъ ту окраску или тембръ отъ примѣшивающихся къ нему собственныхъ шумовъ рта, благодаря которымъ мы различаемъ *а* отъ *е*, *і* отъ *о* и пр. Различія въ составѣ этихъ ротовыхъ *шумовъ* или точнѣе *собственныхъ шумовъ* полости рта, обусловливающія различія въ тембрѣ гласныхъ, зависятъ отъ формы полости рта, т. е. отъ укладки ея подвижныхъ частей, съ которой поэтому необходимо ознакомиться.

Всѣ разнообразія въ положеніи *языка* относительно неба при образованіи гласныхъ можно свести огульно, по примѣру англійскихъ фонетиковъ, къ тремъ вертикальнымъ и тремъ горизонтальнымъ положеніямъ. По этимъ девяти положеніямъ языка производится обыкновенно въ настоящее время физіологическая классификація гласныхъ, которая схематична, но очень замаскируетъ настоящее положеніе дѣла.

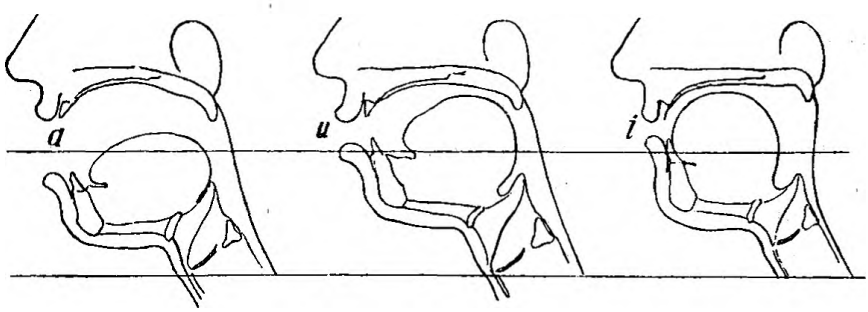
Въ горизонтальномъ направленіи гласные дѣлятся на *твердонёбные*, *средненёбные* и *мягконёбные* гласные, которые называются также гласными *передняго*, *средняго* и *задняго ряда*, смотря по тому, подымается ли при образованіи ихъ соотвѣтствующ я часть спинки языка по направленію къ твердому небу, какъ при *і*, или къ мѣсту соединенія твердаго съ мягкимъ небомъ, какъ при *ы*, или къ мягкому небу, какъ при *о*.

Въ вертикальномъ направленіи, т. е. въ зависимости отъ степени приближенія спинки языка къ нёбу, различаются *низкое*, *среднее* и *высокое положеніе* языка. Вмѣстѣ съ языкомъ поднимается и нижняя челюсть. Поэтому эти три вертикальныя положенія можно опредѣлять по степени раскрытія рта (по величинѣ угла челюстей). Безъ приборовъ эти положенія можно мѣрить пальцами такъ. Указательный палецъ прижимается неподвижно къ верхней губѣ подъ носомъ, а большой палецъ прижимается снизу къ подбородку. Тогда ясно чувствуется,

что при *a* пальцы наиболѣе раздвинуты, т. е. нижняя челюсть наиболѣе опущена (низкое положеніе челюсти—*a* низкій гласный), при *e* и *o* челюсть болѣе поднята (средніе гласные), а при *i* и *u* (*y*) самое высокое положеніе языка и челюсти (высокіе гласные).

Мы увидимъ далѣе, что суть не въ томъ, какая часть спинки языка, и насколько, поднимается къ небу, а въ томъ, какую *величину* и *форму* получаетъ резонирующая полость рта вслѣдствіе такого подъема. Но въ виду того, что подъемы спинки языка доступны наблюденію и что эта классификація общепринята, я удерживаю ее здѣсь. Изъ сказаннаго уже ясно, что при этой классификаціи нужно одновременно считаться съ положеніемъ другихъ подвижныхъ частей полости рта, губъ и мягкаго неба, такъ какъ и онѣ измѣняютъ форму полости рта. О нихъ будетъ сказано ниже.

Рис. 27.

На рис. 27 показано въ разрѣзѣ приблизительное положеніе языка при производствѣ гласныхъ *a*, *u* (*y*), *i*. По пересѣкающимъ эти изображенія двумъ параллельнымъ линіямъ можно судить о различіи между низкимъ (при *a*) и высокимъ (при *i* и *u*) положеніями языка и челюсти. Какъ видно, при *i* и *u* языкъ одинаково высоко поднятъ. Различіе между ними въ томъ, что при *i* языкъ поднятъ впередъ къ твердому небу, такъ какъ *i* есть типичный представитель гласныхъ твердонебныхъ или гласныхъ передняго ряда; а при *u* (*y*) языкъ поднятъ назадъ къ мягкому небу, такъ какъ *u* принадлежитъ къ мягконебнымъ гласнымъ или гласнымъ задняго ряда. Нижніе зубы при обоихъ гласныхъ на одинаковой высотѣ, въ отличіе отъ *a*.

Твердонебные (палатальные) гласные.

Если раскрыть широко ротъ и передвинуть языкъ изъ индифферентнаго положенія немного впередъ и пустить звучащій токъ воздуха, то получается гласный *ä*, напр. въ «вялый», который поэтому называется *низкимъ твердонебнымъ* (или палатальнымъ, передненёбнымъ, *переднеязычнымъ*) гласнымъ или низкимъ гласнымъ передняго ряда. Онъ обозначается также посредствомъ a^e т. е. *а* склоннаго къ *е*.

Приподымыя среднюю спинку языка близко къ заднему твердому нёбу, т. е. передвигая среднюю и переднюю спинку нѣсколько выше (вмѣстѣ съ челюстью) и одновременно нѣсколько впередъ, мы получаемъ среднее твердонёбное положеніе языка, дающее *средній твердонёбный* (палатальный, переднеязычный) гласный *е*.

Приблизивъ среднюю и переднюю спинку языка возможно ближе къ переднему твердому небу, чтобы однако между языкомъ и переднимъ небомъ съ передней десной оставалась достаточно широкая щель для прохода воздуха безъ шума, мы получаемъ высокое твердонёбное положеніе языка, дающее гласный *і—высокій твердонебный* или палатальный гласный (см. ниже таблицу гласныхъ). Положеніе языка при *і* видно на рис. 27. При *е* разстояніе языка и нижней челюсти отъ десенъ больше. Необходимо тщательно изслѣдовать и запомнить эти положенія языка при производствѣ этихъ звуковъ. *При чтеніи физіологіи рѣчи не нужно выпускать зеркало изъ рукъ.* Кромѣ обыкновеннаго зеркала нуженъ еще узкій кусокъ зеркала, вставляемый при надобности въ ротъ.

Конечно, въ этомъ переднемъ рядѣ, отъ широкаго *ä* до *і*, можно различать еще множество промежуточныхъ гласныхъ, которые можно опредѣлить какъ узкое *ä* (напр. въ «вялить»), широкое *е* (напр. «вѣдать», «это»), узкое *е* (напр. въ «вѣдь», «эти»), широкое *і* (напр. въ «ива», «искать»), узкое *і* (напр. въ «ивѣ») «кисть»), между которыми можно дѣлать еще болѣе мелкія различія по величинѣ передняго резонатора. Въ орѳографіяхъ эти различія въ звукахъ обыкновенно не различаются въ буквахъ.

О положеніи языка относительно неба и десенъ и объ образуемыхъ между ними резонаторахъ при производствѣ гласныхъ *і* и *е* можно судить по помѣщеннымъ здѣсь палатограммамъ этихъ гласныхъ, рис. 28 и 29. Въ нихъ темнымъ цвѣтомъ обозначены мѣста касанія спинки языка къ твердому небу.

Эти палатограммы сдѣланы при помощи искусственнаго аллюминіеваго неба по способу Руссело (см. стр. 155). Своими вырѣзанными боковыми краями это небо сцѣпляется съ каждой стороны за 4 коренныхъ зуба (4, 5, 6, 7, рис. 28), не доходя до пятаго (8). Передній край искусственнаго неба покрываетъ большую часть внутренней поверхности переднихъ зубовъ, т. е. четырехъ рѣзцовъ (1, 2) и двухъ клыковъ (3, рис. 28), вслѣдствіе чего на палатограммахъ контуры около переднихъ зубовъ, шире, чѣмъ около коренныхъ зубовъ, а мѣста переднихъ зубовъ мало вырѣзаны въ искусственномъ небѣ, вслѣдствіе отсутствія промежутковъ между передними зубами (которые у меня малы и правильны). Пустое пространство между твердымъ небомъ и языкомъ впереди мѣстъ каса-

Рис. 28.

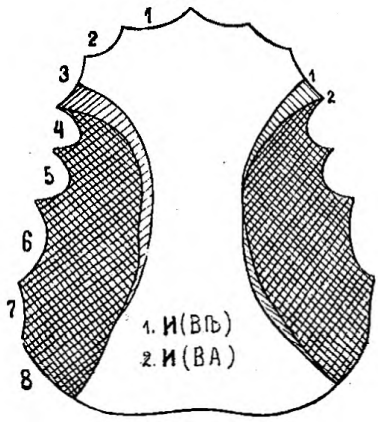
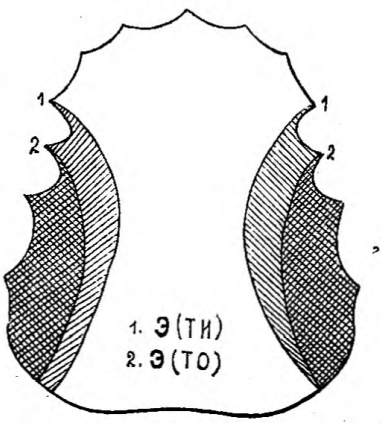

Рис. 29.

нія ихъ образуетъ передній резонаторъ этихъ гласныхъ. Въ серединѣ остается между твердымъ небомъ и спинкой языка широкая щель для прохода воздуха вдоль спинки языка. Такимъ образомъ при разныхъ е на рис. 29 передній резонаторъ оканчивается сзади: по бокамъ у первыхъ коренныхъ зубовъ (четвертыхъ зубовъ), а въ серединѣ простирается на область вторыхъ коренныхъ зубовъ и нѣсколько дальше, другими словами, доходитъ до прямой линіи, соединяющей вторые коренные зубы и начало третьихъ. При болѣе крупныхъ переднихъ зубахъ и другой выпуклости нёбнаго свода это соотношеніе измѣняется. См. стр. 156. Этимъ объясняется различіе моихъ палатограммъ напр. отъ палатограммъ проф. Богородицкаго въ его «Опытѣ физіологіи общерусскаго произношенія».

На палатограммѣ 29 отмѣчены оба русскіе *е*, какъ они произносятся въ словахъ «эти» и «это». Понятно, что второй слогъ этихъ словъ не могъ произноситься, такъ какъ артикуляція *т* испортила бы слѣдъ отъ *е*. На палатограммѣ 28 показаны двѣ разновидности *и*, какъ они наблюдаются въ «ива» и «ивѣ», причемъ разница между ними для наглядности искусственно

нѣсколько преувеличена тѣмъ, что «ивѣ» произносилось съ большей интенсивностью, чѣмъ «ива».

Лабіализованные и нелабіализованные гласные.

Здѣсь необходимо сдѣлать отступленіе отъ описанія гласныхъ по положеніямъ языка при образованіи ихъ. Дѣло въ томъ, что при образованіи гласныхъ нужно еще считаться съ положеніемъ другихъ подвижныхъ частей полости рта, именно съ положеніемъ губъ и мягкаго неба и со степенью *напряженности* артикулирующихъ частей. Отъ положенія губъ зависитъ присутствіе или отсутствіе *лабіализаціи* и степень ея (см. выше стр. 151). Отъ положенія мягкаго неба зависитъ участіе или неучастіе носовой полости въ производствѣ звука т. е. *назализація* и степень ея (см. стр. 152). Лабіализація, назализація и напряженность могутъ быть при всякомъ положеніи языка, слѣдовательно дѣленіе по этимъ признакамъ распространяется на всѣ гласные (см. ниже таблицу гласныхъ). Поэтому было бы умѣстнѣе изложить эти условія въ отдѣльности ниже. Но по практическимъ соображеніямъ удобнѣе разсматривать здѣсь же лабіализованные гласные совмѣстно съ нелабіализованными.

При производствѣ разсмотрѣнныхъ твердонебныхъ гласныхъ губы не участвуютъ. Онѣ при *е* и *і* по возможности устраняются и для этого скрываются впереди за зубами, прижимаясь къ нимъ и стараясь не съуживать отверстія, образуемаго зубами. Поэтому при узкихъ гласныхъ *е* и особенно *і* губная щель растягивается въ длину, примѣняясь къ формѣ зубной щели. Такіе гласные называются *нелабіализованными* или точнѣе *съ устраненіемъ губъ* (стр. 151). Но гласные передняго ряда, какъ вообще всѣ гласные, могутъ сопровождаться и лабіализаціей, т. е. извѣстнымъ активнымъ участіемъ губъ, состоящимъ въ уменьшеніи губного отверстія (округленіи губъ) обыкновенно съ большимъ или меньшимъ вытягиваніемъ губъ впередъ.

При *лабіализаціи* разсмотрѣнныхъ твердонебныхъ гласныхъ вмѣсто *і*, *е*, *ä* слышится *ü* и *ö*, напр. въ французскихъ lune, feu, нѣмецкихъ kühn, schön. При *ü* обыкновенно лабіализація сильнѣе, т. е. отверстіе губъ меньше и вытягиваніе впередъ больше, чѣмъ при *ö*, хотя въ разныхъ языкахъ по разному. Впрочемъ обыкновенно при производствѣ нѣмецкихъ *ü*, *ö* и французскихъ *u*, *eu* передняя спинка языка принимаетъ немного болѣе заднее и болѣе низкое положеніе, чѣмъ при *і*, *е*. При нѣмецкихъ *ü* и *ö* языкъ почти въ положеніи *е* и *ä*.

Такія широкія *ö*, *ü* встрѣчаются діалектически въ извѣстныхъ условіяхъ и въ русскомъ языкѣ, напр. московскія надѣ̈сь

(надѣюсь), смѣйт (смѣютъ), сѣверное діалектическое знаёш (знаешь) и т. д.

Мягконебные (велярные) гласные.

Если изъ индифферентнаго положенія передвинуть среднюю спинку языка немного назадъ и внизъ, широко раскрывъ ротъ, то получается низкое положеніе мягконебное (задненебное, велярное или задняго ряда), дающее широкое чистое *а* (см. рис. 27). По мѣрѣ поднятія изъ этого положенія задней спинки языка по направленію къ мягкому небу, съ уменьшеніемъ раскрытія челюстей, получаются всѣ гласные задняго ряда или мягконебные отъ *а* до *и* (у).

Средніе и высокіе гласные задняго ряда сопровождаются обыкновенно лабіализаціей, такъ что по мѣрѣ поднятія задней спинки языка (и нижней челюсти) отверстіе между губами все болѣе съуживается и округляется. Такимъ образомъ образуется *высокій мягконебный лабіализованный* гласный *и* (русскій *у*); при среднемъ положеніи языка—*средній мягконебный лабіализованный* гласный *о*; при низкомъ положеніи языка съ лабіализаціей—*низкій мягконебный лабіализованный* гласный a^0 т. е. *а* склонный къ *о*. Безъ лабіализаціи при такомъ низкомъ мягконебномъ положеніи языка является чистый широкій гласный *а* («алый»).

Въ другихъ языкахъ встрѣчаются и высокіе и средніе мягконебные гласные безъ лабіализаціи. Такіе звуки приближаются къ *а* съ особеннымъ глухимъ тембромъ. Вообще лабіализація вноситъ большое разнообразіе въ звуки задняго ряда.

Между звуками отъ *а* до *и* (у) возможны безчисленные промежуточные звуки, обозначаемые какъ *очень широкое и* (у), *очень узкое о*, *узкое о* и пр. Въ разныхъ языкахъ существуютъ такія разновидности, притомъ съ разною степенью лабіализаціи.

Средненебные гласные.

Гласные средняго ряда или средненебные гласные образуются посредствомъ поднятія средней спинки языка изъ индифферентнаго положенія кверху по направленію къ задней части твердаго неба или къ срединѣ между твердымъ и мягкимъ небомъ. При этомъ передняя спинка остается опущенной. Сюда относится *низкое средненебное* $a^ə$, т, е. *а* склонное къ *ə*, ко-

торое кажется намъ болѣе мягкимъ *a* по качеству; далѣе *срѣдній средненебный* гласный, какъ нѣмецкое полушепотное *e* въ hatte, gesagt, и *высокій средненебный* гласный. Конечно, и средненебные гласные могутъ быть болѣе или менѣе узкими и широкими. Въ нѣкоторыхъ языкахъ встрѣчаются и лабіализованные средненебные гласные.

Изъ русскихъ гласныхъ къ средненебнымъ гласнымъ, именно высокимъ, принято причислять *ы*. Но по моимъ наблюденіямъ великорусскій *ы*, когда онъ не подвергается сокращенію, есть собственно дифтонгъ, первая, слоговая часть котораго производится болѣе задней спинкой языка по направленію къ среднему небу. См. ниже «Дифтонги». Въ слогахъ, въ которыхъ общерусскіе гласные сокращаются, *ы* дѣйствительно бываетъ и простымъ пониженнымъ высокимъ средненебнымъ гласнымъ, напр. въ «быстрота».

Напряженные и ненапряженные гласные.

Различіе напр. между *e* въ «вѣдать» и въ «вѣдь» заключается не только въ томъ, что первое *e* широкое, а второе *e* узкое, но еще въ другомъ: звукъ *e* напр. въ «села́», «законовѣдъ», «вѣдать» и пр. *ненапряженный*, а въ «вѣдь» «степень и пр. *напряженный*, въ зависимости отъ степени напряженія мышцъ артикулирующихъ органовъ, главнымъ образомъ языка. Понятія «напряженность» и «ненапряженность» конечно относительныя, безъ опредѣленной грани между ними, и въ значительной степени субъективны, такъ какъ степень напряженія опредѣляется обыкновенно по мускульнымъ и отчасти акустическимъ ощущеніямъ.

При напряженномъ состояніи языка (съ которымъ обыкновенно соединяется напряженное состояніе и другихъ мягкихъ частей, какъ губъ и голосовыхъ связокъ) бока языка стягиваются и спинка языка является болѣе выпуклой, чѣмъ при ненапряженномъ, болѣе свободномъ состояніи языка. Вслѣдствіе этого разстояніе языка отъ нёба уменьшается, такъ что гласный становится болѣе узкимъ. Поэтому напр. напряженное *e* становится ближе къ широкому *i*. При ощупываніи пальцами языкъ и губы въ напряженномъ состояніи гораздо тверже, представляютъ большее сопротивленіе давленію. Подобное состояніе боль-

шей твердости и выпуклости наблюдается при напряженіи другихъ мускуловъ, напр. руки.

Напряженное и ненапряженное произношеніе можетъ различаться во всѣхъ звукахъ рѣчи и сказывается въ извѣстныхъ различіяхъ въ тембрѣ ихъ, объясняемыхъ между прочимъ большей твердостью стѣнокъ резонатора. Тембръ напряженныхъ гласныхъ болѣе «ясный», болѣе «металлическій». Напряженность замѣчается чаще въ ударенныхъ и долгихъ гласныхъ. Конечно, въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ не должны непремѣнно существовать эти различія, притомъ не во всѣхъ гласныхъ, и не въ одинаковой степени въ каждомъ.

Вмѣсто терминовъ «ненапряжённый» и «напряженный» употребляются обыкновенно термины «открытый» и «закрытый», и эти термины подаютъ поводъ къ безвыходной путаницѣ, такъ какъ термины «открытый» и «закрытый» употребляются чаще въ значеніи «широкій» и «узкій». Правда, напряженные *e, i, ö, ü, o* и пр. вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе узкіе, но главное различіе ихъ заключается не въ этомъ, а въ степени напряженности. Англійскіе термины wide и narrow обозначаютъ у извѣстныхъ фонетиковъ именно степень напряженія, хотя въ переводѣ значатъ: «далекій» («широкій») и «узкій». Въ подраженіе англійскому и нѣмецкія «offen» и «geschlossen» употребляются большею частію въ смыслѣ «широкій» и «узкій», а различіе въ напряженіи обозначается посредствомъ «weit» и «eng» и т. д.

Впрочемъ подъ всѣми указанными терминами разные фонетики понимаютъ разныя условія производства гласныхъ. Для избѣжанія недоразумѣній остается одинъ выходъ: совершенно отказаться отъ неточныхъ терминовъ «закрытый» и «открытый», fermé и ouvert и пр., и употреблять исключительно «напряженный» и «ненапряженный» рядомъ съ «узкій» и «широкій» въ указанномъ выше смыслѣ, если считаться вообще со степенью напряженности. А то, когда въ настоящее время въ лингвистической работѣ встрѣчаешь термины «закрытый» и «открытый», то въ большинствѣ случаевъ положительно не знаешь, что̀ авторъ подразумѣваетъ подъ ними; а нерѣдко является мысль, что авторъ вообще не представляетъ себѣ ясно значенія этихъ терминовъ.

Напряженность можетъ и не совпадать съ узкостью. Такъ, французское долгое *o* въ rose узкое, въ or широкое, *o* краткое въ côté узкое, въ robe широкое, но всѣ они болѣе или менѣе напряженны. Въ нѣмецкомъ языкѣ долгіе гласные обыкновенно напряженные, а краткіе ненапряженные, въ томъ числѣ и *a*: Sprāche, ălle. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкіе долгіе гласные обыкновенно узки, а краткіе широки.

Физіологическая таблица гласныхъ. Треугольникъ гласныхъ.

Помѣщенная здѣсь таблица гласныхъ отличается отъ таблицы англійскихъ фонетиковъ между прочимъ тѣмъ, что въ ней нѣтъ отдѣль-

Физіологическая таблица гласныхъ.

	Твердонебные (front).		Средненебные (mixed).		Мягконебные (back).	
	Нелабіализован.	Лабіализ. (round).	Нелабіализован.	Лабіализ. (round).	Нелабіализован.	Лабіализ. (round).
Высокіе (high).	*i* sie, fini Fisch, англ. pity ивѣ, кисть ива, икра.	*ü* (über) lune (Schützen).	*ы* англ. pretty сынъ.			*u* du, rouge und будетъ урокъ.
Средніе (mid).	*e* See, été helfen небѣ, вѣдь небо, вѣдать.	*ö* schön, peu Völker, peur.	*ə* Gabe анг. eye.	homme.	анг. but сѣв. нѣм. Vater.	*o* so, rose, côté voll кость бокъ.
Низкіе (low).	*ä* англ. air англ. man вялить вялый.	(*ö*) франц. un.	*a*^{ə} англ. bird		*a* Vater, lâche алый, рабъ.	*a*^{o} англ. saw англ. not во^{a}да.

ныхъ рубрикъ для напряженныхъ (narrow) и ненапряженныхъ (wide) гласныхъ. Такое дѣленіе на двѣ раздѣльныя группы мнѣ кажется слишкомъ искусственнымъ, такъ какъ наблюдаются разныя степени напряженности. Какъ я понимаю состояніе «напряженности», въ русскомъ языкѣ сравнительно напряженными бываютъ ударенные гласные передъ мягкими согласными. Безъ ударенія такіе гласные менѣе напряженны.

Въ каждой рубрикѣ приложенной здѣсь физіологической таблицы гласныхъ помѣщены въ первой строкѣ примѣры изъ иностранныхъ языковъ, содержащіе данный гласный, признанный «напряженнымъ». Во второй строкѣ слѣдуютъ затѣмъ примѣры съ тѣмъ же «ненапряженнымъ» звукомъ. Далѣе слѣдуютъ примѣры изъ русскаго языка въ томъ же порядкѣ, но безъ раздѣленія ихъ на двѣ группы. Въ иностранныхъ примѣрахъ идутъ сначала нѣмецкіе, затѣмъ французскіе; при англійскихъ прибавлено сокращенное «англ.».

Такъ какъ система эта возникла въ Англіи (Bell, Sweet), то нерѣдко употребляются и у насъ англійскія названія. Напр. ü въ французскомъ lune опредѣляется какъ high-front-narrow-round. Въ виду этого въ таблицѣ прибавлены въ скобкахъ англійскіе термины.

Противъ такой общей физіологической таблицы существуетъ много справедливыхъ возраженій: Нельзя укладывать всѣ разнообразные звуки всѣхъ языковъ въ одну рамку съ опредѣленными гранями. Средній рядъ вообще не опредѣленный пространственно. Между лабіализаціей и отсутствіемъ лабіализаціи, между высокимъ и среднимъ положеніями языка и т. д. нѣтъ опредѣленныхъ границъ. Въ иныхъ языкахъ напр. разные *e* различаются отчетливо другъ отъ друга (été, rêve, père) какъ различные гласные, и пр. Нужно еще имѣть въ виду, что эта таблица можетъ внушить начинающимъ представленіе, будто дѣйствительно подъемъ спинки языка происходитъ по тремъ вертикальнымъ параллельнымъ направленіямъ. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, разстояніе напр. *ä* отъ *a* ничтожно сравнительно съ разстояніемъ *i* отъ *u*.

Нѣмецкіе фонетики предпочитаютъ обыкновенно распредѣленіе гласныхъ въ видѣ треугольника, съ варіаціями въ частностяхъ у разныхъ фонетиковъ. Примѣняясь къ ихъ системѣ и принимая въ разсчетъ русскіе гласные, можно устроить слѣдующую діаграмму, въ которой лабіализація обозначается скобками.

i (*ü*) ы (*u*)

e (*ö*) (*o*)

ę (*ọ̈*) *ə* (*o̩*)

ä *a*

По примѣру нѣкоторыхъ лингвистовъ я обозначилъ «узкость» гласнаго посредствомъ подставленной точки, «широкость» посредствомъ подставленнаго крючка, обращеннаго влѣво. (Такимъ же крючкомъ, обращеннымъ вправо, принято обозначать назализацію. Такой треугольникъ изображаетъ схематически мѣста подъема языка, и въ то же время рядъ *u* (русск. *у*) *o a ä e i*, а также ряды *u ы i* и *o э e* соотвѣтствуютъ акустическимъ условіямъ этихъ гласныхъ, такъ какъ представляютъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ повышенія характерныхъ тоновъ ихъ.

Надо конечно имѣть въ виду, что физіологическія и акустическія условія разныхъ гласныхъ различны и разнородны, и потому они вообще не укладываются вполнѣ въ симметрическія рамки какой либо строго логической классификаціи.

Назалированные гласные.

Если при производствѣ гласныхъ открывается еще носовая полость, такъ что звучащій токъ воздуха выходитъ одновременно черезъ ротовую и носовую полости, то получаются гласные *назалированные*, какъ ą, ą̈ (или ą°), ę, į, ǫ, ų и пр., напр., французскіе ąfą̈ (enfin), ǫ (on) и пр. Отъ степени открытія носовой полости зависитъ большая или меньшая степень носового качества этихъ гласныхъ. Носовое качество обозначается посредствомъ подставленнаго крючка, обращеннаго концомъ вправо. Употребляемый нерѣдко терминъ «носовой» гласный или даже «носовой звукъ», вмѣсто назалированнаго, подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ носовыми звуками называются собственно согласные какъ n, m (рус. *н*, *м*), которые могутъ быть и слоговыми, т. е. въ роли гласныхъ, какъ напр. въ нѣмецкомъ holn (holen), habm (haben) (см. ниже «Слогъ»).

Въ современномъ русскомъ языкѣ настоящіе назалированные гласные не встрѣчаются. Они существовали въ доисторическомъ русскомъ языкѣ, въ старославянскомъ (*ѫ*, *ѧ*), въ праславянскомъ, санскритскомъ и др., и существуютъ въ польскомъ, французскомъ и др. языкахъ. Но въ русскомъ языкѣ гласные получаютъ нерѣдко нѣкоторую назализацію въ первой части при предшествующемъ въ томъ же слогѣ *н* или *м* (меньшій, Нина), въ послѣдней части при послѣдующемъ *н*, *м* того же слога (дамъ, томъ, тонъ).

Гласные въ полголоса (полушепотные).

Въ нѣкоторыхъ языкахъ встрѣчаются неударенные гласные произносимые въ полголоса, бормотаньемъ, съ слабымъ токомъ

воздуха, при нѣсколько раскрытой голосовой щели, напр. нѣмецкое *e* въ hatte, или французское произносимое *e* muet. Отдѣльные языки представляютъ здѣсь большое разнообразіе. Извѣстное ослабленіе голоса наблюдается и въ общерусскихъ неударенныхъ гласныхъ въ извѣстныхъ положеніяхъ въ многосложныхъ словахъ. Сюда относится также индоевропейское «шва» (*ə*) и вѣроятно старославянскіе ь и ъ слабые.

Въ виду слабости звука качественныя различія такихъ гласныхъ менѣе замѣтны и заглушаются шумами сосѣднихъ звуковъ, вслѣдствіе чего при передачѣ послѣдующимъ поколѣніямъ такіе гласные легко измѣняются, ассимилируются по качеству сосѣднимъ звукамъ, или даже совсѣмъ исчезаютъ.

Въ предыдущемъ дается лишь общая физіологическая классификація гласныхъ, основанная на различіяхъ въ положеніи языка и губъ и отчасти въ степени напряженія органовъ при производствѣ ихъ. Точное детальное описаніе условій производства гласныхъ того или другого говора или языка и приведеніе ихъ въ систему составляетъ задачу описательной фонетики даннаго говора или языка.

§ 6. Характерные шумы гласныхъ (акустика гласныхъ).

Полость рта какъ резонаторъ.

Человѣческіе органы рѣчи сравниваютъ съ духовымъ музыкальнымъ инструментомъ. Голосовыя связи соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени колеблющемуся язычку въ язычковыхъ трубахъ, или язычкамъ гармоники, фисгармоніи и пр. А полость рта и носа отожествляютъ съ наставной трубой, служащей резонаторомъ въ духовыхъ инструментахъ.

Что такое резонаторъ?

Каждое тѣло, способное звучать, имѣетъ свой собственный звукъ, слагающійся изъ свойственныхъ ему парціальныхъ тоновъ опредѣленной высоты, происходящихъ отъ частичныхъ колебаній и колебаній въ цѣломъ этого тѣла, напр. струны рояля, воздуха наполняющаго пустую бутылку или бочку и пр. По мѣрѣ укороченія струны, или наполненія бутылки водой для укороченія заключеннаго въ ней воздушнаго столба, собственный звукъ ихъ повышается, и наоборотъ. Въ этомъ можно убѣдиться вдуваніемъ въ бутылку.

Если до такого тѣла, или воздуха въ пустомъ сосудѣ, доходитъ звукъ, одинъ изъ парціальныхъ тоновъ котораго одинаковой или почти одинаковой высоты съ однимъ изъ собственныхъ тоновъ этого тѣла, то тѣло это начинаетъ звучать и своими сочувственными колебаніями усиливаетъ общій парціальный тонъ. А тоны, не совпадающіе съ собствен-

ными тонами такого тѣла, не приводятъ его въ сочувственныя колебанія и сами могутъ ослабляться, заглушаться имъ. Измѣненіе же въ силѣ парціальныхъ тоновъ измѣняетъ тембръ звука.

Это усиленіе и заглушеніе тоновъ становится понятнымъ изъ слѣдующаго опыта. Если мы, раскачивая качели, даемъ имъ слабый толчекъ, выводящій ихъ изъ отвѣснаго положенія, и затѣмъ повторяемъ этотъ толчекъ въ тѣ моменты, когда качели удаляются отъ насъ, хотя бы и съ промежутками, то мы постепенно приводимъ ихъ въ сильное качаніе. Если же мы производимъ второй толчекъ въ то время, когда качели снова приближаются къ намъ, то мы задерживаемъ движеніе ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ задерживаютъ движеніе нашей толкающей руки. Если поэтому толкающія движенія нашей руки будутъ происходить въ равные промежутки времени, которые однако нѣсколько больше или меньше, чѣмъ время каждаго двусторонняго размаха качелей, то очевидно второй, третій и пр. толчекъ нашъ, смотря по разницѣ во времени, могутъ еще усиливать качаніе, а слѣдующіе затѣмъ толчки будутъ все больше задерживать движенія качелей, и вмѣстѣ съ тѣмъ движенія качелей задерживаютъ своимъ обратнымъ движеніемъ движенія нашей руки. Затѣмъ снова движенія руки будутъ совпадать съ движеніями качелей и т. д. Съ этимъ явленіемъ мы уже ознакомились выше (см. стр. 120 слѣд.).

То же происходитъ съ воздухомъ въ пустомъ открытомъ сосудѣ. Если скорость колебаній парціальныхъ тоновъ доходящихъ до него звуковыхъ волнъ совпадаетъ со скоростью колебаній, свойственной воздушному столбу въ сосудѣ, то соотвѣтствующія колебанія этого воздушнаго столба усиливаются и своимъ обратнымъ дѣйствіемъ усиливаютъ колебанія окружающаго воздуха. Въ противномъ случаѣ воздухъ въ сосудѣ не можетъ придти въ колебаніе и еще задерживаетъ своимъ обратнымъ дѣйствіемъ колебанія окружающаго воздуха. Въ этомъ можно убѣдиться, если пѣть гаммы напр. въ большую лейку: одни звуки раздаются громко, другіе слабо.

Полыя тѣла, служащія для усиленія въ доходящемъ до нихъ звукѣ однихъ парціальныхъ тоновъ, совпадающихъ съ ихъ собственными тонами, и для заглушенія остальныхъ, называются *резонаторами* въ тѣсномъ смыслѣ или воздушными резонаторами (см. рис. 14, 15). Въ духовыхъ инструментахъ такимъ резонаторомъ служитъ наставная труба, наставленная на источникъ звука, напр. на мундштукъ съ язычкомъ. Такой же наставной трубой является полость рта при производствѣ гласныхъ и звонкихъ согласныхъ, т. е. такихъ звуковъ рѣчи, въ которыхъ музыкальный звукъ образуется голосовыми связками, какъ язычкомъ въ инструментахъ. Язычекъ, какъ и голосовыя связки, колеблется съ опредѣленной, свойственной ему быстротой и слѣдовательно издаетъ звукъ опредѣленной высоты, а наставная труба,

смотря по настройкѣ ея, можетъ усиливать и ослаблять тоны язычка или голосовыхъ связокъ т. е. голоса.

Ротовой полости можно придавать разнообразныя формы, вслѣдствіе чего она соотвѣтствуетъ многочисленнымъ отдѣльнымъ резонаторамъ съ разнообразными собственными тонами.

Мы безсознательно пользуемся полостью рта и зѣва для усиленія звука, когда нужно громко говорить и въ особенности при пѣніи. Поэтому мы плохо разбираемъ слова въ пѣніи, и должны пользоваться въ операѣ либретто, такъ какъ пѣвцы, для усиленія звука голоса, обращаютъ полость рта въ резонаторъ, жертвуя по возможности точностью артикуляціи. Съ этой цѣлью полость зѣва и полость рта нѣсколько расширяются и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются по возможности всѣ заглушающія звукъ условія: тѣснины и затворы, необходимые для производства шумныхъ согласныхъ, не производятся съ достаточной полнотой, а узкіе гласные *i, u* (у) производятся болѣе широко, такъ какъ они мѣшаютъ свободному выходу голоса. Такимъ образомъ нѣсколько искажается тембръ гласныхъ и ослабляются шумы согласныхъ. (Нѣмецкое пѣніе, въ которомъ согласные производятся энергичнѣе, задѣваетъ непривычное ухо своими сильными шумами). По той же причинѣ лабіализація вообще по возможности устраняется при пѣніи, такъ какъ она заглушаетъ звукъ. Чѣмъ громче желаютъ говорить или пѣть, тѣмъ шире раскрываютъ ротъ во всѣхъ частяхъ. Къ этимъ искаженіямъ звуковъ рѣчи нужно еще прибавить слѣдующія, обусловленныя физіологическими причинами. При производствѣ низкихъ звуковъ гортань опускается и вслѣдствіе своей связи съ подъязычной костью оттягиваетъ и языкъ назадъ; а при высокихъ звукахъ гортань подымается и выпираетъ языкъ впередъ и вверхъ. Вслѣдствіе этого при пѣніи, гдѣ нужно издавать звуки голоса съ удобствомъ возможно полнѣе, гласные на высокихъ нотахъ измѣняются въ сторону *i*, а на низкихъ нотахъ въ сторону *u* (у) (см. стр. 148 и рис. 27). Съ этими условіями часто не считаются изслѣдователи, произносящіе очень громко или даже напѣвающіе изслѣдуемые гласные.

Усиленіе и заглушеніе парціальныхъ тоновъ посредствомъ резонатора возможно не только въ музыкальныхъ звукахъ, но и въ шумахъ, такъ какъ шумы составляются также изъ тоновъ, которые однако не состоятъ между собой въ гармоническихъ отношеніяхъ.

Но то обстоятельство, что полость рта, въ роли наставной трубы, усиливаетъ и заглушаетъ тоны голоса, для языка существеннаго значенія не имѣетъ, если не придерживаться теоріи резонанса, на которую указано ниже и которую нужно теперь уже считать ошибочной.

Характерные шумы гласныхъ.

Существенное значеніе полости рта для языка заключается въ томъ, что она служитъ источникомъ *самостоятельныхъ шу-*

мовъ, составляющихъ характерную часть звуковъ рѣчи. Полость рта въ связи съ полостью зѣва до гортани представляетъ полое тѣло и заключенный въ немъ воздухъ приводится выдыхаемымъ незвучащимъ токомъ, или же звучащимъ (т. е. ритмически вырывающимися между голосовыми связками взрывами воздуха, образующими голосъ), въ самостоятельныя колебанія, и такимъ образомъ образуется *собственный* шумъ ротовой полости, характеризующій между прочимъ каждый гласный.

Благодаря этимъ собственнымъ шумамъ любой звукъ гортани (голосъ) любой силы и высоты окрашивается одинаково въ звуки рѣчи *е*, *а*, *о*, *у*, *ы*, *і*, *л*, *р*, и пр., смотря по тому, какой собственный шумъ ротовой полости примѣшивается къ голосу (смотря по формѣ, какую принимаетъ полость рта).

Что эти шумы составляютъ и въ гласныхъ существенную характерную принадлежность, а не голосъ, видно уже изъ того, что *а*, *е*, *і* и пр. остаются для насъ тѣми же гласными, произносимъ ли мы ихъ съ голосомъ, или безъ голоса, т. е. шепотомъ. Слѣдовательно характерная часть гласнаго состоитъ именно въ шумѣ, производимомъ въ полости рта, къ которому обыкновенно прибавляется музыкальный звукъ голоса. Если пріучать къ тому слухъ, то въ гласныхъ, произносимыхъ съ голосомъ, можно въ большей или меньшей степени различать тѣ же шумы, съ тѣмъ же тембромъ и высотой, которые слышатся въ шепотномъ произношеніи этихъ гласныхъ. Это сразу слышно въ *і* и *е*, особенно при слабомъ низкомъ мѣняющемся голосѣ. Такимъ образомъ изученіе природы гласныхъ сводится къ изученію природы тѣхъ *собственныхъ шумовъ* полости рта, которыми характеризуется каждый гласный и которые поэтому называются *характернымі шумами гласныхъ*.

Постоянство въ составѣ и абсолютной высотѣ характернаго шума каждаго гласнаго.

Если оставить въ сторонѣ мелкія индивидуальныя различія, то оказывается, что каждый гласный имѣетъ свой присущій ему характерный шумъ полости рта, который у всѣхъ лицъ, говорящихъ на одномъ говорѣ или вообще произносящихъ одинаково, приблизительно одинъ и тотъ же по составу и высотѣ. Конечно, то, что считается обыкновенно однимъ гласнымъ или вообще звукомъ рѣчи, обнимаетъ всегда нѣсколько сходныхъ разновидностей.

Такъ, въ русскомъ языкѣ нужно различать по нѣсколько разновидностей *а*, *е*, *і*, и пр. Въ этомъ отношеніи грѣшатъ нерѣдко физики и физіологи, изслѣдующіе самымъ точнымъ образомъ напр. отдѣльно произносившіяся и нерѣдко даже напѣвавшіяся *е*, *а* и пр., тогда какъ въ любомъ языкѣ нѣсколько разновидностей звуковъ *а*, *е* и пр.; а въ отдѣльности звуки рѣчи вообще не встрѣчаются въ языкѣ, и потому отдѣльно произносимые гласные представляютъ искусственные звуки.

Различіе между характерными шумами, характеризующими каждый звукъ рѣчи, слѣдовательно различіе между самими звуками рѣчи обусловливается, какъ и въ музыкальныхъ звукахъ, силой, высотой и тембромъ характерныхъ шумовъ. Высота и тембръ характерныхъ шумовъ гласныхъ зависятъ отъ величины и формы полости рта, включая въ нее и полость зѣва, а иногда и полость носа. Такъ какъ полости рта можно придавать очень разнообразныя формы, благодаря подвижнымъ частямъ ея, то и производимые въ ней шумы разнообразны по тембру и высотѣ.

Тембръ звука, какъ извѣстно, зависитъ отъ того, какіе простые тоны входятъ въ составъ его и кокова относительная сила каждаго изъ нихъ. Къ сожалѣнію относительно состава характерныхъ шумовъ гласныхъ не добыты еще удовлетворительные результаты. А составы согласныхъ почти совсѣмъ не выяснены. Вслѣдствіе сложности формы полости рта производимые въ ней шумы большею частію очень сложны, состоятъ изъ многихъ тоновъ, большею частію негармоничныхъ между собою.

Высота характерныхъ шумовъ опредѣляется, какъ и въ музыкальныхъ звукахъ, высотой самаго сильнаго тона, входящаго въ составъ ихъ. Въ виду того, что этотъ самый сильный или доминирующій тонъ имѣетъ существенное значеніе для характеристики каждаго гласнаго въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ, его называютъ *характернымъ тономъ* по преимуществу или *формантомъ* гласнаго. Въ нѣкоторыхъ гласныхъ различаютъ по два и больше такихъ характерныхъ тоновъ. Этотъ характерный тонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весь характерный шумъ каждаго гласнаго имѣетъ опредѣленную абсолютную высоту, съ варіяціями (колебаніями) въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Въ постоянствѣ абсолютной высоты характернаго шума каждаго гласнаго можно убѣдиться уже изъ того, что мы можемъ шепотомъ произносить напр. *а* въ «садъ», *е* въ «слѣдъ», *і* въ «сила», *о* въ «соль» лишь на одну высоту, и не можемъ напр. произносить *а* съ высотою

е, или даже *е* въ «лѣтъ» съ высотою *е* въ «пѣть». Прекраснымъ доказательствомъ этому служитъ еще извѣстный опытъ на фонографѣ, который я опишу ниже.

На высотѣ характернаго тона каждаго гласнаго главнымъ образомъ сосредоточивалось вниманіе изслѣдователей акустической стороны звуковъ рѣчи. Выясненіе высоты характерныхъ шумовъ звуковъ рѣчи можетъ имѣть практическое примѣненіе при изслѣдованіи и описаніи звуковъ живого языка, тѣмъ болѣе, что характерные тоны могутъ быть изслѣдованы по слуху, безъ особыхъ приборовъ, легче всего при шепотномъ произношеніи.

Значеніе абсолютной высоты характернаго шума гласныхъ для слуховыхъ ощущеній.

Собственные тоны полости рта имѣютъ для каждаго гласнаго постоянную абсолютную высоту. Голосъ же можетъ имѣть разную высоту. Отсюда ясно, что слагаемые изъ нихъ звуки гласныхъ должны измѣняться по составу въ зависимости отъ высоты голоса. Въ связи съ этимъ измѣняются и фигуры періодовъ звуковыхъ волнъ, какъ видно изъ сравненія кривыхъ гласныхъ, произнесенныхъ на разную высоту голоса, напр. гласнаго *а* на рис. 37. Но въ нашихъ слуховыхъ воспріятіяхъ звуки рѣчи совсѣмъ не измѣняются отъ измѣненія высоты голоса, потому что наше ухо анализируетъ звуки на составные тоны. Такъ какъ комплексъ ротовыхъ тоновъ, присущихъ каждому гласному, мы получаемъ въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ въ сочетаніи съ разными мѣняющимися тонами голоса, а при шепотѣ и безъ нихъ, то слуховое представленіе этого комплекса ротовыхъ тоновъ выдѣляется безсознательно въ отдѣльную составную часть гласныхъ, и этотъ комплексъ тоновъ собственно только и является неизмѣннымъ представителемъ каждаго гласнаго, характернымъ шумомъ его. Поэтому ухо очень чутко къ различіямъ въ характерныхъ шумахъ; а высота голоса является настолько несущественной составной частью звуковъ рѣчи, что она служитъ даже для совершенно другихъ цѣлей, напр. для выраженія вопроса, удивленія, эмоцій и пр. (музыкальное удареніе).

Какое существенное значеніе для характеристики гласныхъ имѣетъ для нашего слуха именно *высота* характернаго шума или *характерный тонъ*, т. е. самый сильный тонъ характернаго шума гласнаго, видно напр. изъ того, что мы можемъ производить искусственно гласные, если мы музыкальному звуку при-

даемъ при помощи резонирующей полости шумъ той высоты, которая характерна для даннаго гласнаго, хотя бы при этомъ другіе, болѣе слабые парціальные тоны этого шума отличались отъ такихъ же болѣе слабыхъ тоновъ характернаго шума этого гласнаго.

Для такого искусственнаго производства гласныхъ я пользуюсь духовымъ камертономъ, который приставляю къ куску резиновой трубки, по размѣрамъ соотвѣтствующей приблизительно раскрытой для *a* полости рта. Сжимая этотъ резонаторъ пальцами въ той или другой части, я придаю его передней части нужную длину, чтобы высота собственнаго шума ея соотвѣтствовала характерному тону производимаго гласнаго; а частичнымъ сжиманіемъ отверстія произвожу лабіализацію. На этомъ простомъ приборѣ получаются довольно ясно всѣ гласные, кромѣ *i*, *ü*, для которыхъ нужна болѣе узкая трубка.

Преобладающее значеніе характернаго тона въ нашихъ слуховыхъ представленіяхъ гласныхъ доказывается еще тѣмъ, что напр. гласный *o* превращается для нашего слуха въ нечистый звукъ *e*, если мы звукъ *o* въ полномъ составѣ, т. е. тоны голоса вмѣстѣ съ тонами характернаго шума, повышаемъ на октаву, такъ что характерный тонъ для *o* повышается въ характерный тонъ для *e* (см. стр. 184). При постепенномъ пониженіи всего состава звука *a* онъ обращается въ a^0, *o* и нечистое *y*. Такое превращеніе возможно на фонографѣ.

Если воспроизвести рѣчь на фонографѣ не при той скорости вращенія валика, при которой она была записана, а напр. при вдвое большей скорости, то очевидно всѣ тоны характернаго шума должны на октаву повыситься, но общій составъ звуковъ и относительная высота парціальныхъ тоновъ голоса и характернаго шума остаются неизмѣнными. При такихъ условіяхъ тембръ музыкальныхъ звуковъ не измѣняется. Звуки флейты, скрипки, рояля и пр. измѣняютъ при этомъ лишь свою абсолютную высоту. Но если характерные тоны каждаго звука рѣчи имѣютъ опредѣленную абсолютную высоту, то и гласные *a*, *e*, и пр. должны перестать быть таковыми, если характерные шумы ихъ повышаются или понижаются. И дѣйствительно, если записать на фонографѣ *o* при скорости 70 оборотовъ въ минуту, то при ускореніи вращенія до 140 оборотовъ, вмѣсто *o* слышится нечистое *e*; при большемъ ускореніи до 200 и больше слышится нечистое *i* (собственный звукъ полости рта при *e* около октавы выше *o*, при *i* еще выше. см. стр. 184). Запись гласнаго *ü*, сдѣланная при 110 оборотахъ въ минуту, даетъ широкое нечистое *o* при 60 оборотахъ, и неясное *i* при 180 оборотахъ и т. д. Большая часть назалированныхъ гласныхъ, записанныхъ при 100 оборотахъ, теряетъ носовое качество напр. при 150 оборотахъ (при повышеніи звука на квинту), такъ какъ характерный тонъ назалированныхъ гласныхъ нѣсколько ниже, чѣмъ соотвѣтствующихъ чистыхъ гласныхъ (стр. 185).

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что при воспроизводствѣ рѣчи на фонографѣ звуки должны сохранять свою абсолютную высоту всѣхъ составныхъ тоновъ; а для этого скорость вращенія при воспроизводствѣ должна быть та же, что при записи. Съ этой цѣлью двигательный механизмъ, помимо требованія равномѣрности въ вращеніи, долженъ быть снабженъ точнымъ регуляторомъ числа оборотовъ въ минуту, а на валикахъ нужно дѣлать указанія, при какой скорости сдѣлана запись. Если такого указателя нѣтъ при регуляторѣ, то нужно сосчитать число оборотовъ въ минуту, или лучше въ началѣ записать звукъ извѣстной высоты, напр. напѣваемое Ia, по которому при помощи камертона можно впослѣдствіи, при воспроизводствѣ, установить вращеніемъ винта регулятора ту же скорость.

Зависимость между формой полости рта и высотой собственнаго шума ея.

Какъ при извѣстной укладкѣ полости рта образуются именно такіе то опредѣленные собственные тоны ея, составляющіе характерный шумъ звука рѣчи, это не выяснено. Вслѣдствіе сложности формы ротовой полости производимые въ ней собственные шумы сложны по составу. Но насъ интересуетъ главнымъ образомъ самый сильный собственный тонъ полости рта, который въ гласныхъ называется *характернымъ тономъ* или *форманто̀мъ гласнаго* и которымъ опредѣляется высота всего характернаго шума его. Условія полости рта, отъ которыхъ зависитъ высота характернаго тона, довольно ясны. А такъ какъ въ гласныхъ укладка полости рта обусловлена главнымъ образомъ, но не исключительно, высотой характернаго тона ихъ, то выясненіе связи между высотой характернаго тона и формой полости рта даетъ намъ въ значительной степени ключъ къ пониманію, почему мы для каждаго гласнаго прибѣгаемъ именно къ такой то укладкѣ органовъ рта.

Высота собственнаго звука (т. е. собственно основной тонъ, которымъ опредѣляется высота всего звука) воздушнаго резонатора вообще зависитъ 1) отъ длины его: чѣмъ длиннѣе резонаторъ, тѣмъ ниже его собственный звукъ. Укороченіе резонатора (какъ и струны, см. стр. 109) на половину повышаетъ его собственный звукъ на октаву, и т. д. Высота собственнаго звука резонатора зависитъ еще 2) отъ величины его отверстія: уменьшеніе отверстія резонатора до полнаго закрытія его понижаетъ его собственный звукъ до октавы.

Вслѣдствіе этого одновременнымъ укороченіемъ длины и увеличеніемъ отверстія получается двойное повышеніе собственнаго звука. Съ другой стороны, соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ отверстія можно при укороченіи длины сохранять высоту собственнаго звука (какъ при уменьшеніи длины струны и одновременномъ уменьшеніи напряженія можно сохранить ту же высоту звука).

Въ короткихъ резонаторахъ, длина которыхъ не превышаетъ ширину по крайней мѣрѣ въ 6 разъ, на высоту собственнаго звука вліяетъ еще ширина или объемъ (мензура) ихъ. Поэтому 3) въ короткихъ резонаторахъ уменьшеніе объема (ширины) въ сторонѣ отверстія понижаетъ собственный звукъ, а уменьшеніе ширины въ противоположной отверстію сторонѣ повышаетъ собственный звукъ. И наоборотъ: увеличеніе ширины въ сторонѣ отверстія повышаетъ звукъ, а увеличеніе ширины въ противоположной сторонѣ понижаетъ звукъ.

Отсюда видно, что высота собственнаго шума ротовой полости обусловливается: 1) *длиной резонирующей части* т. е. пространства отъ губного отверстія напр. до мѣста съуженія, производимаго поднятіемъ спинки языка; 2) *величиной отверстія губъ*; 3) *шириной передней и задней стороны резонирующей части* полости рта. Полость носа не измѣняется въ длинѣ и ширинѣ, но она можетъ соединиться съ ротовой полостью, вслѣдствіе опусканія мягкаго неба, въ одинъ общій длинный резонаторъ, какъ при назалированныхъ гласныхъ и носовыхъ согласныхъ.

Какъ измѣняется форма резонатора рта для полученія звуковъ разной высоты, можно видѣть, если производить однимъ дыханіемъ (безъ звука гортани) гаммы, отъ низшей до высшей ноты. При самыхъ высокихъ нотахъ передняя спинка языка придвинута возможно впередъ и образуетъ за верхними зубами очень короткій резонаторъ, въ видѣ плоской щели. Губы устраняются (раскрыты и губная щель удлинена), чтобы наружнымъ концомъ резонатора были зубы, такъ какъ участіемъ губъ резонаторъ удлинялся бы. Самый высокій такой звукъ похожъ на нечистое шепотное *i*. По мѣрѣ пониженія собственнаго звука языкъ все болѣе отодвигается назадъ, чѣмъ удлиняется резонаторъ, а губы все болѣе округляются и этимъ уменьшаютъ отверстіе. При самыхъ низкихъ нотахъ губы еще вытягиваются по возможности впередъ и этимъ удлиняютъ резонаторъ. Такой самый низкій шепотный звукъ похожъ на *y*.

При свистѣ высота звука регулируется исключительно величиной передняго резонатора, между губами и мѣстомъ подъема спинки языка, играющаго при этомъ роль подвижного поршня въ органной трубѣ.

При большинствѣ звуковъ рѣчи полость рта образуетъ не одинъ резонаторъ, а дѣлится подъемомъ спинки языка на два резонатора разной величины и формы, съ отверстіемъ разной величины между ними. Поэтому нужно различать собственные тоны передняго и задняго резонатора. При высокихъ (*i*, *y*) и среднихъ (*e*, *o*) гласныхъ, особенно задняго ряда (*o*, *y*), значительно преобладаютъ по силѣ основные тоны передняго резонатора, которые поэтому и называются преимущественно характерными тонами этихъ гласныхъ. Но по мѣрѣ увеличенія отверстія между переднимъ и заднимъ резонаторомъ, все болѣе начинаетъ выступать собственный шумъ соединеннаго резонатора, такъ что при широкихъ гласныхъ *a*, *ä* полость рта представляетъ только одинъ резонаторъ. Присутствіемъ двухъ резонаторовъ объясняется, что у нѣкоторыхъ изслѣдователей для узкихъ и среднихъ гласныхъ указывается по два характерныхъ тона, изъ которыхъ собственный тонъ задняго резонатора тѣмъ ниже, чѣмъ выше собственный тонъ передняго резонатора, такъ какъ задній резонаторъ тѣмъ длиннѣе, чѣмъ короче передній резонаторъ.

Какъ возникаютъ собственные шумы полости рта.

По теоріи резонанса Гельмгольтца, въ характерныхъ тонахъ гласныхъ видѣли усиленные ротовымъ резонаторомъ парціальные тоны голоса. Но при этомъ нужно допустить, что въ голосѣ всегда присутствуютъ высокіе негармоничные тоны, одинаковые или почти одинаковые съ собственными тонами полости рта, характерными для каждаго гласнаго. Это невѣроятно, даже если имѣть въ виду, что такія толстыя перепонки, какъ голосовыя связки, производятъ много негармоническихъ тоновъ, и что резонаторъ рта, какъ и другіе резонаторы, можетъ усиливать не только тоны, вполнѣ совпадающіе съ его собственными тонами, но и ближайшіе къ нимъ тоны, такъ что если въ голосѣ нѣтъ тоновъ, соотвѣтствующихъ вполнѣ собственнымъ тонамъ резонатора рта при укладкѣ для опредѣленнаго гласнаго, то могутъ усиливаться ближайшіе къ нимъ тоны голоса.

Изъ наблюденій невооруженнымъ ухомъ я убѣдился, что собственный шумъ полости рта для каждаго звука рѣчи всегда одинаковъ по составу и высотѣ, при всякой высотѣ голоса и при отсутствіи голоса, т. е. при шепотной рѣчи, такъ что измѣненіе въ высотѣ голоса само по себѣ ничего не измѣняетъ въ характерномъ шумѣ гласнаго.

Для повѣрки этого явленія я соединялъ язычковую музыкальную рубочку съ сравнительно широкимъ и короткимъ резонаторомъ (кус-

комъ резиновой трубы) съ другимъ открытымъ отверстіемъ, соотвѣтствующимъ открытому рту, и при звучаніи трубочки получалъ всегда одинъ и тотъ же собственный шумъ этого резонатора, совершенно независимо отъ высоты и состава звука такой звучащей трубочки. Въ виду того, что полость рта представляетъ подобный же короткій резонаторъ сложной формы съ мягкими стѣнками, нужно допустить, что и токъ воздуха, приведенный въ гортани въ звучаніе, можетъ возбуждать въ полости рта собственные шумы этой полости, имѣющіе другой составъ тоновъ.

То обстоятельство, что голосъ, т. е. звучащій токъ воздуха, получившій отъ голосовыхъ связокъ опредѣленныя ритмическія колебанія, можетъ возбуждать въ полости рта такіе собственные тоны заключеннаго въ ней воздушнаго столба, которые неодинаковы съ парціальными тонами голоса, объясняется между прочимъ тѣмъ, что голосъ образуется короткими взрывами вырывающагося между голосовыми связками воздуха, а характерные тоны производятся собственными колебаніями воздуха во рту, возбуждаемыми этими взрывами. Графическія изслѣдованія показываютъ, что съ каждымъ взрывомъ голосовыхъ связокъ начинается новый періодъ гласнаго, а волны внутри періода образуются (большею частью значительно болѣе высокими) характерными тонами его, впрочемъ въ связи съ обертонами голоса.

Какъ только измѣняется форма полости рта при производствѣ одного и того же гласнаго такъ, что собственный шумъ его на тонъ выше или ниже, то слышится уже другая разновидность гласнаго *а*, *о* или *е*, и пр.. Поэтому колебанія въ высотѣ характерныхъ шумовъ гласныхъ, которыя приверженцы теоріи резонанса считали послѣдствіемъ физическихъ условій— вліянія тоновъ голоса на тоны полости рта, я объясняю варіяціями въ укладкѣ полости рта. Въ каждомъ языкѣ различаются безсознательно говорящими нѣсколько такихъ разновидностей *а*, *е*, *о*, и пр. (болѣе узкій или широкій, болѣе напряженный, болѣе передній и пр.).

Способы опредѣленія характерныхъ тоновъ гласныхъ.

Опредѣленіемъ высоты собственнаго шума полости рта, присущаго укладкѣ ея для каждаго гласнаго, занимались многіе физіологи, физики и лингвисты. Для этого пользовались разными методами. Опредѣляли высоту по слуху при производствѣ гласныхъ шепотомъ, или же при постукиваніи ногтемъ и пр. по зубамъ во время укладки полости рта для даннаго гласнаго, или при постукиваніи по гортани, при взрывахъ голосовыхъ связокъ и пр. Другіе анализируютъ характерные шумы при помощи

камертоновъ, или при помощи резонаторовъ, настроенныхъ на разные тоны, которые поочередно приставляются къ уху во время производства гласнаго, или же при помощи аналитическаго аппарата (см. стр. 126, 127). Новѣйшія изслѣдованія производятся чаще посредствомъ анализа звуковыхъ волнъ, записанныхъ разными способами, указанными на стр. 130 слѣд. Посредствомъ измѣреній и математическихъ вычисленій разлагаютъ полученные указанными способами періоды разныхъ гласныхъ на составляющіе ихъ простые тоны. Къ сожалѣнію результаты всѣхъ довольно многочисленныхъ изслѣдователей физическаго состава гласныхъ значительно расходятся между собою. Разногласія объясняются не только неудовлетворительностью методовъ изслѣдованія, но прежде всего тѣмъ, что изслѣдователи имѣли дѣло съ неодинаковыми гласными разныхъ языковъ, которые обозначаются неточно одинаковыми буквами, а чаще они изслѣдовали искусственные отдѣльные звуки, искаженные еще тѣмъ, что ихъ произносили особенно громко или даже напѣвали.

Конечно, акустическое качество звуковъ рѣчи опредѣляется не одной высотой характерныхъ шумовъ, а всѣмъ составомъ ихъ. Можно даже съ одинаковой высотой характернаго шума произносить напр. *o* и *y*, *ä* и *ö*. Но тѣмъ не менѣе для большинства гласныхъ характерный тонъ имѣетъ выдающееся значеніе, какъ показали указанные выше опыты на фонографѣ и искусственное производство гласныхъ (стр. 173, 174).

Изъ употреблявшихся до сихъ поръ способовъ опредѣленія характерныхъ тоновъ гласныхъ опредѣленіе невооруженнымъ ухомъ, особенно при шепотѣ, несмотря на субъективность и несовершенство его, все таки практично, широко примѣнимо и даетъ сравнительно вѣрные результаты въ виду несомнѣнной ошибочности нынѣ почти общепринятаго математическаго гармоническаго анализа гласныхъ по кривой.

Конечно, для этого метода нуженъ слухъ и навыкъ. О примѣнимости употребляемаго мною такъ сказать осложненнаго шепотнаго метода см. Indogermanische Forschungen, т. XXIV, стр. 3—9. Онъ можетъ служить незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ для болѣе точнаго даже физіологическаго опредѣленія и описанія напр. звуковъ народныхъ говоровъ. Такъ, опредѣленіе высоты характернаго шума разныхъ o^a, e^a (во^{a}да, сяло) и пр. дало бы читателю такія дополнительныя данныя объ этихъ звукахъ, какихъ не можетъ дать никакое другое описаніе. Для опредѣленія напр. степени мягкости согласныхъ опредѣленіе высоты собственнаго шума резонатора ихъ почти единственное средство, пригодное для практики, такъ какъ относящіеся сюда измѣрительные способы экспериментальной физіологіи мало пригодны для возстановленія звуковъ.

Такое опредѣленіе высоты характернаго шума ухомъ тѣмъ легче, чѣмъ лучше слухъ. При кратковременныхъ ежедневныхъ наблюденіяхъ

надъ собственнымъ шепотнымъ производствомъ звуковъ рѣчи слухъ развивается быстро. При этомъ можно пользоваться нѣсколькими камертонами, нормально настроенными на разные тоны въ предѣлахъ f^2 до d^4 (франц. fa^4—re^6), или камертонами съ передвижными гирками. Еще удобнѣе для начала пользоваться роялемъ или піанино, на которыхъ можно легко отыскивать соотвѣтствующій тонъ. Но нужно имѣть въ виду, что эти инструменты обыкновенно настроены ниже нормы, и потому требуютъ предварительной повѣрки. Труднѣе всего опредѣлить октавы, и въ нихъ часто ошибались. Впрочемъ, разъ убѣдившись въ районѣ каждаго гласнаго, можно и не обозначать октавъ въ отдѣльныхъ записяхъ, такъ какъ напр. характерный тонъ гласныхъ *о* и *и* (рус. *у*) всегда приходится на 2-ую (французскую 4-ую) октаву, *а* на 3-ью (французскую 5-ую) октаву, разные *е* на конецъ 3-ей (5-ой) октавы, *і* на начало 4-ой (6-ой) октавы и пр. Чтобы убѣдиться въ этомъ, лучше всего сравнивать характерные шумы гласныхъ при собственномъ произношеніи шепотомъ съ соотвѣтствующими тонами рояля въ разныхъ октавахъ.

Для объективной повѣрки я пользуюсь между прочимъ слѣдующимъ средствомъ. Длина звуковой волны въ трубѣ съ открытыми концами лишь незначительно длиннѣе, чѣмъ длина производящей ее трубы. Но закрытая органная труба и вообще закрытый съ одного конца резонаторъ производитъ слишкомъ вдвое болѣе длинныя волны, чѣмъ длина его. Поэтому напр. для производства тона a^1, имѣющаго длину волны въ 393 mm при 20° С. (см. стр. 111), нуженъ закрытый резонаторъ нѣсколько короче чѣмъ $\frac{393}{2}$, т. е., при извѣстномъ діаметрѣ, длиною въ 190,2 mm. Посредствомъ подобныхъ, хотя и не вполнѣ точныхъ вычисленій можно провѣрять слуховыя впечатлѣнія напр. на счетъ октавъ. Для этого измѣряется соотвѣтствующій резонаторъ рта и длина его сравнивается съ длиною звуковой волны.

Болѣе всего мѣръ предосторожности нужно принимать къ тому, чтобы изслѣдуемые звуки произносились совершенно естественно, совершенно такъ же и съ не большей интенсивностью, чѣмъ въ обыкновенной рѣчи. Если слова произносятся въ отдѣльности (что часто необходимо, особенно при быстрой рѣчи), то нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы такое произношеніе ихъ не отличалось отъ произношенія ихъ въ опредѣленныхъ предложеніяхъ. Въ отдѣльности звуки рѣчи вообще не существуютъ въ языкѣ, поэтому изслѣдованіе какого нибудь гласнаго въ отдѣльности есть изслѣдованіе фиктивнаго звука.

Легко опредѣлить высоту при очень тихомъ выдыханіи, безъ гортанныхъ шумовъ. Но многіе не привыкли къ такого рода тихой рѣчи, при которой голосовая щель должна быть широко раскрыта, а сопровождаютъ характерный шумъ гласнаго хриплымъ гортаннымъ шумомъ, что затрудняетъ работу изслѣдователя. Записи высоты шепота нужно сейчасъ же провѣрять на произношеніи съ голосомъ въ цѣлыхъ словосочетаніяхъ.

Чѣмъ обусловлены варіяціи (колебанія) въ высотѣ характерныхъ шумовъ гласныхъ?

При теоріи резонанса ставили колебанія (варіяціи) въ высотѣ характернаго шума (колебанія форманта) каждаго гласнаго въ зависимость отъ состава голоса. По моимъ наблюденіямъ эти колебанія представляютъ разновидности каждаго гласнаго, нѣсколько различающіяся между собою не только по высотѣ характернаго шума, но повидимому также и по составу характернаго шума. Существованіе такихъ разновидностей объяснялись въ моихъ наблюденіяхъ разными причинами, прежде всего 1) индивидуальнымъ различіемъ въ произношеніи, обусловленнымъ индивидуальными различіями въ артикуляціонной базѣ, т. е. не только индивидуальной врожденной особенностью формы и движеній органовъ рѣчи, но и пріобрѣтенными привычками подъ вліяніемъ разныхъ усвоенныхъ говоровъ и языковъ. Благодаря этому одно лицо производитъ напр. *е*, *і* немного выше, чѣмъ другіе, но *о*, *у* произноситъ наравнѣ съ другими. У другого лица всѣ *о*, *у* немного выше, вслѣдствіе меньшей лабіализаціи, и пр.

Далѣе эти колебанія обусловлены 2) степенью энергіи и напряженности, съ которой производятся движенія, что въ свою очередь зависитъ отъ разныхъ мѣняющихся психическихъ и физіологическихъ условій. Но и въ этомъ отношеніи существуютъ для каждаго лица извѣстныя рамки привычнаго. Наиболѣе послѣдовательныя колебанія этого рода зависятъ отъ динамическаго ударенія. Ударенные гласные производятся всегда съ большей полнотой. Такъ, первое *а* въ «сáда» имѣетъ болѣе высокій характерный тонъ, чѣмъ *а* въ «садóвъ», а *у* въ «хýдо» имѣетъ болѣе низкій характерный тонъ, чѣмъ въ «худóй«. Неударенный гласный русскаго языка по крайней мѣрѣ на полтона ниже или выше удареннаго. Пониженіе въ ударенныхъ слогахъ наблюдается при лабіализованныхъ гласныхъ и происходитъ отъ болѣе сильной лабіализаціи.

Эти варіяціи зависятъ еще 3) отъ высоты голоса, въ виду мускульной связи языка съ гортанью, которая въ зависимости отъ высоты голоса мѣняетъ свою высоту. Эта связь между высотой голоса и высотой характернаго шума слѣдовательно физіологическая: при болѣе высокомъ звукѣ голоса—поднятіе гортани—передвиженіе языка впередъ—укороченіе передняго резонатора—повышеніе собственнаго шума его, и наоборотъ (см. стр. 148).

4) Разновидности гласныхъ обусловлены главнымъ образомъ сосѣдними звуками, укладкой органовъ для нихъ. И эти варіяціи повторяются обыкновенно въ приблизительно одинаковой степени у всѣхъ лицъ того же говора. Такъ, *а* въ «алый», «мало», «звалъ», т. е. передъ твердымъ *л*, а также подъ вліяніемъ предыдущаго губного согласнаго, производится не вполнѣ той укладкой, которой производится *а* въ «рада», «даръ», т. е. между переднеязычными согласными, вслѣдствіе чего характерный тонъ гласнаго *а* въ послѣднихъ словахъ часто около 1 тона выше, чѣмъ въ первыхъ примѣрахъ. Передъ палатализованными согласными, напр. въ «дать«, «казнь», *а* въ среднемъ еще до 1 тона выше, Но напр. въ «звать»

а можетъ нѣсколько понижаться подъ вліяніемъ предыдущаго сближенія губъ для *в*.

Въ зависимости отъ высоты собственнаго шума, присущаго полости рта при укладкѣ для предшествующаго звука, гласный начинается нерѣдко значительно выше или ниже, но постепенно, при томъ очень быстро, доходитъ до характерной ему высоты, на которой выдерживается сравнительно долго. Къ концу гласный снова быстро повышается или понижается, по мѣрѣ приближенія къ послѣдующему звуку, смотря по тому, какая форма резонатора свойственна этому звуку. Но если и исключить такое начало и конецъ гласнаго, относя ихъ къ переходнымъ звукамъ (glides, см. ниже), не строго отграниченнымъ отъ самаго гласнаго, то всетаки и въ средней, характерной части гласнаго не замѣчается полнаго постоянства въ высотѣ. И здѣсь еще продолжается то же движеніе, въ направленіи отъ характерной высоты предшествующаго звука къ характерной высотѣ послѣдующаго звука. Разница только въ томъ, что здѣсь это колебаніе сравнительно не велико и происходитъ все время въ области характерной высоты даннаго гласнаго, притомъ очень медленно сравнительно съ переходными звуками. Мы апперципируемъ какъ отдѣльный звукъ эту среднюю, наиболѣе продолжительную часть звукового ряда гласнаго, которая относится къ характерной области даннаго гласнаго и кажется намъ однообразной, хотя и она постепенно измѣняется; а находящіяся между нею и сосѣдними звуками части звукового ряда (переходные звуки), значительно и быстро мѣняющіяся въ высотѣ въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ, являются для нашего слуха трудно уловимой звуковой характеристикой даннаго звукосочетанія. Но и переходные звуки вполнѣ опредѣленны для каждаго языка, и нерѣдко нѣсколько отличаются отъ соотвѣтствующихъ переходныхъ звуковъ другихъ языковъ. Такимъ образомъ всѣ звуки въ рѣчи представляютъ въ сущности постепенный переходъ изъ предшествующаго звука въ послѣдующій, безъ опредѣленной грани между ними, такъ что установочные звуки и переходные звуки (glides) мы отдѣляемъ лишь приблизительно и въ значительной степени произвольно другъ отъ друга.

Характерные тоны ударенныхъ гласныхъ общерусскаго языка въ связи съ присущей имъ формой полости рта.

Въ зависимости отъ формы, какую мы придаемъ полости рта, высота собственнаго шума передняго резонатора ея можетъ вообще колебаться въ предѣлахъ слишкомъ двухъ октавъ. Самый высокій характерный тонъ присущъ гласному *і*, а самый низкій тонъ гласному *и* (у). Но такъ какъ гласный *и* (у) производится вообще выше, съ меньшей лабіализаціей, чѣмъ это вообще возможно, то разстояніе между *і* и *и* (у) обыкновенно приблизительно на 2—3 тона меньше двухъ октавъ. Почти въ срединѣ между *і* и *у* находится *а*, характерная высота котораго нѣ-

сколько меньше чѣмъ на октаву выше *y* и ниже *i*. Въ промежуткѣ между *a* и *i* находятся разные *e*, которые въ свою очередь въ среднемъ приблизительно на октаву выше *o*.

Мы производимъ въ дѣйствительности движенія органовъ рѣчи съ цѣлью получить извѣстные звуки. Поэтому физіологическія условія образованія звуковъ, которыя разсматриваются въ физіологіи рѣчи и на основаніи которыхъ производится нынѣ классификація звуковъ, имѣютъ лишь вторичное значеніе. Разные подъемы спинки языка, лабіализація и пр. суть лишь средства для полученія преградъ и резонаторовъ извѣстной формы, дающихъ нужные характерные шумы. Такимъ образомъ при описаніи укладки органовъ рѣчи для разныхъ звуковъ рѣчи слѣдовало бы собственно исходить отъ физическихъ условій звуковъ. Такъ, напр. относительно звука *i* нужно прежде всего опредѣлить его характерный тонъ, который около d^4 ($ге^6$). Такой высокій характерный тонъ требуетъ очень короткаго передняго резонатора, широкаго отверстія и пр., притомъ такой-то формы, чтобы получались и остальные тоны характернаго шума звука *i*. Для этого передняя спинка языка должна подыматься къ переднему твердому небу и образовать здѣсь такимъ то образомъ нужный резонаторъ. А спереди резонаторъ этотъ долженъ для укороченія его оканчиваться зубами, слѣдовательно нужно устранять губы, и пр.

Но такая постановка дѣла при настоящемъ знаніи физической стороны звуковъ рѣчи и условій образованія собственныхъ тоновъ въ сложномъ резонаторѣ выполнима лишь отчасти, именно по отношенію къ характерному тону. Но мы не можемъ напр. указать, какіе изъ побочныхъ составныхъ тоновъ звука *y* требуютъ для него болѣе короткаго сзади резонатора, чѣмъ для *o*, такъ какъ, судя по главному характерному тону, для *y* можно было бы скорѣе ожидать болѣе длиннаго сзади резонатора. Тѣмъ не менѣе ясное пониманіе взаимной зависимости физической и физіологической стороны звуковъ рѣчи, насколько это возможно, и теперь необходимо, такъ какъ съ этимъ связано вѣрное пониманіе многихъ явленій фонетики. (Кстати, болѣе короткій сзади резонаторъ для *и* (у), чѣмъ для *o*, я объясняю изъ чисто физіологическихъ условій, именно изъ уменьшенія раскрытія рта, вслѣдствіе чего задняя масса языка заполняетъ больше кпереди заднюю полость рта).

Въ слѣдующемъ я укажу для примѣра характерные тоны общерусскихъ ударенныхъ гласныхъ, опредѣленные мною по слуху. Болѣе подробно о нихъ изложено въ моихъ «Фонетическихъ этюдахъ» (то же въ Р. Ф. В. за 1905, стр. 226 слѣд.) [1]). Съ ними болѣе или менѣе сходны характерные тоны и условія образованія соотвѣтствующихъ гласныхъ другихъ языковъ.

[1]) Въ своемъ «Опытѣ физіологіи общерусскаго произношенія, 1909», проф. Богородицкій даетъ найденные имъ характерные тоны тѣхъ же гласныхъ. Они совершенно расходятся съ моими и совершенно невѣрны, какъ показано мною въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1910 г. № 1

При *i* передняя и средняя спинка языка такъ придвинута впередъ и вверхъ (твердонебное высокое положеніе), что образуетъ возможно короткій передній резонаторъ (см. палатограмму 28) съ широкимъ переднимъ отверстіемъ (устраненныя раздвинутыя губы), особенно при напряженномъ *i*. Вслѣдствіе этого гласный *i* имѣетъ самый высокій собственный шумъ передняго резонатора, около d^4 (re^6). Русское ударенное *i* передъ палатализованнымъ согласнымъ колеблется около d^4--dis^4 и выше, передъ твердыми согласными и въ концѣ обыкновенно около cis^4—dis^4. Въ палатограммѣ 28 узкое *i* въ «ивѣ» произносилось съ особой интенсивностью, вслѣдствіе чего разница въ высотѣ его отъ болѣе широкаго *i* въ «ива» больше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Палатализація послѣдующаго согласнаго содѣйствуетъ подъему спинки языка (стр. 204, 200), какъ и предшествующіе зубные согласные, вслѣдствіе чего при нихъ характерный шумъ звука *i* въ общемъ немного повышается; наоборотъ, сосѣдніе губные согласные понижаютъ его, такъ какъ закрываютъ нѣсколько губы—уменьшаютъ отверстіе резонатора.

При узкомъ русскомъ *e*, т. е. передъ мягкимъ согласнымъ, напр. въ «эти», «сѣть», передній резонаторъ нѣсколько длиннѣе и въ особенности сзади шире, чѣмъ при *i* — среднее твердонебное положеніе языка (см. палатограмму 29), вслѣдствіе чего собственный звукъ нѣсколько ниже, подъ ударéніемъ между h^3 до cis^4.

При такомъ же дальнѣйшемъ удлиненіи и расширеніи резонатора получается широкое русское *e* («это», «сосѣдъ»), которое въ общерусскомъ языкѣ колеблется около gis^3—ais^3 (палатограмма 29).

При русскомъ *ä* (a^e, напр. въ «вялый») длинный соединенный резонаторъ (низкое твердонебное положеніе языка) имѣетъ высоту около g^3—gis^3. Въ «вялить».

Самый широкій объемъ резонатора при такой же наибольшей длинѣ его является при звукѣ *a* (низкое мягконебное положеніе языка). Онъ приблизительно на сексту ниже *i* и почти на октаву выше *u* (русск. у), и колеблется въ русскомъ языкѣ около e^3—g^3 («палъ», «дастъ»), а передъ палатализованными согласными, особенно зубными, около g^3—gis^3 («дать», «казнь»).

При *o* задняя спинка языка приподнята къ задней части мягкаго неба, а передняя спинка оттянутаго назадъ языка опу-

щена. Такимъ образомъ резонаторъ короче, чѣмъ при *a*, зато передняя часть у́же (уголъ челюстей меньше, среднее мягконебное положеніе), а самое главное—губное отверстіе гораздо меньше вслѣдствіе лабіализаціи. Оттого характерный тонъ русскаго *o* около gis²—h², передъ палатализованными согласными около ais²—c³. Вообще русское *o*, вслѣдствіе неэнергичной лабіализаціи, принадлежитъ къ болѣе высокимъ *o*. Обыкновенно разстояніе его отъ *e* около октавы.

При *u* (у) задняя спинка языка приподнята къ переднему мягкому небу, а передняя спинка низко опущена и оттянута назадъ (см. рис. 27), вслѣдствіе чего резонаторъ сзади короче, чѣмъ при *o*. Зато спереди, вслѣдствіе вытягиванія губъ впередъ, длина нѣсколько увеличена. Кромѣ того вся передняя часть резонатора у́же, чѣмъ при *o* (уголъ челюстей меньше, такъ какъ мягконебный высокій звукъ). Но и все это не дало бы пониженія сравнительно съ *o*, если бы губное отверстіе не было меньше, чѣмъ при *o* (бо́льшая лабіализація). Собственный звукъ гласнаго *y* не передъ мягкими согласными около f²—g², передъ палатализованными согласными около g²—gis². Значительныя колебанія объясняются колебаніями въ величинѣ губного отверстія.

Въ *ö* и *ü* (болѣе задніе твердонебные, средній и высокій гласные, см. діаграмму на стр. 166) собственный звукъ нѣсколько ниже, чѣмъ при *e* и *i*, не только потому, что при первыхъ передній резонаторъ нѣсколько длиннѣе и сзади шире, но особенно вслѣдствіе лабіализаціи. Широкое ö въ французскомъ peur я наблюдалъ около fis³; напряженное ö напр. въ нѣмецкомъ schön или французскомъ feu около g³. Широкое ü въ нѣмецкомъ Sünde gis³—a³; напряженное ü напр. въ kühl доходитъ до h³, можетъ быть даже выше. Французское узкое ü вслѣдствіе болѣе сильной лабіализаціи нѣсколько ниже (ruse, fumée).

При назалированныхъ гласныхъ резонаторъ сзади удлиняется присоединеніемъ носовой полости. Поэтому собственный шумъ соединенныхъ резонаторовъ приблизительно на терцію ниже, чѣмъ при чистыхъ гласныхъ. Ср. франц. affaire съ enfin.

Неударенные гласные русскаго языка еще въ точности не изслѣдованы ни въ количественномъ, ни въ качественномъ физическомъ или физіологическомъ отношеніи. Ихъ называютъ нерѣдко неопредѣленными, неясными, неявственными, глухими и пр. конечно не потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ были неопредѣленными или неясными, а лишь потому, что ихъ трудно опредѣлить обыкновеннымъ прислушиваніемъ и наблюде-

ніемъ въ виду краткости ихъ и непривычки произносить ихъ самостоятельно. Отсюда понятно, что пока можно лишь дать въ грубыхъ чертахъ практическія указанія о качествѣ и продолжительности и о различіи ихъ отъ соотвѣтствующихъ ударенныхъ гласныхъ. Появляющіяся въ печати описанія или даже «правила» произношенія общерусскихъ неударенныхъ гласныхъ лишены поэтому научнаго основанія и не заслуживаютъ довѣрія, тѣмъ болѣе, что образцовое произношеніе общерусскаго языка совершенно не установлено ни для гласныхъ, ни для согласныхъ.

§ 7. Физіологическая классификація шумныхъ согласныхъ. Характерные шумы ихъ.

Шумные согласные въ отличіе отъ сонорныхъ согласныхъ и отъ гласныхъ.

По старому дѣленію звуки рѣчи дѣлятся на гласные и согласные. Но это дѣленіе лишь частію оправдывается физіологическими и акустическими условіями ихъ. Изъ согласныхъ нужно выдѣлить плавные (*l* и *r* безъ раскатовъ) и носовые (*m* и разные *n*), которые вмѣстѣ съ гласными образуютъ классъ *сонорныхъ* звуковъ. Остающіеся затѣмъ согласные образуютъ классъ *шумныхъ* звуковъ или шумныхъ согласныхъ.

Отличительный признакъ шумныхъ согласныхъ отъ сонорныхъ составляетъ сравнительно *сильный шумъ* (шипѣніе, свистъ или взрывъ), образуемый въ полости рта, при гортанныхъ шумныхъ въ гортани, посредствомъ *преграды*, противопоставляемой выдыхаемому току воздуха. Преграда эта является или въ видѣ *тѣснины*, оставляющей узкую щель для прохода выдыхаемаго воздуха, напр. при русск. *с*, *ф*, *х*, или въ видѣ полнаго *затвора*, какъ напр. при *т*, *к*, *п*. Сила характернаго шума въ шумныхъ согласныхъ настолько велика, что при присутствіи голоса, т. е. въ звонкихъ шумныхъ согласныхъ какъ *з*, *в*, *д*, *б* и пр., шумъ можетъ восприниматься ясно какъ самостоятельная составная часть звука, раздающаяся вмѣстѣ съ музыкальнымъ звукомъ голоса. Для начальныхъ наблюденій лучше всего произносить попеременно продолжительные *в—ф*, *з—с*, *ж—ш*.

Большая сила шума въ шумныхъ согласныхъ объясняется тѣмъ, что воздухъ, сдавливаемый за преградой и потому вырывающійся быстрой струей черезъ узкое отверстіе, трется о неровныя стѣнки этого отверстія (т. е. въ токѣ образуется масса частичныхъ теченій, направляемыхъ съ однихъ мѣстъ стѣнокъ противъ другихъ) и затѣмъ отсюда направ-

ляется съ силой противъ другихъ стѣнокъ полости рта, которыми этотъ токъ разбивается. Эти движенія передаютъ воздушному столбу въ полости рта разныя многочисленныя очень быстрыя частичныя колебанія, составляющія очень сложные высокіе шумы. Происхожденіе этихъ шумовъ такое же, какъ въ мундштукѣ органныхъ трубъ безъ язычка или въ окаринѣ, только шумы этихъ инструментовъ менѣе замѣтны, такъ какъ они заглушаются резонансомъ наставной трубы съ правильной формой и твердыми стѣнками, усиливающей музыкальный звукъ. Но шумы слышны въ нихъ, если дуть въ нихъ съ слабой силой, не дающей музыкальнаго звука.

Различіе между характерными шумами гласныхъ, плавныхъ и носовыхъ, съ одной стороны, и шумныхъ согласныхъ, съ другой стороны, можно приблизительно выяснить себѣ на слѣдующемъ простомъ опытѣ. Если дунуть слабо въ обыкновенный чайный стаканъ, приставивъ его отверстіе близко къ губамъ, то раздается собственный слабый шумъ заключенной въ немъ воздушной массы. Шумъ этотъ довольно близокъ къ музыкальному звуку и высота его ясно слышна. Если затѣмъ дунуть сверху прямо противъ края стакана (лучше взять стаканъ съ тонкими краями), то раздается значительно болѣе сильный и сложный специфическій шипящій шумъ, съ трудно уловимой высотой. Но вмѣстѣ съ нимъ раздается еще и первый шумъ, т. е. собственный шумъ воздушной массы въ стаканѣ, приведенной въ свойственныя ей колебанія разбрасываемой краемъ стакана струей. При этомъ собственный звукъ внутренности стакана настолько усиливается, что имъ опредѣляется высота всего этого сложнаго шума, который поэтому имѣетъ ту же высоту, что внутренность стакана. Если наливать понемногу воды въ стаканъ и повторять эти придуванія, то различіе въ общемъ характерѣ и силѣ обоихъ шумовъ сохраняется, но въ обоихъ шумахъ высота одинаково повышается по мѣрѣ уменьшенія внутренняго пустого пространства стакана.

Съ шумомъ перваго рода, т. е. собственнымъ шумомъ внутренности стакана, можно сравнивать характерные шумы гласныхъ и сонорныхъ согласныхъ, которые образуются такъ же въ полости рта въ видѣ собственныхъ шумовъ ея при извѣстной укладкѣ; а съ шумами второго рода, получаемыми отъ тренія и разбиванія воздушнаго тока о край стакана въ связи съ собственнымъ шумомъ внутренняго пространства стакана, можно сравнивать характерные шумы шумныхъ согласныхъ. Изъ сравненія

обоихъ шумовъ становится понятнымъ, что перваго рода шумъ долженъ заглушаться голосомъ и придаетъ голосу лишь характерную окраску или тембръ, между тѣмъ какъ второго рода шумъ, какъ въ шумныхъ согласныхъ, рѣзко выдѣляется, а голосъ, если присутствуетъ, составляетъ лишь придатокъ къ шуму.

Правда, шумы тренія и разбиванія воздушнаго тока находятся также въ зависимости отъ формы резонатора и въ органной трубѣ они совершенно заглушаются собственнымъ звукомъ наставноії трубы. Но при слабомъ вдуваніи раздается и въ органной трубѣ сложный шумъ, а ротовая полость имѣетъ очень неправильную сложную форму и большею частію мягкія стѣнки, вслѣдствіе чего ею поддерживается масса разныхъ негармоничныхъ колебаній.

Колебанія воздуха при шумныхъ согласныхъ передаются отъ мѣста преграды также и резонатору, находящемуся позади преграды. Поэтому высота характернаго шума согласнаго опредѣляется величиною или одного передняго резонатора (у мягконебныхъ и твердонебныхъ), или величиною задняго резонатора въ связи съ переднимъ (у зубныхъ и зубогубныхъ). При губогубныхъ существуетъ только задній резонаторъ, при шипящихъ только передній резонаторъ.

Шумные согласные классифицируются на основаніи слѣдующихъ условій производства ихъ: 1) по мѣсту образованія преграды, 2) по роду преграды, 3) по участію или неучастію голоса, 4) по силѣ (энергіи) производства шума, 5) по степени напряженности артикулирующихъ органовъ и стѣнокъ резонаторовъ, а также на основаніи другихъ признаковъ, какъ палатализаціи, либіализаціи и пр.

Степень напряженности и силы, участіе голоса въ шумныхъ согласныхъ.

Степень *напряженности* артикулирующихъ органовъ вліяетъ особенно при затворныхъ согласныхъ (*k*, *t*, *p* и пр.) на качество звука. При напряженности мѣста прикосновенія уже, прикосновеніе энергичнѣе, сильнымъ токомъ въ моментъ взрыва разрывается затворъ, акустическое впечатлѣніе болѣе рѣзкое вслѣдствіе большей твердости стѣнокъ резонатора. Такая напряженность слышится особенно въ глухихъ взрывныхъ. Напряженность въ общемъ гораздо больше напр. во французскомъ языкѣ, чѣмъ въ русскомъ. При малой напряженности мѣста соприкосновенія шире, взрывъ производится раздвиженіемъ затвора, звукъ взрыва болѣе слабый и болѣе глухой.

По *силѣ* производства шумные согласные могутъ быть *сильные* (fortes), *слабые* (lenes) и т. д. Такъ напр. русскіе *к*, *т*, *ф* и

пр. сильные въ сравненіи съ слабыми *г*, *д*, *в*, и пр. (ср. выше стр. 148). Въ записи сила опредѣляется амплитудой кривой. При болѣе энергичномъ производствѣ звуковъ движенія органовъ рѣчи производятся съ большей полнотой, вслѣдствіе чего на палатограммахъ мѣста касанія сильныхъ согласныхъ больше.

На основаніи *участія* или *неучастія голоса* согласные дѣлятся на *звонкіе* (голосные,tonantes) и *глухіе* (безголосные, atonae). Русскіе *к*, *т*, *ф*, *с* и пр. глухіе, *г*, *д*, *в*, *з* и пр. звонкіе.

Напр. въ извѣстныхъ германскихъ и армянскихъ говорахъ существуютъ и глухіе (слабые) *g*, *d*, *b*, которые можно также называть слабыми *k*, *t*, *p*, такъ какъ они отличаются отъ глухихъ *k*, *t*, *p* лишь меньшей силой. Лучше всего опредѣлить присутствіе или отсутствіе голоса въ согласныхъ, если произносить ихъ заткнувъ пальцами уши. Для болѣе точнаго опредѣленія времени участія голоса, т. е. вибрацій голосовыхъ связокъ, употребляется аппаратъ — гортанный сигналъ. Гораздо лучшіе результаты даетъ графическій способъ, указанный на стр. 154.

Дѣленіе шумныхъ согласныхъ по роду преграды.

По роду преграды, или способу образованія шума, мы различаемъ согласные: 1) *затворные*, называемые также смычными, а по акустическому эффекту также *мгновенными* (momentanae) или *взрывными* (explosivae); 2) *фрикативные* т. е. звуки тренія, называемые также *спирантами*; 3) *аффрикаты* или слитные согласные.

При производствѣ *затворныхъ* согласныхъ въ извѣстной части рта производится полный затворъ. (См. палатограммы 30, 34, 36). Такъ какъ при этомъ входъ въ носовую полость закрытъ, то выдыхаемый изъ легкихъ токъ воздуха, не находя выхода, сдавливается и напираетъ между прочимъ на мѣсто затвора. При размыканіи затѣмъ затвора воздухъ вдругъ вырывается съ шумомъ въ видѣ взрыва, кончающагося быстро и незамѣтно. Ср. затворные *k*, *t*, *p*, *g* и пр. (русск. *к*, *т*, *п*, *г* и пр.).

Затворные согласные состоятъ собственно изъ трехъ моментовъ: *затвора*, *выдержки затвора* т. е. промежутка между затворомъ и растворомъ, и *раствора* (взрыва). При удлиненіи выдержки затвора получаются *долгіе затворные* согласные. Моменты затвора и раствора не могутъ быть удлиняемы.

Акустически взрывъ является обыкновенно самой сильной, а потому самой характерной частью этихъ согласныхъ. Но въ концѣ слога наиболѣе слышнымъ является небольшой шумъ пе-

редъ затворомъ, который рѣзко обрывается затворомъ; а ко времени раствора давленіе воздуха успѣло настолько ослабѣть къ концу слога, что шумъ раствора мало слышенъ. Такіе взрывные согласные называются имплозивными (implosivae), въ отличіе отъ explosivae или взрывныхъ въ собственномъ смыслѣ, въ которыхъ главной частью является взрывъ. Такъ, въ „топотъ", „человѣкъ" и пр. послѣдніе согласные implosivae.

Во время выдержки затвора глухихъ затворныхъ согласныхъ является отсутствіе всякаго звука, но не отсутствіе артикуляціи. А въ звонкихъ затворныхъ согласныхъ во время выдержки затвора слышится нерѣдко глухой голосъ, производимый въ закрытую полость рта (Blählaut). Онъ усиливается къ моменту взрыва, но можетъ и постепенно замирать передъ самымъ растворомъ вслѣдствіе переполненія полости рта воздухомъ. Конечно главное отличіе звонкихъ затворныхъ согласныхъ отъ глухихъ заключается въ томъ, что при растворѣ звонкихъ согласныхъ вырывается звучащій токъ воздуха, приведенный голосовыми связками въ колебанія, называемыя голосомъ; а при глухихъ вырывается незвучащій токъ, проходящій черезъ раскрытую голосовую щель.

Особый подклассъ затворныхъ согласныхъ образуютъ *придыхательные* затворные согласные (aspiratae), какъ древнеиндійскіе глухіе *kh*, *th*, *ph*, и звонкіе *gh*, *dh*, *bh*. Въ нѣмецкомъ языкѣ въ ударенныхъ слогахъ *k*, *t*, *p* произносятся обыкновенно какъ придыхательные *kh*, *th*, *ph*. напр. въ Ton, kein. Надо конечно имѣть въ виду, что здѣсь *h* обозначаетъ не гортанный фрикативный согласный, а лишь сильное выдыханіе, сопровождающее взрывъ и производящее болѣе или менѣе сильный шумъ въ самой полости рта.

При производствѣ *фрикативныхъ* согласныхъ (спирантовъ) артикулирующіе органы сближаются настолько, что между ними образуется узкая щель – *тѣснина*. (См. палатограммы 31, 32, 33). Проходящій черезъ нее сдавленный токъ воздуха производитъ треніе (отсюда названіе этихъ согласныхъ: fricare значитъ тереть) о края отверстія и противъ стѣнокъ, преграждающихъ ему путь, вслѣдствіе чего раздается шумъ вродѣ свиста или шипѣнія. Къ фрикативнымъ согласнымъ относятся глухіе *f*, *s*, š, x (русскіе *ф*, *с*, *ш*, *х*) и соотвѣтствующіе звонкіе *v*, *z*, ž γ (русскіе *в*, *з*, *ж*, *г* напр. въ бога, богатый).

Фрикативные согласные вмѣстѣ съ плавными и носовыми называются также *длительными* согласными, въ отличіе отъ взрывныхъ и аффрикатъ, называемыхъ *мгновенными*, такъ какъ

первые не измѣняются въ теченіе производства ихъ даже при удлиненіи, между тѣмъ какъ взрывъ длится только одно мгновеніе, быстро ослабѣвая.

Аффриката или слитный согласный состоитъ изъ тѣснаго соединенія затворнаго согласнаго съ послѣдующимъ фрикативнымъ, образуемымъ въ томъ же мѣстѣ, при тѣхъ же условіяхъ. Таковы $\widehat{pf}$, $\widehat{ts}$ (нѣмец. *z*, русское *ц*), $\widehat{tš}$ (русское *ч*), $\widehat{kχ}$ (греч. χ, употребляемое въ транскрипціи, обозначаетъ тотъ же звукъ, что русская буква *х*), $\widehat{dz}$ (старославянское діалектическое *s*), $\widehat{dž}$ (итальянское giorno) и пр. Обозначеніе аффрикатъ посредствомъ двухъ буквъ неточно, такъ какъ обѣ вмѣстѣ обозначаютъ одинъ нераздѣльный звукъ, на что указываетъ соединяющая ихъ дуга.

Аффрикаты происходятъ обыкновенно изъ придыхательныхъ затворныхъ, если размыканіе происходитъ недостаточно быстро при сильномъ выдыханіи, такъ что размыкающіяся части пребываютъ еще моментъ въ положеніи производства фрикативнаго: $\widehat{ph} > \widehat{pf}$ и пр. При дальнѣйшемъ историческомъ развитіи $\widehat{pf}$, $\widehat{kχ}$ и пр. переходятъ обыкновенно въ спиранты f, χ.

Дѣленіе шумныхъ согласныхъ по мѣсту образованія преграды.

По мѣсту образованія преграды согласные дѣлятся на слѣдующіе классы: 1) губные, 2) зубные въ широкомъ смыслѣ, включая сюда и альвеолярные и извѣстные твердонебные, 3) твердонебные или палатальные, 4) мягконебные или велярные, 5) гортанные. Большинство изъ этихъ областей обширны и допускаютъ разныя болѣе мелкія подраздѣленія. Разсмотрю ихъ въ обратномъ порядкѣ.

а) Мягконебные шумные согласные.

При *мягконебныхъ* согласныхъ затворъ или тѣснина образуется задней спинкой языка противъ мягкаго неба, почему эти согласные называются также *заднеязычными*. Вырывающаяся отсюда струя воздуха направляется противъ твердаго неба и верхнихъ десенъ и разбивается ими. Другія названія ихъ: *велярные* (отъ velum palati), *задненебные*, гортанные (совершенно ошибочное названіе, переводъ латинскаго gutturales, отъ guttur — гортань).

Форма, твердость или мягкость и пр. того препятствія, противъ котораго направляется и разбивается токъ, имѣетъ существенное значеніе

для качества специфическаго шума шумныхъ согласныхъ. Это мѣсто узнается изъ осязательнаго ощущенія при продолжительномъ энергичномъ производствѣ звука. Если просунуть туда кончикъ пальца, то на немъ ощущается дѣйствіе тока. Если просунуть туда конецъ тонкой бумажной трубочки, то слышенъ особый шелестъ, когда токъ направленъ на нее.

Мягконебные согласные русскаго языка слѣдующіе: при затворѣ безъ участія голоса — глухой затворный (взрывной) *k* (*к*, напр. въ «какой»); при затворѣ съ участіемъ голоса — звонкій затворный *g* (*г*, «годъ»); при тѣснинѣ безъ голоса—глухой фрикативный χ (*х*, хохолъ»); при тѣснинѣ съ участіемъ голоса—звонкій фрикативный звукъ, передаваемый въ научной транскрипціи греческой буквой γ, въ русскомъ письмѣ посредствомъ *г*, напр. въ «Бога», «богатый». Въ малорусскомъ языкѣ *г* обозначаетъ исключительно такой звонкій фрикативный, соотвѣтствующій великорусскому мягконебному затворному *г*. Въ общерусскомъ языкѣ этотъ звукъ употребляется только въ нѣкоторыхъ словахъ. Этотъ звукъ обозначается, кромѣ γ, еще неточно посредствомъ ɾ̓.

Нужно различать *передніе* и *задніе* или *глубокіе* мягконебные согласные. Передніе мягконебные согласные производятся задней спинкой языка противъ мягкаго неба въ тѣсномъ смыслѣ, а задніе мягконебные—противъ передней и особенно задней подъ небной дуги. Русскіе *к* и *г* относятся къ переднимъ, а фрикативные *х* и *ɾ̓* относятся большею частію къ заднимъ мягконебнымъ. Въ семитическихъ языкахъ и пр. существуютъ и соотвѣтствующіе глубокіе мягконебные затворные.

Мягконебная глухая аффриката $\widehat{kχ}$ существовала въ древнегреческомъ языкѣ и произошла изъ болѣе древняго придыхательнаго $\widehat{kh}$ и затѣмъ измѣнилась въ фрикативный χ. Артикуляціи мягконебныхъ согласныхъ вполнѣ видны въ зеркало.

b) Твердонебные шумные согласные

При *твердонебныхъ* или палатальныхъ согласныхъ (palatales, отъ palatum—твердое небо) затворъ или тѣснина производится *средней* спинкой языка противъ твердаго неба, почему называютъ ихъ и *среднеязычными*. Вырывающаяся отсюда струя воздуха направляется главнымъ образомъ противъ верхней передней десны. Твердонебные согласные называются еще *среднеязычными* и просто небными (переводъ слова palatales). Терминъ

«палатальный» не слѣдуетъ смѣшивать съ терминомъ «палатализованный», обозначающимъ палатализацію т. е. извѣстную укладку языка для смягченія согласныхъ.

По мѣсту образованія нужно различать твердонебные передніе и задніе или собственно средненебные согласные. Вообще же «небные» согласные въ широкомъ смыслѣ могутъ образоваться непередней спинкой языка противъ обширной области отъ поднебныхъ дугъ до передняго твердаго неба. Всѣ эти согласные акустически, по своему характерному шуму, очень сходны между собою и потому обозначаются обыкновенно однѣми и тѣми же буквами *k*, *g*, χ. Только для звонкаго фрикативнаго твердонебнаго употребляется буква *j* (йотъ) въ отличіе отъ такого же задненебнаго, обозначаемаго буквою γ (*i̯*).

Къ болѣе заднимъ твердонебнымъ относятся напр. нѣмецкіе твердонебные затворные *k* и *g* въ Kirsche, Gyps и пр. и фрикативные *ch* и *j* напр. въ Licht, jeder. Въ русскомъ языкѣ эти согласные очень передніе и очень мягкіе, т. е. палатализованы (стр. 204, 200). Сюда относятся русскіе *мягкіе*: глухой затворный *к'* (напр. въ «кѣмъ», «кисть»), звонкій затворный *г'* («гибель»), глухой фрикативный *х'* («хитрый»), звонкій фрикативный йотъ (j), если въ словахъ какъ «елка», «есть» слышится шумный согласный (jолка, jесть), а не і неслоговое (іолка, іесть). (Знакомъ ' при согласныхъ принято обозначать мягкость ихъ).

Въ помѣщенной здѣсь палатограммѣ 30 видны мѣста прикосновенія языка къ небу при нѣмецкомъ средненебномъ *k* въ «kennen», и русскомъ (мягкомъ, палатализованномъ) *k'* въ «кѣмъ». На рис. 31 помѣщены палатограммы нѣмецкаг отвердонебнаго спиранта *ch* въ Licht и русскаго *x'* въ «хилый». Предѣльныя линіи района касанія 1 (при *x'*) и 2 (при *ch*) скрещиваются на правой сторонѣ палатограммы, слѣдовательно въ лѣвой сторонѣ рта. Эти линіи конечно не всегда бываютъ вполнѣ одинаковы.

Рис. 30.

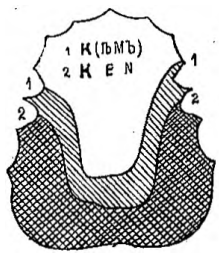
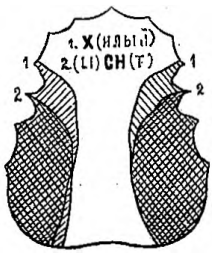

Рис. 31.

c) Зубные шумные согласные.

Зубные шумные сосласные образуются 1) противъ передней верхней десны, и 2) противъ верхняго края переднихъ зубовъ и нижняго края передней десны одновременно. Первые называются *альвеолярными*, вторые называются *верхнезубными* (supradentales). Языкъ артикулируетъ въ обоихъ случаяхъ или кончикомъ (точнѣе: переднимъ краемъ), или же передней спинкой. Къ верхнезубнымъ относятся въ произношеніи большинства русскіе: глухой затворный *t* (*т*) и звонкій затворный *d* (*д*). 3) Чисто зубные (*зазубные*—postdentales) *t*, *d* образуются кончикомъ языка противъ верхнихъ переднихъ звуковъ. Эти различія по мѣсту образованія не имѣютъ существеннаго значенія для звука.

4) *Межзубные* (interdentales) образуются переднимъ верхнимъ краемъ языка противъ нижняго края верхнихъ переднихъ зубовъ, такъ что кончикъ языка нѣсколько выступаетъ изъ-за верхнихъ зубовъ.

Такіе *t*, *d* встрѣчаются напр. въ языкахъ сербскомъ и армянскомъ Сюда относятся новогреческій глухой фрикативный θ и звонкій ð, рѣдко англійскій *th* глухой (напр. въ thurst) и звонкій (напр. въ the). Обыкновенно эти англійскіе фрикативные производятся кончикомъ языка за нижнимъ краемъ переднихъ верхнихъ зубовъ, однако такъ, что кончикъ языка заслоняетъ нижніе зубы отъ струи, направляя ее мимо нижнихъ зубовъ къ внутренней стѣнкѣ нижней губы.

Къ зубнымъ согласнымъ въ широкомъ смыслѣ относятъ еще 5) тѣ согласные, образуемые противъ твердаго неба, которые имѣютъ съ зубными, въ отличіе отъ твердонебныхъ, то общее, что образуются *кончикомъ* языка, а не средней спинкой, и потому по артикуляціи языка и по акустическому впечатлѣнію близко родственны съ зубными. Сюда относятся такъ называемые *верхненебные* или *церебральные* индійскіе согласные (mūrdhanya), производимые нижнимъ краемъ кончика языка, нѣсколько загнутаго назадъ, противъ твердаго неба. Въ санскритской транскрипціи они передаются посредствомъ ṭ, ṭh, ḍ, ḍh, ṇ, ṣ. Въ виду отнесенія такихъ твердонебныхъ согласныхъ къ зубнымъ, зубные согласные въ совокупности называются еще *небнозубными*, а по положенію языка—*переднеязычными*.

При производствѣ такъ называемыхъ *свистящихъ*, т. е. глухого фрикативнаго зубного s (русскаго *с*) и звонкаго *z* (рус-

Рис. 32.

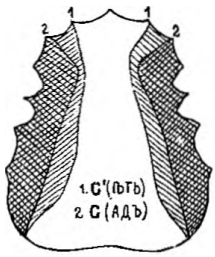
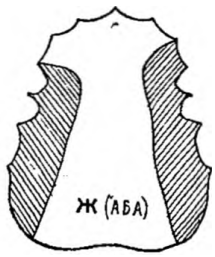

Рис. 33.

скаго *з*), тѣснина образуется передней спинкой языка противъ десны и верхнихъ зубовъ. При этомъ передняя спинка языка образуетъ въ срединѣ желобокъ (см. палатограмму 32), по которому выдыхаемый воздухъ вырывается узкою струею, направляясь подъ небольшимъ угломъ противъ передней десны и переднихъ верхнихъ зубовъ, откуда онъ направляется на твердые угловатые края переднихъ нижнихъ зубовъ, которыми онъ разбивается съ сильнымъ своеобразнымъ шумомъ.

Самая сильная часть шума *s*, *z* получается отъ разбиванія струи о край переднихъ нижнихъ зубовъ, откуда главный токъ направляется противъ нижней губы. Въ значеніи этого шума можно убѣдиться, если удалить нижніе зубы опусканіемъ нижней челюсти, т. е. широкимъ раскрытіемъ рта. Тогда *s* и *z* теряютъ свой характерный шумъ. Что для этихъ звуковъ нужны твердая стѣнка переднихъ верхнихъ зубовъ и твердый сравнительно тонкій край переднихъ нижнихъ зубовъ, явствуетъ изъ сравненія съ произношеніемъ лицъ, потерявшихъ передніе зубы.

При образованіи *шипящихъ*, т. е. глухого зубного фрикативнаго š (рус. *ш*, нѣм. sch) и звонкого ž (*ж*), передній край языка приподнятъ къ деснамъ такъ, что между языкомъ и передними и передними боковыми зубами образуется длинная щель, дугообразно огибающая весь край передней спинки языка (см. палатограмму 33). По этой щели токъ воздуха разливается съ выпуклой передней спинки языка широкой струей на край нижнихъ зубовъ, гдѣ онъ съ силой разбиваясь приводитъ въ шипѣніе воздухъ въ резонаторѣ, образуемомъ между нижней спинкой языка и нижними зубами, къ которому прибавляется еще пространство съ наружной стороны переднихъ боковыхъ зубовъ, ограниченное щеками и губами. Въ этомъ большомъ сложномъ резонаторѣ образуется характерный очень сложный шумъ шипящихъ.

При свистящихъ этотъ нижній резонаторъ уничтожается тѣмъ, что нижняя спинка языка вплотную прижимается къ нижнимъ деснамъ и зубамъ, оставляя свободнымъ лишь верхній край зубовъ для разбиванія струи. Если при š струя слишкомъ узка, такъ что ударяется только напр·

въ 2 переднихъ зуба, или резонаторъ для š слишкомъ малъ, то получается звукъ не то s, не то š (*ш*). Поэтому по мѣрѣ смягченій š (*ш*), т. е. по мѣрѣ уменьшенія его резонатора, онъ постепенно переходитъ въ *s* (*с*) съ болѣе сложнымъ шумомъ, въ виду большей ширины струи. Отсюда объясняется встрѣчающаяся замѣна *ч* посредствомъ *ц* и наоборотъ, а также разнообразіе и дефекты въ производствѣ звука *ш*.

Къ зубнымъ фрикативнымъ относятся еще упомянутые выше греческіе межзубные ϑ, ð и англійскіе глухой и звонкій th. Особенность шума ихъ, въ отличіе отъ s, получается отъ того, что разбиваніе струи о край нижнихъ зубовъ устраняется при помощи кончика языка, прикрывающаго нижніе зубы. Струя трется о край и промежутки верхнихъ зубовъ и направляется отсюда главнымъ образомъ противъ внутренней стѣнки верхней или нижней губы.

Къ зубнымъ альвеолярнымъ аффрикатамъ относятся глухое t͡š (русское *ч*, которое всегда мягкое) и звонкое d͡ž (діалектически въ малорусскомъ и въ бѣлорусскомъ напр. «виджу», въ итальянскомъ языкѣ напр. giorno).

Русскія аффрикаты *ц* глухая и д͡з звонкая (напр. мягкое д͡з, а также ц′, въ бѣлорусскомъ «дзевяць», старославянское діалектическое s напр. въ **нозѣ**) относятся къ верхнезубнымъ или альвеолярнымъ аффрикатамъ.

Древнегреческій звукъ ϑ былъ въ началѣ письменности глухой зубной придыхательный *th*, перешелъ въ аффрикату т͡ϑ, которая затѣмъ измѣнилась въ фрикативный ϑ, какъ k͡χ и p͡f измѣнились въ χ и f (χ, φ).

d) Губные шумные согласные.

При *губныхъ* согласныхъ преграда производится или верхней и нижней губами (*губогубные*, bilabiales), или нижней губой и нижнимъ краемъ верхнихъ зубовъ (*зубогубные* согласные, dentilabiales),

Губные затворные глухой *p* (русскій *п*) и звонкій *b* (русскій *б*) образуются билабіально; зубогубной затворный согласный удается плохо, такъ какъ воздухъ проходитъ черезъ промежутки зубовъ.

Фрикативные губные, глухой *f* (русск. *ф*) и звонкій *v* (русскій *в*), производятся обыкновенно какъ зубогубные. При зубогубныхъ *f* и *v* воздухъ трется о нижній край и промежутки верхнихъ зубовъ, откуда струя направляется нижней губой противъ внутренней стѣнки верхней губы, гдѣ образуется еще зна-

чительный специфическій шумъ. Значеніе его видно, если при производствѣ *f* оттянуть верхнюю губу пальцами вверхъ.

При губогубныхъ *v* и *f* струя не встрѣчаетъ дальнѣйшихъ препятствій, почему шумъ ихъ крайне слабъ. Впрочемъ звонкій билабіальный губной спирантъ встрѣчается довольно часто въ разныхъ языкахъ.

Англійское *w* отличается отъ неслогового *u̯* (стр. 222) акустически присутствіемъ шума, физіологически меньшимъ отверстіемъ губъ. Отъ билабіальнаго *v* оно отличается тѣмъ, что края губъ установлены при *v* почти прямолинейно и параллельно, между тѣмъ какъ при *w* губы образуютъ очень маленькое круглое отверстіе и кромѣ того задняя спинка языка поднята къ мягкому небу, какъ при слоговомъ u (рус. у). Подобный звукъ употребителенъ и въ малорусскомъ языкѣ, напр. въ «даў» (далъ), «воўк»(волкъ),«синіў»,и діалектически въ великорусскомъ языкѣ, напр.«городоў» и пр., и повидимому въ бѣлорусскомъ, напр. «городоў».«Не всегда можно строго отдѣлять *w* (ў) отъ билабіальнаго *v* (в) и послѣдняго отъ зубогубного *v* (в).

Глухая губная аффриката есть напр. въ нѣмецкомъ Pferd, когда *p* произносится, причемъ *f* билабіальное.

e) Гортанные шумные согласные.

Благодаря подвижности голосовыхъ связокъ въ гортани можно такъ же, какъ въ полости рта, противопоставлять току выдыхаемаго воздуха тѣснину или затворъ и такимъ образомъ образовать гортанные шумные согласные, фрикативные и взрывные. Напр. энергичное нѣмецкое *h* (иногда и русское *x*) представляетъ такой глухой гортанный фрикативный (стр. 147), который впрочемъ въ извѣстныхъ сочетаніяхъ бываетъ и звонкимъ, какъ всегда *h* древнеиндійскаго языка. Въ семитическихъ языкахъ существуютъ гортанные затворные и нѣсколько разновидностей гортаннаго фрикативнаго. Гортанный слабый глухой затворный является обыкновенно въ нѣмецкомъ языкѣ передъ начальными ударенными гласными, хотя онъ въ письмѣ не обозначается (ein, aber, арабское hamza). Этотъ согласный можно называть и крѣпкимъ приступомъ гласнаго (см. ниже § 15).

Характерные шумы, твердость и мягкость шумныхъ согласныхъ.

Согласные въ словахъ какъ „кисть“, „тесть“, „хитрѣе“, „людей“ и пр. были названы *мягкими* по безотчетному акусти-

ческому эффекту, производимому ими на слухъ въ отличіе отъ соотвѣтствующихъ *твердыхъ*. Они транскрибируются *к'*, *с'*, *т'*, *х'*, *р'*, *л'*, или *к*^{i}, *с*^{i} и пр., причемъ въ послѣднемъ случаѣ приставленное маленькое *і* обозначаетъ палатализацію. Въ чемъ же заключается то акустическое качество этихъ согласныхъ, по которому ихъ назвали мягкими, mouillé?.

По моимъ наблюденіямъ высота собственнаго шума резонатора всякаго согласнаго можетъ представлять варіяціи около 1 или 1$^{1}/_{2}$ октавы, причемъ низшія разновидности согласныхъ небныхъ (*х*, *к*, *г* и пр.) и особенно губныхъ (*ф*, *п* и пр.) на нѣсколько тоновъ ниже, чѣмъ низшія разновидности зубныхъ *с*, *д* и пр. Выяснилось, что именно разновидности каждаго согласнаго съ очень высокимъ шумомъ резонатора называются *мягкими*, въ противопололожность *твердымъ*, т. е. согласнымъ съ низкимъ или среднимъ по высотѣ шумомъ.

Мы видѣли, что въ гласныхъ абсолютная высота характернаго шума ихъ имѣетъ существенное значеніе для характеристики каждаго гласнаго въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ, почему опредѣленіе одного лишь характернаго тона каждаго гласнаго до нѣкоторой степени замѣняетъ полный акустическій анализъ гласнаго. Согласно вышесказанному въ согласныхъ дѣло обстоитъ иначе. Въ „сядь“—„сѣть“—„садъ“—„соль“—„судъ“, „Θедя“—„фатъ“—»футъ“ и пр. высота шума резонаторовъ *s* (*с*) и *f* (*ф*) представляетъ постепенно понижающіяся различія въ предѣлахъ слишкомъ октавы, тѣмъ не менѣе всѣ такіе *с* или *ф* мы принимаемъ по нашимъ слуховымъ впечатлѣніямъ одинаково за *с* или *ф*, и совпаденіе по высотѣ *с* съ *ф* или съ *х* и пр. нисколько не уменьшаетъ различія между *с*, *ф* и пр. Очевидно высота шума согласнаго не можетъ считаться характерной принадлежностью его для отличія отъ другихъ согласныхъ, а служить лишь для различія разныхъ разновидностей звука *s* или *f* и пр. другъ отъ друга.

Вслѣдствіе непониманія сущности мягкости и твердости согласныхъ, на различіе между *k*, χ, *s* и пр. въ «каста», «хата», «сала» съ одной стороны, и въ «кусту», «худо», «суду» — съ другой, обыкновенно не обращаютъ вниманія и ихъ называютъ одинаково *твердыми*, хотя послѣдніе всегда на нѣсколько тоновъ ниже первыхъ. Если же обращаютъ вниманіе на это раз-

личіе, то послѣдніе характеризуютъ лишь физіологически, какъ лабіализованные.

Отсюда слѣдуетъ, что при описаніи согласныхъ какого нибудь языка или говора опредѣленіе абсолютной высоты ихъ въ разныхъ положеніяхъ служитъ незамѣнимымъ средствомъ для болѣе точной характеристики согласныхъ, для которой теперь употребляютъ только неточныя субъективныя градаціи по общему слуховому впечатлѣнію: «твердый», «мягкій» и иногда «полумягкій».

Изъ предыдущаго ясно, что характерной частію каждаго шумнаго согласнаго нужно считать ту составную часть шума его, которая одинаково присуща высокимъ (мягкимъ) и низкимъ (твердымъ) *s* или χ или *k*, *p*, *t* и пр. Она собственно и есть *характерный шумъ* каждаго согласнаго въ отличіе отъ характерныхъ шумовъ другихъ согласныхъ. Составы этихъ шумовъ очень сложны и не выяснены.

Для нашей цѣли важнѣе выяснить связь характерныхъ шумовъ согласныхъ и высоты ихъ съ тѣми физіологическими условіями, при которыхъ они возникаютъ. На стр. 187 я сравнивалъ характерный шумъ согласнаго съ тѣмъ специфическимъ сильнымъ шумомъ, который получался отъ тренія и разбиванія струи воздуха о край стакана при придуваніи его, между тѣмъ какъ высота получаемаго при этомъ шума опредѣлялась высотой собственнаго звука воздушной массы внутри стакана, приводимой той же струей въ свойственныя ей колебанія. Совершенно такъ же производится *характерный шумъ* каждаго *шумнаго согласнаго* посредствомъ тренія выдыхаемаго тока въ опредѣленной тѣснинѣ и посредствомъ дальнѣйшаго разбиванія получаемой отсюда быстрой струи противъ опредѣленныхъ противопоставленныхъ преградъ, на которыя я указывалъ при разсмотрѣніи согласныхъ по мѣсту образованія ихъ.

При такихъ условіяхъ образуется множество очень высокихъ негармоничныхъ тоновъ, которые для каждаго согласнаго различны, такъ какъ преграды ихъ по формѣ, твердости и пр. различны. Вмѣстѣ съ тѣмъ струя воздуха возбуждаетъ и собственныя колебанія прилегающихъ резонаторовъ рта, и эти частію болѣе низкіе шумы примѣшиваются къ характернымъ шумамъ тренія и опредѣляютъ *высоту всего шума согласнаго*. Главный резонирующій резонаторъ, отъ котораго зависитъ высота шума согласнаго, можетъ находиться какъ передъ мѣстомъ преграды, такъ и за преградой.

Шумы взрывныхъ (затворныхъ) согласныхъ отличаются отъ шумовъ фрикативныхъ согласныхъ тѣмъ, что при первыхъ сдавленный за затворомъ воздухъ вырывается вдругъ съ значительной силой, съ сильнымъ шумомъ, который однако, вслѣдствіе быстраго раскрытія затвора, быстро ослабѣваетъ и прекращается. Шумъ имплозивныхъ (см. стр. 190) еще короче и слабѣе, такъ какъ образуется токомъ воздуха, сдавливаемымъ и вырывающимся только въ моментъ передъ затворомъ, и быстро обрывается затворомъ. Но и при имплозіи и взрывѣ высота шума опредѣляется высотой собственнаго шума резонатора:

Сходные взрывные звуки даетъ напр. дѣтское ружье, стрѣляющее пробкою. Высота звука выстрѣла (взрыва) зависитъ отъ разстоянія поршня отъ вложенной въ отверстіе дула пробки въ моментъ выстрѣла, когда сдавленный воздухъ выбрасываетъ пробку. Эта же длина резонатора ствола ружья опредѣляетъ высоту звука (имплозіи), раздающагося, когда мы ладонью вплотную ударяемъ по открытому отверстію дула.

Въ согласныхъ *k*, *g*, χ, ɣ (рус. к, г, х, ґ; греческая буква ɣ употребляется для передачи мягконебнаго фрикативнаго, какъ малорусское *г*) высота зависитъ отъ длины и ширины передняго резонатора и отъ величины губного отверстія его. При *твердыхъ* (т. е. *мягконебныхъ*) *k*, *g*, χ, ɣ съ самымъ низкимъ шумомъ передній резонаторъ сзади длиннѣе или приблизительно такой же, какъ при гласныхъ *о*, *и* (*ы*), а спереди съ лабіализаціей («кустъ», «гулъ», «худо», «Богу»). При тѣхъ же (твердыхъ мягконебныхъ) звукахъ съ болѣе высокимъ собственнымъ шумомъ лабіализиція отсутствуетъ («какъ»,«слуга»). Для болѣе высокихъ *k*, *g*, χ, ɣ нужно укороченіе передняго резонатора, вслѣдствіе чего мѣсто преграды по необходимости переносится въ область твердаго неба, и такимъ образомъ эти согласные становятся *твердонебными* или *средненебными* (стр. 193), какъ въ нѣмецкихъ kennen, Licht. Большее укороченіе резонатора и открытіе отверстія, т. е. положеніе передней спинки языка и губъ, близкое къ положенію *і*, даетъ такой высокій шумъ резонатора, при которомъ *k*, *g*, χ называются смягченными или *мягкими* (палатализованными, стр 193), какъ въ русскихъ «кисть», «гибель», «хилый» (см. палатограммы 30 и 31). Всѣ эти разновидности звуковъ *k*, *g*, χ и ɣ (послѣдній какъ твердонебный обозначается буквой *j*) имѣютъ сходный специфическій шумъ, хотя затворъ или тѣснина ихъ образуется въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ условія преградъ ихъ одинаковы и

струя направляется всегда противъ вогнутаго передняго твердаго неба и десны, покрытыхъ слизистой оболочкой, отчего шумъ разбиванія лишенъ характера рѣзкаго свиста или шипѣнія.

Въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ очень низкихъ задненебныхъ согласныхъ, поэтому мало лабіализуютъ *k* въ Kuh. Но въ общенѣмецкомъ нѣтъ и тѣхъ высокихъ твердонебныхъ согласныхъ, которые мы называемъ мягкими. Поэтому напр. въ kennen (палатогр. 30) не укорачиваютъ передняго резонатора такъ, чтобы нужно было переднюю спинку языка поднять въ положеніе какъ при *i*, т. е. въ положеніе палатализаціи или смягченія. Другими словами, въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ настоящихъ лабіализованныхъ и настоящихъ палатализованныхъ согласныхъ *k*, *g*, χ. Во французскомъ языкѣ встрѣчается довольно мягкій *k*.

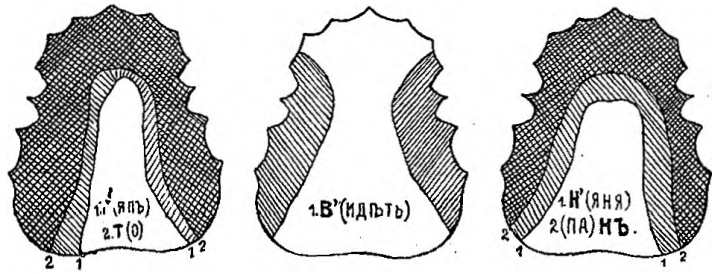
Въ словахъ какъ «аукнется», «сохни», «кухня» устанавливаютъ преграду для *ж*, *ш* у мягкаго неба, при лабіализаціи. Затѣмъ во время выдержки затвора или тѣснины перекатываютъ спинку языка по небу такъ, что преграда постепенно перемѣщается въ область твердаго неба. Вслѣдствіе этого къ концу производства фрикативнаго или въ моментъ взрыва затворнаго передній резонаторъ настолько укоротился, что съ устраненіемъ губъ шумъ этихъ согласныхъ около октавы выше, чѣмъ при началѣ производства фрикативнаго или въ моментъ затвора. Обратное перемѣщеніе мѣста образованія мы видимъ напр. при *ш* въ «мѣху», дающее пониженіе собственнаго шума до сексты.

Въ *зубныхъ* шумныхъ согласныхъ, кромѣ шипящихъ, высота зависитъ главнымъ образомъ отъ формы задняго резонатора, т. е. той части полости рта, которая находится за мѣстомъ преграды и которая посредствомъ тѣснины соединена съ переднимъ резонаторомъ. Въ переднемъ резонаторѣ раздается все тотъ же высокій характерный шумъ, при свистящихъ главнымъ образомъ отъ разбиванія струи о край нижнихъ зубовъ. Но губы вліяютъ на высоту величиной отверстія и вытягиваніемъ (удлиненіемъ резонатора). Всѣ эти измѣненія видны, если производить гаммы на согласный *s* (рус. *с*). При большомъ заднемъ резонаторѣ и лабіализаціи мы произносимъ низкое *с* напр. въ «судъ». Безъ лабіализаціи получается *с* средней высоты, напр. въ «садъ». При самомъ короткомъ резонаторѣ, образуемомъ между переднимъ твердымъ небомъ и десной и—съ другой стороны—приподнятой передней спинкой языка (палатализація, см. палатограмму 32) съ устраненіемъ губъ, мы произносимъ высокое *с*, около октавы

выше чѣмъ въ «судъ», напр. въ «сила». Такія же разновидности согласнаго *z* (рус. *з*) образуются такимъ же образомъ.

При мягкихъ (палатализованныхъ) *t'* и *d'* (рус т,' д') мѣсто касанія передней спинки языка распространяется больше кзади, чѣмъ при твердомъ альвеолярномъ *t*. Ср. на палатогр. 34 т въ «тяпъ» и «то». Но въ виду затвора это обстоятельство можетъ имѣть значеніе лишь потому, что при затворѣ мягкихъ *t'*, *d'* болѣе задняя часть передней спинки подымается немного раньше къ твердому небу, чѣмъ верхняя спинка кончика языка производитъ затворъ, такъ что затворъ производится въ моментъ, когда передняя спинка приблизительно въ положеніи для *i*; а при растворѣ спинка кончика языка отрывается отъ десны нѣсколько

Рис. 34. Рис. 35. Рис. 36.

раньше, чѣмъ опускается болѣе задняя часть передней спинки, такъ что взрывъ происходитъ при короткомъ резонаторѣ, такомъ какъ при *e*, *i*. Слѣдовательно мягкость *t*, *d* обусловлена главнымъ образомъ не различіемъ въ положеніи языка во время выдержки затвора, которое показывается палатограммой, а различіемъ въ движеніяхъ языка.

Нѣмецкіе и французскіе s, t, d и пр. не доходятъ ни до той высоты, при которой требуется положеніе палатализаціи, ни до низкаго шума, требующаго лабіализаціи. Поэтому нѣмецкое s ближе къ русскому *с* въ «садъ» или къ s при индифферентномъ положеніи спинки языка; а французское s нѣсколько выше. Конечно и въ нѣмецкомъ и въ французскомъ языкѣ s бываетъ болѣе высокое и болѣе низкое; ср. Sohn — sie. Во французскомъ языкѣ есть мягкое n, напр. въ campagne.

Въ шипящихъ согласныхъ *ш* (š) и *жс* (ž) высота обусловлена не заднимъ резонаторомъ, а переднимъ, образуемымъ передъ нижней спинкой языка (см. стр. 195). Поэтому повышеніе шума ихъ (смягченіе) производится укороченіемъ этого резонатора посредствомъ передвиженія нижней спинки языка впередъ

къ нижней передней деснѣ. Если языкъ становится близко къ зубамъ, такъ что резонаторъ исчезаетъ, то является *с* (*s*) съ сложнымъ шумомъ (см. тамъ же). Впрочемъ общерусскіе *ш* и *ж* не произносятся съ короткимъ переднимъ резонаторомъ, т. е. (съ точки зрѣнія акустики) съ высокимъ собственнымъ шумомъ резонатора, или, какъ говорятъ, не смягчаются.

Въ *губныхъ* согласныхъ высота опредѣляется конечно высотой собственнаго шума задняго резонатора. Губы служатъ прежде всего для производства характернаго шума (ср. 196), но по возможности производятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лабіализацію, или устраняются для повышенія собственнаго шума резонатора. Такъ, при *п*, *б*, *м* (*p*, *b*, *m*) и билабіальномъ *в* (*v*) съ высокимъ шумомъ, т. е. съ мягкостью, губы открываются длинной узкой щелью (пьяный, мятый), а при самыхъ низкихъ шумахъ, т. е. при твердости въ связи съ лабіализаціей, губы открываются круглымъ отверстіемъ (пухъ, попъ, мотъ).

При зубогубныхъ тѣ же разнообразія отъ самаго высокаго (видѣть) до низкаго (вулканъ) собственнаго шума резонатора за мѣстомъ преграды.

То же слово Vulkan производится въ нѣмецкомъ языкѣ безъ настоящей лабіализаціи *v*, а wieder безъ палатализаціи *v*. Оба эти *v* различаются и въ нѣмецкомъ языкѣ по высотѣ шума, но значительно меньше, чѣмъ въ русскомъ языкѣ.

Подъемъ передней спинки языка для укороченія резонатора съ цѣлью повышенія характернаго шума согласнаго (палатализація) лучше всего видѣнъ при мягкихъ губныхъ, такъ какъ при нихъ языкъ въ производствѣ характернаго шума не участвуетъ, слѣдовательно служитъ исключительно для повышенія собственнаго шума резонатора (для смягченія). На рисункѣ 35 видно положеніе языка при *в'* въ «видѣть». Оно такое же, какъ для слѣдующаго *і* въ «видѣть» (ср. палатограмму 28). Понятно, что при мягкихъ затворныхъ губныхъ (леб'ёдка, п'ятый) въ моментъ, предшествующій затвору (implosio), и въ моментъ, послѣдующій за растворомъ (explosio, взрыва), языкъ долженъ находиться въ этомъ положеніи, такъ какъ такое положеніе его во время выдержки затвора никакого значенія не имѣетъ.

Нужно еще замѣтить, что болѣе сильные согласные, т. е. производимые съ большей энергіей и полнотой, напр. глухіе *к*, *т*, *п*, *с* въ общемъ немного выше, чѣмъ слабые звонкіе *г*, *д*, *б*, *з*; также нѣсколько выше болѣе напряженные согласные, такъ какъ мускулы языка при напряжен-

ности становятся болѣе выпуклыми, уменьшаютъ слѣдовательно резонаторъ, хотя районы касанія языка къ небу могутъ быть меньше при напряженности.

Палатализація. Веляризація.

Изъ предыдущаго видно, что для образованія короткаго резонатора при большинствѣ «мягкихъ» согласныхъ передняя спинка языка подымается къ твердому небу, приблизительно въ положеніе образованія *е* или *і*. Такой подъемъ языка при производствѣ согласныхъ получилъ особое названіе—*палатализація* (отъ palatum—твердое небо). Отсюда мягкіе согласные получили названіе *палатализованные*, относящееся къ физіологической сторонѣ этихъ согласныхъ, какъ *мягкость* относится къ области слуха. Конечно, степень мягкости можетъ быть различна и зависитъ отъ степени укороченія резонатора, и кромѣ того отъ степени устраненія губъ.

Въ русской лингвистической литературѣ стали напрасно подъ вліяніемъ нѣмецкихъ фонетиковъ предпочтительно употреблять термины «палатализація», «палатализованный» какъ синонимы съ «мягкость», «мягкій». Дѣло въ томъ, что 1) для мягкости нужно еще *устраненіе* губъ. 2) Мягкія *ш'* и *ж'* вовсе не палатализуются. Правда, въ общерусскомъ языкѣ мягкихъ *ш, ж* нѣтъ, но они встрѣчаются въ діалектахъ. Впрочемъ напр. въ «дрожжи» болѣе мягкое *ж*. 3) Русское ухо гораздо лучше различаетъ степени мягкости (собственно высоту шума) согласнаго, чѣмъ можно опрѣдѣлить степени палатализаціи. 4) Только мягкость относится къ самому звуку, а палатализація указываетъ лишь на одно условіе образованія такого звука. Конечно, съ исторической генетической точки зрѣнія удобнѣе говорить о палатализаціи, такъ какъ преждевременный подъемъ передней спинки языка въ положеніе слѣдующаго палатальнаго (мягкаго) гласнаго былъ причиной палатализаціи согласнаго, а явившаяся вслѣдствіе этого (и вслѣдствіе предвзятія «устраненія губъ») мягкость согласнаго была лишь явленіемъ вторичнымъ. Потому то по моему *ш* и *ж* не смягчаются въ общерусскомъ языкѣ, такъ какъ ихъ смягченіе не находится въ связи съ палатализаціей, т. е. съ предвзятіемъ артикуляціи слѣдующаго твердонебнаго (палатальнаго) гласнаго.

Другого рода подъемъ языка получилъ также особое названіе, именно *веляризація*. Она состоитъ въ поднятіи задней спинки языка къ мягкому небу (velum) какъ при производствѣ гласнаго *и* (у) или *о*. Такъ напр. *с, б, д* въ «судъ», «буду» и пр. веляризованы, подъ вліяніемъ слѣдующаго велярнаго (мягконебнаго) гласнаго. См. ниже велярное *l* и велярное билабіальное малорусское ў (воўк) на стр. 197.

О *лабіализаціи* сказано уже стр. 161, 151.

§ 8. Сонорные согласные. Таблица согласныхъ.

Какъ по условіямъ образованія, такъ и по акустическому впечатлѣнію отъ шумныхъ согласныхъ существенно отличаются сонорные согласные, т. е. плавные и носовые. Характерный шумъ плавныхъ и носовыхъ состоитъ изъ *собственнаго шума* резонатора ихъ, возбуждаемаго проходящимъ изъ легкихъ токомъ воздуха, а не изъ шума разбиваемаго о преграды быстрой струи воздуха, сдавленнаго за мѣстомъ преграды, какъ въ шумныхъ согласныхъ. Шумъ тренія въ этихъ звукахъ обыкновенно не больше, чѣмъ при узкомъ гласномъ *i*. Поэтому слабый, менѣе сложный характерный шумъ сонорныхъ придаетъ лишь голосу извѣстный тембръ, но не воспринимается въ раздѣльности отъ него, какъ это бываетъ въ шумныхъ согласныхъ. Въ виду этого плавные и носовые примыкаютъ къ гласнымъ, съ которыми вмѣстѣ составляютъ классъ сонорныхъ звуковъ въ противоположность шумнымъ. Лишь по ихъ роли при образованіи слога ихъ причислили къ согласнымъ. Особое мѣсто занимаетъ раскатистое *r*, такъ какъ въ немъ сонорный звукъ прерывается сравнительно сильнымъ шумомъ «барабаненія».

Плавные звуки *r* (р).

Звуки, причисляемые къ *r*, представляютъ большое разнообразіе, не только въ разныхъ языкахъ, но и у отдѣльныхъ лицъ и группъ лицъ, произношеніе которыхъ въ другихъ отношеніяхъ не отличается отъ языка окружающихъ.

Для образованія сравнительно слабаго характернаго шума *зубного r* (*р*) кончикъ языка образуетъ съуженіе обыкновенно у передней верхней десны, но съуженіе можетъ образоваться и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ вообще образуются зубные, и это различіе не имѣетъ большого значенія для качества звука. Сравнительно слабый звучащій токъ нѣсколько сдавливается въ мѣстѣ съуженія и направляется къ выходу между верхними и нижними зубами, задѣвая нѣсколько на своемъ пути внутреннюю сторону верхней десны и зубовъ, но особенно не задѣвая нижнихъ зубовъ. Этимъ токомъ возбуждается собственный шумъ передняго и задняго резонатора данной укладки.

Образуемый такимъ образомъ сонорный звукъ сопровождается обыкновенно, а именно при *раскатистомъ р*, еще дру-

гимъ очень сильнымъ своеобразнымъ шумомъ — барабаненіемъ (*раскатами*). Для образованія этого шума кончикъ языка становится по возможности въ условія колеблющагося язычка: средняя и задняя спинка языка расширяется и упирается плотно въ боковые зубы, чтобы имѣть здѣсь неподвижную опору, какъ колеблющійся язычекъ привинчивается къ рамкѣ. А свободный по бокамъ приподнятый кончикъ языка для эластичности дѣлается возможно тонкимъ и напряженнымъ. Изъ этого положенія надавливающимъ токомъ воздуха кончикъ языка отбрасывается къ деснѣ или зубамъ и закрываетъ такимъ образомъ выходъ току на одинъ мигъ, а затѣмъ своей эластичностью приводится опять въ прежнее положеніе, чтобы снова быть отброшеннымъ и т. д.

Совершенно въ такихъ же условіяхъ колеблющійся язычекъ гармоники или язычковой трубы производитъ музыкальный звукъ. Но въ виду своей толщины кончикъ языка колеблется медленно и неуклюже, прерывая своими колебаніями сонорный звукъ *r*, т. е. звукъ голоса въ сочетаніи съ собственнымъ шумомъ резонатора, который поэтому воспринимается толчками въ видѣ «барабаненія» или раскатовъ (см. рис. 39, *r*). Въ связной рѣчи *r* содержитъ обыкновенно только нѣсколько ударовъ. Такое зубное сильно раскатистое *r* (р) общеупотребительно въ русскомъ языкѣ. При *r* звучитъ голосъ, прерываемый ударами языка, но встрѣчается и глухое *r*. Въ общерусскомъ языкѣ въ концѣ слова *p* бываетъ и глухимъ, по крайней мѣрѣ въ своей послѣдней части, напр. въ «театръ», «Петръ».

Но зубное *r* можетъ быть и безъ раскатовъ (барабаненія кончика языка), и тогда шумъ его, состоящій изъ голоса и собственнаго шума резонатора, слабъ и не отличается по силѣ напр. отъ шума гласнаго *i*.

Зубное раскатистое *r* существовало повидимому во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ. Въ языкахъ, въ которыхъ такое *r* существуетъ рядомъ съ нераскатистымъ или съ «картавымъ» *r*, оно считается самымъ нормальнымъ, и такъ какъ раскаты хорошо слышны, то въ такихъ языкахъ раскатистое зубное *r* считается обязательнымъ для громкой рѣчи ораторовъ, для сцѣны и пѣнія.

Если щель больше съуживается и токъ направляется противъ нижнихъ зубовъ, то къ раскатистому *r* примѣшивается шипѣніе, какъ въ чешскомъ *ř*. Въ польскомъ языкѣ узкій палатализованный звукъ *r* успѣлъ окончательно перейти въ шумный фрикативныхй *ž* (т. е. *ж*, пишется rz).

Барабаненіе само по себѣ, въ виду своей особенности и

силы, является акустически настолько доминирующимъ характернымъ элементомъ звука *r*, что качество раздающагося между ударами характернаго шума становится второстепеннымъ, такъ что отдѣльные лица, говоры и языки производятъ эти раскаты болѣе задней спинкой и боками языка и въ особенности мягкимъ небомъ (картавое *r*). Такое существенное измѣненіе звука объясняется трудностью производить такія вибраціи вообще толстыми органами рта, что видно изъ того, что дѣти очень поздно начинаютъ произносить *r*.

Во Франціи и Германіи сильно распространилось *картавое r* (r grasseyé). При образованіи его задняя спинка языка поднята къ заднему мягкому небу. Въ срединѣ задней спинки образуется желобокъ, по которому движется взадъ и впередъ язычекъ (uvula), приводимый выдыхаемымъ звучащимъ токомъ въ дрожаніе. При сильномъ съуженіи и сильномъ выдыханіи получается скрипящій мягконебный фрикативный звонкій χ. И такое задненебное (велярное) *r* можетъ быть безъ раскатовъ и можетъ образоваться болѣе впереди.

При утратѣ характерныхъ раскатовъ, вслѣдствіе слабости остающагося характернаго шума *r* могъ сдѣлаться настоящимъ гласнымъ, какъ въ англійскомъ языкѣ въ концѣ слога напр. въ there, или могъ совсѣмъ исчезнуть, какъ въ англійскихъ curl, forty.

Въ русскомъ языкѣ *р* принимаетъ по возможности установку языка и губъ слѣдующаго гласнаго: передъ палатальнымъ (мягкимъ) гласнымъ передняя спинка языка поднята къ твердому небу (палатализація—высокое *r*, напр. въ «рѣдька», «рьяный»), передъ мягконебнымъ гласнымъ —лабіализованное низкое *r* (руку). Вслѣдствіе этого и высота характернаго шума *r*, зависящая главнымъ образомъ отъ величины задняго надъязычнаго резонатора и отъ отверстія передняго резонатора т. е. губъ, представляетъ такія же разновидности, какъ зубные русскіе согласные вообще.

Плавные звуки *l* (л).

При производствѣ разныхъ *l* (рус. *л*) кончикъ языка упирается въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ вообще бываетъ при образованіи зубныхъ взрывныхъ, т. е. въ твердое небо (передненебное *l*), въ десну (альвеолярное *l*), въ мѣсто соединенія зубовъ и десны (верхнезубное *l*) или въ верхніе передніе зубы (зазубное *l*), или находится между зубами (межзубное *l*) или за

передними нижними зубами. Насколько несущественны эти различія видно изъ того, что мы можетъ даже съ высунутымъ изо рта языкомъ производить разные звуки *l*. Отличительная черта всѣхъ *l* состоитъ въ томъ, что бока языка отдѣляются отъ боковыхъ зубовъ и десенъ, оставляя по обѣимъ сторонамъ по щели для прохода звучащаго тока. Впрочемъ чаще щель образуется только на одной сторонѣ. При *l*, какъ и при *r*, мягкое небо закрываетъ входъ въ носовую полость.

Характерный шумъ звука *l* состоитъ изъ собственнаго шума резонирующей части полости рта, какъ въ гласныхъ, отъ которыхъ *l* отличается лишь особымъ тембромъ. Высоту характернаго шума *l*, какъ и всѣхъ остальныхъ согласныхъ, мы привыкли считать второстепеннымъ явленіемъ въ нашихъ слуховыхъ представленіяхъ этихъ звуковъ, такъ какъ высота ихъ мѣняется постоянно въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ. Но именно при *l* низкія разновидности особенно отличаются отъ высокихъ, не только вслѣдствіе большого различія въ высотѣ характернаго шума ихъ (до $1^1/_2$ октавы), но и вслѣдствіе различія въ тембрѣ ихъ вообще.

Оттѣнки разныхъ *l* зависятъ главнымъ образомъ отъ положенія и формы языка, которыми обусловливается величина и форма надъязычнаго и соединенныхъ съ нимъ боковыхъ резонаторовъ. При такъ называемомъ русскомъ *твердомъ* или *велярномъ л* средняя спинка языка по возможности углубляется внизъ для увеличенія надъязычнаго резонатора, вслѣдствіе чего задняя спинка отодвигается назадъ и вверхъ къ мягкому небу, отчего это *l* называется велярнымъ. Длинные боковые проходы особенно широки у заднихъ зубовъ. Такимъ образомъ образуются большія резонирующія полости отъ мягкаго неба до губъ, собственный шумъ которыхъ понижается не только большой шириной въ задней части этихъ полостей, но еще уменьшеніемъ губного отверстія вслѣдствіе лабіализаціи. Англійское *l* сходно съ русскимъ велярнымъ *л*.

Болѣе высокія разновидности звука *l* производятся посредствомъ бо́льшаго поднятія средней спинки языка къ небу при уменьшеніи боковыхъ щелей и при устраненіи лабіализаціи (вслѣдствіе чего резонирующая полость укорачивается, съуживается въ задней и боковыхъ частяхъ, расширяется въ передней

части и собственный звукъ становится выше), напр. нѣмецкое или французское *l*, при которыхъ форма спинки языка близка къ положенію *a* или къ индифферентному положенію. При мягкомъ русскомъ *ль* вся передняя и средняя спинка языка примыкаетъ къ твердому небу. Боковые проходы узки, и коротки вслѣдствіе растягиванія и расширенія по бокамъ раскрытой губной щели. Оттого характерный шумъ высокъ, что даетъ акустическое впечатлѣніе мягкости.

Носовые звуки.

При производствѣ носовыхъ согласныхъ гдѣ нибудь во рту производится полный затворъ, а звучащій токъ выходитъ черезъ открытую носовую полость. Такимъ образомъ резонаторомъ носовыхъ звуковъ является та часть рта, которая находится за затворомъ, и въ связи съ ней зѣвъ и вся носовая полость. Характерный шумъ носовыхъ согласныхъ такого же происхожденія, какъ въ гласныхъ. Сравнительно незначительное различіе между разными носовыми согласными обусловлено тѣмъ, гдѣ и какъ производится затворъ въ полости рта.

Затворъ носовыхъ образуется въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ вообще производится затворъ (шумныхъ согласныхъ) во рту. Производя затворъ губами, мы получаемъ губной носовой *m* (русскій *м*). Производя затворъ кончикомъ или передней спинкой языка противъ зубовъ, десенъ или передняго неба, мы производимъ зубной *n* (русскій *н*), альвеолярный *n* (*н*), передненебный индійскій *n̠*. Производя затворъ средней спинкой языка противъ твердаго неба, или задней спинкой противъ мягкаго неба, мы получаемъ носовые: твердонебный звукъ *n*, напр. въ нѣмецкомъ sinken, латинскомъ fingo, и мягконебный *n*, напр. въ латинскомъ Ancus, нѣмецкомъ sank. Небныхъ носовыхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ.

При носовыхъ согласныхъ собственный шумъ соединенныхъ резонирующихъ полостей рта и носа повышается по мѣрѣ укороченія полости рта, такъ что самый низкій шумъ при *m* (*м*), все выше при *n* зубномъ—*n̠* передненебномъ—*n* твердонебномъ и самый высокій собственный шумъ при *n* мягконебномъ.

Значительное повышеніе даетъ палатализація вслѣдствіе уменьшенія ротового резонатора. Такъ напр. русское палатали-

Физіологическая таблица согласныхъ.

				Губогубные bilabiales	Зубогубные dentilabiales	Межзубные interdentales	Зазубные postdentales	Верхнезубн. supradentales Альвеоляр. alveolares	Небнозубн. cerebrales	Твердонеб. palatales	Мягконеб. velares	Гортанные laryngales
Мгновенные momentanae.	Шумные.	Затворные occlusivae.	Глухіе atonae	*p* папа пять			*t* тотъ	*t* тотъ тесть	*ṭ*	*k* kennen кѣмъ	*k̆* какой	крѣпкій приступъ
			Звонкіе tonantes	*b* баба бѣда			*d̆* да	*d̆* далъ дядя	*ḍ*	*g* Egge гибнуть	*g* Гоголь	
		Аффрикаты. affricatae.	Глухіе atonae	*p͡f* Pferd				*t͡s*, *t͡š* цѣль чанъ		*k͡χ*	*k͡χ*	
			Звонкіе tonantes					*d͡z*, *d͡ž* дзевяць виджу				
Длительные durativae.		Фрикативные constrictivae.	Глухіе	англ. which	*f* рабовъ любовь	θ	*th* breath	*s*, *š* Саша сей	*ṣ*	χ Licht хитрый	χ хохолъ	*h* haben
			Звонкіе	*w*, *ẏ* видаў	*v* новый вѣдь	ð	*th* this	*z*, *ž* зажилъ зять дрожжи	*ẓ*	*j* jeder (j)ель	ɣ. (*ɛ*) богатъ	*h* (nahe)
	Сонорные.	Носовые. nasales	Звонкіе	*m* мама мѣлъ		*n*	*n*	*n̆* на няня	*ṇ*	*n* sinken	*n* sank	
		Плавные. liquidae	Звонкіе			*l*	*l*, *лъ* далъ	*r*, *l* оралъ трель	*r*, *l*		*r* картавое	

зованное *н* въ «нить», «няня» и пр. приблизительно на сексту выше русскаго твердаго *н* въ «надо», «нужда». О различіи въ положеніи языка при твердомъ и мягкомъ *н* можно судить по палатограммамъ 36. Меньшій районъ касанія сравнительно съ т, т' (палатограммы 34) объясняется различіемъ въ энергіи производства, такъ какъ русскіе глухіе шумные согласные принадлежатъ къ сильнымъ, а *н*, наравнѣ съ звонкими шумными согласными, къ слабымъ по артикуляціи звукамъ (стр. 188—189). Акустическое впечатлѣніе мягкости носовыхъ даетъ собственно не болѣе высокій характерный шумъ во время выдержки затвора, а короткій передній резонаторъ (палатализація) въ моменты производства затвора и раствора, какъ при *т'*, *д'* (см. выше стр. 202). Передъ паузой великорусскіе носовые согласные, какъ и плавные, могутъ быть къ концу глухіе.

Для удобнаго обозрѣнія прибавлена выше физіологическая таблица согласныхъ.

§ 9. Анализъ и интерпретація звуковыхъ кривыхъ рѣчи.

Точное опредѣленіе извѣстныхъ качествъ звуковъ рѣчи, именно силы, музыкальной высоты и продолжительности ихъ, по кривымъ (фонограммамъ), сдѣланнымъ на записывающемъ аппаратѣ (кимографѣ какъ напр. на рис. 19), не представляетъ особыхъ затрудненій. Для этихъ опредѣленій экспериментальная фонетика совершенно необходима. Произведенныя до сихъ поръ по слуху опредѣленія продолжительности, тактовъ, экспираторнаго и музыкальнаго удареній и пр. очень неточны и могутъ считаться лишь предварительными.

Высота голоса (музыкальное удареніе) опредѣляется длиной періода, или подсчетомъ числа періодовъ въ секунду. Для точнаго измѣренія времени рядомъ съ кривой даннаго звука записываются колебанія вѣтви камертона, число колебаній котораго извѣстно. Впрочемъ для опредѣленія высоты лучше записывать кривую колебаній гортани, какъ указано на стр. 154, такъ какъ къ звуковымъ волнамъ голоса, прошедшимъ черезъ ротъ, примѣшаны уже характерные шумы.

По этой же записи камертона можно въ точности опредѣлить *продолжительность* даннаго звука рѣчи по длинѣ фонограммы его, полученной отъ волнъ изъ ротовой и носовой по-

лостей. Главное затрудненіе при этомъ заключается въ томъ, что затруднительно въ точности провести на кривой границы между отдѣльными звуками, особенно между гласными и сонорными и звонкими шумными согласными.

Что же касается *силы* звуковъ, то она опредѣляется конечно величиной размаховъ (амплитудой) волнъ кривой. Но при этомъ нужно считаться съ тѣмъ, что кривая получаетъ большую амплитуду, если произнося въ воронку прижимать губы къ ней почти вплотную. Если же говорить на небольшомъ разстояніи отъ воронки, то размахи получаются слабые. Кромѣ того фигуры записей извѣстнымъ образомъ измѣняются въ зависимости отъ толщины, состава, напряженности и пр. записывающей перепонки (пластинки, діафрагмы) и вообще отъ устройства записывающаго аппарата. Поэтому послѣ каждаго измѣненія въ аппаратѣ, напр. послѣ замѣны перепонки новой, нужно предварительно изучить ея особенности.

Но производство точныхъ записей волнъ звуковъ рѣчи для опредѣленія *состава* звуковъ и анализъ этихъ кривыхъ требуютъ совершенныхъ аппаратовъ и спеціальной подготовки. Къ тому же удобный и вѣрный способъ анализа кривыхъ еще не найденъ. Поэтому отъ элементарной фонетической подготовки можно лишь требовать извѣстное общее пониманіе кривыхъ звуковъ рѣчи относительно состава звуковъ, такъ какъ записи волнъ звуковъ рѣчи появляются уже въ научныхъ лингвистическихъ работахъ. Такое знаніе необходимо, чтобы съ пониманіемъ читать такія работы и использывать результаты ихъ.

Составъ звука рѣчи, слѣдовательно и форма колебаній его, мѣняется въ зависимости отъ высоты, состава и силы голоса, если данный звукъ произносится съ голосомъ. Въ рѣчи голосъ безпрестанно мѣняетъ свою высоту; а такъ какъ напр. характерные шумы гласныхъ по составу и абсолютной высотѣ постоянны, то, понятно, отношеніе между тонами характернаго шума и тонами голоса измѣняется также безпрестанно, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и получаемая отъ сочетанія ихъ кривая. Впрочемъ форма періода каждаго звука рѣчи въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ сохраняется при измѣненіи высоты голоса.

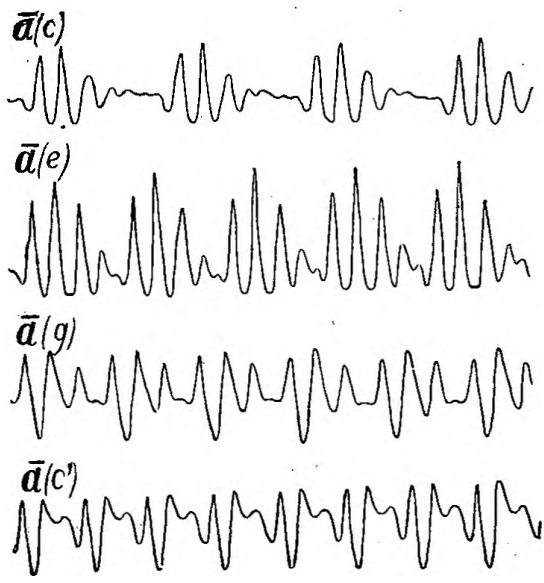
Ниже помѣщены для примѣра кривыя нѣкоторыхъ нѣмецкихъ звуковъ.

Эти курвы записаны Hermann'омъ предварительно на фонографѣ и переведены затѣмъ на бумагу въ значительно увеличенномъ видѣ. Кривыя гласныхъ (рис. 37, 38) увеличены въ нѣсколько сотъ разъ, а кривыя согласныхъ (рис. 39) въ нѣсколько тысячъ разъ. Передача производилась при медленномъ вращеніи валика посредствомъ подвижного зеркальца, колеблющагося вслѣдъ за углубленіями нарѣза валика и передающаго эти колебанія отраженнымъ лучемъ свѣточувствительной бумагѣ, натянутой на вращающемся большомъ цилиндрѣ. Притупленность нижнихъ концовъ кривыхъ объясняется сопротивленіемъ массы валика углубляющимъ движеніямъ рѣзца діафрагмы фонографа.

При каждой кривой обозначена въ скобкахъ высота голоса, при которой данный звукъ произносился при записываніи. Для долгаго ā помѣщено 4 кривыхъ (рис. 37) для иллюстраціи различія въ формѣ періода въ зависимости отъ измѣненія высоты голоса.

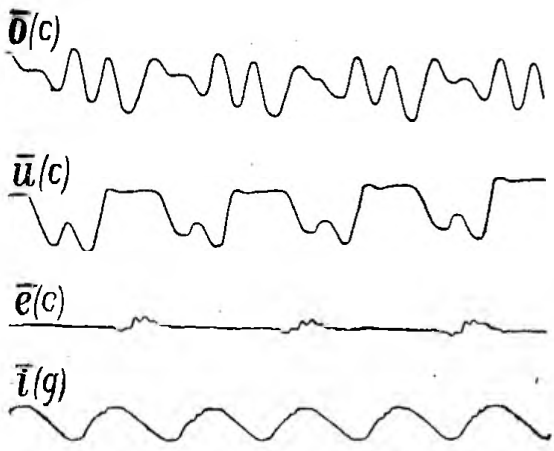
Кривыя чистыхъ гласныхъ наиболѣе приближаются къ формѣ періодовъ чисто музыкальныхъ звуковъ. Каждый періодъ начинается со взрыва голосовыхъ связокъ, между тѣмъ какъ волны внутри періода представляютъ возбужденныя этимъ взрывомъ продолжающіяся колебательныя движенія воздуха въ полости рта (характерные шумы) въ связи съ обертонами голоса. Поэтому періодъ начинается большой волной и волны его постепенно уменьшаются (ротовыя колебанія ослабѣваютъ) къ концу періода, когда новый гортанный взрывъ, обрывая предыдущій періодъ, возбуждаетъ новый. Чѣмъ быстрѣе слѣдуетъ новый взрывъ, тѣмъ болѣе онъ сокращаетъ предыдущій періодъ съ конца.

Рис. 37.

Что при записываніи четвертой кривой гласнаго *a* голосъ былъ на октаву выше, чѣмъ при первой кривой $\bar{a}$ (*c*) видно ясно изъ того, что періодъ $\bar{a}$ (c^1) вдвое короче періода $\bar{a}$ (*c*). Кривыя гласнаго $\bar{a}$ (*g*) и гласнаго *i* содержатъ одинаковой длины періоды, потому что произносились оба на ноту *g*. Такъ какъ характерные тоны гласнаго *a* оставались въ общемъ тѣми же при разной высотѣ голоса, то болѣе быстро слѣдующіе другъ за другомъ взрывы голосовыхъ связокъ при высотѣ голоса *e* (mi^2), *g* (sol^2) и c^1 (do^3) все болѣе сокращаютъ періодъ гласнаго *a*.

Рис. 38.

Въ періодѣ гласныхъ *a*, *o*, *u* (рис. 37, 38) бо́льшія волны перемежаются съ меньшими, такъ какъ сравнительно низкіе форманты этихъ гласныхъ существенно измѣняютъ форму основного періода (голоса). При гласныхъ *e*, *i* (рис. 38) высокіе форманты этихъ гласныхъ являются въ видѣ очень мелкихъ зубцовъ (быстрыхъ колебаній), наложенныхъ на основной періодъ голоса, такъ какъ быстрыя колебанія ихъ не могутъ существенно измѣнять форму основного періода.

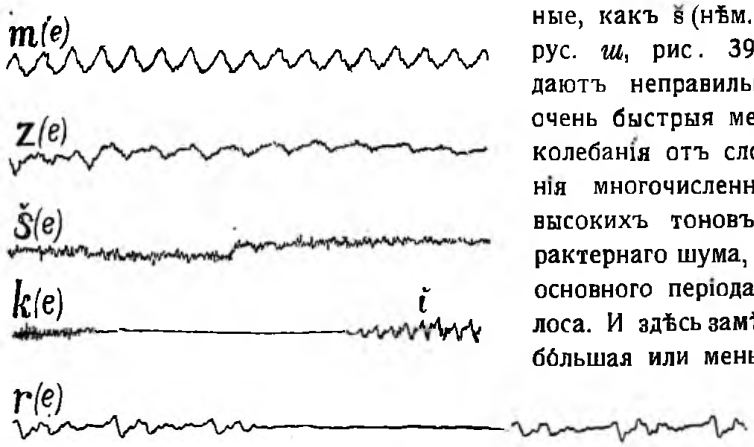
Кривыя звонкихъ шумныхъ согласныхъ и въ особенности кривыя носовыхъ и плавныхъ сравнительно мало отличаются отъ кривой гласнаго *i*. Въ нихъ такіе же, но болѣе сложные и неправильные высокіе характерные шумы, наложенные въ видѣ очень быстрыхъ колебаній на большой періодъ голоса, какъ видно изъ сравненія кривой гласнаго *i* (рис. 38) съ кривыми согласныхъ *z* (т. е. з), *m* (рус. м) и *r* (рус. р) на рис. 39.

Всѣ согласные на рис. 39 записывались при одинаковой высотѣ голоса, именно на ноту *e* (mi^2), причемъ въ произношеніи имъ (кромѣ *r*) предшествовалъ звукъ *i*, что необходимо имѣть

въ виду, такъ какъ, вслѣдствіе зависимости качества звуковъ (движеній органовъ рѣчи) отъ сосѣднихъ звуковъ, при другихъ предшествующихъ гласныхъ явились бы нѣсколько иные звуки и кривыя этихъ согласныхъ.

Въ раскатистомъ *r* (русск. р) звукъ при каждомъ ударѣ сравнительно медленно слѣдующихъ другъ за другомъ раскатовъ почти прерывается (на рис. 39 перерывъ въ средней части кривой), а въ промежуткахъ между ударами являются періоды, похожіе на періоды гласныхъ *o* или *u* (у) съ наложенными на нихъ мелкими колебаніями характернаго шума, какъ въ другихъ сонорныхъ согласныхъ.

Рис. 39.

Глухіе фрикативные, какъ š (нѣм. sch, рус. *ш*, рис. 39 š), даютъ неправильныя, очень быстрыя мелкія колебанія отъ сложенія многочисленныхъ высокихъ тоновъ характернаго шума, безъ основного періода голоса. И здѣсь замѣтна бо́льшая или меньшая періодичность. Отъ нихъ кривыя глухихъ взрывныхъ согласныхъ отличаются сильнымъ началомъ и малой продолжительностью (взрыва), вслѣдствіе чего онѣ обыкновенно отдѣлены отъ кривыхъ послѣдующихъ гласныхъ небольшими почти чистыми паузами. См. на рис. 39 кривую согласнаго *k* (послѣ *i*) Въ началѣ кривой видны быстро уменьшающіяся колебанія, представляющія взрывъ звука *k*. Средняя часть приведенной здѣсь кривой указываетъ почти на отсутствіе звука, а затѣмъ начинается періодъ гласнаго *i* (такъ какъ произносилось ikki).

Изученіемъ кривыхъ выясняется болѣе точно акустическая сторона звуковъ рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются и физіологическія условія производства разныхъ звуковъ, частію косвенно, по акустическимъ результатамъ, частію непосредственно, если

рядомъ съ кривой звука записываются одновременно движенія производящихъ его органовъ рѣчи. Тогда видно, съ какимъ движеніемъ какого органа связано извѣстное измѣненіе въ кривой звука, слѣдовательно измѣненіе въ самомъ звукѣ (стр. 154—155).

Конечно, кривая каждаго гласнаго и согласнаго представляетъ разнообразіе, смотря по говору, лицу, положенію въ словѣ, сосѣднимъ звукамъ и пр. Къ сожалѣнію вслѣдствіе быстроты (высоты) и сложности особенно мелкія колебанія записываются неточно, трудно поддаются анализу и еще мало изслѣдованы.

Изъ кривыхъ связной рѣчи видно, что каждый звукъ въ продолженіе его производства всегда постепенно мѣняется, какъ относительно состава характерныхъ шумовъ, такъ и относительно высоты голоса. Постоянныя мелкія колебанія въ высотѣ голоса видны изъ того, что длина періода въ продолженіе звука постоянно мѣняется. Объ измѣненіяхъ характернаго шума въ продолженіе звука свидѣтельствуетъ то, что фигуры періодовъ постоянно нѣсколько мѣняются въ продолженіе одного звука. Вообще сосѣдніе періоды одного звука сходны между собою, но обыкновенно не тожественны.

Съ другой стороны, въ кривыхъ связной рѣчи нѣтъ и рѣзкаго перехода отъ одного звука къ другому, а характерный періодъ предшествующаго звука постепенно переходитъ въ характерный періодъ послѣдующаго звука. Переходные періоды между ними мы считаемъ переходнымъ звукомъ.

§ 10. Артикуляціонная база. Опредѣленіе звуковъ на практикѣ

Артикуляціонная база.

Въ каждомъ языкѣ существуютъ общія особенности въ артикуляціяхъ, объясняемыя главнымъ образомъ пріобрѣтенными привычками въ движеніяхъ и связаннымъ съ ними развитіемъ соотвѣтствующихъ мускуловъ органовъ рѣчи. Поэтому такъ трудно взрослому усвоить себѣ безупречное произношеніе иностраннаго языка. Отчасти эти особенности объясняются наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ извѣстнымъ движеніямъ органовъ рѣчи, обнаруживающимся нерѣдко еще черезъ многія поколѣнія, напр. въ особенности удареній и пр. Вся совокупность этихъ физіологическихъ условій даннаго языка, нарѣчія и пр. называется *артикуляціонной базой* его и узнается изъ сравненія съ другими языками, нарѣчіями и пр.

Въ русскомъ языкѣ, въ отличіе напр. отъ французскаго, языкъ въ общемъ артикулируетъ болѣе задними частями, если не считать часто встрѣчаемую въ русскомъ языкѣ палатализацію согласныхъ. При пере-

ходѣ отъ русской къ французской рѣчи языкъ поддается впередъ и двигательная энергія какъ бы переносится на передній языкъ.

Артикуляціи русскаго языка вообще мало энергичны и мало напряженны, вслѣдствіе чего отсутствуютъ напряженные согласные и неударенные гласные производятся неполно. Выдыханіе изъ легкихъ происходитъ довольно равномѣрными слоговыми усиленіями; токъ воздуха не великъ и не сильно увеличивается, когда не задерживается голосовыми связками, т. е. когда онѣ не звучатъ, вслѣдствіе чего глухіе шумные согласные сравнительно слабы въ русскомъ языкѣ (въ отличіе напр. отъ сильныхъ шумовъ нѣмецкихъ шумныхъ согласныхъ) и не развиваются придыхательные затворные.

Звучаніе голосовыхъ связокъ производится въ общерусскомъ языкѣ съ спокойной значительной силой и чистотой и имѣетъ склонность прекращаться лишь къ концу слова, почему звонкость шумныхъ согласныхъ хорошо сохраняется, кромѣ въ концѣ и въ извѣстныхъ сочетаніяхъ согласныхъ.

Вслѣдствіе неэнергичной артикуляціи мягкаго неба носовая полость закрывается неплотно, почему гласные передъ носовыми согласными, и даже звонкіе затворные согласные передъ гласными получаютъ нерѣдко небольшой носовой оттѣнокъ въ русскомъ языкѣ.

Участіе губъ въ русскомъ языкѣ умѣренное, гораздо меньше и менѣе энергичное, чѣмъ напр. во французскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего напр. неударенное *о* перешло діалектически въ *а*, и чуткость къ разновидностямъ *о* несравненно меньше, чѣмъ къ разновидностямъ *е*. Для мягкихъ согласныхъ слухъ и органы рѣчи очень развиты. Раскрытіе рта довольно значительное въ русскомъ языкѣ.

Въ отличіе отъ французскаго языка въ русскомъ языкѣ довольно значительное различіе въ энергіи производства между ударяемыми и неударяемыми слогами, но повидимому меньше, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Хотя русскій ударенный слогъ не достигаетъ силы нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе онъ всегда продолжительнѣе и полнозвучнѣе неударенаго, особенно самыхъ слабыхъ неударенныхъ слоговъ, вслѣдствіе чего гласные извѣстныхъ неударенныхъ слоговъ сокращаются.

Вслѣдствіе невыдержки энергіи до конца слога конечные шумные согласные закрытыхъ слоговъ производятся слабо и удвоеніе согласныхъ нѣсколько не соотвѣтствуетъ артикуляціонной базѣ русскаго языка.

Въ сочетаніяхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ регрессивная ассимиляція проявляется въ гораздо большей степени, чѣмъ напр. въ нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ, вслѣдствіе чего почти всѣ согласные имѣютъ сильно различествующія мягкія, твердыя и твердыя лабіализованныя разновидности, и качество гласныхъ измѣняется въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ послѣдующихъ звуковъ.

Практическія указанія для опредѣленія звуковъ какого-нибудь говора или языка.

Изъ предыдущаго ясно, что при изслѣдованіи физіологическихъ условій произношенія отдѣльныхъ лицъ, принимаемыхъ за нормальныхъ

типичныхъ представителей говора или языка, слѣдуетъ поочередно опредѣлить и занести въ протоколъ наблюденій и опытовъ, каковы при производствѣ извѣстнаго звука, извѣстной категоріи звуковъ и пр. дѣятельность 1) легкихъ (сила, продолжительность, равномѣрность выдыханія и пр.), 2) гортани (звучаніе связокъ, шумъ и пр.), 3) мягкаго неба (степень закрытія и раскрытія носовой полости), 4) языка (положеніе въ вертикальномъ направленіи, въ горизонтальномъ направленіи, форма спинки языка, напряженность и пр.), 5) губъ (величина и форма губного отверстія при лабіализаціи и устраненіи губъ и т. д. Для болѣе точнаго опредѣленія движеній каждаго органа, участвующаго въ производствѣ даннаго звука, примѣняются по мѣрѣ надобности и возможности графическій способъ изслѣдованія (см. стр. 152 слѣд.) и искусственное небо.

Въ связи съ этимъ выясняется и величина и форма ротовыхъ резонаторовъ, иногда при помощи точныхъ непосредственныхъ измѣреній. Формой ротового резонатора, иногда въ связи съ носовою полостью, обусловлена высота и составъ характернаго шума. Высота его изслѣдуется между прочимъ при шепотѣ при помощи камертона. Для болѣе точнаго опредѣленія силы, высоты и продолжительности звука, а также общаго характера физическаго состава звука, записывается звуковая волна и анализируется затѣмъ (амплитуда кривой показываетъ силу, число періодовъ въ секунду—высоту, длина кривой даннаго звука—продолжительность его). Точное воспроизводство рѣчи на фонографѣ даетъ возможность болѣе точнаго и детальнаго изученія ея слухомъ.

Пока не найденъ удовлетворительный способъ точнаго анализа звуковой кривой на составные тоны, характерные тоны гласныхъ и высота шумовъ согласныхъ опрдѣляются лучше всего по слуху. Для этого каждый звукъ надо изслѣдовать въ всевозможныхъ условіяхъ относительно положенія въ словѣ, ударенія и пр. (стр. 181 слѣд., 198 слѣд.) и всегда въ опредѣленныхъ разнообразныхъ предложеніяхъ. Но и простая интерпретація звуковой кривой въ сравненіи съ другими даетъ не мало общихъ указаній какъ относительно самого звука, такъ и косвенно относительно физіологическихъ условій его производства. Конечно такія кривыя должны представлять цѣлые отрывки связной рѣчи, а не отдѣльныя слова или даже отдѣльные (искусственные) звуки. Изслѣдованія звуковъ съ физіологической и акустической стороны дополняютъ и контролируютъ другъ друга.

Полученные такимъ образомъ результаты провѣряются затѣмъ на произношеніи возможно большаго числа индивидуумовъ, принадлежащихъ къ изслѣдуемой языковой единицѣ. Послѣ этого возможна и классификація звуковъ ея, которой впрочемъ придаютъ обыкновенно преувеличенное значеніе. Для большей точности къ описанію звуковъ прилагаютъ иногда палатограммы, результаты измѣреній, кривыя звуковыхъ волнъ, моментальные или кинематографическіе фотографическіе снимки особенно губъ, и т. д.

Кромѣ частностей каждаго звука необходимо отмѣтить и тѣ общія особенности въ функціяхъ говорильнаго аппарата, которыми характери-

зуются звуки каждаго языка или говора въ отличіе отъ другихъ, т. е. артикуляціонную базу его.

Конечно, чѣмъ обширнѣе та языковая единица, которая изслѣдуется въ звуковомъ отношеніи, напр. нарѣчіе или общенародный (общегосударственный) языкъ, тѣмъ больше въ ней разнообразіе въ звукахъ, слѣдовательно тѣмъ менѣе точно можетъ быть опредѣляемъ каждый звукъ.

Легче всего передать акустическую сторону рѣчи посредствомъ фонографа; но для точности требуется очень совершенный аппаратъ, и для продолжительнаго храненія требуется бо́льшая прочность валиковъ, чѣмъ достигнута до сихъ поръ для обыкновенныхъ валиковъ. Можно думать, что со временемъ къ описаніямъ говоровъ будутъ прилагаться и прочные фонографическіе валики съ записями образчиковъ этихъ говоровъ, изготовленные болѣе упрощеннымъ способомъ, чѣмъ они нынѣ изготовляются напр. въ Вѣнскомъ архивѣ фонограммъ, или чѣмъ изготовляются пластинки граммофоновъ.

§ II. Отдѣльный звукъ рѣчи. Слогъ.

Отдѣльные звуки рѣчи.

Рѣчь состоитъ изъ звуковыхъ рядовъ, прерываемыхъ паузами. Но эти безпрерывные ряды движеній органовъ рѣчи и слуховыхъ ощущеній понятно не могутъ представлять безконечное разнообразіе. Память не удержала бы ихъ. Одинаковые комплексы движеній, съ связанными съ ними одинаковыми двигательными и слуховыми ощущеніями, встрѣчающіеся въ разныхъ звуковыхъ рядахъ, ассоціируются между собою по сходству, и такимъ образомъ, хотя и безсознательно для насъ, образуютъ бо́льшія и меньшія составныя звуковыя единицы нашей рѣчи. Такъ напр. слуховыя ощущенія и комплексы движеній органовъ рѣчи, обозначаемые буквою *k*, представляютъ много разновидностей, имѣющихъ между собою извѣстные общіе элементы и извѣстныя различія. Русское *к* въ «ку» представляетъ меньшую единицу, отличающуюся отъ *к* въ «ка» лабіализаціей и другимъ положеніемъ языка (другой формой резонатора), а также нѣсколько другимъ тембромъ. Звукъ *к* въ «кі» «мягкій», физіологически твердонебный съ палатализаціей, а въ «ка», «ку» «твердый», мягконебный, и т. д. Въ «ак» самая существенная часть звука *к* въ акустическомъ отношеніи получается отъ затвора, въ «ка» отъ раствора (стр. 190 implosivae и explosivae). Даже звуки *к* въ «китъ» и «кисть» представляютъ наименьшія разновидности наименьшія звуковыя единицы, такъ какъ при *к* въ словѣ

«китъ» характерный шумъ немного ниже, въ моментъ взрыва передній резонаторъ сзади больше, артикулирующіе органы менѣе напряженны, чѣмъ при *к* въ словѣ «кисть».

Подобныя разновидности въ акустическомъ и физіологическомъ отношеніи представляютъ и всѣ другіе звуки, какъ *п*, *т*, *с*, *е*, *а*, и пр., и именно этимъ объясняются варіяціи или колебанія въ высотѣ характерныхъ шумовъ, въ томъ числѣ въ *характерныхъ* тонахъ гласныхъ. Но въ то же время всѣ звуки, обозначаемые посредствомъ буквы *к*, или *с*, или *е* и пр., имѣютъ въ акустическомъ и особенно въ физіологическомъ отношеніи значительное сходство, и существенно отличаются отъ разныхъ *т*, *ф* и пр. Поэтому всѣ *к* вмѣстѣ образуютъ болѣе широкую единицу въ звукахъ и движеніяхъ, которая слѣдовательно тоже имѣетъ право на названіе «отдѣльный звукъ». Оттого совершенно разумно разные *k* и пр. обозначаются въ практической орѳографіи обыкновенно одной буквой, такъ какъ разновидности опредѣляются обыкновенно наличными условіями сосѣднихъ звуковъ, удареній и пр. и не подаютъ повода къ недоразумѣніямъ при чтеніи.

Слогъ.

Болѣе крупная фонетическая единица, послѣ звука, есть слогъ. Мы обыкновенно безъ труда можемъ опредѣлить число слоговъ въ словѣ или предложеніи. Это несравненно легче, чѣмъ разложеніе слова на отдѣльные звуки. Поэтому и звуковое письмо начиналось съ изображенія въ письмѣ отдѣльныхъ слоговъ, и лишь постепенно, окольными путями, дошли до пониманія отдѣльныхъ звуковъ, тѣмъ болѣе, что многихъ согласныхъ безъ искаженія въ отдѣльности произносить нельзя. Легкость дѣленія на слоги объясняется извѣстными акустическими и физіологическими субъективными условіями.

Акустически слогораздѣломъ являются моменты ослабленія въ силѣ звукового ряда, или пауза т. е. болѣе продолжительное прекращеніе звука. Можно удлинять въ слогѣ напр. долгое ē, ā и пр. Но если поперемѣнно усиливать и ослаблять производящій ихъ токъ, или напр. быстро ладонью ударять по губамъ во время производства звука, то каждое новое усиленіе напр. $\bar{a}$ воспринимается какъ отдѣльный слогъ. Такимъ образомъ для слуха отдѣльнымъ слогомъ является такая небольшая часть звукового

ряда, которая какъ болѣе сильная заключается между моментами ослабленія или перерыва звука.

Рядъ звуковъ «aia» трехсложный, если мы произносимъ *i* съ извѣстной силой и продолжительностью и послѣ каждаго изъ этихъ трехъ гласныхъ ослабляемъ звукъ. Это же сочетаніе можно произносить двухсложно, какъ «a-ia» или «a̯i-a» или «ai-ia», смотря по тому, дѣлаемъ ли мы ослабленіе звука передъ *i*, какъ въ подобныхъ случаяхъ принято въ русскомъ языкѣ, или послѣ *i*, или внутри *i*, причемъ *i* распредѣляется на два слога. Но внутри слога сила звука не должна существенно ослабѣвать или прерываться, иначе слогъ распадается на два, хотя очень краткіе ослабленіе или перерывъ допускаются и внутри слога, напр. въ латышскомъ vi'lks.

Сложнѣе опредѣленіе слога съ физіологической стороны. Если слогъ производится выдыхательнымъ усиленіемъ или вообще усиленіемъ звука, а ослабленія вообще звука служатъ слогораздѣлами, то такой слогъ, основанный на *усиленіи звука*, называется *экспираторнымъ*, лучше *динамическимъ слогомъ*. Но если этотъ же рядъ звуковъ «aia» или «aza» (aза), «asa», «ata» и пр. произносить безъ всякаго ослабленія звука, однимъ безпрерывнымъ ровнымъ выдыханіемъ, то всетаки слышится по крайней мѣрѣ два слога. Это происходитъ отъ того, что звуки *i*, *z*, *s* и пр. менѣе *полнозвучны*, т. е. звукъ ихъ самъ по себѣ слабѣе, чѣмъ *a*, такъ что ослабленіе звука, обусловленное самой природой звуковъ *i*, *z*, *s*, является для уха неизбѣжнымъ слогораздѣломъ. Такимъ слогораздѣломъ являются конечно и затворные согласные, напр. *t*, *p*, *k*, такъ какъ во время выдержки затвора звукъ акустически совершенно прекращается. Такіе слоги называются слогами, основанными на *различіи въ полнозвучности звуковъ*. Слѣдовательно, градаціи въ силѣ звуковъ, дающія акустическое впечатлѣніе слога, или обусловлены различіемъ въ полнозвучности, присущей звукамъ рѣчи самимъ по себѣ (слоги, основанные на полнозвучности), или же производятся произвольнымъ усиленіемъ силы звука (динамическіе слоги). Въ большинствѣ языковъ оба условія соединяются обыкновенно, т. е. бóльшая полнозвучность сопровождается еще усиленіемъ звука.

Нужно однако замѣтить, что до сихъ поръ повидимому не удалось еще доказать экспериментальнымъ путемъ, что такіе слоговые толчки

или усиленія дѣйствительно производятся легкими. Вѣроятнѣе всего, что усиленіе звука въ экспираторномъ слогѣ при гласныхъ и звонкихъ согласныхъ вызывается не увеличеніемъ количества выдыхаемаго воздуха, а уменьшеніемъ голосовой щели, вслѣдствіе чего тотъ же токъ производитъ болѣе сильный звукъ голоса. Какъ бы то ни было, нужно признать динамическій слогъ, т. е. слогъ, основанный на усиленіи дѣйствія выдыхаемаго тока, въ отличіе отъ слога, основаннаго на полнозвучности звуковъ.

Но и эти физіологическія условія образованія слога даютъ сами по себѣ субъективное физіологическое основаніе для дѣленія на слоги, присоединяющееся къ указанному акустическому основанію и обыкновенно совпадающее съ нимъ. А именно, для производства слога, основаннаго на полнозвучности звуковъ, ротъ обыкновенно раскрывается больше для производства слогового звука, обыкновенно гласнаго, и болѣе закрывается для производства тѣснины или затвора согласныхъ (asa, aka) или съуженія узкихъ гласныхъ (aia), являющихся обыкновенно слогораздѣлами. Эти экскурсы органовъ рѣчи, повторяющіеся ритмически, являются въ двигательныхъ ощущеніяхъ моментами начала отдѣльнаго слога. Ср. произношеніе «передавать», «разверстывалъ», «сокрушали», «мою» и пр. При динамическомъ слогѣ такими субъективными моментами двигательныхъ ощущеній являются моменты усиленной иннервації артикулирующихъ органовъ.

Въ слогѣ одинъ звукъ, обыкновенно гласный, выдѣляется наибольшей полнозвучностью. Онъ называется носителемъ слога или просто *слоговымъ* (слогообразующимъ) звукомъ, а остальные звуки слога называются *неслоговыми*. Слоговой звукъ всегда самый полнозвучный въ слогѣ, если не по своей природѣ, то благодаря выдыхательному усиленію (динамическому ударенію). Слоговое качество звука принято обозначать посредствомъ подставленнаго кружечка, рѣже точки: i̥, r̥, n̥; а неслоговое качество обозначается посредствомъ полукружечка: i̯, r̯ и пр.

Въ этой роли звуковъ въ слогѣ возникло первоначально въ классическихъ языкахъ дѣленіе звуковъ рѣчи на гласные (vocalis т. е. голосовой по преимуществу) и согласные (consonans—созвучащій, сопровождающій гласный). Но уже для самихъ классическихъ языковъ это дѣленіе не точно, такъ какъ напр. въ дифтонгахъ гласные были и неслоговые; а въ другихъ языкахъ и согласные являются нерѣдко въ роли слогового звука. Мы удерживаемъ дѣленіе на «гласные» и «согласные» въ виду общеупотребительности ихъ, а въ первоначальномъ значеніи ихъ употребляемъ исключительно термины «слоговой» и «неслоговой» звукъ.

По *полнозвучности* первое мѣсто занимаютъ гласные. Межд ними болѣе полнозвучны тѣ, которые производятся съ бо́льшимъ раскрытіемъ рта: *а* полнозвучнѣе чѣмъ *е* или *о*, послѣдніе въ свою очередь полнозвучнѣе, чѣмъ *і*, *и* (у), *ы*. Послѣ гласныхъ самые полнозвучные плавные (*r*, *l*) и носовые (m и разные *n*). Затѣмъ слѣдуютъ въ порядкѣ полнозвучности: длительные шумные согласные, т. е. фрикативные звонкіе (напр. *z*, *ž*, *v* и пр.), затѣмъ фрикативные глухіе (*s*, *š* и пр.), далѣе взрывные шумные звонкіе (*g*, *d*, *b*), тѣ же глухіе (*k*, *t*, *p* и пр.). Вотъ почему въ сочетаніяхъ «ai», «eu», «ia», «ie» и пр. слоговыми звуками являются обыкновенно *а*, *е* (a͡i, e͡u, i͡a, i͡e). Плавные и носовые болѣе полнозвучны, чѣмъ очень краткіе (ирраціональные) гласные. Поэтому напр. въ сербскомъ «срце», изъ праславянскаго «сьрдьце», слоговымъ охранился *r*, а гласный *ь* могъ исчезнуть. Но при сосредоточеніи силы звука на менѣе полнозвучныхъ по природѣ звукахъ, слоговыми могутъ стать и эти звуки, какъ напр. *і*, *и* въ дифтонгахъ e͡u, i͡e u̯e и пр.

Согласные встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ, особенно въ быстрой рѣчи, въ роли слоговыхъ звуковъ (или какъ «гласные», какъ нерѣдко неточно говорятъ). Напр. И-ва-н-на (Ивановна), фса-м-дѣлѣ (въ самомъ дѣлѣ), дѣ-л-ла (дѣлала), но̥-в-ва (новаго), ко́-ш̥-чій (кошачій) и др. Ср. англійскія pḁ-s-bl̥ (possible), pr̥ḁk-t-kl̥ (practical).

Неслоговые звуки распредѣлены въ слогѣ обыкновенно такъ, что чѣмъ ближе къ слоговому звуку, тѣмъ полнозвучнѣе неслоговой звукъ, если не по своей природѣ, то вслѣдствіе вліянія силы тока, напр. въ «крест», «хвойный», «верст», «класть» и пр. Въ словахъ, какъ «театръ», «министръ», «страсть», «спокойный», «пташка», «ткать» и пр. тѣ части, которыя отдѣлены затворомъ затворнаго согласнаго отъ слогового звука (въ данныхъ словахъ звуки *-p*, *c-*, *n-*, *m-*), до нѣкоторой степени чувствуются слабыми побочными самостоятельными слогами и не безъ усилія объединяются дѣйствіемъ выдыхательнаго слогового усиленія съ сосѣднимъ слогомъ. При этомъ они теряютъ значительную часть своей силы и полноты, такъ какъ приходятся на слабое начало или слабый конецъ слога, сила котораго сосредоточена на слоговомъ звукѣ.

Обыкновенно сила выдыхательнаго усиленія слога идетъ параллельно съ полнозвучностью звуковъ слога, такъ что экспираторное ударе-

ніе только усиливаетъ естественную градацію по полнозвучности звуковъ. Но слоговой токъ можетъ имѣть и самостоятельную градацію, независимую отъ полнозвучности звуковъ слога. Онъ можетъ быть ровнымъ, усиливающимся, ослабѣвающимъ и пр. Въ такомъ случаѣ и природная полнозвучность звуковъ измѣняется подъ вліяніемъ такого экспираторнаго ударенія слога (см. стр. 226).

Въ языкахъ, въ которыхъ слогъ производится обыкновенно усиленіемъ звука, какъ повидимому въ русскомъ языкѣ, раздѣлъ между слогами находится въ мѣстахъ наименьшей силы тока, которыя могутъ не совпадать съ наименьшей природной силой звуковъ. Но напр. въ нѣмецкомъ языкѣ по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей раздѣлъ можетъ заключаться и въ одной природной малозвучности звука (слогъ, основанный на степени полнозвучности звуковъ). Такъ, въ нѣмецкомъ leiden, Masse выдыханіе можетъ итти безъ ослабленія, а первый слогъ отдѣляется отъ второго малой полнозвучностью звука d или s, внутри котораго и находится слогораздѣлъ, такъ что s раздѣляется слухомъ на два слога. Въ русскомъ языкѣ эта слабая полнозвучность звука уменьшается еще ослабленіемъ силы тока между двумя выдыхательными усиленіями: мас-са. Отсюда понятно, что при отсутствіи слогового экспираторнаго усиленія раздѣлъ напр. въ нѣмецкомъ словѣ Bettler (бетлер) приходится на выдержку затворнаго t; а при экспираторномъ слогѣ могло бы быть и Be-tler, какъ было бы въ русскомъ языкѣ.

Слогъ называется *открытымъ*, когда онъ оканчивается слоговымъ звукомъ, и *закрытымъ*, когда за слоговымъ слѣдуетъ еще одинъ или нѣсколько неслоговыхъ звуковъ въ томъ же слогѣ. Напр. слоги «да», «про» открыты, а «трость», «дай« и пр. закрыты.

§ 12. Динамическое и музыкальное ударенія.

Я разсматриваю динамическое (экспираторное) и музыкальное ударенія вмѣстѣ для того, чтобы различіе по природѣ ихъ отчетливѣе запечатлѣлось. Ихъ часто смѣшиваютъ.

Различія или градаціи въ относительной силѣ звуковъ (которой не слѣдуетъ смѣшивать съ абсолютной силой звуковъ или съ полнозвучностью ихъ) называются *экспираторнымъ* (выдыхательнымъ) или эмфатическимъ, лучше *динамическимъ* удареніемъ. Эти усиленія производятся въ гласныхъ и звонкихъ согласныхъ повидимому преимущественно посредствомъ уменьшенія голосовой щели, а въ глухихъ звукахъ увеличеніемъ выдыхаемаго тока, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ усиленіемъ энергіи выдыханія.

Градаціи въ музыкальной высотѣ голоса называются *музыкальнымъ* или мелодическимъ или тоническимъ или хроматическимъ удареніемъ.

Слогъ имѣетъ свое динамическое удареніе, т. е. градаціи въ силѣ въ продолженіе производства звуковъ, входящихъ въ составъ этого слога (экспираторное или динамическое удареніе *слога*). Измѣненіе въ высотѣ голоса въ продолженіе производства слога называется музыкальнымъ удареніемъ слога. Тактъ рѣчи (стр. 228 слѣд.) имѣетъ свое динамическое удареніе, и между слѣдующими другъ за другомъ отдѣльными тактами существуютъ градаціи по силѣ, объединяющія отдѣльные такты.

Каждое многосложное слово объединяется удареніями *слова*, динамическими и музыкальными, совпадающими въ односложныхъ словахъ съ удареніями слога. Каждое *предложеніе* объединяется своими удареніями, динамическими и музыкальными, т. е. градаціями въ силѣ звуковъ и въ высотѣ голоса въ продолженіе предложенія. Каждое *сочетаніе предложеній* (періодъ) имѣетъ свои ударенія, т. е. градаціи между предложеніями, по силѣ и высотѣ, въ періодѣ. Въ каждомъ языкѣ существуютъ опредѣленные разнообразные типы удареній предложеній, словъ, тактовъ и слоговъ.

Такимъ образомъ получается въ дѣйствительности сложная комбинація удареній, такъ какъ напр. слогъ, кромѣ своего ударенія, участвуетъ еще въ удареніи слова и предложенія. Конечно, ни въ одной изъ существующихъ орѳографій не обозначаются всѣ эти ударенія. Напр. въ древнегреческомъ письмѣ ' и ˜ обозначаютъ различія въ удареніи слога, но только удареннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ они обозначаютъ удареніе слова; а ' обозначаетъ лишь частный случай ударенія предложенія.

Въ одномъ языкѣ преобладаетъ музыкальное, въ другомъ динамическое удареніе. Динамическое удареніе преобладаетъ въ древнелатинскомъ, особенно въ германскихъ языкахъ. Менѣе сильное преобладаніе динамическаго ударенія наблюдается въ русскомъ языкѣ, и еще меньшее во французскомъ. Преобладающее музыкальное удареніе было въ древнеиндійскомъ и древнегреческомъ языкѣ, между тѣмъ какъ въ новогреческомъ языкѣ значительное преобладаніе динамическаго ударенія.

Ударенія слога.

Динамическое ударение слога само по себѣ можетъ быть *ровнымъ* (=), постепенно *усиливающимся* (crescendo <), постепенно *ослабѣвающимъ* (decrescendo >), *усиливающимся — ослабѣвающимъ* (<>, <⟷> и пр.). Кромѣ того существуетъ *двуглавое ударение*, въ которомъ въ теченіе произнесенія слога сила ослабѣваетъ или звукъ совсѣмъ прерывается, и затѣмъ вновь усиливается (><).

Такое *прерывистое* ударение есть напр. въ латышскомъ языкѣ, напр. въ galwa—голова, въ которомъ является полное мгновенное закрытіе гортани или обыкновенно только быстрое ослабленіе звука въ концѣ производства перваго *a* или внутри *l*. Рядомъ съ нимъ существуетъ въ латышскомъ языкѣ еще *усиливающееся* ударение, напр. въ первомъ слогѣ слова spalwa—перо, и діалектически еще *ослабѣвающее* ударение. Если бы перерывъ или ослабленіе не были очень кратки, то прерывистый слогъ могъ бы восприниматься какъ два слога.

Музыкальное ударение слога само по себѣ можетъ быть *ровнымъ* (—), *восходящимъ* (⟋) т. е. повышающимся въ высотѣ голоса, *нисходящимъ* (⟍) т. е. понижающимся въ высотѣ голоса, *восходящимъ—нисходящимъ* (⟋⟍ , ⟋⟍), *нисходящимъ—восходящимъ* (⟍⟋) и пр.

Въ древнегреческомъ было восходящее ударение (′) и восходяще—нисходящее (~, собственно ⟋⟍). Поэтому изъ стяженія τιμάω получилось τιμῶ, изъ τιμαόντων τιμώντων. Въ литовскомъ языкѣ существуетъ два ударенія долгаго слога: нисходящее въ музыкальномъ и экспираторномъ отношеніи (≫), напр. первый слогъ въ vėidas—лицо, и восходящее въ музыкальномъ отношеніи а въ экспираторномъ отношеніи ослабѣвающее и къ концу вновь усиливающееся, напр. въ первомъ слогѣ слова sausas—сухой. Впрочемъ эти факты нуждаются еще въ точной повѣркѣ экспериментальнымъ путемъ.

Ударенія слова.

Какъ въ динамическомъ, такъ и въ музыкальномъ удареніи слова различаютъ обыкновенно три ступени: *главное ударение*, *побочное* и самое слабое resp. низкое ударение, называемое *неударенностью*.

Въ каждомъ многосложномъ словѣ, кромѣ энклитическихъ и проклитическихъ, одинъ слогъ имѣетъ главное ударе́ніе; по обстоятельствамъ бываетъ слогъ съ побочнымъ ударе́ніемъ, а остальные слоги неударенны, т. е. произносятся съ сравнительно слабой силой или съ сравнительно низкимъ звукомъ голоса,

хотя конечно и въ нихъ различаются градаціи или удареніа, такъ что въ дѣйствительности почти каждый слогъ представляетъ особую градацію.

Главное динамическое и главное музыкальное удареніа бываютъ нерѣдко въ одномъ и томъ же слогѣ, но могутъ быть и въ разныхъ слогахъ, напр. въ вопросительномъ «завтра?».

Удареніа предложеніа.

Тѣми же градаціями по силѣ и высотѣ пользуется и мысль наша для обозначеніа разныхъ значеній предложеній. Такое удареніе называется удареніемъ предложеніа или *логическимъ* (психическимъ) удареніемъ. Въ утвердительномъ «завтра», напр. на вопросъ «когда придешь?», динамическое удареніе слова и музыкальное удареніе предложеніа въ первомъ слогѣ. Въ вопросительномъ «завтра?» динамическое удареніе остается въ первомъ слогѣ, а музыкальное удареніе предложеніа во второмъ слогѣ по требованію вопросительнаго значеніа этого предложеніа.

Ритмическіе и музыкальные типы предложеній разнообразны, и отчасти различны въ разныхъ языкахъ. Благодаря такому логическому динамическому ударенію напр. предложеніе «онъ былъ вчера въ театрѣ» получаетъ различный смыслъ, смотря по тому, въ какомъ словѣ является главное динамическое удареніе предложеніа (обозначаемое здѣсь двумя удареніями): онъ былъ вчера́ въ теа́трѣ; онъ былъ вчера́ въ теа́трѣ; онъ былъ вчера́ въ теа́трѣ; онъ былъ вчера́ въ театрѣ. Главнымъ экспираторнымъ удареніемъ предложеніа обозначается психологическое сказуемое, какъ наиболѣе существенная часть предложеніа.

Посредствомъ музыкальнаго удареніа предложеніа обнаруживаются и разныя побочныя мысли и чувствованіа. Пониженіе голоса къ концу предложеніа обозначаетъ вообще законченность, что дальнѣйшаго не ожидается; поэтому такое музыкальное удареніе употребляется въ утвердительныхъ предложеніяхъ. Повышеніе голоса къ концу указываетъ на вопросъ, или вообще указываетъ еще на что-то. Ср. «до свиданья» съ повышеніемъ въ концѣ, или повышеніе голоса въ словѣ, за которымъ слѣдуетъ относящееся къ нему придаточное предложеніе, и т. д. Модуляціи голоса, въ составъ которыхъ входятъ и измѣненія

въ высотѣ, настолько обнаруживаютъ разныя чувствованія, что они понятны неумѣющимъ говорить дѣтямъ и даже животнымъ.

Ритмическій—мелодическій элементъ рѣчи запечатлѣвается въ насъ настолько прочно, что нерѣдко, припоминая забытое слово, мы вспоминаемъ раньше ритмическую форму его, напр. число слоговъ и ударенія. Поэтому при усвоеніи иностраннаго языка въ зрѣломъ возрастѣ наиболѣе трудно отдѣлаться отъ усвоенныхъ съ дѣтства ритмическихъ—мелодическихъ привычекъ.

§ 13. Ритмъ рѣчи. Такты рѣчи.

При логическо-морфологическомъ анализѣ, т. е. при анализѣ съ точки зрѣнія значеній, составными элементами предложеній являются слова съ входящими въ ихъ составъ основными и формальными принадлежностями, какъ основы, суффиксы, префиксы и прочіе носители разныхъ значеній.

Съ одной *фонетической* (т. е. безъ отношенія къ значеніямъ) точки зрѣнія предложеніе (какъ часть звукового ряда, отдѣленная паузами) естъ ритмически расчлененный звуковой рядъ, распадающійся на бо́льшія единицы — *такты*, которые въ свою очередь распадаются на меньшія единицы — *слоги*, а слоги на *звуки*. Въ ритмическомъ расчлененіи рѣчи на такты не трудно убѣдиться, слѣдя за естественной рѣчью. Напр.: Бы́лъ ли | о̀нъ вче-|-рà въ те-|-а́трѣ?—Въ виду̀ не-|-сомнѣ́нныхъ | заслу́гъ | его̀. —Онъ пришёлъ | и сказа́лъ. (′ обозначаетъ болѣе сильное, ‵ болѣе слабое удареніе). Очевидно слоги, составляющіе такты въ приведенныхъ примѣрахъ, группируются около экспираторно ударенаго слога слова, который является носителемъ (верхушкой) такта. Но не всегда легко опредѣлить границы тактовъ между экспираторно неударенными слогами, основанныя на ослабленіи силы звуковъ и иннервації. Между отдѣльными слѣдующими другъ за другомъ тактами существуютъ также градаціи по силѣ.

Носителемъ такта въ русскомъ языкѣ, какъ и во многихъ другихъ новыхъ языкахъ, является экспираторно ударенный слогъ слова. Въ языкахъ, въ которыхъ динамическое удареніе слова слабѣе развито, а есть самостоятельное явно выраженное количественное различіе между слогами, какъ въ древнегреческомъ, латинскомъ и санскритскомъ языкахъ, основаніемъ для

распредѣленія слоговъ по тактамъ служитъ продолжительность слоговъ, почему ихъ метрическая система въ стихахъ основана на количественномъ различіи долгихъ и краткихъ слоговъ (трохей, дактиль и пр.). Ср. напр. дактилическіе такты въ латинскомъ

Sed fŭ-gĭ-|-t ĭn-tĕ-r ĕ-|-ā fŭ-gĭ-|-t ĭr-rĕ-pā- | -rā-bĭ-lĕ | tĕm-pŭs.

Чисто фонетическій ритмическій элементъ рѣчи разрываетъ слова на такты; но нужно имѣть въ виду, что съ фонетической стороны нѣтъ словъ, такъ какъ большею частію нѣтъ никакихъ данныхъ въ устной рѣчи для дѣленія ея на отдѣльныя слова. Звуки, составляющіе слова, объединяются въ связной рѣчи только значеніями словъ, и если значенія не возбуждаются, или возбуждаются не тѣ значенія, то въ сознаніи слушателя звуки могутъ группироваться въ другія слова. Этимъ и объясняется возможность большинства каламбуровъ (à votre aise — à vos treize, assis—à six, de bon thé—de bonté).

Скрещиваніе фонетическо-ритмическаго и логическо-морфологическаго начала хорошо замѣтно въ слѣдующемъ примѣрѣ, въ которомъ концы перваго и третьяго, второго и четвертаго стиха совершенно одинаковы въ фонетическомъ отношеніи: Однáжды | мéдникъ | тáзъ ку | -я́ ‖ сказáлъ | себѣ́ | тоскýя: ‖ задáмъ же | дѣ́тямъ | тáску | я́; ‖ отъ ни́хъ | узнáлъ | тоскý я.

Ритмъ рѣчи—это тѣ градаціи по силѣ и продолжительности въ звуковомъ рядѣ, а также въ продолжительности паузъ, благодаря которымъ, отчасти въ связи съ музыкальнымъ удареніемъ, звуки рѣчи объединяются въ слоги и такты и въ фонетическомъ отношеніи въ предложенія и періоды (сочетанія предложеній). Первопричиной ритмическаго объединенія слога и такта является психофизіологическая природа нашихъ движеній; а первопричиной ритмическаго объединенія въ предложенія и періоды являются значенія, т, е. психическіе факты, лежащіе внѣ области звуковой стороны языка.

Каждое слово само по себѣ имѣетъ болѣе или менѣе строго опредѣленную, смотря по языку, ритмическую форму, т. е. извѣстную градацію звуковъ и слоговъ слова по силѣ и продолжительности и отчасти высотѣ ихъ. Въ каждомъ языкѣ существуетъ большее или меньшее число опредѣленныхъ ритмическихъ формъ или типовъ словъ. Такъ въ русскомъ языкѣ динамическое удареніе слова можетъ вообще быть на любомъ слогѣ, и отъ

него зависятъ сравнительно небольшія количественныя различія слоговъ слова. Этимъ ритмическимъ элементомъ слова обусловлено и его положеніе въ ритмическомъ звуковомъ рядѣ. Въ нѣмецкомъ языкѣ удареніе обыкновенно на первомъ слогѣ слова, во французскомъ языкѣ очень слабое динамическое удареніе на послѣднемъ слогѣ и т. д. Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ продолжительность слоговъ не зависѣло отъ ударенія, зато удареніе слова могло быть только на трехъ или двухъ послѣднихъ слогахъ и зависѣло отъ продолжительности этихъ слоговъ.

Для того, чтобы рядъ словъ образовалъ предложеніе въ фонетическомъ отношеніи, ихъ укладываютъ въ одну изъ употребительныхъ въ данномъ языкѣ ритмическихъ—мелодическихъ формъ предложеній (ритмическій мелодическій типъ или рамка предложенія). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно произносить съ немѣняющимися продолжительностью, силой и высотой подъ рядъ слова любого предложенія, напр.: «я не знаю придетъ ли онъ сегодня или нѣтъ». Ясно обнаружится неестественность такого предложенія. Эти ритмическія формы предложеній въ разныхъ языкахъ различны. Отдѣльные ораторы и писатели безсознательно предпочитаютъ тѣ или другіе изъ употребительныхъ въ данномъ языкѣ ритмическихъ типовъ предложеній.

Такимъ образомъ ритмъ предложенія съ одной стороны обусловленъ ритмомъ отдѣльныхъ словъ и психическими и логическими элементами предложенія, какъ удареніемъ сказуемаго, противопоставленія и пр.; съ другой стороны ритмъ предложенія обусловленъ самой звуковой стороной языка. Скрещиваніе логическаго и фонетическаго ритмическаго начала лишь болѣе объединяетъ все предложеніе, такъ какъ чисто фонетическій ритмъ сближаетъ между собою звуковыя части, разрозненныя расчлененіемъ на слова, на болѣе тѣсныя сочетанія словъ, психическое сказуемое и пр. Въ искусственной рѣчи съ преобладаніемъ логическаго элемента, напр. съ каѳедры, нерѣдко искажается естественое фонетическое ритмическое строеніе рѣчи чрезмѣрнымъ преобладаніемъ логическаго ритма ея. Наоборотъ, въ стихахъ чисто фонетическій ритмъ получаетъ искусственное преобладаніе. Ср. выше приведенные примѣры, какъ ихъ произносилъ бы съ разстановкой педагогъ, и какъ ихъ произноситъ зубрящій школьникъ. Третьяго рода искусственное одностороннее разви-

тіе рѣчи, именно музыкальной стороны ея въ связи съ фонетическимъ ритмомъ, мы видимъ въ пѣніи.

При чтеніи стиховъ мы можемъ особенно выдвигать или фонетическій ритмическій элементъ, или логическій ритмическій элементъ (самое близкое къ естественной рѣчи), или наконецъ музыкальный. Въ умѣломъ сочетаніи ихъ состоитъ искусство декламаціи. Напр.: | Реве́тъ | ли звѣ́рь | въ лѣсу́ | глухо́мъ | .— | Бы́ло | дѣ́ло | по́дъ Пол- | -та́вой | .—По | не́бу по- | -лу́ночи | а́нгелъ ле- | -тѣлъ.

Какъ ритмъ пѣсни является искусственнымъ развитіемъ ритма рѣчи, видно изъ сравненія послѣдняго примѣра съ романсомъ на эти слова Варламова. Такты нотъ приходятся на такты рѣчи. Ударенные слоги здѣсь въ пѣснѣ вдвое продолжительнѣе неударенныхъ, въ рѣчи обыкновенно лишь около одной трети продолжительнѣе неударенныхъ, но удлиняются и больше. И стихи, и пѣніе съ точки зрѣнія языка—искаженіе естественной рѣчи, игра, доставляющая эстетическое удовольствіе.

Лучшей декламаціей въ прозѣ нужно считать такую, которая наименѣе отступаетъ отъ естественной рѣчи, но незамѣтно пользуется всѣми выразительными средствамл языка, ритмомъ, удареніями, модуляціями голоса и пр., не обозначаемыми въ письмѣ. Къ нимъ присоединяются еще мимика и пантомимы, которыя при художественной рѣчи также не должны бросаться въ глаза, соразмѣряясь съ привычнымъ въ данной средѣ.

§ 14. Продолжительность звуковъ и слоговъ.

Продолжительность звуковъ.

Отдѣльные звуки, слоги, такты и пр. произносятся съ разной быстротой, т. е. время ихъ производства и звучанія можетъ быть различно. Эти количественныя различія могутъ быть абсолютными и относительными.

Абсолютная продолжительность (количество, длительность) звука или слога мѣняется съ быстротой рѣчи, въ которой мы въ этомъ отношеніи различаемъ: быструю рѣчь (allegro), медленную рѣчь или темпъ (lento) и пр. Абсолютный темпъ рѣчи различный въ разныхъ языкахъ и говорахъ и въ разные періоды

языка. Кромѣ того онъ мѣняется въ зависимости отъ психическаго настроенія говорящаго.

По *относительной продолжительности* звуки, какъ гласные, такъ и согласные, бываютъ *краткими* или *долгими*. Долгота обозначается въ фонетическомъ письмѣ горизонтальной черточкой надъ буквой: $\bar{a}$, $\bar{e}$, $\bar{n}$, $\bar{s}$, $\bar{t}$, а въ орѳографіяхъ долгота согласныхъ обозначается часто удвоеніемъ («манна», «масса», «оттого»). Краткость обозначается знакомъ ˘, напр. ă, ĕ. Различаютъ еще *полудолготу*, *вышедолготу* и пр. Такъ, нѣмецкое «ā» въ kām продолжается дольше, чѣмъ долгое ā въ kāmen. Отъ краткихъ звуковъ нужно отличать *ирраціональные*, т. е. болѣе краткіе чѣмъ нормальные краткіе звуки. Сюда относятся французское e sourd (конечно произносимое), старославянскіе ъ и ь, а также южновеликорусскіе гласные въ извѣстныхъ неударенныхъ слогахъ (гъдавой, пьтачекъ). Ирраціональные звуки передаются въ фонетической транскрипціи часто мелкими буквами: pᵒti=франц. petit.

Въ русскомъ языкѣ старое количественное различіе гласныхъ не сохранилось. Но въ немъ развились въ извѣстныхъ неударяемыхъ слогахъ ирраціональные гласные, а ударенный гласный въ открытомъ неконечномъ слогѣ полудолгій.

Въ зависимости отъ положенія въ слогѣ измѣняется и относительная продолжительность звуковъ слога, независимо отъ измѣненій въ абсолютной продолжительности, которая зависитъ отъ абсолютной продолжительности всего слога, какъ части слова, такта, предложенія.

Продолжительность слога.

Абсолютная продолжительность слога складывается изъ продолжительности составляющихъ его звуковъ.

По относительной продолжительности различаютъ *краткіе и долгіе* слоги.

На продолжительность слога вліяетъ фонетическій (механическій) ритмическій элементъ рѣчи. Безсознательно стремятся произносить одинаковые такты рѣчи по возможности съ одинаковой продолжительностью времени, слѣдовательно въ нашихъ новыхъ языкахъ—съ одинаковыми промежутками времени между

главными удареніями одинаковыхъ тактовъ. Поэтому, чѣмъ больше слоговъ въ тактѣ, тѣмъ быстрѣе произносится каждый слогъ, напр.: бнъ пріо- | брѣлъ | мно́го | пре́деннѣйшихъ дру- | -зе́й. Чѣмъ больше преобладаетъ логическій элементъ въ рѣчи, тѣмъ слабѣе вліяніе механическаго ритма на продолжительность слоговъ (см. выше стр. 230).

Изъ ритма рѣчи объясняется, почему сокращаются неударенные слоги преимущественно многосложныхъ словъ. Въ словахъ, какъ «пре́деннѣйшіе», «городово́й», «передвиже́ніе» и пр. всегда между двумя удареніями приходится три—четыре неударенныхъ слога, къ которымъ могутъ присоединиться еще неударенные слоги сосѣдняго слова (пре́деннѣйшіе друзья́), между тѣмъ какъ «друзья́», «мно́го», «дру́гъ» и пр. могутъ занимать цѣлый тактъ: | тако́й | дру́гъ | . Поэтому въ общерусскомъ языкѣ извѣстные неударенные слоги многосложныхъ словъ сократились; а слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, продолжается дольше, чѣмъ остальные неударенные слоги (но конечно меньше, чѣмъ ударенный), такъ какъ его ритмическая форма выработалась въ двусложныхъ словахъ со вторымъ ударенымъ слогомъ, въ которыхъ не было надобности сильнѣе сокращаться подъ вліяніемъ фонетическаго ритма. Наоборотъ, благодаря тому же ритму рѣчи, нѣсколько удлиняются иногда (въ связи съ усиленіемъ динамическаго ударенія слога) неударенные слоги въ многосложныхъ словахъ, если между двумя ударенными слогами находится слишкомъ много неударенныхъ слоговъ: (пре́деннѣйшіе стъража́).(` обозначаетъ здѣсь побочное динамическое удареніе). Отсюда понятно, почему самостоятельныя ударенныя односложныя слова въ многихъ языкахъ продолжительнѣе, чѣмъ ударенный слогъ многосложныхъ словъ: первыя нерѣдко заполняютъ весь тактъ.

Изъ предыдущаго понятно, что можно продолжительность разсматривать какъ особаго рода удареніе—удареніе времени или продолжительности звуковъ, слоговъ, словъ и предложеній. Смѣна краткихъ и долгихъ слоговъ въ рѣчи является такимъ же общимъ правиломъ, какъ смѣна разныхъ динамическихъ и музыкальныхъ удареній.

§ 15. Сочетаніе звуковъ.

Звуковой приступъ и отступъ.

Предварительно нужно указать, какъ въ о бсолютномъ началѣ, т. е. послѣ паузы, начинаются, и какъ въ абсолютномъ концѣ, т. е. передъ паузой, кончаются звуки рѣчи или собственно гласные, такъ какъ различія въ приступѣ и отступѣ согласныхъ имѣютъ меньше значенія. Переходъ изъ индифферентнаго положенія къ опредѣленной свойственной каждому звуку установкѣ органовъ рѣчи называется *приступомъ*, а выходъ изъ этой установки въ покой называется *отступомъ*.

Приступъ къ *гласнымъ* можетъ быть крѣпкимъ, тихимъ и придыхательнымъ. При *крѣпкомъ* приступѣ голосовыя связки предварительно смыкаются для звучанія. Затѣмъ пускается токъ, который взрываетъ затворъ, и непосредственно за взрывомъ голосовыя связки приходятъ въ колебанія, производящія голосъ. Такой взрывъ есть собственно гортанный взрывной согласный (см. стр. 197). Такъ въ нѣмецкомъ языкѣ начинается обыкновенно начальный ударенный гласный.

При *тихомъ* приступѣ голосовыя связки приходятъ въ положеніе вибраціи одновременно съ началомъ тока. Такъ произносятся обыкновенно русскіе и французскіе начальные гласные.

Придыхательный приступъ получается, если пустить токъ раньше, чѣмъ связки успѣли придти въ соприкосновеніе для звучанія. Въ зависимости отъ времени, силы и положенія связокъ, при которыхъ токъ проходитъ до начала голоса, получается или *слабое придыханіе* (безголосный гласный, стр. 148 и 171), или (сильный) гортанный *фрикативный согласный*: нѣмецкое *h*, греческій spiritus asper (см. стр. 197). Греческій spiritus lenis былъ или слабый придыхательный или тихій приступъ.

Понятно, что *отступъ* гласныхъ можетъ быть также *крѣпкимъ*, при которомъ голосъ вдругъ обрывается энергичнымъ закрытіемъ гортани, или же *тихимъ*, или *придыхательнымъ*, при которомъ токъ продолжается еще послѣ неполнаго или полнаго раскрытія гортани. Такой *слабый* придыхательный отступъ представляетъ санскритское visarga, которое собственно безголосное продолженіе предыдущаго гласнаго.

Установочные и переходные звуки. Разновидности звуковъ въ сочетаніяхъ.

Послѣ производства каждаго звука въ звуковомъ рядѣ органы рѣчи конечно не возвращаются въ индифферентное положеніе, а переходятъ непосредственно къ производству слѣдующаго звука. Лишь передъ паузой органы рѣчи возвращаются въ индифферентное положеніе. Такъ напр. въ словѣ «Валдай» голосовыя связки звучатъ непрерывно съ начала до конца слова, если не считать возможнаго очень краткаго перерыва во время затвора *д*. Какъ бы быстро ни совершался переходъ губъ и нижней челюсти отъ установки для *в* до положенія производства *а* (языкъ при *в* уже въ положеніи производства *а*), всетаки получается непрерывный рядъ быстро смѣняющихся промежуточныхъ гласныхъ до *а*, тембръ которыхъ обусловливается быстро измѣняющейся формой губного отверстія и полости рта. Звуки эти не самостоятельны и качество ихъ обусловлено установкой для звуковъ *в* и *а*, между которыми они развиваются по физіологической необходимости. Такіе звуки называются *переходными звуками*, поанглійски glides. Въ отличіе отъ нихъ самостоятельные звуки, между которыми они развиваются, называются *установочными звуками*. Такіе же переходные звуки развиваются между *а* и *л*, *д* и *а*, *а* и *й*. Между *а—й* (i) переходные звуки представляютъ поочередно, въ быстрой смѣнѣ, почти всѣ гласные передняго ряда.

Въ сочетаніи звуковъ движенія, общія двумъ сосѣднимъ звукамъ, производятся по возможности одинъ разъ; напр. въ словѣ «дамба» голосовыя связки находятся съ начала до конца слова въ положеніи звучанія. Языкъ послѣ затвора *д* переходитъ въ положеніе *а* и остается въ немъ до конца слова. Губы производятъ затворъ для *м* и остаются въ этомъ положеніи до раствора *б*. Мягкое небо производитъ закрытіе носовой полости въ продолженіе *да*, при *м* опускается, затѣмъ для *б* снова подымается и остается до конца прижатымъ къ задней стѣнкѣ зѣва.

Подъ вліяніемъ этого принципа измѣняются нѣкоторые звуки. Такъ, затворные согласные въ сочетаніи съ непосредственно слѣдующими за ними носовыми согласными того же мѣста образованія (pm, tn, kn мягконебн., bm и пр.) производятъ взрывъ не въ ротовой полости, а въ носовую полость, напр. въ «обманъ», «отнять», «одна» и т. д. Это происходитъ отъ того, что звуками p и m, t и n и пр. присущъ одинъ и тотъ

же затворъ во рту. Поэтому напр. губы для взрыва *б* въ «обмануть» не раскрываются, а взрывъ производится внезапнымъ открытіемъ затвора мягкаго неба, такъ какъ для *м* носовая полость должна безъ того быть открыта. Такіе носовые взрывные p, t и пр. отличаются отъ настоящихъ p, t и акустически, и называются *фаукальными взрывными согласными* (faucales).

Подобное явленіе происходитъ въ сочетаніяхъ *tl*, *dl*. Такъ какъ зубной затворъ общій обоимъ звукамъ, то растворъ (взрывъ) *t*, *d* производится не кончикомъ, а боками языка, вдругъ отдѣляющимися отъ боковыхъ зубовъ и десенъ, чѣмъ получается укладка для *l*. Но такіе *боковые взрывные согласные* отличаются и акустически отъ зубныхъ взрывныхъ, напр. въ «атласъ», «сѣдло».

Въ дѣйствительности каждый звукъ рѣчи встрѣчается только въ сочетаніяхъ съ другими звуками, и потому нѣсколько измѣняется въ условіяхъ своего образованія подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, такъ какъ установка, присущая одному звуку, распространяется отчасти и на предыдущій и послѣдующій звукъ. Такъ напр. въ словѣ «кустикъ» во время производства *к* губы уже сложены и округлены для производства звука *у* (чего нѣтъ напр. въ словѣ «касса»). Такимъ образомъ получается *к* съ нѣкоторыми условіями производства *у* (съ лабіализаціей), что можно обозначить посредствомъ $к^{у}$. Кромѣ того и передняя спинка языка приняла уже форму для *у*. Къ концу производства *у* передняя спинка языка уже подымается для производства *с* (чего нѣтъ напр. въ «скука»). Почти съ начала производства *с* средняя спинка языка находится уже въ положеніи производства *і*, слѣдующаго за *т* (палатализація, чего нѣтъ въ «кустъ»), такъ что *с* можно обозначать посредствомъ $с^{і}$. При производствѣ *т* средняя спинка языка остается въ положеніи производства послѣдующаго *і*, только передній край спинки языка производитъ верхнезубной затворъ (между тѣмъ какъ въ «куста» *т* можетъ образоваться переднимъ краемъ кончика языка и т. д.).

Отсюда видно, что каждый звукъ представляетъ много разновидностей, обозначаемыхъ въ письмѣ одной и той же буквой. Въ письмѣ передаются только установочные звуки, и это раціонально, такъ какъ переходные звуки обусловлены физіологически переходомъ органовъ рѣчи кратчайшимъ путемъ отъ одного установочнаго звука къ другому. Конечно въ зависимости отъ артикуляціонной базы эти переходы не всегда одинаковы въ разныхъ языкахъ.

Палатализація и лабіализація въ «$к^{у}с^{і}т^{і}ик$» могли бы и

отсутствовать и дѣйствительно отсутствуютъ въ аналогичныхъ сочетаніяхъ въ разныхъ языкахъ. Впрочемъ и въ такихъ языкахъ замѣчается также хотя и меньшее приспособленіе звука къ сосѣднему въ физіологическомъ отношеніи. Такъ, въ нѣмецкомъ Kind *k* твердонебное, а въ kann мягконебное. И въ нѣмецкомъ Akustik *t* отличается отъ *t* въ Gustav тѣмъ, что въ теченіе или къ концу производства *t* языкъ нѣсколько ближе къ положенію *i*. Такое большее или меньшее приравненіе звуковъ къ сосѣднимъ звукамъ въ условіяхъ ихъ производства (и въ акустическомъ отношеніи) называется *уподобленіемъ* или *ассимиляціей*. Ассимиляція можетъ быть регрессивная, какъ въ данномъ случаѣ, или же прогрессивная, при которой предшествующій звукъ уподобляетъ себѣ послѣдующій, или, наконецъ, обоюдная. Къ уподобленію относятся явленія палатализаціи, лабіализаціи и веляризаціи согласныхъ (стр. 204).

Сочетаніе согласныхъ.

При встрѣчѣ двухъ одинаковыхъ согласныхъ производится только одинъ такой согласный, который является болѣе или менѣе долгимъ, съ слогораздѣломъ въ срединѣ, и потому обозначается обыкновенно въ письмѣ удвоенной буквой, напр. «оттого» = атаво (ср. «а того»); «труппа» = трупа (ср. «тру - па»); «тотъ топоръ» = тотапор (ср. «то топоръ»); «масса» = маса (ср. «раса»); «ванна» = вана (ср. «Ивана»). Такой согласный отличается отъ простого большей силой, объясняемой при взрывныхъ большей продолжительностью выдержки затвора, во время которой накопляется больше воздуха во рту. Ср. «въ воду» = воду, «къ кому» = кому (если не произносится «хкому»).

При сочетаніи двухъ неодинаковыхъ затворныхъ согласныхъ затворъ второго производится обыкновенно уже во время выдержки затвора перваго. Поэтому напр. въ «аптека», «откопать» *п* и *т* перваго слога производится взрывомъ того небольшого количества воздуха, которое находится передъ затворомъ второго слога (*т*, *к*). Но въ «акта», «какъ бы», «отпоръ» и пр. взрывъ перваго согласнаго можетъ произойти въ пространство полости рта, уже закрытое болѣе переднимъ затворомъ второго затворнаго согласнаго. Акустически въ обоихъ случаяхъ первый согласный очень слабъ, такъ какъ главнымъ или исключительнымъ представителемъ его являются переходные звуки отъ предыдущаго гласнаго къ затворному (implosio), какъ между *а* и *п* въ «аптека», *а* и *к* въ «акта»; но физіологически оба взрывные производятся полностью. Поэтому напр. прежнія итальянскія kt, pt замѣнились посредствомъ tt, напр. atto, лат.

actum, aptus. Этимъ объясняется, что затворный между затворными обыкновенно совершенно исчезаетъ для слуха, такъ какъ присутствіе его обыкновенно не обозначается переходными звуками, въ крайности лишь слабымъ взрывомъ, напр. *т* въ «гауптвахта», *д* въ «поздній»; ср. также «Брянскъ» изъ Дбрянскъ.

Шумные согласные становятся глухими или звонкими подъ вліяніемъ послѣдующихъ глухихъ или звонкихъ шумныхъ звуковъ (ассимиляція): сдѣлать (= здѣлать), отдать (= аддать), подсказывать (= патсказывать, ср. поддѣлывать. Но это явленіе наблюдается не во всѣхъ языкахъ и всякихъ положеніяхъ.

Носовой передъ небнымъ шумнымъ согласнымъ образуется обыкновенно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ образуется послѣдующій шумный. Впрочемъ въ этомъ отношеніи наблюдается различіе между языками. Напр. въ нѣмецкомъ языкѣ передъ *k* всегда только небное *n*, котораго въ русскомъ языкѣ не существуетъ. Ср. нѣмецкое Bank съ мягконебнымъ *n*, Wink съ твердонебнымъ *n*, и русскія «банкъ», «поминки» съ зубнымъ *n*.

Сочетаніе гласныхъ, принадлежащихъ къ разнымъ слогамъ.

При сочетаніи двухъ различныхъ гласныхъ, относящихся къ разнымъ слогамъ, каждый изъ нихъ производится съ отдѣльнымъ слоговымъ усиленіемъ звука. Голосъ можетъ при этомъ не прерываться, а переходные звуки, упадающіе на ослабленіе звука въ слогораздѣлѣ, мало замѣтны. Такой *тихій переходъ* наблюдается въ русскомъ языкѣ: «у Осипа», «у Ильи», «а онъ», «а Устинья», «и она», «окно открыто».

При встрѣчѣ одинаковыхъ гласныхъ при тихомъ переходѣ является одинъ долгій гласный, распредѣленный на два слога двумя выдыхательными усиленіями: «а Анна» = а̄на (а͡ан-на͡), «и исторія»=ӣсторія (и͡-исторія), «у усадьбы» и пр.

Но въ такихъ случаяхъ между гласными вставляется въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ, гортанный взрывъ (*крѣпкій переходъ*, напр. a'i), въ другихъ языкахъ слабое придыханіе (*придыхательный переходъ*), напр. во французскихъ fléau, Baal=fle-o̯, Ba-a̯l).

При тихомъ переходѣ со временемъ происходитъ обыкновенно стяженіе обоихъ гласныхъ и въ слоговомъ отношеніи, что невозможно при крѣпкомъ или придыхательномъ переходѣ. Напр. въ греческомъ τιμάω, стянувшемся въ τιμῶ, переходъ между *а* и *о* былъ тихій.

Дифтонги.

При сочетаніи двухъ или болѣе гласныхъ въ одномъ слогѣ, одинъ изъ нихъ бываетъ *слоговымъ*, остальные *неслоговыми*. Такія сочетанія называются *дифтонгами*, если состоятъ изъ двухъ гласныхъ, *трифтонгами* – изъ трехъ гласныхъ.

Дифтонги бываютъ *восходящіе*, когда сила звука въ продолженіе производства ихъ увеличивается, такъ что второй гласный является слоговымъ т. е. болѣе полнозвучнымъ (напр. i̯a, i̯e, u̯a, u̯o и пр., какъ французское quoi=ku̯a), и *нисходящіе*, когда первый гласный слоговой (край, лей, синій, стой, буйный). Впрочемъ по примѣру древней грамматики на практикѣ называютъ дифтонгами преимущественно только нисходящіе дифтонги, а въ восходящихъ видятъ сочетаніе неслогового гласнаго (полугласнаго, обыкновенно i̯, u̯) съ слѣдующимъ гласнымъ.

Настоящими называютъ иногда дифтонги, въ которыхъ слоговая часть, произносимая съ большей силой, въ то же время обладаетъ большей природной полнозвучностью (стр. 221), чѣмъ неслоговая часть (a̯i. e̯i a̯o, i̯e и пр.). *Ненастоящими* будутъ въ этомъ смыслѣ тѣ дифтонги, въ которыхъ неслоговая часть, произносимая съ меньшей силой тока, по своей природѣ полнозвучнѣе слоговой части. Тогда подчасъ затруднительно опредѣлить, какую часть собственно считать слоговой, напр. i̯e, i̯a, u̯e, u̯a, ä̯i, e̯u. Ср. сѣверномалорусскія «вуэл», «вуол», «пі̯эч».

При нахожденіи неслогового гласнаго между двумя слоговыми, неслоговой, смотря по языку, можетъ относиться къ предшествующему или къ послѣдующему слогу, или къ обоимъ (a̯i-a, a-i̯a, a̯i-i̯a), но обыкновенно относится къ послѣдующему (a-i̯a) и въ такомъ случаѣ нѣтъ (нисходящаго) дифтонга.

Составныя части дифтонговъ часто воспринимаются слухомъ невѣрно, часто не совпадаютъ съ соотвѣтствующими отдѣльными звуками и обыкновенно передаются невѣрно въ письмѣ. Напр. то, что на слухъ кажется a̯i или e̯i, есть на самомъ дѣлѣ чаще сочетаніе *а*+*е* узкаго, *е* широкаго+*е* узкаго, напр. въ «ходатай», «случайно», «полнѣйшая», почему малограмотные пишутъ нерѣдко «случаено», «полнѣешая», «полнѣшая».

Къ дифтонгамъ русскаго языка я отношу и великорусское *ы*, по крайней мѣрѣ *ы* въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскіе гласные производятся наиболѣе продолжительно, прежде всего въ ударенномъ открытомъ неконечномъ слогѣ, напр. въ «мыло», «были». Въ другихъ условіяхъ *ы* бываетъ и простымъ звукомъ. При производствѣ первой, слоговой части этого дифтонга задняя средняя спинка языка подымается къ заднему среднему небу, а передняя спинка довольно круто опущена внизъ. Для образованія второй, неслоговой части средняя спинка постепенно подымается впередъ и такимъ образомъ артикуляція передвигается постепенно впередъ въ области твердаго неба. Лишь когда слѣдуетъ палатализованный согласный или *і*, то при передвиженіи артикуляціи впередъ подымается и передняя

спинка языка, приближаясь такимъ образомъ къ положенію производства *i*. Обѣ крайнія составныя части дифтонга *ы* не встрѣчаются какъ простые гласные въ общерусскомъ языкѣ, такъ какъ и монофтонгъ *ы* (т. е. гдѣ *ы* бываетъ простымъ гласнымъ) занимаетъ то или другое изъ разныхъ среднихъ переходныхъ положеній между крайними членами дифтонга *ы*, въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ и пр. Характерные тоны многочисленныхъ разновидностей *ы* въ общерусскомъ языкѣ представляютъ большое разнообразіе (см. мои «фонетическіе этюды», Русск. филол. Вѣстникъ 1905 г. № 2).

Дифтонги бываютъ съ краткой слоговой частью, называемые *краткими*, напр. греческія αι, οι=ăi̯, ŏi̯, и съ долгой слоговой частью, называемые *долгими* дифтонгами, напр. греческія ωι (ῳ), ηι (ῃ)=ōi̯, ēi̯. Преимущественно краткіе дифтонги могутъ имѣть неслоговую часть не только краткую, напр. ăi̯, ăŭ, но и долгую или полудолгую, напр. ai̯, āū̯.

Дифтонгическія сочетанія.

Дифтонгическимъ сочетаніемъ называется сочетаніе въ одномъ слогѣ гласнаго съ послѣдующимъ носовымъ или плавнымъ. По физіологическимъ и акустическимъ условіямъ такія сочетанія отличаются мало отъ настоящихъ дифтонговъ (ср. стр. 205). Такъ какъ плавные и носовые менѣе полнозвучны, чѣмъ гласные, то слоговымъ бываетъ обыкновенно гласный, напр. *ол*, *ер*, *ам* и пр. (волкъ, смерть, замкнутый). Рядомъ съ ирраціональнымъ гласнымъ плавный или носовой является обыкновенно болѣе полнозвучнымъ, а потому слоговымъ: праславянскія vьlkъ, sъmьrtь, отсюда старославянскія влъкъ, съмрьть (съ перестановкой) и русскія «волкъ», «смерть» (съ гласными *о*, *е* изъ праславянскихъ *ъ* и *ь*, удлинившихся вслѣдствіе сокращенія послѣдующаго слога. Нѣмецкія apfl, lezn (пишутся Apfel, lesen) съ слоговымъ *l*, *n*, вслѣдствіе сокращенія находившагося передъ ними гласнаго; ср. древневерхненѣм. apful, lesan.

ГЛАВА V.

ФОНЕТИЧЕСКІЯ ИЗМѢНЕНІЯ ЯЗЫКА.

---

§. I. Общія свѣдѣнія.

Произношеніе отдѣльныхъ лицъ приводится постоянно въ возможно полное соглашеніе съ рѣчью окружающихъ.

Общественныя условія языка сказываются не только въ томъ, что каждый новый членъ человѣческаго общества получаетъ свой языкъ отъ окружающаго общества, но и въ томъ, что и впослѣдствіи его языкъ постоянно приводится въ возможно полное соглашеніе въ звуковомъ, грамматическомъ, семасіологическомъ и лексическомъ отношеніи съ языкомъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ находится въ непосредственныхъ языковыхъ сношеніяхъ. Безъ этихъ соціальныхъ условій языка, налагающихъ на языкъ каждаго индивидуума рамки, изъ которыхъ индивидуальныя различія безнаказанно выходить не могутъ, языкъ каждаго новаго индивидуума не только не приравнялся бы къ языку старшихъ, но онъ могъ бы и впослѣдствіи обособиться, пойти своимъ путемъ. Съ другой стороны, перерывъ въ личныхъ языковыхъ сношеніяхъ даетъ возможность языку изолированныхъ другъ отъ друга частей общества измѣняться независимо и вырабатываться въ діалекты и языки.

Здѣсь намъ нужно присмотрѣться поближе къ одной изъ соціальныхъ сторонъ языка, именно къ зависимости индивидуальнаго языка отъ языка окружающихъ въ звуковомъ отношеніи. Съ перваго года жизни ребенокъ получаетъ слуховыя ощущенія отъ рѣчи окружающихъ, которыя вслѣдствіе частыхъ повтореній постепенно запечатлѣваются въ его памяти, въ общемъ слуховомъ центрѣ и въ центрѣ Вернике. Затѣмъ изъ потребности функціонировать, подражать, наконецъ сообщать свои мысли, ре-

бенокъ начинаетъ самъ произносить слова по сохраняющимся въ его душѣ слуховымъ образамъ. Но сначала получаются звуки, не похожіе на рѣчь окружающихъ. Это происходитъ отчасти отъ того, что вслѣдствіе неразвитости слуха слуховыя воспоминанія его неточны. Кромѣ того для артикуляцій органовъ рѣчи нужно продѣлать громадную работу: нужно найти тѣ положенія и согласованныя между собою движенія легкихъ, гортани, языка, челюсти, губъ и мягкаго неба, при которыхъ только и получаются такіе звуки, какіе производятъ окружающіе. Постепенно слуховыя представленія, получаемыя отъ рѣчи окружающихъ, становятся точнѣе и яснѣе. Ребенокъ постепенно находитъ также нужныя укладки для звуковъ, и научается все больше продѣлывать одновременно легкими, гортанью, языкомъ, челюстью и пр. тѣ движенія, которыя даютъ въ результатѣ слуховыя ощущенія, сходныя съ тѣми, которыя запечатлѣны въ его душѣ отъ рѣчи старшихъ. Развиваются соотвѣтствующіе мускулы и нервы. Ощущенія отъ этихъ собственныхъ движеній оставляютъ въ немъ двигательныя воспоминанія между прочимъ въ центрѣ Брока, при помощи которыхъ онъ можетъ затѣмъ при надобности повторять тѣ же движенія.

Стремленіе, большею частію безсознательное, произносить согласно своимъ слуховымъ представленіямъ, сохраняется у человѣка на всю жизнь. А такъ какъ слуховыя представленія и впослѣдствіи являются отпечаткомъ рѣчи окружающихъ, то рѣчь каждаго лица и впослѣдствіи приводится постоянно по возможности въ соглашеніе съ рѣчью окружающихъ. Но здѣсь, понятно, нужно еще считаться съ тѣмъ, что на его слуховыя представленія вліяетъ и собственная рѣчь, и что разъ установившіяся слуховыя представленія и движенія органовъ рѣчи сохраняются, и при обыкновенныхъ условіяхъ лишь медленно измѣняются въ сторону новыхъ слуховыхъ ощущеній.

Когда мы слышимъ рѣчь, то всякое новое слуховое ощущеніе слова, вполнѣ тожественное съ прежними ощущеніями, мы незамѣтно отожествляемъ съ нашимъ слуховымъ воспоминаніемъ этого слова. Мы отожествляемъ его впрочемъ и въ томъ случаѣ, когда оно произнесено нѣсколько или даже значительно иначе; но различествующіе элементы такого слухового ощущенія противодѣйствуютъ полному сліянію (ассимиляціи) его съ соотвѣтствующимъ слуховымъ воспоминаніемъ и этимъ возбуждаютъ

наше вниманіе: мы замѣчаемъ различіе. Вслѣдствіе сказаннаго мы до извѣстной степени въ состояніи понимать рѣчь лица, принадлежащаго къ другому говору или близко родственному языку, напр. бѣлорусса, поляка, такъ какъ отожествляемъ сходныя слова съ собственными, но при этомъ сознаемъ различіе.

Такимъ образомъ благодаря слуховымъ воспоминаніямъ мы сами можемъ произносить такъ, какъ произносятъ окружающіе, а при отступленіи въ произношеніи своемъ или чужомъ замѣчаемъ различія и исправляемъ свои отступленія безсознательно, отчасти сознательно. Этимъ и объясняется однообразіе въ произношеніи у лицъ, находящихся въ постоянныхъ языковыхъ сношеніяхъ между собою. Слѣдовательно, слуховыя представленія служатъ образцомъ, контролемъ и мѣриломъ вѣрности произношенія собственнаго и другихъ. Вѣрнымъ же мы называемъ при обыкновенныхъ условіяхъ то произношеніе, при ощущеніи котораго въ насъ не возбуждается сознаніе различія отъ нашихъ слуховыхъ представленій.

Такъ какъ индивидуальное произношеніе каждаго нормально развитаго ребенка и впослѣдствіи взрослаго примѣняется при посредствѣ слуховыхъ представленій къ рѣчи окружающихъ, то этимъ обезпечивается *постоянство* въ звуковой сторонѣ языка во времени, изъ поколѣнія въ поколѣніе. И такъ какъ каждый индивидуумъ человѣческаго общества находится въ языковыхъ сношеніяхъ со многими другими, которые въ свою очередь сообщаются между собою и съ третьими и т. д., то этимъ поддерживается *однообразіе* языка въ звуковомъ отношеніи у милліоновъ лицъ. При этомъ лица, находящіяся съ дѣтства въ постоянныхъ языковыхъ сношеніяхъ между собою, говорятъ вполнѣ одинаково или почти вполнѣ одинаково. Но мелкія различія могутъ существовать и у сравнительно близко живущихъ, особенно если они не находятся въ непосредственныхъ языковыхъ сношеніяхъ. Чѣмъ меньше непосредственныхъ сношеній, тѣмъ большія могутъ существовать различія въ рѣчи, доходящія въ болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ большого народа до взаимнаго непониманія. При этомъ можетъ случиться, что въ промежуточныхъ частяхъ нигдѣ не замѣчается рѣзкихъ переходовъ, такъ какъ непосредственныя сношенія могутъ прерываться лишь вслѣдствіе пространственныхъ (горы, рѣки, большіе лѣса, болота, отдаленность населенныхъ мѣстъ и пр.), политическихъ (принадлежность

къ разнымъ государствамъ), административныхъ (волость, приходъ), религіозныхъ (секты и пр.) и пр. преградъ.

Главные виды измѣненія языка въ звуковомъ отношеніи.

Изъ изложеннаго выше казалось бы, что языкъ долженъ всегда сохраняться безъ измѣненій въ звуковомъ отношеніи. На самомъ дѣлѣ каждый языкъ съ теченіемъ времени измѣняется, между прочимъ и въ звукахъ, хотя и медленно и большею частію незамѣтно для говорящихъ.

Нужно строго различать между языкомъ отдѣльнаго индивидуума, единственно реально существующимъ языкомъ, и между языкомъ въ отвлеченномъ смыслѣ, т. е. говоромъ, нарѣчіемъ, общенароднымъ языкомъ и языкомъ цѣлаго народа и пр. Въ индивидуальномъ языкѣ *новыя* звуковыя явленія могутъ возникать или *органически*, самостоятельно у группы лицъ, или же неорганически, вслѣдствіе *перенятія* (заимствованія) новыхъ звуковыхъ явленій отъ другихъ. Но съ точки зрѣнія того говора, нарѣчія или языка, куда относится данный индивидуумъ, только въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *новымъ* фактомъ, а перенятіе звука является лишь *распространеніемъ* уже существующаго въ языкѣ факта.

Какъ распространяются вновь явившіеся факты языка, это понятно изъ той зависимости, въ которой находится каждый членъ общества въ своемъ языкѣ отъ другихъ. Объ этомъ будетъ еще сказано въ § 5 и друг. Здѣсь нужно разсмотрѣть, какъ возникаютъ вообще *новыя звуковыя явленія* въ языкѣ, другими словами, какъ возникаютъ измѣненія языка въ звукахъ.

Относительно звуковыхъ измѣненій языка вообще нужно замѣтить слѣдующее. Звуковое измѣненіе возникаетъ органически у небольшой группы лицъ, и отъ нихъ распространяется на языкъ остальныхъ. При этомъ какъ тѣ, въ устахъ которыхъ возникаетъ это измѣненіе, такъ и тѣ, которые его перенимаютъ, обыкновенно не только не измѣняютъ преднамѣренно свое произношеніе, но даже не подозрѣваютъ о такомъ измѣненіи.

Измѣненія языка въ звуковомъ отношеніи по своему происхожденію могутъ быть или *фонетическія*, или измѣненія *по аналогіи* и нѣкоторыя другія. О послѣднихъ будетъ сказано послѣ главы о значеніяхъ, такъ какъ они происходятъ большею частію при содѣйствіи значеній словъ.

Фонетическія измѣненія языка возникаютъ исключительно въ звуковой сторонѣ языка (стр. 102) безъ всякаго непосредственнаго отношенія къ значеніямъ языка. Поэтому нельзя собственно говорить о фонетическихъ измѣненіяхъ словъ, такъ какъ въ фонетикѣ слова существуютъ лишь настолько, насколько они вслѣдствіе удареній слова или паузъ выдѣляются въ отдѣльныя единицы звукового ряда. Но посредственнаго вліянія значеній на измѣненіе языка въ фонетическомъ отношеніи отрицать нельзя. Въ зависимости отъ значенія слова въ предложеніи, его произносятъ съ тѣмъ или другимъ экспираторнымъ и музыкальнымъ удареніемъ, съ большей или меньшей ясностью и продолжительностью; рядомъ съ нимъ могутъ явиться логическія паузы и пр., что въ свою очередь вліяетъ на историческую судьбу его звукового состава. Такъ, легко понятныя слова, произносимыя часто и быстро или съ малой энергіей (вскользь), могутъ подвергаться особенно сильнымъ сокращеніямъ, напр. «здрастье» изъ «здравствуйте», «молъ» сокращеніе изъ «молви» или «молвитъ» и пр.

Фонетическія измѣненія языка происходятъ или вслѣдствіе *измѣненія артикуляцій* индивидуальнаго языка, или же *при перенятіи* языка отъ другихъ не только дѣтьми, но и взрослыми, если перенимаемый языкъ хотя нѣсколько отличается отъ языка перенимающихъ.

Появленіе новыхъ звуковъ приписываютъ обыкновенно только тѣмъ процессамъ, которые я называю измѣненіемъ звуковъ, возникающихъ въ артикуляціяхъ (индивидуальнаго языка); а измѣненіямъ, возникающимъ при перенятіи, обыкновенно не удѣляютъ должнаго вниманія.

Какъ вслѣдствіе измѣненія артикуляцій индивидуальнаго произношенія, такъ и вслѣдствіе измѣненія перенимаемыхъ звуковыхъ комплексовъ, можетъ получиться въ результатѣ или просто *замѣна звука*, при которой одинъ звукъ замѣняется другимъ, уже сушествующимъ въ данномъ языкѣ, или же *измѣненіе звука*, т. е. появленіе на мѣсто прежняго совершенно новаго звука, вѣрнѣе—новой разновидности звука, не существовавшей раньше въ данномъ языкѣ. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ постепенныхъ измѣненій конечно и такой *новый* звукъ можетъ впослѣдствіи совпасть съ какимъ нибудь старымъ.

Нужно строго различать между измѣненіемъ звука (Lautwandel) и замѣной звука (Lautwechsel) въ указанномъ смыслѣ. Однако тѣ и другія называются *звуковыми измѣненіями языка*

или измѣненіями языка въ звуковомъ отношеніи. Но замѣну звука не слѣдуетъ называть измѣненіемъ звука, какъ нерѣдко дѣлаютъ. Измѣненіе звука происходитъ исключительно *фонетическимъ* путемъ, между тѣмъ какъ замѣна звука можетъ произойти и при содѣйствіи значеній, напр. вслѣдствіе «новообразованія по аналогіи», «народной этимологіи» и пр.

Распространенное въ лингвистикѣ дѣленіе фонетическихъ звуковыхъ измѣненій на «спонтанеическія», т. е. произвольныя, и на «обусловленныя», я оставляю совершенно въ сторонѣ, какъ негодное, такъ какъ необусловленныхъ измѣненій быть не можетъ. Незнаніе условій, побудившихъ къ этимъ измѣненіямъ, не можетъ служить основаніемъ для классификаціи.

Обращаюсь сначала къ тѣмъ процессамъ, при которыхъ возникаютъ совершенно новые звуки (новыя разновидности звуковъ), т. е. къ *измѣненію* звуковъ, въ противоположность замѣнѣ звуковъ.

§ 2. Измѣненіе звуковъ, возникающее въ артикуляціяхъ индивидуальнаго языка.

Процессъ постепеннаго измѣненія звука въ артикуляціяхъ.

Однообразіе въ произношеніи лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, имѣетъ свои предѣлы. У лицъ, говорящихъ на одномъ говорѣ и находящихся въ постоянныхъ языковыхъ сношеніяхъ *произношеніе* всетаки *не вполнѣ одинаково*. Это объясняется прежде всего индивидуальными различіями въ слуховыхъ представленіяхъ, обусловленными индивидуальными различіями въ слуховомъ органѣ, какъ и тѣмъ, что каждому пришлось въ разной мѣрѣ слышать рѣчь съ разнообразными индивидуальными и случайными оттѣнками произношенія. Но главной причиной индивидуальныхъ различій въ произношеніи являются различія въ формѣ и въ движеніяхъ органовъ рѣчи самихъ по себѣ (индивидуальная артикуляціонная база). Форма лица, рукъ и пр., при общемъ сходствѣ, представляетъ мелкія индивидуальныя различія. Такія же индивидуальныя различія мы видимъ въ движеніяхъ частей тѣла, напр. рукъ при письмѣ, ногъ при ходьбѣ. Очевидно такія же мелкія *индивидуальныя различія* должны существовать и въ *формѣ и движеніяхъ* органовъ рѣчи. Поэтому мы по рѣчи узнаемъ знакомыхъ. Но различіе въ движеніяхъ самихъ по себѣ увеличивается еще различіемъ въ формѣ органовъ рѣчи. Чтобы

получить тотъ же звукъ напр. при болѣе толстомъ языкѣ, или при болѣе короткой ротовой полости, нужно эти различія компенсировать болѣе низкимъ положеніемъ языка, большимъ закрытіемъ губъ и т. д. Въ виду всего этого не можетъ быть и полнаго совпаденія въ ощущеніяхъ движеній и въ воспоминаніяхъ ихъ. Поэтому особенно сильно должны отличаться движенія дѣтскихъ органовъ рѣчи отъ движеній взрослыхъ, и по мѣрѣ роста различія въ движеніяхъ должны уменьшаться. Но нужно имѣть въ виду, что различіе въ величинѣ органовъ рѣчи говорящихъ дѣтей и взрослыхъ не велико, гораздо меньше, чѣмъ напр. различіе въ величинѣ туловища, ногъ и пр. Что же касается слуховыхъ органовъ дѣтей, то они не отличаются по величинѣ отъ органовъ взрослыхъ.

Но и у одного и того же лица *произношеніе не всегда одинаково*. Почеркъ, походка, туше и пр. мѣняются до извѣстной степени подъ вліяніемъ разнаго физіологическаго и психическаго состоянія, напр. возбужденности, усталости, гнѣва, веселости и пр. Точно такъ же въ движеніяхъ органовъ рѣчи отдѣльнаго лица являются колебанія въ зависимости отъ преходящихъ условій.

Въ нашихъ слуховыхъ воспріятіяхъ мы отожествляемъ разнообразныя сходныя произношенія одного слова или предложенія, прежде всего потому, что наши слуховыя представленія словъ составлялись изъ такихъ нѣсколько разнообразныхъ ощущеній, и потому имѣютъ извѣстную степень широты и расплывчивости. Этимъ и объясняется, что при всей чуткости уха къ тонкостямъ звуковъ родного языка, разнообразіе въ воспринимаемомъ произношеніи остается въ значительной степенн незамѣтнымъ тамъ, гдѣ съ разнообразіемъ не связано различія въ значеніяхъ.

Если физіологическія причины (берущія отчасти начало в психическихъ условіяхъ), какъ логическое удареніе, темпъ, музыкальная высота голоса, артикуляціи сосѣднихъ звуковъ и пр., заставляютъ движенія одного изъ артикулирующихъ органовъ рѣчи при производствѣ какого нибудь звука чаще уклоняться въ одну какую нибудь сторону отъ вообразимаго средняго направленія, то и *воспоминанія движеній измѣняются* постепенно въ данную сторону, такъ что этотъ раньше мало привычный путь становится болѣе привычнымъ.

Дѣло въ томъ, что обычныя движенія разныхъ органовъ рѣчи производящія совокупнымъ согласованнымъ дѣйствіемъ какой нибудь

звукъ, вслѣдствіе указанныхъ колебаній въ обѣ стороны, представляютъ какъ бы широкую дорогу, по которой главная колея идетъ по срединѣ, а при случаѣ ѣздятъ болѣе по правой или лѣвой сторонѣ. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ почему либо начинаютъ чаще ѣздить по лѣвой сторонѣ, хотя средина дороги вполнѣ свободна, то этимъ главная колея переносится постепенно на лѣвую сторону дороги. Затѣмъ начинаются снова обычныя колебанія въ обѣ стороны новой главной колеи, захватывающія такимъ образомъ съ лѣвой стороны полоску луга подъ дорогу, между тѣмъ какъ правый край дороги начинаетъ заростать травой. Такимъ образомъ дорога и съ ней главная средняя колея могутъ все больше отклоняться влѣво, и при этихъ передвиженіяхъ главная колея никогда не выходитъ за предѣлы проторенной дороги. Точно такимъ же образомъ движенія каждаго изъ органовъ рѣчи могутъ постепенно измѣнить свой путь, причемъ среднее, самое привычное направленіе можетъ никогда не переходить за предѣлы привычныхъ движеній.

Въ результатѣ такихъ постепенныхъ незамѣтныхъ отклоненій могутъ явиться движенія, отличающіяся отъ первоначальныхъ настолько, что производятъ уже нѣсколько иной звукъ, чѣмъ первоначальный. Если при этомъ слуховыя представленія, поддерживаемыя рѣчью другихъ, сохраняются въ прежнемъ видѣ, то вслѣдствіе безсознательнаго стремленія согласовать свое произношеніе съ слуховыми представленіями, снова возстановятся прежнія движенія и воспоминанія ихъ, хотя бы наперекоръ личнымъ удобствамъ.

Возстановленіе прежняго произношенія можетъ случиться даже тогда, когда у цѣлой группы лицъ одновременно одинаковымъ образомъ (вслѣдствіе передачи отъ одного къ другимъ, или вслѣдствіе близкаго сходства въ физической и психической природѣ) нѣсколько измѣнилось произношеніе, и когда подъ вліяніемъ этого у нихъ *должны были измѣниться* и *слуховыя представленія:* подъ вліяніемъ произношенія другихъ лицъ, сохранившихъ старое произношеніе, возстановятся прежнія слуховыя представленія, а съ ними прежнія движенія и воспоминанія ихъ. Такимъ образомъ устраняется большинство индивидуальныхъ отклоненій отъ обычныхъ движеній, которыя вслѣдствіе своей незначительности ускользаютъ отъ наблюдателя языка.

Но можетъ случиться и то, что такое нѣсколько измѣненное произношеніе, измѣнившее и слуховыя представленія у группы лицъ, не только не вытѣсняется рѣчью лицъ, сохранившихъ прежнее произношеніе, но, наоборотъ, *новое произношеніе* находитъ воспріимчивую почву и *распространяется* и на нихъ,

Тутъ общая численность приверженцевъ стараго и новаго произношенія не имѣетъ существеннаго значенія. У каждаго лица, которое слышитъ чаще новое произношеніе, чѣмъ старое, безсознательно измѣнятся слуховыя представленія въ пользу новаго, такъ какъ слѣдъ отъ болѣе новыхъ по времени ощущеній сильнѣе прежнихъ. Вслѣдъ за слуховыми представленіями измѣнится и произношеніе, особенно если новое произношеніе для него болѣе удобно, чѣмъ старое. Такимъ образомъ новое произношеніе можетъ постепенно распространяться все дальше, на милліоны, пріобщая къ себѣ по одиночкѣ все новые индивидуумы. При этомъ играетъ существенную роль то обстоятельство, что новое поколѣніе можетъ сразу пристать къ новому произношенію, не испытывая сопротивленія установившихся прежде воспоминаній стараго произношенія. Кромѣ того новое поколѣніе, сообщающееся чаще между собою, чѣмъ со старшими, можетъ и независимо отъ старшихъ измѣнить органически свое произношеніе. Такимъ образомъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, безъ вѣдома говорящихъ, въ одной части русскихъ говоровъ неударенное *о* измѣнилось въ *а*, причемъ каждое новое незначительное отклоненіе могло возникнуть то у одной группы лицъ, въ томъ числѣ и дѣтей, то у другой группы въ другой мѣстности, и отъ этихъ группъ оно могло распространяться на большую или меньшую часть акающаго района.

Что заставляетъ первоначально отступать отъ привычныхъ движеній въ рѣчи, письмѣ и пр. наперекоръ воспоминаніямъ? Очевидно причина должна лежать въ психофизіологическихъ условіяхъ производства движеній. Мы можемъ объяснить эти отклоненія только тѣмъ, что *новыя движенія* оказались при данныхъ условіяхъ *болѣе удобными*, т. е. ощущенія отъ нихъ сопровождались болѣе пріятными чувствованіями, такъ какъ мы и безсознательно стремимся воспроизводить движенія, сопровождающіяся болѣе пріятными чувствованіями, и избѣгаемъ движеній, сопровождающихся менѣе пріятными чувствованіями. Подъ этимъ удобствомъ не нужно подразумѣвать напр. сбереженіе труда, уменьшеніе работы артикуляціи. Функціонировать свойственно человѣческимъ органамъ, и при извѣстныхъ условіяхъ, напр. при сильномъ логическомъ ударѣніи, удобнѣе усиливать движенія органовъ рѣчи, т. е. производить ихъ съ большей полнотой. Казалось бы, что привычныя движенія самыя удобныя. Съ тѣмъ же

правомъ можно сказать, что почеркъ прописей, къ которому мы привыкли въ дѣтствѣ, долженъ быть для насъ самымъ удобнымъ, и что поэтому не должно быть индивидуальныхъ почерковъ. Извѣстныя артикуляціи были намъ, какъ членамъ человѣческаго общества, навязаны, но изъ этого не слѣдуетъ, что эти движенія, хотя и привычныя, самыя удобныя для каждаго. Вслѣдствіе индивидуальныхъ различій въ артикуляціонной базѣ одному тѣ, другому другія движенія и отклоненія самыя удобныя.

Изъ разсмотрѣнныхъ различій во всѣхъ частяхъ звуковой стороны языка отдѣльныхъ индивидуумовъ слѣдуетъ, что безсознательное стремленіе отклоняться отъ обычныхъ движеній должно быть различно у разныхъ индивидуумовъ, причемъ бо́льшее совпаденіе должно быть у лицъ, болѣе сходныхъ въ физіологическомъ и психическомъ отношеніяхъ, слѣдовательно у лицъ одного говора, и еще большее у лицъ одной семьи и пр.

На измѣненіе движеній вліяютъ посредственно такіе общіе факторы, какъ темпъ рѣчи, ударенія логическія и пр. А эти явленія измѣняются въ связи съ другими измѣненіями духовной жизни членовъ общества, и бываютъ очень сходными лишь у лицъ, находящихся въ близкихъ сношеніяхъ. Слѣдовательно и одинаковыя отклоненія могутъ возникнуть скорѣе всего у болѣе тѣснаго круга людей.

Что разъ начатое измѣненіе въ движеніи какого нибудь органа рѣчи можетъ продолжаться *въ томъ же направленіи*, объясняется тѣмъ, что всякое новое движеніе, повлекшее за собой соотвѣтствующее новое двигательное и слуховое воспоминаніе, является такой же исходной точкой для дальнѣйшаго измѣненія, съ индивидуальными и случайными колебаніями, какой было прежнее движеніе, совершенно такъ же, какъ новая колея дороги является исходной для дальнѣйшихъ отклоненій въ обѣ стороны. Если поэтому чувство удобства, заставившее предпочесть первое случайно измѣненное движеніе старому и привычному но менѣе удобному движенію, продолжаетъ сопровождать и новыя случайныя отклоненія въ эту же сторону и этимъ заставляетъ отдавать имъ безсознательно предпочтеніе, то данное движеніе можетъ все дальше измѣниться въ томъ же направленіи.

Что отклоненія въ движеніяхъ органовъ рѣчи происходятъ лишь *незначительными перестановленіями пути*, между тѣмъ какъ для индивидуальнаго языка было бы можетъ быть удобнѣе

принять сразу значительно измѣненное движеніе, объясняется тѣмъ, что не удобство руководитъ нашими движеніями, а прежде всего воспоминанія прежнихъ ощущеній этихъ движеній, и затѣмъ контроль со стороны слуховыхъ представленій, устанавливаемыхъ отъ рѣчи окружающихъ Чувство удобства заставляетъ лишь воспользоваться тѣми обычными *незначительными колебаніями*, которыя вполнѣ нормальны во всякихъ нашихъ движеніяхъ, и можетъ такимъ образомъ постепенно измѣнить звуки.

Разъ извѣстный комплексъ согласованныхъ одновременныхъ движеній разныхъ органовъ рѣчи, посредствомъ которыхъ производится одинъ какой нибудь звукъ или часть звука (съ точки зрѣнія буквъ), измѣнился нѣсколько въ движеніи одного изъ артикулирующихъ органовъ, то очевидно этотъ *измѣненный комплексъ движеній является вмѣсто прежняго всюду*, гдѣ онъ находится въ *одинаковыхъ фонетическихъ условіяхъ*. Исключеніе составляютъ только тѣ случаи, въ которыхъ особыя фонетическія условія заставляютъ оставаться при старомъ движеніи, или прибѣгнуть къ иному новому движенію. Такое послѣдовательное появленіе измѣненнаго комплекса движеній, слѣдовательно измѣненнаго звука повсюду, гдѣ былъ раньше соотвѣтствующій старый комплексъ (кромѣ при особыхъ условіяхъ), объясняется тѣмъ, что по самой природѣ такого измѣненія звуковъ *появленіе новой разновидности звука связано съ забываніемъ стараго звука*, такъ что новое движеніе является для говорящихъ тѣмъ же старымъ движеніемъ. Вслѣдствіе постепенныхъ незначительныхъ частныхъ отклоненій *говорящіе совершенно не подозрѣваютъ о какомъ либо измѣненіи*, такъ какъ воспоминаніе стараго движенія не сохраняется. Измѣняя такимъ образомъ неударенное *о* постепенно въ *о* нѣсколько склонное къ *а*, далѣе въ *о* нѣсколько болѣе склонное къ *а*, т. е. подымая заднюю спинку языка все меньше и лабіализуя все меньше, говорящіе совершенно не подозрѣвали, что изъ поколѣнія въ поколѣніе измѣняли звукъ *о* все болѣе въ *а*. Такимъ образомъ неударенное *о* во всѣхъ слогахъ, кромѣ ударенаго, измѣнился постепенно въ *а* въ акающихъ говорахъ русскаго языка, или, при извѣстныхъ условіяхъ, подвергся другимъ измѣненіямъ; а подъ удареніемъ *о* сохранялся какъ *о*. Звонкіе шумные согласные во всѣхъ словахъ великорусскаго языка перешли постепенно въ глухіе въ концѣ самостоятельныхъ словъ, но неконечные сохранились (дуп,

дуба); а въ малорусскомъ языкѣ конечные звонкіе согласные сохранились звонкими и въ концѣ. *К*, *г* и *х* обратились въ праславянскомъ языкѣ въ мягкіе *ч*, *ж*, *ш* повсюду, гдѣ они стояли передъ мягкими гласными (человѣческій, боже и пр.); но передъ твердыми гласными они сохранились до сихъ поръ (человѣка, бога) и т. д.

Обзоръ нѣкоторыхъ главныхъ видовъ звукоизмѣненій, возникающихъ въ артикуляціяхъ.

Измѣненія въ артикуляціяхъ могутъ заключаться въ постепенномъ *передвиженіи мѣста артикуляціи* т. е. мѣста образованія преграды согласныхъ или съуженія гласныхъ. Сюда относится напр. переходъ въ украинскомъ малорусскомъ языкѣ съ одной стороны прарусскаго *і*, съ другой—прарусскаго *ы* въ гласный средній между ними по мѣсту образованія, передаваемый буквой *и* или *ы*: ходити, бичекъ, мити.

Измѣненіе артикуляціи можетъ заключаться въ постепенномъ *измѣненіи степени съуженія* при гласныхъ или *способа образованія преграды согласныхъ*. Такъ получилось русское діалектическое неударенное *а* изъ прарусскаго широкаго *о*, напр. авцá < овцá; при этомъ не только задняя спинка языка стала подыматься все меньше, но и губы лабіализовали все меньше. Такъ же возникло изъ индоевропейскаго и праславянскаго затворнаго *g* малорусское и пр. фрикативное *ґ* (какъ въ общерусскихъ словахъ Бога, богатый, благо и пр.).

Впрочемъ при выясненіи передвиженія артикуляцій необходимо считаться *со всякимъ измѣненіемъ положенія всѣхъ артикулирующихъ органовъ*. Напр. малорусскія «воўк», «даў» развились изъ «волк», «дал» вслѣдствіе того, что кончикъ языка, который при *л* упирается въ зубы и десну, постепенно пересталъ подыматься и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ пересталъ съуживаться по бокамъ, такъ что остались лишь подъемъ задней спинки языка и лабіализація.

Измѣненія въ звукахъ происходятъ часто отъ того, что движеніе одного изъ органовъ, участвующихъ въ производствѣ звука, начинаетъ производиться слишкомъ рано или слишкомъ поздно сравнительно съ другими (*передвиженіе артикуляціи во времени*). Такъ, округленіе *губъ*, нужное для *у* напр. въ «куда», «худо», установленное нѣсколько раньше, дало лабіали-

зованныя *кʸ*, *хʸ* въ этихъ словахъ. Постепенная слишкомъ ранняя укладка *языка* для *і* обратила въ праславянскомъ языкѣ дифтонгъ *еі* въ *і*, напр. «и-ти», ср. литовское ei̇̂ti. Болѣе ранняя установка средней спинки языка въ положеніе для *і*, напр. въ «вѣрить», палатализовала (смягчила) *р* и даже сдѣлала находящійся передъ нимъ звукъ *е* (ѣ) болѣе высокимъ и напряженнымъ, чѣмъ въ «вѣра». Болѣе раннее возвращеніе средней спинки изъ положенія палатализаціи въ индифферентное положеніе въ концѣ слова измѣнило конечные мягкіе согласные напр. въ «берусь», «беруть», въ твердые «берусъ», «берутъ». Вслѣдствіе того, что укладка *голосовыхъ связокъ* для звучанія, присущая выдержкѣ и раствору напр. *д* въ «отдать», стала производиться раньше, при затворѣ, получилось од-дать (т. е. одно звонкое *д*, распредѣленное на два слога). Наоборотъ, болѣе ранній выходъ изъ положенія звучанія къ индифферентному въ концѣ слова обратило конечные звонкіе шумные согласные въ глухіе, которые повидимому часто еще слабѣе старыхъ глухихъ: «гот» (года), «дуп» (дуба). Слишкомъ раннее опусканіе *мягкаго неба*, открывающее носовую полость, обратило напр. въ праславянскихъ «зомбъ» (греч. γόμφος—большой гвоздь), «свентъ» (лит. szventas —святой) *о* и *е* въ назалированные гласные ǫ, ę (зǫмбъ, свęнтъ); а слишкомъ поздняя установка преграды во рту для *м*, *н*, только къ началу слѣдующихъ за ними *б* и *т*, обратила *м* и *н* въ продолженіе предшествующихъ ǫ и ę, такъ что при исчезновеніи *м*, *н* явились ǭ, ę̄ долгіе (съ сохраненіемъ прежней долготы слога). Такимъ образомъ получились праславянскія «зǭбъ», «свę̄тъ», откуда старославянскія **зѫбъ**, **свѧтъ**

Въ доисторическомъ древнерусскомъ языкѣ стали постепенно все болѣе закрывать носовую полость при производствѣ узкаго ǫ и ę̈ (ąᵉ), и наконецъ совсѣмъ не открывали ее, т. е. исчезла назализація: зубъ святъ. Впрочемъ въ послѣднемъ процессѣ, въ утратѣ назализаціи, а можетъ быть и въ указанной утратѣ согласныхъ *н* и *м*, первопричина лежитъ скорѣе въ неточномъ перенятіи, а потому это измѣненіе относится къ фонетическимъ измѣненіямъ при перенятіи.

Вслѣдствіе того, что напр. *б* въ «объ-явить», «объ-емъ» и пр. стало производиться все позже сравнительно съ слоговымъ выдыхательнымъ усиленіемъ, *б* могло очутиться въ началѣ второго слога (*передвиженіе слога*): «о-б'явить», «о-б'омъ», причемъ *б* стало мягкимъ по крайней мѣрѣ въ растворѣ.

Чѣмъ больше различія въ энергіи производства между динамически ударенными и неударенными звуками, слогами и словами, тѣмъ большія различія въ артикуляціяхъ ударенныхъ и неударенныхъ частей могутъ отсюда возникнуть, такъ какъ при большей иннервації мускуловъ бываетъ и большая *полнота движеній органовъ рѣчи*, а измѣненіе въ энергіи производства измѣняетъ и движенія. Въ «то́потъ» послѣдній слогъ производится не съ той полнотой движеній, какъ въ «потъ». Въ «говоритъ» гласный перваго слога сталъ производиться въ акающихъ говорахъ почти при индифферентномъ положеніи языка; ср. го́воръ». Въ «судъ» *у* имѣетъ болѣе низкій характерный шумъ, чѣмъ въ «судовъ», вслѣдствіе болѣе полной артикуляціи губъ (большей лабіализаціи).

Постоянное колебаніе въ относительной *продолжительности* слоговъ, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныхъ звуковъ, происходитъ въ зависимости отъ *ритма рѣчи*, такъ какъ существуетъ общее стремленіе, впрочемъ не вполнѣ осуществляемое и неодинаковое въ разныхъ языкахъ, чтобы одинаковые такты продолжались по возможности одинаково долго. (См. стр. 223). Ср. «Когда́ привезе́те но́вый но́жъ и но́вую переплете́нную кни́гу?». На почвѣ ритма возникаетъ *сокращеніе неударенныхъ слоговъ*, особенно многосложныхъ словъ, такъ какъ эти слоги находятся всегда въ такихъ ритмическихъ условіяхъ, что имъ приходится сжиматься во времени, т. е. они должны произноситься быстрѣе; а въ зависимости отъ сокращенія слоговъ сокращаются и составляющіе ихъ звуки. Наоборотъ, слоги и звуки двухсложныхъ и особенно ударенныхъ односложныхъ словъ должны удлиняться подъ вліяніемъ ритма тактовъ.

Въ этихъ условіяхъ вырабатываются, подъ вліяніемъ ритмической аналогіи, общія *ритмическія формы* (скелеты, типы) многосложныхъ словъ даннаго языка. Такъ въ словахъ общерусскаго языка обыкновенно только слогъ, предшествующій ударенному, является полнымъ краткимъ слогомъ, и это ритмическое условіе выработалось главнымъ образомъ въ словахъ съ однимъ неударенымъ слогомъ передъ ударенымъ; а остальные неударенные слоги обыкновенно короче: пьрьплет'о́ную, гъръдавбй.

Такъ какъ ритмъ слова запоминается прочно (это видно изъ того, что нерѣдко, стараясь припомнить слово, мы припоминаемъ сначала его ритмъ, когда самое слово еще не представляется ясно), то при сокращеніи или исчезновеніи одного слога или звука, время производства его можетъ перейти къ другому слогу или звуку, т. е. мѣсто исчезающаго звука заполняется сосѣднимъ слогомъ или звукомъ, вслѣдствіе чего является такъ называемое *замѣнительное растяженіе* или *удлиненіе* сосѣдняго звука. Такъ постепенно *удлинялись* праславянскіе *о*, *е* по мѣрѣ сокращенія *ъ* и *ь* слѣдующаго слога, такъ что въ прарусскомъ были уже вōзъ, пēчь изъ первоначальныхъ вŏзъ, пĕчь. Такіе долгіе ō, ē измѣнились въ малорусскомъ въ дифтонги *уо* (*уе*), *іе* (диссимиляція), откуда сѣверномалорусскія «вуоз», «піеч». Въ южномалорусскомъ эти дифтонги перешли затѣмъ, вслѣдствіе ассимиляціи и утраты количественнаго различія, въ *і*; украинскія «віз», «піч». Но въ род. пад. должны быть конечно краткіе *о*, *е*, такъ какъ не было повода къ замѣнительному удлиненію: воза, печи. Въ великорусскомъ нарѣчіи ō, ē не измѣнились качественно, а потому послѣ утраты языкомъ стараго количественнаго различія изъ ō, ē получились такія же *о* и *е*, какъ изъ праславянскихъ краткихъ *о*, *е*: воз, воза, печь, печи.

Если же въ предыдущемъ слогѣ былъ *ъ* или *ь*, то по мѣрѣ сокращенія *ъ*, *ь* слѣдующаго слога, *ъ*, *ь* предыдущаго слога удлинялись отчасти уже въ праславянскомъ. А впослѣдствіи, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго сокращенія (и наконецъ исчезновенія) слабыхъ *ъ*, *ь*; болѣе сильные *ъ*, *ь* предыдущаго слога обратились въ полные краткіе гласные. При такихъ условіяхъ изъ праславянскаго «овьць», «льгъкŏ» (старосл. овьць, лыгъко) получились русскія «овец», «легко»; но въ именит. пад. русское «овцá» < праслав. «овьц'а», такъ какъ не было повода къ удлиненію *ь*. Конечно, по мѣрѣ сокращенія *ь* удлинялось *о* въ праслав. «овьц'а», вслѣдствіе чего въ южномалорусскомъ должно было получиться «вівця», причемъ начальное *в* развилось еще въ то время, когда въ началѣ былъ еще звукъ близкій къ о, т. е. лабіализованный. Такъ же явились болѣе поздніе діалектическія старославянскія день, днесь изъ дьнь и дьнь-сь (сростаніе «сь»—сей, съ «дьнь»).

Въ однихъ языкахъ болѣе развито динамическое удареніе, въ другихъ количественныя различія между слогами и звуками, причемъ слово объединяется главнымъ образомъ музыкальнымъ удареніемъ. Въ первыхъ языкахъ тактъ основывается на экспираторно ударенномъ слогѣ, а потому чѣмъ больше входитъ въ составъ такта неударенныхъ слоговъ, тѣмъ больше слоги сокращаются, и наоборотъ. Сюда относятся преимущественно новые языки. Въ языкахъ съ явно выраженными самостоя-

тельными количественными различіями слоговъ, какъ въ греческомъ, латинскомъ, древнеиндійскомъ, распредѣленіе слоговъ по тактамъ зависитъ отъ продолжительности ихъ, такъ что одинъ долгій слогъ замѣняетъ два краткихъ (ср. метрику и моры греческихъ стиховъ). Очевидно при такихъ условіяхъ звуки слова не измѣняются въ продолжительности и въ полнотѣ артикуляцій подъ вліяніемъ ритма рѣчи, но зато динамическое удареніе слова подчиняется вліянію ритма.

Чѣмъ больше развитъ въ языкѣ ритмъ отдѣльныхъ словъ, тѣмъ менѣе отдѣльныя слова подвергаются вліянію логическаго и механическаго (разбивающаго предложеніе на такты) ритма предложенія, и тѣмъ лучше сохраняются слоги и звуки словъ.

Ассимиляція сосѣднихъ звуковъ.

Выше указаны между прочимъ примѣры измѣненія звуковъ подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ. Этого рода измѣненія требуютъ особаго разсмотрѣнія. Они сводятся главнымъ образомъ къ уподобленію, называемому обыкновенно ассимиляціей (similis — похожій, assimilo < adsimilo — дѣлаю похожимъ). Иногда является и расподобленіе, диссимиляція (dissimilis — непохожій).

Ассимиляція заключается въ томъ, что движенія одного или нѣсколькихъ артикулирующихъ органовъ, присущія данному звуку, измѣняются въ сторону движеній, присущихъ сосѣднему звуку. Вызывается оно тѣмъ, что въ моментъ производства уподобляемаго звука возбуждено представленіе движенія сосѣдняго звука, которое измѣняетъ движеніе уподобляемаго звука. Такимъ образомъ постепенно устраняются различія между этими звуками или частію (*частичная ассимиляція*) или полностью (*полная ассимиляція*). Если предыдущій звукъ уподобляется послѣдующему, то ассимиляція называется *регрессивной*. Если наводящимъ является первый звукъ, то ассимиляція называется *прогрессивной* или поступательной. Ассимиляція можетъ быть и *взаимной*.

Прогрессивную частичную ассимиляцію мы видимъ въ переходѣ io въ ie въ праславянскомъ morio > morie, откуда старославянское море, русское «море». *Прогрессивная полная ассимиляція* въ южно-малорусскомъ *і* < *іе*: піч (см. выше).

Регрессивная частичная ассимилляція, съ предвзятіемъ звучанія связокъ, произошла напр. въ «сдѣлалъ» (т. е. здѣлалъ) < съдѣлалъ, «съ горы» (т. е, згоры); съ предвзятіемъ раскрытія связокъ: «сладко» (т. е. слатко), «тяжко» (тяшко и пр.; сладокъ, тяжекъ). Другіе примѣры указаны выше, напр. лабіа-

лизація *к* въ «куда», болѣе высокое положеніе языка при *е* въ «вѣрить», чѣмъ при *е* въ «вѣра» и пр.

Въ праславянскомъ языкѣ звукъ *к* (*г*, *х*) передъ мягкими гласными (е, і, ь) и передъ j получилъ отъ нихъ сильную палатализацію, т. е. поднятіе передней спинки къ твердому небу, такъ что передняя спинка стала касаться десенъ (ср. русск. діалектическое «тисть» < «кисть») и стала производить здѣсь преграду. Такъ какъ при этомъ вся передняя и средняя спинка прижималась къ твердому небу, а твердое небо гораздо выше, чѣмъ десна, то удаленіе языка отъ десны происходило сравнительно медленно, вслѣдствіе чего послѣ альвеолярнаго раствора струя направлялась на нижніе зубы и такимъ образомъ развился еще зубной фрикативный согласный, такъ что явилась мягкая аффриката ч′ или ц′, напр въ старослав. ключе, личьнъ изъ «вьлк′е», «лик′ънъ»; клѧщѣ < влък′ѣ (см. стр. 272). Такимъ же образомъ получилось «боже» изъ бог′е и пр. Наоборотъ, подъ вліяніемъ послѣдующихъ твердыхъ согласныхъ отвердѣло напр. *р* въ великорусскомъ «царство» послѣ исчезновенія гласнаго *ь* (цьсарьство), т. е. низкое положеніе средней спинки языка распространилось съ *ст* и на предыдущій зубной. Вслѣдствіе затруднительнаго производства раскатистаго зубного *р* (см. стр. 206) средняя спинка при немъ вообще склонна опускаться, такъ что такое палатализованное *р* склонно терять палатализацію и стать твердымъ.

Насколько легко вслѣдствіе указанныхъ физіологическихъ условій развивается фрикативный при палатализованныхъ зубныхъ, видно напр. изъ русскихъ «рать», «велѣть», собственно рат′х′, велѣт′х′ съ твердонебнымъ мягкимъ фрикативнымъ. Ср. «радъ», «солдатъ». Если резонаторъ въ моментъ раствора короче (см. стр. 202), то послѣ раствора развивается зубная фрикативная, слѣдовательно получается аффриката, какъ въ бѣлорусскомъ языкѣ и напр. въ польскихъ dać, dzień (день). Понятно, что въ родительномъ пад. dnia (дня) этого не могло быть, такъ какъ d имѣетъ здѣсь носовой взрывъ (фаукальное d, см. стр. 236).

Полная регрессивная ассимиляція: праславянское ou перешло въ ū, какъ въ «сухъ», срав. литовск. sausas: въ сѣверно-русскихъ говорахъ встрѣчается діалектическій переходъ *дн*, *бм* въ *нн*, *мм*: послѣнній, онна (одна), ронна (родна), оммануть (обмануть).

Примѣромъ *взаимной полной ассимиляціи* можетъ служить постепенный переходъ дифтонга ai въ простое ē, напр. во французскомъ faire (правописаніе показываетъ прежнее произношеніе), или переходъ oi въ ē въ праславянскомъ, напр. старослав. вѣдѣ, русскія «вѣдать», «вѣсть» и пр., греческое οἶδα — знаю, изъ индоевропейскаго uoid-.

§ 3. Измѣненіе звуковъ при перенятіи.

При перенятіи языка новымъ поколѣніемъ (начинающими говорить дѣтьми), а также при перенятіи старшими возникшихъ разными путями новыхъ звуковыхъ явленій или діалектическаго произношенія, сразу, съ самаго начала могутъ у перенимающихъ явиться артикуляціи, отличающіяся отъ артикуляцій передающихъ (вѣдь движенія не передаются, а только слуховыя ощущенія). При этомъ звуки, получаемые отъ новой артикуляціи, могутъ быть акустически почти совсѣмъ одинаковы со звуками передающихъ, или же они болѣе или менѣе отличаются и акустически отъ рѣчи передающихъ.

Фонетическія измѣненія, возникающія при перенятіи, только отчасти объясняются несовершенствомъ уха и возникающей отсюда неточностью слуховыхъ представленій. Частію же они объясняются изъ условій самихъ артикуляцій: или тѣмъ, что говорящіе не находятъ нужныхъ движеній (что бываетъ чаще у дѣтей, но обыкновенно затѣмъ исправляется), или затрудненіемъ производить соотвѣтствующія движенія (что бываетъ обыкновенно у взрослыхъ вслѣдствіе различія въ артикуляціонной базѣ). Если такія новыя движенія вслѣдствіе физическаго и духовнаго сходства возникаютъ одновременно у группы лицъ, то при благопріятныхъ условіяхъ они могутъ отстоять свое существованіе и распространяться дальше.

Во всякомъ случаѣ и тѣ измѣненія при перенятіи, которыя заключаются въ измѣненіи почти одной лишь артикуляціи, но не акустической стороны звука, имѣютъ также существенное значеніе потому, что дальнѣйшія измѣненія звуковъ, производимыхъ новой артикуляціей, могутъ быть совершенно другія, чѣмъ измѣненія звуковъ со старой артикуляціей.

На практикѣ обыкновенно трудно опредѣлить, насколько послѣдовательное постепенное измѣненіе, давшее въ результатѣ болѣе крупное измѣненіе звука, напр. переходъ неударенаго *о* въ *а*, происходило при перенятіи, и насколько вслѣдствіе измѣненія артикуляцій индивидуальнаго языка. Такъ, при переходѣ *е* въ *о* (берёзу) первопричиной индивидуальнаго измѣненія могло быть перенесеніе лабіализаціи отъ послѣдующаго твердаго лабіализованнаго согласнаго (органическое индивидуальное измѣненіе). Нѣсколько лабіализовавшееся *е* имѣетъ болѣе низкій собственный шумъ резонатора—характерный шумъ гласнаго. Перенимающія дѣти могли производить почти тотъ же звукъ съ незамѣтнымъ различіемъ въ тембрѣ посредствомъ болѣе задняго подъема языка и безъ

лабіализаціи (измѣненіе при перенятіи). При дальнѣйшемъ стремленіи лабіализовать, собственный звукъ этого новаго гласнаго такъ же понизился бы, и могъ у перенимающихъ снова вызвать еще болѣе заднее положеніе языка, пока наконецъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, подъемъ языка оказался у мягкаго неба и при немъ опять лабіализація, такъ что этотъ звукъ совпалъ съ *о*. Возможность такого перемѣннаго дѣйствія объясняется тѣмъ, что въ словахъ «березу» и «береза» условія для лабіализаціи неодинаковы (только «*у*», не «*а*» производится съ лабіализаціей).

При окончательной утратѣ назализаціи въ древнерусскихъ назалированныхъ гласныхъ «ǫ» и «ѧ» (зубъ < зобъ, святъ < свѧтъ, ср. старослав. *zǫbъ*, *svętъ*, стр. 253) несомнѣнно существенную роль играло измѣненіе при перенятіи, т. е. новыя поколѣнія стали все меньше открывать носовую полость.

Болѣе значительное *измѣненіе при перенятіи* представляетъ напр. замѣна зубного *r* (*p*) посредствомъ велярнаго (картаваго) *r*, получившаго широкое распространеніе въ Германіи и особенно во Франціи.

Наибольшія измѣненія звуковъ при перенятіи происходятъ при смѣшеніи языковъ.

Болѣе крупныя измѣненія при перенятіи происходятъ тогда, когда перенимающіе уже владѣютъ другимъ языкомъ, т. е. при *двуязычіи* и связанномъ съ нимъ *смѣшеніи* языковъ. Трудно указать на какое нибудь географическое или этнографическое мѣсто, гдѣ бы не было смѣшенія языковъ или по крайней мѣрѣ діалектовъ. Напр. индоевропейцы при своемъ распространеніи смѣшались съ другими народами. При этомъ какъ тѣ, такъ и другіе усваивали себѣ чужой языкъ, пока наконецъ не перешли окончательно къ одному. Неиндоевропейцы стали индоевропейцами по языку, но вслѣдствіе различія въ своей артикуляціонной базѣ нѣсколько передѣлали, конечно противъ воли, звуковой составъ заимствуемаго языка. Дальнѣйшему распространенію новаго произношенія способствовало то, что и природные индоевропейцы до этого успѣли болѣе или менѣе освоиться съ исчезающимъ языкомъ аборигеновъ, такъ что въ нихъ развилась воспріимчивость къ чужому произношенію.

Возможность такого звукового измѣненія языка не подлежитъ сомнѣнію. Въ произношеніи природныхъ нѣмцевъ, живущихъ въ латыщинѣ, можно слышать твердое (велярное) *l*, напр. въ Wald, существующее въ латышскомъ языкѣ. Кавказскіе *k*, *t*, *p* и пр. съ «крѣпкимъ отрѣзомъ»

перешли изъ грузинскаго въ армянскій языкъ, вслѣдствіе двуязычія въ смежныхъ областяхъ, и распространились постепенно на западъ. Эти звуки, общіе и другимъ кавказскимъ языкамъ, могли проникнуть въ нихъ отъ одного народа, вошедшаго въ составъ и перенявшаго языки нѣсколькихъ другихъ народовъ. Въ древнеиндійскій языкъ, несмотря на строгую кастовую обособленность, проникли верхненебные зубные на мѣсто чистыхъ зубныхъ изъ дравидскихъ языковъ. Современное діалектическое распредѣленіе французскаго или итальянскаго языка обусловлено въ значительной степени тѣмъ, какіе неромапскіе языки или діалекты существовали въ той или другой мѣстности у жителей, усвоившихъ себѣ впослѣдствіи народнолатинскій языкъ.

Конечно, чужой звукъ самъ по себѣ въ другой языкъ или говоръ переноситься не можетъ, такъ какъ звукъ самостоятельнаго существованія не имѣетъ. Онъ существуетъ только въ словахъ и переносится только тѣми лицами, которыя говорятъ на обоихъ языкахъ. При смѣшеніи языковъ обыкновенно одновременно возникаетъ двуязычіе у громаднаго числа лицъ, представляющихъ въ общемъ одинаковыя условія артикуляціонной базы. Отсюда понятно, что при смѣшеніи языковъ могутъ быстро произойти такія крупныя и сразу распространенныя измѣненія въ звукахъ, удареніи, синтаксисѣ, словарѣ и пр., противъ которыхъ измѣненія въ индивидуальныхъ артикуляціяхъ ничтожны. Вслѣдствіе смѣшенія языковъ могутъ явиться въ измѣняемомъ языкѣ не только звуки, существующіе въ измѣняющемъ языкѣ, но и совершенно *новые звуки*, возникающіе при неполномъ приспособленіи иноязычныхъ органовъ (иноязычной артикуляціонной базы) къ звукамъ измѣняемаго языка.

При двуязычіи языкъ измѣняется не только въ устахъ тѣхъ, которые его заимствуютъ, но и тѣхъ, для которыхъ онъ родной языкъ, но которые рядомъ съ нимъ владѣютъ точнымъ произношеніемъ чужого языка. Если напр. дѣти отъ иноязычныхъ нянекъ, прислуги и пр. научаются прежде всего или рядомъ съ роднымъ языкомъ чужому языку или говору, то они сразу переносятъ особенности чужого языка въ свой, и сохраняютъ и распространяютъ ихъ впослѣдствіи. Такое смѣшеніе говоровъ, нарѣчій, языковъ существуетъ и существовало повсюду, такъ какъ и литературный языкъ, и языкъ церкви и школы являются такими же діалектическими разновидностями; а передвиженія отдѣльныхъ лицъ, семей и племенъ были въ древности не менѣе значительны, чѣмъ впослѣдствіи (ср. діалектическіе провинціализмы «пересядка», «сама вернулась» и пр. напр. въ одесскомъ общерусскомъ языкѣ).

Самыя крупныя измѣненія происходятъ тогда, когда многіе индивидуумы цѣлаго племени усвоиваютъ себѣ новый языкъ не съ дѣтства, а впослѣдствіи, какъ это бываетъ напр. у русскихъ инородцевъ. Вырабатывается своего рода говоръ (жаргонъ), представляющій заимствуемый языкъ на чужой артикуляціонной базѣ. Впослѣдствіи этотъ *смѣшанный языкъ* передается новымъ поколѣніямъ съ дѣтства, и когда наконецъ прежній языкъ совсѣмъ исчезаетъ, остается вмѣсто него особый говоръ заимствованнаго языка съ своеобразнымъ произношеніемъ.

Съ измѣненіями при перенятіи сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ пока мало считается. Конечно, затруднительно провести заднимъ числомъ грань между этими измѣненіями звуковой стороны языка и между постепенными измѣненіями въ артикуляціяхъ индивидуальнаго языка. Но несомнѣнно, что измѣненія при перенятіи оставили болѣе глубокіе слѣды въ историческомъ развитіи звуковъ индоевропейскихъ языковъ, чѣмъ постепенныя индивидуальныя измѣненія въ артикуляціяхъ, такъ какъ индоевропейскими языками поглощены многіе чужіе языки. Смѣшеніемъ языковъ объясняется быстрое измѣненіе кельтскаго, армянскаго, англійскаго и другихъ языковъ. Наоборотъ, необыкновенная устойчивость литовскаго языка въ звуковомъ отношеніи объясняется тѣмъ, что литовцы наименѣе сталкивались съ иноязычниками (см. Главу XIII, § 2). Звуковое постоянство въ древнеиндійскомъ языкѣ объясняется древностью и обособленностью древнеиндійскаго народа. Послѣ смѣшенія съ туземными народами индійскій языкъ сталъ очень быстро измѣняться.

Изъ славянскихъ языковъ наиболѣе подвергся измѣненіямъ вслѣдствіе смѣшенія болгарскій языкъ. Преобладающій этнографическій составъ болгарской народности составляли прежніе жители занимаемой ею территоріи (еракійцы, даки, албанцы, македоняне, греки), а впослѣдствіи къ смѣшавшимся съ ними славянамъ примѣшались еще турки, румыны и главнымъ образомъ болгары, народъ тюркско-финскаго происхожденія, переселившійся изъ-за Волги. Этимъ объясняются извѣстныя звуковыя особенности болгарскаго языка, большая примѣсь иноязычныхъ словъ и почти полная утрата древняго склоненія, хотя языкъ остался въ общемъ славянскимъ.

Звуковыя особенности нѣмецкаго языка въ Пруссіи объясняются частію тѣмъ, что пруссаки по большей части балтійскаго (древніе пруссы) и славянскаго происхожденія.

§ 4. Фонетическая замѣна звуковъ.

При замѣнѣ звуковъ одинъ звукъ замѣняется сразу, «скачкомъ»; другимъ звукомъ, уже существующимъ въ языкѣ. Замѣна звука происходитъ обыкновенно не во всѣхъ словахъ, представляющихъ одинаковыя физіологическія условія, такъ какъ старые

и замѣняющіе ихъ звуки сами по себѣ одинаково привычны въ языкѣ, а условія, вызывающія замѣну, могутъ быть случайны и неодинаковы для разныхъ словъ.

Фонетическая замѣна звуковъ возникаетъ первоначально или въ *артикуляціяхъ индивидуальнаго языка* въ видѣ *обмолвокъ*, или же при *перенятіи* въ видѣ ошибочнаго воспроизводства вслѣдствіе *ослышки*. Повторяясь такимъ образомъ у разныхъ лицъ новый звуковой видъ слова можетъ сдѣлаться обычнымъ и распространяться.

Замѣна звуковъ, возникающая въ артикуляціяхъ (ассимиляція и диссимиляція несмежныхъ звуковъ; перестановка звуковъ).

Замѣна звуковъ въ артикуляціяхъ происходятъ главнымъ образомъ вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ звуковъ и обусловливается трудностью производить быстро подъ рядъ съ небольшими промежутками *сходные, но не тожественные комплексы движеній*. (Это свойство присуще всѣмъ нашимъ движеніямъ. Напр. въ фортепіанной игрѣ трудно продѣлывать быстрые пассажи, состоящіе изъ сходныхъ, но не тожественныхъ частей). Въ этомъ не трудно убѣдиться, произнося быстро напр.: «разъ—дрова, два—дрова, три—дрова»; «отъ топота копытъ пыль по полю несется»; «курка клюетъ крупку, турка куритъ трубку» и пр. Одни произносятъ такія сочетанія сравнительно легко, другимъ они трудно удаются. Чѣмъ быстрѣе рѣчь, тѣмъ болѣе въ такихъ сочетаніяхъ звуки *переставляются*, *пропускаются*, *вставляются* и вообще *замѣняются другими*. Вслѣдствіе этого нельзя ожидать послѣдовательности въ этого рода измѣненіяхъ языка, хотя случается, что физіологическія условія сами по себѣ оказываются настолько дѣйствительными, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они одинаковы, вызываютъ одинаковую замѣну звука.

Замѣна звуковъ возникаетъ въ артикуляціяхъ обыкновенно вслѣдствіе *ассимиляціи* и *диссимиляціи* между *несмежными звуками* (ср. стр. 256, 257). При ассимиляціи несмежныхъ звуковъ уподобляющій звукъ настолько возбужденъ въ представленіяхъ во время производства уподобляемаго звука, что на мѣсто послѣдняго является тожественный съ уподобляющимъ звукъ (полная ассимиляція) или сходный съ нимъ звукъ, уже существующій въ языкѣ (неполная ассимиляція).

При такой *регрессивной ассимиляціи* представленія звуковъ опережаютъ движенія органовъ рѣчи. Такимъ образомъ могло явиться діалектически въ балтійскославянскомъ или въ праславянскомъ языкѣ *д* вмѣсто *н* въ «девять» (лит. devyni, но прусское newints, латинское novem, санскритское náva) подъ вліяніемъ *д* въ «десять» (санскритское daça, латинское decem и пр.) при счетѣ: восемь—девять—десять.

При *прогрессивной ассимиляціи* несмежныхъ звуковъ представленія звуковъ и движеній возбуждены и послѣ соотвѣтствующихъ движеній и такимъ образомъ вліяютъ на движенія послѣдующихъ звуковъ. Это бываетъ чаще въ языкѣ дѣтей, а въ уралоалтайскихъ языкахъ вызываетъ такъ называемую гармонію гласныхъ (стр. 73). Такъ измѣнилось санскритское зубное *n* въ передненебное n подъ вліяніемъ предшествующихъ несмежныхъ передненебныхъ звуковъ (производимыхъ загнутымъ назадъ кончикомъ языка). Въ «бомбандировка» < бомбардировка дѣйствовала еще регрессивная диссимиляція.

При *регрессивной диссимиляціи* несмежныхъ звуковъ возбуждены по послѣдовательной ассоціаціи по смежности звуковое и двигательное представленія слѣдующаго звука, вслѣдствіе чего избѣгается, по указанной выше причинѣ, производство сходнаго съ нимъ предыдущаго звука. Послѣдній замѣняется звукомъ, менѣе сходнымъ съ возбужденнымъ послѣдующимъ звукомъ. Примѣры регрессивной диссимиляціи: «верблюдъ» изъ вельблюдъ, старославян. вельблѫдъ; «перепелъ» < пелепелъ (перм.); малорусск. «лыцарь» < рыцарь; малорусск. «лебро» рядомъ съ «ребро»; народныя: колидоръ < корридоръ, лесора < рессора, фалеторъ < форейторъ, дилехторъ < директоръ, секлетарь < секретарь, антилерія < артиллерія, некрутъ < рекрутъ. Въ этихъ примѣрахъ не исключается и замѣна звука вслѣдствіе ослышки (стр. 265). Вполнѣ послѣдовательно проведена въ древнеиндійскомъ и греческомъ языкахъ та диссимиляція, вслѣдствіе которой придыхательные затворные согласные замѣнились непридыхательными, если въ слѣдующемъ слогѣ былъ также придыхательный согласный: греч. τίθημι—я кладу < доисторическаго θίθημι, аористъ ἐ-τέ-θην < ἐ-θέ-θην, древнеинд. dá-dhāmi — я кладу < dhádhāmi, индоевроп. удвоенный корень dhe; греч. θρίξ—τριχός < thrikhos—волосъ.

При *прогрессивной диссимиляціи* несмежныхъ звуковъ

сохраняющееся дольше представленіе движеній предшествовавшаго звука заставляетъ по указанной причинѣ избѣгать сходныхъ движеній въ производствѣ послѣдующаго звука: февраль < феврарь < Februarius (въ Новгородск. лѣтоп. вслѣдствіе регрессивной диссимиляціи: февларь); пролубь < прорубь; Перфилъ < Порфирій; фонталка < фонтанка.

Диссимиляціею обусловливается *выпаденіе* одного изъ двухъ сходныхъ звуковъ или слоговъ (Haplologie), напр. «знаменосецъ» изъ «знаменоносецъ»; «пономарь», діалектически «паломарь» изъ старослав. **пономарь** < греческаго παραμονάριος — церковный сторожъ.

Болѣе сложные случаи замѣны звуковъ вслѣдствіе ассимиляціи и диссимиляціи представляетъ *перестановка* (*метатеза*)смежныхъ и несмежныхъ звуковъ, напр. ладонь изъ долонь (старослав. длань); тверёзый изъ терезвый (старосл. **трѣзвъ**, отсюда русское трезвый); народное фершалъ < фельшеръ < фельдшеръ (< нѣм. Feld-scherer—полевой цирюльникъ); тарелка < талерка (бѣлорусск. талерка, польск. talerz, нѣм. Teller); футляръ < футраль < нѣм. Futteral. Затрудненіе въ производствѣ, вынуждающее къ перестановкѣ въ указанныхъ примѣрахъ, ясно изъ того, что въ нихъ слѣдуетъ посредственно подъ рядъ три зубныхъ переднеязычныхъ согласныхъ, требующихъ каждый особаго положенія языка, *л* съуженія языка по бокамъ. Поэтому особенно *л* выдѣляется (ладонь, фершалъ, тарелка) къ началу или къ концу зубного ряда, или примыкая къ *т* (футляръ) дѣлаетъ *т* боковымъ взрывнымъ т. е. не настоящимъ зубнымъ; перестановка *в* въ «тверезый»отдѣляетъ начальное *т* отъ двухъ слѣдующихъ зубныхъ и т. д. Надо конечно имѣть въ виду, что во время производства одного слога представленія слѣдующихъ ближайшихъ слоговъ уже возбуждены въ полѣ фиксаціи (иначе вообще было бы невозможно говорить: все предложеніе уже туманно носится въ представленіяхъ при началѣ произнесенія его), а сходство въ артикуляціяхъ и отчасти въ звукахъ можетъ возбудить не въ очередь представленіе несмежнаго сходнаго звука настолько сильно, что наперекоръ послѣдовательной ассоціаціи во смежности, этотъ послѣдній звукъ вступаетъ несвоевременно въ точку фиксаціи и полностію замѣняетъ артикуляцію очереднаго звука. А этотъ звукъ можетъ затѣмъ занять мѣсто звука, оттѣснившаго его, вслѣдствіе дѣйствія прогрессивной диссимиляціи.

Въ такихъ случаяхъ, какъ перелинка < пелеринка, крылосъ < клиросъ, перестановкѣ могла содѣйствовать народная этимологія (см. ниже «Народная этимологія») и привычность звукосочетанія *пере*. Конечно, большинство обмолвокъ этого рода остается безъ послѣдствій въ языкѣ

Замѣна звуковъ вслѣдствіе ослышки. Вставка и утрата звуковъ.

Кромѣ указанныхъ случаевъ замѣны звуковъ въ артикуляціяхъ необходимо признать еще замѣну звуковъ вслѣдствіе ослышки. Она вполнѣ понятна изъ того, что мы воспринимаемъ слышимыя слова вообще неточно и неполно и дополняемъ ихъ готовыми въ нашей душѣ звуковыми представленіями словъ. При ослышкѣ лишь трудно рѣшить, насколько въ каждомъ конкретномъ случаѣ вліяли представленія привычныхъ звукосочетаній и представленія сходныхъ несмежныхъ звуковъ, такъ какъ вліяніе ихъ можетъ сказываться и въ слуховомъ воспріятіи такихъ словъ.

Замѣна звука другимъ вслѣдствіе ослышки происходитъ тогда, когда слышимыя слова не встрѣчаютъ въ душѣ слушателя знакомыхъ родственныхъ словъ, содержащихъ тѣ же морфологическія принадлежности, вслѣдствіе чего звуки слышимыхъ словъ могутъ восприниматься ошибочно. Въ такихъ условіяхъ находятся чаще заимствованныя иностранныя слова, впрочемъ также одиноко стоящія слова родного языка, неясныя по составу. Такимъ образомъ явились народныя діалектическія и частію литературныя слова: бусурманъ, басурманъ (мусульманъ), Миколай, Микифоръ, съ небелью (мебелью), *м*чела (пчела), присталь (пристань), тминъ (кминъ), анделъ (ангелъ), тисть (кисть), Авдотья (Евдокія), Лутьянъ (Лукьянъ), телья (келья), дитара (гитара) и пр.

Относительно послѣднихъ словъ нужно замѣтить, что мягкіе *к'*, *г'* могли бы конечно и органически постепенно измѣняться въ *т'*, *д'*, вслѣдствіе постепеннаго передвиженія мѣста артикуляціи, какъ они перешли въ *ч'* и *ж'* (<дж') въ праславянскую эпоху. Но такой переходъ повидимому въ русскомъ языкѣ не успѣлъ совершиться у значительной группы лицъ. А очень мягкія *к'*, *г'* не только физіологически, но и акустически очень близки къ *т' д'*, вслѣдствіе чего явилось спорадическое смѣшеніе ихъ вслѣдствіе ослышки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обратная замѣна: кіятръ (театръ), Китъ (Титъ), кесемка, Костянкинъ и пр. Въ словахъ какъ «анделъ» и пр. можно допустить и вліяніе ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ, а въ словахъ «кіятръ» и пр.—диссимиляціи.

Мало слышный звукъ можетъ замѣниться полнымъ звукомъ у перенимающихъ при благопріятствующихъ условіяхъ (*вставка звука*). Въ «встрѣтить» (малорусское «срiтити»), «островъ», «струя», «страмъ» (изъ старослав. **срамъ**, русск. «соромъ») и т. д. *т* явилось въ артикуляціи перенимающихъ потому, что кончикъ языка, поднимаясь изъ зазубнаго положенія для *с* въ положеніе для *р*, слегка задѣваетъ десну и этимъ производитъ акустическій эффектъ, нѣсколько похожій на слабый альвеолярный затворъ, что могло вызвать у перенимающихъ полный зубной затворъ, облегчающій артикуляцію.

Мало слышный звукъ можетъ совсѣмъ не воспроизводиться въ произношеніи перенимающихъ (*утрата звука*). Такимъ образомъ онъ окончательно исчезаетъ. Въ «поздно» (т. е. позно), «бездна» (т. е. безна изъ безъ-дъна), «изба» (изъ истъба), «ѣмъ» (изъ ѣдмь), мало слышный взрывной при перенятіи могъ наконецъ окончательно исчезнуть (стр. 237—238). Такъ же было опущено при перенятіи *в* въ «полтора» < полвтора < полъвътора. Звукъ *в* былъ здѣсь билабіальный, вслѣдствіе прогрессивной ассимиляціи предшествующаго лабіализованнаго *л* (поэтому написанія памятниковъ XIV вѣка «полутора»). Такъ же остались невоспроизведенными при перенятіи *в* въ «здра(в)ствуй», «об(в)язать» и въ діалектическихъ сѣверноруссkихъ «чер(в)ленъ» (срв. червонный), *д* въ «пріѣз(д)ку», *т* въ «чесью», «царсво», *п* въ «салмы» и пр. «Брянскъ» изъ Дбрянскъ < Дьбряньскъ (дьбрь), «чанъ» < дшчанъ (дъщанъ, дъска), што < что (т. е. t͡што). Звукъ *л*, потерявъ голосъ между глухими согласными или въ концѣ, сталъ опускаться въ артикуляціи перенимающихъ, такъ какъ мало замѣтенъ слуху: «Псковъ» < Плсковъ < Пльсковъ (старое произношеніе сохранилось въ нѣмецкомъ Pleskau); діалектически «руп» < «рубл'», «карап» < «корабл'» (послѣ исчезновенія ъ, ь въ концѣ *л* послѣ согласнаго сталъ глухимъ).

Субституція звуковъ.

Здѣсь удобно сдѣлать замѣтку объ особаго рода замѣнѣ звуковъ. При заимствованіи иноязычныхъ словъ народъ по необходимости подставляетъ свои сходные привычные звуки вмѣсто непривычныхъ иностранныхъ. Эта такъ называемая субституція звуковъ конечно родного языка не измѣняетъ, наоборотъ, устра-

няетъ вліяніе иностраннаго языка на звуковой составъ родного языка. Причина субституціи какъ неразвитость уха для непривычныхъ звуковъ, такъ въ особенности неспособность органовъ рѣчи производитъ непривычныя движенія.

Такъ русскій народъ послѣдовательно замѣняетъ *ü* въ заимствованныхъ словахъ, котораго онъ произноситъ не умѣетъ, посредствомъ звука *и* съ смягченіемъ предшествующаго согласнаго (потому пишется *ю*), напр. костюмъ (Kostüm), пюре (purée) и пр. Греческій глухой межзубной фрикативный согласный θ, не существующій и несуществовавшій въ славянскихъ языкахъ, напр. въ ἀνάθημα, καθέδρα, Θεόδωρος и пр., замѣнялся въ произношеніи славянъ, въ томъ числѣ и русскихъ, сходнымъ въ звуковомъ и артикуляціонномъ отношеніи зубогубнымъ фрикативнымъ *ф* (буква ѳ сохранилась въ правописаніи): анаѳема, каѳедра, Ѳеодоръ. Въ западныхъ языкахъ, позаимствовавшихъ эти слова черезъ посредство латинскаго языка, на мѣсто греческаго θ является латинское th, соотвѣтствующее древнему произношенію самихъ грековъ (см. стр. 194): нѣмецкія Anathem, Katheder, Theodor. Поэтому и въ такихъ русскихъ словахъ, заимствованныхъ чрезъ посредство запада, является *т*: театръ, тема, а не ѳеатръ, ѳема.

Средненебный и задненебный носовые, бывшіе всегда только передъ такими же затворными или фрикативными, исчезли доисторически въ славянскихъ языкахъ, обративъ предыдущій гласный въ назалированный (стр. 253). Съ тѣхъ поръ предки русскихъ разучились произносить небные носовые (стр. 209) и потому они замѣняются въ русскомъ языкѣ въ заимствуемыхъ словахъ посредствомъ зубного *н*, напр. «банкъ» изъ нѣмецкаго Bank съ мягконебнымъ *n*.

§ 5. Распространеніе фонетически возникшихъ новыхъ звуковыхъ явленій.

Изъ той зависимости, въ которой находится произношеніе отдѣльнаго лица отъ рѣчи окружающихъ, вполнѣ понятно, что если у группы лицъ произношеніе одного звука измѣнилось, то и отдѣльное лицо, находящееся съ первыми въ языковыхъ сношеніяхъ, не можетъ оставаться чуждымъ этого новаго произношенія. Наиболѣе благопріятныя условія новое произношеніе находитъ у подростающаго поколѣнія, у котораго менѣе утвердились прежнія воспоминанія. Новыя слуховыя ощущенія запо-

минаются и могутъ постепенно заглушить слуховыя воспоминанія прежняго произношенія; а затѣмъ должно и произношеніе перенимающаго постепенно поддѣлываться подъ новое слуховое представленіе, хотя онъ объ этомъ и не подозрѣваетъ. Тѣ же причины, которыя у группы лицъ могли вызвать появленіе новаго произношенія, могутъ и у перенимающаго содѣйствовать переходу отъ стараго къ новому. При этомъ не важно, отъ скольких онъ слышитъ новое произношеніе. Важно лишь, сколько онъ слышитъ новое произношеніе, т. е. насколько оно укрѣпляется въ его памяти. Вслѣдствіе этого новое произношеніе можетъ распространяться на все большее число лицъ, такъ какъ всякій, приставшій безсознательно къ нему, является самъ невольнымъ распространителемъ его. Онъ можетъ распространяться отъ говора къ говору. Такъ распространяется постепенно «аканье» въ великорусскомъ языкѣ. Конечно, распространеніе новаго произношенія останавливается, если оно не находитъ благопріятствующихъ условій, и можетъ вытѣсниться снова старымъ.

Понятно, что новое звуковое явленіе не должно непремѣнно распространяться на весь говоръ, или расходиться напр. концентрически; оно можетъ распространяться и узкой полосой, въ промежуткахъ которой можетъ снова, подъ вліяніемъ сосѣдняго стараго произношенія, водвориться старое. Благодаря бойкимъ дорогамъ сообщенія и переселеніямъ можетъ получиться пестрая карта топографическаго распространенія новаго звукового явленія.

Нѣсколько *измѣненный* звукъ (новая звуковая разновидность), возникшій у группы лицъ вслѣдствіе измѣненія артикуляціи или при перенятіи (причемъ при смѣшеніи языковъ одновременно въ широкихъ размѣрахъ), отожествляется въ сознаніи перенимающихъ съ соотвѣтствующимъ обычнымъ имъ звукомъ. Если между обоими звуками различіе даже настолько велико (при столкновеніи діалектовъ), что на первыхъ порахъ оно ясно сознается, то при поддержкѣ остальныхъ звуковъ каждаго слова, произносимыхъ одинаково, въ концѣ концовъ перенимающіе перестаютъ замѣчать это различіе. Напр. если вмѣсто «вода», «топоръ» съ *о* въ первомъ слогѣ, произносятъ «во^{a}да», «то^{a}поръ» съ *о* нѣсколько склонныхъ къ *а*, то перенимающій со временемъ перестаетъ замѣчать, что его личное произношеніе, сохраняю-

щее пока *o*, отличается отъ произношенія передающихъ. Это доказываетъ, что старое слуховое воспоминаніе этого звука слилось у него такъ съ новымъ, что въ результатѣ получилось болѣе широкое представленіе этого звука, съ болѣе расплывчивыми границами, вмѣщающее въ себѣ и *o* и o^a. Подъ вліяніемъ повторныхъ ощущеній звука o^a слуховое представленіе этого звука начинаетъ все болѣе съуживаться въ сторону o^a, и вслѣдъ затѣмъ безсознательно, частью и сознательно, начинаетъ измѣняться и произношеніе въ сторону «o^a», если тому не препятствуютъ физіологическія условія. Такимъ образомъ въ слуховыхъ представленіяхъ перенимающаго можетъ установиться наконецъ одно «o^a», а прежнее «*o*» должно казаться просто ошибочнымъ, такъ какъ о немъ утрачивается воспоминаніе, которое развѣ только по временамъ еще всплываетъ. Понятно, что въ этомъ состояніи перенимающій не можетъ въ одномъ словѣ произносить o^a, въ другомъ о, такъ какъ во всѣхъ словахъ это для него одинъ и тотъ же звукъ, который онъ сталъ произносить съ меньшимъ подъемомъ задней спинки языка и съ меньшей лабіализаціей, чѣмъ раньше. Впрочемъ такой окончательный переходъ исключительно къ новому звуку (напр. a^o) завершается обыкновенно только новымъ поколѣніемъ, и потому описанный процессъ можетъ распространяться на нѣсколько поколѣній. Дальнѣйшій переходъ отъ a^o къ a можетъ совершиться нѣсколькими такими же послѣдовательными передвиженіями (этапами) въ томъ же направленіи.

Но такой послѣдовательности нельзя непремѣнно ожидать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вмѣсто стараго звука является не нѣсколько измѣненный новый звукъ, а другой, уже существующій въ языкѣ перенимающаго звукъ. Такой звукъ могъ явиться не только скачкомъ, вслѣдствіе замѣны, но и вслѣдствіе длиннаго ряда постепеннаго фонетическаго измѣненія звука въ артикуляціяхъ. Это можетъ быть напр., когда заимствуется произношеніе другого говора или нарѣчія. Окающій, попавъ въ акающую среду, можетъ произносить *a* въ тѣхъ словахъ, которыя очень часто слышалъ, и произносить *o* въ остальныхъ. Если бы вмѣсто *o* было повсюду *a*, то *o* могло бы забываться у перенимающихъ. Но дѣло въ томъ, что часто новый звукъ развился только при извѣстныхъ условіяхъ, а при другихъ условіяхъ сохранился старый или явился иной новый звукъ. Усвоить себѣ такой новый

звуковой составъ въ каждомъ словѣ въ отдѣльности нѣтъ никакой возможности, если перенимающій уже взрослый, слѣдовательно вполнѣ усвоилъ себѣ раньше слова съ инымъ звуковымъ составомъ. Если онъ тѣмъ не менѣе со временемъ начнетъ акать послѣдовательно во всѣхъ словахъ, то эта послѣдовательность объясняется уже другимъ факторомъ—звуковой аналогіей (см. «Аналогію»). Но такое содѣйствіе звуковой аналогіи возможно здѣсь потому, что во всѣхъ словахъ аканіе обусловлено удареніемъ. Благодаря присутствію такого фонетическаго фактора у перенимающаго возникаетъ привычка не произносить *о* въ неударенномъ слогѣ, т. е. подъ вліяніемъ множества словъ какъ сто́лъ—стала́, ко́тъ—ката́, во́ды—вада́ и пр., въ которыхъ ударенное *о* чередуется съ неударенным *а*, у него вырабатывается безсознательно такая фонетическая форма (типъ) словъ, по которой въ неударенныхъ слогахъ *о* замѣняется посредствомъ *а* (и посредствомъ другихъ звуковъ, смотря по положенію относительно ударенія). Поэтому если онъ даже никогда не слышалъ словъ «тъпара́», «вала́» отъ акающихъ, то въ силу этой привычки онъ начинаетъ произносить «вала́» вмѣсто «вола́». Такъ акающіе русскіе передѣлываютъ иностранныя слова, напр. «портре́тъ», «докторъ», въ «партре́тъ», «дъктара́» и пр., и наоборотъ, создали «со́дитъ», «пло́титъ», по аналогіи «нашу́»: «но́ситъ», «важу́»—«во́дитъ и пр. Звуковой аналогіей только обезпечивается при распространеніи послѣдовательное проведеніе во всѣхъ словахъ такого перенимаемаго новаго звукового явленія, которое состоитъ не изъ нѣсколько измѣненнаго звука, а изъ звука, уже существующаго въ языкѣ перенимающихъ. Вѣдь нельзя усвоить себѣ напр. аканье въ каждомъ словѣ въ отдѣльности тому, кто уже привыкъ окать. Память не справилась бы съ этой задачей. Къ тому же окающій, подъ вліяніемъ своихъ привычныхъ звуковыхъ представленій словъ, обыкновенно и не апперципировалъ бы даже *а*.

Въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ установилось аканье въ однихъ словахъ и сохранилось оканье въ другихъ. Это объясняется слѣдующимъ. Отдѣльные представители такихъ говоровъ, во время пребыванія между акающими вслѣдствіе отхожихъ промысловъ, солдатчины, въ школѣ и пр., усвоили себѣ аканье въ употребительныхъ въ этой средѣ словахъ, но не въ достаточной степени, чтобы по аналогіи провести его повсюду. По

возвращеніи ихъ на родину произношеніе съ *а* находитъ себѣ подражателей, можетъ быть въ еще меньшемъ числѣ словъ. А слова, часто употребляемыя въ деревенской обстановкѣ, сохраняютъ *о*. Другія слова съ *а* проникаютъ отъ случайныхъ переселенцевъ изъ акающихъ и т. д.

Отсюда понятно, что если русское удареніе установилось бы напр. на первомъ слогѣ, какъ въ чешскомъ языкѣ, то аналогія не могла бы содѣйствовать распространенію аканья, и слѣдовательно дальнѣйшее послѣдовательное распространеніе аканья во всѣхъ словахъ было бы невозможно: въ словахъ, которыя окающіе часто слышали бы отъ акающихъ, установился бы звукъ *а*, въ остальныхъ сохранился бы *о*, и въ результатѣ могли бы явиться говоры, представляющіе безпорядочную смѣсь оканья и аканья.

Конечно, распространеніе тѣхъ случаевъ замѣны звуковъ, которые возникли спорадически въ отдѣльныхъ словахъ, вслѣдствіе перестановки или ассимиляціи и диссимиляціи несмежныхъ звуковъ, какъ «пролубь», «ладонь», происходитъ только посредствомъ усвоенія памятью каждаго такого слова въ отдѣльности, такъ какъ условія, вызвавшія ихъ, были случайны, и такая замѣна не произошла во всѣхъ словахъ, въ которыхъ постоянныя условія одинаковы. Поэтому такія измѣненія звукового состава словъ туго распространяются. Но замѣна звука, какъ въ греческомъ языкѣ появленіе непридыхательнаго взрывного вмѣсто придыхательнаго вслѣдствіе диссимиляціи съ слѣдующимъ дальше придыхательнымъ (см. стр. 263), можетъ явиться и фонетическимъ путемъ послѣдовательно во всѣхъ словахъ, и въ такомъ случаѣ распространяется послѣдовательно при помощи аналогіи.

§ 6. Звуковые законы.

Изъ предыдущаго видно, что одинъ и тотъ же звукъ не можетъ въ рѣчи группы лицъ при *одинаковыхъ условіяхъ* измѣниться въ артикуляціяхъ или при перенятіи въ разныхъ словахъ по разному. Гдѣ одинъ звукъ измѣняется въ два звука, какъ напр. открытое *е* и закрытое *е* въ русскомъ языкѣ, тамъ вліяли *различныя физіологическія условія* (въ данномъ примѣрѣ твердость или мягкость послѣдующаго слога или согласнаго).

Въ другомъ *мѣстѣ*, т. е. у другой группы лицъ того же

языка или говора, тотъ же звукъ можетъ подвергаться совершенно другимъ измѣненіямъ вслѣдствіе различія въ артикуляціонной базѣ, удареніяхъ, темпѣ и пр. Такъ въ говорахъ среднерусскаго языка неударенное *о* измѣнилось постепенно въ *а* и пр., а въ сѣверноруссскихъ и южноруссскихъ говорахъ сохранилось какъ *о*.

Въ другое *время* въ томъ же говорѣ такіе же звуки могутъ измѣниться иначе, такъ какъ физіологическія условія (артикуляціонная база) и психическія условія могутъ быть уже другія, а также и распространеніе измѣненнаго звука можетъ произойти иными путями, вслѣдствіе измѣнившихся условій языковыхъ сношеній. Такъ, въ извѣстную эпоху праславянскаго языка всякіе *к*, *г*, *х* въ положеніи передъ мягкими гласными измѣнились постепенно въ мягкіе *ч'*, *ж'*, *ш'*; когда же въ болѣе позднюю эпоху этого же праславянскаго языка сохранившіеся передъ твердыми гласными *к*, *г*, *х*, очутились передъ мягкими гласными, то измѣнились уже въ мягкіе *ц'*, *дз'* > *з'*, *с'* (старосл. **рѫцѣ**, **Kosѣ**). Существующіе въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ *к*, *г*, *х* мягкіе передъ мягкими гласными сохраняются пока безъ измѣненія (кинь, гибель, хилый). Отсюда понятно, что при возстановленіи звуковъ и вообще доисторическихъ фактовъ языка нужно соблюдать хронологію, т. е. строгую хронологическую послѣдовательность возстановляемыхъ фактовъ.

Изъ предыдущаго также видно, что при *замѣнѣ* звуковъ вслѣдствіе перестановки, ассимиляціи или диссимиляціи несмежныхъ звуковъ, вслѣдствіе морфологической аналогіи (см. ниже) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ замѣны, утраты и появленія звука, эта замѣна касается лишь отдѣльныхъ случаевъ и можетъ не распространяться на всѣ слова, представляющія одинаковыя звуковыя условія. Послѣдняго рода спорадическія измѣненія языка конечно не поддаются опредѣленнымъ правиламъ и могутъ быть лишь объясняемы. Но нѣкоторые случаи *замѣны* звуковъ и всѣ случаи постепеннаго *измѣненія* звуковъ возникаютъ и распространяются обыкновенно съ такой послѣдовательностью, что ихъ можно подводить подъ правила, называемыя *звуковыми законами*.

Звуковой законъ опредѣляетъ, что въ *такомъ-то мѣстѣ* (говорѣ, нарѣчіи, языкѣ, части говора) въ *такое-то время*, *при такихъ-то условіяхъ* произошло такое-то звуковое измѣненіе.

Если законъ вѣрно формулированъ, то понятно исключеній изъ него не должно быть.

Кажущіяся исключенія изъ звуковыхъ законовъ объясняются 1) дѣйствіемъ (скрещиваніемъ) *другого фонетическаго закона*, или 2) *образованіемъ по аналогіи*, или рѣдко 3) *случайной замѣной звука*, или наконецъ 4) *заимствованіемъ* изъ другого діалекта.

Такъ, если мы 1) рядомъ съ смягченіемъ *г* въ *ж* (Боже) находимъ и смягченіе *г* въ *з* (Бозѣ), то здѣсь нѣтъ противорѣчія или исключенія: измѣненіе въ $\widehat{дз} > з$ происходило въ ту эпоху праславянскаго языка, когда измѣненіе въ $ж < \widehat{дж}$ было уже закончено и больше не повторялось, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя разными звуковыми законами, дѣйствовавшими въ разное время. Если мы 2) вмѣсто фонетически законнаго «Бозѣ» находимъ въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ «Богѣ», то это не исключеніе изъ закона о праславянскомъ смягченіи *г*, а лишь результатъ позднѣйшей замѣны звука по аналогіи (опредѣляемой пропорціей—«родъ»: «родѣ» = «домъ»: «домѣ» и пр. = «богъ»: х, х = «богѣ»; «бозѣ» существовало еще въ древнерусскомъ). Если мы 3) рядомъ съ «пролубь» находимъ «прорубить», то это не исключеніе изъ звукового закона, такъ какъ для спорадической случайной замѣны звука не можетъ быть общаго закона. Наконецъ, 4) слова какъ «рожденіе», «надежда» и пр. представляютъ не исключеніе изъ закона, по которому праславянское *dj* измѣнилось въ русское *ж*, а эти слова заимствованы изъ старославянскаго языка. Ср. русскія: рожать, надёжа.

Въ отличіе отъ законовъ напр. физики или химіи, звуковой законъ не опредѣляетъ, что̀ при извѣстныхъ условіяхъ всегда происходитъ. Въ отличіе отъ юридическихъ законовъ звуковой законъ не говоритъ, что̀ при извѣстныхъ условіяхъ должно всегда быть. Звуковой законъ констатируетъ лишь эмпирически заднимъ числомъ совершившійся историческій фактъ въ звукахъ извѣстной части языка. Очевидно терминъ «законъ» не совсѣмъ подходящій. Выборъ его объясняется особыми историческими причинами.

Нельзя называть звуковыми законами правила практической грамматики, въ родѣ слѣдующаго: *т* передъ *т* переходитъ въ *с*, напр. «плет-у», «плес-ти» и пр. На самомъ дѣлѣ *тт*

въ русскомъ языкѣ никогда не переходило и не переходитъ въ *ст*, какъ видно изъ «оттого», «оттепель» и пр. Измѣненіе *тт* въ *ст* началось въ индоевропейскую эпоху и закончилось въ балтійско-славянскомъ языкѣ. Русскій языкъ лишь сохраняетъ унаслѣдованную группу *ст*. Такъ же неточно говорятъ, что напр. передъ мягкими гласными согласные смягчаются въ русскомъ языкѣ. Процессъ смягченія начался въ праславянскомъ и закончился доисторически въ русскомъ языкѣ, такъ что теперь осталось только чередованіе твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, обусловленное твердостью или мягкостью слѣдующаго звука, и т. д.

Звуковое измѣненіе возникаетъ постепенно, небольшими передвиженіями, у разныхъ небольшихъ группъ лицъ, и затѣмъ распространяется нерѣдко очень далеко. Поэтому у громаднаго большинства лицъ, которымъ звуковой законъ приписываетъ извѣстное *измѣненіе* звука, въ дѣйствительности такого измѣненія не происходило, а измѣненные звуки были просто *заимствованы* акустическимъ путемъ и успѣли вытѣснить соотвѣтствующіе прежніе звуки. Но невозможно указать, въ какомъ именно мѣстѣ данное измѣненіе возникло первоначально, и гдѣ оно просто перенято. Районъ звукового закона чаще не совпадаетъ съ границами говора или нарѣчія, и можетъ обнимать разныя части разныхъ говоровъ. Разныя теченія разныхъ измѣненій звуковъ и смѣшенія діалектическихъ разновидностей звуковъ въ живомъ языкѣ несравненно многочисленнѣе и сложнѣе, чѣмъ могло бы казаться судя по памятникамъ, въ которыхъ дается всетаки языкъ отдѣльныхъ лицъ, или искусственно нормированный языкъ, произношеніе котораго вдобавокъ нерѣдко скрыто установившейся хотя бы индивидуальной орѳографіей.

ГЛАВА VI.

ОБЩАЯ СЕМАСІОЛОГІЯ.

§ 1. Значенія словъ.

Извѣстнаго рода единицу рѣчи съ точки зрѣнія значеній представляетъ *слово*. Съ звуковой стороны слово есть часть или кусокъ звукового ряда, который обыкновенно ничѣмъ не отдѣляется въ фонетическомъ отношеніи отъ другихъ такихъ частей звукового ряда. Этимъ объясняется, что въ древнемъ письмѣ слова часто не отдѣлялись другъ отъ друга. Такой звуковой комплексъ является отдѣльнымъ словомъ лишь потому, что онъ имѣетъ свое отдѣльное значеніе, т. е. обозначаетъ отдѣльное понятіе. Впрочемъ и на основаніи этого признака нельзя въ дѣйствительности провести грань между отдѣльнымъ словомъ и синтаксическимъ сочетаніемъ словъ. Съ одной стороны, напр. слова «Нижній Новгородъ», «за границу», «какъ бы» соотвѣтствуютъ одному понятію (что и выражается частію соединительнымъ знакомъ или слитнымъ написаніемъ), а напр. «бы», «ли» въ отдѣльности не обозначаютъ никакого понятія. Съ другой стороны, въ составъ слова часто входятъ такіе комплексы звуковыхъ элементовъ, которые имѣютъ свои значенія. Они называются поэтому морфологическими принадлежностями слова (морфемами). Такъ въ словѣ «учи-тель-ниц-амъ» окончаніе «-ам» вноситъ значеніе множ. ч. и дат. п., «-ниц-» указываетъ на женскій полъ дѣйствующаго лица, обозначаемаго посредствомъ «-тель-» въ связи съ «учи». Правда, говорятъ, что формальныя принадлежности слова не нарушаютъ единства слова, такъ какъ онѣ въ отдѣльности не употребляются. Но что значитъ «въ отдѣльности»? Развѣ «на», «при», «бы», или даже «домъ», «бѣжалъ» и пр. употребляются въ отдѣльности? Они могутъ быть только составными частями

предложенія, такъ же какъ и суффиксъ «-тель-» или окончаніе множ. ч. «-ы» и пр. Разница лишь въ томъ, что эти суффиксы являются только въ сочетаніи съ извѣстными другими принадлежностями словъ; «бы» обозначаетъ совмѣстно съ извѣстной формой глагола одно синтаксическое понятіе, но можетъ помѣщаться и рядомъ съ извѣстными другими словами («онъ купилъ бы»—«чтобы онъ купилъ»); положеніе слова «домъ» въ предложеніи можетъ быть еще разнообразнѣе, но также не вполнѣ свободно (нельзя сказать: купилъ домъ онъ). Что «домъ» можетъ обозначать нѣчто реально существующее, не можетъ служить признакомъ «отдѣльнаго слова», такъ какъ другія слова, какъ предлоги, союзы и пр. обозначаютъ только отношенія; а суффиксы, какъ въ «дом-а́» (т. е. много домовъ), «дом-ина» (большой домъ), «дом-икъ» (маленькій домъ), вносятъ въ значенія этихъ словъ реальные признаки, какъ отдѣльныя прилагательныя, и т. д. Очевидно, дѣленіе предложенія на отдѣльныя слова есть въ значительной степени дѣленіе условное, нерѣдко произвольное, и вызвано прежде всего практическими потребностями письма.

Слуховое представленіе слова (**В** слово) и двигательное представленіе слова (**Б** слово), по обстоятельствамъ въ связи съ физіологическими процессами производства и слышанія слова, составляютъ звуковую сторону слова или короче *звуковое слово*. Ассоціаціи по смежности между звуковыми словами и обозначаемыми ими представленіями и чувствованіями завязывались въ родномъ языкѣ въ дѣтствѣ тогда, когда одновременно возникали въ насъ слуховыя представленія словъ и тѣ представленія и чувствованія, которыя старшіе обозначали этими словами (см. стр. 77 слѣд.). Въ этой компликаціи звуковыя слова являются знаками, указывающими на другое, на обозначаемыя ими представленія и чувствованія, которыя называются значеніями именно по отношенію къ обозначающимъ ихъ знакамъ, т. е. звуковымъ словамъ.

Между звуковыми словами и обозначаемыми ими представленіями нѣтъ никакой внутренней связи, кромѣ той ассоціаціи по смежности, которая устанавливается навыкомъ. Только *звукоподражательныя* (ономатопоэтическія) слова, какъ: «квакать», «каркать», «чирикать», «жужжать», «шумъ», «грохотъ», «плескъ», «визгъ», «щебетать», «кукушка» и пр. производятъ своими *звуками* слуховыя ощущенія, сходныя съ тѣми, которыя получаются

отъ обозначаемыхъ ими явленій; но и въ большинствѣ такихъ словъ это сходство возникло случайно вслѣдствіе фонетическаго измѣненія словъ. А въ словахъ, какъ «лататы», «бука» и пр., сами *движенія* органовъ рѣчи напоминаютъ намъ обозначаемыя этими словами явленія. Если кажется, будто слово «слонъ» своими звуками напоминаетъ что-то громоздкое,«лань» —нѣчто нѣжное и легкое, «змѣя»— хитрое и пр., то это происходитъ отъ того, что мы, вслѣдствіе тѣсной ассоціаціи звукового слова съ значеніемъ, приписываемъ звуковой сторонѣ слова признаки значенія его. Вѣдь эти же слова звучали раньше иначе, и эти же явленія обозначаются въ другихъ языкахъ другими звуками.

Воспоминанія о разныхъ конкретныхъ явленіяхъ, обозначавшихся въ разныхъ случаяхъ словами «собака», «бѣлый»,«убѣжалъ» и пр., сливаются въ концѣ концовъ въ отдѣльныя неясныя и измѣнчивыя общія представленія или понятія о собакѣ, о бѣломъ цвѣтѣ и пр. Всѣ видѣнныя собаки были черныя или бѣлыя и пр., стояли, лежали, бѣжали и пр. Очевидно эти случайные признаки не могутъ быть постоянными составными частями значенія слова «собака». Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ представить себѣ собаку безъ цвѣта, или не находящуюся въ состояніи лежанія, стоянія и пр., или же «бѣлый», «бѣжитъ» и пр. не въ связи съ бѣлымъ или бѣгущимъ предметомъ. Слѣдовательно, если мы не имѣемъ въ виду опредѣленной конкретной, напр. бѣлой бѣгущей собаки, а скажемъ напр. «собака питается мясомъ», то слову «собака» не можетъ соотвѣтствовать какое либо цѣльное представленіе, а лишь *понятіе*, состоящее изъ отрывочныхъ элементовъ воспоминаній о разныхъ собакахъ, къ которымъ примѣшиваются еще чувствованія, возбуждавшіяся въ насъ раньше, когда мы дѣйствительно видѣли собаку, слышали ея лай и пр. Значенія прилагательныхъ и глаголовъ представляютъ такія же понятія, въ составъ которыхъ не могутъ входить представленія о тѣхъ предметахъ, съ которыми они связывались въ нашихъ представленіяхъ.

Вслѣдствіе присутствія въ компликаціи, составляющей слово, звуковой стороны какъ знака, даже всѣ элементы представленія, составляющаго значеніе слова, могутъ не вступать въ сознаніе, и тогда все значеніе слова заключается лишь въ *чувствованіи*, сопровождавшемъ обыкновенно представленіе, обозначаемое дан-

нымъ словомъ (см. стр. 94). Къ этому чувствованію могутъ примѣшиваться еще побочныя представленія, не относящіяся прямо къ значенію слова, но обыкновенно связывавшіяся съ нимъ. Но это чувствованіе является минимальнымъ представителемъ (не возбужденнаго представленія—) значенія слова и должно достаточно возбуждаться, безъ чего слово не отличалось бы отъ другихъ словъ по значенію и слѣдовательно было бы безсмысленнымъ звукомъ.

Такимъ образомъ въ словѣ лишь одна звуковая сторона слова, т. е. знакъ, представляется всегда полно, опредѣленно и ясно, а обозначаемое имъ представленіе обыкновенно представляется неполно и часто настолько неясно, что можетъ составлять самостоятельное цѣлое и вступать въ ясныя логическія отношенія съ другими такими представленіями только въ связи съ звуковымъ словомъ, являющимся его представителемъ. Ср. напр. слова: причина тому, качество, справедливость требуетъ, добродѣтель, человѣческій, свидѣтельствуетъ, терпѣніе и трудъ все преодолѣваютъ, лошадь животное. Такимъ образомъ первоначальные знаки сдѣлались составными элементами самого мышленія, безъ которыхъ мы не могли бы мыслить такъ и о томъ, какъ и о чемъ мы теперь мыслимъ.

Звуковыя слова какъ знаки могутъ еще осложняться сопровождающими ихъ выразительными движеніями жестовъ и мимики. Кромѣ того у грамотныхъ въ составъ словъ могутъ входить еще представленія письма (стр. 91 слѣд.), такъ что слово какъ знакъ можетъ включать въ себѣ, кромѣ слухового (**В**) и двигательнаго (**Б**) представленія, еще оптическое (**Д**) и графическое (**граф**) представленія этого слова. Степень возбуждаемости каждаго изъ нихъ очень разнообразна; поэтому доминирующимъ представителемъ слова можетъ по обстоятельствамъ быть любое изъ этихъ представленій, обыкновенно же **В** и отчасти **Д**. Кромѣ того представленія словъ осложняются еще тѣмъ, что они могутъ возбуждать сходныя слова съ ихъ значеніями.

Абстрактное и конкретное значеніе словъ.

Значеніе слова, состоящее изъ общаго понятія, называется съ точки зрѣнія языка *абстрактнымъ значеніемъ*. Въ «рука руку моетъ» или «низкій стулъ неудобенъ» всѣ слова имѣютъ абстрактное значеніе. *Конкретное значеніе* слова есть нѣчто,

представляемое какъ реально существующее въ предѣлахъ пространства и времени, т. е. индивидуальное представленіе или понятіе. Въ «этотъ стулъ низокъ», «взятіе Казани Іоанномъ», «обратите вниманіе на это отношеніе»—всѣ слова имѣютъ конкретное значеніе. По своему содержанію конкретное значеніе можетъ не отличаться отъ абстрактнаго: въ сознаніи могутъ всплывать такіе же неясные, случайные, отрывочные элементы, которые составляютъ психическое содержаніе общаго понятія. Существенное отличіе конкретнаго значенія отъ абстрактнаго составляетъ сознаніе, сопровождающее конкретное представленіе, что имѣется въ виду такое то или какое то явленіе тамъ то или гдѣ то.

Конкретное представленіе о явленіи, о которомъ мы не знаемъ никакихъ признаковъ, которыми мы могли бы выдѣлить данное явленіе отъ другихъ, обозначаемыхъ тѣмъ же словомъ, ничѣмъ не можетъ по содержанію отличаться отъ общаго понятія, кромѣ сознанія, что это представленіе относится къ какому то или къ какимъ то индивидуальнымъ явленіямъ. Такія значенія называются конкретными *неопредѣленными*. Таковымъ является для слушателя значеніе слова «человѣкъ», когда онъ слышитъ предложеніе «я встрѣтилъ (одного) человѣка», je rencontrai un homme, ich begegnete einem Manne. Но сказавъ это, говорящій уже придалъ этому человѣку такой внѣшній признакъ, благодаря которому слушатель отличаетъ его отъ всѣхъ остальныхъ людей, вслѣдствіе чего въ дальнѣйшемъ говорящій скажетъ: «я сказалъ этому человѣку», или «ему», je lui dis, ich sagte ihm, ich sagte dem Manne и пр. Послѣдняго рода конкретное значеніе называется конкретнымъ *опредѣленнымъ*, хотя и теперь еще ничего не прибавилось къ содержанію представленія этого человѣка у слушателя, кромѣ внѣшняго признака, что говорящій встрѣтилъ его. Во французскомъ, нѣмецкомъ и др. языкахъ при существительныхъ съ конкретнымъ опредѣленнымъ значеніемъ употребляется опредѣленный членъ, и во всѣхъ языкахъ при случаѣ указательное, личное, притяжательное мѣстоименіе и собственное имя, которыя могутъ относиться только къ извѣстному обоимъ разговаривающимъ конкретному представленію. (Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что опредѣленный членъ употребляется также при словѣ съ абстрактнымъ значеніемъ: La force de la verité, die Macht der Wahrheit). Наоборотъ, слова какъ «что то» «какой то», «какой ни-

будь», «гдѣ нибудь» и пр. указываютъ именно на нѣчто неопредѣленное конкретное.

Въ глаголахъ совершенный видъ обозначаетъ собственно конкретное дѣйствіе, но можетъ обозначать и абстрактное дѣйствіе, напр. «на слѣпого очковъ не приберешь». Многократный видъ глагола обозначаетъ собственно абстрактное дѣйствіе, такъ какъ отдѣльные моменты проявленія дѣйствія, или состояніе повторяющихся проявленій дѣйствія, неудобно пріурочить къ опредѣленному времени. Но въ связи съ конкретнымъ подлежащимъ значеніе этихъ глаголовъ пріобрѣтаетъ извѣстную степень конкретности: «мы прогуливались», «вы разговаривали».

Разныя значенія одного слова и разновидности одного значенія слова.

Большинство словъ означаетъ въ разныхъ случаяхъ болѣе или менѣе различныя представленія. Поэтому мы говоримъ о *разновидностяхъ значенія* слова и о *нѣсколькихъ значеніяхъ* слова, перечень которыхъ приводится въ словаряхъ. Вмѣсто различныхъ значеній одного слова можно съ тѣмъ же правомъ говорить о разныхъ словахъ, тожественныхъ въ звуковомъ отношеніи, но различныхъ по значенію (омонимы); но на практикѣ такое дѣленіе слова на нѣсколько словъ большею частію затруднительно. При этомъ совершенно безразлично, развились ли разныя значенія слова изъ одного значенія и слово по происхожденію одно, или же два слова различнаго происхожденія совпали въ звуковомъ отношеніи. Напр. въ предложеніяхъ «ракъ живетъ въ водѣ» и «онъ умеръ отъ рака» слово «ракъ» имѣетъ два различныхъ значенія, изъ которыхъ говорящіе имѣютъ всегда въ виду только одно значеніе. Такъ же два значенія въ «охота тебѣ»—«онъ поѣхалъ на охоту», «русскій языкъ»—«языкъ съ гарниромъ» и т. д. Но напр. «шляпа» въ смыслѣ мужской и дамской шляпы, или «палка» въ смыслѣ тросточки и палки вообще, представляютъ скорѣе разновидности одного значенія.

На практикѣ подчасъ трудно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ *разновидностями* одного значенія, или съ *разными значеніями* слова. Здѣсь важно не то, одно ли или два значенія, а важно различіе между обоими случаями въ психическомъ отношеніи. Въ предложеніяхъ «мужчины носятъ шляпы», «дамы носятъ шляпы», значенія слова «шляпа» неодинаковы. Но такъ какъ мы можемъ оба значенія соединить въ предложеніи «не только мужчины, но и дамы должны сидѣть въ партерѣ безъ шляпъ»,

то ихъ можно разсматривать какъ разновидности одного значенія. Изъ предложенія «у паломниковъ были въ рукахъ длинныя палки» мы видимъ, что «палка» въ смыслѣ «трость», «посохъ» нельзя считать отдѣльнымъ значеніемъ, вполнѣ обособившимся отъ болѣе общаго значенія слова «палка». Но «трубка», въ смыслѣ курительной трубки, вполнѣ обособилась отъ всякой другой трубки, такъ какъ нельзя придумать предложенія, въ которомъ это слово имѣло бы одновременно оба значенія, или въ которомъ значеніе «курительная трубка» приводилось бы въ связь (напоминало бы собой) какую нибудь другую трубку. Поэтому мы должны принимать здѣсь два значенія.

Различія въ значеніяхъ словъ и предложеній, заключающіяся въ побочныхъ представленіяхъ и въ чувствованіяхъ.

Кромѣ главныхъ представленій, обозначаемыхъ словами, нужно считаться еще съ побочными представленіями и съ чувствованіями, которыя также входятъ обыкновенно въ составъ значеній словъ. Въ этихъ побочныхъ представленіяхъ и чувствованіяхъ заключается различіе между словами, съ перваго взгляда однозначащими, какъ: супруга—жена, дѣва—дѣвушка—дѣвица, челнокъ—лодка, воинъ—солдатъ, возница—кучеръ, перстъ—палецъ, правая рука—десница, конь—лошадь, собака—песъ, Вы—ты, дѣтскій—ребяческій, Лѣсковъ—Николай Семеновичъ, и пр.

Такіе побочные признаки представленій пристаютъ къ словамъ, такъ же какъ и главныя представленія, въ отдѣльныхъ случаяхъ употребленія словъ. Напр. «перстъ», «глава», «возница» употребляются въ возвышенной рѣчи, поэтому обозначаютъ представленія пальца и пр. съ такими побочными оттѣнками, какіе возбуждены при такой рѣчи.

Кромѣ того побочныя представленія вносятся въ значенія словъ изъ значеній родственныхъ словъ, возбуждаемыхъ ими по ассоціаціи по сходству, такъ какъ они содержатъ тѣ же основныя принадлежности и сходныя значенія, напр. въ слово «воинъ» изъ словъ «война», «воевать» и пр., въ слово «возница» изъ слова «возить» и пр. «Умеръ», «скончался», «издохъ» и пр. обозначаютъ одно и то же главное понятіе, но съ разными оттѣнками въ значеніи.

Но эти побочныя различія въ представленіяхъ сознаются настолько неясно, что трудно опредѣлить ихъ въ точности Гораздо ярче выступаютъ различія между тѣми чувствованіями, которыя сопровождаютъ ихъ. Эти субъективные элементы составляютъ главныя различія между синонимами. Поэтому настоящихъ

однозначащихъ словъ, строго говоря, почти не существуетъ. Выбирая то или другое слово для обозначенія извѣстнаго представленія, говорящій между прочимъ этимъ выборомъ обнаруживаетъ свое личное отношеніе къ данному явленію и этимъ побуждаетъ слушателя къ подобному же отношенію къ данному представленію. Поэтому удачнымъ выборомъ словъ говорящій или пишущій настраиваетъ слушателя по своему желанію, т. е. внушаетъ ему желательное отношеніе къ представленіямъ, помимо самихъ представленій, которыя онъ возбуждаетъ въ его мышленіи. Конечно, какъ побочныя представленія, такъ и чувствованія, возбуждаемыя словами, могутъ быть различны у разныхъ лицъ, или въ разныхъ сочетаніяхъ словъ. Ср. родной «край», болотистый «край». Этими элементами значеній словъ искусственно пользуются напр. въ лирической поэзіи, публичные ораторы и пр. Удачный подборъ словъ, возбуждающихъ нужныя чувствованія, можетъ совершенно заглушить въ толпѣ логическое мышленіе, въ виду особенности психологіи толпы. Нѣкоторыя категоріи словъ, какъ ругательныя, ласкательныя, привѣтствія и пр. разсчитаны именно на возбужденіе извѣстныхъ чувствованій, а не представленій. Поэтому такія слова постепенно совершенно утрачиваютъ свои главныя значенія, какъ напр. «чертъ возьми», «ангелъ мой», «прощайте» и пр.

Многочисленныя и разнообразныя побочныя представленія и чувствованія говорящій вызываетъ въ слушателѣ еще модуляціей устной рѣчи посредствомъ сочетанія разныхъ градацій въ темпѣ, ритмѣ, экспираторномъ и музыкальномъ удареніи.

Такъ, если намъ горничная, открывши дверь, на нашъ вопросъ «дома?», въ которомъ второй слогъ на малую терцію до квинты выше перваго, отвѣтитъ «дома», со вторымъ слогомъ на квинту ниже перваго, то мы входимъ совершенно спокойно. Если же она повышаетъ второй слогъ на полтона, произнося «дома» слабо и малонапряженно, то мы сначала посмотримъ на нее съ цѣлью отыскать причину такого печальнаго отвѣта. Если не видимъ на ней признаковъ слезъ, зубной боли и пр., то можемъ думать, что кто нибудь заболѣлъ въ домѣ. Если на нашъ вопросъ она отвѣтитъ бойко «боленъ» со вторымъ слогомъ на квинту ниже перваго, то мы чувствуемъ просто дѣловое отношеніе ея. Если же она нѣсколько растягиваетъ съ нѣкоторой пѣвучестью первый слогъ этого слова, постепенно усиливая его, а второй произноситъ на терцію ниже, то мы узнаемъ участливое отношеніе ея, которымъ она вызываетъ и въ насъ жалость. Если болѣзнь была для насъ неожиданностью, то мы можемъ выразить наше удивленіе повтореніемъ этого слова, но уже со вторымъ слогомъ, выше на сексту или даже септиму: «боленъ?» При септимѣ мы уже обнаруживаемъ нѣкоторую нервность, и т. д.

Высота голоса и быстрота рѣчи при возбужденности, сила и дрожаніе голоса при гнѣвѣ, слабость и мягкость при ласкѣ и просьбѣ, глухота при малодушіи и страхѣ и пр. и вообще всякіе оттѣнки въ тембрѣ голоса, вызванные естественными физіологическими условіями, связанными съ разными аффектами, представляютъ большое разнообразіе и являются невольными знаками, по которымъ мы по опыту узнаемъ душевное настроеніе говорящаго. Чтобы скрыть его, говорящій долженъ дѣлать надъ собою особое усиліе, долженъ преднамѣренно и съ трудомъ измѣнять эти оттѣнки, такъ какъ они органически присущи человѣку. Но и эти проявленія внутренняго состоянія находятся до извѣстной степени подъ вліяніемъ фонетической стороны языка и соціальныхъ условій, а потому проявляются не совсѣмъ одинаково у разныхъ народовъ. Эта область психомоторныхъ движеній въ языкѣ еще мало изслѣдована. Поэтому искусственное производство такихъ оттѣнковъ рѣчи вырабатывается актерами, публичными ораторами и пр. больше простымъ подражаніемъ. Способность искусственно воспроизводить эти оттѣнки рѣчи составляетъ часть того, что обыкновенно называютъ драматическимъ талантомъ.

Существуетъ мнѣніе, что такое невольное обнаруженіе психическихъ фактовъ со стороны говорящаго къ языку собственно не относится. Въ этомъ взглядѣ проглядываетъ вліяніе старой логической грамматики. Исключить эти побочныя представленія и чувствованія изъ значеній языка на томъ основаніи, что они невольно примѣшиваются къ нимъ, совершенно ошибочно, такъ какъ они неразрывно связаны съ главнымн представленіями и являются составной частью значеній языка. Ихъ можно конечно выдѣлить при искусственномъ психологическомъ и логическомъ анализѣ, но они такіе же факты значеній, какъ главныя представленія, и въ обыкновенной рѣчи сообщаются нерѣдко такъ же преднамѣренно, какъ главныя представленія, и такъ же безъ особаго намѣренія, какъ нерѣдко главныя представленія при обычной болтовнѣ или при аффектѣ. Отсюда видно, насколько произвольны и топорны тѣ объясненія значеній словъ, которыя даются въ словаряхъ, и насколько всякій переводъ съ одного языка на другой неизбѣжно искажаетъ смыслъ подлинника.

Совокупное и частное значеніе слова.

Подъ совокупнымъ значеніемъ слова понимается совокупность тѣхъ представленій, которыя обычно обозначаются даннымъ словомъ и которыя приводятся въ словаряхъ. Въ дѣйствительности значеніе слова обыкновенно не обнимаетъ собой все

обычное содержаніе обозначаемыхъ словомъ представленій, а потому въ дѣйствительности встрѣчается обыкновенно *частное значеніе* слова (разновидность или одно изъ значеній или случайное значеніе).

Нужно еще имѣть въ виду, что не всѣ сочетанія словъ, возможныя по смыслу, обычны въ языкѣ. Мы говоримъ «питать надежду», но не скажемъ «питать намѣреніе» (ср. французское boire, но prendre du thé). Въ сочетаніи съ разными словами дифференцируется и значеніе слова (см. ниже «Дифференціація значеній»). Такъ «добрый» имѣетъ различныя значенія въ «добрый человѣкъ», въ «добромъ здравіи», «доброе утро» и проч. Поэтому кромѣ частныхъ обычныхъ значеній словъ, употребляемыхъ въ большинствѣ сочетаній, нужно различать еще такія частныя обычныя значенія, которыя слова имѣютъ только въ извѣстныхъ сочетаніяхъ.

Различія въ значеніяхъ у разныхъ лицъ и въ разное время.

Звуковую сторону языка каждый человѣческій индивидуумъ усвоилъ себѣ отъ окружающихъ. Съ звуковой стороны, какъ мы видѣли выше, языкъ его почти тождественъ съ языкомъ окружающихъ. Слѣдовательно, если онъ подъ вліяніемъ словъ и формъ, существующихъ въ данномъ языкѣ, расчленяетъ свои сложныя представленія на значенія языка такъ же, какъ и другіе, то сходство и различіе въ значеніяхъ словъ у каждаго лица зависитъ главнымъ образомъ отъ сходства и различія въ содержаніи его сложныхъ представленій. Это содержаніе получается изъ ощущеній, главнымъ образомъ отъ внѣшнихъ чувствъ. Такъ какъ окружающій міръ и собственный организмъ, доставляющіе матеріалъ нашимъ ощущеніямъ, болѣе или менѣе одинаковы у лицъ одной языковой общины, то и значенія словъ должны быть болѣе или менѣе одинаковы у членовъ этой общины.

Но индивидуальныя различія должны конечно существовать повсюду въ значеніяхъ, если имѣть въ виду, что различія въ представленіяхъ обусловливаются не только тѣмъ, какіе элементы находились въ полученныхъ ощущеніяхъ, но и тѣмъ, какъ часто встрѣчались тѣ или другія ощущенія и въ какихъ сочетаніяхъ между собой, а также различіемъ въ субъективномъ отношеніи человѣка къ ощущаемымъ явленіямъ. Въ зависимости отъ способностей, развитія, образованія, спеціальныхъ занятій и пр. одни

и тѣ же предметы ощущеній даютъ разныя содержанія представленіямъ. Вслѣдствіе этого и абстрактныя значенія, вырабатываемыя безсознательно каждымъ индивидуумомъ совершенно самостоятельно изъ конкретныхъ, представляютъ индивидуальныя различія въ зависимости отъ всего пережитаго, культурнаго состоянія, способностей и пр. Такія же различія должны быть у отдѣльнаго индивидуума въ разномъ возрастѣ, настроеніи и пр., и наконецъ въ разныхъ предложеніяхъ. Много ли общаго представляетъ содержаніе значеній словъ «государство», «Россія», «русскій языкъ», «фабрика», «судъ» и пр. у неграмотнаго и у образованнаго русскаго человѣка? Много ли общаго въ значеніи словъ «отецъ», «Богъ», «любовь» и пр. у ребенка и взрослаго человѣка?

Еще большія различія существуютъ въ значеніяхъ повидимому однозначащихъ словъ разныхъ народовъ, и одного народа въ разныя эпохи. Сумма всѣхъ значеній языка есть умственный міръ народа, мѣрило культуры его. Что представлялось при словѣ «городъ» въ древности, когда его назвали огороженнымъ мѣстомъ (ср. городить, огородъ, изгородь), затѣмъ въ эпоху Новгорода, Кіева, Москвы и наконецъ Петербурга? Развѣ слова «деревня», «Dorf», «village» и пр. возбуждаютъ одинаковыя представленія у того, кто вполнѣ владѣетъ этими языками? Правда, напр. русскіе, говорящіе пофранцузски и не знакомые съ французской деревнею, поневолѣ представляютъ себѣ при чтеніи слова village русскую деревню. Но это не есть настоящее значеніе этого слова, а лишь подставное, извращенное. Отсюда видно, что для полнаго знанія иностраннаго языка или родного языка болѣе древней эпохи необходимо по возможности непосредственное знакомство съ такъ называемыми реаліями. Чтобы французское слово «village» или древнегреческое слово «щитъ» возбуждали настоящія значенія ихъ, нужно видѣть эти предметы, или по крайней мѣрѣ знать о нихъ по описаніямъ и рисункамъ. Только такое знаніе языка можно называть полнымъ. Очевидно при школьномъ и домашнемъ изученіи иностраннаго языка учащіеся усваиваютъ себѣ обыкновенно звуковую сторону иностраннаго языка съ подставными значеніями родного языка, такъ что у нихъ этотъ языкъ искажается въ значеніяхъ, хотя съ звуковой стороны онъ можетъ быть вполнѣ безупречнымъ.

Но и изъ словъ родного языка только часть понимается

каждымъ въ настоящемъ смыслѣ, смотря по обстоятельствамъ. У взрослаго, не видавшаго «моря», «высокихъ горъ» и «большихъ рѣкъ», эти слова вызываютъ такъ же ложныя представленія, какъ у шестилѣтняго ребенка слова «крѣпость», «государство» и пр. Когда такой ребенокъ повторяетъ разсказы напр. о войнѣ или даже отвлеченныя разсужденія, то взрослые называютъ его умнымъ, способнымъ и развитымъ. Онъ дѣйствительно способенъ, но только въ словесномъ отношеніи, такъ какъ онъ хорошо запоминаетъ ряды словъ и воспроизводитъ ихъ почти какъ попугай. Въ лучшемъ случаѣ ему представляются дѣтскія картинки.

Мышленіе въ сужденіяхъ происходитъ при помощи словъ и формъ языка, въ томъ числѣ и формъ предложеній и формъ сочетанія предложеній. Въ этой компликаціи звуковыхъ семантическихъ частей съ значеніями доминирующей является звуковая сторона. При врожденномъ и отчасти обусловленномъ имъ дальнѣйшемъ одностороннемъ развитіи звуковыхъ центровъ языка (**В, Б**, по обстоятельствамъ въ связи съ **Д и граф**, стр. 93), словесная сторона мышленія можетъ настолько стать преобладающей, что заглушаетъ развитіе тѣхъ представленій и ихъ комбинацій, которыя составляютъ содержаніе мысли. Такое одностороннее словесное развитіе иногда ярко обнаруживается у учащихся и нерѣдко наблюдаются у кабинетныхъ людей, а также у писателей, поэтовъ, ораторовъ и пр., т. е. у людей, обладающихъ даромъ слова въ рѣчи или письмѣ. Публика привыкла отожествлять наружный языкъ съ содержаніемъ его и потому удивляется, когда такіе люди оказываются на дѣлѣ несостоятельными, неспособными къ творческой мыслительной работѣ. Она не понимаетъ, что способность и творчество такихъ людей относится къ области языка, но не къ тѣмъ мозговымъ областямъ, въ которыхъ образуется содержаніе мысли. Можно быть великимъ художникомъ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ посредственнымъ мыслителемъ, и наоборотъ, нерѣдко способные люди и мыслители нескладно и съ трудомъ облекаютъ содержаніе своихъ мыслей въ словесную форму даннаго языка. Въ общемъ преимущественно поверхностно мыслящіе люди владѣютъ свободно и легко устной рѣчью, такъ какъ думаютъ преимущественно представленіями словъ (стр. 276). Наоборотъ, устная рѣчь тормозится преобладаніемъ болѣе полныхъ представленій и вообще элементовъ мышленія. Языкъ не

есть произведеніе логики, а лишь исторически сложившаяся форма психологическаго мышленія, мозаика изъ разныхъ эпохъ и изъ разныхъ мѣстъ, пестрота которой постоянно сглаживается и приводится въ гармонію; но съ другой стороны, эта гармонія такъ же постоянно вновь нарушается вновь нарождающимися фактами. Не даромъ говорятъ объ «организмѣ» и «жизни» языка, хотя конечно языкъ не организмъ и можетъ жить только въ переносномъ смыслѣ этого слова.

Какъ звуковое слово можетъ обозначать нѣчто опредѣленное конкретное, или можетъ имѣть именно такое то изъ разныхъ значеній?

Для говорящаго конечно безразлично, что звуковое слово, которымъ онъ обнаруживаетъ данное представленіе, можетъ обозначать еще и другія представленія и безконечное множество сходныхъ конкретныхъ явленій. Напр. «возьми книгу» можетъ относиться ко всѣмъ книгамъ въ мірѣ. «Возьми эту книгу» не опредѣленнѣе, если на помощь не явятся внѣшнія условія.

Но чѣмъ объяснить, что слушатель подразумѣваетъ подъ словомъ именно то представленіе, которое имѣетъ въ виду говорящій?—Для этого необходимо содѣйствіе другихъ условій, лежащихъ внѣ языка, подъ вліяніемъ которыхъ слушатель *настраивается психически* такъ, что въ немъ возбуждается преимущественно передъ всѣми другими представленіями, могущими быть обозначаемы этимъ же словомъ, именно то представленіе—значеніе, которое имѣетъ въ виду говорящій.

Чаще всего такое совпаденіе въ психическомъ настроеніи разговаривающихъ является 1) подъ вліяніемъ общихъ разговаривающимъ условій жизни, общаго мѣста жительства, общественнаго положенія, общихъ занятій, семейнаго положенія и пр. Слова «паркъ», «бульваръ», «вокзалъ», «университетъ», «портъ» и пр. обозначаютъ у жителей Одессы одни предметы; въ Петербургѣ совсѣмъ другой «паркъ», «университетъ», «портъ» и пр., въ Москвѣ опять другіе и т. д. «Городъ» обозначаетъ для жителей окрестностей Москвы другое, чѣмъ для жителей окрестностей Новгорода, и пр. «Отецъ», «мать», «братъ», «кухня», «столовая» обозначаютъ у членовъ каждой семьи особыхъ опредѣленныхъ лицъ и предметы. «Государь» обозначаетъ у всѣхъ русскихъ подданныхъ одно лицо, а «милостивый государь» можетъ обозначать безконечное множество лицъ.

Такое общее настроеніе у разговаривающихъ можетъ быть и временное, вызванное 2) той случайной общей обстановкой, въ которой происходитъ разговоръ. Въ насъ возбуждаются различныя представленія, смотря по тому, слышимъ ли мы слово «листъ» въ бумажномъ магазинѣ или въ типографіи или въ лѣсу, слово «баллъ» въ классѣ или въ обществѣ, слово «перья» въ шляпномъ магазинѣ или за письменнымъ столомъ или передъ подушкой и пр., слово «игла» при шитьѣ или въ хвойномъ лѣсу или у механика и т. д. На помощь можетъ явиться еще жестъ рукой, глазами и пр., напр. когда говорятъ «возьми это» и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ взглядъ на данный предметъ.

Такое представленіе общей разговаривающимъ обстановки можетъ быть 3) вызвано и предшествующей рѣчью, что бываетъ обыкновенно при чтеніи. «Тамъ другъ невинныхъ наслажденій благословить бы небо могъ».—Гдѣ?—Предшествовало: «Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній». «Иванъ сказалъ».—Какой Иванъ?—О которомъ уже говорилось.

Значеніе даннаго слова опредѣляется часто 4) общимъ смысломъ предложенія, въ особенности словами, находящимися въ сочетаніи съ даннымъ словомъ: Куритъ «трубку»—«трубка» запаяна. Ѣдетъ на «охоту»—«охота» тебѣ. Русскій «языкъ»—длинный «языкъ». За «столомъ»—комната со «столомъ» — 2-ой «столъ». Умеръ отъ «рака»—«ракъ» варится. Свѣтскій «балъ»—дурной «баллъ». Онъ схватилъ «руку».—Какую? — Онъ схватилъ Ивана за «руку» (рука Ивана). Муха на «носу» — рулевой на «носу» — смерть на «носу» — задирать «носъ» — остался съ «носомъ». Жилъ въ «деревнѣ» (à la campagne) — большая «деревня» (village). Человѣкъ «стоитъ», дерево «стоитъ», часы «стоятъ».

При отсутствіи другихъ указаній возбуждается 5) преимущественно то значеніе, которое чаще обозначается даннымъ словомъ. «Поѣздъ» проѣхалъ (желѣзнодорожный, свадебный). «Сестра» (родная, милосердія). «Полотно» (матерія, желѣзной дороги).

Если указанными условіями не опредѣляется безошибочно то представленіе, которое имѣетъ въ виду говорящій, то говорящій (который вообще при нормальныхъ условіяхъ входитъ въ положеніе слушателя) 6) предупреждаетъ недоразумѣніе тѣмъ, что опредѣляетъ посредствомъ другихъ словъ точнѣе то пред-

ставленіе, которое слушатель долженъ имѣть въ виду при данномъ словѣ: онъ былъ на «товарномъ» вокзалѣ, въ «городскомъ» театрѣ, Петръ «Великій», Ростовъ «на Дону» и пр.

Если же говорящій недостаточно входитъ въ положеніе слушателя, какъ это бываетъ у разсѣянныхъ, старыхъ, дѣтей и пр., то можетъ возникнуть непониманіе или недоразумѣніе. Дѣти постепенно научаются входить въ этомъ отношеніи въ положеніе слушателя. При своемъ узкомъ кругозорѣ они разсказываютъ чужимъ о «лошадкѣ», «Петѣ» и «когда я упалъ» и пр., какъ объ общеизвѣстныхъ явленіяхъ. Постоянные вопросы чужихъ: «Какая лошадка», «гдѣ» и пр. ставятъ ихъ втупикъ и заставляютъ ихъ становиться въ своей рѣчи на точку зрѣнія слушателя. «Петя», «Иванъ» и пр. собственныя имена обозначаютъ въ каждой семьѣ, кружкѣ и пр. опредѣленныхъ лицъ, но для посторонняго слушателя употребляются слова: «нашъ Петя», «мой старшій сынъ» и пр. Если же намъ разсказываютъ въ чужой семьѣ о «Петѣ» или о какомъ то «Петрѣ Ивановичѣ» или «пропавшей собакѣ», которыхъ мы не знаемъ, то остается лишь констатировать замкнутость жизни разсказчика, привыкшаго разговаривать только съ своими домашними, для которыхъ многія слова имѣютъ опредѣленныя частныя значенія.

Благодаря указаннымъ условіямъ даже слова, совершенно безсодержательныя, какъ мѣстоименія и указательныя нарѣчія, могутъ служить для обозначенія конкретныхъ явленій. Такъ, при содѣйствіи указанныхъ условій словами «онъ», «это», „здѣсь“ и пр. можно безошибочно обозначить любое явленіе всего міра.

§ 2. Измѣненіе обычныхъ значеній словъ.

Языкъ измѣняется не только въ звуковой сторонѣ, но и въ значеніяхъ. Измѣненія значеній словъ происходятъ совершенно независимо отъ измѣненій звуковой стороны ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ особенныхъ случаевъ.

Такъ какъ всѣ наши понятія суть значенія языка, то и измѣненія въ понятіяхъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіями въ значеніяхъ языка. Исчезновеніе понятія есть *исчезновеніе значенія* слова; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и само слово, если оно имѣло только это значеніе. Если возникаетъ новое понятіе, или хотя бы нѣсколько измѣненное старое понятіе, то должно

быть и слово, обозначающее его. Для этого или возникаетъ новое слово, или же старое слово вступаетъ въ ассоціацію съ новымъ или измѣненнымъ понятіемъ, вслѣдствіе чего происходитъ *измѣненіе значенія* этого слова. Впрочемъ измѣненіе значенія слова происходитъ чаще отъ того, что почему либо этимъ словомъ начинаютъ обозначать понятіе, обычно обозначаемое уже другимъ словомъ. О возникновеніи новыхъ словъ по требованію *новыхъ значеній* будетъ сказано ниже. Здѣсь необходимо ознакомиться, какъ происходитъ измѣненіе значеній.

Процессъ измѣненія обычнаго значенія слова. Случайное значеніе.

Какъ измѣненія въ звуковой сторонѣ языка (фонетическія измѣненія и измѣненія по аналогіи и нѣкоторыя другія) возникаютъ сначала у группы лицъ и затѣмъ распространяются на другихъ, точно такъ же и употребленіе слова въ новомъ значеніи начинается въ отдѣльныхъ случаяхъ у отдѣльныхъ лицъ и затѣмъ повторяется другими, становится привычнымъ и можетъ распространяться все дальше. Разница въ томъ, что измѣненія значенія удовлетворяютъ прямо требованіямъ говорящаго къ языку, какъ средству обнаруженія мысли, между тѣмъ какъ фонетическія измѣненія обусловлены природой звуковой стороны языка, и не только лишни, но нерѣдко и нецѣлесообразны въ языкѣ.

Какъ измѣненія звуковой стороны, такъ и измѣненія въ значеніяхъ производятъ обыкновенно безсознательно, съ единственнымъ намѣреніемъ сообщить свою мысль. Возможность же измѣненія *обычнаго* (usuell) значенія слова объясняется тѣмъ, что слово можетъ при надобности служить знакомъ такого представленія, какое обычно имъ не обозначается, т. е. слову дается въ частномъ случаѣ *случайное* (occasionell) значеніе. Видящему впервые напр. курительную трубку этотъ предметъ по внѣшнему виду можетъ напоминать трубу, трубку вообще (ассоціація по внѣшнему сходству между представленіемъ данной курительной трубки и сохраняющимся въ воспоминаніяхъ представленіемъ трубки вообще). Съ послѣднимъ представленіемъ у него связано по ассоціаціи по смежности слово «труба», «трубка» (уменьшительное). Поэтому, когда онъ подыскиваетъ безсознательно или сознательно слово для обозначенія видимаго имъ впервые предмета, въ его душѣ можетъ всплыть по ассоціаціи слово «трубка».

Для того, чтобы слушатель, который слышитъ впервые слово «трубка» въ этомъ новомъ (случайномъ) значеніи, дѣйствительно понималъ именно курительную трубку, нужно, чтобы были на лицо условія, заставляющія подъ этимъ словомъ понимать именно курительную трубку, напр. если разговаривающіе въ это время смотрятъ на трубку или говорятъ о ней, или если произносящій это слово одновременно указываетъ на трубку, или подаетъ ее, говоря: «возьми трубку» и пр., или опредѣляетъ ее какъ «курительную трубку» и пр. Эти условія тѣ же, которыя перечислены выше и благодаря которымъ слушатель вообще въ состояніи вѣрно понимать даже обычныя значенія словъ (стр. 287—288). Вообще при всякомъ отступленіи отъ обычнаго значенія слова необходимо, чтобы были на лицо данныя, препятствующія слушателю понимать слово въ обычномъ значеніи и наводящія его на то значеніе, которое въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду говорящій. Безъ такихъ условій слушатель понималъ бы слово въ обычномъ значеніи и получилось бы невѣрное пониманіе рѣчи (недоразумѣніе).

При повторномъ употребленіи слова въ такомъ случайномъ смыслѣ, новое *случайное* значеніе становится постепенно *обычнымъ* по мѣрѣ того, какъ такому употребленію начинаютъ содѣйствовать воспоминанія о прежнихъ случаяхъ сочетанія этого слова съ тѣмъ же новымъ представленіемъ. Когда связь эта окрѣпнетъ настолько, что слушатель, воспринимая это слово при извѣстныхъ условіяхъ, приводитъ его непосредственно въ связь съ этимъ вновь сочетавшимся съ нимъ представленіемъ, безъ посредства стараго обычнаго значенія слова, то это новое сочетаніе является уже новымъ обычнымъ значеніемъ даннаго слова, рядомъ съ которымъ старое значеніе его можетъ сохраниться. Итакъ, процессъ измѣненія значенія какого нибудь слова начинается съ перваго случая употребленія этого слова для обозначенія представленія, обычно не обозначавшагося раньше этимъ словомъ, и заканчивается тогда, когда слово обозначаетъ это представленіе безъ посредства прежнихъ значеній его. Очевидно, въ живомъ языкѣ должны существовать всегда такія случайныя значенія, которыя находятся въ переходномъ состояніи, не успѣли еще сдѣлаться вполнѣ обычными.

Слово «перо» обозначаетъ между прочимъ птичье перо. Когда стали писать гусиными перьями, то перо и въ этой роли

сохранило свое названіе. Затѣмъ гусиныя перья замѣнились стальными, и по одинаковости функцій и нѣкоторому внѣшнему сходству стальное перо ассоціировалось съ гусинымъ и получило его названіе. Если бы никогда не писали птичьими перьями, а напр. камышемъ, то нынѣшнее стальное перо не называлось бы «перомъ». Если бы мы не знали, что раньше писали гусиными перьями, то можетъ быть затруднялись бы объяснить, почему стальное орудіе для писанія, не имѣющее почти ничего общаго съ птичьимъ перомъ, получило названіе «перо». Такъ во многихъ словахъ мы не можемъ достовѣрно указать, за неимѣніемъ историческихъ данныхъ, какъ они получили то или другое значеніе.

Мы не понимаемъ «медвѣдь» въ смыслѣ неуклюжаго человѣка, «лисицу» въ смыслѣ хитраго человѣка и пр., или «рѣзать» въ смыслѣ проваливать на экзаменѣ, когда эти слова можно понимать въ ихъ настоящемъ смыслѣ. Но когда говорятъ, что «Петръ настоящая лисица», или что «Петра срѣзали», то очевидно нельзя думать о настоящей лисицѣ и пр. Слово лисица обозначаетъ здѣсь хитраго человѣка, медвѣдь тяжеловѣснаго, неуклюжаго человѣка. Поводомъ къ такому употребленію словъ «медвѣдь», «лисица» послужило то, что въ человѣкѣ и въ данныхъ животныхъ одно качество бросается настолько въ глаза говорящему, что является въ обоихъ доминирующимъ признакомъ, вызывающимъ ассоціацію по сходству и заставляющимъ пренебрегать остальными различіями между человѣкомъ и означенными животными. Такъ и понимаетъ ихъ слушатель и вслѣдствіе такого обозначенія вовсе не приписываетъ Петру четырехъ ногъ и пр., а лишь извѣстныя качества лисицы. Если бы эти слова употреблялись часто въ такомъ, какъ говорятъ, переносномъ смыслѣ, то это значеніе сдѣлалось бы «обычнымъ» и перестало бы быть «переноснымъ» значеніемъ, какъ въ словѣ «болванъ» значеніе «глупаго человѣка» является вполнѣ обычнымъ, рядомъ съ которымъ старое значеніе этого слова (истуканъ, манекенъ) или не возбуждается, или совсѣмъ забыто. Точно такъ же при наводящихъ условіяхъ, напр. въ сочетаніи «рыжая борода пришелъ», мы придаемъ этимъ словамъ значеніе: «человѣкъ съ рыжей бородой», хотя безъ такихъ условій мы не стали бы отожествлять бороду съ человѣкомъ (pars pro toto). «Вымпелъ» обозначаетъ флагъ на военномъ суднѣ, поднятіе ко-

тораго обозначаетъ компанію. Но «десять вымпеловъ» означаетъ и десять военныхъ судовъ въ кампаніи, и это частное значеніе стало уже вполнѣ обычнымъ у моряковъ.

Изъ предыдущаго видно, что не только новое представленіе, но и представленіе, имѣющее уже обычное названіе—слово, обозначается при случаѣ словомъ, обычно не обозначающимъ данное представленіе, потому что въ моментъ рѣчи это слово почему то возбуждается преимущественно передъ обычными названіями даннаго представленія. Тѣ признаки, на основаніи которыхъ завязывается ассоціація съ новымъ названіемъ — словомъ, бываютъ нерѣдко несущественны, которые однако въ моментъ, когда дается названіе, почему либо бросаются въ глаза говорящему, становятся случайно господствующими. «Конку» назвали такъ потому, что по рельсамъ двигались вагоны паровозами. Присутствіе коней бросилось здѣсь въ глаза, какъ непривычный, отличительный признакъ. Если указаннымъ путемъ другое слово возбуждается потому, что говорящій не припоминаетъ обычнаго названія, то такое «неудачное выраженіе» обыкновенно не оставляетъ слѣда въ языкѣ. Обыкновенно же прибѣгаютъ къ другому слову для обозначенія представленія, связаннаго уже съ извѣстнымъ словомъ—названіемъ, когда это обычное названіе недостаточно опредѣляетъ мысль говорящаго, не передаетъ тѣхъ побочныхъ представленій и чувствованій, которыя возбуждаются въ душѣ говорящаго въ моментъ рѣчи. Называя знакомый почеркъ «знакомой рукой» говорящій обнаруживаетъ болѣе живое представленіе лица писавшаго. Называя деньги «золотомъ», говорящій обнаруживаетъ возбужденное въ немъ представленіе блестящаго металла, тяжелаго предмета и пр. Говоря «сладкіе звуки», говорящій характеризуетъ точнѣе чувствованія, сопровождающія слуховыя ощущенія его, чѣмъ напр. словомъ «пріятный» и пр.

Иногда въ этомъ стремленіи выразить лучше оттѣнки мысли мы доходимъ до сознательнаго исканія слова, которое въ научныхъ работахъ доходитъ до долговременнаго сравненія и взвѣшиванія терминовъ. Обыкновенно же употребленіе слова въ новомъ случайномъ значеніи возникаетъ безсознательно такимъ путемъ, что въ душѣ говорящаго возбуждается слово, въ значеніи котораго заключаются элементы, сходные съ тѣми, которые входятъ въ составъ представленія и чувствованій, возбужденныхъ въ моментъ рѣчи въ душѣ говорящаго. Эти элементы и возбуж-

дают слово по ассоціаціи по сходству. Если господствующимъ въ моментъ рѣчи является такой второстепенный признакъ, какъ напр. при возникновеніи названія «конка», то и сходство между обычнымъ и новымъ случайнымъ значеніемъ слова, которое можетъ потомъ сдѣлаться обычнымъ, будетъ очень отдаленное, основанное на несущественномъ признакѣ. Иногда выборъ слова обусловленъ между прочимъ звуковымъ сходствомъ или даже сходствомъ въ риѳмѣ или ритмѣ его съ какимъ нибудь словомъ, уже возбужденнымъ въ душѣ говорящаго, напр. второе слово въ «шумъ и гамъ», «пахать—не руками махать», первое слово въ «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ»

Ниже я укажу на примѣры измѣненія обычнаго реальнаго значенія словъ, распредѣляя ихъ на логическія группы. Конечно, логическая классификація для языковѣдѣнія несущественна, такъ какъ для языковѣдѣнія лишь важно выяснить взаимодѣйствіе тѣхъ факторовъ, при которыхъ происходитъ измѣненіе значенія вообще. Но удовлетворительную классификацію, основанную на различіяхъ въ психическомъ процессѣ измѣненія значеній, пока установить нельзя, такъ какъ въ дѣйствительности здѣсь разнообразіе большое, и большинство болѣе отдаленныхъ языковъ въ этомъ отношеніи еще почти неизвѣстны, а другіе мало изслѣдованы. Повсюду, гдѣ возможна даже случайная ассоціація между представленіемъ и звуковымъ словомъ, можетъ возникнуть новое примѣненіе, слѣдовательно и новое значеніе этого слова.

Спеціализація значенія слова.

Когда одна изъ обычныхъ разновидностей значенія слова обособляется въ отдѣльное обычное значеніе, то съ формальной логической точки зрѣнія можно видѣть здѣсь съуженіе значенія вслѣдствіе прирастанія новыхъ существенныхъ признаковъ. Этого рода измѣненіе значенія, называемое спеціализаціей, встрѣчается часто.

Старое, болѣе общее значеніе можетъ конечно сохраняться рядомъ съ новымъ. Примѣры: «Орудіе» (всякое) > артиллерійское (вмѣсто «пушка»). «Зелень» (зеленый цвѣтъ, нѣчто зеленое) > трава, листва > кухонная; или > извѣстный зеленый порошокъ. «Стекло» (вещество) > стеклянная посуда. «Сороковка» (одна сороковая часть, мѣра) > (водки) напр. выпилъ сороков-

ку. «Предложеніе» (что предлагается) > на бракъ, канцелярское, грамматическое. «Пьетъ» (вообще) > пьянствуетъ. «Пишетъ» (вообще) > сочиняетъ.

Спеціализація значенія съ утратой впослѣдствіи стараго значенія. «Пиво» (первоначально напитокъ) > извѣстный спиртный напитокъ. «Нѣмецъ» (нѣмой) > иностранецъ (т. е. нѣмой относительно русскаго языка) > германецъ.

Спеціализація у отдѣльныхъ классовъ общества, въ спеціальныхъ занятіяхъ (техническіе термины). Такія значенія входятъ во всеобщее употребленіе по мѣрѣ интереса, который они возбуждаютъ въ болѣе широкихъ кругахъ. Такъ въ типографскомъ дѣлѣ получили спеціальное значеніе слова: «оттискъ», «наборъ»(литеръ), «краска» (типографскія чернила), «сыпь» (пересыпанный наборъ или разборъ), и пр.

Если конкретное значеніе становится обычнымъ, то получается собственное имя: «Новгородъ» (первоначально «новъ городъ», т. е. новый городъ); «Малый Фонтанъ»; «Городской театръ»; «Долгорукій» (фамилія); «Волковъ» (принадлежащій, относящійся къ волку, сынъ Волка—прозвище); «Сорока» (прозвище, фамилія); «Воеводинъ» (сынъ воеводы).

Своеобразная спеціализація состоитъ въ прирастаніи къ главному обычному значенію оттѣнка благороднаго, презрительнаго, бонтоннаго, вычурнаго, банальнаго и пр., напр. супругъ, кушать, жрать, баба, дѣвка, кобыла, ѣда.

При потребности въ обозначеніи новаго понятія образуются нерѣдко изъ обычныхъ принадлежностей словъ, по аналогіи существующихъ словъ и словосочетаній, новое сложное слово, новое производное слово, новое синтаксическое словосочетаніе, и этимъ новообразованіямъ дается сразу спеціализованное значеніе: паровозъ, пароходъ, хладнокровіе; чугунка, паровикъ; желѣзная дорога, водяные знаки.

Расширеніе значенія.

Измѣненіе значенія, въ результатѣ котораго является только расширеніе значенія (т. е. утрата части существенныхъ признаковъ, выражаясь словами формальной логики) встрѣчается рѣже. «Идетъ» (живое существо) > пароходъ идетъ, часы идутъ, дождь идетъ и пр. «Стоять» (не ходить, не лежать) > дерево стоитъ, часы стоятъ, цѣны стоятъ высокія.

Собственное имя Karl, означавшее въ прагерманскомъ первоначально «мужъ» (ср. нѣмецкое Kerl), перешло къ славянамъ какъ собственное имя Карла Великаго и дало русское «король», старославянское и сербское «краль», польское król и пр., т. е. слова нарицательныя изъ собственнаго имени. Такъ же получилось изъ собственнаго имени римскаго императора Caesar — цьсарь > «царь» (отсюда же нѣмецкое Kaiser, такъ какъ Caesar произносилось первоначально Kaesar, Kaisar). «Наканунѣ» (первоначально: на вечернѣ передъ праздникомъ, когда поется канонъ) > въ вечеръ, предшествующій празднику > въ день, предшествующій празднику > въ предшествующій день вообще (наканунѣ отъѣзда). «Объегорить» < Егоръ.

Въ сочетаніяхъ, какъ «ужасно напугалъ», «чертовски злой» слова «ужасно», «чертовски» потеряли свое настоящее значеніе и лишь усиливаютъ значеніе другихъ словъ. Въ этой роли ихъ могли переносить въ «ужасно долго», «чертовски хороша» и пр. Приставка «съ», обозначавшая первоначально между прочимъ «вмѣстѣ» (съ-вязать, со-единить), стала впослѣдствіи при извѣстныхъ глаголахъ обозначать только формальный признакъ совершеннаго вида глагола (дѣлать—сдѣлать).

Переносное значеніе (метафора).

Отъ предыдущихъ группъ нельзя строго отдѣлять случаи метафорическаго измѣненія значенія. Слово можетъ сдѣлаться названіемъ явленія, имѣющаго только одинъ или нѣсколько общихъ признаковъ съ обычнымъ значеніемъ этого слова. Эти признаки, на основаніи которыхъ завязывается ассоціація по сходству, бываютъ часто несущественны, которые однако въ моментъ, когда переносится слово, почему либо сильно возбуждены. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія формальной логики значеніе слова теряетъ большую часть своихъ существенныхъ признаковъ и взамѣнъ ихъ пріобрѣтаетъ новые.

По сходству въ внѣшнемъ видѣ получили названія: «очко» (на косточахъ), «жилка» (въ камнѣ, мраморѣ), «львиная пасть» (цвѣтокъ), «хворостъ» (печенье), «винтъ» (игра), «гребень» (пѣтуха, горы), «ножка» (стола) и пр. По сходству въ функціяхъ названы: «коньки», «голова» (городской), «сестра» (милосердія), (онъ его) «правая рука» и пр. По сходству въ расположеніи

частей названы «горлышко» и «головка» (бутылки), «крыло» (войска, вѣтряной мельницы) и пр.

Наименованія пространственныхъ понятій переносятся на временныя, на градаціи: «короткій» срокъ, «пол»-день, «въ» четвергъ, «черезъ» недѣлю, время «тянется»; «большой» морозъ, «высокая» степень, и пр.

Психическая дѣятельность представляется какъ нѣчто существующее или движущееся въ разныхъ частяхъ тѣла, на которое такимъ образомъ переносятся названія пространственныхъ понятій: «пришла» мысль, «понять» (ср. принять), «обратить» вниманіе, «тронуть» сердце, «уступить» домъ, «обязываюсь» (обвязываюсь), «крылья» любви, «воспитанный» и пр.

Наименованія переносятся съ однихъ ощущеній на разнородныя другія, сопровождающіяся сходными чувствованіями: «сладкій» (вкусъ > запахъ, звукъ); «мягкій» (осязаніе > звукъ); «легко» на сердцѣ; «горячая» любовь.

Наименованія личныхъ качествъ и дѣятельности человѣка переносятся на неодушевленныя вещи и разныя явленія. Почти всѣ глаголы, означающіе дѣйствія живого существа, употребляются въ сочетаніяхъ съ неодушевленными подлежащими. Такія сочетанія являются источникомъ олицетворенія (антропоморфизаціи) природы и безжизненныхъ явленій: солнце «восходитъ», «заходитъ», «побѣдоносно» «подымается» высоко; обстоятельство «говоритъ» въ пользу; примѣръ «показываетъ»; погода «обѣщаетъ» быть хорошей; шляпа «идетъ» къ нему; вѣтеръ «свищетъ», «воетъ», «подымаетъ» и «переноситъ» предметы и т. д. Часто пишутъ, что первобытный человѣкъ особенно одаренъ поэтическимъ чувствомъ, вслѣдствіе чего олицетворялъ солнце, безжизненные предметы и пр., какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти. По крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ здѣсь несомнѣнно лишь продѣлка языка надъ мышленіемъ человѣка. Если солнце «встаетъ», «ходитъ высоко по небу» и пр., т. е. совершаетъ дѣйствія, присущія живымъ существамъ, то легко могло возникнуть о немъ представленіе, какъ о живомъ существѣ, пока эти слова еще напоминали въ такихъ сочетаніяхъ движенія живыхъ существъ, т. е. имѣли еще переносное значеніе. А стали примѣнять эти слова къ неодушевленнымъ явленіямъ потому, что дѣйствія человѣка и живыхъ существъ получили раньше свои названія въ языкѣ, такъ какъ въ нихъ была бо́льшая надобность;

а затѣмъ, за неимѣніемъ другихъ названій, или просто подъ вліяніемъ ассоціаціи по сходству, эти названія переносились обычнымъ порядкомъ на сходныя явленія окружающаго міра и такимъ образомъ порождали миѳы. Наше пониманіе и мышленіе находится въ связи съ словами и формами языка, которыя вліяютъ на наше мышленіе и нерѣдко вводятъ насъ въ заблужденіе. Напр. извѣстное явленіе мы обозначаемъ существительнымъ «языкъ», и говоримъ: «языкъ развивается», «распространяется», «вымираетъ», «живетъ» и пр. Поневолѣ вырабатывается представленіе о языкѣ, какъ о какомъ-то туманномъ предметѣ или «организмѣ», имѣющемъ «жизнь» и т. д. Само слово «жизнь» здѣсь вызываетъ также представленіе какъ о существѣ, и т. д. до безконечности. Но представимъ себѣ, что съ сегодняшняго дня вмѣсто слова «языкъ» всѣ стали употреблять напр. сочетаніе словъ «говорить—слушать—понимать»; тогда представленіе о томъ же явленіи приняло бы въ насъ другой видъ, не допускающій уже ни представленія предмета или «организма», ни «жизни»; такая дѣятельность не могла бы «распространяться», а вмѣсто этого «другіе» стали бы такимъ же образомъ «говорить—слушать—понимать», не могла бы «жить», «вымирать» и т. д.

Слово можетъ сдѣлаться знакомъ того, что находится въ пространственной, временной или причинной связи съ обозначаемымъ имъ обычно явленіемъ. Такъ, наименованіе части тѣла, одежды и пр. переносится на все существо, на часть тѣла и пр., напр. «удалая голова», «глупая башка», «сто головъ скота», «Красная Шапочка», «синій чулокъ», «маска» (замаскированный), «подошва» (т. е. подшитая). Названіе мѣстонахожденія переходитъ на находящееся или живущихъ въ немъ, названіе учрежденія на зданіе и т. д., и наоборотъ: весь «городъ» знаетъ, «дворъ» переѣзжаетъ, нижняя «палата», «дворянинъ» (служилый при дворѣ царя), подвалъ «собранія», жить около «суда», «голова» прошла. Названія рефлекторныхъ движеній переносятся на вызывающія ихъ душевныя настроенія и т. п., напр. онъ весь «дрожалъ» (отъ страха), сердце «забилось» (радостно), «сжалъ кулаки», «краснѣлъ и блѣднѣлъ», «надутый», «надменный». Названія символическихъ дѣйствій переносятся на сопровождаемое ими событіе, напр. «вѣнчаться», «сѣсть на престолъ». Названіе производителя переходитъ на производимое: «языкъ» (часть

тѣла > рѣчь), «рука» (часть тѣла > почеркъ), читать «Пушкина». Наименованіе качества, состоянія или дѣйствія переносится на обладателя качества и пр.: «крѣпость», «старина» (старикъ), «равнина», «кислота», «сладости», «новости», «превосходительство», «зелень» (растительная, кухонная), «зеленый» (молодой, молодо-зелено), «мелочь» (мелкія вещи, деньги), «слуга», «воевода» (получили уже въ праславянскомъ языкѣ значеніе совершителя дѣйствія и муж. родъ). Наименованіе дѣйствія переносится на то, что находится въ какой либо связи съ дѣйствіемъ: «правленіе» (общества), «украшеніе», «жатва», «проходъ» (чрезъ что проходятъ). Впрочемъ, *переносными* можно называть всѣ эти значенія только до тѣхъ поръ, пока они не обособились совершенно въ отдѣльныя значенія, т. е. пока еще въ такомъ употребленіи слова припоминается старое значеніе (стр. 291—292), какъ напр. въ: «глупая башка», «поблѣднѣлъ» (перепугался), «рука» (почеркъ). Но въ словахъ какъ «крѣпость», «воевода», «вѣнчаться» и пр. метафора относится уже къ историческому прошлому.

Нѣкоторыя особыя категоріи измѣненія значенія.

Къ значеніямъ словъ, состоящимъ изъ признаковъ обозначаемыхъ ими явленій, примѣшиваются признаки, вносимые самими словами въ значенія изъ значеній родственныхъ словъ, ассоціирующихся съ этими словами: «Родитель» (родить) ср. отецъ; «рулевой» (руль ср. штурманъ); «швея» (шить) — портниха; «намѣстникъ» — губернаторъ; «командирша» (командовать)—жена командира; «поклонникъ» (поклоняться)—кавалеръ; учить—преподавать.

Чѣмъ больше признаки, вносимые въ значенія самими словами, не соотвѣтствуютъ обозначаемымъ этими словами явленіямъ, тѣмъ больше эти признаки постепенно утрачиваются. Такимъ образомъ не вполнѣ подходящія наименованія, возникшія подъ вліяніемъ случайныхъ условій или соображеній, становясь обычными, все больше принимаютъ настоящее значеніе. Отсюда возникаютъ слѣдующія категоріи измѣненія значеній.

Преувеличенія все болѣе понимаются въ надлежащей мѣрѣ: «милліонъ» дѣлъ, «сто» разъ говорилъ, «потоки» слезъ, «горсточка» солдатъ, легкій какъ «перышко», «умереть» со скуки, «почти» сто (почитай что сто), «довольно» быстро (не довольно), «ничего» себѣ.

Слова, обозначающія явленія, которыя считаются неприличными въ благовоспитанномъ обществѣ, избѣгаются изъ чувства стыдливости и замѣняются новыми, издалека намекающими на эти явленія при наводящихъ условіяхъ. По мѣрѣ того, какъ такія слова становятся обычными и распространяются въ низшихъ классахъ общества, называющихъ вещи своимъ именемъ, они пріобрѣтаютъ всѣ признаки обозначаемыхъ ими явленій, становятся также неприличными и замѣняются снова другими. Вотъ почему для обозначенія такихъ явленій существуетъ иногда до десятка названій, отвергнутыхъ обществомъ. Воздерживаюсь отъ примѣровъ.

Наоборотъ, грубыя выраженія, употребляемыя въ смыслѣ ласкательныхъ, съ соотвѣтствующей интонаціей и мимикой, все болѣе теряютъ свое настоящее значеніе: «ахъ разбойникъ», «плутъ», «плутишка», «дѣвченка», «хорошій парень».

Другія слова, примѣняемыя вслѣдствіе излишней вѣжливости, почтительности и пр., становясь обычными приспособляются къ дѣйствительности и обезцѣниваются: «господинъ», «баринъ» (бояринъ), «барышня», «надворный совѣтникъ», «покорный слуга», «преданный Вамъ», «милостивый государь», «имѣю честь», «мое почтеніе», «какъ поживаете», «Вы» вмѣсто «ты» во 2-мъ л. ед. ч. для вѣжливаго обращенія. (Въ нѣмецкомъ языкѣ вмѣсто du употреблялось и 3-е лицо ед. ч. er и 2-е л. мн. ч. ihr, сохраняющееся въ еврейсконѣмецкомъ жаргонѣ. Теперь при вѣжливомъ обращеніи употребляется уже 3-е л. мн. ч. глагола съ sie).

При ироніи, выражаемой мимикой или удареніемъ, слова принимаютъ обратный смыслъ: «очень мнѣ нужно съ вами разговаривать!», «вотъ прекрасно!», «хорошъ!»

Нерѣдко мы въ состояніи возстановить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій значенія слова. Такъ doctor обозначало полатыни «учитель» (docere—учить) > ученый > лицо, имѣющее ученую степень доктора, въ томъ числѣ и медикъ > врачъ вообще, хотя и безъ степени доктора. Послѣднія два значенія перешли въ русскій языкъ. Латинское minister обозначало первоначально «меньшій» (ср. старослав. мьньш-) > подчиненный, слуга > завѣдывавшій придворнымъ штатомъ при франкскомъ дворѣ > извѣстное высокопоставленное должностное лицо (въ этомъ значеніи слово перешло въ русскій языкъ). Καταβάσιον —«катавасья»—соединеніе и совмѣстное пѣніе двухъ клиро-

совъ, сопровождалось иногда толкотней и шумомъ, фальшивили > происходящій при этомъ шумъ > шумъ и безпорядокъ вообще. Показаніе подъ пыткою подноготной, при которой гвозди вбивались подъ ногти > подноготная правда > суть, всесторонняя истина.

Реченія.

Не только значеніе отдѣльнаго слова, но и реальныя значенія синтаксическаго словосочетанія, въ томъ числѣ и цѣлаго предложенія, могутъ измѣниться какъ цѣлое, независимо отъ значеній отдѣльныхъ словъ, составляющихъ это словосочетаніе. Такимъ образомъ возникаютъ «реченія», значенія которыхъ не разлагаются на значенія отдѣльныхъ словъ, входящихъ въ составъ ихъ: забралъ въ руки; пустить по міру; разбить въ пухъ и въ прахъ; держать въ ежовыхъ рукавицахъ; жить душа въ душу; въ усъ себѣ не дуетъ; лыка не вяжетъ; бить баклуши (собственно изготовлять болванки для щепныхъ издѣлій—занятіе не хитрое и пустое); мухъ ловить; откладывать на черный день; попасть въ просакъ (просакъ—канатный станокъ, скручивающій канаты. Попавшій платьемъ въ скручиваемый канатъ все больше втягивается); сломя голову; Царское село; медвѣжья услуга; съ ногъ сшибательно (скверное новообразованіе, не успѣвшее еще вполнѣ обособиться въ реченіе).

Вслѣдствіе обособленія въ значеніяхъ, слова въ такихъ тѣсныхъ сочетаніяхъ перестаютъ ассоціироваться въ отдѣльности съ тѣми же словами въ свободныхъ синтаксическихъ сочетаніяхъ. Поэтому они могутъ не подпадать подъ дѣйствіе аналогіи со стороны послѣднихъ и могутъ сохранить болѣе древнюю форму: выйти замужъ, выйти въ люди, поступить въ солдаты (если бы сочетаніе возникло позже, когда вин. п. принялъ и при предлогѣ форму род. пад., то было бы: выйти за мужа, ср. за старика, выйти въ людей и пр.); Новгородъ (новъ городъ, по нынѣшнему: новый городъ). Въ виду обособленности значенія и отчасти формы, такія сочетанія пишутся частію слитно и понимаются какъ одно слово (замужъ, Новгородъ). Но рядомъ съ ними пишутъ: (выйти) въ люди, за границу и заграницу и заграницей и пр. Пишутъ справедливо «(дать) на чай», но, съ другой стороны, неизбѣжно слитное написаніе напр. въ «(постоянные) начаи».

ГЛАВА VII.

ОБЩАЯ ГРАММАТИКА.

---

§ 1. Предложеніе.

Вслѣдствіе разнородности строя предложеній невозможно подвести всѣ виды предложеній подъ одно краткое опредѣленіе, даже если мы имѣемъ въ виду не предложенія всѣхъ языковъ, а хотя бы одного общерусскаго языка. Этимъ объясняется разнообразіе отвѣтовъ на вопросъ, что такое предложеніе. То его опредѣляли какъ «сочетаніе словъ, выражающее законченную мысль», то какъ «словесное выраженіе мысли», какъ «выраженіе произвольнаго расчлененія сложнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическія отношенія другъ къ другу» (Вундтъ) и пр. Критическій разборъ этихъ опредѣленій составляетъ большую литературу и здѣсь неумѣстенъ и безполезенъ. Многіе изслѣдователи не безъ основанія совершенно избѣгаютъ опредѣленія предложенія.

Въ общемъ языковѣдѣніи опредѣленіе предложенія должно конечно обнимать предложенія всѣхъ языковъ. Такое опредѣленіе по крайней мѣрѣ пока совершенно не выполнимо. Поэтому я ограничиваюсь въ дальнѣйшемъ лишь такими указаніями относительно предложеній, которыя по возможности не противорѣчатъ фактамъ болѣе отдаленныхъ языковъ. Этимъ объясняется и краткость этого отдѣла.

Въ основѣ понятія предложенія лежатъ значенія его, образующія обыкновенно сужденіе. Поэтому естественно въ основѣ опредѣленія предложенія въ главныхъ его типахъ должно лежать опредѣленіе сужденія въ логикѣ. Но не нынѣшняя односторонняя и искусственно ограниченная логика поможетъ намъ, а лишь такая, которая будетъ изучать всякія сужденія всѣхъ народовъ на всѣхъ языкахъ. Только такая логика имѣла бы право называться наукой о человѣческомъ мышленіи и очевидно составляетъ задачу прежде всего лингвистики. Чтобы не понимали подъ словомъ «сужденіе» только тѣ ограниченные типы сужденій, которые изучаются въ существующей логикѣ, приходится въ дальнѣйшемъ прибавлять слова: сужденіе въ широкомъ смыслѣ, въ психологическомъ смыслѣ и пр.

Предложеніе есть *обыкновенно* рядъ словъ, вылитый, такъ

сказать, въ одну изъ обычныхъ въ данномъ языкѣ формальныхъ рамокъ синтаксическаго сочетанія словъ въ предложеніи и представляющій въ значеніяхъ этихъ словъ сужденіе въ широкомъ, психологическомъ смыслѣ. Предложеніе возникаетъ обыкновенно изъ расчлененія сложнаго представленія на значенія словъ съ сознаніемъ логическихъ соотношеній между ними (см. стр. 79 слѣд.), обусловливающихъ синтаксическую формальную сторону предложенія. Въ звуковой сторонѣ предложеніе объединяется удареніями предложенія (экспираторнымъ и музыкальнымъ) и отдѣляется отъ сосѣднихъ предложеній паузами.

Составными частями или членами предложенія бываютъ *подлежащее*—точка отправленія сужденія (subjectum, ὑποκείμενον), и *сказуемое*—высказываемое о подлежащемъ (praedicatum, κατηγορήμενον). Вся суть, изъ за которой образуется предложеніе, заключается въ сказуемомъ, а подлежащее указываетъ лишь, къ чему относится сказуемое. Отношеніе между сказуемымъ и подлежащимъ очевидно логическое. Если тѣмъ не менѣе приходится говорить о сужденіи въ психологическомъ смыслѣ, то только потому, что существующая логика понимаетъ подъ сужденіемъ только извѣстные типы сужденій, а не всякія сужденія вообще, встрѣчающіяся въ дѣйствительности какъ значенія предложеній.

Предложеніе бываетъ *неполнымъ* въ словесномъ отношеніи, если въ немъ отсутствуетъ слово, обозначающее психологическое подлежащее или одну изъ частей его. Неполно напр. второе предложеніе въ: (онъ пришелъ и) «сказалъ», или: (кто это сдѣлалъ?) — «Я». Въ такихъ случаяхъ сужденіе само по себѣ полное: подлежащее достаточно возбуждено въ душѣ разговаривающихъ, и потому нѣтъ надобности указать на него въ рѣчи. Къ такимъ неполнымъ предложеніямъ относится «да!» «нѣтъ!», относящіяся къ возбужденному уже въ душѣ разговаривающихъ сужденію. Въ повелительныхъ предложеніяхъ подлежащее опредѣлено тѣмъ, что къ нему съ особенной интенсивностью обращена рѣчь. Въ виду этого въ повелительныхъ предложеніяхъ словесное указаніе на подлежащее обыкновенно отсутствуетъ: пиши! встать! за мной! dites! sag! aufstehen!

Въ составъ сказуемаго и подлежащаго сужденія могутъ входить конечно и такія части, которыя при грамматическомъ анализѣ называются второстепенными членами, какъ дополненіе,

опредѣленіе и обстоятельство. Конечно, названіе «второстепенный» неточно и можетъ лишь означать, что бываютъ предложенія безъ этихъ частей; но безъ нихъ не можетъ быть напр. понятій: дать, вернуть, бить, нести и пр. Такъ, напр. понятіе «далъ» связывается всегда съ понятіями «кому» и «что». Поэтому нельзя сказать «онъ далъ», не прибавляя или подразумѣвая напр. «мальчику книгу» и т. д.

Самымъ употребительнымъ типомъ предложеній индоевропейскаго праязыка былъ тотъ, въ которомъ подлежащимъ было понятіе о дѣйствующемъ лицѣ (agens) и вообще предметѣ, а сказуемымъ понятіе о дѣйствіи или вообще временномъ состояніи. На этомъ типѣ выработалась главная форма предложеній индоевропейскихъ языковъ, въ которой подлежащимъ является существительное въ именительномъ п., а сказуемымъ—глаголъ въ личной формѣ (verbum finitum). Логика и грамматика, подъ вліяніемъ грамматическаго строя греческаго и латинскаго языка, приняли этотъ типъ за норму сужденій и предложеній вообще, и вслѣдствіе такого односторонняго взгляда считаютъ нормальнымъ грамматическимъ (и логическимъ) подлежащимъ именительный п., и нормальнымъ грамматическимъ (и логическимъ) сказуемымъ—личный глаголъ, нерѣдко въ связи съ другими словами.

Но рядомъ съ этого рода предложеніями существовали всегда и въ индоевропейскихъ языкахъ еще другіе типы предложеній, въ которыхъ логическимъ подлежащимъ и сказуемымъ являлись другія слова и формы, вродѣ «онъ боленъ», «онъ здѣсь», «здѣсь пусто», «мнѣ страшно», «это сказалъ я́». Въ отличіе отъ главнаго типа стали поэтому въ грамматикѣ называть эти подлежащія и сказуемыя *психологическими*, хотя въ основѣ различеніе подлежащаго и сказуемаго всегда психологическое, но и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда логическое. Въ предложеніи «онъ пришелъ сегодня рано» понятіе «рано» является если не исключительнымъ сказуемымъ (слѣдовательно «онъ пришелъ сегодня» подлежащее), то во всякомъ случаѣ самой существенной составной частью (психологическаго) сказуемаго. Конечно, психологическимъ подлежащимъ и сказуемымъ можетъ быть всякое слово въ любой формѣ и всякое сочетаніе словъ, имѣющія самостоятельное значеніе, напр.: заложило «уши»; уже послано «въ аптеку»; «крышу» сорвало вѣтромъ; прибудетъ «дня»; «грозы»

не будетъ; «у него» денегъ нѣтъ, и пр. (подлежащія поставлены въ кавычки).

Но не всегда сложное представленіе расчленяется говорящими на подлежащее и сказумое. Въ иныхъ случаяхъ затруднительно указать на такое подлежащее, напр. «куда его занесло?», «звонило въ колокола». Это бываетъ чаще при сообщеніяхъ о явленіяхъ природы или внутренняго организма, напр. «гремитъ», pluit, дождитъ, свѣтаетъ, морозитъ, мороситъ, тошнитъ меня, трясетъ, тянетъ меня, какъ рукой сняло, его перекоробило, его разнесло и пр. Если къ такому *безсубъектному (безличному)* глаголу прибавляется подлежащее, какъ въ il gèle, il pleut, es regnet, громъ гремитъ и пр., то такое подлежащее только формальное грамматическое, вызванное внѣшними рамками предложенія, но значенія не имѣетъ. Въ другихъ случаяхъ нѣтъ надобности въ дальнѣйшемъ расчлененіи сложнаго представленія, и говорящій, обыкновенно подъ вліяніемъ аффекта, довольствуется указаніемъ на сильно возбужденное въ его душѣ психологическое сказуемое: пожаръ! воды! дождь! воры! мышь!

Особаго рода безличная конструкція глагола возникла въ такихъ случаяхъ, когда при глаголахъ, обычно обозначающихъ дѣйствія живого существа, вмѣсто живого производителя дѣйствія является неодушевленный предметъ. Обозначающее его существительное ставится въ твор. п. и обозначаетъ не то орудіе дѣйствія, не то производителя дѣйствія. Напр. «отца деревомъ убило», «колесомъ раздробило ему руку», «бурею сломало мачту», «лодку оторвало водою, понесло, гнало съ версту», «занесло снѣгомъ».

Если держаться взгляда, что предложенія какъ сужденія должны состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ членовъ, то такія *одночленныя* обнаруженія мысли можно напр. съ Вундтомъ называть *эквивалентами* предложеній. Но они выражаютъ также законченную мысль и потому въ сущности также предложенія, только отличающіяся по формѣ отъ громаднаго большинства предложеній. Поэтому безразлично, считать ли ихъ особаго рода предложеніями, или эквивалентами и пр.

Отъ безличныхъ глаголовъ нужно отличать выраженія какъ «говорятъ», man sagt, on dit, гдѣ собственно подлежащее извѣстное, хотя и неопредѣленное.

Отъ безличныхъ предложеній нельзя вполнѣ разграничить тѣ, которыя служатъ знакомъ нерасчлененнаго сложнаго представленія. Въ нихъ, подъ вліяніемъ аффекта или за недостат-

комъ времени и пр., расчлененіе сложнаго представленія вообще не производится. Поэтому въ нихъ нѣтъ ни сказуемаго, ни подлежащаго, а для непосредственнаго сообщенія всего сложнаго представленія обозначается словомъ та часть его, которая случайно наиболѣе возбуждена въ душѣ говорящаго, такъ какъ обыкновенно нѣтъ такихъ словъ, которыми можно обозначить все сложное представленіе въ совокупности. Когда мы видимъ ребенка въ опасности попасть подъ ноги лошади и кричимъ «ребенокъ!», или при видѣ бѣшенной собаки кричимъ «собака!», то можемъ вовсе не имѣть въ виду опредѣленнаго сужденія, а лишь неясную мысль о грозящей опасности въ связи съ представленіемъ ребенка въ данной обстановкѣ и пр. Говоря «ребенокъ!» мы не столько имѣли въ виду обратить вниманіе на ребенка, сколько побудить слушателя представить себѣ все опасное положеніе ребенка и принять мѣры къ спасенію его. Любое восклицаніе, сопровождаемое соотвѣтствующими жестами, могло бы имѣть то же значеніе.

Особаго рода выраженія мысли представляютъ восклицанія —звательный падежъ, какъ «Иванъ!», «Петръ», произносимый съ цѣлью возбудить вниманіе обозначаемаго лица. Сходное значеніе имѣютъ восклицанія «эй», «послушай».

Въ безъискусственной рѣчи, т. е. не подъ вліяніемъ книжнаго языка, у лицъ тѣснаго круга, легко понимающихъ другъ друга, или въ несложной обстановкѣ первобытной культуры, довольно часто вовсе не расчленяютъ сложное представленіе или сопровождающія его чувствованія на сужденіе, а указываютъ словомъ на наиболѣе возбужденную часть нерасчлененной мысли и этимъ возбуждаютъ непосредственно, при содѣйствіи общаго настроенія и обстановки, въ слушателѣ соотвѣтствующее сложное представленіе (ср. стр. 77 слѣд.). Это бываетъ тогда, когда сообщаемая мысль очень обычна или вообще при данной обстановкѣ можетъ быть безошибочно вызвана въ слушателѣ возбужденіемъ только одной части ея. Отдѣльныя слова получили даже обычное значеніе какъ знаки нерасчлененной сложной мысли при извѣстной обстановкѣ, напр. «чаю!» (на вокзалѣ).

Въ дѣтскомъ языкѣ этотъ способъ сообщенія является первоначальнымъ, пока ребенокъ не привыкаетъ вполнѣ къ принятому у окружающихъ способу расчлененія мысли въ цѣляхъ сообщенія ея. Такъ «мака» обозначаетъ на языкѣ дѣтей: «хо-

чу молока» и «дай молока» и пр. «Пррра» (съ губнымъ *р*) обозначаетъ и «лошадь» и вмѣстѣ съ тѣмъ «ѣдетъ», «уѣхалъ», «поѣдетъ», «поѣхалъ на лошади» и пр. въ нерасчлененномъ видѣ.

Рядомъ съ положительными предложеніями существуютъ *отрицательныя предложенія*, въ которыхъ отвергается связь въ данномъ соотношеніи одного члена сужденія съ остальными, напр.: онъ не покупалъ книгъ, онъ не купилъ книгу, не онъ купилъ книгу и пр.

Разные виды предложеній дѣлятся по разному. Ихъ можно раздѣлить на 3 категоріи: 1) Говорящій просто обнаруживаетъ свою мысль въ сужденіи. Сюда относятся *повѣствовательныя* и *объяснительныя* или *описательныя* предложенія, напр. онъ пришелъ, Петръ столяръ, небо высоко. 2) Говорящій обнаруживаетъ свое желаніе, требованіе, приказаніе и пр., чтобы извѣстное дѣйствіе совершилось или чтобы извѣстныя условія наступили и пр. Сюда относятся желательныя, повелительныя и пр., а также вопросительныя предложенія. Въ *повелительныхъ* предложеніяхъ говорящій вліяетъ на волю другого лица, чтобы побудить его къ извѣстному дѣйствію (пиши! не забудь!). Въ *вопросительныхъ* предложеніяхъ слушатель побуждается дополнить одинъ изъ членовъ сужденія (кто это сдѣлалъ?, что онъ сказалъ? и пр.), или побуждается подтвердить или отвергнуть связь между выраженными въ вопросѣ членами сужденія (здоровъ ли онъ?, онъ былъ здѣсь? и пр.). 3) Въ *восклицательныхъ* предложеніяхъ обнаруживаются непосредственно чувствованія говорящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно отчасти представленія, возбуждающія эти чувствованія (ахъ! Боже мой! бѣда! какой ужасъ! измѣнникъ!). Эти предложенія чаще не закончены (эквиваленты предложеній).

Мысль, выраженная отдѣльнымъ предложеніемъ, можетъ быть составнымъ членомъ другого предложенія. Первое предложеніе называется въ такомъ случаѣ *придаточнымъ* предложеніемъ, напр. «что посѣешь, то» (въ кавычкахъ прямое дополненіе) и пожнешь; «что съ возу упало» (= подлежащее) пропало; я «тотъ, кого никто не любитъ» (въ кавычкахъ сказуемое) и т. д. Предложенія, какъ «имѣющій уши (да услышитъ)», «давши слово (держись)» не представляютъ конечно какого то сокращенія полныхъ придаточныхъ предложеній, вродѣ «если далъ слово» и пр. Они самостоятельно возникшіе члены пред-

ложенія и лишь сходны по значенію съ придаточными предложеніями въ родѣ: «кто имѣетъ уши...» и пр.

Не только члены предложенія, но и отдѣльныя предложенія вступаютъ между собою въ логическія соотношенія, обозначаемыя частію союзами («и», «но», «затѣмъ», «если» и пр.), частію вытекающія изъ общаго смысла: «Онъ не пришелъ; онъ боленъ». Здѣсь понимается почти такое же логическое отношеніе между этими предложеніями, какъ въ: «Онъ не пришелъ, потому что (такъ какъ и пр.) онъ боленъ», или какъ въ: «Онъ не пришелъ по болѣзни». Впрочемъ не надо думать, что въ естественной рѣчи напр. въ «онъ не пришелъ; онъ боленъ» логическая связь между этими предложеніями остается безъ обозначенія въ звуковомъ языкѣ. Она обозначается вполнѣ ясно, только не такъ опредѣленно, какъ при помощи «потому что» и пр., а именно посредствомъ повышающагося музыкальнаго ударенія въ «пришелъ». При отсутствіи связи съ дальнѣйшимъ голосъ въ словѣ «пришелъ» понизился бы. См. стр. 227.

§ 2. Средства языка для обозначенія синтаксическихъ значеній.

Въ предложеніи «братъ подарилъ сестрѣ большой домъ около лѣса» каждое слово, кромѣ слова «около», имѣетъ реальное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ своей формой эти слова опредѣляютъ и логическія отношенія между представленіями, составляющими это сужденіе, слѣдовательно опредѣляютъ и синтаксическія отношенія между словами, обозначающими эти представленія. Такія значенія языка, опредѣляющія отношенія между членами сужденія, называются *синтаксическими значеніями*. Значенія этихъ формъ видны, если мы замѣнимъ ихъ другими формами, напр.: брату подарила сестра лѣсъ около большого дома, домъ около большого лѣса и пр. Къ такимъ *синтаксическимъ формамъ* словъ или формамъ *словоизмѣненія* (флексіи) относятся падежныя формы склоненія и личныя формы спряженія, напр.: жду сестры—далъ сестрѣ—увижу сестру—больная сестра—сестра больна, увидишь сестру и пр.

Кромѣ 1) синтаксическихъ формъ словъ отношенія между членами сужденія (синтаксическія значенія) обозначаются еще разными другими способами, очень часто 2) отдѣльными словами,

называемыми поэтому *формальными словами*, такъ какъ они исполняютъ тѣ же функціи, т. е. имѣютъ такія же синтаксическія значенія, какъ синтаксическія формы словъ. Къ формальнымъ (служебнымъ) словамъ относятся предлоги (книга *на* столѣ; онъ всталъ *послѣ* меня; Иванъ опоздалъ *изъ-за* Петра; de l'homme, aux hommes и пр.) и союзы (я *и* Петръ). Конечно, союзы обозначаютъ также отношенія между предложеніями (и, но, чтобы, такъ какъ, и пр.).

Отношенія между членами предложенія выражаются еще: 3) *динамическимъ удареніемъ предложенія* (онъ былъ вчера́ въ театрѣ—«вчера» сказуемое; «онъ былъ вчера въ теа́трѣ»—«въ театрѣ» сказуемое, и пр.); 4) *музыкальнымъ удареніемъ предложенія* («онъ былъ вчера въ театрѣ?», «онъ былъ вчера въ театрѣ?» — вопросъ въ словахъ «былъ», «театрѣ» по указанію повышающагося при нихъ голоса); 5) *порядкомъ словъ* («мать любитъ дочь», «весло задѣло платье»—«мать», «весло» подлежащія; «дочь любитъ мать», «платье задѣло весло»—«дочь», «платье» подлежащія). Различія, указанныя подъ 3—5, составляютъ только формы предложеній, но не словъ. 6) Логическое отношеніе можетъ вовсе не обозначаться словесными средствами. Тогда оно вытекаетъ изъ общаго смысла предложенія.

Всѣми этими формальными средствами пользуются почти всѣ языки, но каждый въ разной степени тѣми или другими. Въ изолирующихъ языкахъ формы словъ конечно отсутствуютъ. Чѣмъ меньше въ языкѣ формъ словъ и формальныхъ словъ, обозначающихъ отношенія между членами сужденія, тѣмъ болѣе языкъ долженъ пользоваться удареніями и порядкомъ словъ для обозначенія этихъ синтаксическихъ отношеній. Вотъ почему напр. въ французскомъ, англійскомъ и пр. языкахъ, а въ особенности въ изолирующихъ языкахъ, выработался опредѣленный порядокъ словъ. Въ le père appela Jean, или: Jean appela le père, всегда первое существительное подлежащее, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ, имѣющемъ богатую флексію существительнаго, можно сказать съ извѣстнымъ оттѣнкомъ смысла: «Ивана позвалъ отецъ», «позвалъ отецъ Ивана», такъ какъ вин. пад. «Ивана» отличается и по формѣ отъ им. пад. «Иванъ», т. е. падежа грамматическаго подлежащаго. (Въ древнерусскомъ и отчасти въ народномъ языкѣ порядокъ «жилъ Святославъ»,

«жилъ былъ мужикъ» вполнѣ привыченъ въ повѣствовательныхъ предложеніяхъ). На этомъ основаніи говорятъ о (болѣе) *свободномъ порядкѣ* (размѣщеніи) словъ напр. въ русскомъ языкѣ. Это можетъ лишь означать, что въ языкѣ употребительно большее число формъ (типовъ) размѣщенія членовъ предложенія. Но нужно имѣть въ виду, что съ каждымъ изъ нихъ связываются обыкновенно особые оттѣнки значеній, такъ что свободнаго порядка словъ, строго говоря, почти не существуетъ.

Изолирующій строй, въ которомъ логическое соотношеніе членовъ сужденія выражается обыкновенно не формальными словами или формами словъ, наблюдается и въ языкѣ дѣтей, напр. «мама мака» — мама дала мнѣ молока, «дядя пррра» (губное *р*)—дядя поѣхалъ, и этотъ строй былъ первоначальнымъ въ языкѣ вообще, причемъ на помощь языку являлись жесты и мимика. Подобный изолирующій строй можетъ выработаться и въ высокоразвитомъ языкѣ, какъ напр. въ китайскомъ и отчасти въ англійскомъ языкѣ, и вообще многіе новые языки приближаются къ этому строю.

Постепенный переходъ отъ изолирующаго строя къ выработкѣ *формъ словъ* совершается между прочимъ такъ, что разныя слова съ реальнымъ значеніемъ начинаютъ употребляться для обозначенія синтаксическихъ отношеній между словами, вслѣдствіе чего получаютъ формальныя значенія. Чаще въ этой роли являются слова, обозначавшія раньше пространственныя отношенія и получившія постепенно исключительно логическія формальныя значенія, напр. «кромѣ», первоначально собственно мѣстн. п. отъ «крома» и обозначало «на краю», de la mère, à la mère собственно «отъ матери», «къ матери». Съ теченіемъ времени такія формальныя слова могутъ сростись съ словами, имѣющими реальныя значенія, и такимъ образомъ становятся префиксами или суффиксами этихъ словъ, смотря по тому, стояли ли они впереди или послѣ этихъ словъ. Изъ послѣдняго порядка возникла повидимому по крайней мѣрѣ часть индоевропейскихъ окончаній склоненія и спряженія. А въ французскихъ des hommes, aux hommes (dezom, ozom) въ сущности такіе же падежные префиксы, какъ падежные суффиксы въ русскихъ «людей», «людямъ». Существуютъ африканскіе языки, въ которыхъ склоняютъ и спрягаютъ именно при помощи такихъ префиксовъ.

Изъ такихъ *агглютинирующихъ* формъ могутъ развиться *флективныя* формы по мѣрѣ того, какъ вслѣдствіе фонетическаго измѣненія аффиксы все болѣе сливаются съ словомъ въ одно, и какъ случайно развившіяся фонетическимъ путемъ звуковыя различія въ основѣ (внутренняя флексія) становятся также знаками формальныхъ значеній, какъ въ: селá — сёла, акнá — óкна; tragen — trugen — trügen; je fis — je fais, je fasse — je fisse и пр.

По мѣрѣ исчезновенія формальныхъ принадлежностей словъ, языкъ снова все болѣе приближается къ изолирующему (*аналитическому*) строю, какъ напр. англійскій, или новоболгарскій языкъ относительно склоненія; а формальныя принадлежности исчезаютъ главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣненія словъ фонетическимъ путемъ. Такъ утратилось напр. большинство прежнихъ падежныхъ окончаній въ англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ. Нерѣдко даже форма множественнаго числа совпала съ формой единственнаго ч. (la maison, les maisons=mezo, der Wagen, die Wagen) и т. д.

Формы словъ и значенія ихъ.

Формами словъ называются различія въ звуковой сторонѣ и въ значеніяхъ словъ, образуемыя различными *формальными принадлежностями* въ словахъ, имѣющихъ общую *основную принадлежность*. Такъ отъ основной принадлежности или корня «уч(и)» образуются посредствомъ разныхъ формальныхъ принадлежностей (суффиксовъ и пр.) словá и формы: учи-тель, уч-еніе, уч-еникъ, уча-щій-ся, учи-тъ, учи-шь, учи-тел-я, учи-тел-ю и пр.

Основныя и формальныя принадлежности словъ называются еще *морфологическими принадлежностями* словъ (или морфемами, такъ какъ изъ нихъ составляются слова, изучаемыя въ морфологіи). Онѣ выдѣляются безсознательно какъ такія составныя части звуковыхъ словъ, съ которыми въ разныхъ словахъ связываются извѣстные элементы значеній. Напр. основная принадлежность «уч(и)-» встрѣчается во многихъ словахъ въ связи съ опредѣленнымъ значеніемъ. Суффиксъ «-тель» вноситъ въ слово значеніе производителя дѣйствія, обозначаемаго основной частію. Окончаніе «-ш» опредѣляетъ въ глаголѣ отношеніе ко второму лицу (скажешь, спишь) и пр.

Основная принадлежность, не разлагающаяся на меньшія принадлежности, называется *непроизводной основой* или *корнемъ*, въ отличіе отъ *производныхъ основъ*, называемыхъ обыкновенно просто *основами*, въ составъ которыхъ, кромѣ корня, входятъ еще формальныя словообразовательныя принадлежности. Напр. основы: «учи-тел'-», «дом-ик-», «перевод-», «бѣл-оват-», въ отличіе отъ корней: «уч-», «дом-», «вод-», «бѣл-».

Формальныя принадлежности называются въ новѣйшей нѣмецкой лингвистической литературѣ часто формантами или формативами (Formans, Formativ). Онѣ дѣлятся на формальныя принадлжности *словообразованія* или *основообразованія* и формальныя принадлежности *словоизмѣненія* или *флексіи*.

Формальныя принадлежности словъ, служащія для *словообразованія* (основообразованія) видоизмѣняютъ или дополняютъ значеніе основной принадлежности и образуютъ такимъ образомъ различія между основами, имѣющими общую основную принадлежность. Къ словообразовательнымъ формальнымъ принадлежностямъ принадлежатъ *словообразовательные суффиксы*, напр. «-тель», обозначающій дѣйствующее лицо (учи-тель, сѣя-тель, дѣя-тель), «-ина» (дом-ина), «-енькій» (плох-енькій), «-оватый» (бѣл-оватый), «-еніе» (дѣл-еніе, хожд-еніе).

По значенію къ словообразовательнымъ формамъ нужно отнести и формы *числа* (единственнаго, двойственнаго, тройственнаго, множественнаго) въ словахъ, употребляемыхъ какъ *существительныя*, такъ какъ они вносятъ реальные признаки въ значенія этихъ словъ. Но въ индоевроп. языкахъ число обыкновенно не обозначается особыми принадлежностями основы, а различіемъ въ падежныхъ окончаніяхъ (столъ—столы, стола—столовъ). Особый словообразовательный суффиксъ мн. ч. есть напр. въ новоармянскомъ языкѣ (стр. 43). Къ реальнымъ значеніямъ относятся отчасти признаки *рода* (учитель—учительница, рабъ—раба, свекръ—свекровь, куръ—кура), хотя въ большинствѣ случаевъ грамматическій родъ является лишь фактомъ языка, не имѣющимъ реальнаго значенія, и потому совершенно лишній и отсутствуетъ въ большинствѣ языковъ (рука—жен. р., носъ—муж. р. и пр.). Грамматическій родъ иногда прямо противорѣчитъ различію по естественному полу, какъ въ: «старшина», «папа», «городской голова», «женщина-врачъ» и пр. Такъ называемый *средній родъ* (невѣрный переводъ латинскаго neutrius

generis: ни того, ни другого рода) первоначально обозначалъ отсутствіе мужескаго и женскаго рода. Различіе грамматическаго рода возникло случайно въ индоевроп. праязыкѣ, при содѣйствіи аналогіи. Различіе пола, гдѣ оно возбуждало интересъ, какъ у людей и домашнихъ животныхъ, вызвало образованіе отдѣльныхъ словъ, какъ мужъ — жена, отецъ — мать, сынъ — дочь, быкъ—корова, жеребецъ—кобыла, песъ—сука, пѣтухъ—курица.

Реальные признаки значенія вносятся въ прилагательныя словообразовательными принадлежностями *сравнительной* и *превосходной степени*, т. е. признаки, вытекающіе изъ сравненія качества предметовъ (младшій братъ).

Первоначально категоріи сравнительной и превосходной степени развились изъ представленій качествъ въ очень сильной степени, вродѣ: «лучшій»=очень хорошій. Въ корреляціи съ словами, какъ просто «хорошій», слова какъ лучшій стали обозначать при сравненіи болѣе высокую степень даннаго качества. Потому-то при самыхъ употребительныхъ прилагательныхъ (положительной степени) сравнительная степень обозначается особыми словами, какъ хорошій—лучшій, малый—меньшій, много—больше; gut—besser, viel—mehr, bonus—melior—optimus и пр. Подъ вліяніемъ такихъ словъ впослѣдствіи выработались въ разныхъ индоевроп. языкахъ различные способы образованія формъ степеней сравненія, какъ «быстрѣе»—«болѣе быстрый», «самый быстрый»; länger, längste; plus grand, le plus grand; γλυκύς—γλυκύτερος—γλυκύτατος и пр.

Въ глаголахъ различія въ основахъ образуются напр. словообразовательными принадлежностями *вида глагола* (несъ, носилъ, нашивалъ), обозначающія дѣйствіе какъ многократное, длительное, законченное и пр.

Синтаксическія принадлежности словъ или принадлежности словоизмѣненія образуютъ тѣ формы словъ, которыя обозначаютъ различныя отношенія между представленіями въ сужденіи, слѣдовательно обозначаютъ и синтаксическія отношенія между словами и принадлежатъ словамъ какъ членамъ предложенія. Сюда относятся *падежныя формы* склоненія, напр. домъ «учителя», далъ «учителю», сказано «учителемъ», видѣлъ «учителя», «учитель» видѣлъ.

Къ синтаксическимъ формамъ словъ принадлежатъ и *формы залога, наклоненія* и *времени* въ спряженіи, напр. «онъ изгоняетъ», «онъ изгналъ» *(дѣйствительный залогъ)*, «онъ изгоняется», «онъ былъ изгнанъ» *(страдательный залогъ)*; «онъ пойдетъ» *(изъявительное наклоненіе)*, «онъ пошелъ бы» *(со-*

слагательное наклоненіе), «ты бы пошелъ» *(желательное накл.)*, «иди» *(повелительное накл.)*; «онъ пойдетъ» *(будущее время)*, «онъ пошелъ» *(прошедшее время)*. Впрочемъ, относительно формъ времени глагола нужно замѣтить, что между «онъ пойдетъ» и «онъ пошелъ» не существуетъ никакого различія въ отношеніи сказуемаго къ подлежащему. Различіе лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ сообщаемое событіе относится къ будущему по отношенію ко времени рѣчи, во второмъ къ прошлому по отношенію ко времени рѣчи.

Отношенія, выражаемыя формами словъ, разнообразны и не могутъ быть подведены подъ простую логическую классификацію. Языкъ продуктъ психологической дѣятельности и развивается исторически подъ взаимодѣйствіемъ сложныхъ факторовъ. Поэтому и формальныя категоріи его въ разныхъ языкахъ безконечно разнообразны. Такъ *формы лица* въ глаголѣ выражаютъ совершенно особые формальные признаки: связь дѣйствія или состоянія съ говорящимъ (*первое лицо* ед. ч. «иду»), или съ слушателемъ (*второе лицо* ед. ч. «идешь»), или съ любымъ другимъ подлежащимъ, кромѣ говорящаго и слушателя (*третье лицо* ед. ч. «идетъ»), съ говорящимъ и съ другими, въ числѣ которыхъ можетъ быть и слушатель («мы пойдемъ»), съ слушателемъ и съ любыми другими, но кромѣ говорящаго («вы пойдете»), и пр.

Вслѣдствіе немногочисленности различій и частаго употребленія, значенія числа, рода и падежа въ существительныхъ и мѣстоименіяхъ, значенія вида, наклоненія и времени въ глаголѣ и пр. стали коррелятивны (соотносительны) въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ они вообще различаются, такъ что присутствіе представленія одного числа, времени, наклоненія и пр. исключаетъ присутствіе другихъ. Но и здѣсь нѣтъ послѣдовательности. Напр. въ «онъ встаетъ рано,» несмотря на форму настоящаго времени, отсутствуютъ признаки времени, такъ какъ здѣсь дѣйствіе понимается не столько по отношенію къ настоящему времени, сколько къ прошедшему и будущему, или вѣрнѣе, безъ отношенія ко времени. Такъ же почти безразлично, скажемъ ли мы: «человѣкъ ошибается», или: «люди ошибаются». Въ «дитя» отсутствуетъ представленіе рода, въ глаголахъ могутъ отсутствовать различія вида, и т. д.

Формы *числа* (сказалъ, сказали), *рода* (сказалъ, сказала) и

лица въ *глаголѣ*, формы *рода*, *числа* и *падежа* въ *прилагательномъ* и въ употребляемыхъ какъ прилагательныя словахъ (мѣстоименіяхъ, членѣ, причастіяхъ), зависящія отъ числа, рода и падежа существительнаго (или употребляемаго какъ существительное мѣстоименія, числительнаго, прилагательнаго и причастія), къ которому они относятся, не обозначаютъ никакихъ различій въ реальныхъ значеніяхъ глагола или прилагательнаго, или въ отношеніяхъ глагола или прилагательнаго къ другимъ словамъ. Поэтому они могутъ считаться лишь указателями на связь глагола или прилагательнаго съ существительнымъ, и могутъ совершенно отсутствовать, такъ какъ эта связь вытекаетъ уже изъ самого состава предложенія и формально обозначена тѣмъ, что прилагательное ставится обыкновенно рядомъ съ своимъ существительнымъ, а отношенія существительныхъ къ глаголу опредѣляются падежными формами. Поэтому напр. англійское «All her lovely companions are faded and gone», въ которомъ почти всѣ эти формы отсутствуютъ, имѣетъ такое же точное значеніе, какъ наше «всѣ ея милыя подруги поблекли и ушли».

Но означенныя формы прилагательнаго и глагола—первоначально случайный продуктъ формальнаго согласованія, т. е. морфологической ассимиляціи къ существительнымъ—въ дѣйствительности являются носителями формальныхъ значеній существительныхъ, къ которымъ они относятся. Напр. грамматическій родъ существительныхъ держится часто на формальныхъ различіяхъ не самихъ существительныхъ, а прилагательнаго, иногда и глагола, напр. hic bos—haec bos, magnus piscis—magna ovis, der Tisch—das Buch, le livre—la livre, «мой слуга упалъ»—«моя прислуга упала». Число и падежи существительнаго обозначаются нерѣдко только формой прилагательнаго и глагола, напр.: l'homme tomba—les hommes tombèrent, einem Wagen—einen Wagen, der grosse Wagen—die grossen Wagen, der Wagen ist gross—die Wagen sind gross. Личныя формы глагола могутъ замѣнять отсутствующія личныя мѣстоименія, напр. «пойдешь со мной?», «скажу Вамъ всю правду», «скажи имъ правду». Такъ обычно въ санскритскомъ, древнегреческомъ и латинскомъ языкахъ.

Одна и та же формальная принадлежность является нерѣдко знакомъ разныхъ формальныхъ значеній. Такъ окончаніе «-омъ» является не только признакомъ твор. пад. притомъ ед. ч., но и

знакомъ муж. р. или ср. р. (путемъ); окончаніе «-ію» является признакомъ твор. пад. притомъ ед. ч. и жен. р. (костію); «-овъ» обозначаетъ род. п. притомъ мн. ч. и вдобавокъ муж. р.; «-лъ» въ глаголахъ признакъ прошедшаго времени, съ указаніемъ на муж. р. и ед. ч. подлежащаго, и пр. Въ словѣ «выбрасывали» приставка «вы-» вноситъ особый признакъ въ значеніе основной принадлежности «брос-»; «-ыва-» въ связи съ ударенным *а* предшествующаго слога (въ отличіе отъ «выбросить») вноситъ также особый реальный признакъ въ значеніе основной принадлежности слова (признакъ многократности); «-ли» указываетъ на прошедшее время и множ. число подлежащаго. Такимъ образомъ одна и та же формальная принадлежность можетъ быть одновременно и словообразовательной и синтаксической по значенію. Ср. еще французское passé défini или греческій аористъ, обозначающія не только прошедшее время, но и совершенный видъ (donna—donnait); падежныя окончанія множ. ч., какъ въ «столы», «столовъ», «столамъ» и пр., обозначающія обыкновенно въ индоевроп. языкахъ одновременно и реальный признакъ мн. ч. и синтаксическія падежныя отношенія.

Формальный составъ словъ можетъ измѣняться съ теченіемъ времени между прочимъ вслѣдствіе того, что звуки, относившіеся раньше къ одной морфологической принадлежности, начинаютъ въ пониманіи говорящихъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій ассоціацій, относиться къ другой принадлежности, и такимъ образомъ передвигается граница между морфологическими принадлежностями; вслѣдствіе этого двѣ принадлежности могутъ слиться въ одну, т. е. могутъ сдѣлаться знакомъ только одного значенія, или же можетъ возникнуть новая принадлежность безъ измѣненія въ звуковомъ составѣ слова. Поэтому и производныя основы могутъ обратиться со временемъ въ непроизводныя или корни. Напр. въ словѣ «дѣло» когда-то «-ло» было суффиксомъ, а корнемъ «дѣ-», какъ въ «дѣ-ть», «дѣ-яніе» (греч. τι-θη-μι), а «взять» было сочетаніемъ съ приставкой (ср. старослав. **къ҃-ати**, **къ҃-имь**); окончаніе род. п. мн. ч. «-ов» было когда-то составной частью основы (ср. старослав. дат. ед. **сынок-и**, им. мн. **сынок-є**, род. **сынок-ъ** и пр.). Въ виду этого въ исторической грамматикѣ корнями считаются только древнѣйшія непроизводныя основы, въ сравнительной грамматикѣ именно корни праязыка. Конечно, измѣненія въ морфологическомъ составѣ слова проис-

ходятъ и вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій словъ. Такъ напр. въ словѣ «раб» была когда-то формальная принадлежность—окончаніе им. и вин. п. «-ъ». Теперь она утрачена, и значеніе ея обозначается отрицательнымъ признакомъ, отсутствіемъ падежнаго окончанія. Но напр. въ «сыновъ» къ первоначальной формальной принадлежности род. п. мн. ч. «-ъ» успѣла еще раньше присоединиться часть основной принадлежности «-ов», которая такимъ образомъ послѣ утраты звука «-ъ» осталась формальной принадлежностью, обозначающей род. п. мн. ч.

Формальными принадлежностями словъ, образующими формы словъ, бываютъ не только *аффиксы* (приставки), раздѣляемые на *префиксы* (представки, какъ «по-» въ «пошелъ»), *суффиксы* (подставки, какъ наши падежныя и глагольныя окончанія) и *инфиксы* (вставки, какъ въ латинскомъ jungo рядомъ съ jugum). Формальной принадлежностью словъ можетъ быть и *чередованіе между звуками внутри слова* (внутренняя флексія), какъ напр. въ «села́»—«сёла», «акна́»—«о́кна», «Vater»—«Väter», «Mutter»—«Mütter», «ходить»—«хаживать». Даже одно лишь *чередованіе въ ударе́ніи* можетъ служить формальной принадлежностью, какъ въ «рѣки́—рѣ́ки». Формальная принадлежность словъ можетъ быть и сложная, состоящая изъ разнообразныхъ разбросанныхъ частей, какъ напр. въ «акно́—о́кна» чередованіе гласнаго и ударенія въ связи съ различіемъ въ окончаніи, или какъ въ нѣмецкомъ «hat er gesagt?», гдѣ принадлежность перфекта состоитъ изъ hat+приставка ge-+окончаніе t. Конечно, и отсутствіе формальной принадлежности характеризуетъ форму, если эта форма находится въ соотношеніи (корреляціи) съ другими формами, содержащими формальныя принадлежности, напр. «стол», собственно основа, является формой рядомъ съ другими формами какъ «столы», «столовъ», «стола» и пр.

Къ формальнымъ принадлежностямъ относится и *удвоеніе* основы, какъ часто въ греческомъ и латинскомъ перфектѣ (λέλοιπε, tetigit), частію въ древнеиндійскомъ, греческомъ и пр. настоящемъ времени, аористѣ и пр. (δί-δω-μι, древнеинд. dá-dā-mi, русское «дамъ» изъ «да-д-мь«. Удвоеніе бываетъ чаще не полнымъ повтореніемъ («колоколъ»), а частичнымъ, и возникло первоначально повидимому при обозначеніи повторно или интенсивно представляемаго явленія, какъ и теперь говорятъ: «едва—

едва», «еле—еле», «тихо—тихо», «говорилъ—говорилъ». Удвоеніе можно разсматривать и какъ особый видъ словосложенія, о которомъ ниже.

Конечно, присутствіе формальныхъ принадлежностей, обозначающихъ коррелятивные реальные признаки, существенно только въ языкахъ, въ которыхъ эти признаки обыкновенно сопровождаютъ реальныя значенія извѣстныхъ словъ. Но напр. признакъ ед. ч. или множ. ч. можно часто не различать вовсе, и дѣйствительно часто не различается въ нѣкоторыхъ языкахъ. Напр. въ новоперсидскомъ языкѣ часто множественное число не обозначается какой либо принадлежностью существительныхъ. Въ другихъ языкахъ видъ глагола почти не различается, не говоря уже о признакахъ времени, которые собственно не существенны и при надобности могутъ обозначаться особыми словами, какъ раньше, вчера, впредь, въ будущемъ и пр. Въ иныхъ языкахъ наоборотъ существуютъ еще разныя другія формальныя категоріи, напр. существительныхъ, различающія двойственное число, достоинство предметовъ и пр. и отсутствующія въ нашихъ языкахъ.

Вообще въ разныхъ языкахъ замѣчается безконечное разнообразіе въ формальной сторонѣ языка, отъ излишняго обилія формальныхъ категорій до полнаго отсутствія формъ словъ. Отъ этого зависитъ до извѣстной степени и форма мышленія народовъ, т. е. способы образованія сужденій и различенія логическихъ категорій. Вѣдь формы словъ создаются не преднамѣренно, а возникаютъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, причемъ часто совсѣмъ не въ соотвѣтствіи съ потребностями сообщаемыхъ мыслей. Потребность мысли можетъ лишь содѣйствовать возникновенію формъ и воспользоваться случайно возникшими различіями въ словахъ.

Въ развитіи формъ словъ наблюдаются разныя направленія. Въ однихъ языкахъ рядомъ съ богатымъ склоненіемъ бѣдность формъ спряженія, или наоборотъ (напр. въ русскомъ языкѣ богатое склоненіе и бѣдное спряженіе въ сравненіи съ французскимъ или греческимъ). Въ другихъ языкахъ развиваются формальныя различія наклоненія (древнегреческія изъявительное, сослагательное, желательное наклоненія). Въ третьихъ развиваются виды глагола, напр. въ семитическихъ языкахъ или въ русскомъ языкѣ въ сравненіи съ нѣмецкимъ (въ которомъ совершенный

видъ обозначается иногда сложеніемъ съ приставками: ѣхать—fahren, уѣхать—abfahren) или съ французскимъ (гдѣ совершенный видъ присущъ формамъ passé défini: je donnai) и пр. Ср. англійскія формы настоящаго времени: J write, J am writing, J do write.

Къ главнымъ типамъ *сложныхъ словъ* индоевроп. языковъ относятся, кромѣ удвоенія, еще слѣдующіе. *Соединительныя сложенія* (названныя индійскими грамматиками dvandva), какъ «отецъ-мать», «братъ-сестра», «тонко-бѣлый». Очень употребительны *сложенія съ приставками*—предлогами или частицами, какъ «представить», «представленіе», «на-задъ», «о́-коло» (=кругъ, ср. колесо, окольный), «во-кругъ», «не-учъ», «не счастіе».

Такъ же распространенны между прочимъ въ русскомъ языкѣ *опредѣлительныя именныя сложенія* (composita determinativa, индійскіе tat-puruša, т. е. «его человѣкъ»), въ которыхъ одинъ членъ сложенія, обыкновенно первый, является опредѣленіемъ другого, напр. «свѣтло-русый», «бѣло-рыбица», «малодушіе», «женщина-врачъ», «сѣверо-востокъ», «прадѣдъ», «водовозъ», «кровопійца» и пр. Если опредѣляющій членъ существительное, то его отношеніе къ опредѣляемому члену болѣе или менѣе близкое къ отношеніямъ, выражаемымъ косвенными падежами, почему онъ иногда въ такихъ сложеніяхъ принимаетъ и соотвѣтствующую падежную форму (напр. «Богу-милъ»). Такъ первый членъ въ «водовозъ» можно понимать въ отношеніи вин. п., въ «братоубійца» въ род. п. Но въ дѣйствительности въ такихъ сложеніяхъ нѣтъ такихъ падежныхъ значеній, а логическія отношенія между членами сложенія менѣе опредѣленныя, не соотвѣтствующія въ точности синтаксическимъ значеніямъ падежей.

Въ именныхъ сложеніяхъ особенно древнихъ индоевроп. языковъ является часто соединительный гласный *-о-* (волк-о-давъ, добр-о-дѣтель, и пр.), который по происхожденію собственно конечный гласный основы словъ вродѣ «добро», волкъ», λύκο-ς, а во время возникновенія такихъ словосложеній въ праязыкѣ былъ вообще конечнымъ гласнымъ этихъ словъ, не имѣвшихъ еще въ то время падежныхъ окончаній. Изъ такихъ словъ *-о-* затѣмъ распространился, какъ особая формальная принадлежность словосложеній, на сложенія какъ «водо возъ» (основа «вода»), «знамен-о-носецъ» (основа «знамен-») и пр.

Уже съ индоевроп. праязыка разные типы сложныхъ существи-

тельныхъ могли имѣть значенія прилагательныхъ, причемъ лишь частично принимали форму прилагательныхъ (индійскіе «bahuvrîhi» т. е. «много рису», въ смыслѣ «имѣющій много рису» и друг.) напр. «долгорукій», «длинно-волосый», «без-зубый». Несложныхъ прилагательныхъ вродѣ «рукій», «зубый» никогда не было, а лишь вродѣ: «ручной», «зубной» и пр.

Сложныя существительныя употреблялись въ индоевроп. праязыкѣ часто какъ собственныя имена, въ томъ числѣ нерѣдко съ повелительной формой въ первой части, вродѣ «Держи-морда», «Зави-хвостъ», «Володи-меръ», «Влади-міръ» (праславянское заимствованіе, по народной этимологіи вторая часть собственно «-міръ»).

§ 3. Возникновеніе формальныхъ категорій словъ.

Въ представленіяхъ о внѣшнихъ явленіяхъ различаются представленія о *предметахъ*, о *качествахъ* (свойствахъ) ихъ и о *дѣйствіяхъ* или *состояніяхъ* предметовъ. Поводомъ къ словесному сообщенію мыслей служитъ большею частію представленіе о какихъ либо измѣненіяхъ, касающихся предметовъ и обусловливаемыхъ какимъ либо дѣйствіемъ, или вообще чѣмъ либо происходящимъ. Вслѣдствіе этого исходной точкой при сообщеніи мысли, на которую говорящій направляетъ вниманіе слушателя, т. е. подлежащимъ является обыкновенно представленіе предмета; а сказуемымъ, т. е. той частью сужденія, въ которой заключается вся суть сообщенія, является обыкновенно (сочетаемое съ подлежащимъ) представленіе дѣйствія или состоянія (рѣже качества) предмета. На этомъ главномъ типѣ сужденій, съ глаголомъ въ качествѣ сказуемаго, нерѣдко въ связи съ такъ называемыми второстепенными частями предложенія, выработалась формальная сторона нашихъ предложеній.

Слова, обозначающія вещи (предметы), называются *существительными* (substantiva). Ихъ замѣняютъ нерѣдко особыя безсодержательныя указательныя слова—*мѣстоименія* (pronomina). Представленія о предметахъ встрѣчаются въ нашихъ сужденіяхъ въ разныхъ логическихъ отношеніяхъ къ дѣйствію и къ другимъ предметамъ. Поэтому въ существительныхъ и мѣстоименіяхъ могли выработаться такія формы—*падежи* (переводъ латинскаго casus), которыми обозначается *отношеніе предмета* къ дѣйствію какъ производителя дѣйствія, agens (подлежащее—*именительный падежъ*, nominativus), или какъ того предмета, на который дѣйствіе непосредственно направляется, patiens (пря-

мое дополненіе—*винительный* пад., accusativus), или какъ того предмета, въ пользу котораго или по отношенію къ которому совершается дѣйствіе (дополненіе въ *дательномъ* п., dativus) или какъ предмета, сообща съ которымъ (sociativus) или посредствомъ котораго (instrumentalis) производится дѣйствіе (*творительный* п.), или какъ предмета, въ которомъ происходитъ дѣйствіе (*мѣстный* п., locativus). Отношеніе одного предмета къ другому обозначается чаще формой *родительнаго* п., но и дат. п. и пр. (другъ отца, другъ отцу). Тотъ же родительный п., genetivus, обозначаетъ и прямое дополненіе, первоначально въ нѣсколько иномъ отношеніи къ глаголу, чѣмъ вин. п. Въ разныхъ языкахъ развились еще разныя другія падежныя формы, составляющія формальныя категоріи или падежи съ такими значеніями, какія обозначаются предлогами напр. въ слѣдующихъ сочетаніяхъ: «отъ города» (*отложительный* п., ablativus), «въ городъ» (illativus), «на городѣ» (superessivus), «на городъ» (sublativus), «изъ города» (elativus), «у города» (adessivus) и пр.

Точно такъ же въ словахъ, обозначающихъ дѣйствіе или состояніе предметовъ и называемыхъ *глаголами*, какъ обычныхъ *сказуемыхъ*, развились тѣ формальныя категоріи въ значеніяхъ, обозначаемыя часто формами въ словахъ, которыя основываются на различіяхъ въ *отношеніи сказуемаго къ подлежащему* и пр. (признаки сказуемости). Эти различія обозначаются формами *наклоненія*, которыя опредѣляютъ связь сказуемаго съ подлежащимъ какъ дѣйствительную («онъ сказалъ» —*изъявительное наклоненіе*, indicativus), возможную («онъ сказалъ бы»—*сослагательное наклоненіе*, conjunctivus), желательную («сказалъ бы онъ»—*оптативъ*) и пр. Кромѣ того, въ глаголѣ, какъ сказуемомъ, могли развиться *формы лица* (я беру, ты берешь, человѣкъ беретъ и пр., стр. 314). Сверхъ того въ глаголѣ во многихъ языкахъ выработались еще разныя формальныя категоріи *времени* и обозначающія ихъ формы, указывающія, что дѣйствіе происходитъ одновременно съ рѣчью («онъ говоритъ»—*настоящее время*, praesens), или относится къ прошлому или будущему по отношенію ко времени рѣчи («сказалъ», «скажетъ»—*прошедшее* время, praeteritum, *будущее* время, futurum), или по отношенію къ другому моменту въ прошломъ (j'avais dit, ich hatte gesagt—plusquamperfectum) или въ будущемъ (j'aurai dit, ich werde gesagt haben—futurum exactum).

Хотя подлежащее является обыкновенно въ первоначальной формѣ agens'a (производителя дѣйствія при глаголѣ), т. е. въ им. п., и потому им. п. считается падежомъ подлежащаго по преимуществу (грамматическимъ и логическимъ подлежащимъ, см. стр. 304), но по значенію, т. е. по логическому соотношенію членовъ предложенія (а различеніе подлежащаго основано на значеніяхъ), подлежащимъ бываютъ рѣже и всякія другія самостоятельныя слова въ разныхъ формахъ. Поэтому могла напр. развиться въ тѣхъ случаяхъ, когда patiens былъ подлежащимъ, пассивная конструкція съ выработкою формъ такъ называемаго *страдательнаго залога:* вмѣсто *дѣйствительнаго залога*, напр. «э́ту комнату (подлежащее) убираетъ прислуга», страдательный: «эта комната убирается прислугою». Такимъ образомъ patiens въ функціи (психологическаго) подлежащаго въ предложеніи могъ принять и обычную форму подлежащаго, им. п.

Качество предметовъ обозначается обыкновенно категоріей словъ, называемыхъ *прилагательными.* Такъ какъ качество представляется обыкновенно какъ болѣе постоянный признакъ предмета, то въ прилагательныхъ отсутствуютъ напр. формальныя категоріи времени сочетанія съ существительнымъ. Прилагательныя могутъ быть въ роли сказуемаго или опредѣленія. Въ послѣдней роли они должны сопровождать существительное во всѣхъ положеніяхъ въ предложеніи, въ которыхъ является существительное. Вслѣдствіе этого на прилагательныя могутъ распространиться и формы рода, падежа и числа, присущія существительнымъ. Конечно, эти формы въ прилагательныхъ указываютъ лишь на формальныя значенія, связанныя съ тѣми существительными, къ которымъ они относятся. Напр. въ hohe Häuser, hoher Häuser и пр. падежъ существительнаго опредѣляется окончаніемъ прилагательнаго, а въ guter Samen, gute Samen и пр. или въ la grande action, des grandes actions и пр. и число существительнаго обозначается окончаніемъ относящагося къ нему прилагательнаго.

Появленіе *связки* я объясняю слѣдующимъ образомъ. Въ предложеніяхъ, въ которыхъ сказуемымъ является прилагательное или существительное (онъ здоровъ, онъ купецъ) не хватало признаковъ обычной сказуемости, наклоненія и времени. Если привыкли въ большинствѣ предложеній между прочимъ къ выраженію такихъ отношеній сказуемаго къ подлежащему и пр., какъ

въ «онъ пошелъ» или «онъ пошелъ бы» и пр., то понятно явилась потребность выражать эти отношенія и въ «онъ здоровъ». Но такія отношенія обозначаются только глагольными формами. Поэтому для обозначенія ихъ въ такихъ предложеніяхъ нужно было прибѣгать къ такому глаголу, который по возможности не имѣлъ бы никакого реальнаго значенія и выражалъ бы только указанныя синтаксическія отношенія. Глаголы «быть» и «есмь» обозначали первоначально вѣроятно «существовать». Прибѣгали между прочимъ къ этимъ глаголамъ, и вслѣдствіе употребленія ихъ въ означенной роли (напр. «онъ былъ здоровъ», «онъ будетъ купцомъ», «онъ былъ бы здоровъ» и пр.) они должны были постепенно потерять свое реальное значеніе, такъ какъ неподходящіе признаки въ значеніяхъ исчезаютъ постепенно (стр. 299—300). Такимъ образомъ выработалась такъ называемая *связка* (переводъ латинскаго copula), получившая такое несоотвѣтствующее названіе вслѣдствіе ошибочнаго взгляда философовъ на языкъ. Благодаря ей явилась возможность выражать и въ тѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ реальныя значенія не требовали глагола, тѣ признаки сказуемости, т. е. времени и наклоненія, которые привыкли различать и выражать посредствомъ глагольныхъ формъ въ другихъ предложеніяхъ, содержащихъ настоящіе глаголы. Для изъявительнаго наклоненія настоящаго времени понятно такого глагола не нужно, такъ какъ «онъ здоровъ», «онъ купецъ» выражаетъ то же самое, что выражало бы «онъ есть здоровъ» въ противоположность «онъ былъ здоровъ», «онъ былъ бы здоровъ». Поэтому «связки» здѣсь можетъ и не быть, какъ въ русскомъ языкѣ, такъ какъ она заносилась сюда только по аналогіи. Въ русскихъ грамматикахъ нерѣдко говорится о пропущенной или подразумѣваемой связкѣ и этимъ доказывается только, что авторы, у которыхъ списывали другіе, черпали изъ иностранныхъ грамматикъ, не вникая въ свой языкъ. Въ западныхъ языкахъ вспомогательный глаголъ успѣлъ дѣйствительно распространиться и на изъявительное наклоненіе настоящаго времени и гдѣ не требуется признаковъ времени: er ist krank, il est malade, il est marchand; но и въ нихъ сохранились слѣды отсутствія связки. А въ нѣкоторыхъ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ еще чаще отсутствуетъ связка, рѣдко въ латинскомъ языкѣ, напр. omnia praeclara rara.

Признаки сказуемости явились еще другимъ путемъ при

названіяхъ качествъ и предметовъ: они стали принимать флексію глагола. Такимъ образомъ явились *производные отъименные глаголы* вродѣ: болѣлъ, поздоровѣлъ, обѣднѣлъ, злится (золъ), здравствуетъ и пр.; ребячиться, вдовѣла, царствуетъ и пр.

И названія дѣйствія или состоянія (глаголы) или качества (прилагательныя) въ свою очередь, вставъ въ предложеніи на мѣсто названія предмета (существительнаго) въ роли подлежащаго, дополненія и пр., выработались и по формѣ въ *производныя*, такъ называемыя *отвлеченныя существительныя*, обозначающія дѣйствіе и качество какъ нѣчто предметное, причемъ глаголъ долженъ былъ потерять признаки сказуемости (время, наклоненіе, лицо): ношеніе, преданіе, сбереженіе; добро, сѣйте доброе, доброта, ширина, красота, бѣлизна.

Въ индоевропейскихъ языкахъ разные падежи отглагольныхъ именъ обособились затѣмъ, сближаясь въ своихъ значеніяхъ съ значеніями личнаго глагола, отчасти по виду, залогу и времени и особенно по управленію падежами. Такимъ образомъ выработались *инфинитивы* (неопредѣленное наклоненіе), напр. русское «пить», старославянское «пити» первоначально дат. п. ед. ч. отглагольнаго существительнаго, образованія какъ «кости»; въ древнеиндійскомъ языкѣ такой же инфинитивъ въ формѣ дат. п. «pītáyē».

При употребленіи названій предметовъ (существительнаго) и дѣйствій или состояній (глагола) въ роли опредѣленія при существительныхъ развились *производныя отъименныя прилагательныя*, какъ «отцовскій», «городской», и «*отглагольныя прилагательныя*», какъ «родимый», «былой». По мѣрѣ пріобрѣтенія отглагольными прилагательными, подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ личныхъ глаголовъ, значенія преходящаго состоянія, отчасти и признаковъ вида, времени и залога, а также способности сочетанія съ глагольными приставками и управленія падежами, они становятся *причастіями*, какъ «приносящій», «приносимый», «приносившій», «принесшій книгу», «сказалъ есмь правду», «принесенный», «вылитый имъ». Теряя эти признаки причастія въ свою очередь обращаются въ прилагательныя какъ «горячій», «литой», «вылитый отецъ», и черезъ нихъ въ существительныя, какъ «приданое».

Переходъ изъ одной категоріи словъ въ другую, между прочимъ возникновеніе нарѣчій изъ именъ и глаголовъ, предлоговъ изъ именъ и пр., продолжается и въ историческое время при исполненіи словами одной категоріи функцій другой въ пред-

ложеніи. Напр. нарѣчія и союзы: «утромъ», «завтра», «почти» (почитай), «вѣдь» (< вѣдѣ—знаю), «знать» (знать настало времячко); предлоги: «вокругъ», «передъ»; ср. французскія on изъ homme, rien < лат. вин. п. rem, personne—«никто», собственно «лицо», и т. д.

По требованію смысла въ индоевропейскихъ языкахъ употребляютъ и разные другіе рѣже встрѣчающіеся типы предложеній и синтаксическаго словосочетанія. Такъ напр. въ «поѣздка сюда», «онъ здѣсь», «она богаче чѣмъ братъ», «сюда» является опредѣленіемъ, «здѣсь» и «богаче» сказуемыми, равными прилагательнымъ (ср. она болѣе богата, elle est plus riche, plus agée), но не согласованы съ существительнымъ въ числѣ, родѣ и падежѣ. Въ «на завтра» предлогъ относится къ несклоняемому нарѣчію. Впрочемъ его и склоняютъ: род. п. завтрого, завтрева, завтрея; дат. п.: къ завтрему, завтрею, заутру и пр. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующія, конечно никакихъ пропусковъ словъ принимать нельзя: «умъ хорошо, два лучше»; «все, слава Богу, ничего».

Вмѣсто «онъ богатъ», «онъ пьетъ», «завтра онъ пріѣдетъ» говорятъ «онъ богачъ,» «онъ пьяница», «завтра его пріѣздъ», безъ существенной разницы въ значеніяхъ. Въ многочисленныхъ отдаленныхъ языкахъ предложенія образуются вообще съ такими именными сказуемыми вмѣсто нашихъ глагольныхъ, и значенія ихъ отличаются отъ нашихъ вѣроятно приблизительно какъ «завтра пріѣздъ Государя» отъ «завтра пріѣдетъ Государь», «этотъ ученикъ лѣнтяй» — «этотъ ученикъ лѣнится», «онъ хворый»—«онъ хвораетъ».

§ 4. Измѣненіе формальныхъ значеній словъ.

Конечно, и формальныя значенія словъ *измѣняются*. Такъ, прежнія русскія «далъ есмь», «дали есмы», «сѣяли были»; «сказали были есмы» и пр., имѣвшія приблизительно значеніе: давшій есмь, давшій былъ (ср. напр. остатокъ старины въ «жилъ былъ царь»), рядомъ съ которыми всегда говорили въ русскомъ языкѣ и просто «онъ сѣялъ», «онъ ранилъ», какъ говорили «онъ раненъ», получили впослѣдствіи при опусканіи вспомогательнаго глагола, который въ 3-мъ л. вообще мало употреблялся, такое же значеніе личнаго глагола (далъ, дали), какъ первоначальныя личныя формы нѣмецкія (ich gab, wir gaben) или французскія (je donnai, nous donnâmes). Только отсутствіе личнаго окончанія

и присутствіе формъ рода и числа свидѣтельствуетъ о бывшемъ отглагольномъ прилагательномъ (далъ, дала, дало, дали).

Въ описательной формѣ сослагательнаго наклоненія русскаго языка, какъ «сказалъ бы», «сказали бы» и пр. «бы» представляетъ 2-ое и 3-ье лицо ед. ч. исчезнувшаго аориста отъ «быть». Въ древнерусскомъ языкѣ въ первомъ лицѣ говорилось«сказалъ быхъ», во 2-мъ и 3-мъ лицахъ «сказалъ бы», въ первомъ лицѣ мн. ч. «сказали быхомъ» и пр. По мѣрѣ исчезновенія аориста и его спряженія форма 2-го и 3-го лица стала употребляться во всѣхъ лицахъ (съ XIII—XIV в.) и стала постепенно пониматься какъ частица, а потому могла сростись съ союзами: «что бы сдѣлалъ» > «чтобы сдѣлалъ». Подобнымъ же образомъ личная форма 3-го лица «есть» нѣсколько получила уже значеніе исчезнувшихъ формъ 1-го (есмь) и 2-го (еси) лица; напр. говорятъ: «я былъ, есть и буду».

Какъ на примѣръ *утраты* формальнаго значенія можно указать на слѣдующее. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ мѣстн. п. безъ предлога обозначалъ нахожденіе въ чемъ нибудь. Остатки его сохранились въ латинскомъ языкѣ, напр. terra marique, въ греческомъ языкѣ, напр. οἴκοι—дома, въ русскихъ «дома», «кромѣ» (первоначальный мѣстн. п. съ значеніемъ «на краю», «внѣ», «въ сторону»), въ древнерусскихъ «Кыевѣ», «Новѣгородѣ» и пр. Въ санскритскомъ языкѣ мѣстный падежъ сохранилъ полностью прежнее значеніе. Уже въ доисторическомъ русскомъ языкѣ для усиленія значенія мѣстн. п. и подъ вліяніемъ сочетаній съ вин. п. какъ «въ городъ», стали прибавлять въ мѣстн. пад. предлогъ «въ» (родственный съ латинскимъ и нѣмецкимъ «in»). Тогда «въ городѣ» означало какъ бы: внутри (въ) городѣ. Вслѣдствіе этого мѣстн. пад. сталъ употребляться постепенно только съ предлогами «въ», «на» и пр., а одинъ мѣстн. пад. самъ по себѣ пересталъ выражать это значеніе.

Вслѣдствіе измѣненія значенія вырабатываются предлоги, нарѣчія, союзы изъ именныхъ и глагольныхъ формъ въ синтаксическомъ сочетаніи словъ: «вмѣсто» (въ мѣсто), вслѣдствіе (in Folge); среди, кромѣ (м. п.); между (вин. п.); спроста, сгоряча (род. п. съ предлогомъ); даромъ, кругомъ (твор. п.); благодаря, хотя, несмотря на (дѣепричастія); почти, пожалуй, пусть (< пусти), пускай (идетъ) (повелительныя наклоненія); если (< есть ли) и проч.

ГЛАВА VIII.

АНАЛОГІЯ И НѢКОТОРЫЕ ДРУГІЕ ВИДЫ ИЗМѢНЕНІЯ ЯЗЫКА.

---

§. 1. Образованіе по аналогіи.

Семантическія звуковыя единицы.

Слова, имѣющія форму, состоятъ изъ морфологическихъ принадлежностей, въ отличіе отъ *безформенныхъ словъ* (нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и пр.), какъ «здѣсь», «вчера», «подъ», «около», «много», «если» и пр., которыя въ сознаніи говорящихъ не разлагаются на какія либо семантическія (т. е. имѣющія свои значенія) составныя части. Конечно раньше, и по своему происхожденію, такія слова могли также имѣть форму, напр. «о-коло», «утромъ», «если» и пр.

Какъ выше показано, напр. въ словѣ «учительницамъ» мы различаемъ основную принадлежность (корень) «уч(и)-», формальныя (словообразовательныя) принадлежности «-тель-», «-ниц-» (которыя всѣ вмѣстѣ образуютъ производную основу «учительниц-») и формальную принадлежность (словоизмѣненія) «-ам». Впрочемъ послѣдняя придаетъ слову не только значеніе дат. п., но и множ. ч. (стр. 315—316), т. е. имѣетъ и значеніе словообразовательной принадлежности. Къ морфологическимъ принадлежностямъ принадлежатъ не только корни, основы, префиксы (при-слать), суффиксы и пр., представляющіе комплексы звуковъ, объединенные значеніемъ, но и разныя соотносительныя (коррелятивныя) различія (чередованіе) въ звуковой сторонѣ словъ, въ томъ числѣ и въ удареніи словъ. Такъ въ нѣмецкихъ Vater, Mütter и пр. формальной принадлежностью (знакомъ) множ. ч. являются гласные *ä*, *ü* въ основѣ (корнѣ), въ отличіе отъ гласныхъ *a*, *u* (Vater,

Mutter), являющихся въ этой корреляціи формальной принадлежностью ед. ч. Въ wir tragen—мы носимъ, wir trugen—мы носили, wir trügen—мы носили бы, такое чередованіе гласныхъ является носителемъ значеній времени и наклоненія. Въ семитическихъ языкахъ флексія заключается главнымъ образомъ въ такомъ чередованіи звуковъ (арабскія катаба—онъ написалъ, кутиба—былъ написанъ и пр., ср. стр. 71). Въ русскихъ «руки́—ру́ки», «рѣки́—рѣ́ки» и пр. формальной принадлежностью им. п. множ. ч. въ отличіе отъ род. п. ед. ч. является чередованіе ударенія, въ «акна́—о́кна», «пълатна́—пало́тна» и пр. чередованіе ударенія въ связи съ чередованіемъ гласнаго.

Но кромѣ формальныхъ принадлежностей словъ носителями формальныхъ значеній (или вообще семантическими единицами рѣчи) являются еще *формальныя принадлежности предложеній*, образующія только *формы предложеній*. Такой формальной принадлежностью предложенія можетъ быть различіе въ порядкѣ словъ, т. е. въ очереди, въ которой слѣдуютъ другъ за другомъ члены предложенія. См. стр. 309.

Въ «платье задѣло весло», «дочь зоветъ мать» положеніе словъ «платье», «дочь» передъ глаголомъ придаетъ имъ совершенно такое же формальное значеніе именительнаго падежа, какъ между прочимъ окончаніе *-а* въ «рука задѣла весло»; это видно, если мы поставимъ слово «платье» въ другія формальныя условія: «весло задѣло платье». Здѣсь «весло» подлежащее или имен. пад. Было бы ошибочно думать, что въ «рука задѣла весло» значеніе именительнаго падежа въ отличіе напр. отъ вин. пад. «руку» обозначается исключительно окончаніемъ *-а*. И здѣсь это значеніе обозначается одновременно и формой слова (на *-а*) и формой предложенія, что видно, если мы скажемъ «весло задѣла рука». Чувствуется противорѣчіе, въ которое вступаютъ значенія обѣихъ формъ, такъ какъ по формальному признаку предложенія «весло» должно быть подлежащимъ, а слѣдующая затѣмъ форма им. падежа «рука» заставляетъ принимать послѣднее слово за подлежащее. Значеніе им. падежа слова «весло» въ предложеніи «весло задѣла рука» сказывается настолько сильно, что мы должны произносить «рука» съ сильнымъ динамическимъ удареніемъ, чтобы сохранить за нимъ значеніе именительнаго п. и устранить недоумѣніе; а это уже другая форма предложенія, въ которой порядокъ словъ и динамическое удареніе предложенія вмѣстѣ, какъ формальныя принадлежности предложенія, обозначаютъ, что «рука» психологическое сказуемое и противопоставляется другому слову (напр. «весло задѣла рука, а не нога»).

Въ «онъ придетъ?» повышающееся музыкальное удареніе слова «придетъ?» вноситъ вопросительное значеніе относительно

члена предложенія «придетъ», совершенно какъ въ «придетъ ли онъ?» частица «ли» въ связи съ положеніемъ «придетъ» въ началѣ предложенія. И то и другое являются отдѣльными формальными принадлежностями (семантическими единицами) предложенія, имѣющими свои значенія. Въ «чтобы мы дали» частица «бы» въ связи съ формой глагола прошедшаго времени вноситъ то синтаксическое значеніе сослагательнаго наклоненія, которое напр. въ нѣмецкомъ языкѣ обозначается между прочимъ чередованіемъ гласнаго основной части (wir gaben—wir gäben) и т. д.

Изъ предыдущаго видно, что мы часто не можемъ отдѣлять формальныя принадлежности словъ отъ формальныхъ принадлежностей предложеній и отъ отдѣльныхъ формальныхъ словъ, такъ какъ они часто совмѣстно служатъ носителемъ одного и того же значенія. Между этими способами обозначенія формальныхъ значеній въ языкѣ въ дѣйствительности никакого принципіальнаго различія нѣтъ. Лишь наше дѣленіе предложенія въ письмѣ на отдѣльныя слова заставляетъ смотрѣть на нихъ, какъ на разнородные, заставляетъ напр. видѣть въ «бы» (я хотѣлъ бы) отдѣльное слово, а въ «-л» принадлежность или окончаніе глагола, только на томъ основаніи, что «бы» пользуется большей свободой относительно размѣщенія между семантическими принадлежностями предложенія, такъ какъ «бы» не употребляется напр. исключительно при основѣ глагола, какъ «-л», а можетъ помѣщаться напр. въ такомъ порядкѣ семантическихъ принадлежностей: «я бы хотѣлъ, чтобы онъ пришелъ».

Всѣ такія принадлежности звуковой стороны языка, какъ морфологическія принадлежности словъ, формальныя принадлежности предложенія, формальныя и безформенныя слова, которыя въ отдѣльности или въ сочетаніи съ другими являются носителями какихъ либо элементовъ значеній, я назову для удобства общимъ терминомъ *семантическія звуковыя единицы.*

Удобнѣе было бы обозначить однимъ словомъ это болѣе общее понятіе, не имѣющее особаго названія. Но подходящіе употребительные термины имѣютъ уже другія значенія, а новые термины прививаются туго. Поэтому я пользуюсь этимъ описательнымъ терминомъ. Потребность въ такомъ болѣе широкомъ понятіи и обозначающемъ его терминѣ будетъ понятна изъ дальнѣйшаго изложенія.

Значенія языка вступаютъ въ ассоціацію по надобности и возможности со всякими различіями въ звуковой сторонѣ языка, которыя совпадаютъ съ различіями въ значеніяхъ, и дѣлаютъ

ихъ носителями этихъ значеній (по неизбѣжной ассоціаціи по смежности). Такъ, чередованіе гласнаго въ «акно́—о́кна» возникло безъ всякаго отношенія къ значеніямъ, чисто фонетическимъ путемъ, какъ и *ä* въ Väter—Vater. Но разъ въ группѣ словъ, какъ «окно́», «полотно́» и пр., при одномъ звуковомъ видѣ слова является всегда одно какое нибудь значеніе, при другомъ звуковомъ видѣ того же слова—другое значеніе, то эти различія и становятся знаками этихъ значеній. Такъ же получили разныя значенія разныя различія въ удареніи предложенія и въ порядкѣ словъ въ предложеніи, если эти различія случайно во многихъ предложеніяхъ совпадали съ извѣстными различіями въ значеніяхъ (онъ это скажетъ—скажетъ онъ это?) (См. ниже «Дифференціацію значеній»). Если такія коррелятивныя различія въ формѣ словъ или предложеній совпадаютъ въ рядѣ случаевъ не съ различіями въ значеніяхъ, а съ какими либо другими различіями въ звуковой сторонѣ языка, то по необходимости вступаютъ и съ ними въ ассоціацію по смежности, напр. порядокъ словъ въ: «онъ сказалъ: (я приду)», и: «(я приду), сказалъ онъ».

Такимъ образомъ составомъ извѣстной мысли, которую желаютъ сообщить (и которая, или часть которой, слѣдовательно составляетъ значенія предложенія), въ связи съ разными другими условіями, зависящими отъ самого состава предложенія, сразу опредѣляется все строеніе предложенія, вся форма его, включая сюда, помимо формъ словъ, и порядокъ словъ, и ударенія предложенія, относительный темпъ и пр. Поэтому въ рѣчи все предложеніе составляется совершенно такъ же, какъ составляется отдѣльное слово съ его формой, напр. «учительницамъ»; и между отдѣльнымъ словомъ и комплексомъ словъ въ предложеніи (ты сказалъ бы, ты будешь говорить—скажи; передъ домомъ—домой) и синтаксическимъ сочетаніемъ всѣхъ членовъ предложенія съ формальной стороны принципіальной разницы нѣтъ.

Мы не скажемъ «купилъ домъ онъ» (но говоримъ «онъ купилъ домъ» и пр.) совершенно такъ же, какъ не скажемъ «домы» (а «дома́»). Эти формы, возможныя сами по себѣ, неупотребительны. Какъ мы въ зависимости отъ условій, лежащихъ внѣ значеній, въ извѣстныхъ случаяхъ употребляемъ ту форму предложенія, которая называется «обратнымъ порядкомъ словъ» (я приду, «сказалъ онъ»), такъ мы въ зависимости отъ согласнаго

передъ окончаніемъ говоримъ «книги» (съ окончаніемъ *-и*, а не *-ы*, какъ въ «рыбы») и т. д.

Усвоеніе дѣтьми семантическихъ принадлежностей языка.

Если теперь имѣть въ виду то разнообразіе и огромное количество представленій и понятій, которыя различаются въ нашемъ мышленіи, а съ другой стороны—всѣ разнообразныя семантическія принадлежности звуковой стороны языка, которыми они обозначаются, то съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, какъ ребенокъ, каждый самъ по себѣ, самостоятельно и безсознательно, притомъ одинаковымъ образомъ съ другими, можетъ расчленять слышимые ряды звуковъ рѣчи на такія разнообразныя и переплетенныя между собою семантическія принадлежности рѣчи, имѣющія свои значенія. Вѣдь надо имѣть въ виду, что именно подъ вліяніемъ этихъ семантическихъ единицъ звукового языка новые индивидуумы вырабатываютъ въ себѣ тѣ понятія, которыя составляютъ значенія ихъ у старшихъ. А съ другой стороны, звуковой рядъ можетъ постепенно распадаться въ пониманіи дѣтей на сложное сочетаніе семантическихъ единицъ только подъ вліяніемъ тѣхъ представленій и понятій, которыя составляютъ ихъ значенія, такъ какъ въ самой звуковой сторонѣ языка нѣтъ никакихъ данныхъ не только для того, чтобы связывать напр. съ «рѣки́» другое представленіе, чѣмъ съ «рѣ́ки», но и нѣтъ даже данныхъ для отдѣленія слова «рѣ́ки» отъ другихъ словъ предложенія, напр. въ: вѣтомо́рефпада́ютширо́кіяре́ки.

Объясненіе этому простое, притомъ всеобъемлющее и одинаковое для всѣхъ языковъ. Всѣ эти сложные процессы происходятъ по необходимости вслѣдствіе того основного качества нашей психической жизни, которое опредѣляется психическимъ закономъ ассоціаціи по смежности и по сходству. Тѣ элементы сложныхъ представленій и тѣ элементы представленій звуковыхъ рядовъ, которые часто возбуждаются одновременно (см. стр. 77 слѣд.), вступаютъ между собою въ ассоціацію по смежности, вслѣдствіе чего первые выдѣляются отъ остальныхъ элементовъ сложныхъ представленій и объединяются въ отдѣльное представленіе —значеніе ассоціирующагося съ нимъ комплекса звуковыхъ элементовъ; одновременно съ этимъ послѣдніе выдѣляются отъ остальныхъ звуковыхъ элементовъ звуковыхъ рядовъ и объеди-

няются въ отдѣльную семантическую звуковую единицу (словесный знакъ) подъ вліяніемъ этого ассоціирующагося съ нею значенія.

Напр. въ словахъ какъ «(учи-)тель», «(сѣя-)тель» и пр. вырабатывается понятіе о дѣйствующемъ лицѣ въ связи съ выдѣленіемъ формальной принадлежности «-тел'». Въ словахъ какъ «переписывалъ», «слыхивалъ» и пр. въ отличіе отъ «переписалъ» и пр. вырабатывается понятіе многократности дѣйствія вмѣстѣ съ выдѣленіемъ формальной принадлежности «-ыва-», къ которой при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ прибавляется еще чередованіе ударенія и гласнаго предшествующаго слога (изна́шивать, огора́живать, ср. но́ситъ и пр.). Одновременно съ выдѣленіемъ окончаній -ы (-и), -а и пр. множественнаго числа въ формальныя принадлежности словъ вырабатывается понятіе множеств. числа въ отличіе отъ единств. ч., напр. въ «вол—валы́», «спор—спо́ры», «нога́—но́ги», «акно́—о́кна», причемъ въ словахъ какъ «о́кна», «но́ги» принадлежностью знака множ. ч. является кромѣ окончанія еще чередованіе ударенія и гласнаго перваго слога, такъ какъ эти явленія сопровождаютъ значеніе им. п. множеств. ч. въ цѣломъ рядѣ словъ; а въ «волы́» смѣна *о* на *а* не могла сдѣлаться формальной принадлежностью мн. ч., такъ какъ рядомъ безъ какихъ либо обусловливающихъ обстоятельствъ являются «спо́ры», «во́ры» и т. д. Въ словахъ какъ «учитель», «ученикъ», «учиться», «ученіе», «учатся», «учился» «неучъ» и пр. есть извѣстные общіе элементы значенія, составляющіе довольно опредѣленное основное понятіе этихъ словъ, которое выдѣляется въ разныхъ словахъ благодаря сопровождающему его звуковому комплексу «учи», «уче» и пр. Въ предложеніи «онъ убѣжалъ на улицу» слово «на» или форма прошедшаго времени глагола «убѣжалъ» не обозначаютъ самостоятельныхъ представленій, а лишь сознаваемыя нами отношенія между представленіями, повторяющіяся въ разныхъ другихъ случаяхъ. Въ связи съ такими словами и формами у ребенка вырабатываются понятія о тѣхъ отношеніяхъ между представленіями, которыя обозначаются словомъ «на», прошедшимъ временемъ глагола и пр. Но говорятъ «на улицу» и «на улицѣ». Ребенокъ долго путаетъ эти двѣ конструкціи, пока наконецъ не выработаетъ безсознательно два понятія отношеній, изъ которыхъ одно обозначается посредствомъ «на» съ винительнымъ падежомъ, другое—посредствомъ «на» съ мѣстнымъ падежомъ.

Изъ сказаннаго видно, что усвоеніе родного языка заключается не только въ установленіи ассоціативной связи между словами и обозначаемыми ими представленіями, а въ гораздо большемъ: въ выработкѣ понятій вслѣдствіе ассоціаціи звуковыхъ принадлежностей языка съ представленіями. Всякія различія, дѣленія и пр., которыя вырабатывались тысячелѣтіями милліонами лицъ въ языкѣ, какъ въ расчлененіи сложныхъ представленій, такъ и въ сознаніи отношеній между отдѣльными представленіями, каждый новый индивидуумъ долженъ усвоить себѣ вмѣстѣ съ усвоеніемъ родного языка. И сочетать онъ долженъ представленія въ сужденіяхъ, составляющихъ значенія предложеній, такъ же, какъ ихъ сочетаютъ окружающіе.

Конечно извѣстный запасъ словъ съ ихъ значеніями, какъ «папа», «мама», «няня», «дай» и пр. ребенокъ усваиваетъ себѣ въ отдѣльности при содѣйствіи старшихъ. «Кукла», «шаръ», «лошадка» и пр. могли у ребенка раньше выдѣлиться въ отдѣльныя представленія, чѣмъ онъ успѣлъ связать ихъ со словами «кукла» и пр. Наоборотъ, множество звуковыхъ словъ и чаще встрѣчающіеся ряды ихъ ребенокъ усваиваетъ себѣ въ отдѣльности раньше, чѣмъ они пріобрѣтаютъ свои настоящія значенія посредствомъ ассоціаціи съ соотвѣтствующими комплексами элементовъ сложныхъ представленій. Но большинство словъ и всѣ формы склоненія, спряженія и синтаксическаго словосочетанія съ ихъ значеніями ребенокъ самъ безсознательно вырабатываетъ въ себѣ, какъ въ звуковомъ отношеніи, такъ и въ значеніяхъ, благодаря дѣйствію ассоціацій. Извнѣ даются лишь нерасчлененные звуковые ряды языка и нерасчлененныя (сложныя) представленія.

Разновидности основной принадлежности, какъ въ «уч-» —«учи-», или въ «вóд-(-итъ)»—«важ-(-ý)» и пр. никакихъ различій въ реальныя значенія не вносятъ, такъ что въ семантическомъ отношеніи эти основныя принадлежности тожественны. Но если такія звуковыя различія совпадаютъ съ какими нибудь различіями въ значеніяхъ, то по неизбѣжной ассоціаціи по смежности они становятся и знаками этихъ различій въ значеніяхъ, какъ въ «про-вáж-иваетъ» рядомъ съ «про-вóд-итъ», или въ «наг-и́» рядомъ съ «нóг-и», гдѣ они стали составными элементами формальныхъ принадлежностей словъ.

Вообще всякое явленіе въ звуковой сторонѣ языка, каково бы оно ни было (чередованіе ударенія, звуковъ, порядка словъ,

наличность извѣстныхъ словъ, способъ сочетанія словъ и пр.), которое возбуждается въ представленіяхъ одновременно съ какими либо элементами мысли и отсутствуетъ при отсутствіи этихъ элементовъ мысли, должно по ассоціаціи по смежности сдѣлаться знакомъ (семантической звуковой единицей), съ которымъ эти элементы мысли связываются какъ значеніе. Поэтому извѣстный комплексъ синтаксически сочетаемыхъ словъ можетъ получить свое отдѣльное значеніе (реченія, стр. 301), синтаксическія отношенія могутъ выражаться отдѣльными словами («на», «чтобы» и т. д.), формами словъ («дома», «дому»), формами предложенія (напр. порядкомъ словъ, логическимъ удареніемъ) и т. д. Понятно, что при этихъ условіяхъ могутъ выработаться совершенно ненужныя сами по себѣ формы и формальныя категоріи, какъ напр. дѣленіе на одушевленные и неодушевленные предметы въ связи съ различіемъ въ формахъ вин. п. (купить книги—купить коровъ), или дѣленіе по грамматическому роду, связанное почти только съ фактами звуковой стороны языка («мѣсяцъ» мужск. р., «луна» женск. р., «солнце» средн. р., въ «староста», «женщина-врачъ» противорѣчіе формы съ естественнымъ поломъ) и т. д.

Изъ предыдущаго становится яснымъ, что затруднительно провести грань между отдѣльнымъ словомъ и синтаксическимъ словосочетаніемъ, слѣдовательно и между морфологіей и синтаксисомъ. Въ «я, можетъ быть, сказалъ бы» «можетъ быть» является опредѣленіемъ къ значенію сослагательнаго наклоненія въ «сказалъ бы»; само «сказалъ бы» не относится къ морфологіи, если въ морфологіи разсматриваются только формы простыхъ и сложныхъ словъ, такъ какъ «бы» есть отдѣльное слово и возможно и сочетаніе: «я бы сказалъ». Въ словахъ «прогуливались», «разговаривали» и пр. содержится, кромѣ корневыхъ семантическихъ единицъ, еще словесный носитель значенія многократности, которое можетъ такъ же выражаться отдѣльными словами, какъ «многократно», «часто», («они часто гуляли») и пр. Въ «домикъ», «домина» и пр. словообразовательные суффиксы вносятъ такіе же реальные признаки, какъ прилагательныя въ «большой домъ», «маленькій домъ». «Болѣе быстро» означаетъ то же, что «быстрѣе», и т. д.

Изъ изложеннаго понятно, почему я счелъ нужнымъ ввести терминъ «семантическая звуковая единица» и обозначаемое имъ

болѣе общее понятіе, обнимающее всякаго рода явленія звуковой стороны языка, имѣющія значенія.

Образованіе предложеній и словъ изъ семантическихъ звуковыхъ единицъ (образованіе по аналогіи).

Изъ предыдущаго изложенія понятно, что когда мы говоримъ, мы не только составляемъ предложенія изъ отдѣльныхъ словъ, но и слова изъ отдѣльныхъ морфологическихъ принадлежностей, однимъ словомъ составляемъ все предложеніе изъ тѣхъ семантическихъ звуковыхъ единицъ, которыми обозначаются представленія и чувствованія, входящія въ составъ сообщаемой мысли. Ими сразу опредѣляется составъ и форма всего предложенія.

Но изъ указанныхъ условій вытекаетъ также, что цѣлыя слова и группы синтаксически сочетаемыхъ словъ, а также цѣлыя предложенія, которыя мы часто слышали и употребляли въ рѣчи, могутъ ассоціироваться непосредственно въ цѣломъ съ соотвѣтствующимъ имъ комплексомъ значеній, между прочимъ съ цѣлымъ сужденіемъ, такъ какъ эти ряды словъ ассоціируются между собою по послѣдовательной ассоціаціи по смежности. Поэтому говоря «у учительницы», «разбрасывали снѣгъ» и пр. мы не составляемъ всякій разъ эти слова вновь изъ «у» и «учитель-ниц-ы» и пр. хотя бы при содѣйствіи воспоминаній этихъ цѣлыхъ словъ, такъ какъ эти слова въ данныхъ сочетаніяхъ мы слышали и говорили часто. Такъ же могутъ непосредственно воспроизводиться по требованію ассоціирующихся съ ними значеній цѣлые ряды словъ и цѣлыя предложенія («онъ пришелъ рано», «незачѣмъ искать»), какъ сложный многочленный знакъ сложной многочленной мысли. Слѣдовательно, когда мы говоримъ, мы производимъ слово съ его принадлежностями и цѣлый рядъ синтаксически сочетаемыхъ словъ по памяти какъ цѣлое, соотвѣтствующее возбужденной въ насъ мысли, если это слово или рядъ словъ намъ очень привычны, т. е. часто встрѣчались. Въ противномъ случаѣ мы составляемъ слова и все предложеніе изъ тѣхъ принадлежностей словъ и предложеній, которыя выражаютъ нашу мысль и которыя безсознательно выработались въ насъ въ другихъ словахъ и предложеніяхъ. Конечно, невозможно опредѣлить въ каждомъ конкретномъ случаѣ въ рѣчи, насколько представленіе произнесеннаго слова и ряда словъ возникло какъ

цѣлое по требованію извѣстнаго комплекса соотвѣтствующихъ ему значеній, или насколько они сложились въ моментъ рѣчи изъ отдѣльныхъ семантическихъ единицъ вслѣдствіе возбужденія этихъ единицъ въ отдѣльности, такъ какъ весь этотъ процессъ происходитъ быстро и безсознательно. Но что мы дѣйствительно по мѣрѣ надобности составляемъ слово изъ его морфологическихъ частей такъ же, какъ мы большею частію составляемъ цѣлыя предложенія изъ семантическихъ единицъ языка, въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго. Если мы въ первый разъ слышимъ слова «база», «Урга», «гуторить» именно въ этихъ формахъ, то, запомнивъ ихъ, безъ запинки скажемъ при надобности: «найти баз*у*», «войска стоятъ *у* Ург*и*», «гуторилъ» и пр., хотя никогда не слышали слова «база» въ вин. п., «Урга» въ формѣ род. п., ни формы прошедшаго времени слова «гуторить». Все это образованіе происходитъ быстро и говорящій совершенно не сознаетъ, что онъ образуетъ эти формы впервые. Очевидно этимъ путемъ можетъ образоваться и «у телѣг*и*», «путешествовал*ъ*» и т. д., хотя эти формы мы слышали и говорили уже много разъ.

Психологическій процессъ этого образованія слѣдующій. Слово «база» находится въ томъ логическомъ отношеніи къ слову «найти», которое обозначается формой винительнаго пад. Понятіе близости (къ Ургѣ) обозначается посредствомъ слова «у» въ связи съ формой род. п., и пр. Но род. падежъ имѣетъ разныя окончанія (Пекина, комнаты, пути и т. д.). Почему мы не скажемъ «у Урга?»—Потому что мы привыкли образовать род. п. на -*и* и вин. п. на -*у*, когда им. п. оканчивается на -*жа*, -*га* и пр.; род. п. на -*ы* и вин. п. на -*у*, когда им. п. оканчивается на -*а* съ извѣстными другими предшествующими согласными; род. п. на -*а*, когда им. п. оканчивается на твердый согласный, причемъ здѣсь мы привыкли въ вин. п. дѣлать различіе между существительными, обозначающими одушевленныя существа, и между существительными, обозначающими неодушевленные предметы (волка, столъ) и т. д. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ словахъ какъ «ру*ка*», «слу*га*» и пр. мы слышали напр. въ связи съ предлогомъ «у» всегда «слу*ги*», «но*ги*», а въ словахъ какъ «коров*а*», «птиц*а*» и пр.—«у коров*ы*» и пр. Отсюда въ насъ выработалась привычка образовать форму род. п. -(г)*и* при им. п. -(г)*а*, и род. п. -(в)*ы* при им. п. -(в)*а* и пр. Конечно *г* и

в, какъ и весь остальной звуковой составъ такихъ словъ не входитъ въ составъ формальной принадлежности род. п., такъ какъ онъ бываетъ различный въ род. падежахъ разныхъ словъ, а предшествующіе *г* и *в*, *д* и пр. служатъ лишь указателемъ для безсознательнаго выбора между *-и* и *-ы*, такъ какъ окончанію *-и* всегда предшествуютъ *г*, *к*, *ч* и пр., а при *-ы* ихъ нѣтъ.

Какъ мы не говоримъ «принимать чай», но говоримъ «принимать лѣкарство», не говоримъ «чтобы онъ сдѣлаетъ», а говоримъ «чтобы онъ сдѣлалъ» (ср. нѣм. damit er mache), точно такъ же мы не говоримъ «у Вологди», «у липи», «у книга», но говоримъ «у ноги», «у липы» и пр. Какъ слово «принимать» неупотребительно при «чай», такъ и семантическая единица *-и* какъ знакъ род. п. неупотребительна при семантической единицѣ «лип-», такъ какъ въ словахъ съ *п* передъ окончаніемъ *-а* въ имен. п. мы привыкли образовать род. п. на *-ы*, а не *-и*.

Выборъ соотвѣтствующей формальной принадлежности род. п. происходитъ такъ же автоматически, какъ мы при ходьбѣ въ силу привычки сдѣлаемъ автоматически большій шагъ, чтобы перешагнуть черезъ лужу, которую мы замѣтили передъ собою, или какъ мы въ письмѣ безсознательно пишемъ приставку «раз-» то съ *з*, то съ *с*, въ зависимости отъ слѣдующаго за нимъ согласнаго («разсѣять»—«растерять»—«разстилать»—«растирать»). Когда слѣдуютъ *к*, *т* и пр., то двигательныя и зрительныя воспоминанія грамотнаго наводятъ на написаніе «рас-», при слѣдующихъ *б*, *д*, *с* и пр. возбуждается представленіе «раз-» совершенно безсознательно, что часто остается неизвѣстнымъ педагогамъ, сочиняющимъ правила правописанія. Подобныя болѣе сложныя психическія явленія наблюдаются напр. при игрѣ на роялѣ. Напр. послѣ третьяго пальца въ силу привычки мы беремъ слѣдующую высшую ноту или четвертымъ пальцемъ, или же первымъ, въ зависимости отъ слѣдующихъ дальше нотъ, и это происходитъ такъ быстро, что не только какія либо соображенія удобства, но даже самый этотъ фактъ не вступаетъ въ область сознанія. Совершенно такъ же мы образуемъ форму род. п. или вин. по привычкѣ прибавленіемъ одного изъ разныхъ суффиксовъ родительнаго падежа, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, лежащихъ въ звуковой сторонѣ словъ или въ значеніяхъ ихъ (Пекин-а, Вологды, Урги, вин. п. базу, волка, столъ и т. д.)

Такимъ образомъ образованіе «Урги» изъ «Урга» аналогично тому, какъ рядомъ съ «нога», «рука» и пр. образуются привычныя «ноги́», «руки́» и пр. Поэтому такое образованіе было названо *образованіемъ по аналогіи*. Результатъ такого образованія по аналогіи опредѣляется пропорціей «нога́»: «ноги́»=рука́: руки́ и пр.=Урга́: *х*; *х*=Урги́. На этомъ основа-

ніи говорятъ, что напр. Урги́ образовано по аналогіи словъ какъ «ноги́», «руки́» и пр. Но конечно при образованіи «Урги» никакая ассоціація не могла возбуждать этихъ словъ; возбужденіе ихъ было бы явленіе патологическое; образцами они служатъ только на бумагѣ. Какъ мы видѣли, психическій процессъ этого образованія совершенно другой и сводится къ привычному составленію словъ и предложеній изъ привычныхъ семантическихъ единицъ, по требованію соотвѣтствующихъ значеній а иногда и чисто фонетическихъ указателей. Окончаніе *-и* въ «у Урги» явилось совершенно такимъ же путемъ, какъ явилось здѣсь слово «у», т. е. предлогъ «у» и окончаніе существительнаго вмѣстѣ составляютъ одну семантическую единицу и возбуждаются какъ сложный звуковой представитель извѣстнаго логическаго понятія (значенія близости); и оба вмѣстѣ выдѣлились изъ разныхъ звуковыхъ рядовъ по ассоціаціи по смежности съ этимъ значеніемъ. Такимъ образомъ слово «Урги» образовалось такъ же по требованію мысли, какъ образовалось бы «Чита и Урга» по требованію мысли.

Изъ существованія семантическихъ звуковыхъ принадлежностей словъ объясняется вообще, что мы въ состояніи удержать въ памяти десятки тысячъ словъ. Эти слова сводятся къ нѣсколькимъ сотнямъ морфологическихъ принадлежностей. Изъ десятка морфологическихъ принадлежностей можно образовать десятки разныхъ предложеній. Ср. учитель учитъ ученика, учительница учила ученицу по учебнику, сѣятель сѣетъ сѣмя, писатель пишетъ письмо, и пр.

§ 2. Имѣненія языка по аналогіи.

Возникновеніе новыхъ словъ (формъ словъ) вслѣдствіе новыхъ сочетаній обычныхъ морфологическихъ принадлежностей (новообразованіе словъ по аналогіи).

Какъ выше указано, въ рѣчи мы даже привычныя слова образуемъ отчасти вновь посредствомъ сочетанія обычныхъ морфологическихъ принадлежностей, если эти принадлежности почему либо возбуждаются преимущественно передъ воспоминаніемъ всего слова въ цѣломъ, какъ сложнаго знака комплекса извѣстныхъ значеній. Если въ результатѣ такого синтеза морфологическихъ принадлежностей получается слово, тожественное

съ существующимъ уже въ языкѣ словомъ, то трудно опредѣлить, насколько такое слово образовано «по аналогіи» изъ отдѣльныхъ составныхъ семантическихъ единицъ, или насколько оно цѣликомъ воспроизведено по памяти. Но если въ результатѣ такого синтеза получается слово, являющееся впервые въ языкѣ, или отличающееся отъ уже существующаго въ языкѣ общепринятаго слова, то такое слово уже безспорно исключительно составлено вновь изъ употребительныхъ морфологическихъ принадлежностей и представляетъ *новообразованіе по аналогіи* въ томъ смыслѣ, что въ результатѣ получилось новое слово (новая форма слова). Конечно, новообразованіе формъ заимствованныхъ словъ какъ «Урги» языка не измѣняетъ, а лишь приспособляетъ новыя слова къ общему формальному строю языка. Измѣненіе языка по аналогіи является въ случаѣ новаго сочетанія привычныхъ семантическихъ единицъ.

Если такое новообразованіе заключается въ замѣнѣ одной морфологической принадлежности равнозначащей другой, то очевидно въ моментъ рѣчи вновь являющаяся принадлежность была возбуждена настолько сильно въ душѣ говорящаго, что оттѣснила прежнюю принадлежность, несмотря на то, что прежняя поддерживалась воспоминаніемъ всего слова какъ цѣлаго. Въ сравненіи съ соотвѣтствующимъ прежнимъ словомъ такое новообразованное слово можно разсматривать какъ измѣненное прежнее слово, хотя оно въ сущности не связано (въ цѣломъ) съ прежнимъ словомъ. Съ этой точки зрѣнія можно говорить объ *измѣненіи словъ по аналогіи* въ основныхъ, формальныхъ словообразовательныхъ и формальныхъ синтаксическихъ морфологическихъ принадлежностяхъ. Приведу примѣры въ этомъ порядкѣ.

Въ праславянскомъ языкѣ *к* передъ мягкимъ гласнымъ измѣнилось постепенно въ *ч'*, и такимъ образомъ русскій языкъ унаслѣдовалъ спряженіе: пеку, печешь, печетъ, печемъ, печете, пекутъ. Различіе между основными принадлежностями «пек-» и «печ-» не связано ни съ какимъ различіемъ въ значеніи; поэтому діалектически въ русскомъ языкѣ могли появляться новообразованія: «пекёшь», «пекётъ», «пекёмъ» и пр. изъ сочетанія «пек-» съ личными окончаніями. Діалектическія малорусскія «печу», «печуть», представляютъ новообразованія, въ которыхъ представленіе «печ-» взяло верхъ надъ «пек-».—Первоначаль-

ныя русскія формы отъ словъ «небо», «слово» были: род. п. «небес-е», «словес-е», имен. п. множ. ч. «небес-а», «словес-а», род. п. мн ч. «словес-ъ» и пр. Рядомъ съ ними возникли новообразованія (сло́во): «сло́ва», «слова́», (не́бо): «не́ба» и пр. изъ сочетанія основной принадлежности «слов-» им. падежа съ падежными окончаніями, какъ въ большинствѣ словъ.

Ударенное *е* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ измѣнилось въ русскомъ языкѣ фонетически въ *о*, вслѣдствіе чего явились «мёдъ» (т. е. м'одъ), мёда и пр. Но въ мѣстн. п. должно было фонетически сохраниться «медѣ» (съ *е*), такъ какъ здѣсь второй слогъ мягкій. Основная принадлежность «мёд-», встрѣчающаяся въ многихъ падежахъ, стала преимущественно передъ «мед-» возбуждаться какъ носительница даннаго основного значенія, вслѣдствіе чего возникло новообразованіе (мёдъ: мёда) «мёдѣ».—Такъ же возникли новообразованія «берёте», «зовёте», такъ какъ фонетически *е* могло перейти въ *ё* только передъ твердымъ слогомъ въ «берёмъ», «зовёмъ», діалектически «берётъ, «зовётъ», а также по мѣрѣ отвердѣванія *ш* въ «берешь», «знаешь». Берё-, зовё- стало преимущественно передъ бере-, зове- (съ *е*) возбуждаться какъ основная принадлежность этихъ глаголовъ въ настоящемъ времени, а потому явились новообразованія «берёте» и пр.—Вмѣсто прежнихъ фонетически правильныхъ жнецъ, женца, женцу и пр., льстецъ, лестьца, лестьцу (<жьньць, жьньца, льстьць, льстьца, см. стр. 68, 255) возникли новообразованія (жнецъ): «жнеца», «жнецу», (льстецъ): «льстеца», «льстецу» и пр., т. е. основа им. п. распространилась на остальные падежи, какъ въ большинствѣ словъ.

Названіе дѣйствующаго лица мы можемъ образовать при надобности отъ разныхъ глаголовъ при помощи суффиксовъ «-тель», «-льщикъ» (по аналогіи словъ какъ сѣять: сѣятель, любить: любитель, носить: носильщикъ и пр.). Поэтому образуются (носить:) носитель, (курить:) курильщикъ, куритель, (надувать:) надувальщикъ, (тормозить:) тормозитель и другія такія случайныя слова.

Въ праславянскомъ и отчасти въ древнерусскомъ языкѣ род. п. слова «сынъ» былъ «сыну», полученный изъ праязычнаго sūnous (см. стр. 66). Но словъ съ род. п. на *-у* было очень мало, а громадное число словъ съ им. п. на *-ъ* оканчивалось въ род. п. на *-а* (рабъ: раба, человѣкъ· человѣка и пр.). Въ виду этого окончаніе *-а* стало по преимуществу признакомъ род. п. въ словахъ съ им. п. на *-ъ*, вслѣдствіе чего возникло «сына», рядомъ съ которымъ употреблялось и древнее «сыну» въ древнерусскомъ языкѣ. Впослѣдствіи новообразованіе «сына» вытѣснило совсѣмъ «сыну».

Вслѣдствіе сочетанія семантической единицы — окончанія 2-го лица мн. ч. *-те*, какъ въ «бери-те», «слушай-те», съ частицами «на!», «ну!», образовались «на-те!», «ну-те!». Такъ же: «полно!»—«полно-те!». Этимъ путемъ возникли формы съ двумя личными окончаніями: «пойдем-те», «скажем-те» и пр.

Въ глаголахъ какъ хажу́: хо́дишь: хо́дитъ и пр., бражу́: бро́дишь: бро́дитъ, важу́: во́дишь: во́дитъ и пр. чередованіе ударенія и гласнаго въ основной части стали составной частью принадлежности личныхъ формъ. Вслѣдствіе этого возникли (какъ говорятъ, по аналогіи такихъ глаголовъ) новообразованія (плачу́): «пло́тишь» «пло́титъ»; (сажу́): «со́дишь», «со́дитъ»; (дарю́): «до́ришь» и пр., въ которыхъ раньше не было *о*. Такимъ же образомъ по аналогіи (т. е. въ связи съ формальной принадлежностью мн. ч.) словъ какъ окно́: о́кна, сѣдло́: сѣ́дла и пр. возникло *о* въ основѣ слова (пальто́): «по́льта» (< заимствованнаго франц. paletot).—Подъ вліяніемъ словъ какъ сонъ: сна, ленъ: льна и пр., въ которыхъ чередованіе между присутствіемъ и отсутствіемъ гласнаго основы стало составной частью падежныхъ принадлежностей, возникли (ровъ): «рва» (вмѣсто древняго «рова», сохраняющагося въ говорахъ), (ледъ): «льда» (вмѣсто древняго «леда», сохраняющагося діалектически) и пр.—Такимъ же образомъ подъ вліяніемъ формъ какъ въ «день»: «дня» и пр. возникли (камень): «камня» вмѣсто прежняго «камени», сѣверное діалектическое (олень): «ольня́» и пр.

Возникновеніе новыхъ формъ предложеній (новообразованіе по аналогіи въ синтаксической сторонѣ языка).

Изъ одинаковыхъ въ синтаксическомъ формальномъ отношеніи предложеній должны въ душѣ каждаго индивидуума вырабатываться формы (формальные типы, рамки) предложеній, въ составъ которыхъ не входятъ основы словъ съ ихъ значеніями, (которыя бываютъ различны въ разныхъ предложеніяхъ), а лишь сходныя въ разныхъ предложеніяхъ синтаксическія значенія съ обозначающими ихъ формальными принадлежностями словъ и предложеній, т. е. синтаксическія формы предложеній.

Тѣ различія въ формахъ предложеній, которыя совпадаютъ съ какими либо различіями въ значеніяхъ, вступаютъ у каждаго новаго индивидуума въ ассоціацію по смежности съ этими различіями въ значеніяхъ и такимъ образомъ выдѣляются въ фор-

мальныя принадлежности предложенія — носителей извѣстныхъ синтаксическихъ значеній. Сюда относятся, кромѣ формъ словъ и формальныхъ словъ, разнаго рода формы предложенія, какъ порядокъ словъ, динамическія и музыкальныя ударенія предложеній, различія въ темпѣ словъ предложеній (ср. напр. малую продолжительность слова «говоритъ» въ: «я, гъвъритъ, приду») и продолжительность паузъ.

Благодаря этимъ формамъ предложеній мы въ состояніи говорить предложеніями, т. е. складывать слова, какъ знаки значеній, въ нашей рѣчи въ такіе ряды съ ихъ разнообразными формами, которыя обычны въ данномъ языкѣ для данныхъ значеній. Впрочемъ вѣроятно нерѣдко мы произносимъ синтаксическія сочетанія нѣсколькихъ словъ и цѣлыя предложенія цѣликомъ по памяти.

И въ этой синтаксической области происходятъ новообразованія (*синтаксическая аналогія*). Напр. въ древнерусскихъ повѣствовательныхъ предложеніяхъ личный глаголъ стоялъ обычно передъ подлежащимъ при извѣстныхъ условіяхъ («жилъ былъ царь», «увидѣлъ князь» и пр.), а въ описательныхъ предложеніяхъ и другихъ — въ концѣ предложенія. Подъ вліяніемъ разныхъ условій распространился все болѣе типъ «князь увидѣлъ», особенно въ литературномъ русскомъ языкѣ. Но въ народномъ языкѣ великорусскомъ и особенно малорусскомъ сохранился отчасти и прежній порядокъ словъ.

Конечно, эти измѣненія въ формѣ предложеній касаются и сочетаній опредѣленныхъ словъ въ предложеніи. Напр. прежнія «смотрѣть книгъ», «слушать звону» замѣнились конструкціей съ вин. п. по аналогіи большинства глаголовъ и пр. При «искать», «ждать» стало все болѣе распространяться дополненіе въ вин. п., но конструкція съ род. падежомъ сохраняется, и съ этими различіями въ синтаксической формѣ начали связываться извѣстныя различія въ значеніяхъ (искалъ денегъ, квартиры— отыскалъ свои деньги, квартиру брата).

Разновидности, не связанныя съ значеніями, и новообразованія въ нихъ (чисто звуковая аналогія).

Выше встрѣчались примѣры такихъ различій и чередованій въ звуковой сторонѣ языка, которыя не имѣютъ отношенія къ значеніямъ и которыхъ поэтому нельзя собственно считать фор-

мами словъ или предложеній. Такія разновидности употребляются или безразлично, въ перемѣшку, какъ напр. «если бы»—«еслибъ», «тобою»—«тобой», «скорѣе»—«скорѣй», «я сказалъ бы»—«я бы сказалъ» и пр.; или же чаще появленіе той или другой разновидности обусловливается другими звуковыми различіями. Такъ, смѣна *о* на *а* въ общерусскомъ языкѣ обусловлена удареніемъ: «до́ма»—«дамо́в»; смѣна *ы* и *и* напр. въ «липы»—«книги» обусловлена предыдущимъ согласнымъ. Различіе въ порядкѣ словъ въ «онъ сказалъ: (я не приду)» и въ «(я не приду), сказалъ онъ» обусловлено извѣстнымъ порядкомъ предложеній и т. д.

Понятно, что и здѣсь одна разновидность можетъ распространяться на мѣсто другой, если первая будетъ почему либо возбуждаться преимущественно при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ обычно появляется другая. Такъ распространилась напр. разновидность предлоговъ «въ», «съ» и на тѣ случаи (передъ гласнымъ), гдѣ раньше употреблялась разновидность «вън», «сън» (см. стр. 357). Такимъ образомъ звуковой видъ «въ», «съ» этихъ предлоговъ сдѣлался общеупотребительнымъ, и потому въ исторически унаслѣдованныхъ: «сън-его», «сън-имъ», «вън-его», «вън-емъ» и пр. *н* перестало пониматься какъ составная часть предлога: «съ-н-его», «съ-н-имъ», «въ-н-емъ». Подъ вліяніемъ этихъ сочетаній начали вносить *н* и въ сочетанія этихъ мѣстоименій съ другими предлогами, гдѣ его раньше не было, какъ: «отъ его», «до его», «у его» и пр., такъ что получились: «отъ н-его», «до н-его», «у н-его», «передъ н-имъ» и пр.

Не всякій возможный порядокъ словъ, не всякія возможныя сочетанія привычныхъ звуковъ и пр. привычны въ языкѣ. Такъ въ акающихъ русскихъ говорахъ неударенное *о* измѣнилось фонетически въ *а* или разные ирраціональные гласные Вслѣдствіе этого фонетическая форма словъ съ звукомъ *о* въ неударенномъ слогѣ стала непривычной, хотя произношеніе такого *о* понятно не затруднительно. Изъ словъ какъ «о́кна»—«акно́», «домъ»—«дама́» абстрагируется фонетическая форма, зависящая отъ ударенія, по которой ударенное *о́* при утратѣ ударенія замѣняется посредствомъ *а*. Поэтому напр. заимствованные «портретъ», tortue произносятся народомъ «партре́тъ», «тартю́».—Въ великорусскомъ языкѣ звонкіе шумные согласные обратились въ концѣ слова не

передъ звонкими согласными въ глухіе. Такимъ образомъ получилось чередованіе въ зависимости отъ положенія въ концѣ или не въ концѣ слова: года—гот, благо—блах и пр. Съ этимъ чередованіемъ не могло связаться никакое различіе въ значеніяхъ. Подъ вліяніемъ такой чисто фонетической формы словъ напр. заимствованныя «фасадъ», «Леонидъ» произносятся, «фасат» «Леонит»—«Леонида» и пр.

Распространеніе новообразованій по аналогіи.

Новообразованія по аналогіи, отличающіяся отъ прежнихъ словъ или формъ, возникаютъ въ рѣчи отдѣльныхъ лицъ какъ отступленія отъ привычнаго, обмолвки или ошибки. Они обыкновенно проходятъ безслѣдно подъ вліяніемъ воспоминаній и рѣчи окружающихъ, сохраняющихъ старое достояніе. Но если условія возникновенія ихъ таковы, что онѣ появляются часто у группы лицъ, то онѣ становятся обычными и распространяются на другихъ, какъ всякія измѣненія языка. Что новообразованія по аналогіи не появляются повсюду, гдѣ существуютъ подходящія условія, объясняется тѣмъ, что пока новообразованіе начинаетъ всплывать, обыкновенно всплываетъ и воспоминаніе прежняго цѣлаго слова или старой формы и оттѣсняетъ новообразованіе, если послѣднее не тожественно съ нимъ. Слѣдовательно, чѣмъ легче возбуждается старая форма, тѣмъ меньше возможности проявиться новообразованію, отличающемуся отъ старой. А возбуждаемость старой формы зависитъ отъ того, насколько прочно она запечатлѣна, какъ часто она употребляется, насколько удобенъ и ясенъ звуковой составъ ея и пр. Такъ, чередованіе какъ въ «пеку»—«печешь», «берегу»—«бережешь» встрѣчается во многихъ словахъ, и этимъ поддерживается сохраненіе его во многихъ говорахъ великорусскаго языка. Вспомогательные глаголы, употребляющіеся очень часто, сохраняютъ древнее нетематическое спряженіе во многихъ индоевропейскихъ языкахъ въ то время, когда остальные нетематическіе глаголы уже давно подпали подъ аналогію тематическихъ. Ср. «дамъ», «дастъ», «дадимъ», «есть», er kann, wir können, il peut, nous pouvons, и большинство такъ называемыхъ неправильностей грамматическихъ.

По аналогіи не возникаетъ новыхъ звуковъ въ языкѣ, а лишь переносятся морфологическія принадлежности съ однихъ

словъ на другія, звуковыя принадлежности съ однихъ звуковыхъ комплексовъ на другіе, формы словосочетаній съ однихъ предложеній на другія. Старыя формы продолжаютъ конечно сначала существовать рядомъ съ новыми; потомъ или обѣ сохраняются, особенно когда каждая форма получаетъ постепенно особое значеніе вслѣдствіе дифференціаціи значенія, или же одна изъ нихъ, старая или новая, исчезаетъ, т. е. постепенно забывается. Ср. «на краю» рядомъ съ «въ Пріамурскомъ краѣ».

Въ современномъ русскомъ языкѣ существуетъ: «въ лѣсѣ», рядомъ съ «въ лѣсу», образованнымъ по аналогіи словъ какъ прежнее «въ сыну», которое само замѣнено новообразованіемъ «въ сынѣ». Но новообразованія древнерусскаго языка «отъ воску», «съ берегу», образованныя по аналогіи словъ какъ «сыну», вытѣснены опять старыми формами «воска», «берега». Впослѣдствіи род. п. на *-у* укрѣпился въ вещественныхъ именахъ, такъ какъ значеніе его дифференцировалось, т. е. съ нимъ стали связываться особые признаки реальнаго значенія — пространственно неограниченное представленіе вещества, напр. чаю, сахару и пр.

Новообразованія по аналогіи обыкновенно упорядочиваютъ языкъ, устраняя лишнія различія, возникшія вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій языка, какъ напр. появленіе «рукѣ» вм. «руцѣ», «мёдѣ» вм. «медѣ», «печу», «печуть» вм. «пеку» и пр., «пекешь», «пекетъ» вм. «печешь» и т. д.

Новообразованія по аналогіи не поддаются такимъ частнымъ законамъ, какъ фонетическія измѣненія звуковъ (см. стр. 271 слѣд.). Они объясняются лишь общими психическими законами; но какія частныя психическія условія вызвали въ одномъ случаѣ новообразованіе, въ другомъ—нѣтъ, этого какими либо законами пока опредѣлить не удалось.

§ 3. Народная этимологія.

Если слово для народа этимологически темно, т. е. если его основная принадлежность не встрѣчается въ другихъ словахъ съ сходнымъ значеніемъ (какъ «учи-тель», «уч-еный», «учи-ться» и пр.), то можетъ случиться, что это слово ошибочно возбуждаетъ по ассоціаціи по сходству представленіе такого слова, которое въ *звуковомъ отношеніи* болѣе или менѣе сходно съ нимъ, а *по значенію* допускаетъ хотя одностороннее сближеніе

съ вызывающимъ его словомъ. Подъ вліяніемъ такой ассоціаціи по сходству возникаетъ такъ называемая *народная этимологія* (народное словопроизводство), при которой въ слово вносятся элементы *значенія*, присущіе совершенно чужому, неродственному слову (конечно отсутствіе первоначальнаго родства само по себѣ здѣсь никакой роли не играетъ), имѣющему съ нимъ случайное звуковое сходство. Вѣдь слова сами по себѣ, какъ мы видѣли на стр. 281, вносятъ въ компликаціи, которыя они составляютъ вмѣстѣ съ обозначаемыми ими представленіями, признаки значеній, присущіе ихъ основнымъ принадлежностямъ въ другихъ словахъ. Ср. «учитель»—«преподаватель», «ученикъ»—«школьникъ», «старшина» и пр. Вслѣдствіе такого сближенія напр. слова «май» съ «маяться», въ слово «май» могли вноситься признаки значенія слова «маяться», вслѣдствіе чего могло составиться мнѣніе объ этомъ мѣсяцѣ: «въ маѣ жениться—всю жизнь маяться». (Впрочемъ, браки въ маѣ избѣгались въ Римѣ, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ происходили погребальные обряды лемуралій; отсюда повѣріе перешло можетъ быть и въ Россію. Въ такомъ случаѣ ассоціація съ «маяться» придала этому суевѣрію новое обоснованіе). Такое предумышленное сближеніе словъ создаетъ каламбуры. Понятно, что языкъ, въ которомъ основныя принадлежности сильно измѣнились и сократились, какъ напр. французскій, представляетъ удобную почву для такихъ невѣрныхъ сближеній.

Но народная этимологія сопровождается нерѣдко и *измѣненіемъ въ звукахъ*—полнымъ или частичнымъ приравненіемъ къ ассоціирующемуся слову. Такое измѣненіе возникаетъ вѣроятно чаще вслѣдствіе ослышки при перенятіи, такъ какъ мы обыкновенно не перципируемъ каждый звукъ рѣчи въ отдѣльности, а недостаточно ясно воспринимаемое дополняемъ сохраняющимися въ памяти принадлежностями словъ. Если же подобныхъ родственныхъ принадлежностей нѣтъ наготовѣ въ памяти, то такое слово не только воспринимается неточно (тминъ вм. кминъ и пр., см. стр. 265), но удерживается и плохо въ памяти, пока оно не вступитъ въ ассоціацію по сходству съ знакомыми словами, подъ вліяніемъ которыхъ оно затѣмъ можетъ измѣниться. Въ такомъ одиночномъ положеніи находятся понятно чаще всего иностранныя слова, но и одинокія по своей основной принадлежности слова родного языка.

Такимъ образомъ рядомъ съ правильнымъ областнымъ «моровей», вполнѣ соотвѣтствующимъ старославянскому «мравии», польскому «mrówka» и пр., явилось «муравей», вслѣдствіе сближенія съ «мурава» (вьется по муравѣ).—«Словѣнинъ», «словѣне», «словѣньскъ» назывались многія славянскія племена, какъ обладающія словомъ, въ противоположность нѣмцамъ—нѣмымъ иностранцамъ. Въ русскомъ языкѣ подъ вліяніемъ словъ «римляне», «кіевляне» и пр. явились «словяне», «словянскій» съ обычнымъ суффиксомъ при обозначеніи народности. Отожествляя ихъ основную часть ошибочно съ «слава», передѣлали ихъ въ «славяне», «славянскій». — Андреянъ явилось вмѣсто Адріанъ, подъ вліяніемъ Андрей. — Акулина вм. Акилина (Aquilina) подъ вліяніемъ акула (?).—Щетина—штетинское яблоко.—Щелканъ < Чолъ-ханъ. — Вмѣсто названій испанскаго корабля «Васко-де-Гама» и итальянскаго «Андреа Доріа» у нашихъ матросовъ «Васька Гамовъ», «Андреева Дарья».—Англійское «yes», значащее «да» и употребляемое англійскими матросами какъ «слушаюсь» въ нашихъ сухопутныхъ войскахъ, замѣнилось посредствомъ «есть» у нашихъ моряковъ. — Англійское ring the bell (звони въ колоколъ) замѣнилось посредствомъ «рынду бей» у моряковъ.—Вмѣсто tabatière—«табакерка» подъ вліяніемъ слова «табакъ».—Ресторацію замѣняютъ посредствомъ «растеряція» (гдѣ можно растеряться). — Дилижансъ осмыслили отчасти посредствомъ «дилежансъ» (гдѣ можно и лежать).—Керосинъ передѣлывается въ «карасинъ» (карась).—Изъ «клиросъ» явилось народное «крылосъ», подъ вліяніемъ «крыло».— Вмѣсто «пелеринка» (pèlerine) встрѣчается «перелинка».—«Запустовка» вм. «забастовка» по ассоціаціи съ «пустовать».

§ 4. Контаминація.

Контаминація (contāmen—соприкосновеніе, изъ con + tagmen; tango, tactus—соприкасаться) происходитъ такъ, что въ моментъ рѣчи значеніемъ возбуждаются по ассоціаціи одновременно съ равной силой двѣ однозначащія основныя принадлежности, или двѣ формальныя принадлежности слова или предложенія, и въ результатѣ произносится смѣшанная форма. Если такая обмолвка становится обычной, то является новый смѣшанный видъ принадлежности слова или конструкціи предложе-

нія. Такъ является обмолвка «нудо» подъ вліяніемъ «нужно» и «надо». Такъ явилось повидимому бѣлорусское и малорусское «виджу» и пр. подъ вліяніемъ «виж-у» и «вид-ишь». Такъ явилось позднее латинское senexter вмѣсто sinister—«лѣвый» вслѣдствіе контаминаціи съ dexter—«правый», итальянское greve—«тяжелый» вмѣсто латинскаго grave подъ вліяніемъ leve, lieve—«легкій». Эти слова ассоціируются по значеніямъ какъ противоположности, объединяемыя въ болѣе общихъ понятіяхъ.

Чаще являются такія предложенія смѣшанной конструкціи, напр. «пообѣдать чѣмъ Богъ послалъ», контаминація изъ «пообѣдать тѣмъ» и «что Богъ послалъ»; «мы съ тобой не пойдемъ туда» изъ «мы не пойдемъ» и «я съ тобою».

§ 5. Обособленіе и послѣдствія его.

Явленіе, противоположное той ассоціаціи, которая вызываетъ народную этимологію, происходитъ тогда, когда родственныя слова, вслѣдствіе измѣненія въ звукахъ и значеніяхъ, теряютъ настолько сходство, что перестаютъ ассоціироваться, т. е. обособляются другъ отъ друга. Такъ, между «призрѣвать» и «обозрѣвать» еще чувствуется связь. Но «заподозрить», «призракъ», «заря», «зоркій», «позоръ» и пр., которыя родственны между собою и съ «призрѣвать», уже окончательно обособились другъ отъ друга. Послѣдствіемъ обособленія бываетъ то, что значенія больше не вносятся въ слова изъ такихъ родственныхъ словъ, и значенія могутъ измѣняться въ каждомъ обособившемся словѣ совершенно самостоятельно; а въ звуковой сторонѣ уже не могутъ возникать образованія по аналогіи, обусловленныя общими реальными принадлежностями, но могутъ происходить самостоятельныя измѣненія ихъ.

Примѣры такихъ обособившихся словъ, основныя принадлежности которыхъ когда то были тождественны: городъ — жердь; супругъ—упряжь—упругій; сыпь—оспа; опека—печаль; рѣзать—образъ; конецъ—законъ — искони, испоконъ — начало, начать, начну [праслав. кен- > чę-, отсюда старослав. **на-ча-ти** и пр.; прасл. кьнǫ > чьнǫ > старослав. **на-чьнѫ**, ср. стр. 257, 253]; онуча — обувь—обуть—обувать [-уть кажется такимъ же суффиксомъ, какъ въ «обмануть», между тѣмъ «у-» корень и «(об-)у-ти» соотвѣтствуетъ литовскому aũ-ti — обуть]; коса—чесать и т. д.

Вслѣдствіе обособленія могли произойти въ звуковой сторонѣ измѣненія: спасибо < спаси Богъ (съ утратой конечнаго согласнаго); исподволь < изъ-подъ воли (съ утратой окончанія род. пад.); намедни < ономедни < оном-дьни = въ оном днѣ (съ утратой начальнаго гласнаго и съ сохраненіемъ стараго окончанія мѣстн. пад.).

Примѣры, показывающіе послѣдствія обособленія для синтаксической стороны языка, см. стр. 301.

§ 6. Дифференціація значеній.

Въ языкѣ разными путями появляются нерѣдко по два и болѣе слова, или двѣ формы слова, или двѣ формы предложенія, съ одинаковымъ или почти одинаковымъ значеніемъ. Такія однозначащія слова (синонимы) или формы долго не сохраняются въ такомъ видѣ. Въ такихъ случаяхъ или одно слово или форма вытѣсняетъ остальныя однозначащія, которыя все болѣе становятся неупотребительными и потомъ забываются; или же происходитъ дифференціація значеній, заключающаяся въ томъ, что однѣ разновидности общаго двумъ словамъ или формамъ значенія, или одно изъ нѣсколькихъ значеній ихъ, постепенно начинаютъ ассоціироваться только съ однимъ словомъ или формой, а другія разновидности значенія начинаютъ связываться исключительно съ другимъ словомъ или формой. Такимъ образомъ каждое изъ двухъ или болѣе однозначащихъ словъ или формъ получаетъ свое значеніе, и этимъ обезпечивается дальнѣйшее существованіе каждаго.

Очень часто одинъ изъ такихъ дублетовъ заимствованъ, притомъ нерѣдко непосредственно съ нѣсколько инымъ значеніемъ Напр. вредъ (изъ старослав. врѣдъ) — вередъ (русское); нравъ (старослав.)—норовъ (русское); гражданинъ (старослав.) —горожанинъ (русское); страна (старослав.)—сторона (русское) и пр.

Дифференціація реальныхъ значеній можетъ произойти въ связи съ различіемъ въ однихъ только формальныхъ принадлежностяхъ, въ томъ числѣ и флексивныхъ, напр. мужи—мужья́, сыны—сыновья, образы—образа́, мѣхи́ — мѣха́, листы — листья, ду́хи—духи́, колѣни (ногъ)—колѣна (родъ)—колѣнья (растеній); сколько долгу—не исполняетъ долга.; цвѣтъ чая—выпилъ чаю, и пр.

Примѣромъ дифференціаціи синтаксическаго значенія можетъ служить слѣдующее. Еще въ древнерусскомъ языкѣ прилагательное съ краткимъ окончаніемъ («новъ городъ», «красна дѣвица», «малъ мала меньше») могло употребляться и какъ опредѣленіе, и какъ сказуемое. Но рядомъ употреблялись и (опредѣленныя) прилагательныя съ сложными окончаніями (новый, красный). Затѣмъ прилагательное съ краткими окончаніями получило исключительно функцію сказуемаго, а функціи опредѣленія связались съ формами сложнаго склоненія прилагательнаго (высокій домъ, домъ высокъ), которыя впрочемъ являются рѣже и въ функціи сказуемаго: эта лента красная, и проч.

ГЛАВА IX.

ИЗМѢНЕНІЯ ЯЗЫКА ВЪ СЛОВАХЪ И ВЪ ФОРМАХЪ СЛОВЪ И ВЪ ФОРМАХЪ СИНТАКСИЧЕСКИХЪ СЛОВОСОЧЕТАНІЙ.

---

§ I. Возникновеніе новыхъ словъ и новыхъ морфологическихъ принадлежностей словъ.

Возникновеніе новыхъ словъ.

Съ развитіемъ культуры изобрѣтаютъ новыя орудія и вникаютъ болѣе детально въ явленія природы, общественной жизни и пр., вслѣдствіе чего возникаютъ новыя понятія, для которыхъ требуются и названія—слова. Такія вновь возникающія понятія обозначаются обыкновенно старыми словами, значенія которыхъ почему-либо ассоціируются съ этими новыми понятіями. Такъ какъ при этомъ обычныя значенія словъ измѣняются, то эти явленія относятся къ измѣненію значенія словъ (стр. 289 слѣд.).

Но нерѣдко для новыхъ понятій образуются и новыя слова. Впрочемъ новыя слова возникаютъ и для тѣхъ понятій, которыя уже имѣютъ названіе. Въ послѣднемъ случаѣ новыя слова появляются потому, что они болѣе точно обрисовываютъ представленіе съ его признаками, какъ оно возбуждается въ душѣ говорящаго въ моментъ образованія новаго слова въ рѣчи.

Новыя слова возникаютъ вслѣдствіе постепеннаго *сростанія словъ*, составляющихъ синтаксическое словосочетаніе, напр. «Новгородъ», «Царьградъ», «начаямъ» (нѣтъ конца), «заграницей», «попусту», «подѣломъ» и пр. При возникновеніи такихъ сложныхъ словъ вслѣдствіе сростанія, сначала обособляется значеніе даннаго синтаксическаго словосочетанія отъ значеній тѣхъ же словъ въ другихъ словосочетаніяхъ (ср. «за границу», «со временемъ» и пр.). Получается такое реченіе (см. стр. 301), значеніе

котораго составляетъ одно понятіе. Благодаря обособленности значенія, такое словосочетаніе можетъ постепенно обособиться и въ звуковой сторонѣ (см. стр. 348) тѣмъ, что слова, составляющія его, могутъ объединиться общимъ удареніемъ (что бываетъ впрочемъ и въ свободныхъ синтаксическихъ словосочетаніяхъ, какъ «на́ гору», «у рѣки́»), и могутъ подвергаться звуковымъ измѣненіямъ, не раздѣляемымъ подобными же свободными синтаксическими словосочетаніями («исподволь» > изъ-подъ-воли), или же могутъ сохранить старыя формы словосочетанія, когда въ соотвѣтствующихъ свободныхъ синтаксическихъ словосочетаніяхъ уже развились новыя формы («Новгородъ»—новый городъ). Кромѣ того, въ реченіяхъ могутъ сохраняться слова, утраченныя въ отдѣльномъ употребленіи, или въ отдѣльномъ употребленіи вообще не сдѣлавшіяся употребительными («съ какой стати», «попасть въ просакъ», «съ ногъ сшибательно», «вкось», «впопыхахъ», «наяву», «всуе»).

Полное сростаніе въ одно слово мы сознаемъ тамъ, гдѣ кромѣ обособленія значенія существуетъ и обособленіе въ звуковой сторонѣ словъ («оземь»), или въ формѣ ихъ («подѣломъ», «снаружи»), или въ формѣ сочетанія ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ эти же формы словъ не употребляются свободно въ такихъ же синтаксическихъ сочетаніяхъ(«зачастую») Но такъ какъ эти условія не зависятъ отъ требованій значеній, а лишь могутъ, но не должны явиться послѣдствіемъ обособленія значенія, то, понятно, мы сознаемъ часто одно слово и тамъ, гдѣ формально лишь общеупотребительное синтаксическое словосочетаніе («втеченіе», «заграницу», «втайнѣ»).

Отсюда уже видно, что различіе «отдѣльнаго сложнаго слова» отъ «синтаксическаго словосочетанія» въ значительной степени искусственное, вызванное потребностями правописанія. Этимъ объясняются колебанія въ орѳографіи. Въ живомъ языкѣ существуетъ много болѣе или менѣе тѣсныхъ словосочетаній, которыя находятся на пути къ образованію одного сложнаго слова, выразителемъ чего служитъ соединительный знакъ, какъ въ: «по-русски»—«порусски», «во-первыхъ»—«вопервыхъ», «въ теченіе»—«втеченіе» и пр. Съ полнымъ правомъ мы пишемъ «кстати», но вынуждены писать «съ какой стати». Соединительный знакъ употребляется собственно тамъ, гдѣ два слова сростаются, но не успѣли еще окончательно срастись. Въ виду не-

опредѣленности этого состоянія словъ и невозможности разграничить его отъ случаевъ, гдѣ нужно принимать два слова или сложное слово, соединительнымъ знакомъ пользуются въ значительной степени произвольно.

Большинство новыхъ словъ образуется (по аналогіи) посредствомъ новыхъ сочетаній старыхъ морфологическихъ (основныхъ и формальныхъ) принадлежностей словъ. Такимъ образомъ изъ сочетанія словъ или основныхъ принадлежностей возникаютъ (*по аналогіи*) новыя *сложныя слова*, какъ: «пар-о-ходъ», «пол-о-теръ», «рыб-о-лов-ство», «животн-о-вѣдѣ-ніе»; невѣста не жена, можно «разневѣститься»; женитьба есть, а «разженитьбы» нѣтъ.

Новыя *простыя слова* возникаютъ (*по аналогіи*) изъ сочетанія употребительной основной принадлежности и производительной формальной принадлежности: «фокус-никъ», «чугун-ка», «кон-ка», «их-ній», «ей-ный», «ево-ный», «шеромыж-никъ», «шеромыж-нич-ать» ($<$ шеромыга $<$ cher ami).

Источникомъ новыхъ словъ служитъ иногда и *народная этимологія съ измѣненіемъ въ звукахъ* (стр. 346—347), напр. «міродеръ» изъ мародеръ.

Совершенно *новыя основныя принадлежности* словъ появляются обыкновенно только въ *заимствованныхъ словахъ*. Заимствованныхъ словъ во всѣхъ языкахъ очень много, нерѣдко большая половина всѣхъ словъ. Слова заимствуются обыкновенно для обозначенія культурныхъ произведеній чужихъ народовъ (велосипедъ, театръ, парламентъ, кухня, плита, мечъ, плугъ, постъ и пр.). Но они появляются часто и тамъ, гдѣ уже имѣются свои названія, притомъ въ зависимости отъ историческихъ условій нерѣдко въ большомъ количествѣ (хозяинъ, очагъ, труба, изба, собака, лошадь, молоко, скотъ, хлѣбъ, царь, чадо, готовъ, котелъ, купить и пр. заимствованы изъ другихъ языковъ).

Впрочемъ существуетъ и другого рода заимствованіе изъ иностраннаго языка, касающееся отдѣльныхъ словъ. Это *переводъ иностранныхъ словъ* на родныя слова и новообразованія, возникающія по аналогіи такихъ словъ, образованныхъ по образцамъ иностранныхъ словъ. При переводѣ роднымъ словамъ даются значенія иноязычныхъ словъ, какъ напр. «палата господъ» (Herrenhaus), «падежъ» (переводъ латинскаго casus, старославянское слово, русское «падёжъ»), «склоненіе» (diclinatio) и

пр. Такія искусственныя слова нерѣдко столь же чужды языку, какъ настоящія иностранныя заимствованныя слова, что упускаютъ изъ виду пуристы, преслѣдующіе напр. «галоши», но одобряющіе напр. «мѣстоименіе», «падежъ» и пр., и не замѣчающіе болѣе древнихъ заимствованій какъ «лошадь», «собака», «хозяинъ», «очагъ» и пр. Не нужно только создавать преградъ противъ натурализаціи нужныхъ иноязычныхъ заимствованныхъ словъ, вродѣ правила о несклоняемости напр. «пальто́» и пр., а считаться съ народной обработкой ихъ (пальто́, род. п. пальта́, въ пальтѣ, им. п. мн. ч. по́льта).

При заимствованіи народомъ иностранныхъ словъ они получаютъ иногда совершенно другія значенія, чѣмъ они имѣли въ передающемъ языкѣ. Такъ, изъ словъ плѣнныхъ французовъ отечественной войны «cher ami» создали «шеромыга»; по начальнымъ словамъ пѣсни «Charmante Katherine» (Во всей деревнѣ Катенька.....), наигрываемой шарманкой, назвали этотъ инструментъ «шарманкой» (катеринкой).

Помимо заимствованія совершенно новыя слова возникаютъ крайне рѣдко. Они или *звукоподражательныя*, или *придуманы искусственно*. Такъ придумано слово «gas», откуда русское «газъ», а слово «трахтарарахъ» звукоподражательное съ удвоеніемъ.

Конечно, новыя слова, возникшія изъ старыхъ составныхъ частей, или вслѣдствіе фонетическаго измѣненія и обособленія отъ родственныхъ словъ и пр., можно называть новыми только условно.

Возникновеніе новыхъ основныхъ принадлежностей словъ.

Понятно, вновь явившіяся слова, какъ заимствованныя, вымышленныя, звукоподражательныя и передѣланныя по народной этимологіи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя основныя принадлежности. Но новыя, или вѣрнѣе измѣненныя основныя принадлежности возникаютъ и вслѣдствіе фонетическаго измѣненія звукового состава старыхъ словъ при измѣненіи и обособленіи значенія ихъ (стр. 348). Они понятны изъ вышеизложеннаго. Укажу здѣсь еще на случаи *прирощенія* и *утраты* звуковъ въ основной принадлежности.

Прирощеніе морфологической принадлежности заключается въ томъ, что вслѣдствіе измѣнившихся условій ассоціаціи по

смежности между звуками и значеніями словъ, содержащихъ данную морфологическую принадлежность, къ послѣдней начинаютъ относить звуки, которые раньше относились къ другой морфологической принадлежности этихъ словъ. Такъ, въ виду одиночества слова «раз-ор-ити» въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ (старослав. **орнти**, **об-орнти**) основной принадлежностью стали понимать «-зор-», можетъ быть сближая ее съ «озорной», зоркій» и пр., вслѣдствіе чего стали и писать «раз-зорить». Наоборотъ, въ «слово», «словесе» и пр. (ср. стр. 340) послѣ новообразованій «слова» и пр. первоначальный суффиксъ «-ес», входившій въ составъ основы, исчезъ.

Возникновеніе новыхъ формальныхъ принадлежностей словъ.

Новыя формальныя принадлежности словъ, словообразовательныя и синтаксическія, возникаютъ обыкновенно или вслѣдствіе того, что отдѣльное слово, срастаясь съ другими, становится формальной принадлежностью ихъ по своему значенію, или же вслѣдствіе того, что какая нибудь звуковая принадлежность слова начинаетъ связываться съ формальнымъ значеніемъ.

Такъ, вслѣдствіе срастанія инфинитива съ формами глагола «имѣть» развились малорусскія формы будущаго времени, въ которыхъ глаголъ «(и)мѣть» въ сокращенномъ видѣ играетъ роль суффикса, напр. «хвалити-му», «хвалити-мешь», «писати-му», «писати-мешь» и пр. Въ сербскомъ языкѣ выработались формы будущаго времени изъ такого же сочетанія съ глаголомъ «хотѣть»: пи́саћу, пи́саћеш, бра̏ћу, бра̏ћеш, бра̏ће. Такъ же французскія donnerai, donneras, écrirai, écrira и пр. изъ donner-ai, donner-as (дать имѣю, дать имѣешь). Вслѣдствіе срастанія причастія прошедшаго времени, какъ «писалъ», съ вспомогательнымъ глаголомъ «есмь» получились польскія формы прошедшаго времени pisałem, pisałes, pisalismy, вмѣсто древнихъ pisał jesm, pisał jeś и пр.

Суффиксъ -ment, образующій французскія нарѣчія (vraiment, bonnement), былъ въ латинскомъ самостоятельнымъ словомъ (mens, mentis—умъ, образъ мысли, verus—истинный, вѣрный, vera mente), ставшимъ въ сложеніяхъ формальной принадлежностью, обозначающей во французскомъ языкѣ категорію нарѣчій.

Для пониманія возникновенія падежныхъ формъ изъ сочетанія съ частицами можно указать на французскія de l'homme

à l'homme, въ которыхъ de и à въ сущности предлоги, означающіе однако въ этихъ сочетаніяхъ лишь признаки синтаксическихъ отношеній падежей. Если бы они слѣдовали за существительными, то давно срослись бы съ ними и въ письмѣ въ одни падежные аффиксы.

Любая звуковая принадлежность словъ, встрѣчающаяся во многихъ словахъ, которыя содержатъ одинаковые элементы въ значеніяхъ, неизбѣжно ассоціируется по смежности съ этими элементами значеній и такимъ образомъ становится знакомъ этого комплекса элементовъ значеній, т. е. новой морфологической принадлежностью (стр. 330). Такимъ образомъ, чередованіе гласнаго въ связи съ удареніемъ, напр. въ: акно́—о́кна, пълатно́—пало́тна, капьё—ко́пья, сѣдло́—се́дла, бревно́—бре́вна и пр. стало пониматься какъ признакъ множественнаго числа, въ связи съ окончаніемъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ новообразованіе (пальто́): по́льта. Въ нѣмецкихъ Mütter, Väter и пр. единственный признакъ множественнаго числа, въ отличіе отъ ед. ч. Mutter, Vater, именно перегласовка (Umlaut).

Другіе примѣры: въ древнерусскомъ языкѣ формы: «сторожа», «господа», «братья», «князья» и пр. были собирательныя слова женскаго рода и склонялись въ единственномъ числѣ (ср. нынѣшнія: сторо́жа—стража, монастырская братія, татарва). Съ другой стороны, формы какъ: «города́», «паруса́», «рога́» представляютъ первоначальное двойственное число, отличающееся отъ род. пад. ед. ч. удареніемъ. Когда эти слова, подъ вліяніемъ ихъ значенія, стали употребляться съ мн. числомъ глагола, то могли принять и склоненіе множ. числа. Такимъ образомъ вмѣсто: «господа», «господы», «господѣ» и пр. явились: «господъ», «господамъ», «братьямъ» и пр. Вслѣдствіе корреляціи съ формами ед, ч., какъ «городъ», «парусъ» (городъ: города́, парусъ: паруса́), возникъ отсюда въ великорусскомъ языкѣ новый производительный суффиксъ именительнаго п. множ. ч. муж. рода —ударенное *-а́*, посредствомъ котораго образуется им. п. мн. ч. многихъ словъ (колокола́, образа́, директора́ и пр).—Второе лицо мн. ч., т. е. при обращеніи ко многимъ, а также для вѣжливаго обращенія къ одному лицу, ассоціировано съ формальной принадлежностью (окончаніемъ) «-те». Вслѣдствіе этого и къ формѣ 1-го л. мн. ч. стали при означенныхъ значеніяхъ прибав-

лять окончаніе «-те» (пойдемте, вернемтесь). Возникло даже напр. (ну): «ну-те» при означенныхъ условіяхъ.

Изъ того праязычнаго предлога, который далъ латинское и нѣмецкое in, греческое ἐν и пр., вырабатывались фонетически праславянскія «вън» передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова, и «въ» передъ согласнымъ. Изъ послѣдняго подъ удареніемъ и передъ группой согласныхъ развилось затѣмъ фонетически русское «во», а въ остальныхъ положеніяхъ послѣ утраты гласнаго *ъ* осталось русское *в* («во время», «въ полѣ», т. е. фполѣ). Точно такъ же возникло фонетически «сън» рядомъ съ «съ», давшимъ «со» и «с» (со мною, съ домомъ). Но еще доисторически «въ», «съ» стали употребляться и передъ гласными (въ ухѣ, съ отцемъ), а старыя формы передъ гласными «вн» < «вън», «сн» < «сън» сохранились только тамъ, гдѣ они успѣли до этого времени сростись съ послѣдующимъ словомъ, напр. въ «вниманіе» < вън-имати, «снимать» < сън-имати. Но въ часто встрѣчающихся тѣсныхъ сочетаніяхъ съ мѣстоименіемъ «вън его», «вън емъ» форма «вън» также сохранилась, и такимъ образомъ получились: «въ-н-его», «въ-н-емъ», въ которыхъ *н* подъ вліяніемъ «въ» стало относиться къ мѣстоименію («въ него»); а если предлогъ не относится непосредственно къ мѣстоименію, то является напр. «въ его саду»=въ саду его. Такъ же сохранились «съ него», «съ нимъ» < «сън его», сън имъ», но рядомъ съ ними «съ его сада». Такимъ образомъ *н* сдѣлался знакомъ извѣстнаго различія въ синтаксическомъ значеніи сочетанія этихъ предлоговъ съ мѣстоименіемъ, и въ этомъ значеніи сталъ появляться и при другихъ предлогахъ, гдѣ его раньше не было: отъ его отца—отъ-н-его, до его отца—до-н-его, у его отца—у-н-его, изъ его отца—изъ-н-его, при-н-емъ, передъ-н-имъ и пр. Впрочемъ, въ народныхъ діалектахъ встрѣчаются и «до его» и пр. Такъ какъ мѣстный п. употребляется только съ предлогами, то онъ является только въ видѣ «немъ» вмѣсто древнерусскаго ѣмь.

Звуковой составъ формальныхъ принадлежностей измѣняется между прочимъ вслѣдствіе того, что къ нимъ прирастаютъ или отъ нихъ отдѣляются звуки. Такъ, суффиксъ род. п. множеств. ч. «-ов-» относился когда то въ праславянскомъ языкѣ всецѣло къ основѣ («сынов-ъ», дат. п. ед. ч. «сынов-и» и пр.), и окончаніемъ былъ лишь звукъ ъ, какъ въ «рукъ». Вслѣдствіе разныхъ позднѣйшихъ измѣненій въ основѣ и падежныхъ суффиксахъ получились такія отношенія: «сын», «сына», «сынов», такъ что «ов» должно было ассоціироваться съ значеніемъ род. пад. и сдѣлаться его знакомъ. Ср. стр. 316.

Въ рѣдкихъ случаяхъ вырабатываются изъ заимствованныхъ иностранныхъ словъ формальныя принадлежности, притомъ чаще словообразовательныя. Такой флексивный суффиксъ представляетъ нѣмецкое діалектическое окончаніе мн. ч. -s, полученное изъ

французскаго языка (Papas, Vergissmeinnichts, Mädchens, Jungens и пр.). Конечно, заимствуются только цѣлыя слова, а изъ нихъ уже абстрагируются морфологическія принадлежности такъ же, какъ изъ словъ родного языка. Въ русскомъ языкѣ образованнаго общества употребляется въ заимствованныхъ словахъ глагольный суффиксъ «-ир-(овать)», напр. анализировать, редактировать и пр., который существуетъ въ многочисленныхъ заимствованныхъ нѣмецкихъ глаголахъ (analisieren, redaktieren), а въ нѣмецкій языкъ проникъ изъ французскаго языка. Рядомъ съ этимъ глагольнымъ суффиксомъ есть именной суффиксъ «-ировка» (маршировка). Въ заимствованныхъ иностранныхъ словахъ часто встрѣчаются суффиксы «-истъ», «-измъ», префиксъ «анти-» и пр. (романистъ, фонатизмъ). Они выдѣлились въ отдѣльныя морфологическія принадлежности, какъ показываютъ шуточныя образованія: антиятникъ, одессистъ и пр. Въ словахъ какъ визитъ: визитёръ (изъ французскихъ visite, visiteur), ремонтъ: ремонтёръ и пр. выработался суффиксъ «-тёр», вызвавшій русско-французское образованіе (винтъ): «винтёръ».

Въ русскій книжный языкъ проникло немало формальныхъ принадлежностей изъ старославянскаго языка, напр. суффиксъ причастій «-щій» (напѣвающій). Настоящія русскія причастія стали дѣепричастіями (напѣвая, напѣваючи), или прилагательными (горячій).

Возникновеніе новыхъ формальныхъ категорій словъ и новыхъ формъ предложенія.

Примѣромъ возникновенія совершенно новой формальной категоріи словъ съ новымъ формальнымъ значеніемъ можетъ служить русское дѣепричастіе, представляющее окаменѣлую падежную форму старыхъ причастій, какъ: «видя», «увидѣвъ», «увидѣвши». Это уже въ значительной степени абсолютная форма, которую школьная грамматика тщетно старается связывать во всѣхъ случаяхъ съ подлежащимъ главнаго предложенія. Ср. «Тяжко жить, не имѣя здоровья». «Бобы не грибы: не посѣявъ не взойдутъ». «Лежучи у Ильи втрое силы прибыло».

Особый описательный видъ глагола выражается сочетаніемъ какъ: скажетъ «бывало». Особый видъ инфинитива, возникшій въ обращенной къ дѣтямъ ласкательной рѣчи, представляютъ малорусскіе уменьшительные инфинитивы: «спатки», «питочки» и пр., великорусскіе: «баиньки», «питиньки» и пр.

Къ возникновенію новыхъ формъ предложенія относятся случаи, когда вслѣдствіе утраты формъ словъ опредѣленные типы порядка словъ начинаютъ обозначать синтаксическія формальныя значенія. (См. стр. 309).

§ 2. Утрата (вымираніе) словъ, формъ словъ и формъ словосочетанія въ предложеніи.

Слово исчезаетъ, когда перестаютъ употреблять его и вслѣдствіе этого не передаютъ его новымъ поколѣніямъ. Это происходитъ нерѣдко оттого, что обозначаемое имъ понятіе исчезаетъ постепенно. Такъ исчезли въ живомъ языкѣ слова: посадникъ, стольникъ, подъячій, стрѣлецъ, тіунъ, Перунъ; «ратникъ» вновь воскресили; «песъ» употребителенъ въ частныхъ случаяхъ и пр. Чаще слово исчезаетъ потому, что въ томъ же значеніи употребляется другое почему либо болѣе удобное слово. Такая меньшая пригодность слова происходитъ отъ a) слишкомъ малаго звукового состава (древнее мѣстоименіе «*и*» вытѣснено мѣстоимѣніемъ «онъ», но напр. род. п. этого мѣстоименія «его» сохранился), b) отсутствія родственныхъ словъ, поддерживающихъ его въ памяти, c) слишкомъ многихъ или слишкомъ широкаго значенія, вслѣдствіе чего его замѣняютъ нѣсколько словъ съ болѣе частными значеніями, d) слишкомъ возвышеннаго или вульгарнаго оттѣнка значенія (стр. 309). Понятно, что слово, исчезающее въ отдѣльномъ употребленіи, можетъ сохраниться въ реченіяхъ, въ сложеніяхъ, въ сочетаніи съ опредѣленными словами, въ мѣстныхъ или соціальныхъ діалектахъ (у спеціальныхъ классовъ общества) и пр.

Такъ же вымираютъ и *формы словъ*, если онѣ постепенно становятся неупотребительными. Такъ исчезла напр. древнерусская формальная категорія аориста (идохъ, иде . . . . .) и категорія имперфекта (ведяхъ, ведяше и пр.), значенія которыхъ соединились съ формой болѣе новаго прошедшаго (сложнаго какъ «велъ есмь», «велъ есть», и несложнаго какъ «онъ велъ»), дававшаго нынѣшнія: (я) велъ, (ты) велъ и пр.

Древнерусскія звательныя формы (человѣче, коню) исчезли въ великорусскомъ языкѣ, такъ какъ въ этой функціи стала употребляться форма имен. падежа.

Остатокъ древняго двойственнаго числа сохранился въ сочетаніяхъ съ числительными, какъ: два дуба, два (три) коня, двѣ (четыре) души. Эти старыя формы двойственнаго числа лишь по внѣшней формѣ сходны съ род. п. ед. ч., но въ сущности ни по происхожденію, ни по значенію ничего съ нимъ общаго не имѣютъ.

Конечно, *формальныя принадлежности* сами по себѣ исчезать не могутъ. Исчезаютъ только слова, образуемыя при помощи ихъ. Но формальныя принадлежности могутъ *вымирать;* это значитъ: потерявъ опредѣленное значеніе, они являются лишь непроизводительными звуковыми составными частями словъ. Такія принадлежности могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ распространенными въ языкѣ. Нерѣдко причиной вымиранія морфологической принадлежности словъ бываетъ не столько отсутствіе значенія, сколько слишкомъ широкое значеніе, пріобрѣтенное ими постепенно въ разныхъ словахъ. Такими вымирающими именными суффиксами являются «-ло» (масло, число, дѣло), -ель (собственно «-ѣль», гибель), «-тва» (молитва, жатва) и проч.

Живой суффиксъ вноситъ извѣстное значеніе въ значеніе словъ, въ составъ которыхъ онъ входитъ. Для того, чтобы суффиксъ, или вообще формальная принадлежность, былъ *производительнымъ*, нужно кромѣ того, чтобы онъ встрѣчался въ достаточномъ количествѣ словъ, какъ напр. «-тель», указывающій на производителя дѣйствія. Кромѣ того отъ звуковой стороны его требуется, чтобы его звуковой составъ былъ достаточно полный и ясный, и чтобы этотъ суффиксъ встрѣчался въ словахъ, которыя находятся въ родственной связи съ другими словами, не имѣющими этого суффикса и присущаго ему значенія, напр. «-тель»: учи-тель—уч-итъ—не-учъ, носи-тель—носитъ и пр. Только при такихъ условіяхъ суффиксъ можетъ чувствоваться отдѣльной морфологической принадлежностью и можетъ отдѣляться отъ остальныхъ звуковыхъ принадлежностей словъ. Производительности способствуетъ частое употребленіе суффикса, вслѣдствіе чего онъ легко возбуждается въ памяти по требованію значенія при новообразованіяхъ по аналогіи (увеличитъ: увеличи-тель, искоренитъ: искорени-тель и пр.). Суффиксъ «-ёнокъ» имѣетъ опредѣленное значеніе (котенокъ, поваренокъ), «-ство» распространено, но вноситъ только значеніе формальной

категоріи существительнаго въ представленіе дѣйствія и качества, и т. д.

Какъ на *утрату формы синтаксическаго словосочетанія* (синтаксической конструкціи) можно указать напр. на прежнія: «пояти собѣ женѣ» (дат. п. цѣли, теперь: взять себѣ въ жены, жениться); воевалъ на Тиверцевъ; жить Кіевѣ, Новѣгородѣ (нынѣ: въ Кіевѣ).

ГЛАВА X.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ДІАЛЕКТОВЪ. СМѢШЕНІЕ И ВЫМИРАНІЕ ЯЗЫКОВЪ.

---

§ I. Возникновеніе діалектовъ и языковъ

Въ предыдущемъ мы видѣли, какъ возникаютъ разнаго рода измѣненія въ индивидуальномъ языкѣ и какъ они распространяются на языкъ другихъ индивидуумовъ. *Измѣненія* происходятъ во всѣхъ сторонахъ языка: въ *звукахъ* (фонетическое измѣненіе и замѣна звуковъ въ артикуляціяхъ или при перенятіи, гл. V; аналогія, народная этимологія и пр., гл. VIII; измѣненія въ удареніи, въ продолжительности и пр.), въ *словахъ* и въ *формахъ словъ и предложеній* (гл. VII, VIII, IX), и въ *реальныхъ и формальныхъ значеніяхъ* (гл. VI, VII и пр.). Здѣсь необходимо выяснить, какъ вслѣдствіе этихъ измѣненій и распространенія ихъ возникаютъ разныя діалектическія единицы языка (говоры, нарѣчія и пр.).

Новыя явленія языка, какъ мы видѣли, возникаютъ первоначально у небольшой группы лицъ, находящихся между собой въ непосредственныхъ и частыхъ языковыхъ сношеніяхъ, напр. у членовъ одной семьи, жителей одной деревни, мѣстности и пр. Починъ въ измѣненіи языка принадлежитъ отдѣльнымъ индивидуумамъ и объясняется изъ физіологическихъ и психическихъ индивидуальныхъ особенностей ихъ, а также изъ разныхъ постоянныхъ и случайныхъ внѣшнихъ условій. Пока такія отступленія отъ обычнаго появляются только у отдѣльныхъ лицъ, слушатели смотрятъ на нихъ какъ на ошибки и обмолвки, если они болѣе замѣтны. Чаще они остаются незамѣченными, какъ напр. фонетическое измѣненіе звука, употребленіе слова въ случайномъ значеніи и пр. Подъ вліяніемъ языка окружающихъ они обыкно-

венно безслѣдно исчезаютъ опять, или сохраняются только у отдѣльныхъ лицъ въ видѣ индивидуальной особенности языка (напр. преимущественное употребленіе извѣстныхъ словъ, конструкціи и пр.), или даже въ видѣ недостатковъ языка (шепелявость и пр.).

Но при благопріятныхъ условіяхъ новое явленіе въ языкѣ можетъ утвердиться въ языкѣ тѣсной группы лицъ и можетъ отсюда распространиться дальше. Процессъ распространенія всѣхъ другихъ новыхъ явленій языка существенно не отличается отъ процесса распространенія новыхъ звуковыхъ явленій, изложеннаго на стр. 267 слѣд. Только распространенію новаго значенія или новыхъ словъ и формъ можетъ существенно содѣйствовать потребность въ нихъ со стороны *мысли*.

То обстоятельство, что новое явленіе вообще можетъ распространяться на мѣсто привычнаго стараго, объясняется тѣмъ, что условія, вызвавшія появленіе его органически у группы лицъ, являются обыкновенно болѣе общими, существующими въ извѣстной степени и у другихъ носителей даннаго говора, на рѣчія и пр. Если такія благопріятствующія условія не встрѣчаются гдѣ нибудь на пути распространенія новаго явленія, то распространеніе можетъ остановиться. Къ такимъ благопріятствующимъ условіямъ относится *сходство въ артикуляціонной базѣ* (для звуковыхъ измѣненій, напр. для распространенія аканья), *сходство въ формальной системѣ языка* (напр. распространенію новообразованія «сына» вмѣсто «сыну» содѣйствовало то, что окончаніе род. п. *-а* при им. падежѣ на *-ъ* было всѣмъ гораздо болѣе привычно, такъ какъ словъ съ род. п. на *-а* было гораздо больше), *сходство въ содержаніи мыслей* (напр. при появленіи конки, велосипеда, явилась общая потребность въ названіи этихъ предметовъ) и т. д. Понятно, что такъ сказать распространеніе *забыванія словъ и формъ* зависитъ также отъ распространенія тѣхъ условій (появленія новыхъ словъ и формъ для обозначенія тѣхъ же понятій, исчезновенія понятій), благодаря которымъ эти слова и формы становятся лишними.

Новое явленіе въ языкѣ бываетъ часто настолько незначительное и мало замѣтное, что говорящіе и перенимающіе не сознаютъ его вовсе. Во всякомъ случаѣ распространители новаго не сознаютъ своей новаторской дѣятельности въ языкѣ и

обыкновенно не знаютъ, какъ это новое пристало къ нимъ. Они думаютъ обыкновенно, что они говорятъ, какъ всегда говорили и какъ говорятъ другіе.

Успѣшное распространеніе новаго языкового явленія зависитъ не только отъ того, насколько оно соотвѣтствуетъ психическимъ и физіологическимъ условіямъ перенимающихъ, но прежде всего отъ внѣшнихъ условій непосредственныхъ *языковыхъ сношеній*. Чѣмъ больше каждый перенимающій подвергается въ одиночкѣ хотя бы временно исключительному вліянію среды съ новымъ языковымъ явленіемъ, тѣмъ успѣшнѣе оно прививается къ нему. Благодаря зависимости отъ внѣшнихъ условій языковыхъ сношеній, которыя въ значительной степени случайны, новыя явленія распространяются разнообразными извилистыми путями, то широкой полосой, то перескакивая мѣстность (при переселеніи, при спеціальной обособленности извѣстной мѣстности и пр.) и т. д. На діалектической картѣ получается такимъ образомъ сложный рисунокъ пути распространенія каждаго измѣненія языка. Впрочемъ большею частію невозможно прослѣдить исторически путь возникновенія и распространенія каждаго новаго явленія языка. Новое явленіе можетъ перейти изъ одного говора въ другой, изъ нарѣчія въ нарѣчіе, при этомъ можетъ распространиться не на весь говоръ или нарѣчіе. При посредствѣ переходныхъ говоровъ или при смѣшеніи языковъ новое явленіе можетъ перейти изъ одного языка въ другой.

Понятно, что одновременно распространяются въ языкѣ разныя новыя явленія, возникшія разновременно въ разныхъ мѣстахъ и распространяющіяся *каждое своимъ особымъ путемъ*, въ зависимости отъ встрѣчаемыхъ имъ условій языка и языковыхъ сношеній. Такимъ образомъ языковая карта испещряется разнообразными теченіями новыхъ явленій, разнообразно скрещивающихся между собою. Лишь естественныя преграды, какъ большія рѣки, болота, лѣса, горы, религіозныя и политическія границы являются общимъ препятствіемъ для дальнѣйшаго распространенія, и то преодолѣваются нерѣдко окольными путями. Очевидно, въ любой точкѣ языковой карты проходятъ разныя теченія измѣненія языка въ разной временной послѣдовательности. Измѣненіе, прошедшее мимо одного пункта, можетъ много лѣтъ спустя распространиться на него.

Отсюда становится понятнымъ, что хотя мы и дѣлимъ

языкъ на нарѣчія, поднарѣчія, говоры и подговоры, но нельзя ожидать, чтобы напр. говоръ, какъ меньшая діалектическая единица, представлялъ нѣчто цѣлое, опредѣленно разграниченное отъ другихъ такихъ же цѣльныхъ единицъ—говоровъ, и составляющее вмѣстѣ съ другими говорами нарѣчіе, какъ бо́льшее цѣлое, и т. д. При непрерывныхъ одинаковыхъ языковыхъ сношеніяхъ со всѣми окружающими языкъ каждой мѣстности имѣетъ однѣ особенности, общія съ одними говорами, другія особенности, общія съ другими говорами и т. д. При такихъ условіяхъ выдѣленіе какой-нибудь части въ отдѣльный говоръ или нарѣчіе является болѣе или менѣе *искусственнымъ* и произвольнымъ. Такъ, если мы какой-нибудь языковый районъ, въ которомъ распространены явленія a, b, c, выдѣляемъ на этомъ основаніи въ говоръ A, то другія части языка, имѣющія вмѣсто нихъ явленія a′, b′, c′, мы выдѣляемъ на этомъ основаніи въ другой говоръ B. Но при этомъ другія явленія d, e, существующія въ одной части говора A, могутъ существовать и въ части говора B, а вмѣсто нихъ могутъ существовать въ другихъ частяхъ обоихъ говоровъ общія явленія d′, e′. Слѣдовательно, если мы считали бы явленія d, e болѣе существенными, чѣмъ a, b, c, то получилось бы другое дѣленіе: говоръ C съ особенностями d, e, обнимающій часть говора A и часть говора B, и т. д.

Дѣло осложняется еще тѣмъ, что рядомъ съ этими частями языка могутъ быть другія, въ которыхъ существуютъ явленія a, b′, c или a, b, c′ и т. д. Очевидно, дѣленіе на говоры при этихъ условіяхъ носитъ субъективный характеръ и зависитъ отъ того, какія явленія мы считаемъ болѣе существенными и кладемъ въ основаніе дѣленія. Прежде всего считаются съ явленіями звуковой стороны языка, частью съ морфологическими, менѣе считаются съ синтаксической и наименьше съ лексической и семасіологической стороной языка, такъ какъ слова могутъ легко переноситься въ другіе говоры и даже языки, такъ что представляютъ болѣе измѣнчивый признакъ. Конечно, научное изученіе даннаго языка должно быть историческимъ; поэтому при дѣленіи на говоры стараются по возможности установить историческую послѣдовательность въ возникновеніи различій a—a′, b—b′ и пр. и считаются съ нею при дѣленіи на говоры, нарѣчія и пр.

Болѣе *естественный* говоръ, нарѣчіе и пр. мы видимъ тамъ, гдѣ извѣстная часть носителей даннаго языка болѣе или менѣе обособлена отъ другихъ вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ и духовныхъ условій, ставящихъ между ними преграды въ языковыхъ сношеніяхъ. Такъ до извѣстной степени изолированы отъ другихъ жители одного острова, одной долины, окруженной затрудняющими доступъ горами, одного государства, города, прихода, деревни и пр. При такихъ условіяхъ члены этой части языкового района находятся между собою въ тѣсныхъ языковыхъ сношеніяхъ, а сношенія съ остальными слабы. Поэтому внутри такой *области концентраціи* быстро сглаживаются діалектическія различія, вносимыя изъ другихъ частей языка, именно тѣмъ, что они частью распространяются на всѣхъ представителей данной части языка, частью же отвергаются всѣми. Только при такой большей или меньшей изолированности въ языковыхъ сношеніяхъ и вытекающей отсюда концентраціи вырабатываются естественныя единицы языка (говоръ, нарѣчіе). И то отношенія ихъ къ другимъ подобнымъ говорамъ и пр. бываютъ спорными. При такой продолжительной обособленности отъ другихъ частей языка вырабатываются постепенно такія крупныя особенности не только въ частностяхъ, но и въ общихъ условіяхъ, благодаря которымъ мы признаемъ такую часть отдѣльнымъ языкомъ. Впрочемъ между «языкомъ» и «нарѣчіемъ» никакой принципіальной грани нѣтъ (см. стр. 38), и обыкновенно внѣшнія, совершенно чуждыя языку условія даютъ извѣстной діалектической группѣ названіе «языкъ». Этимъ и объясняется, что напр. названіемъ «нѣмецкій языкъ» объединяются говоры, изъ которыхъ нѣкоторые настолько различны между собою, что говорящіе на нихъ не понимаютъ другъ друга.

Между отдѣльными нарѣчіями или близко родственными языками, характеризуемыми опредѣленными фонетическими, морфологическими и пр. признаками, бываютъ часто еще языковыя полосы, совмѣщающія признаки смежныхъ нарѣчій, которыхъ поэтому нельзя вполнѣ причислить ни къ тому, ни къ другому нарѣчію. Они называются *переходными говорами*. Переходный говоръ представляетъ такую часть языка, внутри которой языковыя сношенія не болѣе интенсивны, чѣмъ съ смежными нарѣчіями. Вслѣдствіе этого она подвергается вліянію двухъ разныхъ діалектическихъ теченій и при малой концентраціи не можетъ

выработать свои характерныя особенности, или характерную совокупность особенностей, раздѣляемыхъ по частямъ сосѣдними нарѣчіями. Такія условія, создающія переходный говоръ, зависятъ отъ внѣшнихъ условій сношеній, которыя въ свою очередь зависятъ отъ разныхъ естественныхъ и соціальныхъ условій, препятствующихъ или способствующихъ сношеніямъ. Кромѣ того переходные говоры могутъ возникнуть и тогда, когда напр. два нарѣчія одного языка пришли впослѣдствіи въ сосѣдское языковое соприкосновеніе, напр. вслѣдствіе переселенія, возникновенія новыхъ путей сообщенія и пр.

Если мы русскій языкъ дѣлимъ на сѣверное, среднее и южнорусское или малорусское нарѣчія, то среднерусское нарѣчіе въ свою очередь распадается на южновеликорусское и на бѣлорусское поднарѣчія. Мы основываемся при этомъ на признакахъ, общихъ бѣлорусскому языку съ великорусскимъ. Но въ тоже время въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ языкахъ много общихъ частію новыхъ фонетическихъ и морфологическихъ явленій, которыя распространялись въ обоихъ такъ же, какъ распространяются подобныя явленія внутри одного говора. Даже съ польскимъ языкомъ бѣлорусскій языкъ раздѣляетъ дзеканье (*ц, дз* изъ мягкихъ *т, д*), и общее происхожденіе его въ обоихъ языкахъ едвали подлежитъ сомнѣнію. По этимъ признакамъ можно при искусственномъ дѣленіи и классификаціи сближать бѣлорусскій языкъ съ малорусскимъ и т. д. На самомъ дѣлѣ бѣлорусскій языкъ отчасти искусственно разграниченная часть русскаго языка, живущая близкой общей жизнію съ остальнымъ русскимъ языкомъ. Внѣшнія условія сношеній сближали ее то съ одной, то съ другой частію русскаго языка и создали достаточно сильную концентрацію, чтобы могла выработаться особенная совокупность чертъ языка, характеризующихъ бѣлорусскій языкъ какъ отдѣльное нарѣчіе.

Нужно не упускать изъ виду, что особенно тамъ, гдѣ нарѣчія, говоры и пр. продолжаютъ существовать рядомъ и гдѣ въ сущности языковыя сношенія нигдѣ не прекращаются, какъ между нарѣчіями и говорами русскаго языка, выдѣленіе отдѣльныхъ частей въ отдѣльные говоры, нарѣчія и пр. и обозначеніе ихъ отдѣльными названіями является въ значительной степени искусственнымъ, даже если эти части характеризуются нѣкоторыми вполнѣ опредѣленными признаками. На самомъ дѣлѣ су-

ществуетъ лишь широко раскинутый языкъ, съ множествомъ разныхъ теченій измѣненій по разнымъ направленіямъ. Въ любой точкѣ мы находимъ особенное сочетаніе бывшихъ теченій, оставившихъ здѣсь свой слѣдъ, которое современемъ измѣнится подъ вліяніемъ новыхъ теченій. Очевидно, дѣленіе на діалектическія единицы служитъ главнымъ образомъ для оріентированія. А задача науки — выслѣдить всѣ бывшія теченія, по возможности опредѣлить путь каждаго, выяснить причины возникновенія и условія распространенія ихъ и т. д.

Эта общая жизнь не прекращается даже при той обособленности и затрудненіи въ сношеніяхъ, въ которыхъ находятся языки отдѣльныхъ народовъ, напр. русскій и нѣмецкій и французскій. Заимствованіе словъ, отчасти формъ, представляетъ въ сущности такое же теченіе измѣненія языка, какъ распространеніе аканья на другіе говоры. Даже изъ самыхъ отдаленныхъ неродственныхъ языковъ дѣлаются заимствованія, особенно при смѣшеніи языковъ.

Кромѣ *мѣстныхъ* діалектовъ, различаемыхъ пространственно, существуютъ еще *соціальныя* діалектическія различія языка разныхъ классовъ общества, разныхъ сословій и спеціальностей (врачей, юристовъ, военныхъ, портныхъ, жуликовъ и пр.). По мѣрѣ увеличенія языковыхъ сношеній благодаря путямъ сообщенія, большимъ городамъ, общимъ школамъ, культурнымъ и торговымъ сношеніямъ и пр. мѣстные діалекты все болѣе сглаживаются, различія смѣшиваются и отчасти исчезаютъ. Но въ то же время съ развитіемъ культуры отдѣльные классы общества все болѣе спеціализуются, все болѣе вырабатываютъ свое особое міровоззрѣніе и свои особенности языка. Но это діалектическое развитіе языка касается больше лексикона и реальныхъ значеній (спеціальные технические словари), между тѣмъ какъ общая школа и печать вводятъ все болѣе однообразіе въ морфологической и синтаксической сторонѣ языка и отчасти въ фонетической. Вслѣдствіе взаимнаго вліянія такихъ соціальныхъ діалектическихъ особенностей возникаютъ новые разнообразные виды смѣшенія діалектовъ.

Изъ предыдущаго понятно, что и языкъ каждаго индивидуума никогда не приходитъ въ состояніе полной уравновѣшенности и покоя. Всякая услышанная рѣчь измѣняетъ нѣсколько его внутренній языкъ хотя бы только тѣмъ, что возбуждаетъ тѣ

или другія части языка и этимъ усиливаетъ слѣдъ ихъ въ памяти и легкость возбуждаемости ихъ. Только полуискусственный *литературный* языкъ или *общенародный* языкъ можетъ сдѣлаться устойчивымъ вслѣдствіе подчиненія его нормамъ грамматики, словаря, образцамъ выдающихся писателей и пр. и вообще письменности.

Появленіе письменности ставитъ въ особыя условія то въ началѣ небольшое нарѣчіе, которое затѣмъ при посредствѣ литературы становится языкомъ всѣхъ образованныхъ членовъ народа. Вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія этотъ языкъ проникаетъ въ народныя массы и вытѣсняетъ мѣстные діалекты, получая отъ нихъ новые элементы. Правда, *литературный языкъ*, принятый въ письменномъ изложеніи, нельзя отожествлять съ *общенароднымъ* или *общегосударственнымъ устнымъ языкомъ*, такъ какъ въ письмѣ встрѣчаются слова, формы словъ и синтаксическія конструкціи, которыя неудобны или вообще неупотребительны въ устномъ языкѣ, являлись бы дѣланными, вычурными или тяжелыми въ устной рѣчи. Они частію архаизмы, или выработались подъ вліяніемъ другихъ литературныхъ языковъ, или представляютъ вообще извѣстныя удобства въ писанномъ языкѣ, который по существу разнородный съ звуковымъ языкомъ. Но въ то же время устный языкъ образованнаго общества (общенародный языкъ) настолько близокъ къ письменному языку, особенно въ новѣйшее время, когда письменный языкъ стремится къ возможному сближенію съ устнымъ языкомъ, что письменный языкъ въ значительной степени обезпечиваетъ постоянство и однообразіе въ общенародномъ языкѣ.

§ 2. Смѣшеніе языковъ. Заимствованія.

Отъ распространенія вновь явившихся явленій языка и перехода ихъ изъ говора въ говоръ, изъ нарѣчія въ нарѣчіе, о которомъ была рѣчь въ предыдущемъ, принципіально не отличается заимствованіе изъ другого языка, родственнаго или неродственнаго. Конечно, переносить факты одного языка въ другой могутъ только тѣ лица, которыя владѣютъ обоими языками, или по крайней мѣрѣ понимаютъ до извѣстной степени языкъ, изъ котораго заимствуется. Такимъ образомъ у этихъ лицъ психическія условія по отношенію къ распространяемымъ ими фактамъ

чужого языка такое же, какъ у лицъ, распространяющихъ новыя явленія, возникшія внутри говора.

Заимствуются обыкновенно отдѣльныя слова, причемъ посредствомъ субституціи (стр. 266) звуковъ, ударенія и пр. устраняются иностранныя звуковыя особенности. Впрочемъ при двуязычіи вслѣдствіе смѣшенія народовъ заимствуются и звуки изъ другого языка (стр. 259 слѣд.). Изъ заимствованныхъ словъ могутъ выдѣлиться основныя и формальныя иноязычныя принадлежности словъ (стр. 357), слѣдовательно могутъ явиться и иноязычные суффиксы словообразованія и словоизмѣненія. Особенно легко переносятся въ другой языкъ синтаксическія формы, которыя не противорѣчатъ установившимся формамъ, хотя и не привычны въ заимствующемъ языкѣ. Такое вліяніе на строеніе предложеній нѣмецкаго литературнаго языка оказывали латинскій и французскій языкъ, на русскій литературный языкъ—французскій языкъ и пр. Заимствованіе можетъ заключаться и въ одной лишь семасіологической сторонѣ языка (переводъ иностранныхъ словъ, какъ въ «падежъ», «склоненіе», стр. 353—354). Въ любомъ языкѣ много заимствованныхъ словъ, нерѣдко бо́льшая половина всѣхъ словъ. Только болѣе древнія заимствованія узнаются нерѣдко лишь при научномъ изученіи языка; и то нельзя всегда съ достовѣрностью опредѣлить, заимствовано ли слово, и откуда, такъ какъ иностранныя слова подвергаются тѣмъ же измѣненіямъ, какимъ подвергаются первоначальныя слова.

Такъ какъ значенія словъ измѣняются очень легко, и новыя формы словъ являются тоже легко по аналогіи, то происхожденіе заимствованнаго слова опредѣляется главнымъ образомъ по его звуковой сторонѣ, сообразуясь съ звуковыми законами даннаго языка. Принимая въ расчетъ, въ какомъ звуковомъ видѣ слово могло быть заимствовано, а также тѣ измѣненія въ звукахъ, которыя въ немъ могли произойти впослѣдствіи, можно нерѣдко опредѣлить даже приблизительно время, когда это слово было заимствовано. Чѣмъ новѣе заимствованіе, тѣмъ легче обыкновенно опредѣлить мѣсто и время его заимствованія, и тѣмъ скорѣе сохранились историческія указанія. Заимствованія какъ «университетъ», «курсъ», «мода» всѣмъ понятны. Къ сравнительно новымъ относятся и заимствованія изъ татарскаго (тюркскаго) языка, какъ «чердакъ», «хозяинъ», «лошадь».

Слова какъ «врагъ», «рожденіе», форма причастія какъ въ

«говорящій», «идущій» и пр. заимствованы изъ церковнославянскаго языка, такъ какъ по законамъ русскаго языка могли изъ соотвѣтствующихъ праславянскихъ словъ получиться только: «ворогъ» (съ русскимъ полногласіемъ), «роженье» (ср. родить—рожу; изъ dj получилось русское *жс* и старослав. *жд*), «горячій», «идучи» (изъ tj получилось русское *ч* и старослав. **щ**. Ср. южнолитовскій род. п. причастія serganczo и діалектическое serguntio, въ которомъ *i* обозначаетъ мягкость t изъ tj).—«Ѳеодоръ», «каѳедра» и пр. взяты непосредственно изъ греческаго языка, а «тема», «театръ» при посредствѣ западноевропейскихъ языковъ, а то были бы «ѳеатръ», «ѳема», съ звуковъ *ф*, какъ въ «анаѳема» (см. стр. 267).

Въ праславянскую эпоху было заимствовано очевидно изъ германскаго языка слово вѣроятно въ видѣ «мелко», такъ какъ отсюда могли получиться старослав. **млѣко**, русское «молоко». Изъ этого же германскаго слова произошло нововерхненѣмецкое Milch. Если это слово было бы исконное славянское, то должно было бы имѣть *з* вмѣсто *ж* (ср. молозиво, старослав. **мълъжѫ**—дою, литовск. mélžu, древневерхненѣм. milchu, лат. mulgeo, греч. ἀμέλγω). —Нынѣшнее слово «князь», старослав. **кънязь**, **кънязъ**, было заимствовано въ праславянскую эпоху изъ германскаго языка приблизительно въ видѣ kuningas (откуда нѣм. Kōnig), притомъ до эпохи измѣненія въ праславянскомъ языкѣ *g* въ *dz* > *z* (см. стр. 273) и до эпохи образованія назалированныхъ гласныхъ. Если бы слово «ангелъ» было заимствовано въ ту же эпоху изъ греческаго языка (ἄγγελος), то теперь было бы въ русскомъ языкѣ въ первомъ слогѣ *у* или *я*, а въ старославянскомъ **ѫ** или **ѧ** (ср. старослав. **жглъ**, рус. уголъ, лат. angulus и стр. 253, 259). Но въ X в. *an* не измѣнялось уже въ назалированный гласный.

Нерѣдко время заимствованія опредѣляется по даннымъ того языка, изъ котораго заимствуютъ. Такъ нѣмцамъ Pleskau былъ извѣстенъ въ то время, когда еще произносили «Пльсковъ», измѣнившееся затѣмъ въ «Плсковъ» > «Псковъ».

Конечно, заимствуются только слова, а не формы. Если въ русскомъ языкѣ существуетъ глагольный суффиксъ *ир*-(-овать), напр. въ «анализировать», то онъ возникъ въ книжномъ языкѣ въ тѣхъ многочисленныхъ заимствованныхъ нѣмецкихъ глаголахъ, какъ analisieren, constatieren (стр. 358).

Для древнѣйшихъ эпохъ является нерѣдко сомнѣніе, заим-

ствовано ли слово, или оно восходитъ къ индоевроп. праязыку, гдѣ конечно также были уже заимствованія изъ языковъ, которые могли не сохраниться. Такъ слово «вино», нѣм. Wein, лат. vīnum, греч. οἶνος и пр., не существующее въ индоиранскихъ языкахъ, считаютъ обыкновенно на основаніи культурноисторическихъ и географическихъ соображеній древнимъ заимствованіемъ въ большинствѣ языковъ, хотя звуковыя условія не вездѣ вынуждаютъ къ этому. Слово это могло быть перенесено отъ малоазіатскихъ индоевропейцевъ (отъ фригійцевъ къ ѳракійцамъ и пр.) вмѣстѣ съ виноградной лозой и могло распространиться вмѣстѣ съ виноградным виномъ.

Указанное перенесеніе фактовъ изъ одного языка въ другой называютъ и «смѣшеніемъ языковъ», и въ этомъ смыслѣ говорятъ о «смѣшанныхъ языкахъ». Понятно, что при смѣшеніи народовъ могутъ вырабатываться языки, представляющіе смѣсь двухъ или болѣе языковъ не только по словарю, но и по грамматикѣ, синтаксису и пр. Такіе языки были бы смѣшанными въ полномъ смыслѣ слова. Такіе смѣшанные языки можетъ быть представляютъ меланезійскіе языки. Обыкновенно мы опредѣляемъ принадлежность языка къ извѣстной семьѣ по его грамматическому строю и не считаемся съ заимствованіями по словарю, какъ напр. по отношенію къ армянскому, отчасти болгарскому языку. Но если подъ вліяніемъ другого языка при смѣшеніи народовъ исчезаютъ напр. извѣстныя формы словъ и цѣлыя категоріи ихъ, какъ напр. различія по роду, различія въ падежахъ и временахъ, то въ этой отрицательной сторонѣ нужно также видѣть вліяніе одного языка на другой, продуктъ смѣшенія языковъ въ грамматической сторонѣ языка. Въ этомъ отношеніи отдѣльные индоевропейскіе языки и въ грамматическомъ отношеніи представляютъ вѣроятно гораздо больше слѣдовъ вліянія чужихъ языковъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Какъ сказывается такое вліяніе, объ этомъ можно судить по такому смѣшанному языку, какъ русскій языкъ въ устахъ китайцевъ, которые напр. разныя падежныя формы замѣняютъ одной, вмѣсто разныхъ глагольныхъ формъ употребляютъ повелительное наклоненіе и т. д.

§ 3. Вымираніе языковъ.

Мы знаемъ языки, которые раньше занимали нерѣдко громадныя пространства а затѣмъ вымерли, напр. языкъ галльскій,

языкъ древнихъ пруссовъ и пр. Другіе языки дошли до насъ въ остаткахъ, напр. языкъ басковъ; т. е. небольшая часть народа, говорившаго раньше на данномъ языкѣ, сохранила его въ устахъ потомковъ, между тѣмъ какъ остальная часть забыла его, усвоивъ себѣ другой языкъ. Литовскій языкъ въ Пруссіи и остатки славянскихъ нарѣчій поморянъ тамъ же вымираютъ на нашихъ глазахъ. Конечно, напр. по отношенію къ латинскому языку нельзя собственно говорить о вымираніи, такъ какъ только литературный латинскій языкъ вымеръ, просуществовавъ еще долго какъ живой языкъ ученыхъ; а народный латинскій языкъ живетъ до сихъ поръ и получилъ широкое распространеніе въ своихъ потомкахъ—романскихъ языкахъ. Поэтому не нужно обманываться названіями языковъ, а нужно видѣть вымираніе только тамъ, гдѣ дѣйствительно прекращается дальнѣйшая передача языка.

Причиной вымиранія языка въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ поголовное истребленіе или вымираніе всѣхъ индивидуумовъ—носителей даннаго языка, какъ напр. часто краснокожихъ индійцевъ. Обыкновенно вымирающій языкъ вытѣсняется другимъ языкомъ, т. е. носители его въ теченіи поколѣній забываютъ его, употребляя преимущественно другой языкъ, такъ что окончательному вымиранію предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ двуязычія, заканчивающійся тѣмъ, что вымирающій языкъ встрѣчается только въ домашнемъ употребленіи отдѣльныхъ семей, обыкновенно бѣднѣйшихъ, затѣмъ въ устахъ немногихъ стариковъ и въ особенности старухъ, такъ какъ женщины менѣе приходятъ въ внѣшнія языковыя сношенія.

Такое двуязычіе наступаетъ при смѣшеніи двухъ народовъ, или точнѣе, когда носители разныхъ языковъ живутъ такъ въ перемѣшку, что почти всѣ находятся въ языковыхъ сношеніяхъ съ носителями другого языка. Обыкновенно утверждаютъ, что при этихъ условіяхъ языкъ болѣе культурнаго народа или языкъ народа побѣдителя одерживаетъ верхъ. Это не подтверждается историческими фактами. При отсутствіи письменности можно съ тѣмъ же правомъ держаться какъ разъ противоположнаго взгляда, такъ какъ наиболѣе успѣшно чужой языкъ переходитъ отъ прислуги и подчиненныхъ къ дѣтямъ хозяевъ, слѣдовательно обыкновенно отъ менѣе культурнаго и покореннаго народа къ господствующему. Потому напр. курляндскіе нѣмцы говорятъ по

латышски, а латыши, кромѣ обучавшихся въ школѣ, не знаютъ нѣмецкаго языка. Болгаре не навязали своего тюркскаго языка славянамъ, жившимъ около нижняго теченія Дуная, а смѣшавшись съ ними приняли ихъ языкъ, давъ ему лишь свое имя. Въ дѣйствительности безконечное множество сложныхъ соціальныхъ условій, вытекающихъ изъ разнородныхъ политическихъ, административныхъ, экономическихъ, религіозныхъ и пр. условій, а въ послѣднее время и національныя и школьныя условія обусловливаютъ вымираніе того или другого языка.

При изслѣдованіи условій вымиранія какого либо языка нужно, какъ во всѣхъ явленіяхъ языка, отречься отъ абстрактныхъ понятій «народъ», «языкъ», и изслѣдовать, какъ у всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ въ ихъ потомственной преемственности постепенно одинъ языкъ замѣнился другимъ.

ГЛАВА XI.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ.

§ 1. Общенародный языкъ.

Рядомъ съ множествомъ народныхъ говоровъ, составляющихъ въ совокупности языкъ и служащихъ предметомъ научнаго изученія даннаго языка, у культурныхъ народовъ существуетъ еще *общенародный* (общегосударственный) языкъ (Gemeinsprache), который является языкомъ литературы, школы, администраціи, дѣловыхъ и частныхъ сношеній и пр. въ образованномъ обществѣ даннаго народа. Этотъ общенародный языкъ распространяется и поддерживается традиціей образованнаго общества, школой и печатью. Названія «французскій языкъ», «нѣмецкій языкъ» и пр. обозначаютъ (въ тѣсномъ смыслѣ) въ практической жизни обыкновенно именно такіе языки. Въ лингвистикѣ они называются точнѣе «общенѣмецкій языкъ», «общерусскій языкъ» и т. д. Нормой такого языка служитъ практическая грамматика и словарь, литература и традиція образованнаго общества. Нерѣдко этотъ языкъ отожествляется съ языкомъ какой либо мѣстности или столицы (московское нарѣчіе, языкъ г. Парижа), изъ котораго развился или гдѣ особенно распространился этотъ искусственно нормированный языкъ. Но точнымъ образцомъ его считаютъ въ Германіи и Франціи языкъ сцены, особенно серьезной драмы, такъ какъ въ сущности образецъ такого нормированнаго языка почти только вообразимый идеалъ, въ сравненіи съ которымъ всякій дѣйствительный языкъ является нѣсколько діалектическимъ.

Но такой *общенародный языкъ устнаго сношенія* образованнаго общества нельзя вполнѣ отожествлять съ *языкомъ литературы* или вообще съ *письменнымъ языкомъ* даннаго народа,

такъ какъ въ письменномъ изложеніи употребляются обыкновенно слова, выраженія и конструкціи, которыя казались бы неестественными и частію были бы неудобны въ устной рѣчи. Кромѣ того въ каждой спеціальной сферѣ, напр. въ судебномъ и административномъ дѣлопроизводствѣ, въ лингвистикѣ, медицинѣ и пр. вырабатываются свои особыя діалектическія черты, главнымъ образомъ стилистическія и лексическія.

Понятно, что у тѣхъ жителей, которые съ дѣтства говорили на одномъ изъ народныхъ діалектовъ и затѣмъ въ школѣ или въ обществѣ усваиваютъ себѣ общенародный языкъ, наблюдаются подобныя же явленія смѣшенія языковъ, какъ при двуязычіи вообще. Вслѣдствіе этого общенародный языкъ распространяется на счетъ говоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ мѣстные діалектическіе элементы подъ вліяніемъ этихъ говоровъ (главнымъ образомъ въ фонетическомъ отношеніи подъ вліяніемъ артикуляціонной базы ихъ), которые могутъ все больше распространяться въ общенародномъ языкѣ.

Такой общенародный языкъ выработался въ разныхъ странахъ различными историческими путями. Его появленіе объясняется насущной потребностью въ такомъ общепринятомъ языкѣ у членовъ культурнаго государства. Благодаря ей какой нибудь говоръ становился постепенно въ все болѣе широкихъ кругахъ орудіемъ общественныхъ, религіозныхъ, литературныхъ, коммерческихъ и пр. сношеній, и затѣмъ уже начинали нормировать его при помощи грамматикъ и пр. и сознательно проводить его посредствомъ школы и пр. Поэтому такой общенародный языкъ является до извѣстной степени *искусственнымъ*, въ который писатели и грамматики вносили предумышленно тѣ или другія измѣненія или ограниченія. Немаловажную роль играла при этомъ мода и подражаніе высшему и образованному обществу. Вслѣдствіе нормировки общенародный языкъ является болѣе постояннымъ, чѣмъ народные говоры, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ гораздо большее разнообразіе въ звуковомъ отношеніи, чѣмъ какой либо говоръ, такъ какъ главный проводникъ его, письмо, можетъ передавать звуковую сторону лишь въ общихъ чертахъ, но не передаетъ «произношенія». Впрочемъ въ новѣйшее время прививается въ школѣ и образцовое произношеніе общенароднаго языка, напр. въ Германіи и Франціи.

Общенародный языкъ возникаетъ изъ такой же практической

потребности сношенія между членами болѣе широкаго союза, изъ какой возникъ человѣческій языкъ вообще. Такъ какъ практическая потребность создаетъ естественнымъ путемъ общенародный языкъ, лишь заднимъ числомъ констатированный и нормированный, то, понятно, границы его области вовсе не совпадаютъ съ той группировкой говоровъ и нарѣчій, которая соотвѣтствуетъ близости ихъ между собою по родству. Такъ, между верхненѣмецкими и нижненѣмецкими говорами различіе больше, чѣмъ напр. между польскимъ и чешскимъ, или между польскимъ и сербскимъ языками. Тѣмъ не менѣе въ области этихъ германскихъ говоровъ возникъ исторически одинъ «общенѣмецкій языкъ», а панславянскія попытки создать «общеславянскій» языкъ должны были вслѣдствіе естественныхъ причинъ оказаться тщетными. Конечно этотъ общенѣмецкій языкъ большинство нѣмецкаго народа, говорящее на говорахъ, изучаетъ въ школѣ почти какъ иностранный языкъ, причемъ большое стараніе прилагается къ усвоенію правильнаго произношенія. Тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности произношеніе его очень разнообразно.

По мнѣнію выдающихся германистовъ теперь нечего и думать о созданіи «общенижненѣмецкаго» языка рядомъ съ «общенѣмецкимъ» языкомъ, который въ сущности языкъ верхненѣмецкій, несмотря на то, что существуютъ литература и извѣстные писатели, писавшіе на нижненѣмецкомъ языкѣ (Plattdeutsch). Такъ же немыслимо создать теперь «общепровансальскій» языкъ, несмотря на то, что народный языкъ на югѣ Франціи собственно провансальскій, имѣющій богатую древнюю литературу (см. стр. 54). Въ аналогичныхъ условіяхъ съ приверженцами Plattdeutsch'a въ Германіи находятся у насъ и въ Галиціи сторонники созданія самостоятельнаго общемалорусскаго языка. Разница только въ томъ, что тамъ общая масса успѣла уже убѣдиться въ несостоятельности такого предпріятія. Помимо того факта, что исторически уже установился *общенародный русскій языкъ*, практическія выгоды, представляемыя болѣе распространеннымъ языкомъ, притомъ общенароднымъ и общегосударственнымъ, столь велики, что рядомъ съ ними разныя односторонніе соображенія и вкусы не могутъ расчитывать на практическій успѣхъ. Нужно еще имѣть въ виду, что въ выработкѣ общерусскаго языка участвовали также писатели и ученые изъ малороссовъ. А народъ, говорящій на говорахъ, долженъ всегда изучать

въ школѣ или посредствомъ чтенія всякій такой «общій» языкъ, почти такъ же, какъ изучается иностранный языкъ, только изученіе его несравненно легче. Рѣдкій примѣръ распространенія общенароднаго языка и почти полнаго вытѣсненія имъ народныхъ говоровъ представляетъ классическій греческій языкъ (койне, см. стр. 53). Конечно, существованіе общенароднаго языка не исключаетъ возможности появленія литературныхъ произведеній напр. на нижненѣмецкомъ или малорусскомъ языкѣ. Впрочемъ въ литературѣ посчастливилось преимущественно одному поднарѣчію малорусскаго языка, именно украинскому. Но рѣдко талантливый писатель предпочитаетъ съузить добровольно кругъ своихъ читателей и своего литературнаго вліянія. Что былъ бы Гоголь, писавшій «Мертвыя души» и «Ревизора» на малорусскомъ языкѣ? Сравните еще автора и издателя произведенія на англійскомъ языкѣ. Англійскій писатель пишетъ для всего міра, а нижненѣмецкій или украинскій для узкаго круга любителей.

И у западныхъ европейскихъ народовъ число такихъ людей изъ малообразованныхъ, для которыхъ общенародный языкъ есть домашній языкъ, очень ограничено. Но это не приводитъ къ раздробленію общенароднаго литературнаго языка (въ широкомъ смыслѣ). Напротивъ, общая міровая культура заставляетъ прибѣгать къ все болѣе распространенному языку, о чемъ свидѣтельствуютъ упорныя попытки создать всемірный языкъ (см. ниже). Великое значеніе болѣе общаго языка для культурнаго народа было сознано уже въ древности, о чемъ свидѣтельствуетъ преданіе о «смѣшеніи языковъ» при Вавилонскомъ столпотвореніи. Только на «общемъ» языкѣ большого народа можетъ въ нынѣшнее время возникнуть удовлетворительная научная и техническая литература.

§ 2. Настоящіе искусственные языки. Всемірный языкъ.

Громадныя выгоды всякаго рода, сопряженныя съ званіемъ болѣе распространеннаго языка, должны были навести на мысль о созданіи одного общаго языка по крайней мѣрѣ для народовъ европейской культуры, говорящихъ на языкахъ индоевропейскаго происхожденія.

Возможность созданія такого искусственнаго языка, по крайней мѣрѣ для дѣловыхъ, научныхъ и техническихъ между-

народныхъ сношеній, въ теоріи отрицать нельзя. Вѣдь грамматическая нормировка «общихъ языковъ» культурныхъ народовъ содержитъ также искусственные элементы. Въ отдѣльной семьѣ возникаютъ нерѣдко случайно, чаще для забавы, особыя слова и выраженія или особыя значенія словъ, которыя временно сохраняются. Чаще они появляются изъ языка дѣтей. Къ искусственнымъ языкамъ относятся разныя ковсрканія языка у школьниковъ, напр. посредствомъ прибавки слога «фу» къ каждому слогу и пр. Ученые и писатели нерѣдко вносятъ искусственно въ языкъ архаическіе, исторически сохранившіеся элементы. Въ языкѣ отдѣльныхъ профессій создаютъ нерѣдко нарочно техническіе термины. Существуютъ цѣлые сборники напр. языка солдатъ и языка студентовъ въ Германіи. Въ этихъ языкахъ понятія, имѣющія въ данномъ кругу особый интересъ, обозначаются нарочно такими словами, которыя непонятны для непосвященныхъ. Такія слова чаще иностраннаго происхожденія, но нерѣдко и общеупотребительныя, только въ другомъ значеніи. Часто такія слова образуются посредствомъ искаженія общеупотребительныхъ словъ прибавкою звуковыхъ элементовъ или замѣной однихъ звуковъ другими.

Къ такимъ искусственнымъ, притомъ *тайнымъ* языкамъ относятся у насъ напр. условные языки офеней и вообще торговцевъ, портныхъ и пр. разныхъ мѣстностей, и особенно условные тайные языки жуликовъ, воровъ и разныхъ преступниковъ. Въ послѣднихъ прежде всего слова какъ кража, убійство, взломъ, тюрьма и пр. замѣняются другими словами. Профессіональные интересы и досугъ представляютъ удобныя условія для созданія и сохраненія такихъ искусственныхъ языковъ, въ которыхъ впрочемъ искусственный элементъ заключается въ замѣнѣ однихъ звуковъ и словъ и выраженій другими, причемъ въ остальныхъ отношеніяхъ языкъ и его грамматика остаются обыкновенно нетронутыми.

Всѣ эти примѣры показываютъ, что преднамѣренное искусственное творчество въ языкѣ можетъ имѣть успѣхъ и разсчитывать на распространеніе, если совокупность всѣхъ естественныхъ условій, содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ такимъ новшествамъ, даютъ перевѣсъ этимъ новшествамъ. Конечно цѣль всеобщаго или *всемірнаго* языка какъ разъ противоположна той цѣли, съ которой создаются тайные языки. Если напр. Одоевскимъ

торговцамъ удобно замѣнить «четыре» посредствомъ «бутыре», «вино» посредствомъ «тарно», то очевидно въ всемірномъ языкѣ удобнѣе обозначить эти понятія такими словами, которыя по возможности заранѣе понятны всѣмъ народамъ, напр. вино словомъ vin, vino или чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

Искусственныхъ всемірныхъ языковъ, намѣченныхъ въ общихъ чертахъ или подробно разработанныхъ, съ грамматикой и съ словаремъ, придумано уже больше, чѣмъ существуетъ въ настоящее время въ Европѣ народныхъ языковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ «волапюкъ», имѣли очень много приверженцевъ. «Эсперанто» имѣетъ сейчасъ множество преданныхъ адептовъ, усердно изучающихъ его и переводящихъ на этотъ языкъ не только литературныя, но и научныя и даже философскія произведенія и т. д. Составлена даже исторія искусственныхъ языковъ (самая подробная: Couturat et Leau, Histoire de la langue universelle. 1903). На такихъ языкахъ велась переписка и произносились рѣчи на спеціальныхъ конгрессахъ. Для разработки и распространенія ихъ намѣчались широкіе планы, въ томъ числѣ и немедленное введеніе ихъ въ школьное преподаваніе, учреждались общества и обращались къ содѣйствію международной ассоціаціи академій и т. д.

Знаменательно однако, что все дѣло ведется лицами, не имѣющими спеціальной лингвистической подготовки, и что немногіе лингвисты сочувствовали этому предпріятію и ни одинъ лингвистъ не принималъ участія въ фактическомъ созданіи такого языка. Правда, постепенно вырабатывались все болѣе здравые взгляды на такой искусственный языкъ. Вмѣсто знаковъ основныхъ понятій, на которыя расчленяли мышленіе въ философскій періодъ языковѣдѣнія, и вмѣсто болѣе позднихъ произвольно придуманныхъ корней и суффиксовъ (въ волапюкѣ), или вмѣсто корней латинскаго языка, стали наконецъ пользоваться такими морфологическими принадлежностями словъ, которыя вслѣдствіе родства или заимствованія общи большему или меньшему числу главныхъ европейскихъ языковъ. Основныя принадлежности остальныхъ словъ брали изъ разныхъ главныхъ европейскихъ языковъ (французскаго, англійскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, русскаго и пр.), причемъ для соблюденія международной справедливости дѣлали подсчеты численности народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, распредѣляли ихъ по степени культурнаго зна-

ченія и пр., и пропорціонально съ этимъ заимствовали ихъ слова. Упрощенную грамматику съ суффиксами словообразованія и словоизмѣненія каждый изобрѣтатель языка придумалъ по своему. Въ большинствѣ случаевъ получился въ результатѣ нѣчто вродѣ романскаго діалекта, какъ видно изъ слѣдующей фразы «эсперанто»: Simpla, fleksebla, belsona, vere internacia en siaj elementoj, Esperanto prezentas al la mondo civilizita la sole veran solvon de lingvo internacia.

Нуженъ ли переводъ? Знакомый съ латинскимъ и съ французскимъ или итальянскимъ языкомъ подумаетъ, что передъ нимъ испанскій или какой-то другой романскій языкъ. Сравнимъ эту фразу съ переводомъ на французскій языкъ: Simple, flexible, harmonieux (ср. belle и son) vraiment (итальянск. vero) international en ses éléments, l'Espéranto présente au (ср. à la) monde civilisé la seule (итал. solo) véritable solution (итал. solvere) d'une langue (итальянск. lingua) internationale. Излишне доказывать, что для русскаго, шведа, татарина и пр. такой языкъ не ближе, чѣмъ настоящій французскій или итальянскій языкъ. Упрощенная грамматика не можетъ возмѣстить преимуществъ французскаго языка, на которомъ существуетъ цѣлая національная литература и на которомъ говоритъ цѣлый народъ и образованные классы другихъ народовъ. А кто будетъ на эсперанто говорить или писать черезъ 5 лѣтъ? Правда, приверженцы всемірнаго языка уже успѣли настолько отрезвиться, что не мечтаютъ больше о единомъ языкѣ, вошедшемъ въ народное употребленіе, а лишь объ изучаемомъ нарочно искусственномъ языкѣ для международныхъ, главнымъ образомъ письменныхъ сношеній между образованными людьми по техническимъ, коммерческимъ и научнымъ вопросамъ.

Другіе искусственные языки отводятъ больше мѣста основнымъ принадлежностямъ германскихъ языковъ. Во всякомъ случаѣ для лицъ, говорящихъ на одномъ изъ славянскихъ языковъ, изученіе такого искусственнаго языка существеннаго облегченія не представляетъ сравнительно съ французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ, а для говорящихъ на неиндоевропейскихъ языкахъ новѣйшіе искусственные языки даже не предназначаются, какъ слишкомъ разнородные съ ними по строю и словарю.

Если имѣть въ виду, что значенія, связанныя въ европейскихъ языкахъ со словами, родственными по происхожденію,

болѣе или менѣе различны въ разныхъ языкахъ, въ чемъ легко убѣдиться, заглядывая въ словарь, гдѣ эти слова сопоставляются по значеніямъ, напр. въ нѣмецко-французскій, французско-итальянскій словарь и т. д., то не трудно понять, что такого настоящаго (искусственнаго международнаго) языка быть не можетъ, такъ какъ всякій будетъ подставлять значенія своего родного языка. Это будетъ всегда нѣчто вродѣ болѣе совершенной сигнализаціи, какъ она принята въ международномъ морскомъ кодексѣ. Кромѣ того при самомъ изученіи такого всемірнаго языка разные народы не только субституировали бы звуки своего родного языка, но произносили бы слова до неузнаваемости различно. Вѣдь всемірный языкъ распространяется посредствомъ письма, а англичанинъ или американецъ читаетъ букву *a* въ извѣстныхъ условіяхъ какъ *ēi*, букву *e* какъ *i*, букву *i* какъ *ai* и пр. Французъ читаетъ *in* какъ *ą̃*, *u* какъ *ü* и пр. Кто не привыкъ, не узнаетъ латинскихъ словъ въ устахъ ихъ. Съ всемірнымъ языкомъ дѣло не лучше. Если же онъ сталъ бы въ извѣстныхъ кругахъ живымъ, то онъ распался бы на еще больше различествующіе діалекты. А если при помощи школъ и курсовъ, фонографа и пр. пріучать всѣхъ къ однообразному чтенію, то одно изъ главныхъ условій его—легкость усвоенія—исчезло бы. Впрочемъ легкость усвоенія напр. эсперанто сильно преувеличивается адептами его, какъ я убѣдился изъ личныхъ наблюденій. Надо еще прибавить, что громадному большинству людей онъ совсѣмъ не нуженъ. А тѣ, которымъ онъ нуженъ, предпочтутъ изучить нѣсколько настоящихъ языковъ, дающихъ возможность понимать всю литературу и десятки милліоновъ членовъ нѣсколькихъ народовъ, чѣмъ изучить какой нибудь Volapük, Langue bleue, Universalsprache, Weltsprache, Pasilingua, Esperanto, Kosmos, Nov Latin, Lingua komun, Jdiom neutral и пр., на которыхъ можно кое-какъ, главнымъ образомъ письменно, сегодня объясняться съ нѣсколькими десятками или даже десятками тысячъ убѣжденныхъ сторонниковъ; а черезъ годъ можетъ быть не найдешь уже собесѣдника на такомъ всемірномъ языкѣ. По свѣдѣніямъ приверженцевъ волапюка этотъ всемірный языкъ имѣлъ въ 1889 г. около милліона сторонниковъ, въ 1890 г. около 13,000 лицъ пользовались имъ въ международной торговлѣ. Гдѣ они теперь?

Къ предыдущему, изложенному уже въ первомъ изданіи за исклю-

ченіемъ небольшой вставки, нужно теперь прибавить слѣдующее. Такъ какъ академіи отнеслись въ общемъ уклончиво къ указанному выше обращенію парижской Délégation pour l'adoption d'une langue auxiliaire internationale, то послѣдней былъ избранъ комитетъ, въ составъ котораго вошло 2 извѣстныхъ лингвиста, проф. Бодуэнъ де Куртенэ и Jespersen. Изъ всѣхъ искусственныхъ языковъ этотъ комитетъ отдалъ предпочтеніе эсперанто. Затѣмъ выступили противниками, съ скептическими взглядами, сходными съ моими изложенными выше, Brugmann и Leskien (Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen, 1907), на что послѣдовалъ подъ такимъ же заглавіемъ отвѣтъ проф. Бодуэна и т. д.

ГЛАВА XII.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЯЗЫКА.

Вопросомъ о происхожденіи человѣческаго звукового языка занимались съ древнѣйшихъ временъ. Но и современная лингвистика не успѣла придти къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса, насколько это вообще возможно (см. стр. 23—24), между прочимъ въ виду малоизвѣстности особенностей исторической жизни болѣе отдаленныхъ языковъ и ничтожнаго знакомства съ языками извѣстныхъ животныхъ. Между возникновеніемъ языка у дѣтей и первоначальнымъ возникновеніемъ человѣческаго языка конечно существенное различіе, такъ какъ наши дѣти пріобщаются къ готовому уже языку и органически унаслѣдовали извѣстныя предрасположенія къ функціямъ языка. Тѣмъ не менѣе дѣтскій языкъ даетъ много существенныхъ указаній относительно происхожденія языка и также еще недостаточно изученъ. При такихъ условіяхъ понятно, что вопросъ о происхожденіи языка еще не созрѣлъ, чтобы быть предметомъ изученія въ учебникѣ языковѣдѣнія. Но въ виду того, что этотъ вопросъ интересуетъ многихъ, и что имъ часто занимаются въ популярныхъ лингвистическихъ работахъ, я счелъ нужнымъ ввести въ это новое изданіе главу о происхожденіи языка, скорѣе съ цѣлью предупрежденія отъ увлеченій появляющимися гипотезами. Ограничусь поэтому краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ главныхъ и новыхъ теорій и своихъ соображеній.

Еще греки задавались вопросомъ, существуетъ ли языкъ θέσει или φύσει, т. е. какъ установленіе или по природѣ. Въ первомъ случаѣ понимали языкъ какъ непосредственное божественное установленіе, или какъ преднамѣренное человѣческое изобрѣтеніе. Во второмъ случаѣ можно понимать языкъ какъ нѣчто присущее съ самаго начала человѣческой природѣ, или же какъ

нѣчто связанное съ естественнымъ историческимъ развитіемъ человѣка и вытекающее изъ него.

Всѣ эти гипотезы имѣли въ разныя времена своихъ приверженцевъ. Въ настоящее время приходится считаться лишь съ послѣдней, и вопросъ въ томъ, какимъ образомъ въ связи съ естественной эволюціей человѣка возникалъ человѣческій звуковой языкъ, и въ частности, какъ первоначально для обозначенія разныхъ представленій вступили съ ними въ ассоціацію и выработались многочисленныя звуковыя слова.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ предлагались разныя теоріи. Одна изъ древнѣйшихъ—*звукоподражательная* (ономатопоэтическая) или теорія wau—wau. По ней подражаніемъ звукамъ напр. лая собаки стали обозначать лай собаки, лающую собаку, собаку вообще и пр. Противъ этой распространенной теоріи возражаютъ, что звукоподражательныхъ словъ въ извѣстныхъ намъ языкахъ очень немного, что большинству внѣшнихъ явленій не присущи особые звуки, и что нужно было человѣку сначала инымъ путемъ дойти до пользованія вообще нарочно издаваемыми звуками для сообщенія мыслей, чтобы явилась потребность въ звукоподражательныхъ знакахъ мысли.

Въ виду этихъ возраженій прибѣгаютъ между прочимъ къ объясненію, что естественная связь между звуками и обозначаемымъ ими представленіемъ можетъ заключаться въ одномъ лишь сходствѣ въ сопровождающихъ ихъ чувствованіяхъ. Однако такая связь не могла непосредственно вызывать звуки, которые лишь результатъ движеній органовъ рѣчи. Но вообще эти возраженія не вполнѣ основательны. Что теперь звукоподражательныхъ словъ не много, весьма понятно: первоначальныя сравнительно немногочисленныя такія слова могли измѣниться съ тѣхъ поръ до неузнаваемости и тонутъ въ массѣ позднѣйшихъ пріобрѣтеній. Въ новыхъ словахъ теперь нѣтъ надобности, и то возникающія нынѣ совершенно новыя слова обыкновенно звукоподражательныя. Многіе предметы, интересовавшіе первобытнаго человѣка, могли связываться съ звуками, какъ они связываются съ ними въ нынѣшнемъ дѣтскомъ языкѣ. Поэтому первоначальные звуки рѣчи могли быть преимущественно звукоподражательные. Подражаніе, между прочимъ звукамъ, было несомнѣнно свойственно первобытному человѣку, какъ оно свойственно и теперь, и между прочимъ дѣтямъ и извѣстнымъ животнымъ.

По теоріи восклицаній (Jnterjektionaltheorie, Naturlauttheorie) первоначальными словами были восклицанія, т. е. звуки, произносимые непроизвольно рефлекторными движеніями органовъ рѣчи подъ вліяніемъ аффекта, главнымъ образомъ какъ реакція при внезапныхъ сильныхъ ощущеніяхъ, какъ наши ахъ! a! и пр. Правда, такихъ звуковъ теперь не много въ языкахъ и они обнаруживаютъ непосредственно только чувствованія. Но они могли обратить вниманіе безъязычнаго человѣка на возможность обнаруживать посредствомъ звуковъ внутреннее состояніе и такимъ образомъ могли навести на дальнѣйшее развитіе звукового языка.

Напряженіе мышцъ при работѣ сопровождается усиленнымъ дыханіемъ съ производствомъ звуковъ. При работѣ сообща такія ритмическія восклицанія могли сдѣлаться знаками этихъ работъ и связанныхъ съ ними явленій, т. е. первоначальными словами, какъ думали нѣкоторые ученые. Но совмѣстная работа предполагаетъ уже какое нибудь средство взаимнаго пониманія, т. е. какой нибудь языкъ.

Частію примыкая къ другимъ, Jespersen видитъ начало звукового языка въ веселомъ пѣніи при играхъ, при желаніи обращать на себя вниманіе лицъ другого пола и пр. Напѣвъ парня вродѣ «with a hey and a ho and a hey-nonino» могъ сдѣлаться его кличкой. Изъ собственныхъ именъ могли вырабатываться нарицательныя имена. Звуки совмѣстнаго пѣнія, напр. по поводу побѣды надъ врагомъ, могли сдѣлаться знакомъ этого событія. Такія первоначальныя выраженія были очень сложны по звуковому составу и обозначали сложныя мысли. Въ дальнѣйшемъ развитіи мысль, какъ и соотвѣтствующій ей звуковой рядъ, расчленялись совмѣстно, и такимъ образомъ возникалъ языкъ съ сложными звукосочетаніями и съ очень сложнымъ строемъ, вродѣ инкорпорирующихъ языковъ, которому соотвѣтствовало сложное неясное мышленіе. Дальнѣйшее развитіе вело къ упрощенію языка въ звуковомъ отношеніи и въ строѣ, и вмѣстѣ съ послѣднимъ къ простому, ясному, опредѣленному мышленію. По этой теоріи простота англійскаго или китайскаго языка представляетъ высшее развитіе языка и мышленія. Это очевидно какъ разъ противоположно тому, какъ обыкновенно представляютъ себѣ развитіе языка, но имѣетъ параллель въ выработкѣ современныхъ простыхъ по своему (аналитическому) строю новыхъ языковъ изъ сложныхъ по строю древнихъ языковъ.

По теоріи эволюціи (Entwickelungstheorie) Вундта звуковой языкъ возникъ какъ естественное послѣдствіе такъ называемыхъ выразительныхъ движеній, именно органовъ рѣчи. Выразительныя движенія связаны съ аффектами и являются не только разряженіемъ сильныхъ ощущеній, но и при такихъ аффектахъ, въ которыхъ представленія преобладаютъ надъ чувствованіями настолько, что послѣднія совсѣмъ не проявляются. Первичными были слѣдовательно артикуляціонные жесты, давшіе въ результатѣ звуки. Эти звуки были такимъ образомъ лишь при посредствѣ производившихъ ихъ движеній и аффектовъ первоначально связаны съ представленіями и сами по себѣ разнородны съ ними; затѣмъ уже представленія вступали въ непосредственную ассоціацію съ самими звуками при существенномъ содѣйствіи одновременно происходившихъ (выразительныхъ) движеній рукъ (жестовъ) и лица (мимики).

Я думаю, что при первоначальномъ происхожденіи языка ассоціаціи между звуками и обозначаемыми ими явленіями возникали при разнообразныхъ случайныхъ обстоятельствахъ разными путями, въ которыхъ вѣроятно почти всѣ теоріи о происхожденіи языка находятъ свое частичное оправданіе. Напр. приближающійся звѣрь могъ вызвать невольный крикъ реакціи, напр. страха въ связи съ движеніями бѣгства, или ярости въ связи съ жестами обороны или нападенія и т. д. Быстрыя движенія ногъ бѣгущаго могли возбудить въ зрителѣ невольныя сочувственныя движенія между прочимъ органовъ рѣчи, давшія въ результатѣ напр. звуки вродѣ «лататы». Конкретное дѣйствіе живого существа могло вызвать подражаніе его движеніямъ и издаваемымъ имъ звукамъ и т. д.

Эти же движенія и звуки могли невольно проявляться и при одной лишь оживленной мысли объ этихъ явленіяхъ, напр. при сильномъ желаніи, чтобы другіе представляли себѣ эти явленія, или особенно, чтобы другіе совершали дѣйствіе, которое раньше производилось въ связи съ ними.

Воздѣйствіе этихъ движеній и звуковъ на другихъ не могли не замѣтить, а потому стали впослѣдствіи и произвольно производить ихъ, главнымъ образомъ съ цѣлью возбудить другихъ къ дѣйствіямъ. Въ побудительномъ сообщеніи была наибольшая необходимость, и именно при такомъ психическомъ настроеніи представленія сопровождались сильными волевыми аффектами, кото-

рые могли первоначально вызывать достаточно энергичныя выразительныя движенія, въ томъ числѣ движенія органовъ рѣчи, производившія звуки.

Въ этомъ состояніи языка нѣтъ существенной разницы съ языкомъ животныхъ, напр. собаки, которая царапаніемъ лапой двери совмѣстно съ побудительными лаемъ и взглядами обнаруживаетъ свое желаніе, чтобы хозяинъ выпустилъ ее. Но это уже языкъ, и начало человѣческаго языка.

Въ качествѣ такихъ звуковыхъ знаковъ, зависѣвшемъ непосредственно только отъ качества (и интенсивности) аффекта, не было достаточнаго разнообразія для различенія разныхъ внѣшнихъ явленій между собою. Поэтому въ этотъ начальный періодъ человѣческаго языка самой существенной составной частью (кромѣ въ звукоподражательныхъ словахъ) не были еще звуки, а сопровождавшіе ихъ жесты и мимика, т. е. языкъ былъ преимущественно *зрительный*. Вслѣдствіе этого развивались жесты, и рядомъ съ указательными и подражательными жестами (являющимися естественно, какъ царапаніе двери лапой) могли возникнуть и описательные жесты.

Но очень часто, напр. въ темнотѣ, въ лѣсу и пр., пантомимы не достигали цѣли, и потому естественно главными знаками языка должны были сдѣлаться *звуки*. Не большее разнообразіе въ звукахъ было тому причиной, какъ нерѣдко думаютъ, а бо́льшая цѣлесообразность въ то время крайне неудовлетворительнаго звукового языка. Въ созданіи бо́льшаго разнообразія звуковъ и развитіи органовъ рѣчи звукоподражаніе играло вѣроятно очень значительную роль.

Первыя слова выражали преимущественно аффекты и волю и, употребляясь случайно, становились вслѣдствіе повтореній знаками нерасчлененныхъ мыслей. Въ дальнѣйшей выработкѣ именно отличительной черты человѣческаго языка—*расчлененія* сложныхъ представленій на отдѣльныя представленія—жесты имѣли повидимому рѣшающее значеніе. Напр. указаніемъ рукой на змѣю и повторными жестами битія могли точнѣе обнаруживать побудительную мысль, выражавшуюся въ звукахъ неопредѣленно, напр. лишь шипѣніемъ. Бьющій змѣю могъ каждый ударъ сопровождать шипѣніемъ. Если это повторялось, то повторное шипѣніе могло сдѣлаться знакомъ битія змѣи палкой, между тѣмъ какъ однократное шипѣніе могло сдѣлаться знакомъ самой змѣи. Такимъ

образомъ въ связи съ отдѣльными жестами начиналось расчлененіе сложнаго представленія на представленія дѣйствій въ отдѣльности отъ представленій предметовъ и т. д., и слѣдовательно перешагнули порогъ къ человѣческому языку и ко всему дальнѣйшему умственному развитію человѣка. Звуковые знаки, относившіеся сначала къ опредѣленнымъ конкретнымъ явленіямъ, переносились по ассоціаціи на сходныя другія и дѣлались такимъ образомъ нарицательными словами и носителями понятій. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія разнообразія звуковыхъ знаковъ мыслей, жесты оказывались все болѣе недостаточными и несовершенными знаками, и наконецъ сдѣлались почти лишними спутниками рѣчи.

Языкъ дѣтей и животныхъ и извѣстное пониманіе человѣческаго языка домашними животными показываетъ, что не такъ трудно объяснить первоначальное возникновеніе звуковыхъ обозначеній разныхъ сложныхъ представленій, тѣмъ болѣе, что они могли возникать въ теченіе тысячелѣтій. Главная задача въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи человѣческаго языка по моему именно въ выясненіи, какъ и почему именно человѣческій языкъ дошелъ до расчлененія мыслей, съ которымъ связано все дальнѣйшее мыслительное развитіе человѣка.

ГЛАВА XIII.

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

Здѣсь нужно еще хотя поверхностно указать на то значеніе, которое языковѣдѣніе имѣетъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ научнымъ и практическимъ областямъ. Дѣло въ томъ, что не только значеніе языковѣдѣнія какъ прикладной науки, но даже содержаніе его не успѣло еще сдѣлаться извѣстнымъ въ широкихъ кругахъ образованнаго общества. Между тѣмъ всѣ образованные люди занимались практическимъ изученіемъ языковъ и нерѣдко сталкиваются съ вопросами, разрѣшеніе которыхъ зависитъ въ большей или меньшей степени отъ языковѣдѣнія. Сюда относятся напр. вопросы о происхожденіи того или другого слова, о правильности того или другого оборота рѣчи или формы, объ удареніяхъ въ чтеніи, о пригодности разныхъ методовъ преподаванія родного и иностраннаго языковъ, разные вопросы по правописанію и о пріемахъ его преподаванія и пр.

Нерѣдко приходится слышать и читать, какъ даже филологи, не получившіе лингвистическаго образованія, ищутъ разрѣшенія какого-нибудь вопроса у филологовъ въ тѣсномъ смыслѣ, у философовъ, педагоговъ и пр., или ссылаются на устарѣлыя мнѣнія разныхъ авторитетовъ, совершенно не подозрѣвая даже, что эти вопросы уже успѣли выйти изъ области общихъ разсужденій и «мнѣній» и уже въ деталяхъ разрабатываются въ лингвистикѣ при помощи строгихъ методовъ современной науки, а частію сдѣлались уже азбучной истиной въ этой области. Встрѣчаются даже до сихъ поръ мнимо научныя работы филологовъ прямо по языку, все научное значеніе которыхъ сводится только къ доказательству, что авторы ихъ даже не подозрѣваютъ о существованіи отдѣльной науки языковѣдѣнія, имѣющей свои особые, очень строгіе и часто сложные научные пріемы изслѣ-

дованія и требующей прохожденія такой же спеціальной научной школы, какъ напр. химія, физіологія и пр. Они думаютъ, что достаточно знать нѣсколько языковъ по грамматикѣ и памятникамъ, чтобы быть лингвистомъ.

§ 1. Лингвистика въ примѣненіи къ филологіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Филологъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, изучающій культурную жизнь какого-нибудь народа, пользуется фактическими данными и методами, выработанными въ языковѣдѣніи, при критикѣ и возстановленіи дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, при толкованіи смысла неизвѣстныхъ словъ, темныхъ и испорченныхъ мѣстъ, при переводѣ памятниковъ, написанныхъ на незнакомомъ языкѣ и т. д. Грандіозный примѣръ раскрытія языка и содержанія памятниковъ, написанныхъ на неизвѣстныхъ языкахъ, представляетъ дешифровка древнеперсидскихъ, вавилонско-ассирійскихъ, египетскихъ и пр. памятниковъ (см. стр. 50—51).

Языкъ каждаго народа представляетъ самъ по себѣ одно изъ культурныхъ произведеній этого народа; поэтому и изученіе фактической исторіи языка народа составляетъ одну изъ задачъ филолога въ тѣсномъ смыслѣ, и въ этой области его работа совпадаетъ съ работой лингвиста. Понятно, что здѣсь пользуются методами и пріемами, выработанными въ лингвистикѣ. Кромѣ того, въ виду неполноты источниковъ, недостающія свѣдѣнія пополняются фактическими данными, раскрываемыми въ сравнительной грамматикѣ (ср. стр. 25, 22, 18—19). Особенное значеніе имѣетъ практическая фонетика для неофилологіи при собираніи діалектическихъ матеріаловъ и при обученіи новымъ языкамъ.

Помимо этого, языковѣдѣніе доставляетъ филологу въ тѣсномъ смыслѣ дополнительныя данныя по исторіи изучаемаго имъ народа, добываемыя изъ фактовъ самого языка (см. ниже § 2). Эти данныя подобны тѣмъ, которыя доставляются археологіей, только они гораздо обширнѣе и охватываютъ всѣ стороны жизни народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ они менѣе точны и больше нуждаются въ провѣркѣ по даннымъ изъ другихъ источниковъ.

Въ новѣйшее время лингвистика стала пріобрѣтать особое

значеніе для всѣхъ филологическихъ наукъ въ *методическомъ* отношеніи. Языкъ допускаетъ такой точный и детальный анализъ, который невозможенъ въ другихъ культурныхъ историческихъ наукахъ. Въ виду этого теоретическая часть языковѣдѣнія, между прочимъ и въ психологическомъ отношеніи, разработана несравненно лучше, чѣмъ въ другихъ родственныхъ наукахъ Вслѣдствіе этого и методы лингвистическаго изслѣдованія совершеннѣе другихъ и приближаются по точности къ методамъ естественныхъ наукъ (стр. 10—11). Отсюда понятно, какое благотворное вліяніе можетъ оказать языковѣдѣніе на выработку болѣе точныхъ методовъ изслѣдованія въ другихъ филологическихъ наукахъ.

§ 2. Лингвистика какъ вспомогательная наука для исторіи въ спеціальномъ смыслѣ. Лингвистическая палеонтологія.

И историкъ вынужденъ нерѣдко пользоваться услугами языковѣдѣнія, не только для указаннаго пониманія историческихъ памятниковъ, но еще для пополненія историческихъ свѣдѣній, не переданныхъ намъ въ памятникахъ.

Такъ напр. принадлежность географическихъ названій (рѣкъ, озеръ, горъ, мѣстностей), надгробныхъ памятниковъ и пр. къ извѣстному языку свидѣтельствуетъ о мѣстожительствѣ народа, говорившаго на этомъ языкѣ. Заимствованныя слова указываютъ на культурное вліяніе одного народа на другой, на сношенія между народами и пр.

Лингвистика имѣетъ еще болѣе существенное значеніе для возстановленія исторіи, главнымъ образомъ исторіи культуры.

Возстановляя напр. индоевропейскій праязыкъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ возстановляемъ и значенія его словъ, а въ значеніяхъ словъ заключается весь внутренній духовный міръ народа. Слѣдовательно, возстановляя языкъ въ его словарѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываемъ и душу народа тѣхъ отдаленныхъ временъ, изъ которыхъ часто не сохранилось другихъ археологическихъ слѣдовъ. Если въ числѣ значеній языка напр. индоевропейскаго пранарода существовали понятія о домѣ, двери, огнѣ, березѣ, телѣгѣ, сохѣ, лодкѣ и пр., то и въ окружающемъ реальномъ мірѣ этого народа существовали предметы, вызывающіе соотвѣтствующія представленія. Отсюда слѣдуетъ, что индоевропейскій пранародъ

строилъ дома, обрабатывалъ землю и пр. Такимъ образомъ при помощи языка возстановляется культурная исторія народа и до нѣкоторой степени и политическая исторія его и пр. Этотъ отдѣлъ прикладного языковѣдѣнія называется *лингвистической палеонтологіей* или лингвистической доисторической исторіей.

Понятно, что работы этого рода были главнымъ образомъ сосредоточены на раскрытіи культурной исторіи индоевропейскаго пранарода (ср. стр. 45, § 2). Эта заманчивая область привлекала не мало изслѣдователей. Объ увлеченіи и отсутствіи трезваго метода свидѣтельствуетъ особенно объемистое сочиненіе Pictet «Les origines indoeuropéennes», въ которомъ авторъ подробно рисуетъ бытъ древнихъ индоевропейцевъ въ привлекательныхъ краскахъ и приписываетъ имъ культуру, большею частію выше той, которую мы застаемъ у отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ въ началѣ историческихъ эпохъ ихъ.

Постепенно перешли къ болѣе трезвымъ и скептическимъ взглядамъ и къ болѣе строгимъ методамъ (Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere; Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte и друг.). Въ послѣднее время появились обширные труды по этому вопросу: Schrader, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde; Hirt, Die Indogermanen, и новѣйшія книги: Much, Die Heimat der Indogermanen; Hoops, Waldbäume und Kulturpflanzen im germ. Altertum и пр.

Не подлежитъ сомнѣнію, что у индоевропейцевъ были слова, соотвѣтствующія нашимъ «домъ», «лошадь», «мать» и т. д. въ звуковомъ отношеніи и въ значеніяхъ. Но значенія словъ измѣняются по мѣрѣ того, какъ измѣняются самыя явленія, обозначаемыя этими словами. Неоспоримо, что индоевропейцы строили дома для жилища. Но каковы были эти дома? Такъ же несомнѣнно, что индоевропейцамъ были извѣстны собака, корова, лошадь и пр. Но были ли они домашними животными? Постепенно получаются болѣе или менѣе точные отвѣты и на эти вопросы, какъ изъ области языка, такъ и изъ данныхъ древней исторіи индоевропейскихъ народовъ, археологіи, параллели другихъ менѣе культурныхъ народовъ и пр. Такъ, рядомъ съ «домъ» мы находимъ и слово «дверь» и пр., и это позволяетъ уже точнѣе опредѣлить то представленіе, слѣдовательно и самый домъ, который былъ у индоевропейскаго пранарода. Мы находимъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ слова, обозначающія телѣгу, колеса,

даже части упряжи, и это уже свидѣтельствуетъ о прирученіи животныхъ, запрягаемыхъ въ телѣгу. Такимъ образомъ изъ комбинаціи данныхъ языка постепенно все точнѣе вырисовываются настоящія условія жизни доисторическихъ индоевропейцевъ. Для примѣра укажу вкратцѣ на нѣкоторые выводы лингвистической палеонтологіи индоевропейскаго пранарода.

Индоевропейская прародина.

Прежде всего при помощи данныхъ индоевропейскаго праязыка старались опредѣлить мѣстонахожденіе индоевропейской прародины, т. е. мѣстность, гдѣ жилъ индоевропейскій пранародъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаденію на отдѣльныя вѣтви, слѣдовательно за многія тысячелѣтія до Р. Х. Ср. стр. 45—46.

Данныя языка, которыми руководствуются при опредѣленіи мѣста прародины, заключаются главнымъ образомъ въ указаніи языка на то, что въ этой странѣ были рѣки и озера, на которыхъ ѣздили на выдолбленныхъ лодкахъ, росли извѣстныя деревья, какъ береза, воздѣлывались нѣкоторые хлѣбные злаки, какъ ячмень, были весна, лѣто, зима со снѣгомъ, можно было заниматься скотоводствомъ и по крайней мѣрѣ мѣстами земледѣліемъ и пр.

Кромѣ того, указанія на мѣстонахожденіе прародины даютъ: позднѣйшее размѣщеніе отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ, пути, по которымъ они могли дойти до ихъ историческихъ мѣстонахожденій, а также размѣщеніе неиндоевропейскихъ народовъ, окружавшихъ въ пору распаденія индоевропейскій пранародъ, и нѣкоторыя другія данныя.

Большинство прежнихъ ученыхъ помѣщало индоевропейскую прародину въ Средней Азіи, къ сѣверу отъ Гиндукуша. Этотъ устарѣлый взглядъ встрѣчается и теперь еще нерѣдко въ работахъ нелингвистовъ. Другіе видѣли прародину въ южной Россіи, отъ устьевъ Дуная до Каспійскаго моря, въ юго-западной Россіи на берегахъ Березины и Днѣпра, въ сѣверной части Балканскаго полуострова и пр. По Шрадеру индоевропейской прародиной была мѣстность около Днѣпра на западъ приблизительно до рѣки Одера или Вислы, и отъ Карпатовъ почти до Балтійскаго моря; а кочующія восточныя части могли доходить въ степяхъ до Каспійскаго моря. Другіе новѣйшіе изслѣдователи,

какъ Hirt, Much и особенно Hoops, помѣщаютъ индоевропейскую прародину къ западу отъ прямой линіи, проведенной отъ Кенигсберга до Одессы, именно въ средней Германіи и вообще въ сѣверной средней Европѣ. Жители свайныхъ построекъ въ Швейцаріи, въ неолитическую эпоху по крайней мѣрѣ, скорѣе не были индоевропейцами.

Разселеніе индоевропейскаго пранарода.

Въ связи съ вопросомъ о прародинѣ индоевропейцевъ находится конечно и вопросъ о разселеніи индоевропейскаго пранарода. То, что можно сказать по исторіи первоначальнаго разселенія индоевропейскаго пранарода, какъ и о прародинѣ его, нужно признать пока лишь въ значительной степени вѣроятнымъ.

Какія причины, кромѣ естественнаго прироста и потребности въ пастбищахъ, заставляли затѣмъ индоевропейскій пранародъ разселяться, объ этомъ можно пока только догадываться. На сѣверѣ, близъ Балтійскаго моря, жили предки *балтійскихъ* народовъ, которые впослѣдствіи подвинулись лишь дальше на сѣверъ, къ морю. Въ среднемъ и верхнемъ бассейнѣ Днѣпра и его притоковъ жили предки *славянъ*. Къ юговостоку отъ нихъ занимались земледѣліемъ и частію кочевали предки *арійцевъ*, которые перешли затѣмъ вѣроятно черезъ Кавказъ за Каспійское море, въ мѣстность между Сырдарьей и Амударьей (арійская прародина). Впослѣдствіи часть ихъ, *индійская* вѣтвь, перешла въ Индію, а оставшіеся арійцы—*иранцы* распространились на Персію, Авганистанъ и Белуджистанъ и частію сохранились на Кавказѣ (осетины).

Западнѣе отъ предковъ арійцевъ, на берегу Чернаго моря, были предки *армянъ*, *вракійцевъ*—*фригійцевъ* и *иллирійцевъ* (впослѣдствіи албанцевъ), которые постепенно перекочевали черезъ устья Дуная въ сѣверную часть Балканскаго полуострова, а армяне, потомъ фригійцы перешли затѣмъ въ Малую Азію (въ III тысячелѣтіи до Р. Х.). Армяне прошли затѣмъ дальше до страны Урарту (названіе ассирійское), гдѣ возникла впослѣдствіи Арменія.

Юго-западную часть прародины, около верхняго Днѣстра и Карпатовъ, занимали предки *кельтовъ*, *италійцевъ* и *грековъ*, которые затѣмъ перешли на западъ, черезъ Карпаты, къ сред-

нему теченію Дуная. Здѣсь отдѣлились предки грековъ и македонянъ и прошли по Западной сторонѣ Балканскаго полуострова, греки черезъ Эпиръ въ южную часть его, еще до появленія въ западной части иллирійцевъ. Другая часть юго-западной группы, предки италійцевъ, направилась отъ Дуная въ Аппенинскій полуостровъ. А оставшаяся наибольшая, сѣверная часть этой группы, предки кельтовъ, стала затѣмъ распространяться на всю западную Европу: черезъ южную Германію въ верхнюю Италію, Францію, Испанію (Галлы) и Британскіе острова. Къ сѣверозападу отъ греко-итало-кельтовъ и къ западу отъ балто-славянъ помѣщались на индоевропейской прародинѣ предки *германцевъ*, перешедшіе впослѣдствіи за рѣку Одеръ, откуда они стали распространяться на сѣверъ, затѣмъ югъ и западъ. Здѣсь они съ запада и юга столкнулись снова съ кельтами, а съ востока впослѣдствіи съ передвинувшимися сюда западными славянами. Передвиженіе южныхъ славянъ на Балканскій полуостровъ произошло поздно, вдоль восточной стороны Карпатовъ.

Изъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ въ началѣ исторической эпохи занимали мѣста своихъ предковъ только нѣкоторые иранскіе кочевники, напр. скиѳы, въ южныхъ степяхъ Россіи, повидимому вернувшись съ Кавказа, и русскіе, раздвинувшись въ бассейнѣ Днѣпра до Валдайской возвышенности. Но почти неподвижно, лишь нѣсколько подвинувшись на сѣверъ, остались балтійскіе народы, отчасти до настоящаго времени. Эта неподвижность, т. е. почти отсутствіе смѣшенія съ другими народностями при переселеніи, сказывается и въ языкѣ литовцевъ, сохранившемъ наиболѣе чисто звуковыя и отчасти морфологическія черты языка своихъ предковъ на прародинѣ.

На своемъ пути индоевропейцы встрѣтили конечно туземныхъ жителей (аборигеновъ, т. е. исконныхъ жителей данныхъ мѣстъ, если о таковыхъ вообще можно говорить), которые смѣшались съ ними, или же отодвигались ими въ сторону. Такимъ образомъ уцѣлѣла часть финновъ въ сѣверной Россіи, уцѣлѣли баски (потомки прежнихъ многочисленныхъ иберійцевъ, населявшихъ Францію и Пиренейскій полуостровъ) только въ горахъ около Бискайскаго залива, бывшіе этруски въ горахъ Италіи, бывшіе лигурійцы въ Западныхъ Альпахъ, уцѣлѣли дравидскія и колярскія племена въ южной Индіи, т. е. на Декан-

скомъ полуостровѣ. О прежнемъ населеніи Греціи свидѣтельствуютъ археологическія находки (микенская культура) и пр. Всѣ эти народности, смѣшавшись съ индоевропейцами, должны были оказать на нихъ вліяніе въ физическомъ и культурномъ отношеніи, между прочимъ и на языкъ ихъ: въ устахъ разныхъ народовъ, принявшихъ индоевропейскій языкъ, онъ сталъ измѣняться согласно языковымъ привычкамъ этихъ народовъ и въ связи съ этимъ выработались особенности языковъ позднѣйшихъ индоевропейскихъ народовъ.

Нѣкоторыя данныя изъ исторіи культуры индоевропейскаго пранарода.

Для рѣшенія вопроса о культурѣ индоевропейскаго пранарода явятся новыя данныя тогда, когда археологія будетъ въ состояніи указать, какія именно археологическія находки относятся къ древнимъ индоевропейцамъ. До тѣхъ поръ всѣ свѣдѣнія о культурѣ этого народа мы черпаемъ почти исключительно изъ данныхъ языка его, и они восходятъ не дальше эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка. Конечно, важныя реальныя данныя даетъ намъ культурное состояніе, въ которомъ мы застаемъ отдѣльные индоевропейскіе народы въ началѣ исторической эпохи каждаго. Индоевропейскій народъ въ эпоху, предшествовавшую распаденію его, находился еще въ каменномъ (неолитическомъ) періодѣ, хотя нѣкоторые металлы были ему извѣстны. Если поэтому вѣрно мнѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ, что неолитическая раса, т. е. новокаменной эпохи, наиболѣе соотвѣтствуетъ арійскому типу (если вообще можно говорить о такомъ типѣ, такъ какъ у нынѣшнихъ индоевропейцевъ встрѣчаются напр. всѣ типы череповъ), то неолитическія находки средней и сѣверной Европы могли относиться къ индоевропейцамъ, ушедшимъ на западъ, и могли бы дать цѣнныя реальныя указанія о культурѣ пранарода.

По указаніямъ главнымъ образомъ лингвистической палеонтологіи индоевропейскій пранародъ занимался охотой на дикихъ звѣрей, скотоводствомъ въ южныхъ степяхъ, удобныхъ для кочевья, и земледѣліемъ на западѣ и сѣверѣ въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ, причемъ землю пахали при помощи сохи и коровы.

Переходъ отъ кочевого образа жизни къ земледѣлію—къ трудовой жизни, порождающей культуру—совершается обыкновенно по необходи-

мости, вслѣдствіе недостатка пастбищъ, происходившаго нерѣдко оттого, что непріятельскія нападенія заставляли сосредоточиваться болѣе тѣсно и въ лучше защищенныхъ мѣстахъ, т. е. въ горахъ и лѣсахъ. Впрочемъ, не нужно думать, что кочевой образъ жизни былъ первоначальный и что переходъ отъ него къ земледѣлію представляетъ общій порядокъ культурнаго развитія. Бываетъ и обратный переходъ. Образъ жизни зависитъ отъ естественныхъ условій мѣстности, отъ отношеній сосѣдей и т. д.

Домашними животными индоевропейскаго пранарода были корова, овца, собака. Лошадь, свинья, коза, волкъ, медвѣдь, гусь, утка, рыба, змѣя, пчела и многія другія животныя были имъ извѣстны, первыя отчасти и приручены. Кожа и шерсть примѣнялись для прикрытія тѣла. Изъ дерева, камня, кости и пр. выдѣлывались оружіе и орудія, какъ лукъ, стрѣла, топоръ и пр. Существовали телѣги съ колесами, осями и съ первобытной упряжью. Строились первобытныя жилища изъ камня, дерева и другихъ растеній, съ дверьми и съ разной примитивной домашней утварью.

Индоевропейцы пользовались огнемъ, ѣли жареное или вареное мясо, хлѣбъ и кашу изъ частію измельченныхъ между камнями сѣмянъ растеній (пшеницы, ячменя, проса) и плоды. Пили молоко и пьяный медъ, приготовленный изъ пчелинаго меда. Умѣли считать по крайней мѣрѣ до ста (чего многіе дикіе народы до сихъ поръ не умѣютъ).

Надъ женами и дѣтьми властвовалъ глава дома, надъ селеніемъ глава селенія.

Индоевропейцы поклонялись силамъ природы, олицетворяли бога неба, солнца и пр., вѣрили въ предзнаменованія и предавались суевѣріямъ. Вообще культура индоевропейскаго пранарода была уже довольно высокая.

§ 3. Лингвистика какъ вспомогательная наука для этнологіи.

Для народовѣдѣнія или *этнологіи* данныя языка служатъ важнымъ средствомъ при опредѣленіи родственныхъ отношеній между народами. Такъ, родство между индійцами (индусами), греками, славянами и пр. было установлено на основаніи родства языковъ этихъ народовъ. О существованіи индоевропейской семьи народовъ въ началѣ прошлаго столѣтія не имѣли еще понятія.

Нужно однако имѣть въ виду, что дѣленіе языковъ на извѣстныя семьи не должно непремѣнно совпадать съ дѣленіемъ человѣчества на расы. Указанія языка при дѣленіи на расы очень существенны; но недостаточно однихъ указаній языка. Напр. басковъ мы выдѣляемъ изъ индоевропейской семьи народовъ на основаніи языка. Но конечно нельзя утверждать, чтобы всѣ народы, говорящіе въ настоящее время на индоевропейскихъ языкахъ, или хотя бы на одномъ англійскомъ языкѣ, принадлежали къ индоевропейской расѣ (напр. сѣверо-американскіе негры). Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій какой-нибудь народъ можетъ усвоить себѣ чужой языкъ и постепенно забыть свой языкъ, какъ это случилось напр. съ тѣми кельтами, которые нѣкогда населяли нынѣшнюю Францію и теперь говорятъ на романскомъ нарѣчіи, а именно французскомъ языкѣ.

Но несомнѣнно въ такомъ случаѣ то, что такіе иноплеменные народы жили когда-то или въ перемѣшку съ тѣмъ индоевропейскимъ народомъ, языкъ котораго они позаимствовали (какъ русскіе евреи, говорящіе на нѣмецкомъ жаргонѣ), или смѣшались съ индоевропейскимъ народомъ, языкъ котораго они усвоили себѣ (какъ напр. болгары, народъ урало-алтайскаго происхожденія, смѣшавшійся въ Болгаріи между прочимъ съ славянами).

§ 4. Лингвистика какъ вспомогательная наука для юриспруденціи.

Все духовное знаніе, пріобрѣтенное человѣчествомъ, передается послѣдующимъ поколѣніямъ посредствомъ языка, въ устной рѣчи и въ письмѣ. Для вѣрнаго пониманія техническихъ терминовъ, выработанныхъ постепенно въ каждой спеціальной научной области, значенія ихъ опредѣляются по возможности точнѣе въ этихъ наукахъ. Особое практическое значеніе имѣетъ вѣрное пониманіе писаннаго языка у юристовъ. Юридическіе законы записываются въ словахъ. Они затрагиваютъ разнообразныя области соціальной жизни и должны быть по возможности понятны всѣмъ и одинаково понимаемы всѣми. Поэтому языкъ ихъ не можетъ быть слишкомъ условнымъ и спеціальнымъ, въ которомъ понятія, обозначаемыя отдѣльными терминами, заранѣе искусственно строго опредѣлены.

Отсюда вытекаютъ значительныя затрудненія, такъ какъ общенародный языкъ въ своихъ значеніяхъ никогда не представляетъ той точности, которая необходима для всякаго закона. Изъ изложеннаго въ главѣ VI понятно, что юридическія нормы, какъ и всякія другія словесныя изложенія, могутъ пониматься разными лицами въ значительной степени различно, тѣмъ болѣе, что онѣ нерѣдко составлены въ прошломъ или содержатъ устарѣлыя выраженія, и съ тѣхъ поръ условія жизни и языкъ успѣли измѣниться. Часто юридическія нормы заимствованы и сложились у другихъ народовъ, въ примѣненіи къ другимъ условіямъ жизни. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что законы передаются въ письмѣ, допускающемъ вообще большее разнообразіе въ пониманіи, чѣмъ устная рѣчь. Кромѣ того вслѣдствіе возможной заинтересованности читателя можетъ явиться не только невольное, но и преднамѣренное одностороннее пониманіе смысла закона.

При такихъ условіяхъ въ юриспруденціи должно было возникнуть особое ученіе *толкованія* юридическихъ законовъ. Появленіе подобной дисциплины въ какой либо научной области по отношенію къ научнымъ законамъ слѣдовало бы считать заблужденіемъ науки, свидѣтельствующимъ о вырожденіи техническаго языка его. Но тамъ, гдѣ спеціальный языкъ въ силу естественныхъ условій не можетъ достигнуть научной точности, какъ напр. въ юридическихъ законахъ, или гдѣ у читателей недостаточное реальное пониманіе языка, какъ напр. при чтеніи авторовъ древняго міра или вообще малоизвѣстныхъ намъ народовъ, единственный путь для возможно вѣрнаго раскрытія мыслей писавшаго, это интерпретація при помощи опредѣленныхъ пріемовъ.

Такъ какъ толкованіе закона заключается въ опредѣленіи точныхъ значеній тѣхъ предложеній, которыя составляютъ юридическую норму, то оно относится къ области языка, и слѣдовательно при толкованіи нужно руководствоваться пріемами, указываемыми языковѣдѣніемъ. Конечно, спеціальная чисто юридическая сторона не входитъ въ компетенцію лингвиста. Но лингвиста интересуютъ общіе взгляды юристовъ на языкъ и общіе пріемы обращенія юристовъ съ фактами языка. И въ этой области приходится убѣждаться, что юристы недостаточно используютъ то, что можетъ дать языковѣдѣніе юриспруденціи.

Правда, семасіологія не принадлежитъ къ лучше разработаннымъ областямъ языковѣдѣнія. Но все же она можетъ внести существенныя поправки въ пріемы интерпретаціи текстовъ, выработанные въ классической филологіи и легшіе въ основаніе между прочимъ юридической интерпретаціи. Укажу на примѣръ.

Въ юридической интерпретаціи общепринято дѣленіе на *грамматическое* или *словесное (буквальное, филологическое)* и на *логическое* или *реальное (историческое, философское)* и пр.) толкованіе, причемъ посредствомъ словеснаго толкованія раскрывается *словесный смыслъ* юридической нормы и отдѣльныхъ словъ ея. Выходитъ, что въ языкѣ могутъ быть еще какія-то особыя словесныя или грамматическія значенія, кромѣ тѣхъ реальныхъ значеній, которыя имѣлъ въ виду писавшій, т. е. законодатель. Но мы знаемъ, что слова, какъ и значенія ихъ, въ отдѣльности не существуютъ въ дѣйствительности въ языкѣ. Существуютъ предложенія и значенія ихъ. И то нельзя опредѣлить значеніе предложенія изъ отдѣльнаго предложенія, такъ какъ значеніе это зависитъ еще отъ предыдущей и послѣдующей рѣчи, отъ временнаго и болѣе постояннаго настроенія и пр. (см, стр. 284 слѣд.). Это значитъ по отношенію къ юридической нормѣ, что значеніе ея зависитъ отъ связи съ другими нормами и со всей системой права, отъ общихъ юридическихъ взглядовъ законодателя, отъ тѣхъ временныхъ условій и соображеній, которыя вліяли на появленіе и содержаніе данной нормы и пр. Какъ только мы вырвемъ слово или даже предложеніе изъ этой связи, мы извращаемъ ихъ значенія, и чѣмъ меньше мы считаемся съ этими условіями, тѣмъ болѣе мы можемъ приписывать даннымъ предложеніямъ и словамъ различныя невѣрныя значенія, и слѣдовательно тѣмъ болѣе мы извращаемъ подлинный смыслъ ихъ.

Вѣрно понимать рѣчь, устную или писанную, значитъ возможно тожественно возбудить въ себѣ тѣ представленія и чувствованія, которыя говорившій или писавшій хотѣлъ сообщить своей рѣчью. Съ этой цѣлью изучаютъ языкъ и духовное міровоззрѣніе автора, отчасти по окружающей его средѣ, особенно если авторъ относится къ средѣ, болѣе отдаленной пространственно или временно. Для вѣрнаго пониманія юридическихъ нормъ точно такъ же необходимо во всѣхъ случаяхъ, гдѣ является сомнѣніе, изученіе общихъ взглядовъ законодателя на данные

вопросы, которые открываются въ значительной степени изъ условій общественной жизни даннаго времени и среды, подъ вліяніемъ которыхъ они сложились, тѣмъ болѣе, что въ выработкѣ и редактированіи юридическихъ законовъ участвуетъ обыкновенно нѣсколько или много лицъ; поэтому юридическіе законы имѣютъ гораздо менѣе индивидуальный характеръ, чѣмъ произведеніе одного автора, и значенія языка ихъ раскрываются обыкновенно болѣе изъ историческаго изученія юридическихъ взглядовъ общества, чѣмъ напр. изъ біографическихъ данныхъ составителя закона.

Конечно, если какое нибудь слово имѣетъ особое техническое значеніе, которое въ точности не опредѣлено въ текстѣ, или если слово устарѣлое или неизвѣстное по значенію, то необходимо прибѣгнуть къ общимъ пріемамъ опредѣленія значенія темнаго слова, т. е. къ опредѣленію значенія его по контексту, къ сопоставленію всѣхъ мѣстъ, содержащихъ это слово и т. д., но и то не съ цѣлью выдѣлить «значеніе слова само по себѣ» (такого нѣтъ значенія), а съ цѣлью опредѣлить его реальное значеніе или значенія въ данныхъ конкретныхъ условіяхъ. Въ такихъ случаяхъ можетъ получиться недостаточно опредѣленное значеніе или возможность допущенія двухъ значеній и пр., и тогда для закона единственный правильный выходъ—авторитетное разъясненіе, которое въ дѣйствительности равняется произвольному приданію условнаго смысла данному слову. Если же при толкованіи темнаго слова приходится добираться до «корня» его, то для дѣйствующаго закона нужно считать смыслъ его безусловно потеряннымъ, такъ какъ этимъ путемъ до того точнаго смысла, который требуется для закона, не добраться. Какія превратныя значенія получили бы напр. слова «преступникъ», «искъ», «челобитчикъ», если мы стали бы объяснять ихъ этимологически изъ «переступившій» (законъ?), «то, что ищутъ» и т. д. Во время написанія толкуемаго текста слова могли имѣть уже совсѣмъ другія значенія, чѣмъ тѣ, которыя вытекаютъ изъ словопроизводства; они могли даже никогда не имѣть такого значенія, какъ «коньки», «паровая конка» по содержанію своего значенія съ самаго начала не имѣли ничего общаго съ конями.

Поэтому напр. изслѣдователи римскаго права напрасно придаютъ такое значеніе этимологическому объясненію слова parricida въ древнѣй-

шемъ римскомъ законѣ. Значеніе этого слова извѣстно (тяжкій убійца, убившій родственника, близкаго, главу семейства или государства и пр.), и указаніе происхожденія первой части этого слова можетъ ничего не дать для объясненія значенія его, такъ какъ значеніе этого сложнаго слова еще задолго до первыхъ королей могло обособиться отъ значенія первой части сложенія. Первая часть въ отдѣльности не сохранилась въ латинскомъ языкѣ: parricida < pāricīda (какъ Juppiter < Jū-piter, littera < litera) < pasicida (какъ floris < *flosis ср. оскск. Fluusai, ero < eso ср. esse) < paso-caeda (какъ novitas < *novotas ср. греч. νεότης, equitem < equotem ср. греч. ἱππότα), а pāso-s=греч. аттич. πηός, дорич. πᾱός—родственникъ, изъ *πᾱσος. Это слово повидимому унаслѣдовано обоими языками изъ индоевропейскаго праязыка. Существуетъ множество другихъ объясненій происхожденія первой части этого слова, въ томъ числѣ такія, которыя отожествляютъ ее съ словомъ paratus. Но это объясненіе недопустимо уже съ семасіологической стороны. По показаніямъ юридическихъ понятій другихъ древнихъ индоевропейскихъ народовъ признакъ предумышленности въ убійствѣ, который могъ бы вызвать сочетаніе словъ какъ caedes parata т. е. praemeditata, не различался у индоевропейскаго пранарода. И у римлянъ это различіе возникло повидимому гораздо позже, чѣмъ образовалось древнее сложное слово paricida въ его первоначальномъ звуковомъ видѣ.

Какъ же возникло такое дѣленіе на словесное или грамматическое и реальное толкованіе вообще?—При чтеніи древнихъ текстовъ нужно сначала перевести смыслъ на родной языкъ. Для этого значенія словъ опредѣляются по словарю, формы по грамматикѣ. Получается переводъ, собственно болѣе или менѣе извращенный смыслъ текста съ подставными значеніями словъ родного языка. Такой переводъ можно пожалуй неточно называть словесной или грамматической интерпретаціей иноязычнаго текста.

Чтобы вѣрно понимать смыслъ напр. римскаго текста, нужно связать съ нимъ понятія и представленія, сходныя съ тѣми, которыя связывали съ нимъ римляне. А для этого нужно посредствомъ изученія древностей усвоить себѣ представленія и общее міровоззрѣніе этого народа. Основанное на такомъ изученіи истолкованіе текста въ его настоящемъ смыслѣ можно называть реальной интерпретаціей. Очевидно, это въ сущности единственная возможная интерпретація, такъ какъ и при переводѣ на общедоступный языкъ нужно съ самаго начала имѣть въ виду настоящія реальныя значенія толкуемаго текста, иначе этотъ переводъ будетъ не разъясненіемъ, а извращеніемъ смысла текста.

Подобный переводъ на общеупотребительныя слова требуется иногда и въ дѣйствующемъ правѣ многихъ народовъ, такъ какъ въ языкѣ законовъ встрѣчаются нерѣдко архаизмы и технические термины. Но это не можетъ разсматриваться какъ особый актъ толкованія, а лишь какъ неразрывная составная часть процесса объясненія настоящаго смысла текста, т. е. однимъ изъ средствъ, дѣлающихъ слушателямъ или читателямъ понятнымъ настоящій смыслъ. Вообще же, если дѣйствующее право написано на общенародномъ языкѣ, гдѣ никакого перевода и подставленія значеній другихъ словъ не требуется, о словесномъ толкованіи можно лишь говорить при редакціонныхъ ошибкахъ, неправильномъ и неряшливомъ изложеніи и т. д. Но и тогда терминъ «словесное толкованіе» не подходитъ. Развѣ можно убѣдиться даже въ редакціонной ошибкѣ, не имѣя предварительно въ виду настоящаго реальнаго значенія текста?

Такое дѣленіе толкованія закона на словесное и реальное, какъ въ основѣ своемъ ложное, конечно не можетъ быть проведено и на практикѣ. Юристы теоретики смотрятъ на нихъ, какъ на два раздѣльныхъ акта, причемъ къ реальному толкованію по ихъ мнѣнію слѣдуетъ приступить только по выполненіи словеснаго толкованія. Но на самомъ дѣлѣ они при этомъ словесномъ толкованіи уже руководствуются данными, которыя могутъ быть лишь результатомъ реальнаго толкованія. Такъ, вопросъ, предъявляемый къ словесному толкованію, ясенъ или не ясенъ словесный смыслъ нормы, можетъ быть конечно рѣшаемъ и дѣйствительно рѣшается только на основаніи того, настолько ясенъ дѣйствительный реальный смыслъ нормы, а вовсе не на основаніи какого-то фиктивнаго словеснаго смысла ея. Когда юристы откажутся отъ этого устарѣлаго раздѣленія толкованія и отъ мнѳическаго словеснаго смысла нормы, то вопросы о неясности закона, о возможномъ двусмысленномъ или неточномъ пониманіи его и пр. будутъ стоять не въ началѣ, а въ концѣ толкованія, когда уже выяснены всѣ реальные факты значеній, доказывающіе ясность или неясность закона.

Встрѣчаются и болѣе грубыя ошибки въ толкованіи закона. Напр. приписываютъ писанному закону самостоятельный смыслъ, который долженъ де имѣть рѣшающее значеніе въ томъ случаѣ, если этотъ смыслъ расходится съ мыслію законодателя! Очевидно, такое пониманіе смысла закона идетъ въ разрѣзъ съ

природой значеній языка и относится къ области миѳологіи. Если напр. на практикѣ нужно нѣсколько устарѣлую норму примѣнить mutatis mutandis къ измѣнившимся условіямъ жизни, то здѣсь можетъ быть выходъ только въ какомъ нибудь чисто юридическомъ толкованіи по аналогіи, при ясномъ сознаніи размѣровъ отступленія отъ настоящаго смысла нормы. Но не нужно искать выхода въ области языка посредствомъ извращенія его фактовъ.

Толкованіе закона есть ничто иное, какъ опредѣленіе смысла его, т. е. настоящихъ значеній написанной рѣчи. Поэтому въ основѣ толкованія должно лежать общее ученіе о значеніяхъ языка, т. е. общая семасіологія, какъ отдѣлъ языковѣдѣнія.

§ 5. Языковѣдѣніе какъ вспомогательная наука для психологіи.

Въ особенно тѣсной связи находится языковѣдѣніе съ психологіей. Въ психологической сторонѣ языка языковѣдѣніе постоянно пользуется научными результатами индивидуальной психологіи, которая такимъ образомъ является для языковѣдѣнія основной вспомогательной наукой. Но въ то же время языкъ является той областью, въ которой наилучше изучается дѣятельность человѣческой души, какъ она проявляется въ сложныхъ процессахъ общественной жизни и въ сложныхъ культурныхъ произведеніяхъ человѣческаго общества (въ языкѣ, въ народныхъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и пр.). Этой частью психологіи занимается въ новѣйшее время «общественная психологія» (Völkerpsychologie). Понятно, что такимъ образомъ языковѣдѣніе въ свою очередь является вспомогательной наукой для психологіи, доставляя ей тѣ факты языка въ надлежащей обработкѣ, изъ которыхъ психологія дѣлаетъ свои выводы.

Анализъ сложныхъ процессовъ языка и выдѣленіе и опредѣленіе роли психическаго фактора въ нихъ требуетъ спеціальной лингвистической подготовки. Поэтому, понятно, главные результаты для психологіи въ этой области добыты лингвистами, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше разработка психологіи языка неизбѣжно ложится главнымъ образомъ на лингвистовъ, хотя цѣль ихъ при этомъ другая, чѣмъ у психологовъ. Лингвиста интере-

суютъ эти психическіе процессы не сами по себѣ, а лишь настолько, насколько они вліяютъ на факты языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются и общія условія душевной дѣятельности человѣка въ области языка, составляющей предметъ изученія психологіи языка. Понятно, что работы, предпринимаемыя въ этой смежной области съ разныхъ точекъ зрѣнія лингвистами и психологами, дополняютъ и контролируютъ другъ друга и могутъ привести тѣмъ къ лучшимъ результатамъ. Впрочемъ у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глазу, а въ этой смежной области затрудненіе въ томъ, что для научной разработки ея требуется основательное знаніе двухъ крупныхъ областей науки, языковѣдѣнія и психологіи.

§ 6. Лингвистика какъ основа методологіи преподаванія языка. Самообученіе языку.

Языкъ является однимъ изъ основныхъ предметовъ средняго образованія, безъ котораго едва ли можно среднюю школу считать общеобразовательной. Математика односторонняя и безсодержательна. Другіе предметы школьнаго образованія просты и описательны и не допускаютъ въ средней школѣ той логической умственной работы надъ реальными и точными, притомъ очень сложными фактами, которая возможна при изученіи языка. Изученіе классическихъ языковъ оказало несомнѣнно большія услуги умственному развитію цѣлыхъ поколѣній, несмотря на разные недостатки въ преподаваніи ихъ. И современная болѣе демократическая средняя школа не можетъ отказаться отъ теоретическаго изученія по крайней мѣрѣ одного изъ преподаваемыхъ въ ней языковъ, если она желаетъ сохранить свою общеобразовательную миссію и не желаетъ отказаться отъ общаго умственнаго развитія въ пользу чисто утилитарныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ разными спеціальными среднеучебными заведеніями, техническими, коммерческими и пр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ практическое знаніе новыхъ языковъ для современнаго образованнаго человѣка совершенно необходимо, и это знаніе стоитъ у насъ значительно ниже, чѣмъ напр. въ Германіи, несмотря на ходячее мнѣніе, будто въ Россіи знаютъ иностранные языки больше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Этой репутаціей мы обязаны тѣмъ сравнительно немногимъ лицамъ, кото-

рыя пользовались услугами иностранныхъ боннъ и гувернеровъ; ни школа наша, ни общая масса лицъ съ среднимъ образованіемъ не оправдываютъ ея.

Несмотря на это значеніе языковъ въ средней школѣ, методика преподаванія языка находится еще въ періодѣ грубаго эмпиризма. Лишь въ сравнительно недавнее время учителя-неофилологи на западѣ, особенно въ Германіи, стали дѣлать рѣшительные шаги къ водворенію болѣе раціональныхъ, научно обоснованныхъ методовъ преподаванія новыхъ языковъ. Большинство преподавателей языковъ не подозрѣваетъ даже, что научную основу методики преподаванія языка нужно искать прежде всего въ языковѣдѣніи. Они ищутъ совѣтовъ въ работахъ педагоговъ, философовъ и пр., которые въ настоящее время для преподавателя языка то же, что домашній лѣчебникъ для знахаря. Причина этому молодость современной науки языковѣдѣнія, вслѣдствіе которой не успѣли еще использовать ее для прикладныхъ цѣлей. Между тѣмъ, если немного вдуматься въ дѣло, то становится яснымъ, что для раціональнаго преподаванія языка нужно прежде всего ясное представленіе о тѣхъ *функціяхъ нашего организма*, которыя въ совокупности называются языкомъ. Онѣ сложны и разнородны, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго.

Врачъ, въ отличіе отъ знахаря, изучаетъ сначала нормальный человѣческій организмъ и его функціи въ анатоміи, физіологіи и пр. Затѣмъ онъ знакомится съ разными видами паталогическихъ нарушеній нормы и съ тѣми средствами, при помощи которыхъ устраняются ненормальныя явленія и возстановляются нормальныя функціи организма. Положеніе преподавателя по отношенію къ ученику не совсѣмъ параллельное съ положеніемъ врача, но въ общихъ чертахъ сходное съ нимъ. Нормальнымъ состояніемъ организма ученика съ точки зрѣнія преподавателя языка должно быть то *психофизіологическое состояніе*, которое называется *знаніемъ* того *языка*, который учитель преподаетъ. Конечно, это знаніе можетъ быть различно, смотря по тому, какія цѣли намѣчены въ преподаваніи (практическое знаніе языка, одно чтеніе съ пониманіемъ мертваго языка и т. д.). Во всякомъ случаѣ всѣ эти психофизіологическія состоянія можетъ раскрыть ему языковѣдѣніе, и только языковѣдѣніе. Далѣе учитель долженъ представлять себѣ ясно, въ чемъ состоитъ психофизіоло-

гическое состояніе ученика, не обладающаго требуемымъ знаніемъ даннаго языка (но обладающаго извѣстнымъ знаніемъ другого или другихъ языковъ) для того, чтобы констатировать, *какія функціи*, въ *какой послѣдовательности*, въ *какой степени каждую*, *нужно привить* учащемуся, чтобы получилось намѣченное психофизіологическое состояніе (намѣченное знаніе языка), совершенно такъ же, какъ врачъ посредствомъ изслѣдованія состоянія даннаго паціента изъ сравненія съ нормальнымъ состояніемъ организма ставитъ діагнозъ и этимъ намѣчаетъ, на какія части организма нужно направить какое лѣченіе. Разнымъ средствамъ лѣченія въ медицинѣ соотвѣтствуютъ разные пріемы преподаванія языка.

Пріемовъ и методовъ обученія языку выработано опытомъ очень много. Они разнообразны и прививаютъ учащимся одни тѣ, другіе—другія изъ составныхъ функцій языка. Употребляются и такіе пріемы, которые никакой пользы не приносятъ, или приносятъ больше вреда чѣмъ пользы.

Какъ всякія лѣкарства и пріемы лѣченія анализируются и изучаются по отношенію къ ихъ дѣйствію на организмъ, и результаты этихъ работъ заносятся затѣмъ въ фармакологію и пр., точно такъ же для методологіи языка, стоящей на научной высотѣ, нужно анализировать и изучать пріемы преподаванія языка, чтобы выяснить, *какія* изъ составныхъ *функцій*, называемыхъ въ совокупности языкомъ, и въ какой мѣрѣ *прививаются* учащимся каждымъ изъ этихъ *пріемовъ преподаванія*. Только послѣ этого можно въ каждомъ конкретномъ случаѣ дѣлать цѣлесообразный выборъ изъ существующихъ пріемовъ преподаванія, комбинировать ихъ цѣлесообразно (какъ въ рецептѣ), вносить коррективы, устраняющіе нежелательныя въ данномъ случаѣ дѣйствія и т. д., въ зависимости отъ того, какія изъ составныхъ функцій языка и въ какой мѣрѣ нужно привить въ данномъ конкретномъ случаѣ (на данномъ урокѣ или на цѣломъ рядѣ уроковъ).

Очевидно, въ основѣ всего этого должно лежать языковѣдѣніе и въ особенности психофизіологія языка. Конечно, при этомъ приходится считаться съ общей психологіей и въ частности съ (будущей) педагогической психологіей, съ общей педагогикой, общей дидактикой, гигіеной и пр., а также съ множествомъ разнородныхъ внѣшнихъ и случайныхъ условій (число

учениковъ въ классѣ, продолжительность урока, степень дисциплины и внимательности, традиціи, степень утомленія—первый или послѣдній урокъ, насколько учитель владѣетъ классомъ и пр.). Всѣ эти условія измѣняютъ нѣсколько дѣйствіе каждаго пріема.

Всѣ эти свѣдѣнія, въ основѣ которыхъ будетъ лежать научное языковѣдѣніе, составляютъ или вѣрнѣе составятъ *методологію* или научно обоснованную *спеціальную методику преподаванія языка*, какъ одной прикладной области языковѣдѣнія.

Отсутствіемъ научнаго лингвистическаго основанія методики преподаванія языка объясняется, что дилетанты придумываютъ новые *методы*, которые въ послѣднее время выростаютъ какъ грибы, и затѣмъ такъ же быстро уступаютъ свое мѣсто другимъ. Въ основѣ лежитъ та же наивная вѣра въ панацею, которая создала поклонниковъ Кнейпа и разные чудодѣйственные элексиры. Увлекаются нѣкоторыми односторонними успѣхами и не видятъ рядомъ существенныхъ пробѣловъ. Даже невѣжественная безсмысленная мнемоника, идущая въ разрѣзъ съ природой языка и съ самыми элементарными требованіями методики изученія языка, находила себѣ иногда приверженцевъ.

Отсутствіе научной методологической основы дѣлаетъ то, что общіе планы и программы преподаванія языковъ въ школѣ на западѣ дѣлаютъ нерѣшительные шаги къ улучшенію, а у насъ бросаются изъ одной крайности въ другую. Въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ послѣ переводно-грамматическаго метода преподаванія новыхъ языковъ, навѣяннаго преподаваніемъ древнихъ языковъ, перешли недавно къ противоположной крайности, въ младшихъ классахъ къ такъ называемому натуральному методу. Конечно, вѣра въ спасительное дѣйствіе этого метода въ школѣ исчезнетъ такъ же быстро, какъ исчезла вѣра въ Кнейпа и его босяцкое лѣченіе.

Каждый изъ существующихъ пріемовъ преподаванія можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ полезенъ, но лишь *цѣлесообразный выборъ ихъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ*, *цѣлесообразное сочетаніе* ихъ и внесеніе по обстоятельствамъ нужныхъ *коррективовъ* даютъ наиболѣе раціональный и совершенный способъ преподаванія въ каждое данное время, при данномъ составѣ класса и всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ,

Но для такого раціональнаго пользованія этими пріемами нужно прежде всего хорошее научное лингвистическое образованіе.

Здѣсь не мѣсто для методологіи преподаванія языка. Но для примѣра укажу на нѣкоторыя стороны такъ называемаго *натуральнаго метода* въ томъ видѣ, какъ его недавно вводили въ школу, и на другой пріемъ изученія языка, которымъ совсѣмъ пренебрегаютъ.

При натуральномъ методѣ учитель прежде всего самъ говоритъ исключительно на иностранномъ языкѣ и наглядно разъясняетъ смыслъ рѣчи посредствомъ жестовъ, мимики, демонстраціи предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь и т. д. Грамматика и тексты и въ значительной степени писаніе устраняются. Но при этомъ 1) слуховое воспріятіе рѣчи (В, рис. 4) учащимися должно быть неточное (ср. стр. 265). 2). Въ теченіе урока усваивается очень немного новыхъ словъ въ ассоціаціи **В** > **Прч** и обратно. 3) Если въ классѣ 40 учениковъ, то каждый можетъ въ лучшемъ случаѣ говорить въ среднемъ $^1/_2$ минуты на каждомъ урокѣ, слѣдовательно **Дв.орг** и **Б** почти совсѣмъ не прививаются. При такихъ условіяхъ даже при постоянной практикѣ въ слышаніи иностранной рѣчи въ теченіе многихъ, даже десятковъ лѣтъ не научаются говорить. 4) Писаніе (**Дв.ру и граф.**) мало прививается. 5) Умѣнье читать текстъ (**Д** > **В** — **Б** > **Дв.орг.**), представляющее затрудненіе даже при переводномъ методѣ, здѣсь совершенно въ пренебреженіи, и т. д.

Натуральнымъ такой методъ названъ только по поверхностному внѣшнему взгляду. Въ дѣйствительности онъ принадлежитъ къ методамъ, наиболѣе расходящимся съ естественными условіями усвоенія языка въ дѣтствѣ. При естественномъ усвоеніи главное условіе—постоянныя упражненія съ утра до вечера въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во всякихъ сферахъ употребленія языка, какъ въ рѣчи, такъ и въ пониманіи рѣчи. Къ этому присоединяется живой интересъ понимать и быть понятымъ, податливость и впечатлительность дѣтской памяти и пр. Вслѣдствіе такой интенсивности работы только и устанавливаются всѣ ассоціаціи и выдѣляются всѣ семантическія принадлежности языка (см. стр. 331 слѣд.).

Классныя условія до того различны отъ тѣхъ условій, при которыхъ усваивается материнскій языкъ въ дѣтствѣ, что классный пріемъ, который по существу наиболѣе соотвѣтствуетъ

естественному способу усвоенія языка въ дѣтствѣ, долженъ съ внѣшней стороны совершенно расходиться съ нимъ. Впрочемъ, такой пріемъ былъ бы не изъ лучшихъ, такъ какъ усвоеніе языка въ дѣтствѣ вовсе не происходитъ самымъ цѣлесообразнымъ способомъ. Притомъ психофизическія условія дѣтей 2—5 лѣтъ другія, чѣмъ 8—14 лѣтъ. При классномъ изученіи языка непремѣнно нужно связывать устный языкъ съ письмомъ, такъ какъ изученіе письма само по себѣ необходимо, а вдобавокъ ассоціаціи письма способствуютъ быстрому усвоенію устнаго языка. Кромѣ того письмо позволяетъ заниматься изученіемъ языка по тексту въ внѣклассное время, безъ чего нельзя пріобрѣсти въ школѣ мало-мальски серьезнаго знанія языка.

Изъ пріемовъ изученія языка въ классѣ по существу къ естественному процессу усвоенія языка въ дѣтствѣ подходитъ наиболѣе *пересказъ* подходящихъ текстовъ, хотя часть психическихъ процессовъ происходитъ здѣсь какъ разъ въ обратномъ порядкѣ. Преимущества этого пріема, которымъ большинство преподавателей иностранныхъ языковъ не умѣютъ даже пользоваться цѣлесообразно, заключаются въ слѣдующемъ.

Разсказывать по памяти значитъ говорить на иностранномъ языкѣ. А для того, чтобы научиться говорить, лучшее средство—говорить. Если ученикъ въ состояніи понимать (по содержанію и формѣ) и пересказывать мелкіе разсказы, то относительно пройденныхъ разсказовъ онъ уже владѣетъ языкомъ. Ему остается только расширить свою область, т. е. достигнуть того-же самаго относительно другихъ текстовъ. Конечно, для пересказа не нужно изучать текстъ наизусть. Нужно только нѣсколько разъ прочитать его вслухъ съ пониманіемъ и съ возможно лучшимъ произношеніемъ, чтобы потомъ съ нѣкоторымъ усиліемъ и даже съ ошибками повторять его безъ книги. (Не то бѣда, что во ржи лебеда, а то двѣ бѣды, что ни ржи, ни лебеды). Лучше усваивать себѣ такимъ образомъ текстъ отдѣльными предложеніями или маленькими кусочками.

Изученіе пересказа фразы, въ которой встрѣчается напр. 3 неизвѣстныхъ слова, требуетъ не больше работы, чѣмъ изученіе этихъ 3 словъ въ отдѣльности, въ видѣ вокабулъ. Это объясняется тѣмъ, что только въ предложеніяхъ слова получаютъ свои настоящія значенія, становятся живыми и вступаютъ въ ассоціацію съ предшествующими и съ послѣдующими словами.

Только въ предложеніяхъ они допускаютъ разумное изученіе въ видѣ повторенія вслухъ всей фразы. Для вокабулъ нельзя и придумать какого-нибудь разумнаго способа запоминанія. При пересказѣ иностранныя слова вступаютъ поневолѣ въ прямыя ассоціаціи съ представленіями—значеніями, и *посредничество родного языка* становится само собою неудобнымъ. При пересказѣ создаются безсознательно (а это и нужно!) всѣ ассоціаціи, соединяющія слова между собою въ предложеніи. При этомъ органы рѣчи упражняются въ произношеніи иностранныхъ словъ и ухо воспринимаетъ собственную рѣчь, такъ что усваиваются нужныя двигательныя и слуховыя представленія въ нужной ассоціаціи между собою.

Пересказывать текстъ—единственный способъ, при помощи котораго мы можемъ научиться говорить на иностранномъ языкѣ, когда практика отсутствуетъ. Можно даже сказать, что практика не въ состояніи замѣнить совершенно пересказъ, если не жить среди иностранцевъ. Мы не имѣемъ обыкновенно возможности говорить на практикѣ о всевозможныхъ явленіяхъ всѣхъ областей хотя бы только практической жизни. Мы не имѣемъ всегда въ своемъ распоряженіи учителя или собесѣдника. Въ этомъ отношеніи пересказъ соотвѣтствующихъ текстовъ можетъ дополнить пробѣлы въ языкѣ, усвоенномъ главнымъ образомъ практикой не въ иностранной странѣ. Въ дѣтскомъ возрастѣ изученіе интереснаго маленькаго разсказа или анекдота доставляетъ прямо удовольствіе. Это—развлеченіе послѣ грамматическаго разбора или писанія и пр. Пересказъ приготовляется малолѣтними быстро, и необходимыя въ языкѣ ассоціаціи установляются у нихъ гораздо скорѣе, чѣмъ у взрослыхъ людей.

Если преподаваніе языковъ въ школѣ ведется исключительно по методамъ вродѣ «натуральнаго», то по отношенію къ языку школа перестаетъ быть образовательнымъ и умственноразвивающимъ учрежденіемъ. Вѣдь нельзя же сказать напр. о неграмотномъ мальчикѣ, усвоившемъ себѣ иностранный языкъ между иностранцами или отъ боннъ, что онъ этимъ получилъ какое либо образованіе ума. Это упустили совершенно изъ виду реформаторы преподаванія языка въ средней школѣ, не говоря уже о томъ, что и практическіе успѣхи при натуральномъ методѣ должны быть плачевны. Раціональный методъ преподава-

нія языка въ школѣ состоитъ въ отсутствіи всякаго метода (т. е. готоваго рецепта или всеспасительнаго препарата, который называется методомъ) и въ *научно обоснованномъ цѣлесообразномъ пользованіи всѣми пріемами усвоенія языка, возможными въ школѣ.* Но для этого учитель долженъ имѣть прежде всего научную подготовку по языку.

При преподаваніи живого языка въ школѣ на западѣ привитіе правильнаго *произношенія* не только иностраннаго, но и общенароднаго языка, считается однимъ изъ первыхъ условій. Для этого отъ учителя требуется надлежащая подготовка по общей *фонетикѣ*, особенно физіологіи языка, а также практическое знаніе точныхъ условій производства звуковъ преподаваемаго языка и отличія ихъ отъ звуковъ роднаго языка учащихся. Положимъ и тамъ есть еще немало преподавателей изъ старшихъ, не удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ. У насъ же эти требованія пока еще совсѣмъ игнорируются и о физіологіи рѣчи подавляющее большинство преподавателей языковъ не имѣетъ понятія.

Насколько ложенъ взглядъ, которымъ руководствуются авторы разныхъ методовъ преподаванія языка, что преимущество метода заключается въ возможно большемъ приближеніи къ естественному способу усвоенія родного языка въ дѣтствѣ, объ этомъ можно судить уже по тому, что нерѣдко иностранцы проводятъ всю жизнь между другимъ народомъ, говорятъ свободно на его языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ совершенно невѣрное произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ (субституируютъ свои звуки, стр. 266). Между тѣмъ ребенокъ справляется съ этой задачей быстро и вполнѣ. Но нѣсколько сеансовъ въ фонетической лабораторіи могутъ сдѣлать то, чего не сдѣлало много лѣтъ усвоенія произношенія по натуральному способу, и именно потому, что естественная посредственная передача движеній органовъ рѣчи замѣняется искусственной непосредственной передачей ихъ (см. стр. 103, 242 и друг.).

Современныя условія жизни заставляютъ часто поспѣшно изучать съ практической цѣлью тотъ или другой живой иностранный языкъ, или дополнять недостаточное практическое знаніе языка, вынесенное изъ школы. При такихъ условіяхъ взрослому, даже пользующемуся услугами учителя и иностранцевъ, приходится бо́льшую часть знанія пріобрѣтать посредствомъ

самообученія. Для этого главное средство *пересказъ*. Главное затрудненіе при этомъ заключалось до сихъ поръ въ томъ, что изучавшій самоучкою языкъ усваивалъ себѣ очень невѣрное произношеніе, такъ что нерѣдко иностранцы не понимали его рѣчи, и онъ не узнавалъ знакомыхъ словъ въ рѣчи иностранцевъ. Теперь этотъ камень преткновенія въ значительной степени устраняется помощью фонографа, который въ извѣстномъ отношеніи замѣняетъ учителя и находящагося всегда въ распоряженіи иностранца.

Посредствомъ нарочно изготовленныхъ прочныхъ валиковъ фонографъ воспроизводитъ образцовое произношеніе текстовъ и словъ, которые помѣщены въ учебникѣ для изученія. Учащійся прислушивается внимательно къ воспроизводимой фонографомъ рѣчи, слѣдя одновременно глазами за письменнымъ изображеніемъ ея въ текстѣ. Подъ руководствомъ учебника текстъ этотъ прорабатывается по формамъ и значеніямъ. Такимъ образомъ можно одновременно прививать себѣ слуховыя (**В**) и зрительныя (**Д**) представленія языка въ надлежащихъ ассоціаціяхъ съ значеніями (**Прч**). Очевидно, если исключить одновременное чтеніе текста (**Д**), то учащійся находится въ нормальныхъ условіяхъ *слушателя* въ языкѣ (см. стр. 84). Прослушавъ такимъ образомъ нѣсколько разъ одно или рядъ предложеній, съ желательнымъ числомъ повтореній болѣе трудныхъ мѣстъ благодаря особому приспособленію—репетитору, учащійся начинаетъ самъ повторять ихъ, подражая фонографу и одновременно представляя себѣ возможно живо содержаніе своей рѣчи. Такимъ образомъ устанавливаются въ немъ одновременно, слѣдовательно въ надлежащихъ ассоціаціяхъ, **Прч—В—Б > Дв.орг** при вѣрномъ произношеніи, т. е. производятся всѣ тѣ функціи возможно совершенно, которыя необходимы *говорящему*. Раньше **В—Прч** ассоціировались еще съ **Д**. Можно и теперь еще прочитать текстъ съ полнымъ пониманіемъ содержанія, и тогда остается еще невоспроизведеннымъ **граф** съ его ассоціаціями. Поэтому въ высшей степени цѣлесообразно писать еще разученныя предложенія по памяти, по надобности справляясь въ текстѣ относительно правописанія того или другого слова (= естественное произвольное малограмотное, но вѣрное раціональное писаніе).

Къ сожалѣнію характерные шумы глухихъ согласныхъ воспроизводятся плохо фонографомъ. Но участіе текста отчасти

обезвреживаетъ этотъ недостатокъ, а подчасъ очень удачно воспроизводимые переходные звуки направляютъ даже на тонкости произношенія согласныхъ, указывая на высоту собственнаго шума резонатора при нихъ. Зато гласные, особенно ударенія и вообще ритмическая сторона рѣчи передаются фонографомъ идеально хорошо, несравненно лучше, чѣмъ обыкновенно учителемъ, который часто не обладаетъ образцовой рѣчью и чаще не старается произносить по образцовому. Чтобы усвоить себѣ вѣрныя интонаціи (модуляціи голоса) и ритмы иностраннаго языка, фонографъ незамѣнимъ, такъ какъ повторяетъ рѣчь безъ измѣненій. Въ этомъ отношеніи онъ полезенъ даже вполнѣ владѣющимъ даннымъ языкомъ, но живущимъ среди другого народа, такъ какъ эти тонкости языка утрачиваются подъ вліяніемъ другого языка. Для собственной провѣрки вѣрности произношенія, котораго мы вообще не можемъ объективно слышать въ собственной рѣчи, можно записать на чистомъ валикѣ собственную рѣчь и сравнивать ея воспроизводство съ воспроизводимой образцовой рѣчью учебныхъ валиковъ. Для открытія недостатковъ произношенія можно даже такіе наговоренные валики отсылать къ компетентнымъ лицамъ.

Но и при учителѣ фонографъ можетъ служить репетиторомъ, повторяя совершенно одинаковымъ образомъ желаемое число разъ любую рѣчь, что особенно важно для усвоенія своеобразныхъ интонацій и ритмовъ каждаго языка. Поэтому народныя пѣсни, характерные разговоры и декламацію можно быстрѣе всего усваивать себѣ при помощи фонографа.

Нужно однако предостерегать отъ пользованія фонографомъ для пассивнаго заучиванія другихъ предметовъ, напр. уроковъ географіи, исторіи и пр. Такое механическое усвоеніе можетъ обратить учащагося въ попугая и заглушать умственное развитіе его. Фонографъ прививаетъ только звуки.

На русскомъ языкѣ появился пока учебникъ для изученія нѣмецкаго языка русскими при помощи фонографа: «Ечинацъ, Говорящій самоучитель, № 1, Нѣмецкій языкъ». Тамъ же указанія для пользованія фонографомъ при изученіи языка и относительно валиковъ и соотвѣтствующихъ пособій. Методическое замѣчаніе: часть начальныхъ текстовъ слѣдовало бы печатать рукописными буквами для списыванія и записыванія по памяти, хотя латинскія рукописныя буквы не отличаются много отъ печатныхъ.

ГЛАВА XIV.

ПИСЬМО.

§ 1. Теорія письма.

Разные виды письма.

Кромѣ звукового (устнаго) языка существуютъ еще другіе языки, особенно зрительные. Языкъ мимики и жестовъ былъ несомнѣнно раньше нынѣшняго звукового языка и при помощи его развился звуковой языкъ. Онъ существуетъ и въ настоящее время какъ вспомогательный языкъ рядомъ съ звуковымъ языкомъ. Мы даже въ устномъ языкѣ прибѣгаемъ къ описанію знаковъ этого зрительнаго языка: «онъ махнулъ рукой на это», передалъ «поклонъ», «разинулъ ротъ» и пр. Изучались особенно зрительные языки глухонѣмыхъ, сѣверноамериканскихъ индійцевъ, неаполитанцевъ и пр. Для насъ представляютъ особый интересъ тѣ зрительные языки, которые называются письмомъ, а въ числѣ ихъ именно звуковое письмо.

Устная рѣчь не всегда пригодна для сообщенія мыслей, напр. при пространственномъ отдаленіи, или когда необходимо сохранить мимолетныя мысли и слова такъ, чтобы возможно было воспроизводить ихъ впослѣдствіи. Для этого служитъ особый языкъ, *писанный языкъ* или *письмо*. Я избѣгаю названія «письменный языкъ», потому что подъ этимъ названіемъ понимается обыкновенно нѣчто другое, именно устный языкъ, какъ онъ принятъ въ письменномъ изложеніи, т. е. литературный языкъ. Существуютъ разнаго рода писанные языки, которые принципіально различны между собою.

Въ такъ называемомъ *образномъ* или *картинномъ* письмѣ (*пиктографіи*), напр. у сѣверноамериканскихъ индійцевъ, изоб-

ражаются въ грубыхъ очертаніяхъ сложныя зрительныя представленія, а метафорически и другія. Расчлененіе мысли предоставляется остроумію читателя. Отвлеченныя понятія изображаются символически. Напр. линія, соединяющая сердца изображеній двухъ лицъ, обозначаетъ дружбу, привязанность между ними; линія, соединяющая ихъ глаза—согласные взгляды и пр. Для передачи звуковъ рѣчи, напр. собственнаго имени, рисуются предметы, названія которыхъ содержатъ часть или всѣ звуки даннаго слова, какъ нерѣдко въ нашихъ ребусахъ.

Въ *идеографіи* китайцевъ изображаются знаками непосредственно значенія словъ, т. е. понятія и представленія, но въ составъ сложныхъ знаковъ входятъ и звуковыя обозначенія. Первоначально эти знаки изображали картинно въ немногихъ штрихахъ предметы, какъ собаку, лѣсъ (нѣсколько деревьевъ) и пр. Изъ комбинаціи такихъ знаковъ выработались вѣками слишкомъ 40,000 знаковъ—идеограммъ. Египетское письмо (іероглифы) было смѣшанное, сохранившее частію образныя изображенія, частію уже перешедшее въ звуковое письмо. Рядомъ съ звуковымъ письмомъ мы пользуемся также идеографіей. Сюда относятся знаки чиселъ: 1, 2, $\sqrt[2]{25}$, 2×2 и пр. Въ □″ соединеніе пиктографіи съ идеографіей. Въ «† 22/III 1909» символическое картинное изображеніе съ идеограммами. Идеографія гораздо проще и удобнѣе, но при множествѣ такихъ знаковъ они становятся сложными и трудно удерживаются въ памяти.

Пиктографія и идеографія передаютъ непосредственно мысли пишущаго, а потому такое письмо можетъ усвоить себѣ и понимать и тотъ, кто не знакомъ съ языкомъ пишущаго. Третьяго рода письмо, *звуковое письмо*, передаетъ непосредственно въ знакахъ лишь звуки устной рѣчи. Поэтому для пониманія смысла нужно умѣть перелагать его на звуковую рѣчь и нужно знать языкъ пишущаго.

При своемъ возникновеніи звуковое письмо было *силлабическое*, т. е. отдѣльными знаками изображались цѣлые слоги, какъ въ ассирійскихъ и большею частію въ древнеперсидскихъ клинообразныхъ надписяхъ, и какъ отчасти въ санскритскомъ письмѣ. Возникновеніе и распространеніе силлабическаго письма объясняется тѣмъ, что анализъ рѣчи на отдѣльные звуки гораздо труднѣе, чѣмъ на слоги (стр. 220). Къ силлабическому письму относится напр. арабское и древнееврейское пись-

мо. Такъ какъ въ нихъ отдѣльнымъ знакомъ изображается согласный обыкновенно совмѣстно съ послѣдующимъ гласнымъ (стр. 71), то кажется, что въ письмѣ обозначаются только согласные. При надобности прибавляются подстрочные и надстрочные знаки гласныхъ для облегченія чтенія, и тогда является настоящее звуковое письмо, какъ оно существуетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Звуковое письмо.

Въ звуковомъ письмѣ, кромѣ силлабическаго, въ общемъ каждый установочный звукъ (стр. 235), гласный и согласный, изображается отдѣльнымъ письменнымъ знакомъ—*буквою*. Но этотъ общій принципъ болѣе или менѣе нарушается въ существующихъ орѳографіяхъ тѣмъ, что нерѣдко одинъ звукъ изображается въ разныхъ случаяхъ разными буквами, и наоборотъ, нерѣдко одна буква обозначаетъ въ разныхъ случаяхъ разные звуки и комплексы звуковъ. Нерѣдко буква не обозначаетъ звука, иногда установочный звукъ не обозначается буквою.

Звуковое письмо есть особаго рода *зрительный языкъ*, который находится въ своеобразной связи съ звуковымъ языкомъ. Съ перваго взгляда кажется, что письмо ничто иное, какъ изображеніе звуковъ рѣчи посредствомъ знаковъ, называемыхъ буквами. Если бы этотъ распространенный взглядъ былъ вѣренъ, то конечно нельзя было бы говорить о «писанномъ языкѣ». Но изслѣдованія психическаго процесса чтенія и писанія свидѣтельствуютъ о томъ, что у грамотныхъ *письменныя фигуры словъ* играютъ сходную роль, какъ звуковыя слова устной рѣчи, какъ подробно показано въ моей книгѣ «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его» (то же въ «Лѣтописи Историко-филологическаго общества при ИМП. Новорос. Унив. XI, Педагогическое отдѣленіе I», стр. 75—242). Отсылая читателя къ изложенному тамъ, я ограничиваюсь здѣсь нѣкоторыми общими указаніями по теоріи письма.

Психофизіологическія функціи, составляющія «письменный (зрительный) языкъ», во многихъ отношеніяхъ сходны съ функціями, составляющими устный языкъ. Кромѣ того тѣ и другія находятся между собою въ тѣсной органической связи. Въ виду этого и теорія письма тѣсно связана съ языковѣдѣніемъ. Въ общихъ чертахъ эти функціи объяснены выше на стр. 89—101.

Психологическій анализъ процесса *чтенія* показываетъ, что совершенно ошибочно думаютъ, будто грамотный человѣкъ читаетъ звуковое письмо такъ, что каждую букву перелагаетъ сначала на соотвѣтствующіе звуки и движенія органовъ рѣчи и такимъ образомъ составляетъ слова. Такъ читаютъ только азбучники и малограмотные. Что грамотный читаетъ не по буквамъ, видно уже изъ того, какъ трудно находить опечатки при корректурѣ. По мѣрѣ пріобрѣтенія грамотности представленіе писаннаго или печатнаго *образа цѣлаго слова* (оптической фигуры слова) вступаетъ все болѣе въ непосредственную ассоціацію по смежности съ звуковымъ (и съ мускулодвигательнымъ) представленіемъ слова, которое въ свою очередь вызываетъ по ассоціаціи его значеніе (рис. 4: **Д** цѣлыя слова > **В—Б** слова > **Прч.**). А затѣмъ, по законамъ нашей психической природы, эта посредственная ассоціація становится все болѣе непосредственной (**Д** слова > **Прч.**), такъ что одинъ взглядъ на писанное слово, группу словъ и цѣлое предложеніе, возбуждаетъ уже въ большей или меньшей степени *непосредственно само значеніе* слова и пр. Взгляните на вывѣску лавки, на которой начертано **Табакъ, Рыбная, Мясная,** и безъ представленія словъ въ васъ возбуждаются представленія о продаваемыхъ въ ней товарахъ, все равно что нарисованной на вывѣскѣ большой рыбой, или выставленными въ витринѣ папиросами и пр. Такимъ образомъ звуковое письмо становится для грамотнаго читателя въ значительной степени *идеографическимъ*. Несравненная выгода въ сравненіи съ настоящей идеографіей въ томъ, что не нужно усвоить себѣ предварительно много тысячъ знаковъ, а по мѣрѣ надобности читатель прибѣгаетъ и къ чтенію по буквамъ и слогамъ.

Такъ же ошибочно думаютъ обыкновенно, будто грамотный при *писаніи* анализируетъ слово на составные звуки и поочередно изображаетъ ихъ буквами. Такъ пишутъ только малограмотные, не пріобрѣвшіе достаточнаго навыка въ писаніи. По мѣрѣ пріобрѣтенія грамотности воспоминанія движенія кисти, руки и пальцевъ при писаніи ассоціируются такъ съ звуковыми представленіями словъ, что какъ только въ сознаніи промелькнетъ слово, то при желаніи рука производитъ *автоматически весь рядъ движеній, дающихъ начертаніе даннаго слова* на бумагѣ какъ фигуру [**В**(—**Б**—**Д**) цѣлыя слова > **граф** цѣлыя

слова́ > **Дв.ру**, см. стр. 95]. Быстро написанный черновикъ, въ которомъ отдѣльныя буквы переплетаются между собою, показываетъ, что пишущій вовсе не думалъ объ отдѣльныхъ буквахъ, а начертилъ привычныя фигуры, обозначающія слова.

Очевидно, такія непосредственныя ассоціаціи между словами и фигурами цѣлыхъ письменныхъ словъ, необходимыя какъ для грамотнаго чтенія (**Д > В—Б > Прч**, частію **Д > Прч**), такъ и для грамотнаго писанія (**Прч > В > граф**, рѣдко **Прч > граф** и пр., см. стр. 95 слѣд.), возможны только въ томъ случаѣ, если эти фигуры словъ всегда одинаковы, т. е. состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же буквъ. Вотъ почему у грамотнаго народа должна быть *орѳографія* или *правописаніе*, т. е. *общепринятое одинаковое написаніе* каждаго слова. Всякое отступленіе отъ разъ принятой нормы называется неправильностью или *ошибкой*. Другой мѣрки правильности письма, кромѣ общепринятости, нѣтъ, какъ и въ устномъ языкѣ. Поэтому у грамотнаго народа сохраняется *традиціонное* правописаніе (писанный языкъ) и прививается въ школѣ, такъ какъ колебанія въ правописаніи вызывали бы малограмотное чтеніе и писаніе, т. е. сдѣлали бы народъ малограмотнымъ. Этимъ объясняется, почему въ разъ установившейся орѳографіи допустимы только частичныя измѣненія, но не крупныя передѣлки (ср. мою брошюру «Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію»), и почему попытки коренныхъ реформъ правописанія у грамотнаго народа никогда не имѣли успѣха.

Оттого у культурныхъ народовъ, грамотность котораго началась не со вчерашняго дня, неизбѣжно *правописаніе историческое*, соотвѣтствующее по буквамъ больше звукамъ той эпохи языка, когда эта орѳографія стала пріобрѣтать *постоянство*. Мы говоримъ «акно́», «бер'от», «кост'», а пишемъ по старому «окно», «беретъ», «кость» и пр.

Такъ какъ въ звуковомъ языкѣ представителями отдѣльныхъ значеній являются также и морфологическія принадлежности словъ, то для ассоціаціи письма съ семантическими единицами рѣчи и съ значеніями ихъ крайне выгодно, чтобы каждой отдѣльной морфологической принадлежности разныхъ словъ соотвѣтствовалъ по возможности отдѣльный, всегда одинаковый комплексъ буквъ, напр. «без» въ «безъ него», «безъ того», «безтолковый» и пр., несмотря на то, что частію произносятъ «бес», или

напр. «город», несмотря на то, что произносятъ «го́рът», «гъратско́й», «гъръдаво́й» и т. д. Правописаніе, въ которомъ этотъ принципъ болѣе или менѣе выдержанъ наперекоръ произношенію, называется *этимологическимъ* (вѣрнѣе было бы: *морфологическимъ*). Этимологическій элементъ частію является лишь послѣдствіемъ того, что орѳографія историческая, частію внесенъ умышленно посредствомъ морфологическаго анализа словъ, что въ результатѣ безразлично. На основаніи морфологическаго анализа мы пишемъ «везти», хотя произносимъ и всегда произносили «вести», такъ какъ эта же морфологическая принадлежность пишется въ «везу», «возъ» и пр. съ буквою *з*. На историческомъ основаніи мы пишемъ «окно́», съ *о*, а не съ *а*, «возъ» съ *з*, а не съ *с*, береза съ *е* (напр. вмѣсто бер'оза) и пр., такъ какъ во время возникновенія правописанія произносили въ этихъ словахъ *о*, *з*, *е*, и эти написанія сохранились. Но они могли бы возникнуть и впослѣдствіи на этимологическомъ основаніи, такъ какъ рядомъ существуютъ слова «о́кна», «воза», «березня́къ» и пр.

Въ научныхъ лингвистическихъ записяхъ рѣчи употребляется точное *фонетическое письмо* (фонетическая транскрипція) для возможно точной передачи звуковой стороны устной рѣчи. При этомъ обозначаются и продолжительность звуковъ, ударенія и пр. Въ такомъ письмѣ конечно требуется, чтобы *каждый звукъ обозначался отдѣльной буквой*, притомъ повсюду только *одной и той же буквой*, чтобы по этимъ буквамъ и описаніямъ ихъ можно было въ точности возстановлять устную рѣчь. Но *фонетическое письмо* для общенароднаго правописанія не нужно и *неудобно* тѣмъ, что оно сложно, притомъ, изображая только одинъ діалектъ, затрудняетъ тѣхъ, которые говорятъ на другихъ говорахъ. Не всякій грамотный успѣлъ усвоить себѣ въ точности произношеніе общенароднаго языка, если оно вообще установлено. Чѣмъ больше грамотность распространяется въ широкихъ слояхъ большого народа, тѣмъ больше письмо должно быть такъ сказать демократическимъ, т. е. приспособленнымъ и къ народному діалектическому произношенію. Кромѣ того всякій живой языкъ со временемъ измѣняется, а правописанія вслѣдъ за нимъ измѣнять нельзя, какъ видно изъ выше сказаннаго. Слѣдовательно со временемъ всякое фонети-

ческое правописаніе перестаетъ быть таковымъ и обращается въ историческое правописаніе.

Два различныхъ звука могутъ со временемъ совпасть въ языкѣ, какъ это случилось въ великорусскомъ языкѣ съ тѣми звуками, которые обозначались посредствомъ *е* и *ѣ*. Тогда въ историческомъ правописаніи оказывается 2 буквы для одного звука. Въ такомъ случаѣ малограмотное общество иногда по ошибкѣ начинаетъ писать одну букву на мѣстѣ другой, какъ это случилось въ русскихъ словахъ «семья», «песокъ», «мелкій» и пр., вмѣсто прежнихъ «сѣмья», «пѣсокъ», «мѣлкій», и напр. въ «змѣя», вмѣсто исторически болѣе правильнаго «змея». Такія традиціонныя написанія сохраняются, такъ какъ историческая вѣрность письма сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія для практическаго письма—правописанія. Важно лишь, насколько историческое письмо традиціонно и обезпечиваетъ однообразіе въ томъ, что приходится читать большой публикѣ.

Съ другой стороны, въ языкѣ нерѣдко одинъ звукъ распадается со временемъ на два звука, и тогда въ исторической орѳографіи сохраняется для обозначенія обоихъ одна буква, а иногда, особенно когда въ этомъ есть практическая потребность, вводятся діакритическіе знаки для различенія обоихъ звуковъ. Такъ *о* распалось въ акающемъ великорусскомъ языкѣ на *о*, *а* и еще другіе звуки (гърадоф), которые всѣ обозначаются буквою *о*. Звукъ *е* развился въ узкій и широкій *е* (стр. 159, 160), послѣдній частію въ *о* (веди, веду, велъ), и для всѣхъ сохраняется прежняя буква въ силу этимологическаго принципа, только иногда ставятся 2 точки на *е* (вёлъ, ёлка).

Вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій звуковъ почти всѣ русскія буквы обозначаютъ по нѣсколько звуковъ, и почти всѣ звуки обозначаются нѣсколькими буквами, и такъ бываетъ во всѣхъ орѳографіяхъ, имѣющихъ исторію (ср. возъ=вос, другъ=друк, богъ=бох, богатъ=багат и т. д.). Кромѣ того звуки нерѣдко исчезаютъ, а буквы ихъ нерѣдко сохраняются, какъ *ъ*, *ь* (домъ, кость).

Надо еще имѣть въ виду, что алфавиты не придумываются вновь при возникновеніи письменности у народа, а болѣе или менѣе цѣликомъ заимствуются. Поэтому обыкновенно съ самаго начала попадаютъ въ письмо разногласія съ фонетическими условіями. Такъ попали въ русское письмо два *і*, *и*, а также ѳ и ѵ

зъ греческаго письма при посредствѣ церковнославянской письменности. Заимствованіемъ церковнославянскаго письма объясняется, что въ русскомъ правописаніи мягкость согласныхъ обозначается различіемъ въ буквахъ, обозначающихъ или обозначавшихъ гласные, слѣдующіе за этими согласными (дужій—дюжина, да—дядя, пѣтъ—пѣть). Это очень практично, такъ какъ требуетъ только 2 двойныхъ буквъ (*ю*, *я*) для гласныхъ и буквы *ь*, между тѣмъ какъ обозначеніе мягкости при буквахъ самихъ согласныхъ требовало бы двойныхъ начертаній почти для всѣхъ согласныхъ, или же діакритическихъ знаковъ при нихъ, которые очень неудобны и въ процессѣ писанія по труду и времени равняются отдѣльнымъ лишнимъ буквамъ. Ср. напр. польскій непослѣдовательный способъ обозначенія мягкости въ: łono — leń, dzień, dnia.

Непослѣдовательность въ отношеніяхъ между звуками и буквами, неизбѣжное въ каждомъ историческомъ правописаніи, представляетъ извѣстную трудность при начальномъ усвоеніи правописанія; а для *окончательнаго усвоенія* историческое правописаніе, въ сравненіи съ фонетическимъ, *гораздо легче* тѣмъ, что въ немъ этимологическій элементъ болѣе развитъ: легче и быстрѣе можно усвоить себѣ *автоматическое производство движеній руки*. дающихъ начертаніе морфологической принадлежности «год» (въ «годъ», «года», «годовой», «годовалый» и пр.), чѣмъ можно усвоить себѣ автоматическое писаніе нѣсколькихъ различныхъ начертаній, если мы писали бы фонетически (гот, гада, гъдавой и пр.). -

Для практическаго пользованія при грамотномъ чтеніи и писаніи—а для этого собственно и существуетъ письмо—фонетическое письмо мало пригодно, такъ какъ затрудняетъ пріобрѣтеніе полной грамотности, т. е. возможно большей *непосредственной ассоціаціи семантическихъ единицъ звуковой рѣчи и ихъ значеній съ соотвѣтствующими единицами письма*. Слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно историческое правописаніе, въ которомъ сильно развито этимологическое начало, какъ между прочимъ русское правописаніе.

Методологія преподаванія чтенія и правописанія.

Научное изученіе письма имѣетъ такое же прикладное значеніе для методики обученія чтенію и правописанію, какъ языковѣ-

дѣніе для обученія языку. Методологія преподаванія языка относится главнымъ образомъ только къ преподаванію иностранныхъ языковъ, которые въ большинствѣ школъ, напр. въ народныхъ школахъ, вовсе не преподаются; чтеніе и правописаніе же преподаются во всѣхъ школахъ, у грамотнаго народа всѣмъ членамъ его. Отсюда понятно, какое громадное значеніе имѣетъ раціональное преподаваніе чтенія и правописанія, а потому и научная теорія письма, служащая основой методики преподаванія ихъ. Между тѣмъ повсюду обученіе правописанію ведется болѣе или менѣе нераціонально. О возможности существованія научно обоснованной методики преподаванія чтенія и правописанія большая часть преподавателей, особенно у насъ, даже не подозрѣвала до послѣдняго времени, и теперь еще знакома съ нею больше по наслышкѣ.

Грамотность есть извѣстнаго рода пріобрѣтенная способность, искусство. О психофизіологическихъ функціяхъ, составляющихъ процессъ чтенія и писанія, сказано на стр. 89—101. При обученіи грамотности нужно привить соотвѣтствующимъ органамъ способность *функціонировать* при извѣстныхъ условіяхъ такъ, какъ они функціонируютъ у *грамотнаго* при *чтеніи* и *писаніи*.

§ 2. Методика обученія русскому чтенію.

Ограничиваюсь и здѣсь лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями. Грамотное чтеніе заключается въ возстановленіи по оптическимъ фигурамъ (начертаніямъ) словъ и морфологическихъ принадлежностей ихъ (съ входящими въ ихъ составъ буквами) подлиннаго звукового языка съ его значеніями. Для чтенія звукового письма нужно прежде всего знать звуковыя (слуховыя и уже ассоціированныя съ ними двигательныя) соотвѣтствія отдѣльнымъ буквамъ. Дальнѣйшее совершенствованіе въ чтеніи заключается въ пріобрѣтеніи навыка, по соотвѣтствующимъ буквеннымъ комплексамъ возстановлять цѣликомъ цѣлыя слова съ ихъ морфологическими принадлежностями, цѣлыя группы словъ и предложенія. Это конечно не значитъ, что начальное обученіе чтенію нужно начать съ обученія буквамъ въ отдѣльности и ихъ звуковымъ значеніямъ. Не только аналитическіе методы обученія чтенію, но и синтетическіе въ значительной степени исходятъ изъ анализа словъ на звуки и обозначающія ихъ буквы, и ря-

домъ съ этимъ занимаются въ большей или меньшей степени синтезомъ слоговъ и словъ.

Обученіе чтенію обыкновенно особыхъ затрудненій не вызываетъ. Съ начальнымъ чтеніемъ дѣти справляются сравнительно быстро и дальнѣйшее пріобрѣтеніе умѣнья чтенія до вполнѣ грамотнаго чтенія происходитъ большею частію попутно. Конечно, при лучшихъ методахъ и основанныхъ на нихъ учебникахъ дѣти начинаютъ быстрѣе вѣрно и со смысломъ читать. Кромѣ того, въ зависимости отъ метода обученія чтенію самый психическій процессъ чтенія устанавливается нѣсколько различно, и эти различія имѣютъ впослѣдствіи нѣкоторое вліяніе на успѣшность и ясность усвоенія читаемаго, и особенно на успѣшность пріобрѣтенія грамотности въ писаніи, на что пока обращаютъ мало вниманія.

Изысканіемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ обученія чтенію занимались уже давно, правда только практическимъ путемъ, испробованіемъ разныхъ методовъ. Только въ новѣйшее время составители азбукъ и букварей руководствуются отчасти указаніями научной фонетики и опытной психологіи. Благодаря этому въ новѣйшихъ азбукахъ и у насъ введены многія улучшенія, и въ объясненіяхъ къ нимъ проглядываютъ нерѣдко вѣрные, научно обоснованные взгляды на чтеніе и его усвоеніе. Но какъ почти во всѣхъ областяхъ у насъ, такъ и здѣсь эти улучшенія явились не столько вслѣдствіе самостоятельнаго использованія данныхъ науки въ примѣненіи къ нашимъ потребностямъ и условіямъ, а преимущественно въ подражаніе улучшеннымъ нѣмецкимъ и англійскимъ учебникамъ. Но условія тамъ и здѣсь болѣе или менѣе различны, съ чѣмъ часто не считаются.

Теперь у насъ не прививаютъ уже дѣтямъ прежде всего названій буквъ, какъ азъ, буки, вѣди и пр., въ ассоціаціи съ буквенными знаками. Отъ складыванія словъ изъ «бе—а—ба», «ка—і—кі» и пр. перешли уже къ звуковому методу. Это былъ значительный шагъ впередъ въ обученіи нѣмецкой грамотѣ, но небольшой для русской. Общій недостатокъ звукового метода заключается въ томъ, что мгновенные согласные, какъ *п*, *т*, *к*, *д*, *ц* и пр., въ отдѣльности не существуютъ въ языкѣ, и при такомъ производствѣ они произносятся съ неестественнымъ усиліемъ, затрудняющимъ потомъ естественное производство ихъ въ словахъ при чтеніи и сліяніи звуковъ. Кромѣ того согласный

всегда такъ сказать содержитъ и гласный (т. е. собственный шумъ полости рта), обусловливающій также укладку органовъ рта при производствѣ согласнаго. См. стр. 187, 198 слѣд. Въ нѣмецкомъ языкѣ различія между разновидностями напр. *k* въ Kind, kam, komm сравнительно незначительны, и потому переходъ отъ индифферентнаго *k* къ этимъ положеніямъ незатруднителенъ. Но въ русскомъ языкѣ органы рта при производствѣ согласнаго по возможности установлены въ положеніе производства слѣдующаго гласнаго, такъ что всякое *к*, *п*, *с* и пр. есть въ дѣйствительности одна изъ сильно различествующихъ разновидностей $к^{а}$, или $к^{і}$, или $к^{у}$ и пр. Какая же изъ нихъ прививается въ отдѣльности при первоначальномъ ознакомленіи съ звуковымъ значеніемъ буквенныхъ знаковъ ?—Обыкновенно *к*, *п*, *с*, *б* и пр. съ приблизительно индифферентнымъ положеніемъ языка при среднемъ раскрытіи рта, т. е. съ резонаторомъ, дающимъ нѣчто вродѣ $к^{ъі}$, $п^{ъі}$, $с^{ъі}$, $г^{ъі}$ и т. д., такъ что вмѣсто мнимыхъ отдѣльныхъ согласныхъ въ дѣйствительности производятся искаженные шепотные *кы*, *пы* и пр. съ неестественнымъ придуваніемъ. Понятно, что обучающійся при сочетаніи такого согласнаго съ слѣдующимъ *і* ($к^{ы}$—і—кі) или *у* ($к^{ы}$—у—ку) испытываетъ почти такое же затрудненіе, какъ при сліяніи (*ка—і—кі*), «*пе—у—пу*». Если этотъ непризнанный (шепотной) звукъ *ы* съ его артикуляціями и проявляется менѣе сильно, чѣмъ напр. *е* въ «бе», *а* въ «ка» и пр., то зато въ «бе», «ка» произносятся настоящіе согласные, а отдѣльно произносимыя *б*, *к* и пр. представляютъ какіе-то неестественные взрывы.

Очевидно, только буквы гласныхъ могутъ усваиваться отдѣльнымъ произношеніемъ ихъ, а буквы особенно русскихъ согласныхъ только въ слогахъ въ связи съ гласными, изъ которыхъ затѣмъ звуковое значеніе отдѣльныхъ согласныхъ абстрагируется самими учащимися. Слоги въ свою очередь нужно конечно усваивать себѣ въ знакомыхъ словахъ сразу въ правильномъ произношеніи. При чтеніи отдѣльныхъ слоговъ нужно очевидно вызвать вѣрную укладку резонатора согласнаго тѣмъ, что открытому слогу предпосылается тотъ же гласный: «уху», «ити» и пр.

Съ другой стороны, русское правописаніе въ значительной степени фонетическое, и потому нѣтъ надобности при обученіи русскому чтенію дѣлать единицами буквенныхъ обозначеній не-

рѣдко сложные комплексы буквъ и цѣлыя слова, указывающіе лишь совмѣстно на извѣстный звукъ или звукосочетаніе, какъ это нерѣдко требуется напр. въ англійской грамотѣ. Если напр. буква *a* означаетъ звуки *e* и разные *a*, буква *i* звуки *ei*, *i* и пр., начертаніе Worcester означаетъ wuste, Shakespeare—Шекспиръ и т. д., то поневолѣ приходится даже въ началѣ обучать не чтенію по буквамъ и слогамъ, а чтенію цѣлыхъ словъ, и потому требуются наводящіе посредники, указывающіе на связь начертанія съ словомъ, въ видѣ картинокъ и пр.

Отъ подобныхъ трудностей избавлены русскія дѣти, и потому обученіе русскому чтенію и письму несравненно легче, и помощь картинокъ и другихъ мнемотехническихъ средствъ, выработанныхъ напр. американцами, въ русскихъ букваряхъ не имѣетъ существеннаго значенія. По той же причинѣ крайніе аналитическіе методы обученія чтенію, напр. предварительное рисованіе предметовъ, связываніе съ рисунками цѣлыхъ словъ, прибавленіе письменныхъ начертаній этихъ словъ, постепенное выключеніе рисунковъ для непосредственной ассоціаціи слова съ начертаніемъ его въ цѣломъ и пр., нецѣлесообразны въ русской грамотѣ, такъ какъ безъ надобности осложняютъ и затрудняютъ дѣло.

§ 3. Методика обученія русскому правописанію.

Сильный упадокъ грамотности, наблюдаемый въ послѣднее время особенно въ нашей средней школѣ, вызвалъ у насъ немало новыхъ пособій и журнальныхъ статей по обученію правописанію. Къ сожалѣнію авторы этихъ статей большею частью совсѣмъ не посвящены въ новѣйшія работы по вопросу и блуждаютъ безъ опредѣленнаго плана и безъ научныхъ руководящихъ началъ. Они по старому сопоставляютъ *мнѣнія* авторитетныхъ педагоговъ, основанныя лишь на болѣе мѣткихъ наблюденіяхъ при преподавательской практикѣ, задаются часто уже разрѣшенными научно вопросами (напр. о значеніи слуховой памяти въ правописаніи), и подчасъ рекомендуютъ даже самые недопустимые пріемы преподаванія. Обнаруживаются даже такіе педагоги, которые въ оправданіе безграмотности ссылаются на неустановившееся правописаніе прежнихъ выдающихся писателей, игнорируя такимъ образомъ давно извѣстное объ историческомъ ходѣ выработки нормированнаго правописанія. Между тѣмъ новѣйшія изслѣдованія по психофизіологіи письма даютъ совершенно иное пониманіе писанія и способовъ обученія грамотности, чѣмъ могло быть у самыхъ выдающихся прежнихъ педагоговъ. Можно конечно отдавать должное исторіи, но не нужно обманывать себя тѣмъ, что этимъ путемъ педагогика подвинется впередъ.

Результаты моихъ изслѣдованій русскаго писанія и правописанія я изложилъ въ книгѣ «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія», 1903. На ней основаны брошюры, выпущенныя съ практической цѣлью: «Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію», 1904, и «Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія», 1905. Поэтому ограничусь здѣсь лишь нѣкоторыми бѣглыми замѣчаніями, и закончу перепечаткою нѣкоторыхъ мѣстъ послѣднихъ главъ XXXVIII—XLV означенной книги.

Книга эта была составлена поспѣшно весною 1903 г. по случаю рѣшительныхъ шаговъ, сдѣланныхъ въ это время приверженцами реформы нашего правописанія. Такъ какъ ни въ доводахъ сторонниковъ и противниковъ реформы, ни въ научной литературѣ я не находилъ тѣхъ научныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ объективное, всестороннее провѣренное мнѣніе по вопросамъ реформы и ея деталей, то пришлось взяться за научное изученіе вопроса по существу. Результаты были для меня самого въ значительной степени новы и неожиданны. Выяснилось между прочимъ, что доводы, побудившіе къ реформѣ, несостоятельны, и что сама реформа совершенно неосуществима. Насильственное проведеніе ея привело бы послѣ сумбура и временной малограмотности общества къ возврату къ старому. Школьное орѳографическое бѣдствіе оказалось вызваннымъ не самимъ правописаніемъ, а неумѣніемъ обучать ему, частію также плохой умственной дисциплиной школы и пр.

По разнымъ причинамъ пришлось въ экспериментальномъ изслѣдованіи процесса писанія ограничиваться опытами и наблюденіями надъ собственнымъ писаніемъ. Объ опытахъ, произведенныхъ въ Германіи надъ писаніемъ учащихся, я узналъ лишь впослѣдствіи. Впрочемъ моя цѣль опытнаго изслѣдованія была нѣсколько иная. Мнѣ нужно было изучить во всѣхъ деталяхъ психическій процессъ грамотнаго писанія, какъ окончательную цѣль обученія. Производимые тамъ опыты надъ писаніемъ школьниковъ имѣютъ лишь педагогическое значеніе.

Во избѣжаніе одностороннихъ выводовъ я старался поставить свое изученіе вопроса возможно шире, для разносторонней провѣрки выводовъ. Съ этой цѣлью пришлось заниматься психологическимъ анализомъ ошибокъ учащихся, изученіемъ клиническихъ наблюденій надъ аграфіей и алексіей, изученіемъ исторіи орѳографій разныхъ народовъ, анализомъ психическаго процесса писанія языковъ, имѣющихъ другого рода письмо, чѣмъ европейскіе языки и пр. Главныя общія свѣдѣнія о письмѣ и психическомъ процессѣ писанія были мнѣ конечно раньше извѣстны изъ лингвистической, психологической и психіатрической литературы.

Вынесенныя изъ такого изученія данныя я изложилъ въ означенныхъ работахъ въ связи съ тѣми вопросами, которые выдвинула рефор-

ма правописанія, и именно въ отвѣтъ на нихъ. Ознакомившись затѣмъ отчасти съ новѣйшими опытными изслѣдованіями психологіи писанія учащихся въ Германіи, я нашелъ въ нихъ въ общемъ лишь подтвержденіе своимъ выводамъ, добытымъ иными путями. Въ частностяхъ есть и разногласія, не говоря о томъ, что вопросы, касающіеся именно реформы правописанія, насколько мнѣ извѣстно, вообще не были раньше научно разработаны.

При обычной у насъ наивной вѣрѣ въ иностранную книгу считаю не лишнимъ предупредить увлекающихся напр. опытами Lay'я, чтобы они ознакомились и съ нѣмецкой критикой его пріемовъ. У насъ уже нашелся педагогъ, который подъ вліяніемъ его опытовъ, впрочемъ превратно истолковывая ихъ, открылъ спасительное средство въ произношеніи вслухъ при писаніи, очевидно на томъ основаніи, что школьники надѣлывали больше ошибокъ, когда въ опытахъ устраняли движенія органовъ рѣчи при писаніи. Заставьте человѣка, привыкшаго во время рѣчи размахивать руками, держать руки по швамъ, и вы замѣтите, что рѣчь его будетъ нѣсколько стѣснена. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что для свободнаго устнаго изложенія нужно всѣхъ пріучать размахивать руками? Такъ очевидно полагалъ этотъ педагогъ. Использованіе изслѣдованій психологіи письма для педагогическихъ цѣлей не такъ просто и требуетъ болѣе глубокаго изученія дѣла. Замѣчу кстати, что указанное значеніе произношенія при писаніи было мною предусмотрѣно на основаніи другихъ данныхъ, и я объяснялъ его иначе, чѣмъ Лай и другіе. Другой, много работающій педагогъ, усмотрѣлъ въ томъ, что я возстаю противъ изученія правилъ орѳографіи, у меня методическую ошибку («въ которую могутъ впадать лингвисты»), не справившись совершенно, какъ я въ частностяхъ отношусь къ этимъ правиламъ въ гл. XLII «Къ теоріи правописанія...» или на стр. 8 слѣд. «Необходима реформа...». При этомъ онъ смѣшиваетъ знаніе съ навыкомъ. Въ умѣньѣ производить извѣстныя функціи, а не въ знаніи заключается грамотность. Правила не прибавятъ къ нимъ непосредственно ни іоты, лишь способствуютъ болѣе быстрому пріобрѣтенію нужнаго навыка.

Различіе въ моемъ изслѣдованіи обусловлено не только тѣмъ, что я шелъ иными путями, чѣмъ новѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи—педагоги, но еще тѣмъ, что я изучалъ именно русское письмо и строилъ его теорію. А русское правописаніе, какъ по своей системѣ, такъ и по строю русскаго языка, отчасти отличается отъ нѣмецкаго, и потому выдвигаетъ отчасти другіе вопросы, и требуетъ отчасти иныхъ пріемовъ изслѣдованія и цѣлесообразнаго преподаванія.

Почти всѣ думаютъ, что грамотность заключается въ знаніи, гдѣ какую ставить букву, и что въ этомъ умѣньѣ ставить правильно буквы заключается цѣль обученія письму. Вслѣдствіе этого при обученіи правописанію въ школѣ заставляютъ учить разныя правила и перечни словъ, по которымъ по долгомъ размышленіи можно опредѣлить, гдѣ поставить какую букву. Не

замѣчаютъ, что грамотность должна быть въ мускулахъ и нервахъ руки, въ рукодвигательныхъ и зрительныхъ воспоминаніяхъ и въ извѣстныхъ ассоціаціяхъ, и что все это пріобрѣтается только писаніемъ и лишь частично чтеніемъ. Пріучая думать о буквахъ, учитель прямо противодѣйствуетъ пріобрѣтенію грамотнаго состоянія, т. е. автоматическаго писанія, такъ какъ мысли о буквахъ будутъ прерывать ходъ мыслей при письменномъ изложеніи.

Не тотъ грамотенъ, кто знаетъ, гдѣ какая должна быть буква, а тотъ, кто пишетъ, замѣчая буквы только по написаніи ихъ, и то лишь какъ составныя части словъ. У грамотнаго само собою буквы будутъ на своихъ мѣстахъ, т. е. письмо будетъ правильное, общепринятое, если только ему не прививали дурныхъ привычекъ, т. е. если не пріучали его глазъ и руки къ неправильнымъ начертаніямъ. Къ сожалѣнію и это дѣлается нерѣдко въ школѣ, какъ видно изъ помѣщеннаго ниже критическаго разбора пріемовъ обученія правописанію.

Отсюда видно, что необходимымъ условіемъ, безъ котораго не можетъ быть грамотности, является требованіе, чтобы существовало вполнѣ однообразное правописаніе во всемъ печатномъ и писанномъ, чтобы при чтеніи и писаніи видѣли и производили неизмѣнно однѣ и тѣ же фигуры словъ, т. е. составленныя изъ однѣхъ и тѣхъ же буквъ. Повторныя вполнѣ одинаковыя ощущенія углубляютъ слѣдъ ихъ въ памяти; нѣсколько различныя представленія уничтожаютъ другъ друга въ тѣхъ частяхъ, которыя различны.

Конечно, если для одного звука въ правописаніи употребляютъ 2 буквы, то это составляетъ на первыхъ порахъ нѣкоторое затрудненіе при усвоеніи письма, пока учащіеся пишутъ отдѣльными буквами. Но само правописаніе, какъ зрительный языкъ, выигрываетъ обыкновенно отъ этого, такъ какъ равнозвучныя, но различныя по значеніямъ слова и формы такимъ образомъ дифференцируются для читателя, напр. «мѣла»—«мела», «въ полѣ»—«въ полѣ», «ѣсть»—«есть». А интересы читателя важнѣе всего въ письмѣ, такъ какъ въ грамотномъ народѣ милліоны читаютъ ежедневно, но пишутъ сравнительно мало немногіе ежедневно. Кромѣ того, для полной грамотности нужно усвоить себѣ автоматическое писаніе цѣлыхъ словъ. При этомъ совершенно безразлично, входитъ ли въ составъ ряда движеній руки, которыми

производится начертаніе всего слова, или морфологической части слова, движенія, производящія букву *ъ*, или движенія, производящія букву *е*. Гораздо большее неудобство для зрительнаго усвоенія правописанія представляетъ то обстоятельство, что буквы печатнаго письма нерѣдко не сходны съ писанными, какъ въ русскомъ письмѣ. Отчасти вслѣдствіе этого чтеніе по печатному мало способствуетъ зрительному усвоенію правописанія. Въ этомъ отношеніи французская печать гораздо цѣлесообразнѣе.

Насколько для грамотнаго безразлично присутствіе той или другой буквы въ словѣ, объ этомъ можно судить уже по тому, что мы читаемъ и пишемъ «два» и «2», «три» и «3», «пять» и «5» и т. д. совершенно одинаковымъ образомъ, и не замѣчаемъ даже, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ знаками звуковъ рѣчи, а во второмъ съ международными идеограммами. Не замѣчаемъ этого потому, что для грамотнаго звуковое письмо въ значительной степени идеографическое.

Въ слѣдующемъ я укажу вкратцѣ на положительныя и отрицательныя стороны употребительнѣйшихъ пріемовъ обученія правописанію въ школѣ.

Чтеніе какъ средство для усвоенія правописанія.

Чтеніе, особенно по писанному (конечно исключительно правильному), закрѣпляетъ тѣ болѣе точныя зрительныя воспоминанія, которыя мы получаемъ отъ собственнаго писанія, и то только въ незначительной степени. Что *нельзя научиться правильно писать посредствомъ чтенія*, это уже a priori ясно изъ того способа, какъ мы читаемъ. Это подтверждается и тѣмъ, что встрѣчаются люди, которые вполнѣ грамотно и много читаютъ, но пишутъ какъ малограмотные, съ множествомъ ошибокъ. Объясняется это не только тѣмъ, что для грамотнаго писанія нужны прежде всего соотвѣтствующіе слѣды въ рукодвигательныхъ мускулахъ и нервахъ, и ассоціативная связь послѣднихъ съ соотвѣтствующими функціями другихъ нервовъ (см. стр. 95 слѣд.), но и тѣмъ, что для писанія требуются нѣсколько *иныя, болѣе точныя воспоминанія зрительныхъ образовъ словъ*, чѣмъ тѣ, которыя мы получаемъ при чтеніи. Усвоеніе русскаго правописанія посредствомъ чтенія затрудняется еще различіемъ между формой писанныхъ и печатныхъ буквъ.

Не лишне прибавить, что обычныя русскія печатныя буквы по своей формѣ мало цѣлесообразны. Много вертикальныхъ толстыхъ однообразныхъ палочекъ въ связи съ тонкими характерными (отличительными) штрихами, мало замѣтными особенно при плохомъ печатаніи и сбитомъ шрифтѣ (часто н—п—и—ц, или о—с, ш—щ, ъ—ь почти не отличаются другъ отъ друга), не даютъ такихъ характерныхъ, отличныхъ другъ отъ друга фигуръ словъ, какъ напр. французская печать. Это вліяетъ неблагопріятно на быстроту чтенія и зрительное запоминаніе словъ. Къ этому присоединяется часто еще плохая бумага и особенно нецѣлесообразный цвѣтъ ея. На желтоватомъ бѣломъ фонѣ наибѣлѣе ярко выдѣляются буквы, вслѣдствіе контраста съ типографской краской. Но русскія фабрики выдѣлываютъ и средніе сорта бумаги почти только молочнаго цвѣта, обыкновенно съ синеватымъ оттѣнкомъ, какъ къ сожалѣнію и въ этой книгѣ.

При чтеніи съ цѣлью усвоенія правописанія нужно прибѣгать къ *особымъ пріемамъ*, чтобы воспринимать сознательно написаніе каждой *морфологической части* при *сильномъ возбужденіи* соотвѣтствующихъ *значеній*, чтобы по крайней мѣрѣ зрительные образы (за отсутствіемъ рукодвигательныхъ ощущеній) могли вступить во всѣ нужныя *ассоціаціи*.

Писаніе подъ диктовку какъ средство усвоенія правописанія.

Благодаря извѣстнымъ внѣшнимъ удобствамъ и кажущейся съ внѣшней стороны цѣлесообразности, диктовки служатъ главнымъ средствомъ обученія правописанію. На самомъ дѣлѣ диктовка не только *не годна* для этого, но она *не можетъ даже служить для провѣрки грамотности*, какъ показано въ гл. XXV и XXVI «Къ теоріи правописанія...».

При диктовкѣ учащійся напишетъ вѣрно только то, что онъ знаетъ. Чего онъ не знаетъ, онъ напишетъ вѣрно только *случайно*. Если же случайно напишетъ невѣрно, то получаетъ *невѣрныя зрительныя и рукодвигательныя ощущенія*, которыя запоминаются. Тогда ему предстоитъ въ будущемъ уже *двойная работа*: запомнить вѣрное написаніе настолько прочно, чтобы слѣдъ невѣрнаго написанія не могъ при случаѣ заглушить его. Что же пріобрѣтается посредствомъ диктовки? Лучшее закрѣпленіе въ памяти уже усвоеннаго и въ значительной степени *ошибочныя написанія* неизвѣстныхъ словъ.

При писаніи подъ диктовку можно невѣрно написать и то, что уже извѣстно, потому что подъ вліяніемъ сильно возбужденныхъ слуховыхъ представленій писаніе становится неестест-

веннымъ, фонетическимъ (какъ показано въ гл. XXV «Къ теоріи правописанія...»). Такъ какъ историческія орѳографіи всѣ болѣе или менѣе морфологическія, особенно русская, то частымъ писаніемъ диктантовъ можно изъ почти грамотнаго постепенно превратиться въ безграмотнаго въ томъ смыслѣ, что можно постепенно привыкать къ неправильному писанію все большаго числа словъ. Диктовать безъ вреда для грамотности учащихся можно только то, что они напишутъ *безусловно вѣрно*, т. е. что уже хорошо усвоено.

Заучиваніе наизусть перечней словъ какъ средство для усвоенія правописанія.

Практикуются и такіе пріемы обученія правописанію, какъ заучиваніе наизусть перечней словъ, содержащихъ букву *ѣ*, нарѣчія на букву *е* и пр. Само собою понятно, что эти перечни для усвоенія орѳографіи никакого значенія не имѣютъ. Если нужно написать «процѣдилъ», то у грамотнаго послѣ написанія буквы *ц* рука сама переходитъ къ начертанію *ѣ* (а не *е*); то же *ѣ* онъ видитъ и въ своемъ зрительномъ представленіи этого слова. Ясно, что для усвоенія такого писанія нужно давать соотвѣтствующія ощущенія глазамъ и рукѣ. А вмѣсто этого педагогическое недомысліе даетъ совершенно другое, не имѣющее ничего общаго съ письмомъ,—ряды звуковыхъ словъ. Не угодно ли полуграмотному ученику въ такомъ случаѣ повторить про себя весь ятевой списокъ, чтобы убѣдиться, что въ перечнѣ нѣтъ слова, которое онъ сейчасъ пишетъ. Что такая справка имѣетъ общаго съ грамотностью?

Изученіе правописанія посредствомъ правилъ.

Знаніе пресловутыхъ правилъ правописанія, извращающихъ начальную грамматику русскаго языка и по своему содержанію подчасъ напоминающихъ полетъ мысли умалишенныхъ, не прибавляетъ конечно непосредственно ничего къ грамотности учащихся. Они только въ общемъ деморализуютъ учащихся, поддерживая въ нихъ постоянную неувѣренность при писаніи подъ смутнымъ давленіемъ правилъ, съ которыми они справляться не могутъ, и которыя мѣшаютъ сосредоточенному зрительному и рукодвигательному усвоенію конкретныхъ образовъ словъ.

Что общаго съ грамотнымъ писаніемъ имѣетъ напр. знаніе, что «букву *ѣ* надо писать въ нарѣчіяхъ, оканчивающихся на

лъ, напр. послѣ, подлѣ и пр.»? Для грамотности это *-лъ* должно быть запечатлѣно въ **граф** и **Д** только какъ составная часть рукодвигательныхъ и зрительныхъ воспоминаній словъ «послѣ», «подлѣ» и пр., притомъ въ ассоціаціи съ звуковыми (**В**, **Б**) представленіями и съ значеніями (**Прч**) этихъ словъ. Эти представленія въ надлежащихъ ассоціаціяхъ, а также физіологическій навыкъ писать эти слова цѣликомъ, пріобрѣтаются только посредствомъ правильнаго писанія со смысломъ. Учителю нужно поэтому заботиться только о правильномъ производствѣ начертаній словъ рукой при возбужденіи значеній ихъ (**Дв.ру—Прч**). Все остальное, нужное для грамотности, прибавляется само собою (**граф**, **Д**, **В**, **Б** въ надлежащихъ ассоціаціяхъ).

Конечно, знать десятокъ правилъ, изъ которыхъ каждое опредѣляетъ громадное число частныхъ случаевъ, не трудно и полезно. Но нужно имѣть въ виду, что эти правила въ концѣ концовъ предназначены не для сознательнаго примѣненія, а для дѣйствія въ *безсознательномъ*. Поэтому практическій разсчетъ требуетъ, чтобы изучалось сознательно только такое правило, которое легко примѣнимо и охватываетъ громадное число частныхъ случаевъ. Иначе не окупается трудъ, потраченный на сознательное усвоеніе правила, которое въ безсознательномъ все равно пріобрѣтается своимъ путемъ какъ навыкъ.

Полезно знать напр. правило относительно употребленія *і—и*, *и* послѣ *ш*, *ж*. Совсѣмъ не нужно знать сознательно, въ какихъ напр. нарѣчіяхъ является буква *е* или *ъ* (вовс*е*, везд*ъ*), гдѣ нужно писать *з* или *с* въ «воз-», «из-» и пр., равно какихъ либо перечней словъ съ буквою *ъ*. Въ послѣднихъ случаяхъ правописаніе усваивается гораздо легче совершенно безсознательно, въ каждомъ словѣ въ отдѣльности. Правила только сбиваютъ съ толку, не говоря уже о безцѣльной тратѣ труда. Полезно обратить вниманіе напр. на различіе между «м*і*ръ» и «м*и*ръ», и вредно сопоставлять и указывать на различіе между «м*ъ*ла» и «м*е*ла», «скор*ъ*й» и «крайн*е*й» и пр. Послѣдніе факты пріобрѣтаются изъ грамматики, каждый по себѣ независимо отъ другого, и безъ безсмысленной диктовки къ смѣшенію ихъ дается поводъ лишь въ крайне исключительныхъ случаяхъ.

Что касается многочисленныхъ правилъ правописанія, опредѣляющихъ, гдѣ въ флексивныхъ формахъ склоненія и спряженія писать *ъ*, *е*, *и*, *о* и пр., то они просто testimonium pauper-

tatis авторовъ въ научномъ пониманіи языка и задачъ преподаванія его.

Недостаточная подготовленность преподавателей русскаго языка объясняется отчасти тѣмъ, что въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ философское изученіе языка, и историческое изученіе постепеннаго развитія русскаго языка въ синтаксическомъ, семасіологическомъ и даже морфологическомъ отношеніи почти совсѣмъ отсутствуетъ. Наши словесники—будущіе преподаватели русскаго языка—изучаютъ почти только исторію звуковъ и отчасти формъ словъ, и то больше въ письменныхъ начертаніяхъ ихъ, палеографически, даже безъ точнаго знанія звукового состоянія современнаго русскаго языка. Историческое изученіе грамматики сводится неизбѣжно къ краткимъ сопоставленіямъ съ старославянскимъ и отчасти съ другими славянскими и индоевропейскими языками. Дѣло въ томъ, что со времени заполоненія филологическихъ факультетовъ мнимымъ классицизмомъ (настоящаго у насъ никогда не было) русскій языкъ влачитъ жиденькое существованіе лишь терпимаго пасынка русскаго университета, поддерживаемое то милостью профессора слависта, то словесника или сравнительнаго языковѣда, не имѣя своего представителя. И не видно пока попытокъ отвести этому первому произведенію русской культуры—воплощенію всего духа народа—подобающее ему первое мѣсто въ русской филологіи.

Понятно, что при такихъ условіяхъ преподаватели русскаго языка не получаютъ почти никакой научной подготовки по всѣмъ тѣмъ элементарнымъ вопросамъ по русскому языку и письму, съ которыми они сталкиваются съ перваго же дня своей преподавательской дѣятельности. Поневолѣ руководителями ихъ будутъ мало пригодные школьные учебники и научно необоснованные, случайно возникшіе взгляды и личныя «мнѣнія». Вдобавокъ часто русскій языкъ преподается лицами, даже совершенно незнакомыми съ научнымъ изученіемъ языка.

Въ начальной грамматикѣ нужно элементарно знакомить учащихся съ формальнымъ строемъ русскаго языка въ связи съ соотвѣтствующими логическими категоріями мышленія. Напр. на системѣ формъ склоненія учащіеся должны выяснить себѣ логическія отношенія, выражаемыя посредствомъ «въ полѣ» и «въ поле», «добрымъ» и «добромъ» и т. д. въ предложеніяхъ. Различія въ письмѣ напр. между «въ поле» и «въ полѣ», или напр. между окончаніями въ «полѣ» и «лошади», не сохранившіяся въ произношеніи, помогаютъ отчетливому раздѣльному пониманію разныхъ логическихъ и грамматическихъ категорій, соотвѣтствуя съ одной стороны напр. формальнымъ различіямъ въ «въ воду» и «въ водѣ», съ другой—въ «лошадь» и «поле» и т. д. При помощи различій, сохранившихся въ письмѣ и часто отсутствующихъ въ произношеніи общерусскаго языка, глаголы какъ «лю-

битъ», «тонетъ» и пр. примыкаютъ раздѣльно къ классамъ глаголовъ какъ «горитъ» и «беретъ», и такимъ образомъ упрощаютъ пониманіе системы русскаго спряженія, между прочимъ формъ «любятъ», «тонутъ» и т. д.

Все это относится къ русскому языку, къ элементарному пониманію строя языка и строя мышленія въ сужденіяхъ, и служитъ незамѣнимымъ средствомъ начальнаго умственнаго образованія. Въ сравненіи съ этимъ умственнообразовательное значеніе напр. изученія логики въ старшемъ классѣ прямо ничтожно. Только совершенное непониманіе можетъ вырывать эти факты языка изъ ихъ психическихъ связей и логической системы и сдѣлать ихъ въ безсмысленныхъ сочетаніяхъ предметомъ правилъ правописанія и бичемъ школы.

Но въ оправданіе правилъ правописанія указываютъ на то, что всякое знаніе только тогда залегаетъ прочно въ памяти, когда оно усваивается сознательно.—Именно въ этомъ превратномъ пониманіи природы правописанія и заключается основная причина орѳографическаго бѣдствія. Правописаніе не знаніе, а своеобразная дѣятельность, извѣстнаго рода искусство. Такія психофизіологическія функціи мы производимъ только тогда быстро, легко и безошибочно, когда они усвоены до автоматичности. Кто усваивалъ себѣ сознательно родной языкъ, который у всякаго несомнѣнно прочнѣе всего залегъ въ памяти?

Находятъ еще, что механическое усвоеніе правописанія не отвѣчаетъ законамъ человѣческаго мышленія.—Но вѣдь это безсмысленныя слова. При чемъ тутъ мышленіе? Нужно научиться писать такъ, какъ пишутъ грамотные. Вникните въ процессъ грамотнаго писанія, и узнаете, что у грамотнаго рука автоматически производитъ движенія, дающія въ результатѣ начертанія такихъ словъ, которыя у него возбуждены въ мышленіи. Если изъ происходящаго при этомъ сложнаго психическаго процесса самого писанія что-нибудь, напр. вопросъ о буквѣ или правилѣ, вступаетъ въ сознаніе, то нить мышленія уже прерывается постороннимъ, и писаніе малограмотное; а пріучающій къ этому педагогъ есть въ дѣйствительности разрушитель грамотности. Онъ то же, что учитель музыки, который заставлялъ бы ученика представлять себѣ сознательно каждую ноту, клавишу и палецъ и пр. Нужно стремиться именно къ скорѣйшему переходу къ автоматическому писанію, освобождающему мышленіе по возможности отъ всего, относящагося къ самому писанію, ибо такъ пишутъ грамотные.

Исправленіе неправильныхъ начертаній какъ средство для усвоенія правописанія.

Существуютъ и такіе пріемы обученія правописанію, при которыхъ ученику даютъ для исправленія неправильныя начер-

танія, какъ «сл дъ», «следъ», «нѣвѣста» и пр. Если имѣть въ виду, что всякое ощущеніе оставляетъ слѣдъ въ памяти, то нужно сознаться, что лучшаго способа привитія неграмотности и придумать нельзя. Пока ученикъ смотритъ на начертанія *сл дъ* или *нѣвесте* и обдумываетъ, поставить ли *е* или *ѣ* въ первомъ словѣ, вѣрно или невѣрно поставлены *е* и *ѣ* во второмъ словѣ, онъ все время интенсивно закрѣпляетъ эти начертанія въ своей зрительной памяти. Что же помѣшаетъ затѣмъ этимъ зрительнымъ воспоминаніямъ всплыть впослѣдствіи, когда нужно написать эти слова. Разсужденія и исправленія, бывшія при такихъ упражненіяхъ, забываются, и по всплывшему зрительному образу ученикъ напишетъ «нѣвеста» и этимъ закрѣпляетъ это написаніе еще въ своихъ рукодвигательныхъ воспоминаніяхъ. И послѣ такихъ превратныхъ способовъ обученія жалуются еще на трудности русскаго правописанія!

Списываніе какъ средство усвоенія правописанія.

Наиболѣе цѣлесообразный пріемъ, посредствомъ котораго можно безъ околичностей и тормозящихъ условій научиться правильно писать, это — *писать правильно*. Выходитъ какъ будто: два есть два, а на самомъ дѣлѣ это не такъ. Вѣдь чтобы научиться техникѣ играть на роялѣ, нужно играть на роялѣ, а не заниматься вмѣсто этого напр. теоріей музыки. *Исключительно правильное писаніе* всѣхъ, даже *вполнѣ неизвѣстныхъ словъ* возможно только *при списываніи*. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій пишущій пріобрѣлъ наибольшій запасъ своихъ воспоминаній письма именно посредствомъ списыванія въ періодъ элементарнаго обученія.

Но и этотъ способъ имѣетъ свои недостатки. При списываніи, особенно съ писаннаго (когда наилучше закрѣпляются зрительныя воспоминанія), зрительныя представленія получаютъ обыкновенно такое преобладаніе, что ассоціаціи съ значеніями могутъ слишкомъ слабо возбуждаться. Тогда получается безсмысленное писаніе, какъ при диктовкѣ, съ нежелательными послѣдствіями его. Но разница отъ диктовки въ томъ, что при списываніи преобладаютъ не ненужныя звуковыя представленія, какъ тамъ, а зрительныя, т. е. именно тѣ представленія, которыя относятся прямо къ письму, а потому, чѣмъ сильнѣе они возбуждаются, тѣмъ лучше. Значитъ, если списываніе и не всег-

да даетъ всего того, что нужно для правописанія, то всетаки *вся работа идетъ въ пользу усвоенія правописанія*, ничего не пропадаетъ даромъ. При этомъ *не пріобрѣтается* и *ничего* такого, что служитъ *во вредъ грамотности*.

Указанные недостатки можно почти совсѣмъ устранить соотвѣтствующими мѣропріятіями, по крайней мѣрѣ при обученіи грамотѣ не въ многолюдномъ классѣ. Если списываемыя предложенія коротки, съ вполнѣ доступнымъ возрасту содержаніемъ, то списывающій можетъ сначала читать вслухъ предложеніе, вникая въ его смыслъ и въ правописаніе каждаго слова, и затѣмъ, не заглядывая больше въ текстъ, записать произвольно данное предложеніе цѣликомъ (хотя даже съ пропусками и перестановками). Преподающему остается только слѣдить за тѣмъ, чтобы въ письмѣ не повторялись какія либо погрѣшности, которыя могутъ войти въ привычку, и противъ которыхъ требуется вмѣшательство для сознательнаго устраненія.

Если такому списыванію, смотря по обстоятельствамъ, придавать все больше характеръ *произвольнаго писанія*, допуская напр. все больше отступленій отъ текста, конечно не въ правописаніи, то оно приближается все болѣе къ *возможному совершенству*, недосягаемому другими пріемами. Во всякомъ случаѣ до того времени, когда пишущій можетъ писать уже довольно правильно, съ немногими ошибками (хотя можетъ и не знать написаній многихъ отдѣльныхъ словъ, въ томъ числѣ хотя бы половины словъ съ буквой *ѣ* въ корнѣ), и слѣдовательно можетъ уже перейти къ произвольному писанію и отказаться отъ всѣхъ упражненій, служащихъ непосредственно только для правописанія,—до этого времени главнымъ средствомъ для пріобрѣтенія грамотности должно быть *списываніе со смысломъ*. Нужно однако замѣтить, что при этомъ не слѣдуетъ писать каллиграфически. Стараніе выводить каждую букву отвлекаетъ вниманіе отъ представленія словъ въ цѣломъ, заглушаетъ значенія и разрозниваетъ отдѣльныя движенія и буквы, что нецѣлесообразно для послѣдовательной ассоціаціи по смежности въ воспоминаніяхъ движеній, производящихъ слова. Писать нужно цѣлыми словами.

Произвольное писаніе какъ средство усвоенія правописанія.

Самымъ совершеннымъ способомъ пріобрѣтенія навыка грамотнаго писанія является конечно произвольное писаніе. При

этомъ не только укрѣпляется писаніе уже извѣстныхъ словъ, но пріобрѣтается умѣнье писать грамотно и тѣ слова, которыя состоятъ изъ извѣстныхъ уже пишущему морфологическихъ частей. Произвольное писаніе очевидно умѣстно лишь послѣ того, какъ учащійся успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстную степень грамотности посредствомъ списыванія. Правописаніе неизвѣстныхъ словъ пишущій узнаетъ изъ словаря или другого справочнаго алфавитнаго указателя, который долженъ быть у него постоянно подъ руками. Пока онъ справляется въ словарѣ и затѣмъ записываетъ слово, запоминается и правописаніе его.

Такъ какъ произвольное писаніе не производится непосредственно для одного усвоенія правописанія, а правописаніе пріобрѣтается при этомъ попутно, то и *всякій преподаватель*, не только преподаватель словесности, долженъ одинаково слѣдить за правильностью письма и взыскивать за ошибки. Роль преподавателя русскаго языка можетъ отличаться лишь тѣмъ, что въ случаѣ надобности онъ принимаетъ тѣ или другія мѣры.

Конечно, грамотность можетъ быть достигнута только тогда, когда учениковъ заставляютъ писать въ достаточной мѣрѣ. Безъ извѣстнаго *минимума* правильнаго писанія каждаго слова при одновременномъ возбужденіи значеній его, очевидно въ предложеніяхъ, не можетъ быть грамотности. Зрительныя и рукодвигательныя ощущенія неправильныхъ начертаній словъ прививаютъ безграмотное писаніе, поэтому *ошибки не должны быть допускаемы*. Зрительныя представленія словъ несомнѣнно главные руководители въ періодѣ полуграмотности; но о привитіи ихъ заботиться нечего. Они прививаются неизбѣжно *попутно* при писаніи.

Степень *грамотности* можно опредѣлить только на произвольномъ писаніи, тѣмъ болѣе, что сюда входитъ и умѣнье излагать мысли въ правильно построенныхъ предложеніяхъ. Только по старой рутинѣ, въ связи съ негодными методами обученія, грамотность испитывается на низшихъ *экзаменахъ* все еще посредствомъ диктовки. И для нея требуется особая искусственная, никому не нужная тренировка.

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель не исчерпываетъ содержанія книги.

а 162, 184, 213, 158.
ā 159, 166, 184, 174, 165.
а^{0} 162, 165.
ą 167.
Абиссинскій языкъ 71.
Абстрактное значеніе 278.
Авеста 51.
Агглютинирующіе языки 43, 73; агглютинирующій строй 311.
Аграфія 98.
Аккадскій языкъ 69.
Акустика языка 85, 106 слѣд., 168 слѣд.
Алародійскій языкъ 73.
Албанскій языкъ 53.
Алексія 98.
Алфавитъ 422.
Альвеолярные согласные 194.
Амнезія 97.
Амплитуда звуков. волнъ 108, 212.
Ампуллы 153.
Анализъ процесса рѣчи 76 слѣд.; гласныхъ 127; звуковыхъ кривыхъ 211.
Аналогія 326, 273, 270, 17, 68; образованіе по анѣлогіи 325; новообразов. по аналогіи 338, 341, 342 344, 353.
Анатомія органовъ рѣчи 140; органовъ слуха 133.
Англійскій языкъ 56.
Аппаратъ синтетическій 125; аналитическій 126.
Арабскій языкъ 71.
Арамейскій языкъ 70.
Арійскій языкъ 60.
Арійцы 60, 395.
Армянскій языкъ 52, 261, 43.
Артикуляціи 140 слѣд.
Aspiratae 190.
Ассимиляція 236; сосѣднихъ звуковъ 256; несмежныхъ звуковъ 262.
Ассирійцы 26, 70.
Ассоціаціи языка 6, 7, 84 слѣд. и друг.; письма 91 слѣд., 419; направленіе ихъ 7, 94; легкость возбужденія ихъ 7, 94.
Афазія 96.
Африканскіе языки 74.
Аффиксы 317.
Аффрикаты 189, 191, 192, 196, 197.
b (б) 196, 203.
bh 190.
База артикуляціон. 216, 259 друг.
Балтійскіе яз. 56.
Балтійскославянскій праязыкъ 60, 63 друг.
Банту, языки 74.
Барабаненіе 121.
Барабанная перепонка 133; полость 134.
Барабанчикъ записывающій 131; изслѣдующій 153.
Бакскій языкъ 75.
Башкирскій языкъ 72.
Беру, берешь, беретъ 68.
Біеніе 120.
Билабіальные согласные 196.
Blählaut 190.

Болгарскій языкъ 57, 261.
Боппъ 28.
Бороздки мозговой коры 88.
Бретонскій языкъ 55.
Британская группа языковъ 55.
Брока, центръ 89.
Бругманнъ 30.
Бурятскій языкъ 73.
v (в) 196, 203.
w англійское 197.
Вавилонско-ассирійскій языкъ 70.
Ведійскій языкъ 48.
Velum palati 149.
Веляризація 204.
Велярные согласные 191.
Венгерскій языкъ 72.
Вернике, центръ 89.
Взрывные согласные 189 слѣд.
Виды глагола 313, 316.
Вино 372, 380.
Вниманіе 85,
Волапюкъ 380, 382.
Волкъ, влъче, влъцѣ, волкѣ 68.
Волны звуковыя 106; число колебаній ихъ 110; сложеніе ихъ 115; кривыя звуковыхъ волнъ 108 слѣд., 117, 129, 213 слѣд.
Восклицанія 307, 386.
Время глагола 313, 321.
Вставка звука 262, 266.
Выдыханіе 142, 224, 158.
Вымираніе словъ и формъ 359; языковъ 372.
Высота звуковъ 109, 211, 224; высота характерныхъ шумовъ ихъ 181 слѣд., 197.
g (г) 192, 193, 200.
gh 190.
ɣ (ɣ) 192, 200.
Гальскій языкъ 55, 372, 396.
Гармонич. побочн. тоны 113, 118.
Гармонія гласныхъ 73.
Гаты 51.
Гельская группа языковъ 55.
Генеалогическая таблица индоевроп. языковъ 61, 64.
Географія языковъ 23, 394, 395.
Германскіе языки 55.
Глаголъ 313, 321; производные глаголы 315.
Гласные 157, 222; классификація ихъ 157 слѣд.; высокіе, средніе, низкіе 157 слѣд.; твердонебные 159; мягконебные 162; средненебные 162; лабіализованные 161; напряженные 163; безголосные 148; назалированные 167; полушепотные 167; сочетаніе гласныхъ 238; характерные шумы ихъ 168, 170, 171, 173, 182.
Глухіе согласные 146, 189.
Глухота языковая 98.
Говоръ 37, 362; переходные 366.
Голландскій яз. 56.
Голосовыя связки 143, 145, 156; щель голосовая 144.
Голосъ 145, 146, 189, 211.
Гортань 140, 142, 154 слѣд.; зависимость высоты ея отъ высоты голоса 148.
Готскій языкъ 55.
Готтентотскій языкъ 74.
Грабаръ 52.
Грамматика 14, 15; общая 17, 302; сравнительная гр. см. Сравнительная грамматика; историческая гр. 29.
Грамотность 419, 423, 424, 427, 439.
Графическій центръ 89.
Греческій языкъ 26, 52; грамматики его 31; діалекты 52; койне 53; ударенія древнегреческаго языка 225, 226.
Гриммъ 29.
Грудной звукъ 146.
Грузинскій языкъ 73, 260.
Губные согласные 196, 203.
Губы 151, 154.
d (д) 194, 202.
dh 190.
d 194.
Датскій языкъ 55.

Движенія органовъ рѣчи 102, 103, 247, 262; изслѣдованіе ихъ 152.
Двуязычіе 259, 373.
Деванагари 50.
Декламація 231.
Decrescendo 109, 226, 227.
Дерево родословное индоевроп. языковъ 62.
dz аффриката 191, 196.
dž аффриката 191, 196.
Діалектологія русская 35—36.
Діалекты 38; возникновеніе ихъ 362; соціальные 368.
Диктовка 100, 432.
Дисгармонія 121.
Диссимиляція 263.
Дифтонги 239.
Дифтонгическія сочетанія 240.
Дифференціація значеній 349.
Длительные согласные 190.
Долгота звуковъ 232, 211.
Дравидскіе языки 74.
Древнеболгарскій яз. см. Старославянскій.
Древнеперсидскій языкъ 50.
Дуги поднебныя 149.
Дымъ 65.
Дыханіе 140.
e 159, 184, 163, 165, 214.
ę 167.
Еврейскій языкъ 70.
Евстафіева труба 135, 152.
Египетскій языкъ 72.
Explosivae 189, 190.
Есмь, еси, есть 68.
ž (ж) 195, 202.
Живъ 65.
z (з) 194, 202, 214, 215.
Задненебные согласные 191.
Заднеязычн. согл. см. Мягконебн.
Заимствованныя слова 19, 353, 369; звуки 258.
Законы звуковые 271; юридическіе 278, 399.
Залогъ 313, 322.
Замѣна звуковъ 261, 245, 265.
Затворные согласн. 189, 197 слѣд.
Затворъ 150, 186, 189.
Звонкіе согласные 146, 189.
Звуки языка 106 слѣд., 157 слѣд., 186 слѣд.; отдѣльный звукъ 219; установочные звуки 235; переходные 235; сила звуковъ 108, 212; высота 109, 211; сочетаніе звуковъ 234; однообразіе ихъ 102 слѣд.; измѣненія ихъ 246 слѣд., 268; изслѣдов. ихъ 104, 152, 211; анализъ ихъ 125, 188, 211, 217.
Звукоподражательныя слова 276, 354, 385.
Зендъ 51.
Зеркало 152.
Значенія языка 6, 14, 16, 77, 93, 275 слѣд., 331; конкретныя 278; абстрактныя 278; значенія предложенія 330; реальныя значенія 275 слѣд.; синтаксическія 308; формальныя 308, 325, 331; разновидности значенія слова 280, 287; нѣсколько знач. одного слова 280, 287; побочныя 281; частныя 283; различія въ значеніяхъ 284; измѣненіе значенія 289, 325; случайное значеніе 290; обычное значеніе 290; исчезновеніе знач. 289.
Зубные согласные 194, 201.
Зубогубные согласные 196.
Зѣвъ 149.
i 158 слѣд., 184, 214.
j 193.
Идеографія 417, 431.
Идти 66.
Извилины мозговой коры 88.
Измѣненіе языка въ значеніяхъ 289, 325, 349; въ звукахъ 241; въ формахъ словъ 338; въ формахъ предложеній 341.
Измѣненія звуковъ 244; въ артикуляціяхъ 245, 246, 252; при перенятіи 245, 258; по-

слѣдовательность измѣненій 250, 268; распространеніе измѣненія 267.
Изолирующіе языки 42; изолирующій строй 310.
Implosivae 190, 237.
Индійскій языкъ 26, 48; грамматики его 31; ведійское нарѣчіе 26, 48; санскритское нарѣчіе 28, 48; новые индійскіе языки 50.
Индійцы, древніе 26.
Индоевропейскіе языки 45 слѣд.; изученіе ихъ 26 слѣд.; индоевроп. праязыкъ 45, 47, 392.
Индоиранскій праязыкъ 60.
Индѣйскіе (сѣверноамериканскіе) языки 75.
Инкорпорирующіе языки 44.
Интерпретація звуковыхъ кривыхъ 211; филологическая 391; юридическая 400.
Интерференція звуковъ 119.
Инфиксы 317.
Иранскіе языки 50 слѣд.
Ирраціональные гласные 232.
Ирскій языкъ 55.
Искусственные языки 375, 378; искусственное небо 155; искусственное производство гласныхъ 174.
Исландскій языкъ 55.
Исторія внѣшняя языковъ 23.
Исторія политическая 392; культуры индоевроп. пранарода 397.
k (к) 192, 193, 215, 200.
kh 190, 192.
Кавказскіе языки 73, 260.
Кадыкъ (Адамово яблоко) 143.
Калмыцкій языкъ 73.
Каналы полукружные 137.
Картавое *r* 207.
Кашубскій языкъ 57.
Кельтскій языкъ 54.
Кельты 396.
Кимографъ 130.
Китайскій языкъ 74.
Классификація языковъ 19, генеалогическая 39; морфологическая 41; гласные 157 слѣд.; согласныхъ 186 слѣд.
Клинопись древнеперсидская 50.
Князь 371.
Койне 53, 378.
Колебанія струны 109, 113.
Колярскіе языки 74.
Контаминація 347.
Коптскій языкъ 72.
Корельскій языкъ 72.
Корень 312.
Корневые языки см. Изолирующіе языки.
Кортіевъ органъ 138.
Crescendo 109, 226.
Кривыя, звуковыя 128, 213.
Кто 67.
Курдскій языкъ 51.
kχ аффриката 192.
l (л) 207, 223.
Лабіализація 151, 161, 176, 185.
Лабиринтъ уха 137.
Ларингоскопъ 156.
Латинскій языкъ 54, 373; грамматики его 31.
Латышскій языкъ 57; ударенія его 226.
Легкія 140.
Лексикологія 14, 16, 36; см. Словарь.
Lenis 109.
Лигурійскій языкъ 75.
Лингвистика 3, см. Языковѣдѣніе.
Литовскій языкъ 56, 396; ударенія его 226.
Логика 3, 304.
Локализація центровъ языка 89.
Лужицкій языкъ 57.
Лѣвый 66.
m (м) 209, 214, 223.
Мадьярскій языкъ 72.
Малайскіе языки 74.
Малорусскій языкъ 58, 63, 38, 377.
Манджурскій языкъ 73.
Манометрическое пламя 127—129.

Мать 67.
Мгновенные согласные 189.
Membrana basiliaris 138, 122.
Метафора 296.
Методологія преподаванія языка 18, 406; обученія чтенію 424; письму 427. слѣд.
Методы преподаванія языка 406; натуральный методъ 410; пересказъ 411; самообученіе 414; методы преподаванія правописанія 431.
Мгновенные согласные 189.
Мозгъ 86 слѣд.; топографія коры его 88.
Молоко 371.
Молоточекъ уха 135.
Монгольскій языкъ 73.
Морфологія 14, 15, 311, 320, 327 сл.
Мысль расчлененная 80, 303, 331, 388 и друг.
Мышленіе 79, 286, 318.
Мѣстоименіе 315. 289.
Мягкіе согласные 193, 197 слѣд.
Мягконебные согласные 191, 200.
n (н) 209.
Надгортанникъ 145.
Назализація 152, 167.
Наклоненіе 313.
Напряженность органовъ рѣчи 163, 188.
Нарѣчіе 37.
Небо мягкое 152, 154, 149; твердое 149; искусственное 155.
Неприличныя слова 300.
Нервная система языка 86.
Нервы ассоціативные языка 91.
Неслоговой звукъ 222.
Норвежскій языкъ 55.
Носовая полость 151.
Носовые звуки 209, 240.
Нѣмецкій языкъ 56, 377.
Нѣмота 96.
o 162, 174, 184, 214, 165.
ö 161, 165, 185, 166.
o̯ 167.
Обертоны 112.
Обособленіе 348.
Окрашиваніе языка или неба 155.
Округленіе губъ 151, 176.
Ономатопоэтическ. слова 276, 354.
Опредѣленіе звуковъ на практикѣ 217.
Оптическій центръ 89.
Органы слуха 133 слѣд.; рѣчи 140 слѣд.
Орѳографія 420, 428, 430, 427.
Осетинскій языкъ 51.
Оскскій языкъ 54.
Ослышка 265.
Османскій языкъ 72.
Основа 312.
Основная принадлежность 311.
Остромирово Евангеліе 59.
Отступъ звуковой 234.
p (п) 196, 203.
ph 190.
Падежи 313, 315, 320.
Палатализація 204, 200 слѣд.
Палатальные согласные см. Твердонебные.
Палатограммы 155, 160, 193 и пр.
Палеонтологія лингвистич. 392.
Пали 49.
Панини 49.
parricidas 402.
Парціальные тоны 112.
Патологія языка 96.
Пересказъ текста 411.
Перестановка звуковъ 264.
Персидскій языкъ 51, 318.
Пиктографія 77, 416.
Писанія, процессъ 97, 100; отдѣльными буквами 438; автоматическое 423, 430, 436; произвольное 100, 438.
Письмо 25, 95 слѣд., 50, 52 слѣд.; силлабическое 71, 416, 50; звуковое 417, 50, 52 слѣд.; фонетическое 236, 421; нормированное 427, см. Орѳографія; традиціонное 420; семитическое 71; образное 416; идеографическое 417, 419, 431.

Плавные согласные 205.
Пламя манометрическое 128.
Plattdeutsch 56. 377.
Подлежащее 303, 304.
Полабскій языкъ 57.
Полисинтетическіе языки 44.
Полнозвучность звуковъ рѣчи 221.
Польскій языкъ 57.
Порядокъ словъ 309, 328, 343.
Правописаніе 420; историческое 420, 433; этимологическое 421; обученіе правописанію 427 слѣд.; правила 433.
Пракритъ 49.
Пранародъ индоевропейскій 46; разселеніе его 395; культура его 397.
Прародина индоевропейская 394.
Праязыки 39, 45, 59; діалекты индоевроп. праязыка 47.
Предлоги 309, 326.
Предложеніе 302; неполное 303; безсубъектное 305; одночленное 305; отрицательныя 307; виды предложеній 307; придаточныя 307; ударенія предложеній 227, 309; ритмъ его 228; образованіе предложеній 335; возникновеніе новыхъ формъ предложеній 358.
Представленія языка 6, 7; слуховыя языка 6, 80, 93, 242; движеній органовъ рѣчи 6, 80, 243; оптическія письма 89; графическія 89; сложныя 76; расчлененіе сложныхъ представленій 76 слѣд., 303, 335.
Преувеличенія 299.
Префиксы 317.
Придыхательные согласные 190.
Прилагательныя 315, 322; производныя 324.
Принадлежности словъ 311 слѣд.; формальныя 311, 313, 355; основныя 311, 354; прирощеніе и утрата звуковъ ихъ 316, 354; формальныя принадлежности предложеній 328; усвоеніе дѣтьми принадлежностей языка 331; возникновеніе новыхъ принадлежностей словъ 354, 355.
Приступъ звуковой 234.
Продолжительность звуковъ 211, 231; слоговъ 232, 254.
Произношеніе 241; постоянство и однообразіе его 243; преподаваніе его 378.
Происхожденіе языка 384.
Прусскій (древнепрусскій) яз. 56.
Психологія языка (общественная) 5, 6, 17, 32, 76, 82 слѣд., 405 и друг.
Психофизика яз. прикладн. 100.
pf аффриката 191, 197.
Пѣніе 231.
r (р) 205, 215.
Разселеніе индоевроп. пранар. 395.
Раскаты 205.
Растяженіе замѣнительное 255.
Расширеніе значенія 295.
Резонаторъ 126, 168, 175; рта 158, 168 слѣд., 177, 183.
Реконструкція 19, 20, 65.
Реченія 301.
Ригведа 48.
Ритмъ рѣчи 228, 254.
Родство языковъ 19, 59.
Родъ 312, 314.
Роландова борозда 87.
Ротъ 149 слѣд.; какъ резонаторъ 168, 175; собственные шумы его 150, 158, 171, 175, 177.
Руны 55.
Русскій языкъ 58, 367; великорусскій 58; малорусскій 58, 367, 377; бѣлорусскій 58; общерусскій языкъ 38, 59, 104, 367, 377.
Рѣчь произвольная 100.
s (с) 194, 201.
Сакунтала 49.
Самообученіе языку 414.
Самоѣдскіе языки 72.

Санскритъ см. Индійскій языкъ.
Свистящіе согласные 194, 201.
Связка 322.
Связки голосовыя 143.
Семантическія звуковыя единицы 327, 329 слѣд.
Семасіологія 14, 16, 275.
Семитическіе языки 70, 40.
Сербскій языкъ 57.
Сіамскій языкъ 74.
Сила звуковъ рѣчи 108, 147, 188.
Сильвіева борозда 88.
Синтаксисъ 15, 308.
Синтезъ звуковъ рѣчи 124.
Сирійскій (новосирійскій) яз. 71.
Сказуемое 303, 81; психологическое 81, 304; граматическое 81, 304.
Скиѳскій языкъ 51.
Славянскіе языки 57.
Словарь 16; сравнительный словарь 20, 27, 36; этимологическій 36.
Словацкій языкъ 57.
Словинскій діалектъ 57; см. еще Словѣнскій и Словацкій языкъ.
Слово 275; ритмъ слова 233; ударенія слова 226; формальныя слова 309; сложныя слова 319, 353; образованіе словъ въ рѣчи 335; измѣненіе формъ словъ 339; возникновеніе новыхъ словъ 339, 351, 358; утрата словъ 359; значеніе слова 275, 311; звукоподражательныя слова 276; измѣненіе значенія слова 289.
Словѣнскій языкъ 57.
Слоговой звукъ 222.
Слогораздѣлъ 221.
Слогъ 220, 254; ударенія его 226; продолжительность 232.
Сложныя слова 319, 353.
Слуховыя косточки 135; слуховыя представленія см. Представленія.
Слухъ 133, 103.
Слѣпота языковая 98.
Смѣшеніе языковъ 259, 369.
Смычные согласные 189.
Собственный тонъ, шумъ 171 слѣд.
Согласные 186; звонкіе 146, 189; глухіе 146, 189; сильные, слабые 148; сонорные 205; шумные 150, 171, 186; долгіе 189, 232; твердые 197 слѣд.; мягкіе 193, 197 слѣд.; боковые взрывные 236; фаукальные 236; сочетаніе согласныхъ 237.
Сокращеніе слоговъ 233.
Сонорные звуки рѣчи 107, 187, 150, 205.
Составъ звуковъ рѣчи 212, 115 слѣд., 126 слѣд.
Спеціализація значенія 294.
Спинка языка 149.
Спиранты 189.
Списываніе 100, 437.
Spiritus asper 147, 234; lenis 234.
Сравнительная грамматика индоевроп. языковъ 18 слѣд., 28 слѣд.; романскихъ языковъ 30; славянскихъ языковъ 30; примѣры изъ сравн. грам. 65; сравн. степень 313.
Сравнительное языковѣдѣніе см. Языковѣдѣніе.
Среднеязычные согласные см. Твердонебные.
Сростаніе словъ 351.
Старославянскій языкъ 58; грамматики 30.
Степени сравненія 313.
Стихи 231.
Стоматоскопическ. изображ. 155.
Субституція звуковъ 266.
Сужденіе 79, 302.
Сумерійскій языкъ 69.
Сумерійцы 69.
Существительное 312, 320; производное 324.
Суффиксы 317, 311; производительные 360.
Съуженіе 150.

Сыну, сына 66, 340.
Сѣверногерманскій языкъ 53.
Сѣверорусскій языкъ 58, 367.
t (т) 194, 202.
t 194.
th придыхательное 190, 196.
th англійскія 194, 196.
θ, δ греческія 194, 196.
Таблица физіологическая гласныхъ 165; согласныхъ 210; развѣтвленія индоевроп. праязыка 62.
Такты рѣчи 228.
Татарскій языкъ 72.
Твердонебные согласные 192, 200.
Твердые согласные 197 слѣд.
Тембръ звуковъ рѣчи 112.
Темпъ рѣчи 231.
Tensor tympani 136.
Теорія волнъ 64; письма 416; языка 16.
Токъ выдыхаемый 140.
Толкованіе текста 401; юридическое 400; реальное 401 слѣд., 284; грамматическое 401.
Тонъ 112; высота тоновъ 109; побочные тоны 112; характерные тоны 172 слѣд.
Трахея 140.
Треугольникъ гласныхъ 166.
Труба наставная 150, 169.
Тунгузскіе языки 73.
Туранскіе языки 73.
Турецкій языкъ 72.
Тѣснина 150, 186, 190.
Тюркскіе языки 72.
u (у) 161, 185, 214, 158, 165.
ü 161, 165, 185, 166.
w, ў 197.
Uvula 148, 207.
Удареніе динамическое (экспираторное) 224, 309, 227; музыкальное 224, 309, 227; ударенія слова 226, 356; слога 225; предложенія 227, 309, 342.
Удвоеніе корня 317.
Удлиненіе замѣнительное 255.
Улитка уха 137.
Умбрскій языкъ 54.
Уподобленіе см. Ассимиляція.
Уралоалтайскіе языки 72.
Утрата звука 266; значенія 326; словъ 359; формъ словъ 359; формъ синтаксическихъ 361.
Ухо 122, 133.
f (ф) 196, 203.
Фальцетъ 146.
Фаукальные согласные 236.
Физіологія языка 85, 133, 140.
Физическая акустика звуковъ рѣчи 106.
Филологія 2, 391.
Философія языка 16, 32 слѣд.
Финскій языкъ 72.
Флективные языки 43; флективный строй 311, 312.
Фонетика 15; общая 17, 34, 102 слѣд.; описательная 15, 35; историческая 15, 21, 28, 65; экспериментальная 105, 152; сравнительная 20, 65.
Фонетическія измѣненія звуковъ 241 слѣд.
Фонограммы 132, 129, 213—215.
Фонографъ 123, 132, 414.
Формальныя категоріи словъ 320, 358; см. Принадлежн. словъ.
Форманты гласныхъ 172, 184.
Формы словъ 311, 359: синтаксическія 308, 310, 338; словообразовательныя 312; лица въ глаголѣ 314; измѣненіе значенія формъ словъ 325; формы предложеній 328, 309, 341, 358.
Fortis (сильный звукъ) 109.
Фризскій языкъ 56.
Фрикативные согласные 189, 190, 192, 193, 194, 196, 197 слѣд.
χ (х) 192, 193, 200.
Халдейскій языкъ 70.
Хамитскіе языки 72, 40.
Характерные шумы см. Шумы.

Хеттитскій языкъ 52.
Хрящикъ перстневидный 142; щитовидный 142, 148; пирамидальные хрящики 143.
ц 196, 191.
Центры нервные языка 86 слѣд.; графическій 89; двигательный органовъ рѣчи 89; слуховой 89, 90; оптическій 89; различія въ функціяхъ ихъ 90.
Церебральные согласные 194.
Церковнославянскій языкъ 58.
Circumflexus 225, 226.
ч 191, 196,
Челюсть, нижняя 151, 154.
Чередованіе 317, 330.
Чешскій языкъ 57.
Число 312, 314.
Членъ опредѣленный 279.
Чтеніе 95, 98, 424, 431; безсмысленн. 100; обученіе 424.
Что 67.
Чувствованія 94, 281, 387,
š (ш) 195, 202, 215, 223.
Шахнаме 51.
Шведскій языкъ 55.
Шепотъ 147.
Шипящіе согласные 195, 202, 215.
Шлейхеръ 29.
Шотскій языкъ 55.
Шумные звуки рѣчи 107, 123, 186 слѣд.
Шумы 119, 147, 150; характерные 150, 168, 170, 186, 197 слѣд.; высота ихъ 171, 173, 178 слѣд., 197; происхожденіе ихъ 177, 150, 187.
ъ 168, 232.
ы 163, 239.
ь 168, 232.
Эсперанто 381, 383.
Этимологія 16, 14, 421; народная 345, 354.
Этнологія 398.
Этрусскій языкъ 75.
Эѳіопскіе языки 72.
Юриспруденція 399.
Языковѣдѣніе 1, 2, 3, 8 слѣд.; цѣль изученія его 1, 2; прикладное 2, 3, 390 слѣд.; исторія языковѣдѣнія 25 слѣд.; методы 18; отношеніе его къ другимъ наукамъ 8, 9, 11 слѣд.; отдѣлы его 14, 15, 23; общее языковѣдѣніе 16, 18, 19, 32 слѣд.; сравнительное 3, 4, 18.
Языкознаніе 3.
Языкъ 37; (органъ) 149, 154; сущность языка 1, 4, 6, 7; происхожденіе языка 1, 23, 40, 384; наружный и внутренній 5, 85; изученіе его 2, 18, 406; родство языковъ 19, 39; исторія языковъ 22 слѣд.; сравнительно - историческое изученіе языковъ 28 слѣд.; звуковой языкъ 77, 4; смѣшанный 259, 372, 376; общенародный 38, 369, 375; письменный языкъ 369; вымираніе языковъ 372; искусственный 375, 378; тайные языки 379; всемірные языки 379; зрительные языки 77, 4, 388, 416 слѣд.; писанный языкъ 416, 93 слѣд., дѣтскій 77.
Язычекъ 149.
Якутскій языкъ 72.
Японскій языкъ 74.
е 267, 371.
h 197, 147.

Инв 40989

Віцебск... ...ІРКАВІ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Лингвистическія изслѣдованія. 1887. Цѣна 1 руб.

Историческая грамматика современнаго армянскаго языка г. Тифлиса. 1890. 2 р. 50 к.

Отвѣтъ на рецензію на Ист. граммат. 1891. 10 к.

Къ фонетикѣ говора польскихъ армянъ. 1899. 20 к.

Винительный падежъ прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ русскомъ языкѣ. 1902. 30 к.

Къ синтаксису и семасіологіи русскаго языка. 1903. 60 к.

Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія. 1903. 1 р. 25 к.

Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. 1904. 30 к.

Фонетическіе этюды: I. Гласные въ акустическомъ отношеніи. II. Русскіе ударенные гласные. III. Дифтонгъ *ы* въ русскомъ и старославянскомъ языкахъ. 1905. 50 к.

Необходима реформа не правописанія а преподаванія правописанія. 1905. 25 к.

Родительный—винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ. 1908. 50 к.

Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. п. въ слав. яз. Приглагольный род. п. въ праславянскомъ языкѣ. 1909. 20 к.

Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. п. въ славянскихъ языкахъ. Сходныя явленія въ другихъ языкахъ. 1909. 30 к.

Складъ изданій въ Одессѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» А. С. Суворина.